ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ



УЧПЕДГИЗ
1949

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПОСОБИЕ
ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. П. ГРАЦИАНСКОГО
И
С. Д. СКАЗКИНА

ТОМ
I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА 1949

ОТ РЕДАКЦИИ

Второе издание «Хрестоматии по истории средних веков», выпускаемое в свет, существенным образом отличается от первого издания 1938—1939 гг. Пересмотрен и несколько расширен самый состав публикуемых документов. Дана документация по истории взаимоотношений между Русью и Западом (II и III томы). Значительно пополнены разделы по истории славян и по истории культуры. Некоторые большие по размеру документы сокращены или даны в кратких выдержках, для того чтобы учитель мог их использовать с меньшим трудом.

Пересматривая и пополняя состав документов, редакция исходила из того, что учитель будет пользоваться хрестоматийным материалом не только для непосредственной работы в классе и школьном внеклассном кружке, но также и для углубления собственных знаний. В подобном углублении знаний будет нуждаться не только учитель, работающий в школе, но и студент педвуза и учительского института, готовящий себя к педагогической работе в будущем. Поэтому многие документы первостепенной важности, несмотря на то, что их уяснение сопряжено с известными затруднениями, даны полностью. В таких случаях мы снабжаем их соответствующим комментарием (см., например, «Земледельческий закон» в разделе «Византия», том первый, или «Законник короля Стефана Душана» в томе втором).

Второе важное изменение, внесенное нами в хрестоматию, заключается в том, что редакция заменила прежние введения чисто исторического характера новыми, в которых истолкование документов соединено с общими методическими советами в отношении использования этих документов.

Когда выпускалось первое издание данной хрестоматии, еще не были изданы учебники ни для школы ни для высших учебных заведений. Отсутствием учебников в то время и обусловливалась необходимость предпослать каждому тематическому разделу хрестоматии краткое введение, содержащее общую характеристику эпохи.

Теперь, когда и средняя, и высшая школа располагают соответствующими учебниками, в прежних исторических введениях нет нужды. Новые методические введения дают, во-первых, толкование содержания документов того или иного раздела, а во-вторых, они указывают, где, когда и как лучше использовать определенный документ в работе учителя (урок, внешкольная работа, частная иллюстрация в устном рассказе учителя, материал для ученического доклада и т. д.).

Эти введения являются плодом совместной работы специалистов и методистов. В их составлении принимали участие московские методисты: Ю. А. Бер, кандидаты педагогических наук М. А. Зиновьев и Д. Н. Никифоров и кандидаты исторических наук В. А. Александров, Ю. А. Корхов, В. А. Немировский, аспирант Г. И. Трайнина и кандидат исторических наук А. Д. Эпштейн.

Редакцию первого тома вместо безвременно погибшего профессора Н. П. Грацианского взял на себя проф. А. И. Неусыхин. Редакция второго и третьего тома принадлежит мне. Большую помощь в редакционной работе и в подыскании новых документов оказал доцент А. Д. Эпштейн, за что приношу ему здесь особую благодарность.

С. Д. Сказкин

О РАБОТЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

I

Характеризуя постановку преподавания истории в дореволюционной гимназии, известный в России методист Я. Кулжинский писал:

«Обычно учитель описывает ученикам исторические события, излагает необходимые данные и сам же делает все соответствующие выводы, разъясняет возможно лучше урок и задает ученикам разъясненное выучить по учебнику. Ученику остается только заучить текст учебника, запомнить рассказ учителя и потом jurare in verba руководства или руководителя»[1].

Это была типичная для дореволюционной средней школы картина преподавания истории. Но даже тогда эта система преподавания, обрекающая ученика на механическое запоминание изложенного, вызывала оппозицию. Лучшие представители исторической науки и преподаватели истории выступили с решительной критикой приемов механического заучивания: они требовали такого преподавания, которое давало бы ученикам понимание исторических событий и сознательное усвоение основных моментов исторического процесса. Для этого рекомендовалось знакомить учеников с историческими источниками, применять в преподавании исторические документы, и так как в школе могли быть использованы только простейшие образцы документов и преимущественно в отрывках, то стали появляться на свет собрания исторических документов в виде хрестоматий. Так, для занятий историей средних веков была выпущена хрестоматия под ред. проф. Егорова «Средневековье в его памятниках», а также «Хрестоматия по древней и средней истории» Кулжинского и Нейкирха, «Хрестоматия по новой истории» проф. Ардашева и др.

Воспитательное и образовательное значение исторического документа очень велико. Документ является частичкой прошлых исторических эпох. В его создании принимали участие люди, жившие при иных, чем у нас, общественных отношениях. У этих людей была другая психология, другой взгляд на жизнь, чем у нас, они по-иному мыслили. И поэтому, когда ученик прочитывает документ и схватывает его содержание, он переживает прошлое: перед его глазами встают давно ушедшие понятия и образы. Особенно яркое представление о прошлом возникает у ученика в тех случаях, когда удается соединить чтение документа с объяснениями учителя и показом соответствующих зрительных образов (картин). Тогда мы смело можем сказать, что встречающаяся среди учащихся еще и в настоящее время модернизация (осовременивание) исторических событий уже не будет иметь места. Образы прошлого займут прочное место в сознании учащихся. И если преподавателю удастся создать последовательный ряд понятий и образов, освещающих в хронологическом порядке смену исторических эпох, то у ученика при соответствующих объяснениях учителя будет выработано понимание исторического процесса. Поэтому привлечение исторических документов к преподаванию истории находило очень много горячих сторонников среди преподавателей.

---

[1] Кулжинский, Опыт методики систематического курса истории, 1913, стр. 109.

В 1863 г. проф. Стасюлевич высказал мысль, что для исторического развития учащихся имеет гораздо большее значение непосредственное знакомство с источниками исторического знания — документами, чем изучение учебника. Он поэтому предложил вести занятия по истории по так называемому «реальному» методу — методу, основанному на изучении исторических документов. С этой целью проф. Стасюлевич составил и выпустил в свет три тома «Истории средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых».

Горячим сторонником построения занятий по истории на основе изучения исторических документов был также известный историк Н. Рожков. В 1901 г. он писал о том, как надо изучать с учащимися историю Московского государства XVI в. по писцовым книгам. «Откроем перед ними,—писал Рожков,— итоги писцовой книги по Московскому стану Коломенского уезда, составленной в 1576—1578 гг. Пусть они сосчитают, это тоже их заинтересует, и увидят, что ...около двух третей всей территории стана было под поместьями и монастырскими землями...».

Этот вывод пусть ученики сделают сами; преподаватель не должен делать априорных утверждений. Помимо этого, Рожков предлагал сделать путем анализа документов ряд самостоятельных исследований и выводов. Работа, по его мнению, должна заканчиваться составлением конспекта, содержание которого выучивается. По мнению Рожкова, занятия по документам пробуждают в учащихся «жгучий интерес» к истории. При такой системе занятий учащимся нужно давать очень краткий учебник — конспект для заучивания только самых важных фактов. Большую же часть знаний по истории ученики должны приобретать путем самостоятельной работы над документами.

Стремление добиться в максимальной степени самостоятельной творческой работы на основании исторических документов привело некоторых преподавателей истории к отрицанию руководящей роли учителя во время урока и к организации так называемых лабораторных занятий при изучении истории. Эту точку зрения излагали в своих работах М. Н. Коваленский и А. Ф. Гартвиг.

Придавая работе над документами важное значение, в особенности в наше время, когда основной задачей учителя является воспитание в учащемся марксистско-ленинского мировоззрения, мы, однако, не можем согласиться с теми крайними преувеличениями, какие допускали в своих методических работах Стасюлевич, Рожков, Коваленский, Гартвиг и другие. Ведь исследовательская работа над документами требует много времени, специальных знаний и навыков. Чтобы построить на основании документа какой-либо подлинно научный вывод, нужно, во-первых, владеть всей системой понятий, лежащих в основе марксистско-ленинской методологии истории; нужно, во-вторых, иметь представление о технике исторического исследования, т. е. подвергнуть документ специальной исторической критике, сопоставить утверждения документа с другими данными, пополнить свои выводы громадной исторической литературой. Поэтому строить все преподавание истории в школе на основе так называемого «метода документации» или «реального метода» невозможно. Но можно и нужно привлекать исторический документ и как необходимый момент в подготовке учителя к уроку, и как вспомогательное средство к основным источникам исторического знания учащихся, т. е. к рассказу учителя и к учебнику, и особенно — как важное средство исторического образования — к работе в кружке, при разработке отдельных тем для докладов как в классе, так и на собрании кружка.

В обычной же школьной работе систему знаний по истории дает ученику учитель и учебник, а документ призван лишь углублять, конкретизировать и придавать приобретаемым учеником знаниям живую изобразительность, понимание своеобразия исторической эпохи и лишь очень элементарно знакомить с некоторыми методами исследования, применяемыми в исторической науке.

Объем и характер таких «исследований» будет показан ниже.

II

Ученый-историк видит в документах источник, из которого он черпает материал для своих научных построений. Ученого-историка интересуют в документе его содержание, его достоверность, важность его для решения тех вопросов, которые стоят перед ним. Все эти качества документа имеют не меньшее значение и для школьного преподавателя истории, в особенности, когда он хочет углубить свои знания, и в этом важное значение хрестоматии. Тем не менее в школьном преподавании у преподавателя может и должно быть несколько иное отношение к документу.

Ученик не может подвергать документ исторической критике, устанавливать тот круг вопросов, который может быть разрешен при посредстве разбираемого документа, определять подлинность документа и достоверность сообщаемых документом фактов. Поэтому для школьных занятий, обычно, привлекаются документы, не вызывающие сомнений в правильности утверждаемых фактов. Преподавателя, когда он пользуется документом на уроке, интересует в привлекаемом документе его изобразительная сила, красочное описание исторических событий. Документ нужен преподавателю не для первичного установления исторического факта — учащемуся излагаются в рассказе учителя и в учебнике только факты, твердо установленные в науке и не нуждающиеся в каких-либо дополнительных доказательствах. Документ нужен преподавателю прежде всего для иллюстрации, для создания реальных представлений у учащихся. Поэтому преподаватель пользуется в первую очередь документами повествовательного характера, в которых ярко излагаются исторические события, развертывающиеся в определенной последовательности. Таким документом, например, является выдержка из хроники, посвященной «Образованию Ланской коммуны и борьбе за нее горожан в начале XII века». К этой группе документов следует отнести отрывки из работ древних историков в той их части, которая признана наукой как заслуживающая доверия: Цезаря, Тацита, Плиния и др., отрывки из летописей, хроник, многих мемуаров, одним словом, такие документы, которые для ученого-историка в большинстве случаев оказываются второстепенными, так как описание исторических событий в них неизбежно окрашено классовой точкой зрения автора и его личными симпатиями и антипатиями. Поэтому преподаватель избирает отрывки, не возбуждающие сомнений в правдивости и воспринимаемые учащимися как достоверный факт. Такие документы преподаватель либо пересказывает своими словами, либо цитирует их, или же предлагает учащимся сделать сообщение (доклад) по содержанию документа.

Нельзя, однако, думать, что другие виды документов, кроме повествовательных, не могут быть использованы в классных занятиях. Следует остановиться на той группе документов, которые относятся к типу экономических и юридических распоряжений, говорящих непосредственно о хозяйственной и правовой деятельности данного времени, о быте и нравах той или иной эпохи. Сюда нужно отнести знаменитые «варварские правды», капитулярии, формулы, описи земель, постановления, пожалования, привилегии, хартии, статуты и др. Для ученого историка они представляют как источник наибольшую ценность и имеют первостепенное значение. Но для понимания учеников они особенно трудны. В повествовательных документах автор в меру своих сил старался изложить ясно, понятно и даже красочно описываемые события, тогда как в документах второго типа преобладает деловой, сухой язык, лишенный яркой изобразительности, и определяется отношение между людьми в таких терминах эпохи, которые подчас трудно разгадать; во многих случаях существуют даже различные толкования некоторых терминов, подвергавшихся тщательным исследованиям в течение ряда лет. Трудные для понимания учащихся статьи и разделы документов нецелесообразно привлекать к изучению в школе. Встречающиеся же термины следует давать в одном толковании, не упоминая о других. Однако огромное значение таких документов для науки делает работу над ними в школе хотя и трудной, но особенно привлекательной.

В методах использования хозяйственных и юридических документов возможно большое разнообразие в зависимости от уровня развития и подготовленности учащихся и характера привлекаемого документа.

Если преподаватель привлекает документ, рисующий быт и нравы общества, то при этом надо процитировать отрывок из документа в классе, разъяснить его и нарисовать по документальным данным яркую бытовую сцену из истории той эпохи, к которой относится документ. Поясним сказанное примерами. Предположим, преподаватель знакомит учащихся с теми переменами, которые произошли в жизни Европы под влиянием варваров после падения Западной Римской империи. Преподаватель зачитывает в классе отрывок из «Салической Правды» (титул LIII—«О выкупе руки от котелка»)[1]: «Если кто будет присужден к испытанию посредством котелка с кипящей водой, то стороны могут прийти к соглашению, чтобы присужденный выкупил свою руку и обязался представить соприсяжников. Если проступок окажется таким, за какой, в случае улики, виновный по закону должен уплатить 600 денариев, что составляет 15 солидов, он может выкупить свою руку за 120 денариев, что составляет 3 солида».

Преподаватель при этом должен нарисовать картину суда: судьи выносили приговор не на основании собственного убеждения, сложившегося в результате рассмотрения всех доказательств виновности или невиновности обвиняемого, а на основании того, что показывает, по их мнению, божество.

Как происходила процедура испытания во всех подробностях, мы не знаем. Вероятно, так: если руку опустить в кипящую воду и тотчас же ее вынуть и после этого рука скоро и без осложнений заживет, значит бог доказывает невиновность обвиняемого. В случае важных обвинений, возможен был «суд божий», т. е. поединок обвиняемого и обвинителя. Победитель считался правым, побежденный — виновным.

Документы хозяйственного и правового содержания позволяют внести в занятия историей исследовательские моменты; примером такого исследования может быть такое занятие: преподаватель или ученик по поручению преподавателя прочитывает в классе следующие названия титулов из «Салической Правды»: титул II — «О краже свиней», титул III — «О краже рогатых животных», титул IX — «О вреде, причиненном ниве или какому-либо огороженному месту», титул X—«О краже рабов», титул XXVII — «О различных покражах», титул XXXIV—«О покраже изгороди», титул XXXVIII—«О конокрадстве» и др. После того как эти названия будут прочитаны, преподаватель ставит вопрос: «О чем свидетельствуют многочисленные и подробно разработанные статьи, предусматривающие наказания за кражу?» Преподавателю следует добиваться от учащихся ответа приблизительно такого: «В обществе теперь вместо коллективной собственности, существовавшей при первобытно-общинном строе, устанавливается частная собственность, складывается новый господствующий класс собственников, который стремится в законодательном порядке охранить свои права собственности и наказать нарушителей этих прав».

После этого преподаватель задает вопрос о том, какие виды собственности охраняются тщательнее всего. Ответ дается на основании прочитанных названий титулов. В случае затруднения учащихся при ответе на поставленный вопрос, преподаватель медленно и подчеркнуто повторяет названия некоторых титулов (II, III, IX, XXXVIII и др.). От учащихся требуется получить ответ, что охраняется почти исключительно сельскохозяйственная частная собственность, что вполне естественно, так как «Салическая Правда» складывалась в условиях почти полного натурального хозяйства. Разобрав этот вопрос, преподаватель выясняет, что наказание имело целью возместить материальный ущерб. Природа преступления при различных сопровождающих преступления обстоятельствах вовсе не принималась во внимание. Для доказательства этого преподаватель сопоставляет из титула II параграф 1 и параграф 5 (за кражу поросенка взыскивается 3 солида, а за двухгодовалую свинью — 15 солидов). Можно привести и другие статьи.

---

[1] См. стр. 111.

Таким образом, преподаватель показывает учащимся, как можно на основании скупых формулировок документа сделать выводы об общественном устройстве франкского, а стало быть, и всякого другого общества, находящегося на той же ступени развития.

Преподаватель может также из документов путем их сопоставления почерпнуть материал для разъяснения основных понятий марксистско-ленинской методологии истории, как-то: натуральное хозяйство, первобытно-общинная структура общества, феодализм и т. д., конечно, в самой простой и доступной для учащихся форме наглядного представления о хозяйстве, рисуемом словами и представлениями документа.

Подобным образом анализируя с учащимися исторические документы, преподаватель показывает учащимся природу феодального поместья на основании капитуляриев Карла Великого и полиптика аббата Ирминона, а также других документов. Словом, хозяйственные и юридические документы, отражая определенный момент в развитии общества, дают возможность преподавателю обогатить представления учащихся об историческом прошлом основными понятиями и конкретными образами. Одновременно с этим применение исследовательских моментов в занятиях с документами учит детей правильному историческому мышлению.

Применение исторических документов в школе может быть плодотворным только в том случае, если учащиеся подготовлены к восприятию документа. Эта подготовка складывается из нескольких моментов:

1. Преподаватель, намереваясь использовать документы, рассказывает учащимся о том, откуда наука истории черпает свой материал, что такое исторические документы и какое значение тот или иной документ имеет для науки.

2. Преподаватель должен разъяснить учащимся ту историческую обстановку, при которой появился данный документ.

3. Преподаватель предварительно до чтения документа дает краткую характеристику привлекаемого отрывка из документа и то, что мы можем узнать из него.

В школьной практике, к сожалению, исторические документы используются сравнительно мало. Это объясняется не только малым числом исторических хрестоматий и других собраний документов, но также и тем, что преподаватель часто не находит времени для применения документа. Работа с документом требует от преподавателя специального времени и на собственную подготовку и на подготовку учащихся к восприятию документа, к чтению и пересказу документа и пр. Поэтому преподаватель часто отказывается от использования документа, что является грубой методической ошибкой. Заученные учеником конспективно изложенные фразы из учебника, не сопровождаемые конкретными представлениями, не являются подлинным знанием истории. Это формальные знания. Подлинные же знания истории как науки вытекают из исторических документов. Поэтому и в школьном преподавании хотя и трудно преподавателю выкроить время для работы с документами, тем не менее он обязан это сделать, иначе его работа будет рассадником формализма в знаниях учащихся.

Недостаток времени в классе требует от преподавателя перенесения части работы с документами на домашнюю работу учащихся. Формы домашних заданий учащимся могут быть самыми разнообразными. В качестве примера они могут состоять: 1) либо из письменного и устного изложения повествовательного документа; 2) либо из чтения и изложения некоторых статей из какого-либо хозяйственного или правового документа (например, из капитулярия Карла Великого — параграфы, характеризующие натуральный характер поместного хозяйства, причем можно привлекать не все параграфы, чтобы не перегружать учащихся работой, а только некоторые, наиболее интересные); 3) либо из сопоставления нескольких документов, в результате чего ученик должен ответить на заранее поставленный вопрос, например, какое значение имело сельское хозяйство у варваров-германцев на основании данных, сообщаемых Цезарем и Тацитом? Возможна работа и иного порядка. Например, на основании показаний документа начертить на кон-

турной карте области, занятые галлами, и области, занятые германцами, и т. д.

Кроме этих заданий для всего класса, преподаватель может предлагать учащимся индивидуальные задания, например, составить рассказ на основании какого-либо повествовательного документа (например, «Образование Ланской коммуны и борьба за нее горожан в начале XII в.» или «Записки Диаса о Мексике» и др.). Разбор и изучение документа и доклад на основании этого изучения может быть поручен двум или нескольким ученикам. Иногда, при достаточно высоком развитии учащихся, доклад может строиться на основе двух и более документов. Например, путем анализа статей «Статута парижских ткачей шерсти XIII в.» (документ 20), «Устава 1345 г.» франкфуртских сукноделов (документ 21) и документа 23 «Шелкопрядильщицы» ученику предлагается такая тема: «Меры, принимаемые ремесленными цехами для борьбы с конкуренцией».

Таким образом, преподаватель, используя документы в работе учащихся в классе и дома, с бо́льшим успехом сможет пробудить у учеников интерес к истории. Он обогатит их конкретными историческими представлениями, подведет их к основным историческим понятиям и тем самым будет способствовать воспитанию у учеников подлинного марксистского понимания истории. Правильному в методическом отношении использованию исторических документов в школьных занятиях принадлежит важная роль в историческом образовании учащихся.

М. А. Зиновьев

Древние славяне

Введение

В данном разделе сосредоточены документы, характеризующие раннюю историю славян и ту роль, которую они играли в истории средневековой Европы.

Зарубежная буржуазная наука, проникнутая реакционными политическими тенденциями, постоянно изображала и продолжает изображать (как в отдельных монографиях, так и в школьных учебниках) славянские народы как варваров, неспособных к культурному развитию и к созданию независимых государств, варваров, будто бы испытывающих необходимость в организующей деятельности каких-либо иноземных пришельцев. Вся история славянских народов полностью опровергает эти клеветнические и фальсификаторские измышления буржуазных историков. Исходя из своей предвзятой теории, эти историки, с одной стороны, всячески выдвигают на первый план германцев и кельтов, как бы забывая об исторических судьбах Восточной Европы, а с другой стороны, всеми силами препятствуют выяснению истинной роли славянских народов.

В прежних публикациях источников, освещавших историю раннего средневековья, преимущественное внимание уделялось германцам, тогда как история славян либо вовсе игнорировалась, либо искажалась: документы, повествующие о выдающемся значении славян, об их роли в судьбах Европы, в особенности Центральной и Восточной, зачастую истолковывались совершенно превратно.

Предлагаемый подбор источников ставит своей основной целью помочь учителю уяснить выдающееся значение славянских народов, которые оказали огромное влияние на развитие феодальных отношений в Византии и на экономическое и культурное развитие Центральной Европы.

Еще Энгельс подчеркивал, что культурная полоса античности была «разорвана и смята немцами и славянами», то-есть что германцы и славяне своим общественным строем внесли новую, живительную струю в развитие Европы. Славяне «омолодили» ту территорию, которая входила в состав Восточно-Римской империи.

Вторжение славян в Восточно-Римскую империю и заселение ими Балканского полуострова обусловили собою важнейшую причину образования нового, качественно своеобразного экономического и политического единства — Византии.

* * *

Первые три документа содержат наиболее ранние известия о славянах. Римляне, ведя длительные войны с Германией, узнали и о «венедах», которые примыкали на востоке к германским племенам. Возможно, что источником этих сведений служили рассказы купцов, ездивших за янтарем на побережье Балтийского моря. Скудость этих ранних известий о славянах по сравнению с известиями о германцах (например, у Тацита) объясняется отдаленностью славянских областей от Римской империи. Характерно, что Тацит колеблется, куда причислить венедов: к сарматам или к германцам. Учитель может процитировать в классе указание на то, что венеды занимают

огромную территорию между певкинами и финнами, то-есть от Карпат до Балтийского моря, и ведут оседлый образ жизни.

Документы 4а и 4б свидетельствуют о географическом размещении славян более подробно, в них ярко подчеркивается единство венедов, антов и склавинов как трех ответвлений, в дальнейшем положивших начало разделению славян на западных, восточных и южных. Основываясь на текстах Иордана, учитель имеет возможность в классе подчеркнуть общность происхождения братских славянских народов.

Документ 4в — о борьбе готов с антами и гуннами — интересен указанием на объединение (под одной общей властью) огромных масс славян уже в IV в. Наименование вождя славян — Божа — царем (rex) позволяет сделать вывод, что по соседству с готским государством Германариха существовало антское государство Божа.

Учитель может использовать данный факт как документальное подтверждение того, что славяне стояли на той же ступени развития общественных и политических отношений, как кельты и германцы. Столь же важно и то обстоятельство, что первые славянские государства (как это явствует из документа) возникали не при содействии чужеземных соседей, а в противовес им, и стойкость этих ранних государственных объединений славянства испытывалась именно в борьбе с иноземными пришельцами.

Документы 5 (а, б, в, г) повествуют о первых вторжениях славян на территорию Восточно-Римской империи.

Основываясь на приводимом здесь материале, учитель имеет возможность в своем рассказе подчеркнуть, что вторжения славян на территорию Восточно-Римской империи отнюдь не носили характера кратковременных грабительских набегов, а представляли огромные по масштабу предприятия, имевшие своей целью не только увод в рабство жителей и захват добычи, но и отвоевание новых земель для поселения. Источник подчеркивает осознание славянами собственной силы и чрезвычайно широкий размах самых вторжений: «Славяне причинили по всей Европе неслыханные бедствия, грабя эти местности не просто набегами, но зимуя здесь, как бы в собственной земле, не боясь неприятеля».

Оседание славян на завоеванной территории убедительным образом отображено в *документе 6*, который ценен еще и тем, что содержит в себе признание военного превосходства славян. Злобный тон автора вызван его страхом перед славянами.

Упомянутые документы преподаватель может использовать главным образом для своей собственной подготовки к уроку, но отдельные детали описаний целесообразно зачитать или пересказать в классе. Учитель может подчеркнуть, что славянское войско наголову разбивало отборные отряды византийской конницы и что даже 15-тысячная императорская армия не решалась подойти на близкое расстояние к устрашавшему ее отряду славян. На уроке может быть использован и красочный отрывок об осаде и взятии славянами города Топер (конец документа *5б*). Во внеклассной работе учеников данные документы могут послужить основанием для подготовки учеником сообщения на тему: «Военное дело и тактика древних славян».

Особенно ясно говорит о целях славянских вторжений *документ 7:* славяне осаждали Солунь, «имея при себе свои семьи с хозяйством, в том намерении, чтобы по взятии города поселиться в нем». Учитель вправе сделать вывод о том, что славяне и до своего прибытия на Балканский полуостров селились не только в деревнях, но и в городах. Учитель также вправе сопоставить упоминание об однодеревках славян, осаждавших Солунь, со сведениями о лодках у русских, описание которых хорошо известно хотя бы по Константину Багрянородному. Переходя к рассказу об образе жизни древних славян, учитель, напомнив о едином происхождении славянских народов, может построить свое изложение в плане сравнения отдельных черт быта, общественного строя, военной тактики и религиозных верований у славян и антов, описываемых Прокопием, и у полабских славян (документы 15—24).

Несмотря на то, что известия о балтийских славянах относятся к более позднему времени, вполне допустимо привлечение некоторых из них для

рассказа о жизни и быте древних славян, так как в этих позднейших свидетельствах отразились явления, уходящие своими корнями в далекое прошлое. Вряд ли имеет смысл полностью зачитывать в классе знаменитое описание антов, данное Прокопием Кесарийским (документ *8а)*. Процитировав и пояснив первую фразу, учитель может остальной текст кратко изложить собственными словами, а затем уже более подробно рассказать об отдельных сторонах быта, привлекая источники более красноречивые и определенные. Так, например, поясняя ученикам сущность народоправства у славян, целесообразно процитировать отрывок из Титмара Мерзебургского о народном собрании у лютичей (документ *22б,* второй абзац); говоря о религиозных воззрениях и обрядах, уместно дополнить краткие данные Прокопия цитатами из Гельмольда и из «Жизнеописаний Оттона Бамбергского» (документы *23б* и *24б).*

Можно прочесть в классе описание наружности антов, данное Прокопием, и сравнить его с описанием славян, пришедших с Балтийского моря (документ 13б). Оба эти документа помогут преподавателю сделать вывод, что славяне производили глубокое впечатление на византийцев. Особенно следует подчеркнуть исключительную выносливость славянских воинов, их беспредельную смелость, презрение к физическим страданиям и смерти. В качестве примеров могут быть использованы факты из документов *8б, 8в,* 10, 11*а*.

Напомнив ученикам, что большинство известий о славянах исходит от их врагов (византийцев или немцев), учитель может подчеркнуть, что честность и хорошие внутренние качества славян не отрицались даже их врагами. В данном случае будет вполне оправданным сопоставление слов Прокопия («славяне — неплохие люди, совсем незлобные») с отрывками из Гельмольда и Герборда (документы *23а* и *24д*).

Документ 8в наглядно показывает, как высоко ценили византийцы боевые качества антских воинов: анты лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах. Ученики могут заинтересоваться тем, что славянские дружины принимали участие в войнах, происходивших в Италии. Тогда учитель может воспользоваться *документом 9* и, прочтя этот небольшой документ целиком, пояснить, что славяне проникали в Италию не только как наемные отряды, воюющие на стороне византийского императора, но и по собственному почину вторгались в Италию, так же, как и в Восточно-Римскую империю, домогаясь плодородных земель и мест, удобных для поселения.

Полностью использовать в классе *документ 10*, несмотря на его исключительную важность, нецелесообразно, так как он слишком обширен; к тому же многие указания документа были бы неправильно поняты учащимися без подробного объяснения учителя. В некоторых сообщениях Псевдо-Маврикий противоречит самому себе. Так, например, утверждение о том, что славяне ведут «бродячую жизнь», полностью опровергается его же сообщениями о развитом земледелии у славян: «У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы». Поэтому следует ограничиться прочтением в классе лишь первых абзацев этого документа. Уместно также подчеркнуть свободолюбие славян, их ненависть к рабству, гуманное отношение к военнопленным, высокий нравственный облик славянских женщин. Можно в классе привести и отрывок, рассказывающий об искусном умении славян маскироваться, прячась в воде и дыша через камышовые трубки, выдолбленные внутри. Это заинтересует учащихся и значительно оживит рассказ учителя.

Что же касается всего документа в целом, то учитель, ставя доклад в кружке или поручая ученику подготовить небольшое выступление в классе, может использовать весь текст. Однако, рекомендуя материал из Псевдо-Маврикия, учитель вправе предложить ученику критически разобраться в сообщениях этого автора и сравнить их с данными других документов, помещенных в хрестоматии. Когда, например, учитель предлагает учащимся сделать доклад на тему: «Военное дело и тактика древних славян», то он может, ради воспитания навыка самостоятельной работы и критического отношения к историческому источнику, предложить ученику ответить на ряд во-

просов. Например: верны ли сообщения Псевдо-Маврикия о том, что славяне не признают военного строя и неспособны сражаться в открытом поле? Верно ли утверждение, что славяне избегают битвы на ровной местности? Отсылая ученика к документам 5, 6, 7, 8*а*, 8*в*, в которых описываются впечатления современников о военном искусстве славянских воинов, о кавалерийских сражениях, выигранных на равнинах, о планомерной осаде городов, учитель поможет ученику самостоятельно ответить на данные вопросы.

Документ 11а имеет вспомогательное значение. Тем не менее из него можно почерпнуть яркий пример стойкости славянских воинов, которые, попав в плен и будучи подвергнуты пыткам, молча переносили мучения. Желательно, чтобы, воспользовавшись этим отрывком, учитель воссоздал образ стойкого, мужественного, свободолюбивого славянского воина.

Документ 11б важен для характеристики военного дела у славян. Особенный интерес представляет собой описание «лагеря из повозок», как чисто славянской формы борьбы с неприятелем. Гроза и ужас феодальных крестоносных ополчений во время гуситских войн, так называемый «вагенбург» таборитов, как показывает отрывок из Феофилакта Симокатта, имел свой прообраз еще в тактике древних славян. Этот факт полезно отметить в рассказе учителя.

Всю группу *документов 12—19*, отражающую взаимоотношения славян с аварами, разумеется, совершенно невозможно использовать на занятиях в классе, хотя некоторые отдельные отрывки и могут быть процитированы на уроке. Для внеклассной самостоятельной работы ученика документы этой группы должны рекомендоваться учителем с большим отбором, так как многие из них (например, документ 14*а*, рассказывающий об образовании государства Само) в силу своей сложности и противоречивости могут быть неправильно поняты учащимися.

Центральное место в этой группе документов занимают сообщения франкского историка Фредегара о государстве Само и отрывки из каролингских источников, рассказывающие об окончательном поражении, которое нанесли аварам славяне в союзе с франками. Предшествующие документы имеют главным образом вспомогательный характер. Для полноты картины уместно вернуться к документу 7, где рассказывается, как славяне, осаждавшие Солунь, предложили аварскому кагану вступить с ними в военный союз. Сопоставление документов 7, 12, 13*а*, 13*б* позволит учителю сделать вывод, что далеко не всегда славяне подчинялись аварскому господству, в чем обычно уверяют читателей буржуазные историки. Напротив, славяне выступают как независимые и гордые воины, предлагающие союз на равных условиях аварам (документ 7) или по собственной воле отказывающиеся от него (документ 13б: «Славяне дары приняли, но в союзной помощи аварам отказали») На основании этого можно сделать обобщение, что первоначальный славяно-аварский союз, направленный против Византии, разрушенный византийскими дипломатами, сменился периодом вражды и военных столкновений, которые происходили с переменным успехом и которые в конце концов (во времена Карла Великого) привели к окончательному разгрому Аварской державы и торжеству победивших славян.

В классе учитель может процитировать гордый ответ кагану князя Даврита, в котором запечатлелось сознание славянами своей собственной силы (документ 12).

Отрывки из хроник Фредегара, как указывалось выше, требуют особенно внимательного к себе отношения. С одной стороны, Фредегар сообщает нам главнейшие известия о государстве Само, с другой — его «Хроника» и, в частности, сообщение о Само, отличается значительной долей выдумки и множеством неточностей. Так, например, советские славяноведы давно оспорили неверное утверждение Фредегара о франкском происхождении Само и доказали преувеличения Фредегара, допускаемые при описании насилий аваров над славянами. Поэтому вряд ли имеет смысл дословно цитировать на уроке документ 14*а*, его лучше вкратце пересказать собственными словами. Документ же 14*б*, рассказывающий о борьбе славян за независимость и о разгроме франкского короля Дагоберта войсками Само, в силу своей вырази-

тельности, может, если позволит время, быть полностью прочтен в классе. Полезно обратить внимание учеников на то, как франкский историк всячески старается преуменьшить значение победы славян.

Документы 15—18 повествуют о последних годах существования аварского государства. Долгая борьба славян с аварами закончилась полным поражением аваров. Описание аварских укреплений, разрушенных франками и славянами, может заинтересовать учеников. Рассказывая об этих аварских «кольцах», учитель может для большей доходчивости сделать на доске несложный схематический чертеж девяти концентрических круговых валов. Представляется также полезным прочесть данный отрывок вслух, а затем предложить ученикам попытаться нарисовать аварские укрепления на доске или в тетради. Это будет способствовать более внимательному отношению учащихся к источнику.

Документ 19 может послужить учителю иллюстрацией того, как отразилась аваро-славянская борьба в русской традиции. Уместно пояснить, что древняя пословица, доныне живущая в нашем языке («погыбоша акы Объри»), имеет под собой реальную историческую почву. Следует подчеркнуть, что соответствующие события получили свое отражение в героической поэзии древней Руси, в частности, в «Притче об Обрах» (XI в.), которая может быть известна учащимся из уроков по древнерусской литературе. Часть урока, посвященную государству Само и аваро-славянским взаимоотношениям, хорошо закончить пересказом данного документа.

Документы 20—24 дают учителю материал для рассказа о полабских и поморских славянах, их расселении, общественном строе и образе жизни.

Первые два документа говорят о географическом размещении отдельных племен. Полезно отметить, что Баварский Географ отмечает большое количество городов в славянской земле. Эти сведения можно сопоставить с данными из «Жизнеописаний Оттона Бамбергского» (документ 23*а*) и включить в рассказе сведения о богатстве и изобилии славянского края. Для чисто географических указаний достаточно ограничиться кратким пересказом документов 20 и 21*а*. Цитировать их в классе излишне, так как все географические сведения, особенно если учитель не иллюстрирует их показом на большой карте, учащимися почти совершенно не запоминаются и, следовательно, не достигают своей цели.

Гораздо важнее связать географическую характеристику расселения полабско-поморских славян с общим вопросом об исторических судьбах того междуречья Лабы (Эльбы) — Вислы, которое немецкие историки (а вслед за ними и авторы старых учебников и карт) упорно изображали как «германское пространство».

Важно показать, что созданные славянами поселения и города были онемечены лишь впоследствии, и славянское происхождение слышится в наименовании городов и территорий, несмотря на позднейшую германизацию всех этих наименований. Учитель может сопоставить ряд названий: Гданьск — Данциг, Щетин — Штеттин, Колобрег — Кольберг, Весьмир — Висмар, Зверин — Шверин, Лужица — Лаузиц и т. д. Эти сведения и сопоставления с бо́льшим успехом позволят учителю привлечь внимание учащихся к документам, характеризующим ранние очаги славянской культуры. Вместе с тем, в свете всех этих историко-географических данных, станет более ясной историческая судьба полабских и поморских славян и неоспоримые права славянства на те земли, которые в результате разгрома фашистской Германии снова перешли в руки славянских народов.

Документ 21б, содержащий знаменитое описание города Волыни, может быть с успехом прочтен вслух так же, как и *документ 23а*. Следует обратить особое внимание учеников на утверждение Адама Бременского о том, что Волынь в его время была одним из крупнейших торговых городов Европы.

В тексте данного документа следует выделить яркую характеристику славянского города, ставшего центром морской торговли. Таким образом, документ свидетельствует о ведущей экономической роли славянских городов на Балтийском море в раннее средневековье.

Не менее важно подчеркнуть и установление непосредственных торговых

связей между великим поморским городом и Русью. Это особенно важно потому, что возникновение столь ранней связи разрушает миф о том, будто Новгород с Западом впервые связали немецкие ганзейские купцы. Эти последние появились на берегах Балтики значительно позднее и лишь воспользовались наследием, задолго до них созданным славянскими поморскими купцами — мореходами.

Два отрывка из Титмара Мерзебургского (документы 23*а* и 23*г*) весьма важны. Из первого учитель может почерпнуть данные для характеристики городов и религиозных центров славян, второй — интересен описанием народного собрания у лютичей.

Документы 23 (а, б, в, г, е) очень важны в том отношении, что они полностью опровергают утверждения немецких ученых-националистов о якобы низком культурном уровне и о сплошной дикости балтийских славян до германской колонизации. Вместе с тем эти документы убедительным образом показывают, что именно побуждало немцев к завоеванию славянских земель. Учителю уместно напомнить ученикам, что лозунг «Обращение славян в христианство» лишь прикрывал истинную цель натиска на восток, носившего с самого начала откровенно грабительский характер. Богатые торговые города, полные разнообразных товаров, хорошо возделанные поля, изобилие скота, дичи, рыбы — все это было соблазном для германских феодалов.

Документ 23б, рассказывающий об общественных зданиях в Щетине, сопоставленный с документом 22*б,* создает яркую картину общественной жизни славян. Особенно интересен в этой связи документ 23*в*. В Щетине, так же как и в Волыни, существовал вечевой помост и «вечевые степени», с которых говорили во время вече. Рассказав об этом факте, учитель, в порядке сравнения, может напомнить описание мест вечевых собраний в Новгороде, которое известно из уроков по русской истории. Однако методически целесообразнее подобное сравнение услышать из уст самих учеников. Поэтому можно подсказать им это сопоставление, задав наводящий вопрос: «Где было подобное вечевое устройство?» Обобщая ответы, желательно воспользоваться сопоставляемыми историческими явлениями, чтобы подчеркнуть единство культурной и общественной жизни всех славян в средние века.

Много ярких примеров учитель может почерпнуть из *документов 23 (д, е, ж)* и *24а,* где рисуются высокий уровень хозяйства и общественных отношений балтийских славян, которые еще до германской колонизации достигли той стадии развития, на которой складывается феодализм. В этой связи очень интересны отрывки, повествующие о крупном землевладении, о труде зависимых людей, о долговой кабале и дружинниках славянской знати. В интересах экономии времени соответствующие факты и выводы лучше формулировать собственными словами.

Документ 24д, повествующий о славянском гостеприимстве, перекликается по содержанию с документом 23*а* и добавляет некоторые детали. В классе достаточно ограничиться вторым из названных документов. Документы 24 *(б, в, г)* рассказывают о роли религии в жизни балтийских славян и ценны как более развернутые известия о фактах, лишь кратко сообщаемых византийскими историками. Учитель может выделить особо *документ 24в,* который важен не столько своим указанием на политическую роль религиозных центров, сколько тем, что он говорит об одной из многочисленных распрей, которые постоянно происходили между отдельными славянскими племенами и ослабляли их перед лицом иноземных вторжений. Это обстоятельство следует подчеркнуть особенно решительно, так как в нем заключается одна из основных причин последующих поражений балтийских славян в их борьбе с германской агрессией. Уместно в качестве обобщения процитировать очень выразительный отрывок из арабского историка Масуди (X в.): «Славяне — народ столь могущественный и страшный, что если бы они не были разделены на множество поколений и родов, то не померялся бы с ними в силе ни один народ в мире».

Ясно, что в силу ограниченного времени учитель не сможет познакомить на уроке учащихся с большей частью красноречивых и интересных документов. Поэтому следует рекомендовать ученикам прочитать дома соответствую-

щий раздел хрестоматии. Некоторым из них можно предложить подготовить дома краткие сообщения, например, «Богатство славянской земли и нравы ее жителей», «Описание города Волыни» и т. д. В кружке можно поставить интересный доклад: «Славянские торговые города на Балтийском море», при этом учитель может подсказать учащимся оговоренный выше вывод о ведущей роли торговых центров славянского Поморья и о значении связей с Русью.

Желательно, чтобы учитель, говоря о древних славянах, постоянно проводил мысль о единстве происхождения всех славянских народов, об общности важнейших элементов их культуры, о свободолюбивых традициях славян и их героическом сопротивлении иноземным завоевателям. Уроки, связанные с историей славянских стран, должны иметь большое воспитательное значение. Следует стремиться к воспитанию в учащихся убеждения в близости русского народа к его западным и южным братьям, ставшим теперь плечом к плечу с советским народом и вступившим на широкую дорогу строительства новой жизни.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I (Происхождение семьи, частной собственности и государства).

* * *

Документы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13 даны по сборнику: «Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей», вышедшему под ред. проф. А. В. Мишулина («Вестник древней истории», 1941, № 1); документы 7 и 9 взяты из «Истории византийской империи» Ф. И. Успенского; документы 14*а* и 14*б* даны в переводе Н. П. Грацианского; документ 19 цитируется по изданию А. А. Шахматова; документы 15—18 и 20—24 переведены заново. Введение написано С. Д. Сказкиным.

I. ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О СЛАВЯНАХ

1. ИЗ ПЛИНИЯ СТАРШЕГО (23 или 24 по 79 г. н. э.)[1]

(«Естественная история», кн. IV, 97)

Некоторые писатели передают, что эти местности[2] вплоть до реки Вистулы (Вислы) заселены сарматами, венедами, скифами, гиррами.

2. ИЗ ТАЦИТА (55—117 гг. н. э.)

(«Германия», гл. 46)

Здесь[3] конец страны свевов. Следует ли певкинов, венедов и финнов причислить к германцам или к сарматам, я не знаю, хотя певкины... напоминают германцев: все они грязны, знать их предана бездействию... Вследствие смешанных браков они получают безобразие сарматов. Венеды заимствовали многое из их нравов, ибо они разбойничают во всех лесах и на всех горах, возвышающихся между певкинами и финнами. Впрочем, их скорей следует причислить к германцам, так как они строят дома, носят щиты и любят ходить, что совсем не свойственно сарматам, живущим на коне и в кибитке.

3. ИЗ ПТОЛЕМЕЯ

(«География»)

Клавдий Птолемей — крупнейший ученый древности, астроном, математик и географ. Жил в середине II в. н. э. в Александрии. Его «География» являлась для того времени энциклопедией различных знаний и оказала огромное влияние на развитие науки.

III. 5. Сарматию занимают очень большие племена: венеды вдоль всего Венедского залива[4]; над Дакией господствуют певкины и бастарны; по всей территории, прилегающей к Меотийскому озеру, — языги и роксоланы; в глубь страны от них находятся амаксобии и аланы-скифы.

4. ИЗ ИОРДАНА[5]

(«О готах»)

а) *III, 34—35.* К Дунаю прилегает Дакия, как венцом, огражденная высокими горами, по левой стороне которых и от верховьев реки Вислы на неизмеримых пространствах обитает великий народ венедов. Хотя имя их и меняется теперь в зависимости от племени и мест, однако главное название их — склавины и анты.

---

[1] Данные относительно Плиния и Тацита см. в отделе «Древние германцы».

[2] Речь идет о Сарматии, под которой следует разуметь Восточную Европу.

[3] То-есть за Вислою.

[4] То-есть по Балтийскому морю.

[5] Данные об Иордане см. в отделе «Варварские завоевания и революция рабов».

Склавины живут от города Новиетуна и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса. Анты же, храбрейшие между ними, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра[1].

б) *XXIII, 119—120.* Поразив герулов, Германарих направил оружие против венедов... Они [венеды], происходя от одного корня, разделились потом на три части, именно венедов, антов, склавинов. И хотя теперь, по грехам нашим, они всюду свирепствуют, но тогда все подчинялись велениям Германариха.

в) *XXIII, 246—248.* Известно, что по смерти вождя своего Германариха, после отделения и ухода визиготов, они [остготы] остались в той же стране, подчиняясь господству гуннов, хотя и тогда Амал Винитар сохранял знаки своей государственной власти. Он хотел подражать доблести деда Вультульфа и хотя уступал счастьем Германариху, однако возмущался своим подчинением власти гуннов; желая мало-помалу освободиться от них и стремясь проявить собственную доблесть, он двинул боевую силу в пределы антов и напал на них. В первом столкновении он потерпел поражение, но затем повел дело храбро и ради наводящего ужас примера распял царя их, именем Божа, с сыновьями и семьюдесятью старшими вельможами, чтобы трупы повешенных, как ужасный пример, удваивали страх покорившихся. Но не успел он продержаться с такой независимостью и года, как вождь гуннов Баламбер... повел войско на Винитара [который и погиб в битве].

II. ВТОРЖЕНИЕ СЛАВЯН НА ТЕРРИТОРИЮ ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

5. ИЗ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО[2]

(«Готская война»)

а) *III, 29.* Приблизительно в это время войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности. Славяне смогли взять даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, так как их теперь никто не защищал, и проходили по всем местам, где хотели, производя опустошения. Начальники Иллирии с 15-тысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелям близко они нигде не решались.

б) *III, 38.* Около этого же времени войско славян, собравшись не больше чем в 3000 человек, перешло через реку Истр, не

---

[1] Данастр — Днестр, Данапр — Днепр.
[2] См. о Прокопии в отделе «Византия до крестовых походов».

встретив ни с чьей стороны противодействия, и затем, без большого труда перейдя реку Гевр, разделилось на две части. В одной части было 1800 человек, вторая включала всех остальных. Начальники римского войска вступили с этими войсками в открытое сражение, но хотя эти части были разъединены, однако римляне были разбиты их внезапным нападением, и одни из них были убиты, другие в беспорядке бежали, спасаясь от них. Когда начальники римлян были таким образом прогнаны обоими отрядами варваров, хотя они были на много слабее римлян, то один из неприятельских отрядов вступил в сражение с Асбадом. Он был из отряда телохранителей императора Юстиниана, зачисленный в состав так называемых кандидатов; командовал регулярной конницей, которая издавна имела пребывание во фракийской крепости Тзуруле и состояла из многочисленных отличных всадников. И их без большого труда славяне обратили в бегство и во время этого позорного бегства очень многих убили. Асбада же в данный момент взяли живым в плен, а потом убили, бросив в горящий костер, предварительно вырезав из кожи на спине этого человека ремни. После этого они стали безбоязненно грабить все эти местности и во Фракии и в Иллирии, и много крепостей тот и другой отряд славян взял осадой; прежде же славяне никогда не дерзали подходить к стенам или спускаться на равнины [для открытого боя], так как эти варвары никогда прежде даже и не пробовали проходить по земле римлян. Даже через реку Истр, повидимому, за все время они перешли только тогда, когда я выше об этом рассказывал.

Эти славяне, победители Асбада, опустошив подряд всю страну вплоть до моря, взяли также приступом и приморский город по имени Топер, хотя в нем стоял военный гарнизон. Этот город расположен на фракийском побережье и от Византии отстоит на 12 дней пути. Взяли же они его следующим образом. Большая часть врагов спряталась перед укреплением в труднопроходимых местах, а немногие, появившись около ворот, которые обращены на восток, беспокоили римлян, бывших на стене. Римские воины, находившиеся в гарнизоне, вообразив, что врагов не больше, чем сколько они видят, взявшись за оружие, тотчас же вышли против них все. Варвары стали отступать, делая вид для нападающих, что, испуганные ими, они обратились в бегство; римляне же, увлеченные преследованием, оказались далеко впереди укреплений. Тогда поднялись находившиеся в засаде и, оказавшись в тылу у преследующих, отрезали им возможность возвратиться назад в город. И те, которые делали вид, что отступают, повернувшись лицом к римлянам, поставили их между двух огней. Варвары всех их уничтожили и тогда бросились к стенам.

Городские жители, лишенные поддержки воинов, были в полной беспомощности, но все же стали отражать, насколько они могли в данный момент, нападающих. Прежде всего они лили на штурмующих масло и кипящую смолу и всем народом кидали

в них камни, но они, правда, не очень долго отражали грозящую им опасность. Но потом варвары, пустив в них тучу стрел, принудили их покинуть стены и, приставив к укреплениям лестницы, силою взяли город. Мужчин, числом до 15 тысяч, они тотчас всех убили и ценности разграбили, детей же и женщин они обратили в рабство. Но сначала они не щадили ни возраста, ни пола, и как этот отряд, так и другие с того момента, как они ворвались в область римлян, стали убивать всех, без разбора, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта непогребенными телами. Так сначала славяне уничтожали всех встречавшихся им жителей. Теперь же они... стали... некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой многие десятки тысяч пленных.

в) *III, 40.* Когда Герман собрал свое войско в Сардике, городе Иллирии, и приводил его в порядок, заготовляя усиленно все, что нужно было для войны, в это время огромная толпа славян, как никогда раньше не было, явилась на римскую территорию. Перейдя реку Истр, они явились у города Наиса. Когда немногие из них, отделившись от войска, стали блуждать в одиночку, проходя по этим местам, то некоторые из римлян захватили их и, связав, стали допытываться, чего ради это войско славян перешло через Истр и что они собирались делать. Тогда они твердо заявили, что явились сюда, чтобы осадить и взять Фессалонику и города вокруг нее.

В это время славяне, которые перед тем оказались в пределах владений императора, как я только что рассказывал, и другие, немного позднее перешедшие через Истр и соединившиеся с прежними, получили полную возможность беспрепятственно вторгаться в пределы империи... Разделившись на три части, эти варвары причиняли по всей Европе неслыханные бедствия, грабя эти местности не просто набегами, но зимуя здесь, как бы в собственной земле, не боясь неприятеля. Позднее император послал против них отборное войско... Это войско захватило часть варваров около Адрианополя, города, который лежит посредине Фракии, на расстоянии пяти дней пути от Византии. Дальше уже варвары двинуться не могли: ведь они имели с собой бесчисленную добычу из людей, всякого скота и ценностей. Оставаясь там, они готовились вступить с врагами в открытый бой так, чтобы те даже не предчувствовали этого. Славяне стояли лагерем на горе, которая тут возвышалась, римляне — на равнине, немного поодаль. Так как уже прошло много времени, как они сидели так друг против друга, то римские воины стали выражать нетерпение и позволять себе недопустимые поступки, упрекая вождей, что вот они как начальники римского войска имеют для себя продовольствие в изобилии, а не обращают внимания на солдат, мучимых недостатком предметов первой необходимости, и не хотят вступать в бой с врагами. Под их давлением военачальники начали сражение. Произошел сильный бой, и римляне были раз-

биты наголову. Здесь погибло много прекрасных воинов; вожди же, которым грозила близкая опасность с остатками армии попасть в руки врагов, с трудом спаслись бегством, кто куда мог. Варвары захватили знамя Константина и, не обращая внимания на римское войско, двинулись дальше. Они получили возможность ограбить местность, так называемую Астику, с древнейших времен не подвергавшуюся разграблению, и поэтому им удалось получить отсюда большую добычу. Таким образом, опустошив большую область, варвары подошли к «Длинным стенам», которые отстоят от Византии немного больше одного дня пути.

г) *IV, 25*. В это время огромное полчище славян низверглось на Иллирию и произвело там неописуемые ужасы. Против них император Юстиниан послал войско... Так как это войско по численности было много слабее неприятеля, то предводители нигде не решались вступить с ними в открытое сражение, но, держась у них в тылу, причиняли им значительные потери. Многих они убили, других взяли живьем в плен и отправили к императору. Тем не менее эти варвары совершали ужасные опустошения. Во время этого грабительского вторжения, держась долгое время в пределах империи, они заполнили все дороги грудами трупов; они взяли в плен и обратили в рабство бесчисленное количество людей и разграбили все; так как никто не выступал против них, они со всей добычей ушли домой. Даже при переправе через Истр римляне не могли устроить против них засаду или каким-либо другим способом нанести им удар, так как их приняли к себе гепиды, продавшиеся им за деньги, и переправили их, взяв за это большую плату: плата была — статер [1] с головы.

6. ИЗ ИОАННА ЭФЕССКОГО

Иоанн Эфесский, автор написанной на сирийском языке «Церковной истории», жил в VI в. и оставил важные сведения о нападении славян на Византию во второй половине этого века.

На третий год по смерти царя Юстина и в царствование победоносного Тиверия [2] выступил проклятый народ славяне, которые прошли всю Элладу, фессалийские и фракийские провинции, взяли многие города и крепости, опустошили, сожгли, разграбили и завладели страной и поселились в ней совершенно свободно и без страха, как бы в своей собственной. Это продолжалось четыре года, пока царь был занят войной с персами и все войска послал на Восток. В это время славяне по божьему попущению распоряжались в стране совершенно свободно, опустошали, жгли и грабили везде до «Внешней стены», так что захватили все царские стада — многие тысячи — и стада частных лиц. И вот до нынешнего дня... они спокойно живут в ромэйских провинциях, без

[1] Статер — золотая монета.
[2] Тиверий II царствовал с 578 до 582 г.

заботы и страха, занимаясь грабежом, убийством и поджогами, от чего разбогатели, нажили золота и серебра и владеют стадами коней и оружием, научившись военному делу лучше самих ромэев. А между тем это были простые люди, которые не смели выходить из своих лесов и не умели пользоваться оружием.

7. ИЗ «СКАЗАНИЯ О ЧУДЕСАХ СВ. ДМИТРИЯ»

«Сказание о чудесах св. Дмитрия» — рассказ о чудесной помощи, якобы оказанной этим покровителем г. Солуни (Фессалоника) во время осады его славянами в конце VI и начале VII в. В «Сказании» сообщается о важных исторических фактах, о которых не говорят другие источники, и попутно изображается та своеобразная обстановка, которая сложилась на Эгейском море и в Македонии в результате массового проникновения сюда славян.

Было во дни благочестивой памяти епископа Иоанна, поднялся народ славянский, бесчисленное множество из дрогувитов, сагудатов, велегезитов, веунитов, верзитов и прочих народов. Научившись делать лодки из одного дерева и снарядив их для плавания по морю, они опустошили всю Фессалию и расположенные кругом нее и Эллады острова, еще же и Кикладские острова и всю Ахею, Эпир и большую часть Иллирика и часть Азии и сделали необитаемыми многие города и области. Составив общее решение идти на христолюбивый сей город, чтобы и его разорить, как и другие города, они пригнали в приморское место выдолбленные из цельного дерева лодки, которых было бесчисленное количество, прочие же в неизмеримом числе окружили богохранимый сей город с востока, севера и запада и со всех сторон, имея при себе свои семьи с хозяйством, в том намерении, чтобы по взятии города поселиться в нем. Тогда слезы лились рекой и были воздыхания по всему городу, до смерти напуганному одним только слухом о чрезвычайных опустошениях городов, о бесчисленных убийствах и пленениях и о том, что варвары уже везде хвастаются погибелью города. Кроме всего прочего, не оставалось и своих судов, не было их в ближайших местах для защиты входов в городскую гавань. Особенное уныние возбуждали в гражданах христианские беглецы, сделавшиеся пленниками от такого беспощадного осадного положения. И была только одна душа и у робких и у мужественных, каждый имел перед глазами или горечь плена, или смерть, не имея возможности никуда спастись, ибо, как смертоносный венец, варвары-славяне держали в тисках город.

Всему славянскому народу условлено было сразу и неожиданно напасть на стену. Находившиеся на судах славяне озаботились защитить их сверху досками и покрыть так называемыми вирсами [кожами] дабы, когда лодки подойдут к стене, сделать неуязвимыми гребцов со стороны тех, которые будут со стен бросать камни или пускать стрелы. И небесный промысел молитвами мученика внушил им эту первую трусость — не прямо подойти к городу, а остановиться в той части залива, которая называется

Келларий. Между тем как варвары оставались там, чтобы исполнить задуманную ими хитрость, городские жители немного запаслись мужеством и приготовили в гавани несколько деревянных плотин, с которых протянули цепь... [далее описывается приготовление к защите стен со стороны моря и поражение славян при штурме города].

Вскоре после рассказанного поражения славяне имели серьезное обсуждение случившегося и, собрав большие дары, послали апокрисиариев [послов] к аварскому кагану, давая ему обещание выдать большую сумму денег и обеспечивая огромную военную добычу при взятии нашего города, под тем условием, если он вступит с ними в союз. Было признано, что город легко может быть взят потому, что он находится в занятой ими области, в которой зависимые от него города и епархии сделаны ими необитаемыми, и оставаясь, как сказано, вполне одиноким среди чуждого населения, он вмещает в себя всех беглецов из придунайских стран: Паннонии, Дакии, Дардании и других епархий и городов, которые в нем находят приют.

Названный аварский каган охотно согласился исполнить их просьбу и, собрав все подчиненные ему варварские племена вместе со всеми славянами и болгарами и бесчисленными народами, через два года с многочисленным войском пошел к нашему городу. И, вооружив избранных всадников, он послал их вперед самым кратким путем, приказав неожиданно напасть на город и, выведя или перебив его гарнизон, ждать хана с собранным им войском и с различными видами военных орудий, назначенных для погибели нашего отечества. С этим планом и в таком порядке устремились вооруженные варвары. Неожиданно в пятом часу закованные в железо всадники набросились со всех сторон, а городские жители, не подозревая опасности и занимаясь на посевах уборкой хлеба, одни были убиты, другие захвачены в плен вместе со стадами скота и орудиями для обработки полей...

III. ОБРАЗ ЖИЗНИ И ВОЕННАЯ ТАКТИКА СЛАВЯН

8. ИЗ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

(«Готская война»)

а) *III, 14, 22.* Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве [демократии], и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим. Равным образом и во всем остальном, можно сказать, у обоих этих вышеназванных варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям

имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценою этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всяких других демонов, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцырей же они никогда не надевают, иные не носят ни рубашек [хитонов], ни плащей, а одни только [короткие] штаны и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них не очень белый или золотистый и не совсем темный, они — русые. Образ жизни у них, как и у массагетов, грубый, без всяких удобств; вечно они покрыты грязью, но по существу — не плохие люди и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени назывались спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли приходится занимать много. Они живут на большой части берега Истра, по ту сторону реки. Считаю достаточным сказанное об этом народе.

б) *II, 2, 26*. Римляне... были недовольны тем, что в опустошенной стране им приходится так долго вести осаду, и недоумевали, видя, что варвары[1], терпя такие бедствия, не сдаются им. Поэтому Велизарий больше всего старался захватить в плен кого-нибудь из знатнейших среди врагов, чтобы узнать, чего ради варвары так терпеливо переносят столь страшные мучения. Валериан обещал ему легко оказать эту услугу. В числе его воинов были люди славянского племени, которые привыкли прятаться даже за маленькими камнями или за первым встречным кустом и ловить неприятелей. Это они не раз проделывали у реки Истра, где их места обитания, как по отношению к римлянам, так и с другими варварами. Велизарий пришел в восторг от слов Валериана и велел возможно скорей позаботиться об этом деле. Выбрав из своих славян одного, огромного и крепкого телом и очень энергичного, он поручил привести живым одного неприятельского воина, дав твердое обещание ему, что Валерий наградит его за это большими деньгами. Этот воин сказал, что он легко сделает это там, где находилась трава. Давно уже готы за недостатком продовольствия питались ею. И вот этот славянин, ран-

[1] Речь идет о готах (остготах).

ним утром пробравшись очень близко к стенам, прикрывшись хворостом и свернувшись в клубочек, спрятался в траве. С наступлением дня пришел туда гот и быстро стал собирать свежую траву, не ожидая себе никакой неприятности со стороны куч хвороста, но часто оглядываясь на неприятельский лагерь, как бы оттуда кто-либо не двинулся против него. Бросившись на него сзади, славянин внезапно схватил его и, сильно сжав обеими руками его посередине, принес в лагерь и, принеся, вручил Валериану.

в) *III, 22, 23.* В то время, как эти послы отправляются в Византию и потом назад в Италию, вот что произошло в области луканов. Собрав местных крестьян, Туллиан сторожил дорогу в эту страну, очень узкую, чтобы враги не могли войти в Луканскую область и не причинили бы ей разорение. Вместе с ним сторожили триста антов, которых еще раньше оставил тут Иоанн по просьбе Туллиана; эти варвары лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах. Когда об этом узнал Тотила, он решил, что посылать готов на это дело бесполезно, но, собрав толпу крестьян и прислав к ним нескольких, очень немногих готов, он велел им всеми силами попытаться взять теснины. Когда они столкнулись друг с другом и между ними произошел сильный бой, то анты, благодаря своей доблести, и так как к тому же им помогала трудность места, обратили врагов вместе с крестьянами Туллиана в бегство, произведя большое избиение.

9. ИЗ ПИСЬМА ПАПЫ ГРИГОРИЯ I

В ответ на жалобы епископа Солуни Максима, что славяне постоянно нападают на город, папа Григорий I (590—604) написал приводимое ниже письмо.

Славянский народ, так сильно угрожающий вам, смущает меня и огорчает. Огорчаюсь, ибо соболезную вам. Смущаюсь, ибо славяне из Истрии стали уже проникать в Италию. Но не советую вам впадать в отчаяние, ибо тем, кто будет жить после нас, суждено увидеть еще худшее.

10. ИЗ «СТРАТЕГИКОНА» ПСЕВДО-МАВРИКИЯ

«Стратегикон», т. е. трактат о военном искусстве, раньше приписывался императору Маврикию, но впоследствии было установлено, что он написан каким-то его современником. Отсюда название автора «Стратегикона» «Псевдо-Маврикий». Здесь содержится ряд советов, как вести войну с варварами, в частности с варварами-славянами, причем попутно сообщаются ценнейшие сведения о быте славян и применяемых ими способах ведения войны.

XI, 5. Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, хо-

лод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам относятся они ласково и, оказывая им знаки своего расположения [при переходе их] из одного места в другое, охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что, по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел [какой-либо] ущерб, принимавший его раньше начинает войну [против виновного], считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая [срок рабства] определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси, или остаться там [где они находятся] на положении свободных и друзей.

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы.

Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывания во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер; устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются [засадами], внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много [разнообразных] способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности реки, а сами, лежа навзничь на дне [реки], дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их [присутствии]. А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их растущими в воде, лица же, знакомые [с этой уловкою] и распознающие камыш по его образу и [занимаемому им] положению, пронзают камышами глотки [лежащих] или вырывают камыши и тем самым заставляют [лежащих] вынырнуть из воды, так как они уже не в состоянии дольше оставаться в воде.

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые [с места на место]. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если раненый не примет раньше противоядия или

[не воспользуется] другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела.

Не имея над собой главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, не способны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша померяться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают как бы под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами, с целью заманить противника.

В общем они коварны и не держат своего слова относительно договоров; их легче подчинить страхом, чем подарками. Так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и соберутся, то решенное ими тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг другу, и при этом никто не хочет уступить другому. В сражениях наибольшую опасность для них представляет метание в них стрел и копий, внезапные нападения из засады и набеги, производимые против них отрядами из разных мест, сражение с пехотой, особенно легко вооруженной. в местностях открытых и ровных. Поэтому нужно заготовить против них конницу и пехоту, главным образом легко вооруженную, и приготовить большое количество метательного оружия, не только стрел, но и различных видов копий. Надо также по возможности заготовлять материалы для постройки так называемых пловучих [понтонных] мостов, с тем, чтобы переход через реки был предварительно обдуман; ведь в их стране много трудно переходимых рек. И по скифскому обычаю, одни должны строить мост, а другие — их защищать и сражаться. Надо иметь мешки из бычьих и козьих шкур, чтобы во время внезапных нападений на врага или при переходе через реки воины летом переплывали на них. Но нападение на [славян] следует производить главным образом в зимнее время; тогда деревья стоят обнаженными и за ними нельзя скрываться с таким удобством [как летом]. На снегу тогда остаются заметные следы убегающих; запасов у них мало, сами они, можно сказать, обнаженные, да и реки вследствие сковывающего их льда легко проходимы. Большую часть животных и лишний багаж нужно оставить в своей земле, в хорошо укрепленном месте с небольшим гарнизоном, назначив над ним начальника. Легкие быстроходные суда надо поставить в нужных местах. Остальную часть конницы надо оставить в своей стране

с хорошим начальником как для охраны страны, и чтобы не случилось чего-либо с перешедшим на другую сторону войском, если враги, как обычно, устроят против него засаду, а с другой стороны — для распространения слуха, что подготовляется переход также и в другом месте. Благодаря такому слуху и предусмотрительности вождей каждый [из врагов] будет ждать, что ему придется сражаться за свое, и таким образом врагам не представится возможности соединиться и нанести [нашему войску] какой-либо удар. Не нужно, чтоб [наши отряды] держались близко от Дуная, для того, чтобы, если враги заметят, что они малочисленны, не стали относиться к ним с презрением; но они не должны быть и очень далеко от реки, чтобы не задержаться, если необходимость призовет их на помощь перешедшему на ту сторону войску; одним словом, они должны держаться от Дуная на расстоянии одного дневного перехода. Перешедшее же войско должно тотчас же укрепиться в неприятельской земле и делать переходы по ровным и открытым местам, тотчас же выслать вперед подходящих людей с хорошим начальником, чтобы захватить «языка», благодаря чему можно будет узнать о планах врагов. Больше всего надо остерегаться без предварительной разведки переходить, особенно летом, в места трудные и густо заросшие, особенно если тут собрались отряды врагов, прежде чем они не будут прогнаны конницей или пехотой. Если же, несмотря на то, что это место узкое, надо будет сделать тут переход против врагов, нужно или вырубить и выровнять это место, как это сказано в соответствующем месте этой книги, или оставить здесь отряд, который мог бы господствовать над этим местом до возвращения [делающего набег] войска, для того, чтобы враги внезапно не напали и, сделав засаду, не нанесли поражения во время прохода войску, естественно обремененному добычей. Когда останавливаются лагерем, надо, сколько возможно, избегать мест, густо поросших лесом, и остерегаться около них разбивать палатки. Ведь из-за этого враги часто делают нападения из лесов и производят грабеж скота. Нужно, чтобы пехота держалась в месте, сильно укрепленном рвом, и конница была вне его. Дозорные же сторожа должны широко кругом охранять пастбища лошадей, исключая случай, если вследствие неожиданных обстоятельств кони не могли быть посланы на пастбища и поэтому днем и ночью должны были находиться внутри укреплений. Если наступает момент сражения, нужно против них выстраивать не очень глубокий строй и не стараться вступать с ними в бой только в лоб, но также и другими способами. Если же они, как иногда бывает, занимают очень крепкую позицию и, сохраняя свой тыл, не дают возможности вступить в рукопашный бой, равно и окружить себя или ударить с фланга, или зайти к ним в тыл, то нужно, чтобы некоторые [из наших] были поставлены в засаду, а остальные притворно сделали вид на их глазах, что отсту-

пают; это надо сделать с той целью, чтобы они, охваченные надеждой на преследование, ушли со своей укрепленной позиции, и тогда нужно повернуться против них, а находящиеся в засаде тоже должны на них напасть. Если среди них много предводителей и нет между ними согласия, не глупо некоторых из них привлечь на свою сторону речами или подарками, особенно тех, которые находятся поближе от наших границ, и нападать на других, чтобы не все прониклись [к нам] враждой или не стали бы под власть одного вождя. Нужно, чтобы за теми [из пленных], которые возвращаются к нам или которые заявляют, что хотят перебежать к нам, и обещают показать дорогу или сообщить что-либо важное, было наблюдение особенно тщательное, так как ведь есть и римляне, которые, применяясь к обстоятельствам, забывают о своих и свое расположение дарят больше врагам. Если они оказывают нам помощь, надо их наградить, если вредят, — наказать. Найденное во вражеской стороне продовольствие не следует уничтожать на месте (это бесполезно), но стараться перевезти его в свою страну на вьючных ли животных, или на кораблях. Так как их реки вливаются в Дунай, то перевозка на судах очень удобна. Пехотинцы нужны не только в узких местах или в укреплениях, но и в труднопроходимых местностях, где при появлении врагов они легко могут построить мосты. Если незаметно ночью или днем переправить тяжеловооруженных и легковооруженных на ту сторону, поставив войско в боевой строй так, чтобы река была у нас в тылу, то с полной безопасностью можно будет навести мосты на реке для перехода. При переходе по узким лощинам или рекам необходимо иметь во всяком случае в зависимости от местоположения в арьергарде хороших легковооруженных солдат. Только тогда происходят удачные нападения, когда войско разделено на части и ушедшие вперед могут помочь арьергарду. Производимые против варваров, как всегда, неожиданные набеги должны производиться в таком порядке, чтобы одни нападали на них с фронта и приводили их в замешательство, другие же скрытно проникали им в тыл, будь то пехота или конница. Если враги задумают бежать, чтобы они попадали в эту естественную скрытую засаду, а убегая от первого натиска, чтобы они непредвиденным для себя образом наталкивались на этот второй отряд. Необходимо и во время лета не останавливаться перед нанесением им ущерба и заниматься в это время ограблением более ровных и безлесных местностей; надо стараться дольше пробыть в их стране, чтобы взятые в плен римляне с большей безопасностью спокойно могли бы вернуться к нам. Ведь тогда леса особенно густо покрыты листьями, поэтому пленным представляется полная возможность безо всякого страха бежать к нам. Все остальное, что касается пути или способа продвижения, а также и ограбления страны, равно как и обо всем другом, что может тут произойти, сказано в другой книге, которая трактует о движе-

нии по стране врагов. Здесь я скажу об этом в возможно кратких словах. Так как местности, занятые славянами и антами, расположены вдоль рек и они так соприкасаются друг с другом, что между ними нет столь большого расстояния, чтобы о нем стоило упоминать, и так как около них находятся леса, болота или заросли тростника, то при нападениях, предпринимаемых против них, по большей части происходит так, что приходится останавливаться у первого их поселка и все войско остается там в бездействии, так как дальнейшие места непроходимы; ведь рядом находятся очень густые леса, откуда видны движения [нашего войска], поэтому враги даже с близкого расстояния легко могут убежать при начале наступления против них. Так как их молодежь, будучи легковооруженной, выбирая удобный момент, из засад нападает на наших воинов, то отсюда ясно, что те, которые предпринимают против них походы, могут причинить им не много вреда. Поэтому нападения на них надо организовать неожиданно, особенно в местах, где меньше всего этого ждут, организовать «банды» [1], или, как иначе их называют, «тагмы» [2], для того, чтобы знать, какой отряд должен идти первым, какой вторым, какой третьим и так далее по порядку, особенно это нужно в местах узких, чтобы не смешиваться, когда с трудом приходится разбираться при разделении войска. Когда переход [через реку] сделан внезапно, если вторжение может быть сделано с двух удобных мест, нужно разделить войско на две части и одну часть должен взять себе помощник главнокомандующего [гипостратег], легковооруженную и без багажа, и двинуться на расстоянии 15—20 миль с фланга по неизвестным местам, с тем, чтобы, двигаясь по более пустынным местностям, приблизиться к поселкам и постараться отсюда овладеть добычей и затем выйти к другой части войска под начальством самого вождя. Вождь же, имея другую часть войска, должен попытаться напасть с другой стороны на эти поселки и заняться грабежом. Затем обе части должны идти навстречу друг другу, истребляя и грабя находящуюся между ними область. Там, где к вечеру они встретятся, они вместе должны разбить лагерь. Таким образом и нападение является безопасным, и те из врагов, которые попытаются напасть на одну часть, неожиданно попадают под удары другой части, и с другими своими соплеменниками они сами не могут соединиться. Если же для нападения есть одна только удобная дорога, по которой можно произвести набег на поселки, нужно и в этом случае разделить войско и одну часть его или даже больше, легковооруженную и крепкую, взять гипостратегу безо всякого багажа.

---

[1] Банда, собственно, значит «знамя»; это отряд пехоты человек в 200—400.

[2] Тагма, собственно, «строй». В византийском войске это слово часто означало «легион», но уже небольшой.

С своим отрядом, в котором он находится сам, он должен идти впереди всех, имея при себе всех начальников отряда. Как только он подойдет к первому поселку, он должен отделить от своего войска один или два отряда («банды»), так чтобы одни могли грабить, а другие охранять грабящих. Полезно в первых поселках отделять немного отрядов, хотя бы эти поселки и казались большими. Если при этом успеет подойти главнокомандующий, то не задерживаться, [чтобы сломить] сопротивление тех, кто находится в этом поселке, но гипостратег должен тотчас же двинуться к следующему ближайшему поселку. То же самое он должен делать и с последующими поселками, пока у него хватит данных ему отрядов. Сам гипостратег, находясь в передовом отряде, должен иметь около себя три или четыре отряда, до тысячи человек, хороших воинов, вплоть до конца этого нападения, чтобы быть для других и охраной и стражем, дающим безопасность. Так должен действовать гипостратег, сам же главнокомандующий, идя следом, должен собирать по частям занятых грабежом и с боем двигаться к ушедшим вперед; равно и гипостратег, повернув назад, проходя мимо, забирает воинов, занятых грабежом. И там, где они встретятся друг с другом, они вместе в тот же день разбивают лагерь. Поэтому не следует делать таких неожиданных набегов дальше чем на 15—20 миль, чтобы обе части успели и добычу собрать и в тот же день разбить лагерь. При таких нападениях не следует врагов, которые будут сопротивляться, брать в плен, но должно убивать всех встречных и двигаться вперед. Ни в коем случае не следует задерживаться на тех местах, по которым проходишь, и поджидать какого-либо благоприятного момента.

Все это я написал, по возможности, из своего опыта и из указаний древних, приняв все во внимание; написал я на пользу тем, которые попадут в такое положение. Другие наставления, которые, конечно, встречаются и не записаны в этой книге, можно вывести, сообразив самому, как из моих прежних писаний, так и из собственного предшествующего опыта, равно и из самих природных условий, и согласовать их, насколько возможно, с теми, которые были указаны.

11. ИЗ ФЕОФИЛАКТА СИМОКАТТА

Феофилакт Симокатт жил и писал при Ираклии (610—641). «Истории» Феофилакта рассказывают о времени правления императора Маврикия (582—602) и являются ценнейшим источником для этого периода византийской истории, хотя у автора и наблюдается излишняя склонность к риторике. Феофилакт дает важные сведения о войнах византийцев со славянами и аварами на дунайской границе при императоре Маврикии.

а) *VI, 8*. Главнокомандующий Приск велел [нескольким] воинам пойти на разведки. На следующий день он узнал, что вражеского войска там нет. Поэтому он поручил Александру, двинувшись дальше, утром совершить переход через реку Геликабию. Александр, перейдя через соседнюю реку, встретил

славян. Варвары, увидев военный строй римлян, бежали в ближайшие болота и в топи лесов. Римляне попытались захватить их там. Но когда они попали в эти топи, они подверглись непреодолимому бедствию. И весь отряд погиб бы целиком, если бы Александр возможно скорее не вывел римлян из этого болота. Окружив это место, начальник отряда Александр попытался предать [место, где жили] славяне, огню; но пламя, не имея возможности разгореться вследствие влажности, слабело и тухло. Эта попытка нападения не принесла Александру никакой славы. Однако среди варваров был один гепид, который некогда придерживался христианского вероисповедания. Перебежав к римлянам, он пальцем указал им место, где они могут войти. Овладев этим проходом, римляне одолели варваров. Александр, допытываясь, хотел узнать, какого племени взятые им в плен варвары. Но варвары, впав в отчаяние и ожидая смерти, не обращали внимания на мучения, как будто бы эти страдания и удары бича относились к чужому телу.

б) *VII, 2.* На четвертый день он (военачальник Петр) дал знать императору о мятеже в войсках. Затем, оставив Одесс, Петр пошел в левую часть этой страны и, прибыв в Маркианополь, приказал 1000 воинам двинуться впереди войска (в качестве разведывательного отряда). Они сталкиваются с 600 славянами, гнавшими большую добычу, захваченную у римлян. Еще недавно были опустошены Залдапы, Акис и Скопис; и теперь они вновь ограбили несчастных. Они везли добычу на огромном числе повозок. Когда варвары увидели приближающихся римлян и в свою очередь были ими замечены, они тотчас же бросились убивать пленных. Из пленников мужского пола были убиты все, бывшие в цветущем возрасте. Так как это столкновение для варваров было неизбежным (и не предвещало успеха), то они, составив повозки, устроили из них как бы укрепление лагеря и в середину этого лагеря поместили женщин и детей. Когда римляне приблизились к гетам — так в старину называли этих варваров, — они не решились вступить с ними в рукопашный бой: они боялись копий, которые бросали варвары в их коней с высоты этого укрепления. Тогда начальник этого отряда (имя ему было Александр) на родном для римлян языке велел римлянам сойти с коней и пешими схватиться с врагами в опасном бою.

И вот римляне, сойдя с коней, подошли к укреплению и [противники] взаимно поражали друг друга копьями (прикрываясь щитами). Таким образом, битва стала затягиваться и для той и для другой стороны. Тут какой-то римлянин, с разбегу подскочив и напрягши все силы, влез на одну повозку, связанную в одно целое с укреплением и охранявшую варварское войско; а затем, став на ней, он мечом стал поражать всех приближавшихся. Тут для варваров наступила неизбежная погибель: начиная отсюда, римляне разрушили укрепление варваров. Варвары,

отчаявшись в спасении, убивают оставшуюся часть пленных. Римляне, сильно наступая, ворвавшись — к сожалению, поздно, и с трудом — в середину укрепления, избивают находящихся там варваров.

IV. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЛАВЯН С АВАРАМИ

12. ИЗ МЕНАНДРА

Менандр, прозванный Протиктором, написал в конце VI в. «Историю, повествующую о событиях с 558 по 582 годы». «История» эта полностью не сохранилась и уцелела лишь в отрывках у Свиды и в Константинопольских эксцерптах. Вследствие богатства и достоверности известий, особенно географического и этнографического характера, отрывки из Менандра принадлежат к важнейшим источникам по истории Византии VI в. Здесь между прочим, имеются ценнейшие сведения о славяно-аварских и славяно-аваро-византийских отношениях в VI в.

Властители антские приведены были в бедственное положение и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали их землю. Угнетаемые набегами неприятеля, анты отправили к аварам посланником Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова, и просили допустить их выкупить некоторых пленников своего народа. Посланник Мезамир, пустослов и хвастун, по прибытии к аварам закидал их надменными и даже дерзкими речами. Тогда Котрагиг, который был связан родством с аварами и подавал против антов самые неприязненные советы, слыша, что Мезамир говорит надменнее, нежели это прилично посланнику, сказал кагану: «Этот человек имеет великое влияние между антами и может сильно действовать против тех, которые хоть сколько-нибудь являются его врагами. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на неприятельскую землю». Авары, убежденные словами Котрагига, уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли его правами и убили Мезамира.

С тех пор больше прежнего стали авары разорять землю антов, не переставая грабить ее и порабощать жителей.

Эллада была опустошена склавинами; со всех сторон нависли над нею бедствия. Тиверий не имел достаточных сил противостоять и одной части неприятелей, тем менее всем вместе. Не быв в состоянии выслать к ним навстречу войско, потому что оно было послано на войну восточную, отправил он посольство к князю аваров Ваяну, который в это время не был неприятелем римлян, но, напротив того, при самом вступлении Тиверия на престол хотел получить какую-нибудь прибыль от нашего государства. Итак, Тиверий склонил его воевать против склавинов, для того, чтобы разоряющие римские области, отвлеченные собственными бедствиями, вернулись в свою родную землю и, желая помочь ей, перестали грабить римскую. Приняв от императора посольство, Ваян не отказался от сделанного ему предложения. Вследствие чего был отправлен в Пеонию Иоанн, управлению которого были вверены острова и иллирийские города.

Прибыв в Пеонию, он перевез в римские области Ваяна и войско аваров на так называемых длинных судах. Говорят, что перевезено было в римскую землю около 60 000 всадников, покрытых латами. Проведя их оттуда через Иллирию, Иоанн прибыл в Скифскую область и опять перевез их через Истр на судах, способных плыть взад и вперед. Как скоро авары переправились на противоположный берег, они начали немедленно жечь селения склавинов, разорять их и опустошать поля. Никто из живших там варваров не осмелился вступить с ними в бой: все убежали в чащи, в густые леса. Впрочем, движение аваров против склавинов было следствием не только посольства кесаря или желания Ваяна изъявить ему благодарность за оказываемые ему ласки; оно происходило и по собственной вражде Ваяна к склавинам. Ведь перед тем вождь аваров отправил посольство к Давриту и к важнейшим князьям склавинского народа, требуя, чтобы они покорились ава́рам и обязались платить дань. Даврит и старейшины склавинские отвечали: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашею землею, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи». Такой дерзкий ответ дали склавины; не менее хвастливо говорили и авары. Затем последовали ругательства и взаимные оскорбления, и, как свойственно варварам, жестокими и напыщенными словами они возжигали взаимный раздор. Склавины, будучи не в силах обуздать свой гнев, умертвили посланников аварских. Об этом поступке узнал Ваян от чужих. Итак, он имел издавна причину жаловаться на склавинов и питал тайную к ним вражду, да и досадовал на них за то, что не покорились ему и притом нанесли ему великое оскорбление. Он желал вместе с тем выразить благодарность кесарю и, сверх того, полагал, что склавинская земля изобилует деньгами, потому что издавна склавины грабили римлян... их же земля не была разорена никаким другим народом.

13. ИЗ ФЕОФИЛАКТА СИМОКАТТА

а) *1, 7.* Они [авары] подослали племя славян; огромное пространство римских земель было опустошено; сыпясь, как из решета, они напали на все места вплоть до так называемых «Длинных стен» и на глазах у всех произвели огромное избиение. Император в страхе сторожил «Длинные стены» и вывел сюда из города все отряды личной гвардии, приготовляя в спешном порядке как бы самое надежное укрепление вокруг города. Вот тогда-то Комментиол не бесславно выполняет свою обязанность начальника армии: наступая на Фракию, он гонит толпы славян. Он дошел до так называемой реки Эргинины и, неожиданно напав на славян, нагнал на них великий страх и сверх их ожидания истребил их в огромном количестве. За это опять на-

значенный императором в качестве главнокомандующего, он вновь был направлен против них. Он показал блестящие примеры римской доблести и получил титул, который римляне называют «защитник», даваемый за военное командование. Затем в конце лета, собрав римские силы, он двинулся к Адрианополю и встретился там с Ардагастом, который вел по этим местам большие отряды славян и огромные толпы пленных с богатой добычей. Переждав ночь, рано утром он двинулся поблизости к укреплению Ансину и смело вступил с варварами в сражение. Врагам пришлось «отчаливать назад»: они обратились в бегство, и он гнал их до самой Астики. Этот подвиг римлян дал возможность пленным увидеть светлый день. Вождь их воспел пэан — песню победы — и воздвиг трофей.

б) *VI, 2.* На другой день трое людей из племени славян, не имеющие никакого железного оружия или каких-либо военных приспособлений, были взяты в плен телохранителями императора; единственным их багажом были гусли, и ничего другого они не несли с собою. Император стал их расспрашивать, какого они племени, где назначено судьбой им жить и по какой причине они странствуют в римских пределах. Они отвечали, что по племени они славяне, что живут на краю западного океана. что каган разослал послов вплоть до этих племен, чтобы собрать военную силу, и прислал почетные дары их племенным владыкам; что они дары приняли, но в союзной помощи ему отказали, настойчиво указывая ему на то, что их затрудняет длина пути, что они, взятые сейчас в плен, отправлены к кагану, имея следующие основания для такого оправдания: прошло пятнадцать месяцев, как они идут этой дорогой; что каган, забыв все законы по отношению к послам, решил чинить им всякие затруднения при возвращении. Они слыхали, говорили они, что римский народ и по богатству и по человеколюбию является, так сказать, наиславнейшим; поэтому они, обманув [кагана], выбрали удобный момент и направились во Фракию. Гусли они носят с собою потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие: их страна не знает железа, и потому мирно и без мятежей проходит жизнь у них; они играют на лирах потому, что не обучены трубить в трубы. Для тех, кому война является вещью неведомой, естественно, говорили они, более усиленно предаваться музыкальным упражнениям. Выслушав их рассказы, император пришел в восхищение от их племени и самих этих варваров, попавших в его руки, он удостоил милостивого приема и угощения. Удивляясь величине их тел и красоте членов, он направил их в Гераклею.

в) *VI, 3.* Каган стал требовать от кесаря увеличения договорной суммы взносов. Так как император пропустил все эти речи мимо края уха, то каган тотчас решил предпринять против него войну. Поэтому он приказывал славянам построить большое число легких судов, чтобы там при переходе через Истр как бы накинуть на него узду.

14. ИЗ «ХРОНИКИ ФРЕДЕГАРА»

«Хроника Фредегара» — обычный для средневековых летописцев опыт всемирной хроники — возникла в VII в. в Галлии. В ней находятся важные известия о царстве Само, возникшем в результате освобождения восставших славянских племен от аварского ига, и о победоносных войнах Само с франкским королем Дагобертом (629—639).

а) *IV, 48.* В лето сороковое правление Хлотаря (т. е. около 623 г.) человек, именем Само, по происхождению франк из города Санса, прибыл для торговли в сопровождении многих купцов к славянам, именуемым виниды. Славяне тогда начали поднимать восстания против аваров, именуемых гуннами, и царя их кагана. Виниды издавна были befulci[1] гуннов, и когда гунны воевали с каким-нибудь народом, гунны со всем своим войском стояли перед лагерем, виниды же сражались; если виниды побеждали, тогда гунны подходили для захвата добычи, если же побеждали винидов, то они, опираясь на помощь гуннов, вновь собирались с силами. Потому именовали их гунны befulci, что, образуя в ходе битвы двойной отряд, они шли впереди гуннов. Приходя ежегодно на зимовку к славянам, гунны славянских дочерей и жен брали на ложе. Помимо других утеснений, славяне платили гуннам дань. Сыновья гуннов, коих породили они от жен и дочерей славянских, не желая в конце концов терпеть злобу и утеснения гуннов, отказались им подчиняться и, как я уже сказал выше, стали поднимать против них восстания. Когда виниды выступили против гуннов войной, купец Само, о котором я упомянул выше, пошел с их войском. Там проявил он удивительную доблесть в боях с гуннами, и огромное множество их было поражено мечом винидов. Ценя доблести Само, виниды выбрали его своим царем, и он счастливо правил ими в течение тридцати пяти лет. Много дали сражений гуннам в его правление виниды и благодаря его советам и доблести всегда одерживали над ними победы. Само взял двенадцать жен из племени винидов, от которых имел двадцать двух сыновей и пятнадцать дочерей.

б) *IV, 68.* В этом году славяне, именуемые виниды, убили в царстве Само большое множество франкских купцов и разграбили имущество их. Из-за этого началась распря между Дагобертом и Само, царем славянским. Дагоберт отправил к Само послом Сихария, требуя, чтобы дал справедливое удовлетворение за купцов, которых убили его люди, и за незаконный захват их имущества. Так как Само не хотел видеть Сихария и не разрешал предстать перед лицо его, Сихарий нарядился в славянскую одежду и [в таком виде] явился перед лицом Само вместе

---

[1] Термин вызывает споры. Возможно, что befulci — это испорченное byvolici (от byvolu — буйвол) и означает погонщиков буйволов. С буйволами Западную Европу впервые познакомили авары. Возможно, что Фредегар понимал befulci как bifulci (от fulcio — поддерживаю), т. е. получающие двойную поддержку (от аваров).

с людьми его. Все, что было поручено [королем], он объявил ему. Но по обычаю язычников и гордости их ни в чем Само не дал удовлетворения за проступки людей своих. Он только обещал учредить разбирательство тех и других обвинений, возникших между сторонами, дабы взаимно получили по справедливости. Сихарий, как неразумный посол, говорил Само неподобающие слова, на которые не был уполномочен. Именно [он говорил], что Само и народ царства его должны подчиниться Дагоберту. Само в ответ осторожно сказал: «И земля, которою мы владеем, и сами мы все будем Дагобертовы, если он решит держать с нами дружбу». А Сихарий сказал: «Невозможно, чтобы рабы божии имели дружбу с собаками». Само же возразил: «Если вы — божьи рабы, а мы — божьи собаки, то, так как вы постоянно действуете вопреки его повелениям, нам дано разрешение кусать и терзать вас». И выгнал от себя Само Сихария. Когда тот довел об этом до сведения Дагоберта, Дагоберт немедленно отдал приказ двинуть со всего королевства Австразии войско против Само и винидов. Войско пошло на винидов тремя отрядами; при этом и лангобарды двинулись на славян, нанятые Дагобертом. Славяне повсеместно готовились к бою, и войско алеманов, предводимое Хлодобертом герцогом, на той территории, на которую оно вышло, одержало победу. Одержали победу также и лангобарды. И алеманы и лангобарды захватили при этом большое число славян пленниками. Австразийцы же, окружив крепость Вогатисбург, где за стенами укрылось множество сил винидов, бились с ними три дня. Многие там из войска Дагоберта погибли от меча, прочие же бежали и, покинув палатки со всем имуществом, какое имели, вернулись во-свояси. Много раз после того виниды врывались в Тюрингию и другие области королевства франков, опустошая их. Даже и Дерван, герцог племени сербов, которые тоже были славянами, но издавна подчинялись королевству франков, передался со своими [людьми] царству Само. Победа же, которую одержали виниды над франками, не столько завоевана была отвагою славян, сколько изменою австразийцев, так как они обвиняли Дагоберта в том, что, гневаясь на них, он постоянно налагает руку на их имущество.

15. ИЗ ХРОНИКИ СЕН-ГАЛЛЕНСКОГО МОНАХА

Сен-Галленский монах, живший в середине IX столетия и написавший сочинение «О деяниях императора Карла», сохранил нам описание аварских укреплений, «хрингов», которые были спорными центрами господства аваров над другими народами. В результате совместных походов славян и франков против аваров «хринги» были уничтожены. В основе описания Сен-Галленского монаха лежат рассказы Адальберта, одного из участников похода Карла Великого и славян против аваров.

Земля гуннов, говорил он (т. е. Адальберт), опоясана девятью кольцами, укреплена девятью валами... Каждое кольцо было таким широким, что обнимало расстояние, как от Цюриха

до Констанца; вал был сооружен из дубовых, сосновых и буковых бревен таким образом, что от края до края было 20 футов ширины и столько же высоты; середина же вся была заполнена каменными глыбами и вязкой глиной; а поверхность валов целиком покрыта дерном. Вблизи валов сажали кустарник, который, как мы часто видим, будучи подрезан и распластан на земле, дает чащу из побегов и листьев. Внутри этих укреплений расположены были отдельные дворы и деревни на расстоянии человеческого голоса. Напротив поселений в этих неприступных валах были проделаны небольшие и неширокие ворота; чрез них выходили на грабежи как ближние, так и дальние [жители укреплений]. Второе кольцо, построенное так же, как и первое, имело до третьего ширину в 20 германских или 40 итальянских миль; и так до девятого кольца, причем сами кольца с каждым разом становились значительно уже. От кольца до кольца поселения и жилища были расположены так, чтобы отовсюду можно было услышать сигнал рожка.

Вот в эти-то укрепления и стаскивали гунны двести или даже больше лет подряд все сокровища Запада. Но так как и готы с вандалами нарушали мир и спокойствие, то западный мир оказался почти полностью опустошенным.

16. ИЗ «АННАЛОВ КОРОЛЕВСТВА ФРАНКОВ»

«Анналы Королевства франков» — официальная летопись, составлявшаяся при дворе Карла Великого. Она сообщает очень краткие, но важные известия о заключительных этапах борьбы славян с аварами и о полном поражении последних.

Год 796... Эрик, маркграф Фриульский, послал людей своих с Войномиром славянином в Паннонию завладеть аварским хрингом (хринг был взят и разграблен).

17. ИЗ ЭЙНГАРДА[1]

(«Жизнь Карла Великого»)

Глава XIII. *(Разграбление аварского хринга.)* Вся знать гуннов погибла в этой войне, вся слава исчезла. Все деньги и накопленные за долгое время сокровища были отняты. И человеческая память не сохранила, чтобы франки в какой-либо из войн более обогатились и более приобрели. До этого времени франки казались почти бедными, но теперь в хринге они нашли столько золота и серебра и в битвах захватили столько драгоценной добычи, что поистине можно сказать: франки справедливо отняли у гуннов то, что прежде гунны несправедливо отобрали у других народов.

[1] Данные об Эйнгарде см. в главе «Франкское государство Каролингов».

18. ИЗ «АННАЛОВ КОРОЛЕВСТВА ФРАНКОВ»

Год 805... Недолгое время спустя, каган, глава гуннов, из-за нужды своего народа явился к императору, прося дать ему место для поселения между Сабарией и Карнунтумом [1], так как из-за враждебных действий славян он не мог оставаться на прежнем месте жительства.

19. ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Сиже Объри воеваша на Словены, и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилие творяху женамъ Дулебьскимъ: аще поехати будяше Обърину, не дадяше въпрячи ни коня, ни волу, нъ веляша въпрячи три ли, четыре ли, пять ли женъ в телегу, и повести Обърина; а тако мучаху Дулебы. Быша бо Объри телъмь велици, а умъмь гърди, и Бог потреби я, и помьроша вьси, и не остася ни единъ Обърин; и есть притъча в Руси и до сего дьне: погыбоша акы Объри, ихъ же несть ни племене, ни наследъка.

V. ПОЛАБСКИЕ И ПОМОРСКИЕ СЛАВЯНЕ

20. ИЗ БАВАРСКОГО ГЕОГРАФА

Анонимный Баварский Географ (866—890) оставил интересное описание славянских народов, живших на территории нынешней Германии, а также народов придунайских областей. Его труд, по всей вероятности, преследовал чисто практические цели — быть путеводителем для баварских купцов. Древнейшие славянские города, перечисляемые в таком множестве Анонимным Географом, представляются современным ученым в виде укрепленных городищ, хорошо известных нам из археологических раскопок.

Описание городов и областей, лежащих к северу от Дуная

Ближе всего к пределам Дании находятся те, которых называют северными ободритами. Их область, имеющая пятьдесят три города, разделена между их князьями. У вильцев — четыре области и девяносто пять городов. Глиняне — народ, имеющий семь городов. Поблизости находятся те, которые называются бетеничи, мильчане и моричане, имеющие одиннадцать городов. Рядом с ними гаволяне, имеющие восемь городов. Рядом с ними находится область сербов, в которой много племен и которая имеет пятьдесят городов. Рядом с ними гломачи, имеющие четырнадцать городов. У чехов пятнадцать городов. Моравы имеют одиннадцать. Болгары, область которых огромна и народ велик, имеют только пять городов, так как великое множество из них [ведет кочевой образ жизни] [2] и не нужно им иметь города. Есть еще народ, который называется меречанами: они имеют тридцать городов. Таковы области, которые граничат с нашими пределами.

---

[1] То-есть в Верхней Паннонии.

[2] В данном месте рукопись испорчена.

21. ИЗ АДАМА БРЕМЕНСКОГО

(«Деяния священников гамбургской церкви»)

Адам Бременский, написавший свой труд около 1075 г., считается не только выдающимся историком, но и одним из первых немецких географов. В своем сочинении он описывает главным образом события, происходившие в северной Германии, Дании, Швеции и Норвегии. Адам Бременский хорошо знал предшествовавших ему историков и с большой тщательностью и осторожностью собирал устные известия. Относительно скандинавских и частично славянских событий он получал информацию от датского короля Свена Эстритсона. Сведения о торговых путях на Балтике и о славянских землях Адам Бременский черпал из рассказов купцов и миссионеров.

а) Расселение славянских племен

II, 18. Славия — это очень обширная область Германии, населена винулами, которые некогда назывались вандалами. Славия в десять раз больше нашей Саксонии, если причислять к ней чехов и живущих по ту сторону Одры поляков, которые не отличаются от жителей Славии ни своей внешностью, ни языком. Эта страна, очень богатая людьми, оружием и плодами, со всех сторон окружена крепкими естественными границами, образованными горами, покрытыми лесом, и реками. В ширину, то-есть с юга на север, страна эта простирается от реки Лабы [т. е. Эльбы] до Скифского [Балтийского] моря. Длина же представляется настолько значительной, что, начинаясь от нашей Гамбургской епархии, простирается через необозримые просторы вплоть до Баварии, Венгрии и Греции. Славянских народов существует много. Среди них наиболее западные — это вагры, живущие на границе с трансальбингами. Их город, лежащий у моря, Старград. Затем следуют ободриты, которых теперь называют ререгами, и их город Велеград [Мекленбург]. К востоку от нас [т. е. от Гамбурга] живут полабы, город которых называется Ратибором [Рацибургом]. За ними — глиняне и варны. Дальше следуют хижане и чрезпеняне, которые отделяются от доленчан и ратарей рекой Пеной и городом Дыминым. (Хижане и чрезпеняне живут к северу от реки Пены, доленчане и ратари — к югу. Эти четыре народа по причине их храбрости называют вильцами или лютичами). [Добавление к Адаму средневекового комментатора.] Там предел Гамбургской епархии. Есть еще и другие славянские племена, которые живут между Лабой и Одрой: гаволяне по реке Гавеле, дочане, любушане, волыняне и стодоране и многие другие, из всех них самыми могущественными являются ратари, живущие в центре. Их город — всемирно известная Ретра [или Радигощ [1]] — седалище идолослужения; там построен огромный храм в честь демонов, главный из которых Радигость. Изображение его сделано из золота, ложе из пурпура. Самый город имеет девять ворот и окружен со всех сторон глубоким озером, через которое построен для перехода бревенчатый мост,

[1] Сравните с текстом Титмара Мерзебургского (док. 22).

но через него разрешается проходить только идущим ради жертвоприношения или вопрошения оракула... Говорят, что от Гамбурга до храма четыре дня пути.

IV, 18. Три острова должны быть выделены среди тех островов, которые лежат обращенными к славянской земле. Первый из них называется Фембре. Он расположен против области вагров так, что его, как и остров Лаланд, можно увидеть из Старграда. Второй остров расположен напротив вильцев: им владеют руяне, очень храброе славянское племя, без решения которого, сообразно с законом, не предпринимаются никакие общественные постановления. Их боятся, поскольку они находятся в тесных сношениях с богами, или скорее демонами, которым они воздают больше почитания, чем остальным. Оба этих острова полны пиратами и кровожадными разбойниками, которые не щадят никого из проплывающих мимо. Всех пленников, которых другие обычно продают, они убивают. Третий остров называется Семландией и находится поблизости от русских и поляков. Он населен сембами или пруссами, очень человеколюбивыми и самоотверженными людьми, которые всегда стремятся на помощь к тем, кто подвергается опасности в море или нападению пиратов.

б) Описание города Волыни

II, 19. За землей лютичей, которые также называются вильцами, находится Одра, самая многоводная река славянской земли. Там, где Одра впадает в Скифское [т. е. Балтийское] море, лежит знаменитейший город Волынь, отличный порт, посещаемый греками и варварами, живущими вокруг. О славе этого города, про который много всего рассказывают, а часто и неправдоподобное, необходимо поведать кое-что, достойное внимания. Волынь — самый большой из всех городов Европы. В нем живут славяне вместе с другими народами, греками и варварами. Даже и прибывающие туда саксы получают равные права с местными жителями, если только, оставаясь там, не выставляют напоказ своей христианской веры. Все в этом городе еще преданы губительным языческим обрядам. Что же касается нравов и гостеприимства, то нельзя найти народа более честного и радушного. В этом городе, полном товарами всех народов, ничто не представляется роскошным или редким. Там имеются и вулкановы сосуды [?], которых местные жители называют «греческим огнем», о подобных же писал и Солин... Из Волыни за короткий срок на гребном судне добираются до города Дымина, который лежит недалеко от устья реки Пены, [там поблизости] живут и руяне; откуда до области Семландии, принадлежащей пруссам, расстояние такое, что из Гамбурга или же реки Лабы в семь дней достигают Волыни, путешествуя сухим путем; если же хочешь ехать морем, то нужно в Шлезвиге или Старграде сесть на корабль, также попадешь в Волынь. Пустившись на парусах из Волыни, на че-

тырнадцатый день прибудешь в Новгород, который лежит в России, где столица Киев, соперница Константинопольского скипетра, краса и слава Греции[1].

22. ИЗ ТИТМАРА МЕРЗЕБУРГСКОГО

(«Хроника»)

«Хроника» Титмара, епископа Мерзебургского (ум. в 1018 г.), особенно ее последние четыре книги, рассказывающие главным образом о событиях в восточной Германии и славянских землях во время правления Генриха II (до сентября 1018 г.), является важным источником при изучении истории и культуры балтийских славян. Епархия Титмара охватывала славянские земли, сам епископ вступал в непосредственные сношения со славянами, понимал славянский язык и многое из описываемого в «Хронике» видел лично.

VI книга, 17, 18

а) *17*. Есть в земле ратарей некий город, по имени Радигощ, он треугольной формы и имеет трое ворот; со всех сторон его окружает большой лес, неприкосновенный и священный в глазах местных жителей. Двое ворот города открыты для всех приходящих; третьи, самые малые и обращенные на восток, ведут к морю, лежащему поблизости и на вид ужасному. У этих ворот не стоит ничего, кроме искусно построенного из дерева храма, в котором опорные столбы заменены рогами различных зверей. Стены его извне, как всякий может видеть, украшены чудесной резьбой, изображающей различных богов и богинь; а внутри стоят идолы богов ручной работы, страшные на вид, в полном вооружении, в шлемах и латах, на каждом вырезано его имя. Главный из них, которого особенно уважают и почитают все язычники, называется Сварожич. Здесь находятся и боевые знамена, которые выносятся из храма только в случае войны и поручаются пешим воинам. Для тщательного их охранения жителями поставлены особые жрецы, которые только одни остаются сидеть, когда все прочие стоят, в то время, как совершаются жертвоприношения и умилостивляются боги. С таинственным бормотанием они начинают яростно раскапывать землю, чтобы по выброшенным жребиям узнать исход сомнительного предприятия. Кончив это, они прикрывают жребий зеленым дерном и с молитвой ведут коня, почитаемого за священного, через воткнутые в землю крест-накрест копья, и этим гаданием при помощи священного коня они ищут подтверждения выброшенным жребиям, по которым сперва что-нибудь уже разузнали. И если в том и другом случае окажется одинаковое предзнаменование, замышляемое дело приводится в исполнение, а если нет, то народ с печалью отказывается от задуманного предприятия. Верящие издавна различным заблуждениям, они считают, что если им угрожает продолжительная и жестокая война, то из упомянутого моря выхо-

[1] В данном случае автор подразумевает под «Грецией» все те страны, которые исповедовали христианство по греческому обряду.

дит огромный кабан с белыми и блестящими клыками, и многие видят, как он катается по болоту, сопровождаемый страшными сотрясениями земли.

б) *18*. Сколько в той стране областей, столько там есть и храмов и изображений отдельных демонов, которых почитают неверные; но среди них упомянутый город пользуется наибольшим уважением. Его посещают, когда идут на войну, а по возвращении, если поход был удачным, чествуют его соответствующими дарами; а какую именно жертву должны принести жрецы, чтобы она была желанной богам, об этом гадали, как я уже говорил, посредством коня и жребиев. Гнев же богов умилостивляется кровью людей и животных.

Всеми этими племенами, которые вместе называются лютичами, не управляет один отдельный властитель. Рассуждая на сходке о своих нуждах, они единогласно все соглашаются относительно того, что следует сделать; а если кто из них противоречит принятому решению, то того бьют палками, а если он и вне собрания открыто противится постановлению, то либо имущество его предается огню и разграблению, либо он уплачивает в собрании определенную сумму денег, сообразную с его состоянием. Сами вероломные и непостоянные, от других они требуют постоянства и великой верности. Заключая мир, они отрезают прядь волос с головы; смешивают волосы с травой и подают правую руку. К нарушению мира их легко склонить даже и деньгами. Эти-то воины, некогда бывшие нашими рабами, а затем из-за наших грехов ставшие свободными, отправляются в сопровождении своих богов помогать королю.

23. ИЗ «ЖИЗНЕОПИСАНИЙ ОТТОНА БАМБЕРГСКОГО»

Оттон, епископ Бамбергский, совершил в 1124—1127 гг. две поездки в страну поморян. Подробное описание этих путешествий сохранилось в «Жизнеописаниях Оттона Бамбергского», которые были составлены по рассказам участников миссии Оттона и дошли до нас в трех вариантах. Самым значительным из них является «Диалог об Оттоне, епископе Бамбергском», написанный Гербордом около 1158—1159 гг. Эти «Жизнеописания» — не только важнейшие источники для внутренней истории балтийских славян, их быта, нравов, политических учреждений и хозяйственного строя, но интереснейший документ, свидетельствующий о взаимоотношениях поморян с другими славянскими народами.

а) Земля поморских славян

II, 41. Изобилие рыбы в море, реках, озерах и прудах настолько велико, что кажется прямо невероятным. На один денарий можно купить целый воз свежих сельдей, которые настолько хороши, что если бы я стал рассказывать все, что знаю о их запахе и толщине, то рисковал бы быть обвиненным в чревоугодии. По всей стране множество оленей и ланей, диких лошадей, медведей, свиней и кабанов и разной другой дичи. В избытке имеется коровье масло, овечье молоко, баранье и козье сало, мед, пшеница, конопля, мак, всякого рода овощи и фруктовые деревья, и будь

там еще виноградные лозы, оливковые деревья и смоковницы, можно было бы принять эту страну за обетованную, до того в ней много плодовых деревьев. Но епископ не хотел, чтобы виноград отсутствовал в этой стране, и поэтому во второй свой приезд привез с собой полную кадку саженцев и велел их высадить в землю, чтобы по крайней мере было вино для причащения.

Честность же и товарищество среди них таковы, что они, совершенно не зная ни кражи, ни обмана, не запирают своих сундуков и ящиков. Мы там не видели ни замка, ни ключа, а сами [жители] были очень удивлены, заметив, что вьючные ящики и сундуки епископа запирались на замок. Платья свои, деньги и разные драгоценности они содержат в покрытых чанах и бочках, не боясь никакого обмана, потому что они его не испытывали. И что удивительно, их стол никогда не стоит пустым, никогда не остается без яств; каждый отец семейства имеет отдельную избу, чистую и нарядную, предназначенную только для еды. Здесь всегда стоит стол с различными напитками и яствами, который никогда не пустует: кончается одно — тотчас же несут другое. Ни мышей, ни мышат туда не допускают. Блюда, ожидающие участников трапезы, покрыты наичистейшей скатертью. В какое время кто ни захотел бы поесть, гость ли, домочадцы ли, они идут к столу, на котором все уже готово.

б) Общественные здания в Щетине

II, 32. В городе Щетине находились четыре контыни. Но одна из них, бывшая главнейшей, выделялась украшениями и удивительной искусностью постройки: она имела скульптурные украшения как снаружи, так и внутри. Изображения людей, птиц и животных были сделаны так естественно, что казалось, будто они живут и дышат. И что надо отметить как наиболее редкостное: краски этих изображений, находящихся снаружи здания, не темнели и не смывались ни дождем, ни снегом — такими их сделала искусность художников. Сюда они приносят, по давнему обычаю своих предков, определенную законом десятую часть награбленных богатств, оружия врагов и всякой добычи, захваченной в морских или сухопутных сражениях. Там же сохранялись золотые и серебряные сосуды и чаши, которые в праздничные дни выносились как будто из святилища. Знатные и могущественные люди гадали, пировали и пили из них. Там же сохраняли они в честь богов и ради их украшения огромные рога диких быков, обрамленные в золото и драгоценные камни и пригодные для питья, а также рога, в которые трубили, кинжалы, ножи, различную драгоценную утварь, редкую и прекрасную на вид. Там же было трехглавое изображение божества, которое имело на одном туловище три головы и называлось Триглавом. Три другие контыни почитались меньше и поэтому были менее богато украшены. Внутри их были только расставлены в круг скамьи и столы, потому что щетинцы имели обыкновение устраивать здесь совеща-

ния и сходки. В определенные часы и дни они собирались сюда затем, чтобы пить, или играть, или обсуждать серьезные дела. Кроме того, там стоял высокий густой дуб, а под ним находился излюбленнейший источник, который очень почитался простым народом, так как считали его священным, полагая, что в нем живет божество.

в) Вечевой помост в Щетине

III, 17. После этого сопровождаемый слугами епископ последовал среди густой толпы язычников в центр рыночной площади. Там возвышались бревенчатые ступени, с которых обычно глашатаи и должностные лица города обращались с речью к народу. Стоя на этом помосте, епископ начал свою речь. Гул враждебно настроенной толпы голосом и движением руки успокоил вместо глашатая Витчак [один из именитейших граждан города].

г) Мостовые в Волыни

II, 24. Улицы города были глинисты и болотисты и из-за грязи повсюду были устроены мосты и настилы из досок.

д) Дружина и военное дело

II, 23. Неподалеку от города Камень жила вдова, очень уважаемая и окруженная многочисленной семьей, деятельно правившая всем своим хозяйством. Муж ее при жизни имел свою собственную стражу в тридцать лошадей со всадниками, и это считалось в их стране весьма значительным. Силу и могущество знатных людей и военачальников там определяют количеством или числом лошадей. «Этот человек силен, могущественен и богат, — говорят они, — он может держать столько-то и столько-то коней». Так, услышав о числе коней, они понимали под этим числом воинов, ибо каждый воин обычно имеет только одного коня. А кони той земли велики ростом и сильны. Каждый воин сражается без щитоносца, носит на себе ранец и круглый щит, достаточно ловко и смело исполняет свою военную службу. Только князья и военачальники имеют одного, много — двух слуг.

е) Труд зависимых людей в хозяйстве крупных землевладельцев

II, 23. Наступило время жатвы. В один из воскресных дней, когда народ со всех сторон торопился в церковь, случилось, что упомянутая выше вдова ни сама не пошла в церковь, ни своим [слугам] не разрешила пойти. Разгневанная, она приказала: «Идите жать на мои поля! Это полезней, чем молиться какому-то новому богу, которого из своей страны привез нам этот Оттон, епископ Бамбергский. На что он нам! Разве вы не видите, сколько добра и какое богатство дали нам наши боги, и что всеми своими сокровищами, славой и изобилием мы обязаны их щедрости! Поэтому отступиться от их почитания будет величайшей несправедли-

востью. Итак, идите, как я вам сказала, жать наши нивы. И чтобы вы меньше боялись, приготовьте мне повозку; я сама поеду с вами в поле собирать урожай». Приехав на поле, она сказала: «Делайте то же самое, что увидите делаю я сама». Едва только она, засучив рукава и подобрав платье, схватила в правую руку серп, а левой взялась за колосья, [как ее внезапно поразил удар].

ж) Долговая кабала у славян

Во время своего пребывания в Гостькове Оттон Бамбергский построил церковь. К освящению ее приехал правитель города Мицлав. Епископ уговорил его отпустить заложников, содержавшихся ради денег в его темницах.

III, 9. И призвав служителя, поставленного над пленниками, Мицлав предписал отпустить всех. Был также среди них знатный юноша, сын одного могущественного датчанина. Отделенный от остальных, он был закован в цепи и заключен в подземную темницу, так как его отец, будучи должен Мицлаву пятьсот фунтов, оставил его в качестве заложника.

24. ИЗ ГЕЛЬМОЛЬДА.

(«Славянская хроника»)

Гельмольд, автор «Славянской хроники», будучи священником в Басове, жил в самом центре области вагров. Его «Хроника», написанная около 1172 г., очень важна изложением политических событий в славянских землях, связанных с походами Генриха Льва против славян. Вместе с тем Гельмольд сообщает нам ряд ценных наблюдений о быте и религии полабских славян.

а) Тяжелый плуг у славян

I, 87. И предписал герцог славянам, продолжавшим оставаться в земле вагров, полабов, ободритов и хижан, чтобы они платили епископу подать, которую платят поляки и поморяне, т. е. с рала при три мерки пшеницы и по двенадцать денежек ходячей монеты. Славянская же мерка на их языке называется корец. В славянский же плуг запрягают пару волов или лошадей.

б) Языческие обряды и жертвоприношения

I, 52. Кроме священных рощ и пенатов, которыми преисполнены земли и города, первые и главные божества были: Перун, бог Старградской страны, Жива, богиня полабов, Радигость, бог земли ободритов. Для них были назначены жрецы и установлены жертвоприношения и многочисленные культовые обряды. Жрец по указанию жребия определяет дни празднества в честь богов, и тогда сходятся мужчины и женщины с детьми и закалывают своим богам в жертву быков и овец, а часто и христиан, заявляя, что их кровь доставляет богам наслаждение. Заколов жертву, жрец отведывает крови, чтобы более успешно воспринимать прорицания, так как у многих существует мнение, будто демоны легче призываются посредством крови. Когда сообразно с обы-

чаем заканчивается жертвоприношение, народ принимается за пиры и развлечения. Есть также у славян удивительное заблуждение: в своих пирах и попойках они обносят кругом чашу и над нею говорят слова, не скажу благословения, а скорее пожелания, поминая богов доброго и злого: они признают, что все благое происходит от доброго бога, все дурное — от злого. Поэтому они и называют на своем языке злого бога Дьяволом или Чернобогом, т. е. черным богом. Между многообразными же славянскими божествами преобладает Святовит, бог земли руян; именно он более других способен в прорицаниях.

в) Политическое значение религиозных центров

I, 21. В те дни возникло большое волнение в восточной области славян, которые были разделены междоусобной войной. Существует четыре народа, называющиеся лютичами или вильцами и состоящие из хижан и чрезпенян, живущих к северу от реки Пены, и ратарей с доленчанами, находящихся к югу от Пены. Между ними разгорелся громкий спор о силе и могуществе. Ратари и доленчане по причине древности своего города и известности своего храма, в котором выставлено изображение Радигостя, хотели править над остальными, приписывая себе честь особенной знатности на том основании, что к ним приходили от всех славянских народов за ответом оракула и ради ежегодных жертвоприношений. Чрезпеняне и хижане отказались подчиниться и, напротив, постановили оружием защищать свою свободу.

г) Значение жрецов

II, 12. Царь у руян по сравнению с жрецом имеет более скромное значение. Ведь жрец исследует ответы оракула и толкует выпавший жребий. Он зависит от приказания жребия, а царь и народ зависят от его приказаний.

д) Гостеприимство славян

Гельмольд вместе с епископом Герольдом совершает поездку по славянским землям. После пребывания в Старграде, следуя настоятельной просьбе князя вагров Прибыслава, они отправляются в его поместье. Этот отрывок особенно ценен тем, что здесь Гельмольд передает свои личные наблюдения.

II, 82. После окончания священнослужения Прибыслав попросил, чтобы мы завернули в его дом, находившийся в отдаленном городе. И принял он нас с великим радушием, и устроил роскошный пир. Поставленный перед нами стол был загроможден двадцатью кушаньями. Тут-то я и узнал на собственном опыте то, о чем прежде слышал из народной молвы, — что нет народа более славящегося гостеприимством, чем славяне. В созывании гостей все они настолько быстры, что никогда не приходится просить у них о приеме. Все, что получают в результате занятий землепашеством, рыболовством и охотой, они расходуют на угощение и считают того самым доблестным, кто всего расточительнее.

Древние кельты и германцы

Введение

Отрывки из источников, подобранные в этом отделе, разбиты для удобства пользования ими на следующие три части:

1. Гай Юлий Цезарь о галлах.
2. Гай Юлий Цезарь о древних германцах.
3. Тацит о древних германцах.

Подбор источников о кельтах и германцах имеет своей целью предоставить в распоряжение учителя документальный материал, который помог бы ему подготовить урок, богатый по своему фактическому содержанию и интересный по форме. Начиная курс истории средних веков и рассказывая о конце рабовладельческого строя, учитель непосредственно подходит к теме «Варвары и Рим», теме, которая должна создать у учащихся правильное представление о роли варваров, своим «варварством», то-есть своим общественным строем «омолодивших Европу» (Ф. Энгельс). Краху Западно-Римской империи в V в. предшествовали несколько веков напряженной борьбы римлян с кельтами и германцами. Античные писатели сохранили нам известия об этих взаимоотношениях и описали нравы и обычаи варваров. Поскольку общественный строй варваров в сочетании с римскими порядками явился основой развития феодализма, свидетельства античных писателей приобретают для науки огромное значение.

Документ 1 интересен своим указанием на пережитки первобытно-общинного строя у древних кельтов и на выделение родовой знати. Сравнение этого свидетельства с описанием древних германцев Цезарем позволит учителю сделать вывод, что в I в. до н. э. галлы стояли на более высокой ступени общественного развития, чем германцы; у галлов наблюдалось уже разделение на классы и возникновение государства и резко выраженная социальная дифференциация. Важны указания на наличие у галлов определенных повинностей и налогов, на ограниченный допуск в народное собрание, на возникновение дружин у представителей родовой знати и выделение обособленного военного класса. Так как документ очень пространен, учителю следует лишь вкратце передать его содержание.

В *документе 2* сам Цезарь подчеркивает, что обычаи германцев по сравнению с галлами более архаичны и то, что галлами уже пройдено, продолжает сохраняться у германцев. Ясно, что большую роль в разложении первобытнообщинного строя у древних кельтов сыграли соприкосновения с римлянами в периоды длительных войн.

Из документа 2 учитель может извлечь ряд указаний, относящихся к хозяйственному быту галлов (о развитии свиноводства и овцеводства, об изготовлении холста и сукон). Учитель может подчеркнуть значительные размеры этого производства и постепенное втягивание Галлии в хозяйственную жизнь Римской империи (экспорт в Италию сукна).

Документы 3—4 дают описание древних германцев в эпоху Цезаря. Первый из них может быть весьма полно использован в рассказе учителя. Первую главу имеет смысл прочесть в классе целиком, затем, поясняя отдельные выражения Цезаря, учитель может нарисовать довольно подробную картину жизни древних германцев. Особенно следует обратить внимание учащихся на родовой строй свевов, на коллективную собственность на землю и ее сов-

местную обработку. Некоторые выводы из прочтенного в классе текста имеет смысл сделать сообща с учениками, предлагая ряд вопросов, например: «Была ли у свевов частная земельная собственность?», «Что играло в жизни свевов бо́льшую роль — земледелие или скотоводство?»

Из второй главы учитель может почерпнуть детали, характеризующие военную тактику германцев. В третьей главе важен тот факт, что Цезарь отмечает более высокую культуру галлов сравнительно с германцами.

Документ 4 поясняет ряд обычаев германцев, известных из описания свевов. Цитируя выдержки из 22-й главы, учитель вправе особенно выделить указание на равенство среди германцев как одну из характерных черт родового строя и на обработку земли «родами и группами живущих вместе родственников».

Из следующей главы можно процитировать небольшой отрывок об отсутствии постоянных вождей у германцев и о выборности военных вождей в случае войны. Особенно следует подчеркнуть главную роль народных собраний.

Документ 5 содержит значительную часть текста «Германии» Тацита, которая является важнейшим источником для изучения истории древних германцев. Учитель может воспользоваться этим документом для подготовки яркого и интересного рассказа. В целом же проработку этого документа следует провести в историческом кружке.

Известия Тацита показывают, что в его время древние германцы стояли уже на более высокой ступени развития, чем в эпоху Цезаря. Частная собственность на землю еще отсутствовала, земля занималась всей деревней, а затем делилась между семьями, причем лучшие участки отходили к представителям выделявшейся родовой знати. Верховная власть продолжала принадлежать народному собранию, но вместе с тем все бо́льшую роль играл совет родовых старейшин и военных вождей, которые предварительно рассматривали некоторые дела, передаваемые в народное собрание. Во главе стояли племенные старейшины, а иногда и короли. Энгельс пишет, что в эпоху Тацита древнегерманское общество переживало последнюю стадию родового строя, или варварства, и характеризовалось как «военная демократия».

Отрывки из «Германии» Тацита в силу их лаконичной выразительности можно весьма широко использовать в классе. Описательный характер изложения у Тацита позволяет привлечь к этой работе широкий круг учеников. Можно заранее предложить ученикам прочесть дома соответствующий раздел хрестоматии и затем часть урока провести в форме общей беседы, задавая классу следующие вопросы: «Как проходило у германцев народное собрание?», «Как пользовались они землею и какую роль играло скотоводство?», «Какова была их тактика и военное дело?» и т. д.

Тогда во второй части урока учителю остается только, приведя в систему, обобщить результаты беседы и повторить полученные выводы.

Некоторые главы (например, о военном деле — VI, VII, VIII) можно просто пересказать, другие следует процитировать (например, описание народного собрания — главы XI—XIII). Полезно познакомить учеников с возникновением дружины у германцев (глава XIV) и подчеркнуть праздность германской знати (главы XV—XXII); первую половину XV главы хорошо процитировать в классе, пояснив, что такой образ жизни верхушки древнегерманского общества был возможен только при эксплоатации более слабых и зависимых членов рода, а также рабов и вольноотпущенников (сравнить с главой XXV).

Главы XVI, XVII и XXIII дают интересные детали быта; в целях экономии времени их проще кратко пересказать. Глава XXVI требует к себе особого внимания учителя; нельзя ограничиться лишь ее цитированием, так как в таком случае она окажется непонятой учениками. После прочтения этой главы учитель поясняет ее, подчеркивая, что родовые порядки еще довольно сильны у древних германцев, что не существует частной собственности на землю и «земля занимается всеми вместе», а затем делится между отдельными семьями сообразно с численностью семьи и ее «достоинством», то-есть с

социальным положением участвующих в разделе. Так различие в величине земельного надела является еще одним признаком разложения родового строя и существования социальной и имущественной дифференциации в древнегерманском обществе эпохи Тацита. Но если земли, идущие под пашню, подлежали разделу среди отдельных семей, то в общем пользовании оставалось общинное поле, пастбища, выгоны, лесные участки, пруды и т. д.

Тацит подчеркивает экстенсивный характер земледелия: германцы не очень тщательно обрабатывали землю, не пользовались удобрениями и орошением, не разводили фруктовых садов. Учитель может сравнить данные Тацита с рассказом Плиния о том, что из германских племен только убии, живущие по соседству с кельтами, удобряют почву. Сопоставление этих известий с утверждением Цезаря (документ 3, глава 3) о заимствовании убиями культурных навыков от галлов дает возможность учителю сделать обобщение, что в первые века нашей эры германцы стояли на более низкой ступени культурного развития, чем кельты.

Главы XXX—XXXII и XXXVIII—XXXIX описывают отдельные германские племена. Две первых из них дадут ряд интересных деталей для рассказа о военном деле, две последних уместно сопоставить с документом 6, где Плиний говорит о разделении германских племен на группы. *Документ 6* не имеет смысла цитировать в классе, так как трудные названия племенных групп вряд ли запомнятся учащимися. Если же учитель захочет использовать этот документ для рассказа о географическом расселении германских племен, то следует сопровождать рассказ показом на карте. *Документы 7—9,* если позволит время, хорошо целиком прочесть в классе: своим необычным содержанием они заинтересуют учащихся и оживят урок. *Документы 8* и *9* характеризуют тот страх, который испытывали перед дикой природой Германии римляне, привыкшие к возделанным полям Италии. Документ 7 уместно процитировать полностью: в нем ярко запечатлены исключительно примитивный образ жизни и культурная отсталость некоторых германских племен. Этот текст важен как опровержение ложного тезиса буржуазной науки о культурном превосходстве германцев над древними славянами. При внеклассной работе учитель может уделить последнему значительно больше внимания. Привлечение документов из раздела «Древние славяне» поможет показать полную несостоятельность подобного утверждения.

При работе в кружке, пожалуй, достаточно ограничиться общим докладом «Древние германцы», в основу которого можно положить наиболее яркие и красноречивые документы, то-есть отрывки из «Германии» Тацита. Только в том случае, если ученик, заинтересовавшийся темой, хорошо подготовлен, целесообразно посоветовать ему использовать для сравнения данные Цезаря. Наиболее сильным из учеников можно также порекомендовать соответствующие главы из классической работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и разделы о первобытно-общинном строе в четвертой главе «Краткого курса истории ВКП(б)».

* * *

Классики марксизма-ленинизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV (Немецкая идеология), т. XV (Марка), т. XVI, ч. I (Происхождение семьи, частной собственности и государства).

* * *

Документ 1 цитируется по книге «Записки Юлия Цезаря», изд. Академии наук СССР, 1948 г. Документ 2 взят в переводе Стасюлевича, документы 3 и 6 переведены А. И. Неусыхиным, документ 4 переведен С. П. Моравским, документ 5 переведен В. Н. Граковым. Введение к отделу написано С. Д. Сказкиным.

I. ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ О ГАЛЛАХ

1. ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

(«Записки о галльской войне»)

Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) — знаменитый римский политический деятель и полководец (фактический диктатор с 48 по 44 г.), с 58 по 52 г. — наместник Галлии, ход завоевания которой он изобразил в своих «Commentarii de bello gallico», представляющих собой литературную обработку его ежегодных донесений римскому сенату.

Книга VI, глава 11. В этой связи[1] нам представляется нелишним поговорить о нравах Галлии и Германии и об отличии этих народов друг от друга. В Галлии не только во всех общинах и во всех округах и других подразделениях страны, но чуть ли не в каждом доме существуют партии. Во главе этих партий стоят лица, имеющие в общественном мнении наибольший вес, на их суд и усмотрение передаются все важнейшие дела. Этот порядок установился, повидимому, очень давно, с тем чтобы людям простым была обеспечена помощь против сильных. Ибо ни один глава партии не позволяет притеснять и обижать своих приверженцев; в противном случае он теряет у своих сторонников всякое влияние. В общем итоге это явление наблюдается во всей Галлии, ибо во всех общинах существуют две партии.

Глава 12. Ко времени прибытия Цезаря в Галлию во главе одной партии стояли эдуи, во главе другой — секваны...

Глава 13. Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами. Но вышеупомянутые два класса—это друиды и всадники. Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно они выносят приговоры почти по всем спорным делам общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах, — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виноватого от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разгово-

[1] Цезарь готовился в это время к войне с германским племенем свевов.

ров с ним, чтобы не нажить беды точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность.

Во главе всех друидов стоит один, который пользуется среди них величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием. В определенное время года друиды собираются на заседания в освященное место в стране карнутов, которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся все тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам. Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, отправляются туда для ее изучения.

Глава 14. Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими... Вследствие таких преимуществ многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них заведен по двум причинам: друиды не желают, чтобы их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти; да и действительно со многими людьми бывает, что они, находя себе опору в записи, с меньшей старательностью учат наизусть и запоминают прочитанное. Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость. Кроме того, они много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов.

Глава 15. Другой класс—это всадники. Они все выступают в поход, когда это необходимо и когда наступает война (а до прихода Цезаря им приходилось почти ежегодно вести или наступательные, или оборонительные войны). При этом, чем кто знатнее и богаче, тем больше он держит при себе слуг и клиентов. В этом одном они видят свое влияние и могущество.

Глава 16. Все галлы чрезвычайно набожны. Поэтому люди, пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды. Именно галлы думают, что бессмертных богов можно умилостивить не иначе, как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни. У них заведены даже общественные жертвоприно-

шения этого рода. Некоторые племена употребляют для этой цели огромные чучела, сделанные из прутьев, члены которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени. Но, по их мнению, еще угоднее бессмертным богам принесение в жертву попавшихся в воровстве, грабеже или другом тяжелом преступлении, а когда таких людей нехватает, тогда они прибегают к принесению в жертву даже невиновных.

Глава 17. Из богов они больше всего почитают Меркурия. Он имеет больше, чем все другие боги, изображений, его считают изобретателем всех искусств, он же признается указывателем дорог и проводником в путешествиях; думают также, что он очень содействует наживе денег и торговым делам. Вслед за ним они почитают Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Об этих божествах они имеют приблизительно такие же представления, как остальные народы: Аполлон прогоняет болезни, Минерва учит начаткам ремесел и искусств, Юпитер имеет верховную власть над небожителями, Марс руководит войной[1]. Перед решительным сражением они обыкновенно посвящают ему будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место. Во многих общинах можно видеть целые кучи подобных предметов в освященных местах, и очень редко случается, чтобы кто-либо из неуважения к этому религиозному обычаю осмелился скрыть у себя что-нибудь из добычи или унести из кучи: за это определена очень мучительная казнь.

Глава 18. Галлы все считают себя потомками [отца] Дита и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, за ней день. В остальных своих обычаях они отличаются от прочих народов главным образом тем, что позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше достижения ими совершеннолетия и воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце.

Глава 19. К деньгам, которые муж получает в приданое за женой, он прибавляет такую же сумму из своего имущества на основании произведенной оценки. Этому соединенному капиталу ведется общий счет, и доходы от него откладываются. Кто из супругов переживет другого, к тому переходят обе половины капитала вместе с наросшими за все время процентами. Мужья имеют над женами, как и над детьми, право жизни и смерти, и когда умирает знатный человек — глава семейства, то собираются его

---

[1] Цезарь обозначает кельтские божества римскими именами сообразно с сходством функций и атрибутов, приписываемых отдельным богам. Меркурию более или менее соответствует кельтский Teutates, Марсу — (H)Esus, Аполлону — Belenus, Юпитеру — Taranis, имя богини, соответствующей Минерве, неизвестно. Упоминаемому в 18-й главе подземному богу Диту соответствует кельтский Cernunnos.

родственники и, в случае если его смерть возбуждает какие-либо подозрения, пытают жен, как рабов, и уличенных казнят после всевозможных пыток, между прочим, сожжением. Похороны у галлов сравнительно с их образом жизни великолепны и связаны с большими расходами. Все, что, по их мнению, было мило покойнику при жизни, то бросают в огонь, даже и животных; и еще незадолго до нашего времени по соблюдении всех похоронных обрядов сожигались вместе с покойником его рабы и клиенты, если он их действительно любил.

Глава 20. В общинах, наиболее благоустроенных, существует строгий закон, чтобы всякий, кто узнает от соседей, будет ли это просто болтовня или определенная молва, — нечто касающееся общественных интересов общин, доносил властям и не сообщал никому другому, так как опыт показал, что ложные слухи часто пугают людей безрассудных и неопытных, толкают их на необдуманные действия и заставляют принимать ответственные решения по важнейшим делам. Власти, что найдут нужным скрыть, скрывают, а то, что найдут полезным, объявляют народу, но вообще о государственных делах позволяется говорить только в народном собрании.

2. СТРАБОН О ГАЛЛАХ

(«География»)

Страбон родился в знатной и состоятельной греческой семье в городе Амасии на северном побережье Малой Азии, в 64 или 63 г. до н. э. и умер в 19 г. н. э. Он считал географию частью философии и тесно связывал ее с историей. Из его «Географии» сохранилось почти целиком 17 книг. Первые две книги посвящены раскрытию его взглядов на землеведение и полемике с предшественниками. В книгах III—X Страбон дает описание Европы. Сведения о Германии даются в разных местах. Особенно важные из них заключаются в книге IV, где говорится о пограничных кельтам германцах, и в первых главах книги VII, где сначала описываются страны, прилегающие к Дунаю с севера. Критически относясь к своим предшественникам, Страбон больше опирается на греческие, нежели на римские источники.

Страбон пишет о прежних нравах и воинственности галлов, затем об их покорении римлянами и далее говорит о германцах.

...Сила галлов заключается не только в превосходстве их сложения, но и в их многочисленности; по своему великодушию и круговой поруке (αὐθεχαστοῦ) галл приходит в негодование и в том случае, если обида нанесена его соседу; оттого галлы восстают большими массами. В наше время, конечно, будучи подчинены римлянам, они должны жить в мире и повиноваться своим победителям; но и то, что я теперь буду говорить о галлах, я заимствую из истории их прежнего времени и из обычаев, которые имеют силу у германцев и до сих пор. Действительно, эти два племени и по своему характеру и по привычкам жизни имеют много общего и родственного: действительно, они ближайшие соседи, отделяются друг от друга Рейном и во многом сходны между собою. Германия идет, однако, далее на север, хотя ее

южные и северные пределы совпадают с южными и северными пределами Галлии. Вот почему в этой стране случаи к переселению были часты: галлы переселялись массами, поднявшись все разом, со всем своим семейством, когда их изгонял превосходнейший силами неприятель. И потому римляне покорили галлов с большой легкостью, нежели иберов [испанцев][1]: с иберами война началась гораздо прежде и окончилась позже, между тем как пространство от Рейна до Пиренеев было покорено уже все. Галлы восстали огромными массами и потому были побеждены все разом; иберы же длили войну, ограничиваясь отдельными стычками, и каждый дрался у себя и за себя, наподобие разбойников. Все галлы по природе воинственны, но на коне дерутся более ловко, чем пешие, и римляне лучшую часть своей конницы вербуют между галлами. Из галлов самые воинственные те, которые живут в северных странах и соседних океану.

Белги, разделенные на 15 народов, живут между Рейном, Луарою и океаном и особенно славятся своею доблестью: они одни выдержали напор германцев, кимвров и тевтонов. Между белгами, говорят, храбрейшие белловаки[2] и суэссионы[3]. Страна белгов так густо заселена, что в прежнее время[4] там считали до трехсот тысяч человек, способных носить оружие. У гельветов, арвернов [овернцев] и союзников столь же многочисленное население, и, как я заметил, причина того заключается в том, что у них женщины легко рождают и легко вскармливают детей. Белги носят сагу [плащ], отращивают длинные волосы[5] и ходят в штанах; вместо туник они употребляют холщевые рубашки с рукавами, спускающимися ниже пояса и зада. Шерсть их баранов груба, но волос ее длинен, из нее они приготовляют себе частую ткань [сукно], которая на их языке называется лэна. Конечно, у римлян даже и в северных странах бараны дают отличную шерсть, потому что они покрывают их кожами.

Вооружение галлов соответствует их телосложению. Длинный меч привешивается с правой стороны; щиты их также очень длинны; копья того же размера; они употребляют еще одно оружие вроде копья, называемое у них мадарис. У некоторых встречаются луки и пращи. Есть у них еще деревянный дротик, похожий на римский; его бросают они рукой, а не с помощью ремня, и на более далекое расстояние, чем стрела; это оружие особенно употребляется ими на птичьей охоте.

Бо́льшая часть галлов сохраняет и до сих пор обычай спать на земле и обедать, сидя на соломе. Обыкновенная пища их состоит из молока и мяса всякого рода; но более всего употреб-

[1] Война с иберами продолжалась 200 лет.
[2] Обитатели окрестностей г. Бове.
[3] Обитатели окрестностей г. Суассона.
[4] Во время Цезаря
[5] Вследствие этого обычая римляне назвали Трансальпинскую Галлию «волосатой Галлией», исключая ее южную часть, провинцию Нарбонскую, которую они называли braccata (т. е. носящая штаны).

ляется свинина как свежая, так и соленая. Свиньи у них остаются в поле и, превосходя свиней других стран ростом, силою и быстротою в движении, бывают потому опасны, как и волки, для тех, которые не умеют к ним подходить.

Галлы живут в больших круглых домах, построенных из досок и плетня, с высокой кровлей. Они так богаты стадами овец и свиней, что снабжают сукном не только Рим, но почти целую Италию.

Большая часть народов Галлии имела аристократическое управление; в древности каждый год выбирали князя; народ же назначал одного предводителя для войны; в наше время они почти исключительно повинуются приказаниям римского правительства.

В своих собраниях галлы сохраняют обычай, принадлежащий только им. Если кто-нибудь производит беспокойства или прерывает оратора, то страж подходит к нему с подъятым мечом и, угрожая, приказывает ему замолчать; если тот не унимается, то он повторяет свои угрозы второй раз, потом третий; и тогда только стража отрезывает у саги виновного такой большой кусок, что остальная ее часть делается никуда негодною. У галлов занятия мужского пола и женского распределены совершенно противоположно тому, что делается у нас, и в этом отношении галлы представляют общие обычаи со всеми другими варварскими народами [1].

Почти у всех галлов встречаются три класса людей, которые пользуются уважением: барды, ваты (οὐάτεῖς, то-есть vates, гадатели) и друиды. Барды составляют и поют гимны; ваты заведывают жертвоприношениями и наблюдением над природой; друиды же сверх того исследуют нравственные вопросы. Правосудие друидов пользуется всеобщим уважением, так что на их суд отдают частные и общественные тяжбы. Некогда они служили даже посредниками во время войны и могли остановить враждующие стороны пред самым началом схватки; их ведению подлежат в особенности уголовные тяжбы. Как друиды, так и ваты верят в бессмертие души и мира, но думают, что впоследствии огонь и вода одержат верх.

С своей откровенностью и природной живостью галлы соединяют величайшее неблагоразумие, тщеславие и любовь к нарядам. Они любят носить золотые украшения, как, например, ожерелья, браслеты; те же, которые облечены властью, ходят в разноцветных одеждах, шитых золотом. По легкомыслию они невыносимо тщеславны в случае победы и теряются совсем, когда бывают сами побеждены.

К их неразумению присоединяется много варварского и необычайного, но это же можно видеть у большей части северных народов, а именно: они при возвращении из похода обвешивают шеи лошадей головами убитого неприятеля, а потом выставляют

---

[1] Страбон полагал, что на женщин были возложены все домашние и полевые работы, а мужья проводили время на войне или в праздности.

напоказ перед входом в дом. Посидоний[1], как он рассказывает, видел во многих местах Галлии этот обычай, который сначала его возмущал, но к которому он наконец привык. Когда между такими головами находились головы замечательных противников, то они их бальзамировали кедровой смолой, показывали чужеземцам и не соглашались продавать подобные трофеи даже на вес золота.

Но римляне принудили их отказаться от столь жестокого обычая, как и от многих других, употреблявшихся при жертвоприношениях и гаданиях и которые несогласны с нашими нравами; так, например, галлы одним ударом меча рассекали спину человека, обреченного на жертву, и по его судорогам предугадывали будущее. Друиды непременно присутствовали при жертвоприношениях. У галлов приводятся и другие формы жертвоприношений: они пронзали жертву стрелою, или распинали в храмах, или, наконец, загоняли людей вместе с животными во внутрь колосса, построенного из дерева и начиненного сеном, и всех вместе сожигали...

II. ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ О ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦАХ

3. ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

(«Записки о галльской войне»)

Книга IV, глава 1. Следующей зимой, в год консульства Гнея Помпея и Марка Красса[2], германские племена узипетов и тенктеров[3] большими массами перешли Рейн недалеко от впадения его в море. Причиной перехода было то обстоятельство, что их в течение многих лет тревожили свевы, которые теснили их войной и мешали им возделывать поля.

Племя свевов[4] — самое большое и воинственное из всех германских племен. Говорят, что у них сто округов и каждый [округ]

---

[1] Посидоний, философ-стоик, современник Помпея и Цицерона, имел школу в Родосе. Все его труды погибли; они известны только по немногим отрывкам, которые нам сохранены некоторыми из древних авторов. Так, наш автор говорит о посещении Посидонием Галлии.

[2] Речь идет о втором консульстве (в 55 г. до н. э.) двух влиятельных политических деятелей тогдашнего Рима, входивших вместе с Цезарем в так называемый первый триумвират (заключенный в 60 г. до н. э.).

[3] Узипеты жили во времена Цезаря по р. Липпе и правому берегу Рейна в нижнем его течении, а тенктеры — по Лану (правый приток Рейна). О тенктерах см. также: Тацит, «Германия», гл. 32.

[4] Следующий отрывок представляет собой так называемый свевский, или первый германский экскурс Цезаря, дающий общую характеристику племени свевов; его цель — ответить на вопрос, почему узипеты и тенктеры перешли через Рейн; поэтому в нем идет речь главным образом о тех сторонах быта свевов, которые имеют отношение к их военной мощи. Органическая связанность свевского экскурса со всем повествованием позволяет думать, что его содержание входило в состав ежегодных донесений Цезаря сенату и не является позднейшей вставкой.

ежегодно высылает из своих пределов на войну по тысяче вооруженных воинов. Остальные, оставаясь дома, кормят себя и их; через год эти [последние] в свою очередь отправляются на войну; а те остаются дома. Благодаря этому не прерываются ни земледельческие работы, ни военное дело. Но земля у них не разделена и не находится в частной собственности, и им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания земли.

Они питаются не столько хлебом, сколько, главным образом, молоком и за счет скота; они много охотятся. Все это вместе взятое, а также свойства пищи, ежедневные военные упражнения, свободный образ жизни, в силу которого они, не приучаясь с самого детства ни к повиновению, ни к порядку, ничего не делают против своей воли, — [все это] укрепляет их силы и порождает людей столь огромного роста. Кроме того, они приучили себя, [живя] в странах с очень холодным [климатом], не носить никакой другой одежды, кроме звериных шкур, которые вследствие их небольших размеров оставляют значительную часть тела открытой, а также привыкли купаться в реках.

Глава 2. Купцам они открывают доступ к себе больше для того, чтобы иметь кому продать захваченное на войне, чем потому, что они сами нуждаются в каком бы то ни было ввозе. Германцы не пользуются даже привозными лошадьми, которыми галлы так дорожат и которых они приобретают за высокую цену, а используют своих туземных лошадей, низкорослых и невзрачных, и доводят их ежедневными упражнениями до величайшей выносливости. Во время конных боев они часто соскакивают с коней и сражаются пешие; коней же они приучили оставаться на том же месте, а в случае надобности быстро вновь садятся на них; по их понятиям, нет ничего более постыдного и малодушного, как пользоваться седлами. Поэтому они осмеливаются — даже будучи в незначительном количестве — нападать на какое угодно число всадников, употребляющих седла. Вина они вовсе не позволяют себе ввозить, так как полагают, что оно изнеживает людей и делает их неспособными к труду.

Глава 3. Они видят самую большую славу для народа в том, чтобы как можно более обширные земельные территории вокруг его границ оставались ненаселенными и невозделанными: это обозначает, по их мнению, что многие племена не смогли противостоять силе этого народа. Так, в одном направлении от границ области свевов пустует, как говорят, территория шириной около 600 тысяч шагов (900 *км*) [1]. С другой стороны к ним примыкают убии; их страна была, по понятиям германцев, обширной и цветущей, а народ несколько более культурным, чем прочие германцы, так как убии живут на берегу Рейна, к ним заходит много купцов и благодаря близости к галлам они усвоили их нравы. Свевы часто мерялись с ними силами в многочисленных войнах;

---

[1] Очевидно, эта цифра преувеличена.

и хотя они, благодаря значительности и могуществу [убиев], не смогли изгнать [этих последних] из их страны, они превратили их, однако, в своих данников и сделали их значительно более слабыми и малосильными.

Книга VI, главы 21—23. [После сравнительно подробного описания быта галлов Цезарь дает значительно более краткую характеристику германцев, известную под именем «второго германского экскурса Цезаря»].

Глава 21. [Быт] германцев сильно отличается от этого образа жизни [1]. Ибо у них нет друидов [2], руководящих обрядами богослужения, и они не особенно усердствуют в жертвоприношениях. В качестве богов они почитают лишь солнце, огонь [3] и луну, то-есть только те силы природы, которые они видят [собственными глазами] и в благоприятном влиянии которых имеют возможность воочию убедиться; об остальных богах они даже не слышали [4]. Вся их жизнь проходит в охоте и военных занятиях; с раннего детства они [закаляются], приучаясь к тяготам их сурового образа жизни.

Глава 22. Они не особенно усердно занимаются земледелием и питаются главным образом молоком, сыром и мясом. И никто из них не имеет в собственности земельного участка точных размеров или с определенными границами, но должностные лица и старейшины ежегодно отводят родам и группам живущих вместе родственников, где и сколько они найдут нужным, земли, а через год принуждают их перейти на другое место. [Германцы] приводят многочисленные основания [для объяснения] такого порядка: [по их словам] он не дает им прельститься оседлым образом жизни и променять войну на земледельческую работу; благодаря ему никто не стремится к расширению своих владений, более могущественные не сгоняют [с земли] более слабых и никто не посвящает слишком много забот постройке жилищ для защиты от холода и зноя; [наконец, этот порядок] препятствует возникновению жадности к деньгам, из-за которой происходят партийные распри и раздоры, и помогает поддерживать спокойствие в простом народе ощущением имущественного равенства его с самыми могущественными людьми.

Глава 23. Величайшей славой пользуется то племя, которое, разорив ряд соседних областей, окружает себя как можно более обширными пустырями. [Германцы] считают отличительным признаком доблести [данного племени] то обстоятельство, что изгнанные из своих владений соседи его отступают и никто

---

[1] То-есть от образа жизни галлов, описанного Цезарем в 12—20 главах книги VI (в так называемом галльском экскурсе).

[2] Друиды — жрецы у галлов.

[3] В тексте «Вулкан»; Цезарь пользуется привычным ему образом римского бога огня для обозначения почитания огня у германцев.

[4] Тацит иначе характеризует религию и культ германцев («Германия», гл 2, 3, 7, 9, 10, 39).

не осмеливается поселиться вблизи этого племени; вместе с тем оно может считать себя [благодаря этому] в большей безопасности на будущее время и не бояться внезапных неприятельских вторжений. Когда племя ведет наступательную или оборонительную войну, то избираются должностные лица, несущие обязанности военачальников и имеющие право распоряжаться жизнью и смертью [членов племени]. В мирное время у племени нет общего правительства; лица, занимающие первенствующее положение в отдельных областях и округах, творят там суд и улаживают споры. Разбойничьи набеги — если только они ведутся вне территории данного племени — не считаются позором; [германцы] выставляют на вид их необходимость как упражнения для юношества и как средства против праздности. И вот, когда кто-либо из первых лиц в племени заявляет в народном собрании о своем намерении предводительствовать в военном предприятии и призывает тех, кто хочет следовать за ним, изъявить свою готовность к этому, тогда подымаются те, что одобряют и предприятия, и вождя, и, приветствуемые собравшимися, обещают ему свою помощь; те из обещавших, которые не последовали [за вождем], считаются беглецами и изменниками и лишаются впоследствии всякого доверия. Оскорбить гостя [германцы] считают грехом; по какой бы причине ни явились к ним [гости], они защищают их от обиды, считают их личность как бы священной и неприкосновенной, предоставляют им в их распоряжение свой дом и разделяют с ними свою пищу.

III. ТАЦИТ О ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦАХ

4. ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

(«Германия»)

Публий Корнелий Тацит (живший приблизительно от 55 г. до 117 г. н. э.) — один из самых крупных историков древнего Рима. Тацит посвятил германцам особый труд, написанный около 98 г., под заглавием «De origine et situ Germanorum» («О происхождении и местожительстве германцев»), обычно, впрочем, называемый просто «Германия». Источниками для этой работы Тацита послужили произведения римской исторической литературы, главным образом не дошедшие до нас труды Плиния Старшего («История германских войн» и «Анналы») и утерянные отрывки из Тита Ливия, а также донесения римских полководцев сенату, рассказы римских купцов, воинов и германских рабов-военнопленных. Сам Тацит никогда не бывал в стране германцев.

Главы I—IV. [В первых четырех главах Тацит говорит о происхождении германцев и о населяемой ими стране, которая представлялась ему, по сравнению с Италией, очень суровой].

Глава V. Хотя страна и различна до некоторой степени по своему виду, но в общем она представляет собой или страшный лес, или отвратительное болото... Для посевов она плодородна, но не годится для разведения фруктовых деревьев; скотом

изобильна, но он большей частью малорослый; даже рабочий скот не имеет внушительного вида и не может похвастаться рогами. Германцы любят, чтобы скота было много: в этом — единственный и самый приятный для них вид богатства. В золоте и серебре боги им отказали... Впрочем, германцы и не одержимы такой страстью к обладанию [драгоценными металлами] и к пользованию ими [как другие народы]; у них можно видеть подаренные их послам и старейшинам серебряные сосуды не в меньшем пренебрежении, чем глиняные. Впрочем, ближайшие [к Рейну и Дунаю[1] племена] ценят золото и серебро для того, чтобы пользоваться ими в торговле; у живущих же внутри страны более простая, древняя форма торговли, [именно] меновая. Из монет они больше всего одобряют старинные и давно известные — серраты и бигаты[2]. Вообще они домогаются больше серебра, чем золота, не из любви к нему, а потому, что при торговле обыкновенными и дешевыми предметами удобнее иметь запас серебряных монет.

Глава VI. Железа у них тоже немного, как это можно заключить по характеру их наступательного оружия; они редко пользуются мечами или длинными копьями, а действуют дротиком, или, как они его называют, фрамеей, с узким и коротким железным наконечником, — оружием настолько острым и удобным, что одним и тем же дротиком они, смотря по обстоятельствам, сражаются и врукопашную, и издали. Даже всадники довольствуются фрамеей и щитом, пехотинцы же пускают и метательные копья, каждый по нескольку штук, причем они, голые или одетые только в короткий плащ, мечут их на огромное расстояние. У германцев совсем нет хвастовства роскошью [оружия], только щиты они расцвечивают изысканнейшими красками. У немногих [имеются] латы, а шлем — металлический или кожаный — едва [найдется] у одного-двух. Их лошади не отличаются ни внешней красотой, ни быстротой; да германцы и не научились делать разные [повороты] и круги по нашему обычаю: они гонят [своих лошадей] или прямо, или вправо[3], таким сомкнутым кругом, чтобы никто не оставался последним.

Вообще они считают, что пехота сильнее [конницы], и поэтому сражаются смешанными отрядами, вводя в кавалерийское сражение и пехоту, быстротой своей приспособленную к этому и согласованную с конницей; таких пехотинцев выбирают из всей молодежи и ставят их впереди боевой линии...

---

[1] То-есть к границам, отделяющим их от владений римлян, с которыми у этих племен уже были торговые сношения.

[2] Серраты — римские серебряные монеты с зазубринами; бигаты — серебряные денарии с изображением колесницы, запряженной парой лошадей.

[3] Германская конница или скачет прямо на неприятельский отряд, или объезжает его справа, что делается для того, чтобы все время быть обращенным к неприятелю левым боком, который закрыт щитом, и, таким образом, в меньшей степени подвергаться опасности от вражеских стрел, дротиков и других метательных орудий.

Боевой строй германцев составляется из клиньев [1]. Отступить, но с тем, чтобы вновь наступать, считается [у них] не трусостью, а благоразумием. Тела своих [убитых и раненых] они уносят с поля битвы даже тогда, когда исход ее сомнителен. Оставить свой щит — особенно позорный поступок, обесчестившему себя таким образом нельзя присутствовать при богослужении или участвовать в народном собрании, и многие, вышедшие живыми из битвы, кончают свою позорную жизнь петлей.

Глава VII. Королей [германцы] выбирают по знатности, вождей (duces) по доблести. [При этом] у королей нет неограниченной или произвольной власти, и вожди главенствуют скорее [тем, что являются] примером, чем на основании права приказывать; тем, что они энергичны, выделяются [в бою], сражаются впереди войска и этим возбуждают удивление. Однако ни казнить, ни заключать в оковы, ни подвергать телесному наказанию не позволяется никому, кроме жрецов, да и то не в виде наказания и по распоряжению вождя, но как бы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся: в битвах они несут взятые из рощ священные изображения и значки [2]. Но что является особенным возбудителем их храбрости, это то, что их турмы и клинья [3] представляют собой не случайные скопления людей, а составляются из семейств и родов и [что во время сражения] вблизи находятся милые их сердцу существа, и оттуда они слышат вопль женщин и плач младенцев; для каждого это — самые непорочные [беспристрастные] свидетели, самые ценные хвалители: свои раны они несут к матерям и женам; а те не боятся считать их и осматривать; они же носят сражающимся пищу, а также поощряют их.

Глава VIII. Рассказывают, что иногда колеблющиеся и расстроенные ряды восстанавливались женщинами, благодаря их неумолчным мольбам и тому, что они подставляли свои груди [4] и указывали на неизбежный плен, которого германцы боятся, особенно для своих женщин, до такой степени, что крепче бывают связаны [своими обязательствами] те племена, которые вынуждены в числе своих заложников давать также знатных девушек.

Они думают, что в женщинах есть что-то священное и вещее, и не отвергают с пренебрежением их советов и не оставляют без внимания их прорицаний...

---

[1] В сражении войско германцев строилось в виде клина, т. е. такой фигуры, которая к переднему концу, обращенному к неприятелю, суживалась, а к противоположному — становилась все шире и шире. Впрочем, при описании отдельных сражений у разных авторов говорится и о другом строе германского войска.

[2] То-есть изображения священных животных разных богов (например, змеи и волка Водана, медведя и козла Донара), а также предметы, являющиеся символами этих богов, как копье Водана, молот Донара и др.

[3] То-есть конные и пешие отряды войска. Турма — римское название отряда кавалерии.

[4] Женщины делали это потому, что смерть они предпочитали плену, который неизбежно угрожал им в случае поражения.

Глава IX. Из богов [германцы] больше всего почитают Меркурия [1], которому в известные дни разрешается приносить также и человеческие жертвы. Геркулеса и Марса они умилостивляют дозволенными для этого животными [2]...

[Германцы] считают не соответствующим величию божественных существ заключать их в стены [храмов], а также изображать их в каком-либо человеческом виде; они посвящают им рощи и дубравы...

Глава X. [В этой главе Тацит описывает различные существовавшие у германцев способы гадания [3] — по палочкам с начертанными на них знаками, по голосу и полету птиц, по ржанию священного коня и, наконец, еще один способ гадания], при помощи которого они стараются узнать исход важных войн. Они сводят взятого каким-нибудь образом в плен воина того народа, с которым ведется война, с избранным из числа своих соплеменников, каждого со своим национальным оружием: и победа того или другого принимается, как предзнаменование.

Глава XI. О менее значительных делах совещаются старейшины, а о более важных — все, причем те дела, о которых выносит решение народ, [предварительно] обсуждаются старейшинами. Сходятся в определенные дни, если только не произойдет что-нибудь неожиданное и внезапное, а именно — в новолуние или полнолуние, так как германцы верят, что эти дни являются самыми счастливыми для начала дела.

...Из свободы [у них вытекает] тот недостаток, что они собираются не сразу, как бы по [чьему-нибудь] приказанию, но у них пропадает и два, и три дня из-за медлительности собирающихся. Когда толпе вздумается [4], они усаживаются вооруженные. Молчание водворяется жрецами, которые тогда имеют право и наказывать. Затем выслушивается король или кто-либо из старейшин сообразно с его возрастом, знатностью, военной славой, красноречием, не столько потому, что он имеет власть приказывать, сколько в силу убедительности. Если мнение не нравится, его отвергают шумным ропотом, а если нравится, то потрясают копьями: восхвалять оружием является у них почетнейшим способом одобрения.

---

[1] Германские божества Тацит вообще старается сблизить с римскими богами, именами которых обычно и называет их: так, здесь под Меркурием следует, повидимому, подразумевать Водана, под Геркулесом — Донара, под Марсом — Циу.

[2] Некоторые животные считались у германцев нечистыми, и их нельзя было приносить в жертву богам; кроме того, у каждого бога были свои возлюбленные жертвы: например, Водану обычно приносили в жертву коня.

[3] Гаданию германцы (как, впрочем, и другие народы того времени) придавали очень большое значение, и оно играло в их жизни важную роль; не раз случалось, что они откладывали предположенное сражение только потому, что гадание об его исходе давало неблагоприятные результаты.

[4] То-есть когда собравшиеся найдут, что их явилось уже достаточное число для открытого народного собрания.

Глава XII. Перед народным собранием можно также выступать с обвинением и предлагать ему на разбирательство дела, влекущие за собой смертную казнь. Наказания бывают различные, смотря по преступлению: предателей и перебежчиков вешают на деревьях, трусов и дезертиров, а также осквернивших свое тело топят в грязи и болоте и заваливают сверху хворостом. Эта разница в способах казни зависит от того, что, по их понятиям, преступление надо при наказании выставлять напоказ, позорные же деяния — прятать. Более легкие проступки также наказываются соответствующим образом: уличенные в них штрафуются известным количеством лошадей и скота; часть этой пени уплачивается королю или племени, часть самому истцу или его родственникам.

На этих же собраниях производятся также выборы старейшин, которые творят суд по округам и поселкам. При каждом из них находится по сто человек свиты из народа для совета и придания его решениям авторитета [1].

Глава XIII. [Германцы] не решают никаких дел — ни общественных, ни частных — иначе как вооруженные. Но у них не в обычае, чтобы кто-нибудь начал носить оружие раньше, чем племя признает его достойным этого. Только тогда кто-нибудь из старейшин, или отец, или сородич [2], в самом народном собрании вручает юноше щит и копье; это у них заменяет тогу [3], это является первой почестью юношей: до этого они были членами семьи, теперь стали членами государства. Большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам; прочие присоединяются к более сильным и уже давно испытанным [в боях воинам] [4]. И нет никакого стыда быть в числе дружинников. Впрочем, и в самой дружине есть степени по решению того, за кем она следует [5]. Большое соревнование бывает и среди дружинников, кто из них займет у своего вождя первое место, и среди [самих] вождей, у кого более многочисленная

---

[1] То, что здесь Тацит говорит о сотне, довольно сбивчиво и не совсем верно. «Сотней» у древних германцев первоначально называлась родовая группа, состоявшая из ста приблизительно семей, живших по соседству друг с другом. Когда старейшина разъезжал по округам творить суд, то при разборе дел в каком-нибудь пункте участвовало собрание всех свободных той сотни, на территории которой находился этот пункт. Они-то вместе со старейшиной и выносили решение.

[2] Торжественное вручение юноше оружия на народном собрании знаменовало собой признание его совершеннолетним и освобождение его от опеки отца; поэтому обряд этот совершал сам отец, если же отца у юноши уже не было, то заменявший его опекун из ближайших родственников; иногда же, в виде особого почета, это делал вождь племени.

[3] У римлян обряд признания совершеннолетия состоял в том, что юноша торжественно облекался в мужской плащ, которого не имел права носить подросток; вот почему Тацит и говорит: что «это у германцев заменяет тогу».

[4] То-есть поступают в дружину этих воинов.

[5] То-есть вождя дружины, который устанавливает среди своих дружинников известную иерархию.

и удалая дружина. В ней его почет, в ней его сила: быть всегда окруженным большой толпой избранных юношей — составляет гордость в мирное время и защиту во время войны. И не только у своего, но и у соседних племен вождь становится знаменитым и славным, если его дружина выдается своей многочисленностью и доблестью: его домогаются посольства, ему шлют дары, и часто одна слава его решает исход войны.

Глава XIV. Во время сражения вождю стыдно быть превзойденным [своей дружиной] храбростью, а дружине стыдно не сравняться с ним в этом отношении; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, это значит на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем; защищать его, оберегать, а также славе его приписывать свои подвиги — в этом главная присяга [дружинника]: вожди сражаются за победу, дружинники — за вождя. Если племя, в котором они родились, коснеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей по своему собственному почину отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей, и прокормить большую дружину можно только грабежом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя ждут себе и боевого коня, и обагренное кровью победоносное копье, а вместо жалованья для них устраиваются пиры, — правда, не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости и доставляют грабеж и война. [Этих людей] легче убедить вызывать [на бой] врага и получать раны, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше — они считают леностью и малодушием приобретать пóтом то, что можно добыть кровью.

Глава XV. Когда они не идут на войну, то все время проводят частью на охоте, но больше в [полной] праздности, предаваясь сну и еде, так что самые сильные и воинственные [из германцев][1] ничего не делают, предоставляя заботу о доме, о пенатах[2] и о поле женщинам, старикам и вообще самым слабым[3] из своих домочадцев; сами они прозябают, по удивительному противоречию природы, когда одни и те же люди так любят бездействие и ненавидят покой.

У [германских] племен существует обычай, чтобы все добровольно приносили вождям некоторое количество рабочего скота или земных плодов; это принимается, как почетный дар, но в то же время служит для удовлетворения потребностей. [Вожди] особенно радуются дарам соседних народов, присылаемым не от отдельных лиц, а от имени всего племени и состоящим из отбор-

---

[1] То-есть дружинники и вожди дружин, которые были самыми сильными и воинственными из германцев.

[2] Пенатами у римлян назывались божества домашнего очага, покровителя дома и живущей в нем семьи, а в переносном смысле — сам домашний очаг, дом, жилище.

[3] То-есть неспособным носить оружие.

ных коней, ценного оружия, фалер[1] и ожерелий; мы научили их принимать также и деньги.

Глава XVI. Достаточно известно, что германские народы совсем не живут в городах и даже не выносят, чтобы их жилища соприкасались; селятся они в отдалении друг от друга и вразброд, где [кому] приглянулся [какой-нибудь] ручей, или поляна, или лес. Деревни они устраивают не по-нашему — в виде соединенных между собой и примыкающих друг к другу строений, но каждый окружает своей дом большим пространством... У них в обычае для убежища на зиму и хранения продуктов вырывать подземелья, наваливая сверху много навозу; такие места смягчают суровость холодов и, [кроме того], в случае, если явится неприятель, все открытое будет разграблено, спрятанное же и зарытое или остается неизвестным, или ускользает, потому что его еще надо искать.

Глава XVII. Одеждой для всех служит короткий плащ, застегнутый пряжкой, или, за ее отсутствием, колючкой. Ничем другим неприкрытые, они проводят целые дни перед огнем у очага. Самые зажиточные у них отличаются одеждой, но не развевающейся, как у сарматов или парфян, а в обтяжку и обрисовывающей каждый член[2]. Носят и звериные шкуры; ближайшие к берегу[3] — какие попало, а более отдаленные — с выбором, так как у них нет нарядов, получаемых от торговли. Они выбирают зверей и, содравши с них шкуру, разбрасывают по ней пятна из меха чудовищ, которых производят отдаленный океан и неведомое море[4].

Одежда женщин такая же, как и мужчин, с той только разницей, что они чаще закутываются в льняные покрывала, которые они расцвечивают пурпурной краской; верхняя часть их одежды не удлиняется рукавами, так что остаются обнаженными руки и ближайшая к ним часть груди.

Глава XVIII. Несмотря на это, браки у германцев строги, и никакая сторона их нравов не является более похвальной, ибо они почти единственные из варваров, которые довольствуются одной женой, за исключением очень немногих, которые имеют нескольких жен, но не из любострастия, а потому что их из-за знатности осаждают многими брачными предложениями.

Приданое не жена приносит мужу, а муж жене. При этом присутствуют родители и родственники, которые и расценивают

---

[1] Фалеры—металлические (часто серебряные и даже золотые) бляхи, служившие как украшением конской сбруи (в виде налобника и нагрудника), так и нагрудным знаком у воинов, являясь своего рода знаком отличия.

[2] То-есть одеты в рубашку и штаны; есть основание предполагать, что штаны носили и женщины.

[3] К берегу Рейна или Дуная, за которым уже начинались римские владения

[4] То-есть морских животных, водящихся в Северном море и Ледовитом океане.

его подарки... [обычно] это — волы, взнузданный конь, щит с копьем и мечом. Жена в свою очередь приносит мужу какое-нибудь оружие...

Глава XIX ...Прелюбодеяния у столь многолюдного народа чрезвычайно редки; наказание его [производится] немедленно, и предоставляется мужу: с обрезанными волосами, раздетую донага изгоняет жену муж из дому, в присутствии родственников, и ударами гонит через всю деревню...

Глава XX. [Дети у германцев растут] голые и грязные... не отличаясь какой-нибудь роскошью воспитания от раба; они живут среди того же самого скота, на той же земле...

Сын сестры в такой же чести у своего дяди, как и у отца. Некоторые даже считают этот вид кровной связи более тесным и священным и при взятии заложников предпочтительно требуют [именно таких родственников], так как ими крепче удерживается душа и шире охватывается семья. Однако наследниками и преемниками каждого являются его собственные дети. Завещания никакого. Если нет детей, то во владение [наследством] вступают ближайшие по степени (родства) — братья, дяди по отцу, дяди по матери...

Глава XXI. [У германцев] обязательно принимать на себя как вражду [своего] отца или сородича, так и дружбу. Впрочем, [вражда] не продолжается [бесконечно и не является] непримиримой. Даже убийство может быть искуплено известным количеством скота, рабочего и мелкого, причем удовлетворение получает вся семья [domus] [1]...

Ни один народ не является таким щедрым в гостеприимстве [как германцы]. Считается грехом отказать кому-либо из смертных в приюте. Каждый угощает лучшими кушаниями сообразно своему достатку. Когда [угощения] нехватает, то тот, кто сейчас был хозяином, делается указателем пристанища и спутником, и они идут в ближайший дом без [всякого] приглашения. И это ничего не значит: обоих принимают с одинаковой сердечностью. По отношению к праву гостеприимства никто не делает различия между знакомым и незнакомым. Если, уходя, гость чего-нибудь потребует, то обычай велит предоставить ему [эту вещь], так же просто можно потребовать [чего-нибудь] в свою очередь [и от него]. Они любят подарки, но ни данный [подарок] не ставится в заслугу, ни полученный ни к чему не обязывает...

Глава XXII. Вставши от сна, который у них часто захватывает и день, [германцы] тотчас же умываются, чаще всего теплой водой, так как зима у них продолжается большую часть года. Умывшись, они принимают пищу, причем каждый сидит отдельно за своим особым столом. Потом идут, вооруженные, по своим делам, а нередко и на пирушку. У них не считается зазорным пить без перерыва день и ночь. Как это бывает между

[1] Здесь имеется в виду «семья» в самом широком смысле этого слова, то-есть вся родовая группа.

пьяными, у них часто происходят ссоры, которые редко кончаются [только] перебранкой, чаще же убийством и нанесением ран. Однако во время этих пиров они обыкновенно также совещаются о примирении враждующих, о заключении брачных союзов, о выборах старейшин, наконец, о мире и войне...

Глава XXIII. Напитком им служит жидкость из ячменя или пшеницы, превращенная [посредством брожения] в некоторое подобие вина[1]. Пища [у них] простая: дикорастущие плоды, свежая дичь или кислое молоко; без особого приготовления и без приправ они утоляют ими голод. По отношению к жажде они не так умеренны. Если потакать [их] пьянству и давать [им пить] вволю, то при помощи пороков их не менее легко победить, чем оружием.

Глава XXIV. У них один вид зрелищ, и на всех собраниях тот же самый: нагие юноши, в виде забавы, прыгают между [воткнутым в землю острием вверх] мечами и страшными копьями...

Они играют в кости и, что удивительно, занимаются этим, как серьезным делом, и трезвые, и с таким азартом и при выигрыше и при проигрыше, что, когда уже ничего не осталось, при самом последнем метании костей играют на свободу и тело. Побежденный добровольно идет в рабство, и хотя бы он был моложе и сильнее, дает себя связать и продать... Такого рода рабов они сбывают с рук продажей...

Глава XXV. Остальными рабами они пользуются не так, как у нас, распределяя служебные обязанности между ними, как дворовой челядью[2]; каждый из рабов распоряжается в своем доме, в своем хозяйстве. Господин только облагает его, подобно колону[3], известным количеством хлеба, или мелкого скота, или одежды[4] [в виде оброка], и лишь в этом случае выражается его зависимость как раба. Все остальные обязанности по дому несут жена и дети [господина]. Раба редко подвергают побоям, заключают в оковы и наказывают принудительными работами; чаще случается, что его убивают, но не в наказание или вследствие

---

[1] Так описывает Тацит пиво, бывшее уже и в те времена излюбленным напитком германцев.

[2] У всех мало-мальски зажиточных римлян была во времена Тацита многочисленная дворовая челядь из рабов, у богачей доходившая до огромных размеров. Не только для каждой службы при доме, но и для каждой отдельной услуги «господам» предназначен был целый штат рабов, у каждого из которых была своя специальность, иногда очень узкая, например, только разрезывать кушанья, подаваемые к столу, или только провозглашать имя каждого из прибывающих гостей.

[3] У римлян колонами в то время назывались лично свободные крестьяне-арендаторы, платившие помещику за его землю деньгами или натурой; с ними и сравнивает Тацит большинство германских рабов, получавших от своего господина отдельный участок земли, на котором раб имел свое жилище и вел собственное хозяйство, уплачивая за это известный оброк натурой.

[4] Вернее, не одежду в готовом виде, а материал для ее изготовления, то-есть лен, шерсть, кожу или же холст, и т. п.

строгости, а сгоряча, в порыве гнева, как бы врага, с той только разницей, что такое убийство остается безнаказанным [1].

Вольноотпущенники немногим выше рабов. Редко они имеют значение в доме и никакого — в государстве [2], за исключением народов, у которых существует королевская власть...

Глава XXVI. Германцы не знают отдачи денег в рост и наращивания процентов... Земля занимается всеми вместе поочередно, по числу возделывателей, и вскоре после этого они делят ее между собой по достоинству [3]; дележ облегчается обширностью земельной площади: они каждый год меняют пашню и [все-таки] еще остается [свободное] поле [4]. Они ведь не борются за плодородие почвы и ее размеры при помощи труда — они не разводят фруктовых садов, не отделяют лугов, не орошают огородов...

Глава XXVII. [Своих покойников германцы сжигали, причем при сожжении знатных людей для костра употреблялось дерево известных пород; вместе с трупом воина сжигали и его оружие, а иногда и коня. Могилу покрывали дерном, высоких и громоздких памятников на нее не ставили].

[Здесь кончается так называемая «Общая часть» «Германии». В следующих девятнадцати главах Тацит говорит об отдельных племенах германцев. Число племен, которых он касается в этой второй части, доходит до пятидесяти, причем о некоторых из них он рассказывает довольно много, о других же только упоминает].

[В главах XXX и XXXI говорится о хаттах], страна которых не представляет собой такой болотистой равнины, как у других [германских] племен... Для германцев они очень разумны и искусны. Они поручают командование избранным и слушаются тех, кому оно поручено, знают строй, применяются к обстоятельствам, умеют во-время удержаться от нападения, распределить день, окапываться на ночь, считать счастье чем-то сомнительным, а храбрость надежным; и что особенно редко и свойственно лишь римской дисциплине, — они больше полагаются на вождя, чем на войско. Вся сила их в пехоте, которая нагружена, кроме оружия, еще и железными инструментами и припасами [5]. Другие [германцы] идут в сражение, хатты снаряжаются на войну, у них редки набеги и случайные стычки... [У хаттов существует такой

---

[1] Тогда как при убийстве свободного пришлось бы платить вергельд, чтобы не подвергнуться мести родичей убитого (см. гл. XXI).

[2] Здесь Тацит опять противопоставляет германские нравы римским. У римлян вольноотпущенники часто достигали очень влиятельного положения, и не только в доме своего господина; при императорах некоторые вольноотпущенники, в качестве их фаворитов, бывали иногда самыми могущественными людьми в государстве.

[3] Слова secundum dignationem (по достоинству) означают «по достоинству участников в дележе», по их личному значению и социальному положению, то-есть в том смысле, что знатный человек получает больше земли, чем простой свободный германец.

[4] То-есть неподеленное, общинное поле (ager publicus).

[5] То-есть заступом, киркой, топором и другими саперными орудиями.

обычай]: только что достигший юношеского возраста отпускает волосы и бороду и до тех пор не меняет такого вида, пока не убьет врага. Наиболее храбрые носят на себе железное кольцо (что у этого племени позорно), как бы оковы, до тех пор, пока не убьет неприятеля. [Многие носят их] до старости, обращая на себя своим странным видом внимание как неприятелей, так и своих. Они начинают все битвы, в строю они всегда первые и страшные на вид. У них нет ни дома, ни поля, никакой другой заботы. К кому они придут, у того и кормятся. [Так они и живут], пренебрегая своим, расточая чужое, пока благодаря бледной старости и такая суровая доблесть не станет им не под силу.

Глава XXXII. ...Тенктеры отличаются искусством кавалерийского маневрирования. [Они славятся своей конницей. Страсть к верховой езде унаследована ими от предков.] В этом — забава детей, соревнование юношей, [заниматься этим] продолжают старики. Вместе с челядью, домом и наследственными правами передаются и кони. Но их получает не старший из сыновей, а тот, кто превосходит других неустрашимостью на войне.

Глава XXXVIII. ...Свевы занимают бóльшую часть Германии и, хотя делятся на ряд племен, имеющих свои собственные названия, но все вместе обозначаются общим именем свевов [1]. Отличительным признаком этого народа является то, что они зачесывают волосы на бок и связывают их в пучок; этим свевы отличаются от других германцев, а у свевов — свободные от рабов...

Глава XXXIX. Самыми древними и благородными из свевов называют себя семноны. И эта уверенность в их древности подтверждается религией. Все народы одной с ними крови сходятся в лице своих представителей в определенное время в лес, освященный верованиями их предков и внушаемым им издревле священным трепетом; здесь они от имени всего народа убивают в жертву человека и таким ужасным действием начинают торжественно справлять свой варварский обряд...

5. СТРАБОН.

(«География»)

Книга IV, глава IV, 2. Мы берем эти сведения о них [2] из былых времен, из тех обычаев, которые до сего времени держатся у германцев. Ведь они похожи между собой по природе и государственному устройству и родственны друг другу, а также живут в стране, разделенной Рейном и почти одинаковой по своим основным свойствам. Германия лежит севернее, причем ее южная

---

[1] Свевы — самый большой из германских племенных союзов: одно время они занимали обширную территорию между Эльбой и Вислой, доходя на север до берегов Балтийского моря и на юго-западе до Рейна (в районе Неккара).

[2] То-есть о германцах.

часть совпадает с южной, а северная с северной частью Галлии. Вследствие этого бывает, что они легко переселяются, при этом они идут ордой, собрав всеобщее ополчение. Чаще даже поднимаются все жители, когда их вытесняют другие, более сильные племена.

Книга VI, глава I, 2. Итак, в местах, лежащих сейчас же за Рейном на восток, обитают германцы, немного отличающиеся от кельтского народа большею дикостью, высоким ростом и русым цветом волос; в остальном же они почти одинаковы, а по наружности, нраву и образу жизни таковы же, как мы описали кельтов. Итак, самое большое племя это — свевы, так как оно распространяется от Рейна до Альбия [Эльбы]. Некоторая часть их обитает и по ту сторону Альбия, как германдуры и лангобарды. Теперь эти почти совсем прогнаны и спаслись бегством по ту сторону Альбия.

Всем обитателям этой страны одинаково свойственна легкость подниматься для переселения. Причиной этого является простота их образа жизни и то, что они не занимаются земледелием и не собирают сокровищ, а живут в хижинах и обеспечивают себя только на данный день. Их пропитание получается главным образом от скота, как у кочевников; поэтому они, подражая этим последним, складывают весь домашний скарб на телеги и уходят, куда решат, со своим скотом.

6. ГАЙ ПЛИНИЙ СТАРШИЙ

(«Естественная история»)

Гай Плиний Старший (Gaius Plinius Secundus) — известный римский географ (годы жизни 23 или 24—79 н. э.), около 77 г. закончил свою «Естественную историю» (Naturalis Historia) в 37 книгах, в которой сделал попытку подвести итог всему античному знанию в области изучения природы. При этом Плиний черпал сведения как из греческих (Теофраст, Посидоний и др.) и римских (Катон, Варрон) писателей, так и из личных наблюдений.

Книга IV, главы 99—101. Германские племена распадаются на пять групп: 1) *виндилиев,* часть которых составляют бургундионы, варины, харины, гутоны; 2) *ингвэонов,* к которым принадлежат кимвры, тевтоны и племена хавков; 3) *иствэонов,* ближе всего живущих к Рейну и включающих в себя сикамбров; 4) живущих внутри страны *гермионов,* к которым относятся свевы, германдуры, хатты, херуски; 5) пятую группу — *певкинов* и *бастарнов,* которые граничат с вышеназванными даками.

Книга XVI, главы 2—4. При описании Востока мы упоминали ряд племен вблизи океана, живущих в такой же нужде [1]. Но подобные народы встречаются и на севере, где мы видели племена, которые зовутся большими и малыми хавками.

---

[1] То-есть в местности, где нет ни деревьев, ни кустарников.

Здесь вода в океане поднимается дважды в течение суток через равные промежутки времени и заливает огромные пространства, прикрывая, таким образом, вечную противоположность элементов природы [1]. Океан оставляет нерешенным вопрос, следует ли назвать данное место сушей или частью моря [2]. Здесь живет это убогое племя, занимая либо высокие бугры, либо возвышения, сооруженные руками человеческими [3] на уровне наибольшей высоты, которой когда-либо достигал прилив. На этих [высоких местах] расположены их хижины; когда вся окрестность покрыта водой, их обитатели похожи на мореходов, плывущих на кораблях, а когда вода отступает, они становятся похожими на потерпевших кораблекрушение. Тогда они ловят вблизи своих хижин уплывающую вместе с морской водой рыбу. У них нет возможности держать скот и питаться молоком, как это могут сделать их соседи; они не в состоянии охотиться даже на диких зверей, ибо возле них нет вообще никакой древесной поросли. Из тростника и болотного камыша плетут они веревки и сети для рыбной ловли; они собирают руками ил, сушат его — более при помощи ветра, чем солнца, — и употребляют эту землю [4] в качестве топлива для приготовления пищи и для согревания иззябшего от северных ветров тела. У них нет никаких напитков, кроме дождевой воды, которую они собирают в ямах, устроенных в преддвериях домов [5]. И эти племена, будучи ныне побежденными римским народом, еще говорят о рабстве! Но так и есть: многих судьба щадит лишь для того, чтобы наказать их [6].

Глава 5. Другое поразительное явление представляют собой леса: они покрывают всю остальную Германию [7] и увеличивают холод своей тенью; самые высокие из этих лесов находятся не очень далеко от вышеупомянутых хавков, преимущественно в ок-

---

[1] Плиний имеет в виду спор стихий (в античном понимании этого слова) — земли и воды; заливая землю, океан как бы «прикрывает» их противоположность.

[2] Речь идет об отмелях и углублениях между ними, во время прилива наполняющихся водой.

[3] Плиний имеет здесь в виду земляные насыпи.

[4] Земля, употребляемая в качестве топлива, конечно, не что иное, как торф, который в средиземноморских странах не применялся и потому не был известен Плинию.

[5] Своеобразные цистерны, и до сих пор еще встречающиеся в сельских местностях восточной Фрисландии.

[6] Несмотря на риторичность стиля и стремление представить изображаемое в виде чего-то чудесного, это описание Плиния основано на его личных наблюдениях (в 47 г. н. э.) и в общем достоверно: во времена Плиния море, повидимому, уже так далеко зашло в своем наступлении на сушу, что залило целые полосы земли, а другие засыпало песком (именно об этих песчаных отмелях и идет речь выше, ибо покрытая травой коса обычно не заливается приливом, да и рыба туда не заходит). В данном отрывке Плиний изобразил быт лишь одной ветви племени хавков — той, которая застряла на самом морском берегу, и слишком обобщил свое описание.

[7] То-есть за исключением страны хавков.

рестностях двух озер[1]. Их берега покрывают дубы, которые особенно склонны быстро и буйно разрастаться. Подмываемые волнами и вырываемые с корнем ветрами, они увлекают за собой, благодаря широко разветвленным корням, большие куски земли, как бы островки, на которых они плывут стоя[2]. Своими огромными ветвями они похожи на оснастку корабля и потому не раз повергали в ужас наш флот. Иногда волны как бы нарочно направляли их против носа наших кораблей, стоявших ночью неподвижно, и так как наши моряки не знали, как защищаться от них, то они вступали в морской бой с деревьями.

Глава 6. В той же северной стране буйная растительная сила девственной чащи Герцинского леса, которая стара, как мир, и остается нетронутой в течение столетий, своей почти бессмертной длительностью превосходит все чудеса. Оставляя в стороне многое, что показалось бы невероятным, все же можно утверждать, что переплетающиеся корни этих деревьев образуют возвышения наподобие холмов, а там, где земля не поддается давлению корней, они подымаются дугою до самых ветвей, сталкиваются с ними и, изгибаясь, образуют нечто вроде открытых ворот, сквозь которые может пройти эскадрон римской конницы.

---

[1] Плиний здесь имеет в виду озера, из которых впоследствии (в XIII—XV вв.) образовалось Зюдерзее.

[2] Сообщение Плиния о лесах на болотистой торфяной почве, повидимому, совершенно достоверно: географические данные показывают, что именно в такой местности и возможно явление плавающих деревьев: комья торфа не тонут так легко, как комья земли; омываемые и разрываемые на части волнами, они, однако, в силу их волокнистого строения, не растворяются в воде.

Варварские завоевания и революция рабов

Введение

Приводимые ниже исторические документы относятся к эпохе крушения рабовладельческого строя и началу образования феодального строя. Относительно этой исторической эпохи товарищ Сталин писал: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплоатации трудящихся» [1].

Первой задачей преподавателя при изучении относящихся к этой эпохе документов является необходимость показать учащимся наличие широкой революционной борьбы, сотрясавшей рабовладельческий строй в течение многих десятилетий. С этой целью преподаватель просматривает с учащимися следующие приведенные ниже документы: из Орозия (документ 1) о скопище поселян, «которых именовали багаудами», и о том, что назначенный цезарем Максимиан «легко обуздал воинскою доблестью неопытную и беспорядочную толпу сельских людей». Об этом же писал Аврелий Виктор (документ 2). Он утверждал, что одни багауды были побеждены, другие изъявили покорность. О победах правительственных войск над «незнакомыми с воинскими обычаями земледельцами» пишет также Клавдий Мамертин. Однако легко одержанные победы не означали прекращения восстания. Багауды вновь и вновь поднимались и даже захватывали города (например, город Отен). Правда, эти захваченные города опять подпадали под власть рабовладельцев, но факт захвата городов свидетельствует о значительных размерах движения багаудов. Проспер Аквитанский утверждает даже, что в 435 г. все почти рабы Трансальпийской Галлии «приняли участие в заговоре багаудов», и хотя в 437 г. багауды были истреблены, однако, как говорит Идаций, потребовалась снова борьба против багаудов; и в 443 г. рабовладельцы сокрушили «надменность» багаудов; то же повторилось и в 449, и 454 г. Итак, перед нами постоянно возрождающееся революционное движение, которое началось еще в конце третьего века и продолжалось около двух столетий. За это время восставшие выдвигали своих вождей. Так, Проспер Аквитанский называет вождя багаудов ТибОтона, а Орозий и Аврелий Виктор называют вождями восставших Аманда и Элиана. Восстававшие в отдельные моменты достигали значительной силы, так что даже, как говорит Зосима (документ 5), полководец Сарус, чтобы получить возможность попасть из Галлии в Италию, должен был обратиться к багаудам и получить от них пропуск. Значит, багаудам принадлежала власть над значительными районами Галлии. Однако, как показывают документы, восстания носили разрозненный характер, и вследствие этого все эти вспышки народного гнева долгое время не приводили к положительным результатам.

Второй задачей учителя при ознакомлении учащихся с приводимыми ниже документами является объяснение причин постоянной борьбы рабов и колонов против рабовладельческого строя. Эти причины надо видеть в на-

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

личии жестокой эксплоатации рабов своими господами. При разъяснении этого положения полезно зачитать отрывки из сочинения Сальвиана (документ 8), который видит причину движения багаудов в том, что багауды «ограблены, поражены, уничтожены дурными и жестокими правителями»; в другом месте он видит причину движения в «нашей несправедливости и бесчестности правителей», в «хищениях и грабежах». Этот писатель показывает, что доведенные до крайности восставшие вынуждены были путем восстания «защищать свою жизнь». К рабам примыкали свободные колоны, так как их положение почти не отличалось от положения рабов: кодекс Юстиниана запрещал колону покидать деревню, в которой жил и работал колон; судьям запрещалось принимать жалобы от колонов против своих господ; господам предоставлялись разного рода привилегии.

В развернувшейся борьбе рабовладельческой империи против наступавших на нее варваров рабы и колоны сочувствовали варварам и переходили на их сторону. Об этом имеются многочисленные свидетельства. Так, историк Зосима говорит, что когда Аларих, вождь вестготов, уходил после первой осады Рима, то почти все рабы «изо дня в день бежали из города и присоединялись к варварам, так что скопившаяся у них масса рабов выросла до 40 тысяч». Орозий утверждал, что среди римлян «найдешь даже таких, которые предпочитают жить с варварами в бедности, но на свободе, нежели с римлянами, но под игом налогов» (документ 9). Об этом же пишет Сальвиан: «Наши братья, — говорит он, — не только не хотят перебежать от них (варваров. — *М. З.)* к нам, но, наоборот, оставляют нас, чтобы перебежать к ним». Таким образом, из всех приведенных свидетельств видно, что рабы и колоны искали у варваров освобождения от своей рабской доли. Рабы приветствовали варваров и перебегали к ним. Между варварами и римлянами (бедняками) устанавливались товарищеские отношения (свидетельство Орозия). Однако среди богатых римлян наблюдалось другое отношение к варварам. Так, Сидоний Аполлинарий пишет о том, что его раздражает и запах чеснока, который употребляют в пищу бургунды, и прогорклое масло, которым они мажут свои волосы, и угрюмый вид варваров, с которым они поют свои песни. Все раздражает утонченные чувства знатного римлянина-рабовладельца. И это вполне понятно: варвары являлись союзниками рабов, с которыми они вместе наносили удары рабовладельческому строю, варвары были грубы и некультурны и не так воспитаны, как богатые рабовладельцы.

Третьей задачей преподавателя при показе этих документов является характеристика общественного строя варваров; преподаватель должен указать на слабую классовую дифференциацию их общества, при наличии, однако, выделившейся в этом обществе родовой и военной аристократии. Преподавателю важно сопоставить характеристику, данную в приведенных в хрестоматии документах, общественного устройства двух народов, выступавших против римлян — галлов и германцев. Важно установить значительное сходство в общественном строе этих двух народов и подчеркнуть, что у галлов первобытно-общинное устройство подверглось разложению в большей степени, чем у германцев, однако и у последних первобытно-общинный строй значительно изменился во время Тацита по сравнению с той характеристикой, которая дана была Цезарем. Преподавателю необходимо подчеркнуть и даже процитировать те места из документов, в которых говорится о положении рабов у германцев, чтобы объяснить, почему римские рабы и колоны тяготели к варварам и стремились перебежать к ним.

Изложенная характеристика приведенных исторических документов по содержанию позволяет определить и методы их использования в преподавании истории средних веков.

Преподаватель может использовать эти документы, давая в своем рассказе изложение содержания отдельных отрывков из документов или цитируя их, причем цитаты должны быть небольшие.

Вторым приемом может быть анализ краткого отрывка из документа. Например, преподаватель зачитывает вслух отрывок из Сидония Аполлинария (документ 10), в котором он жалуется на то, что, будучи окруженным

толпою «косматых» варваров, он не может сложить песнь в честь Дианы. Когда ученики прослушают этот отрывок полностью, преподаватель ставит вопрос о классовой направленности этого документа. Вопрос должен быть формулирован примерно так: «Интересы какого класса отражает Сидоний Аполлинарий в своем письме? Какими соображениями вы сможете доказать свою точку зрения?»

Эти элементы исторической критики документа вполне допустимы в средней школе. Такой критический подход к документу подводит учащихся к пониманию методов исследования исторической науки, что является одной из задач преподавания истории в средней школе.

Приводимые ниже документы могут быть использованы учениками как материал при подготовке к докладам. Ученику, интересующемуся историей, преподаватель предлагает дома подготовить доклад, с тем чтобы прочитать его в классе. Темы могут быть предложены следующие: 1) Революция рабов в Римской империи, 2) Взаимные отношения населения Римской империи и варваров, 3) Общественный строй варваров, 4) Борьба варваров с Римской империей.

Основная задача докладчика должна состоять в том, чтобы научиться доказывать свои несложные положения ссылкой на источники.

Подобным образом эти документы могут быть использованы и в кружковых занятиях.

* * *

Классики марксизма-ленинизма: К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 5—20); К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1 («Происхождение семьи, частной собственности и государства»), т. XVI, ч. 2 («К истории древних германцев»); И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412, 432.

* * *

Документы настоящего отдела взяты из 1-го издания хрестоматии, для которого они были подобраны Н. П. Грацианским и М. В. Бердоносовым. Введение к отделу написано М. А. Зиновьевым.

I. ВОССТАНИЕ РАБОВ И КОЛОНОВ

1. ИЗ ОРОЗИЯ

(«Adversus paganos historiarum», libri septem, VII, 25)

Когда в Галлии Аманд и Элиан возбудили гибельный мятеж, собрав скопище поселян, которых именовали багаудами, Диоклетиан поставил Цезарем и послал в Галлию Максимиана, по прозвищу Геркулия; и он легко обуздал воинскою доблестью неопытную и беспорядочную толпу сельских людей.

2. ИЗ АВРЕЛИЯ ВИКТОРА

(Avrelius Victor c. 39, a. 285 — Bouquet, t. I, p. 565)

Когда Валерий Диоклетиан узнал после смерти Карина[1], что Элиан и Аманд, собрав скопище крестьян и разбойников, которых жители именуют багаудами, опустошили на широком пространстве поля и напали на многие города, он тотчас же назначает военачальником Максимиана, верного друга... Отправившись в Галлию, [Максимиан] Геркулий одних врагов победил, от других принял изъявление покорности и в скором времени все успокоил.

3. ИЗ КЛАВДИЯ МАМЕРТИНА

(«Panegyrici veteres», t. I, Norimbergae, 1779, pp. 48—49)

Не знаю, Цезарь[2], что скорее, твоя ли храбрость подавила или милосердие твое укротило натиск незнакомых с воинскими обычаями земледельцев, когда пахарь подражал пехотинцу, пастух — всаднику, поселянин — опустошитель своих посевов — врагу-варвару. Я бегло касаюсь этого, ибо вижу, что ты при твоем благочестии предпочитаешь забыть об этой победе, чем быть прославленным ею.

4. ИЗ ЕВМЕНИЯ

(Eumenii oratio pro restaurandis scholis, IV — «Panegyrici Veteres», t. I, pp. 225—227)

Итак, прежде всего надлежит склониться перед божественной прозорливостью наших императоров и цезарей и перед их особым к нам благоволением в деле возобновления этого рода деятельности[3]. Когда этот город[4], давно прославленный брат-

---

[1] Карин был провозглашен императором в Галлии и убит собственными солдатами в 285 г.

[2] Так ритор называет Максимиана.

[3] Имеется в виду восстановление школ в Отене, в которых обучались дети галльской знати.

[4] То-есть Отен.

ским союзом с римским народом[1], в последнее время был потрясен до основания тяжкими бедствиями осады его ватагой восставших багаудов и умолял римского государя[2] о помощи ему, императоры и цезари пожелали восстановить и воссоздать его не только ввиду его изумительных заслуг, но и из соболезнования постигшим его несчастиям. Самую колоссальность разрушений города они сочли достойной увековечения памятниками своей щедрости, чтобы слава восстановленного была тем блистательнее, чем необъятнее была громада разрушенного. Итак, они отпускают огромные денежные средства и предоставляют в случае надобности все средства казны для возобновления не только храмов и публичных сооружений, но даже и частных домов; и не только деньги отпускают они, но и выписывают заморских мастеров, новых поселенцев из рядов провинциальной знати, а также ставят на зимние квартиры преданнейшие легионы, в неодолимой силе которых они нуждаются не только для тех войн, которые эти легионы по преимуществу ведут в настоящее время, но также для того, чтобы эти легионы, в благодарность за радушный прием, старательно поработали ради нашей пользы, починили старые водопроводы и провели новые, как бы впуская воду внутрь тела истомленного безводьем города.

5. ИЗ «ИСТОРИИ» ЗОСИМЫ

(Zosimi Historia, VI, a. 408. Bouquet, I, p. 585)

[Полководец Сарус, присланный в Галлию Стилихоном для борьбы с узурпатором Константином, пошел, сняв осаду Валанса, через Альпы в Италию. Здесь] всю свою добычу он уступил встретившим его в Альпах багаудам, дабы получить от них пропуск в Италию.

6. ИЗ ПРОСПЕРА АКВИТАНСКОГО

(Prosperi Tyronis Chronicon, Bouquet, I, p. 639)

[*Под 435 г.*] Трансальпийская Галлия, вовлеченная в мятеж под предводительством Тибатона, отошла от общения с римлянами. По его побуждению все почти галльские рабы приняли участие в заговоре багаудов.

[*Под 437 г.*] Когда был захвачен Тибатон, а также и остальные вожди движения частью побеждены, частью истреблены, движение багаудов прекратилось.

---

[1] Здесь разумеется старинный договор с римлянами галльского племени эдуев, центром области которого является Отен.

[2] А именно Клавдия II Августа, который так и не смог оказать городу помощи, и последний принужден был сдаться багаудам.

7. ИЗ «ХРОНИКИ» ИДАЦИЯ

(Idatius Chronicon, — Bouquet, I p. 612)

[*Под 441 г.*] Астурий..., будучи послан в Испанию, истребляет множество тарраконских багаудов.

[*Под 443 г.*] К начальнику войска Астурию посылается в качестве преемника зять его Меробауд, человек знатного рода... За короткое время своей власти он сокрушил надменность арацеллитанских багаудов.

[*Под 449 г.*] Базилий..., когда багауды собрались в Тириассонской церкви, истребил их...

[*Под 454 г.*] Фредерик, брат царя Теудерина, истребил тарраконских багаудов по приказу из Рима.

8. ИЗ САЛЬВИАНА

(«De gubernatione Dei», V. pp. 6—9)

Сальвиан — христианский писатель, священник из Марсели (Галлия). Его произведение «Об управлении божием» («De gubernatione Dei»), написанное между 440 и 451 гг., содержит суровую критику галло-римского общественного строя и похвалу быта варваров. Писал под сильным влиянием сочинения Августина «О граде божием».

Теперь я буду говорить о багаудах, которые ограблены, поражены, уничтожены дурными и жестокими правителями; потеряв право римской свободы, они утратили также и честь римского имени. И им вменяется в вину их несчастье, мы вменяем им в вину названные бедствия; вменяем в вину имя, которое сами создали; мы называем мятежниками погибших, которых мы сами заставили быть преступными. Что другое создало багаудов, кроме нашей несправедливости и бесчестности правителей, их хищений и грабежей? Они взимание податей обратили к выгоде своего корыстолюбия и налоговые поступления сделали своей добычей... И вот так случилось, что, удушенные и замученные грабежами правителей, они стали варварами, так как им не позволяли быть тем, чем они были раньше; и они принуждены были защищать по крайней мере свою жизнь, после того как увидели, что уже совершенно утратили свободу. И не то же ли самое делается и теперь, что делалось тогда, и не принуждаются ли стать багаудами те, кто до сих пор не были таковыми? Насилием и несправедливостью их заставляют стать таковыми, и препятствует этому только их слабость. Итак, они подобны пленникам под игом врагов: терпят мучения по необходимости, а не по желанию; в душе хотят свободы, а терпят величайшее рабство..

А что другое могут желать несчастные, которые непрерывно должны нести губительное бремя платежей налогов..., которые покидают дома, чтобы не подвергаться мучениям в самих домах, стремятся к изгнанию, чтобы не терпеть мучений? Для них

враги более снисходительны, чем сборщики налогов, и действительность доказывает это: они бегут к неприятелю, чтобы избегнуть тяжести взимания налогов. Потом оно [взимание налогов] — хотя тяжело и жестоко — было бы, однако, менее утеснительным и прискорбным, если бы все несли его на одинаковых основаниях. Но крайне возмутительно и преступно то, что общее бремя несут не все; наоборот, налоги богатых гнетут бедняков и более слабые несут груз более сильных. И единственная причина, по которой они не могут выдержать, это — та, что бремя бедных больше, чем их имущество. Им приходится терпеть от двух совершенно различных явлений: от зависти и от бедности. Источник зависти — в их платежах, источник бедности — в их имуществе.

Если посмотреть, что они платят, то подумаешь, что у них избытки; а если посмотреть, что они имеют, то увидишь, что они нуждаются. Можно ли найти меру такой несправедливости? Им приходится выносить платежи богачей и бедность нищих. Это гораздо сильнее того, что я могу выразить словами...

Где в другом месте и у других народов, кроме как у римлян, существуют подобные бедствия?

Франки не знают этого преступления, гунны свободны от них, нет ничего подобного ни у вандалов, ни у готов. В среде готов варвары даже не допускают, чтобы римляне, живущие между ними, терпели это. В результате у всех римлян одно желание, чтобы им не пришлось перейти в римское подданство. Римский плебс там единодушно заявляет о том, чтобы ему было позволено жить попрежнему с варварами... Итак, наши братья не только совершенно не хотят перебегать от них к нам, но, наоборот, оставляют нас, чтобы перебежать к ним. И я бы только подивился, что не все бедные и нуждающиеся плательщики налогов делают это, если бы не было одной причины, по которой они этого не делают, а именно потому, что они не могут перенести туда свои пожитки, лачуги и семьи...

II. ВАРВАРЫ И РИМЛЯНЕ

9. ИЗ ОРОЗИЯ

(«Adversus paganos historiarum», libri septem, VII, 41)

...Варвары, отказавшись от мечей своих, взялись за плуги и обращаются в настоящее время с уцелевшими римлянами, как с товарищами и друзьями. Найдешь среди них даже таких, которые предпочитают жить с варварами в бедности, но на свободе, нежели с римлянами, но под игом налогов...

10. ИЗ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ

(Sid. Apollinarii Carmina, XXIII, ed. Baret)

Зачем ты требуешь, чтобы я сложил песню в честь Дианы — я, постоянно окруженный толпою косматых варваров, вынужденный выносить звуки германской речи и расхваливать с угрюмым видом песню, которую поет объевшийся бургунд, мажущий прогорклым маслом свои волосы? Хочешь, я скажу тебе, что мешает поэме? Моя муза отвергает шестистопный стих с тех пор, как видит семифутовых покровителей и слышит их варварское пение. Счастливы глаза твои и уши, и скажу даже, счастливо твое обоняние: десяток бургундов не оскорбляют его с раннего утра запахом чеснока и лука. Толпа великанов, которых едва вместила бы кухня Алкиноя, не ломится к тебе на самом рассвете, как будто ты престарелый их дедушка или муж их кормилицы.

III. ВЕСТГОТЫ В ПРЕДЕЛАХ ИМПЕРИИ

11. ИОРДАН О ВОССТАНИИ ГОТОВ

(«Getica», XXVI)

Иордан — гот или алан по происхождению — монах, секретарь одного из варварских вождей на римской службе в Мизии. Жил в VI в. Один из его трудов, «Getica», имеет большое значение, ибо данное сочинение является сокращенным изложением утерянного сочинения Кассиодора и еще одной, тоже утерянной, работы о готах и содержит интересные данные по истории этого народа. В нижеприводимом отрывке Иордан излагает причины, вызвавшие восстание вестготов в римской провинции Мизии (современная Болгария), куда с согласия римского императора Валента переселились вестготы, теснимые напором остготов и гуннов. Условия вестготско-римского договора обеспечивали вестготам необходимое продовольствие, которое, однако, не было предоставлено в должном количестве недобросовестными римскими чиновниками. Голод в условиях чужой страны и сопряженные с ним бедствия послужили толчком к восстанию.

Приключился у вестготов, как это обыкновенно бывает с народом, не обосновавшимся еще твердо на месте, большой голод. И стали знатные их и вожди, управлявшие ими наподобие королей, именно, Фритигерн, Алатей и Софрак, озабоченные нуждою, какую испытывало войско, просить помощи у Люпициана и Максимина — дуков римлян. А на какие поступки не побуждает гнусная жажда золота? И вот начали дуки, побуждаемые алчностью, продавать им за большую цену не только мясо овец и быков, но даже дохлых собак и других нечистых животных. Дело дошло до того, что за 1 хлеб или 10 фунтов мяса покупали раба. А когда уже не стало рабов и домашней утвари, алчный торговец стал требовать в обмен за съестные припасы сыновей их, ибо не могли иначе родители обеспечить спасение детей своих: они лучше хотели пожертвовать их свободой, нежели жизнью, так как тот, кто продавался [в рабство], имел надежду, что его будут

кормить с милосердием, а тот, кто оставался должен был умирать [от голода].

Случилось в это тяжелое время, что Люпициан, в качестве предводителя римлян, пригласил короля готов Фритигерна на пир, замыслив против него, как это обнаружилось впоследствии, измену. Но Фритигерн не знал об измене, и когда он, пришедши на пир с немногими из дружины, пировал у римского наместника, он услыхал крики несчастных умиравших, ибо в другой части дома воины дука, по его повелению, пытались перебить его заключенных сотоварищей. И вот когда отчаянные вопли умиравших дошли до ушей насторожившегося Фритигерна, обнаружившего измену, он, обнажив меч, разъяренный, быстро покинул пиршество и, избавив своих от опасности неминуемой смерти, стал возбуждать их на убийство римлян.

Этот день освободил готов от голода и лишил римлян их безопасности. И начали готы уже не как пришельцы и странники, а как римские граждане и господа распоряжаться римскими землевладельцами (посессорами) и держать под своей властью все северные области до Дуная. Узнав о том, император Валент, бывший в Антиохии, поспешил прийти с войском во Фракию. В начавшейся плачевной войне готы остались победителями. Император, раненый, укрылся в одном поместье около Адрианополя, и готы, не зная, что он спрятался в столь жалкой хижине, подложили, как это и полагается свирепым неприятелям, [к этой хижине] огонь и с царской пышностью сожгли императора... Не иначе как божий суд сказался в том, что он был сожжен теми, кого вместо праведной веры склонил к ереси и от огня любви отвратил к геене огненной. В то время вестготы, овладев после такой славной победы Фракией и прибрежной Дакией, стали жить там, как на своей родине.

12. ИЗ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Аммиан Марцеллин — римский историк, по происхождению грек, родился около 330 г. в Антиохии, умер в конце IV в. в Риме. Написанная им на латинском языке «История» (собственно, «Деяния»—«Res gestae») задумана как продолжение «Анналов» и «Истории» Тацита. В сохранившейся до нас части «Истории» (кн. 14—31) изложены лишь события с 353 по 378 гг.

Готы расселялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большой помощью являлось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, кто в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба.

К ним присоединилось много работников золотых приисков, которые не могли сносить тяжесть оброков; они были приняты с

единодушного согласия всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомой местности готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники.

13. ИЗВЕСТИЕ ЗОСИМЫ О ПЕРВОЙ ОСАДЕ РИМА АЛАРИХОМ

(Zosimi «Historia nova», libri V, cp. 40—42)

Зосима — византийский историк, писавший между 450 и 500 гг. и хорошо знавший события V в. Его лишь частично сохранившаяся «История», из которой взят нижеприводимый отрывок, повествует о событиях со времени Августа до 410 г.

Когда дело дошло до крайности и явилась опасность, как бы в конце концов люди не стали заниматься людоедством, предварительно испробовав для еды все прочее, даже вызывающее отвращение у людей, в Риме решают отправить к врагу посольство, которое довело бы до его сведения, что осажденные согласны на мир, но только на сносных условиях. Но они еще более готовы биться, раз римский народ взялся за оружие, вследствие постоянного употребления которого он не страшится и в дальнейшем боевых столкновений. Во главе этого посольства был поставлен Василий, родом испанец, обладавший званием начальника провинции. Как сопровождающее лицо, к нему присоединился Иоанн, бывший когда-то старшим над государевыми писцами — так называемыми трибунами — лицо, хорошо известное Алариху и предназначенное на роль посредника между сторонами. Надо заметить, что римляне не знали определенно, тут ли был сам Аларих и сам ли он руководил осадой Рима. Без сомнения, их до некоторой степени утешал распространившийся до того слух, что не Аларих, а другой варварский вождь, бывший сторонником Стилихона, увлек Алариха за собой к городу Риму.

Когда послы прибыли к Алариху, они были смущены тем неведением, в каком столь долго оставался римский народ, и вместе с тем изложили порученное им сенатом дело. Аларих их выслушал, отнесясь с особенным вниманием к сообщению, что римский народ, нося оружие, готов к бою. «Густую траву, — сказал на это Аларих, — легче косить, чем редкую». Произнеся эти слова, Аларих разразился громким смехом по адресу послов. Когда же дело дошло до переговоров о мире, Аларих прибегнул к словам, превосходящим всякую меру варварской заносчивости. Ведь он сказал, что снимет осаду не иначе и не раньше, пока не заберет себе все имеющееся в городе Риме золото и все серебро, а кроме того, и всю домашнюю утварь, которую он нашел бы в городе, и, кроме того, рабов из варваров.

Когда он это сказал, один из послов заметил, что если бы Аларих все это отобрал, что же он, в конце концов, оставил бы тем, которые живут в городе Риме. «Жизнь», — ответил Аларих. Получив такой ответ, послы просят, чтобы им было разрешено по-

советоваться с осажденными относительно того, что же делать. Добившись перемирия, послы доводят до всеобщего сведения сказанное Аларихом. Тогда римляне, убедившись, что именно Аларих терзает войной город Рим, и отчаявшись во всех средствах, доступных человеческим силам, вспомнили о средстве, к которому некогда прибегал город Рим во время гражданских волнений, а также и то, что в результате пренебрежения дедовскими религиозными обрядами, они упустили из виду это средство.

Пока римляне обсуждали все это между собой, городской префект Помпейян случайно натолкнулся на нескольких человек, которые явились в Рим из Тосканы и рассказывали, что они отвели от одного города, по имени Невея, нависшую над ним беду; принеся божеству положенные ему по обету дары и установленные предками религиозные обряды, они, при оглушительных раскатах грома и ослепительном сверкании молнии, отогнали угрожавших городу варваров. Переговорив с ними, он выполнил то, что было полезно выполнить согласно книгам понтификов. Но так как он учитывал настроение, которое господствовало в городе, то, чтобы надежнее выполнить положенные обеты, он сообщает обо всем этом римскому епископу. Им был тогда Иннокентий, поставивший спасение города выше своего личного убеждения; он тайно разрешил тосканцам выполнить известные им обеты и обряды. Когда же те заявили, что для освобождения города от врага будут действительны лишь публично выполненные ими традиционные жертвоприношения, сенат взошел в Капитолий и там, так же, как на всех рыночных площадях города, распорядился совершить положенные по традиции священнодействия. Но никто не рискнул принять участие в совершении традиционных религиозных церемоний, и тогда тосканцам было предложено убраться подобру-поздорову, а римляне стали прилагать все старания к тому, чтобы умилостивить варвара.

Итак, снова шлют к нему послов, и Аларих после весьма длительных разговоров с той и другой стороны согласился на уплату городом Римом 5000 фунтов золота, 30 000 фунтов серебра, 400 тысяч шелковых рубашек, 3000 окрашенных в пурпур овечьих шкур, 3000 фунтов перцу. Так как в городской казне совершенно не было денег, оказалось настоятельно необходимым, чтобы сенаторы, в зависимости от размеров своих имуществ, внесли ему выкупную сумму по разверстке. И хотя Палладию было поручено разверстать взносы по имущественному состоянию каждого сенатора, он не смог целиком собрать всю сумму или потому, что владельцы скрыли некоторую часть, или же потому, что город Рим вследствие непрерывных и корыстолюбивых поборов был доведен до бедности. Тот зловредный демон, в руках которого оказались тогда судьбы человеческие, в довершение всех бед, натолкнул римских префектов вот на какое дело. Недобор они решают пополнить путем снятия украшений, которыми были разукрашены изображения богов, и эта мера, конечно, являлась

не чем иным, как умалением до известной степени их ореола, вследствие чего изображения богов становились совершенно безжизненными и бессильными, в то время как они, освященные религиозными обрядами и церемониями и разукрашенные подобающим им убранством, охраняли неизменное благополучие города.

Так как в конце концов неизбежное должно было обрушиться на город Рим и все вело к его гибели, римляне не только лишили изображения богов их убранства, но и расплавили некоторые золотые и серебряные статуи богов, в числе которых была статуя силы, называемая римлянами «Виртус»[1]. По уничтожении ее, разумеется, исчезли и вся та сила и мужество, которые еще оставались у римлян; с тех пор сбылось то, что предсказывали люди, опытные в религиозных делах и дедовских обычаях.

Когда таким образом были собраны деньги на выкуп, нашли уместным отправить посольство к императору[2], которое посовещалось бы с ним о будущем мире и уведомило бы его, что Аларих хочет получить не только деньги, но и сыновей римской знати в качестве заложников и на этих условиях готов заключить не только мир, но и военный союз с императором и выступить вместе с римлянами в поход против всякого, кто захотел бы проявить по отношению к ним враждебные намерения. Так как государь считал, что мир следует заключить на таких условиях, то варварам были отсчитаны выкупные деньги. А Аларих разрешил горожанам Рима в течение 3 дней посещать рынок за стенами города, для чего предоставил им свободу выхода через определенные ворота, а также предоставил им возможность подвоза хлеба из гавани.

После того как римские граждане передохнули и, распродав все излишнее, закупили себе предметы первой необходимости или же сменяли их на другие вещи, варвары отошли от Рима и расположились лагерем в нескольких пунктах Тосканы. Что же касается находившихся в Риме рабов, то почти все они изо дня в день бежали из города и присоединялись к варварам, так что скопившаяся у них масса рабов выросла до 40 тысяч.

IV. ГОТЫ И ГУННЫ

14. АММИАН МАРЦЕЛЛИН

(«История», кн. 31, 2)

Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит в своей дикости всякую меру...

При столь диком безобразии в них человеческого образа, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной

[1] Что означает по-латыни — мужество, сила.

[2] Гонорию.

к вкусу человека пище; они питаются кореньями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть.

Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания, но, напротив, избегают их, как гробниц, отрешенных от обычного обихода людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под кров только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под кровом... Тело они покрывают льняной одеждой или же сшитой из шкурок лесных мышей. Нет у них различия между домашним платьем и выходной одеждой, но раз одетая на тело туника грязного цвета не раньше снимается или заменяется другой, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения.

Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами; обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения, зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, исполняют свои обычные занятия. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещания они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что ни попадется на пути. Иной раз, будучи чем-нибудь задеты, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они нарочно рассеиваются и, не выстраивая боевой линии, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты, никогда не случается видеть, чтобы они штурмовали укрепления или грабили вражеский лагерь.

Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно обработанными остриями из кости, а сблизившись врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком.

Без определенного местожительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, сближаются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден далеко оттуда, вырос еще дальше.

V. АТТИЛА И КАТАЛАУНСКАЯ БИТВА

15. ДВА ОТРЫВКА ИЗ ИОРДАНА

а) Первый отрывок («Getica», XXXV)

Этот Аттила был рожден Мундзуком, которого двоюродные братья, Октар и Роас, как рассказывают, царствовали пред Аттилою в земле гуннов, хотя не в том объеме, как сам Аттила. Он наследовал им после их смерти, вместе с двоюродным братом Бледою, и, готовясь к походу, который он замышлял, Аттила старался увеличить свои силы братоубийством, стремясь погубить всех своих родственников. И вот, коварно умертвив Бледу, который царствовал в большей части земли гуннов, соединил под своей властью всех гуннов и, собрав вместе все народы, подчиненные им, задумал покорить себе две первые нации в мире, римлян и вестготов. Рассказывают, что его войско доходило до 500 тысяч. Этот человек родился в мир для потрясения народов и для внушения страха всем странам; не знаю, каким образом он наводил ужас на всех ходившей о нем страшной молвою. Он выступал гордо, озираясь вокруг, чтобы казаться страшным в самых движениях выпрямленного тела. Любя войну, Аттила был умерен в еде, тверд в совете, снисходителен к просьбам и благосклонен к тем, кого принимал под свое покровительство. Рост его был невелик, грудь широкая и большая голова, глаза узкие, редкая борода с проседью, нос вогнутый, а тело смуглого цвета, обличающего его происхождение.

б) Второй отрывок («Getica», XXXVIII — XL)

Войска сошлись, как мы уже сказали, на Каталаунских полях. Была на равнине покатая возвышенность, образующая холм. И вот каждая сторона стремилась захватить ее, ибо выгодное расположение этого места давало немалые преимущества. Направо стояли гунны со своими, налево — римляне и вестготы с союзниками. И вот, оставив склоны, они вступают в битву из-за вершины. Правое крыло войска составлял Теодорих с вестготами, левое — Аэций с римлянами, в середине же поместили Сангибана, предводительствовавшего, как мы выше сказали, аланами. Это они сделали по соображениям военной осторожности, чтобы окружить отрядами надежных людей того, на верность которого не могли положиться... Против расположилось гуннское войско, в середине которого находился со своими храбрейшими Аттила... Крылья же образовали многочисленные народности и различные племена, которых Аттила подчинил своей власти.

Между ними выделялось войско остготов, предводительствуемое Баламиром, Теодемиром и Видемиром, братьями, знатностью превосходившими даже самого короля [Аттилу], которому тогда служили, ибо их украшала слава рода Амалов. А бес-

численным войском гепидов предводительствовал прославленный король Ардарик, который вошел в доверие к Аттиле своей исключительной верностью: умея ценить его мудрость, Аттила возлюбил больше всех остальных подчиненных королей его и Баламира, короля остготов. Недаром именно им он поручил борьбу с их родичами — вестготами. Остальная же, если можно так выразиться, толпа королей и вождей разных племен ожидала, подобно телохранителям, приказаний Аттилы, и как только он поводил глазом, так без возражений, со страхом и трепетом являлся перед его лицо каждый... Один Аттила — король над королями — стоял над всеми и за всех действовал. Мы сказали, что завязалась битва за обладание наиболее выгодной позицией. Аттила направил своих, чтобы они заняли вершину холма, однако Торисмунд и Аэций его предупредили; они раньше овладели возвышенностью холма и легко отбили устремившихся туда гуннов...

[Затем] сходятся врукопашную. Завязывается битва — жестокая и повсеместная, ужасная, отчаянная. Ни о чем подобном не рассказывает древность, повествующая о такого рода деяниях... Если верить рассказам стариков, протекавший по упомянутому полю в низких берегах ручей широко разлился от крови, струившейся из ран сраженных... Тут Теодорих король, объезжавший и ободрявший свое войско, был сброшен с коня и, растоптанный ногами своих, кончил престарелую жизнь. Другие, впрочем, утверждают, что его сразил стрелою Андагиз — остгот, бывший тогда в войске Аттилы... Тогда вестготы, отделившись от аланов, устремились на отряды гуннов и убили бы самого Аттилу, если бы он из предосторожности заблаговременно не убежал и не укрылся в лагере, обнесенном повозками.

VI. РАСПАДЕНИЕ ЦАРСТВА АТТИЛЫ

16. ИЗ ИОРДАНА

(«Getica», L—LII)

Окончив погребальные обряды, наследники Аттилы, по свойству юношей увлекаться властолюбием, подняли спор о разделе государства; но безрассудно желая повелевать все вместе, они все вместе потеряли власть... Сыновья Аттилы... требовали, чтобы подданные были разделены между ними поровну, так что воинственные короли и их племена, подобно челяди, должны были быть пущены по жребию. Ардарик, король гепидов, узнав о том, пришел в негодование за оскорбление столь многих народов, с которыми хотели обращаться, как с презренными рабами. Он первый восстал против сыновей Аттилы и счастливым исходом дела смыл позорное пятно рабства. Он освободил своим восстанием не только свой, но и прочие, равно угнетенные народы, ибо легко все пристают к тому, что предпринимается в видах общей пользы.

Таким образом, все вооружаются на взаимную погибель. Война ведется в Паннонии, на берегах реки, называемой Недао. Там сошлись различные народы, находившиеся под властью Аттилы. Выделяются царства с отдельными народностями, из одного тела образуются отдельные члены... Сильнейшие народы, не находившие прежде равных себе, теперь растерзывают сами себя, раздирая ранами друг друга... Наконец, после многих тяжких битв победа нежданно улыбнулась гепидам: почти 30 тысяч как гуннов, так и других содействовавших им племен истребил меч Ардарика и его союзников. В сражении был убит и старший сын Аттилы, по имени Эллак, которого отец, говорят, любил более прочих до того, что назначил его своим преемником, предпочтительно перед всеми своими многочисленными сыновьями; но судьба не согласилась с желанием отца. Нанеся много поражений своим врагам, он, как известно, погиб с таким мужеством, что и его отец, будь он еще в живых, мог бы пожелать себе столь же славной кончины. Другие же братья после его смерти были прогнаны к берегам Понта, где прежде жили готы. Такой конец имели гунны, которым, казалось, уступала вся вселенная...

Эта победа Ардарика, короля гепидов, была счастливым событием для тех различных народов, которые неохотно подчинялись господству гуннов, и их давно уже изнывавшее сердце забилось сильнее от радости желанной свободы; многие отправили послов в римскую землю и, встретив радушный прием у тогдашнего императора Маркиана, получили для поселения занятые ими земли. Гепиды, захватив силою места поселений гуннов и овладев как победители пределами Дакии, заключили с римлянами дружеский договор, не требуя от них, как храбрые люди, ничего другого, кроме мира и торжественных ежегодных подарков. Император охотно согласился на то, и до сих пор этот народ получает от римского правительства обычный дар. Готы же, видя, что гепиды не впустят их в земли гуннов, несмотря на то, что гунны владели страною, издревле им [готам] принадлежавшею, пожелали лучше обратиться к римлянам с просьбой о поселении их в пределах империи, нежели с опасностью для себя напасть на чужие владения. Так они получили Паннонию, которая расстилается широкою равниною, имея своими границами с востока Верхнюю Мизию, с юга — Далмацию, с запада — Норику, а с севера — Дунай. Они украсили свою родину многими городами, из которых ближайшим был Сирмий, а отдаленнейшим — Виндомина.

Были еще готы, именуемые малыми, народ многочисленный, имевший своего епископа и примаса Вульфилу, который, рассказывают, ввел у них письменность. Они и теперь еще живут в Мизии, населяя Никополитанский округ, при подошве Гемуса; это народ, хотя и многочисленный, но бедный и мирный; у них нет ничего, кроме различных пород рогатого и мелкого скота, пастбищ и леса; земля изобилует хлебом, но пшеницы весьма мало. Ви-

ноградников не имеют, но употребление вина известно, так как они покупают его у соседей; большею частью питаются молоком...

Остготы, поселившиеся в Паннонии, под управлением Баламира и его братьев Теодемира и Видемира, разделили между собой страну, но жили совершенно согласно. Вскоре случилось, что сыновья Аттилы, считая готов своими беглецами, спасавшимися от их господства, и как бы разыскивая беглых рабов, напали на Баламира, и братья его ничего об этом не знали. Но он и с небольшими силами разбил гуннов; утомленные походом, они понесли такое поражение, что только небольшая часть их спаслась и, обратившись в бегство, удалилась в те части Скифии, которые орошаются Днепром и на их языке называются Гуннивар.

VII. ОСТГОТЫ

17. ИЗ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

(«Война с готами» V (I), гл. 1, § 9—15, 24—31)

Приблизительно в это же время [1] поселившиеся с разрешения императора [2] во Фракии остготы с оружием в руках восстали против римлян под начальством Теодориха, получившего в Византии звание патриция и сан консула. Умевший хорошо пользоваться обстоятельствами, император Зенон убедил Теодориха отправиться в Италию и, вступив в войну с Одоакром, добыть себе и готам власть над Западной империей. «Ведь достойнее, — говорил он, — для него, тем более, что он носит высокое звание сенатора, победив захватчика власти, стать во главе всех римлян и италийцев, чем вступать в столь тяжелую войну с императором». Теодорих, обрадовавшись такому предложению, двинулся на Италию, а за ним последовали и все готы, посадив на повозки детей и жен и нагрузив все домашние вещи, которые они могли взять с собой. Подойдя к берегу Ионийского залива, готы убедились, что, не имея кораблей, они совершенно не могут переправиться на другой берег. Тогда они пошли вдоль берега, собираясь обогнуть этот залив; двигаясь все дальше и дальше, они прошли через пределы тавлантиев и других живших тут племен. Навстречу им вышел Одоакр со своими войсками; он был побежден во многих сражениях, и его войска принуждены были запереться в Равенне — с ними был и Одоакр — и в других наиболее укрепленных местах. Осадив их, готы захватили все остальные укрепления различными способами и в различное время, как им представлялся для этого благоприятный случай. Но крепость Цезену, находившуюся от Равенны на расстоянии 300 стадий [3], и самую Равенну, где находился и Одоакр, они

[1] 487—488 гг.
[2] Феодосия.
[3] Около 55 километров.

взять не могли, ни заставив их капитулировать, ни решившись на открытый приступ.

Пошел уже третий год с тех пор, как готы с Теодорихом стали осаждать Равенну, и готы уже утомились от этого бесплодного сидения, а бывшие с Одоакром страдали от отсутствия нужного продовольствия. Тогда при посредничестве равеннского епископа они заключили между собою договор, в силу которого Теодорих и Одоакр должны были жить в Равенне, пользуясь совершенно одинаковыми правами. И некоторое время они соблюдали эти условия, но потом, говорят, Теодорих, открыв, что Одоакр строит против него козни, коварно пригласил его на пир, убил его[1], а тех из варваров, которые раньше были его врагами и теперь еще уцелели, он привлек на свою сторону и, таким образом, получил единоличную власть над готами и италийцами. Он не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал попрежнему называться именем rex (король) — так обычно варвары называют своих начальников,— подданными же своими он управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору. Он в высшей степени заботился о правосудии и справедливости и непреклонно наблюдал за выполнением законов; он охранял неприкосновенной свою страну от соседних варваров и тем заслужил высшую славу и мудрости, и доблести. Лично он не притеснял и не обижал своих подданных, а если кто другой пытался это сделать, то он не дозволял ему этого, исключая того, что ту часть земли, которую Одоакр дал своим сторонникам, Теодорих тоже распределил между своими готами.

По имени Теодорих был тираном, захватчиком власти, на деле же самым настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших с самого начала этот титул; любовь к нему со стороны готов и италийцев была огромна, не в пример тому, что обычно бывает у людей. Ведь другие, находясь во главе правления, становятся на ту или на другую сторону, и поэтому установившаяся власть нравится тем, кому она в данный момент своими постановлениями доставляет удовольствие, и вызывает к себе нерасположение в том случае, если идет против их желаний. Теодорих умер, прожив 37 лет[2], грозный для всех своих врагов, оставив по себе глубокую печаль у всех своих подданных.

---

[1] В 497 г.
[2] В 526 г.

Франкское государство Меровингов

Введение

В настоящий раздел включены документы, характеризующие последовательно: процесс образования Франкского государства, общественный строй франков в V — начале VI в., франкское общество во второй половине VI в. и государство Меровингов в VII—VIII вв.

При изучении данного раздела преподавателю следует руководствоваться замечательными высказываниями Ф. Энгельса в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в частности следующим его указанием:

«Остановимся на Франкском государстве. Здесь победоносному народу салических франков достались не только обширные римские государственные владения, но также и все обширные земельные участки, еще не разделенные между более крупными и более мелкими областными и сельскими общинами, именно все более крупные лесные массивы. Первым делом франкского короля, превратившегося из простого верховного военачальника в настоящего монарха, было превратить это народное достояние в королевское имущество, украсть его у народа и раздать его в виде подарков или в виде пожалований своей дружине»[1].

Цитируемый нами отрывок как нельзя более ярко характеризует основные, важнейшие моменты становления Франкского государства, — захват (в ходе завоевания) франками земель в Галлии, а в дальнейшем захват и раздача королем земель своим дружинникам, что вызвало затем ускорение процессов феодализации в недрах варварского государства. Приводимые ниже *документы 1—5* знакомят учащихся с тем, как происходил процесс объединения Франкского государства при Хлодвиге (481—511 гг.). В них содержится чрезвычайно благодарный для школьной проработки материал, так как здесь идет речь о конкретных событиях в истории Франкского государства, о которых учителю приходится рассказывать в связи с прохождением школьного курса истории. Основываясь на этих документах, учителю будет нетрудно охарактеризовать процесс становления королевской власти у франков. В методическом отношении эти документы ценны тем, что они позволяют учителю привить учащимся первые навыки самостоятельной работы над источником. Раскрывая содержание *документа 1* «Начало правления Хлодвига» и излагая вкратце соответствующие события, учитель останавливает внимание учащихся уже на первом указании источника, требующем критического к нему отношения. Учащихся можно спросить, как понимать титул Сиагрия «король римлян». Учитель ставит ряд наводящих вопросов, как, например:

1. Существовали ли в Западно-Римской империи короли, назначаемые Римом для управления провинциями?

2. Существовала ли сама Западно-Римская империя в момент вторжения франков в северную Галлию?

3. В каком положении оказался римский наместник после крушения Западно-Римской империи?

Таким путем учащихся следует привести к выводу, что, именуя в документе Сиагрия королем римлян, хронист не допускал при этом простой

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 129.

ошибки, а сознательно подчеркивал роль последнего римского наместника, ставшего фактически независимым правителем.

Комментируя факт выдачи вестготами Сиагрия его противнику Хлодвигу, уместно отметить, что причиной этого поступка являлась вовсе не «трусость готов», якобы им присущая, а то обстоятельство, что к этому времени вокруг Хлодвига уже сплотились мелкие франкские племена, соединённые силы которых представляли грозную опасность.

Вестготы, не готовые к войне с объединившимися франками, были вынуждены выдать Сиагрия и этим отдалить час решительного столкновения с франками, которое, как известно, последовало позднее.

Излагая занимательный и красочный эпизод с Суассонской чашей, учитель ставит своей задачей использовать этот эпизод как свидетельство, доказывающее быстрое усиление королевской власти. Поэтому следует обратить внимание учащихся на два момента, по-разному рисующие взаимоотношения короля и воинов. Нетрудно показать, что в первом случае король, стремившийся оказать услугу церкви, не смог получить чаши, так как это притязание нарушало старое правило равного дележа захваченной добычи.

Второй случай говорит о расправе короля со строптивым воином, который в недалеком прошлом оспаривал волю короля и считал короля лишь первым среди равных.

Смысл противопоставления этих двух моментов раскроют сами учащиеся с помощью учителя, если наводящими вопросами будет подчеркнуто, что за краткий промежуток времени, отделяющий оба случая, франками была завоевана большая часть римской Галлии, были захвачены земли и богатства, розданные франкским дружинникам от имени короля, авторитет которого возрос и власть которого усилилась.

Для закрепления пройденного материала учащимся следует предложить подготовить дома краткие сообщения на следующие темы:

1. Война Хлодвига с Сиагрием.

2. Характер королевской власти у франков в конце V — начале VI в. (причем учащиеся должны указать в своих сообщениях, на основании чего они делают тот или иной вывод).

Используя *документ 2* «Крещение Хлодвига» для подготовки своего рассказа о крещении франков, учитель должен иметь в виду, что документ не выясняет, а затемняет истинные мотивы, побуждавшие Хлодвига и его соратников переменить веру. Поэтому учитель должен не только рассказать о крещении Хлодвига, но и показать, что Хлодвигу и его соратникам был необходим союз с галло-римской католической церковью и поддержка этой церкви для того, чтобы закрепить и упрочить свое господство в завоеванной стране и для того чтобы с помощью церкви одолеть аллеманов и вестготов-ариан, с оружием в руках оспаривавших у франков прежнюю римскую Галлию.

В этой связи должен быть истолкован и следующий *документ 3* «Война Хлодвига с вестготами». Раскрывая содержание этого документа, уместно подчеркнуть, что захватническая война, рассчитанная на овладение югом Галлии, освещалась авторитетом католической церкви против еретиков — ариан-вестготов, владевших в то время югом Галлии и пространством за Пиренеями. Интересно отметить, что Хлодвиг ограждал интересы церкви, запрещая на церковных землях грабеж, который обычно имел место при захвате всех прочих земель. В документе содержится рассказ о чудесах, будто бы облегчавших франкам достижение победы. Учитель покажет, что все вымыслы создавались церковью для того, чтобы воины верили в успех своего оружия, якобы находившегося под покровительством самого бога. Не излагая всех приводимых небылиц или в виде примера упомянув одну из них, учитель сумеет в своем рассказе показать учащимся, как опекаемая Хлодвигом католическая церковь способствовала его успеху и укрепляла его авторитет, распространяя молву о чудесах, облегчающих победу.

Документ 4 «Хлодвиг — консул» свидетельствует об укреплении королевской власти Хлодвига, с которым уже должен был весьма считаться восточный римский император, присылающий Хлодвигу «грамоты на консульство»

и знаки консульского достоинства. Хлодвиг охотно принимает новое звание, придающее ему больший авторитет. Документ следует зачитать в классе как иллюстрацию к рассказу учителя.

Документ 5 «Хлодвиг становится единым королем франков» с предельной ясностью свидетельствует о том, что Хлодвиг, добиваясь власти над всеми франками, действовал при помощи предательств, убийств, заговоров. Следует при этом иметь в виду, что все преступления Хлодвига не встречали протеста со стороны франкской знати, которая стремилась к объединению всех военных сил во имя успешного завоевания римской Галлии и видела в лице Хлодвига желанного вождя предполагаемого похода.

Рассказывая о злодеяниях Хлодвига, можно отметить, что и церковь оправдывала его преступления, несмотря на то, что он был в то время язычником.

Документ этот следует поручить для домашней проработки двум-трем ученикам, распределив между ними конкретные задания: одному — рассказать об убийстве Сигиберта и его сына, другому — об убийстве Харарика и его сына, третьему — о борьбе с Рагнахарием и другими родственниками.

* * *

В главе II приведена выдержка из чрезвычайно важного по своей значимости исторического документа — из «Салической Правды». При помощи этого документа учитель может дать учащимся яркое представление об общественном и хозяйственном строе франков в конце V в. Так как весьма важно, чтобы учащиеся не только усвоили определенные сведения по истории этого периода, но и научились понимать и пользоваться историческими документами, следует особо тщательно разобрать в классе главнейшие разделы «Правды». Составители данного раздела хрестоматии сочли возможным предложить вниманию педагога лишь отдельные, главнейшие титулы и параграфы из «Салической Правды», исходя из того соображения, что преподаватель прежде всего ограничен временем, да и в задачу его не входит слишком подробное изучение какого-либо одного источника. Но и из имеющегося здесь материала преподавателю скорее всего придется отобрать лишь несколько параграфов, чтобы, не утомляя внимания учеников, все же дать им представление о всех сторонах жизни франкского общества. Ниже мы и предлагаем примерный перечень параграфов, которые необходимо разобрать в классе. Методика работы с ними следующая: преподаватель дает общую характеристику общественного строя франков и «Салической Правды» как источника и указывает, в частности, что в «Салической Правде» отражены и более ранние, и более поздние нормы варварского права. (К этому вопросу преподавателю еще придется вернуться при рассмотрении титулов, подтверждающих наличие той или иной ступени развития социальных отношений.) Затем учитель переходит к рассмотрению отдельных проблем. Наиболее целесообразно начать с показа того, как на основании изучения отдельных записей в «Салической Правде» можно установить характер социальных отношений и их постепенные изменения.

Учитель отмечает, что в «Правде» имеется указание на наличие пережитков родового строя. В качестве подтверждения он зачитывает титул LVIII «О горсти земли», затем титул LX «О желающих отказаться от родства». Эти титулы свидетельствуют как о том, что родовая организация еще существовала, так и о том, что у отдельных франков уже возникала потребность выйти из рода и не нести, например, материальной ответственности за родичей, среди которых успели выделиться более и менее зажиточные. После того как титулы зачитаны, преподаватель анализирует их содержание и сопоставляет с титулом XLV «О переселенцах», где имеется указание на то, что франкская община находилась на переходной стадии развития от родовой к соседской общине, и что в франкскую деревню-виллу могли уже проникать посторонние лица в виде переселенцев.

Для оживления внимания учащихся учитель после истолкования каждого титула может предложить ответить на следующие вопросы:

1. Какой из титулов — «О горсти земли» или «О желающих отказаться от родства» — отражает более архаические отношения. Ответ предполагает указание, что последняя из этих двух глав отражает более поздние явления.

2. Применительно к титулу «О желающих отказаться от родства» можно поставить вопрос: кто мог пожелать выйти из рода и тем самым освободиться от всяких счетов с сородичами. Ответ: более богатый.

Затем учитель переходит к следующей теме — о наличии в «Салической Правде» доказательств начавшегося классообразования и возникновения отдельных прослоек внутри широкой массы свободных. Для подтверждения этого положения он цитирует титулы XLI — «О человекоубийстве скопищем», LIV — «Об убийстве графа», в которых обозначена различная вира за убийство свободных, литов и дружинников. При анализе этих титулов нужно обратить внимание учащихся на то, что особо высокая вира платилась за королевских должностных лиц, дружинников и слуг по сравнению с простыми свободными франками, и указать, что это свидетельствует о выделении верхнего слоя свободных и о возросшем значении королевской власти.

Очень важно попутно отметить, что с этим верхним слоем франков постепенно срасталась верхушка местной галло-римской знати. За представителей этой знати, названных в источнике королевскими сотрапезниками (так как они присутствовали за королевским столом на пирах и в часы совета), также платилась повышенная вира.

Далее нужно отметить, что неравенство между свободными возникало не только в результате службы у короля, но и в результате появившегося в общине имущественного неравенства (зачитать титулы L, LII, LVIII) и что все это свидетельствует о начавшемся процессе классообразования.

После того как учащиеся разобрали вопросы о социальном строе, учитель переходит к следующей теме — к выяснению особенностей хозяйственного строя франков.

Прежде всего следует обратить внимание учащихся на к о л и ч е с т в о постановлений в защиту прав на отдельные виды собственности. Затем преподаватель констатирует, что земля принадлежит еще роду и наследуется только по мужской линии, — зачитывается титул LIX «Об аллодах», § 5. Но пользование пахотной землей, огородом, садом — твердо раздельное. Каждый огораживает свой участок изгородью (приводится название титула XXXIV «О покраже изгороди»), за покражу на поле, в огороде, саду, за поджог дома или амбара взимается крупная вира (зачитываются титулы: XXVIII «О различных покражах», § 6, 7, 8, 24, 25; титул XVI «О поджогах», § 2, 3; титул IX, § 4 «Добавление». Луга же, лес и выгоны остаются в пользовании всей общины, и только устанавливается определенный порядок пользования ими (зачитывается титул XXVII, § 19; особенно важны § 10 и 18, титул III, § 5). Обилие постановлений о возмещении убытков и о вире за покражу или изувечение домашних животных свидетельствует о наличии домашнего скотоводства и о том значении, которое оно играло в хозяйстве франков. (Зачитываются титулы II, III, IX, § 1, 2, 5 и др.) В заключение преподаватель останавливается на титулах, характеризующих порядок судопроизводства: титулы I, § 3, LIII, LVII.

После того как все эти выдержки из «Салической Правды» будут прочитаны и разобраны в классе, для закрепления материала целесообразно предложить учащимся, в качестве домашней работы, составить краткие письменные ответы на упомянутые выше вопросы.

* * *

В главе III документ 1 представляется чрезвычайно важным, так как этот документ свидетельствует об утверждении частной собственности на землю, признанной эдиктом Хильперика. В рассказе учителя в классе можно ограничиться упоминанием данного факта в общей форме.

В кружковой же работе весьма интересно привлечь внимание учащихся к документам, характеризующим становление частной собственности, тесно связанной с возникновением имущественных и классовых противоречий у франков. Для этого необходимо сопоставить титул LIX, § 5 «Об аллодах»

«Салической Правды» с текстом эдикта Хильперика (документ 1 в главе III) и внимательно проанализировать оба документа, из которых последний радикально видоизменяет порядок наследования, зафиксированный в первом документе.

Надо прежде всего заметить, что такие понятия, как «земельная собственность», «земельное владение», при всей их кажущейся ясности, в действительности далеко не ясны учащимся. Поэтому методически целесообразно начинать именно с этих понятий и добиться их уяснения учащимися. Нужно указать, что разница между собственностью и владением отнюдь не заключается в формах пользования, поскольку земля, будь то собственная или предоставленная во временное владение, одинаковым образом распахивается, засевается и т. д. Отличие собственности от владения заключается в неограниченной, ничем не обусловленной свободе отчуждения личной собственности. Между тем, «Салическая Правда» не знает ни отчуждения, ни завещания земли.

Титул LIX, § 5 «Об аллодах» говорит о том, что земля переходит по наследству только к сыновьям умершего ее владельца. Учитель без труда объяснит, что если земля переходит из рук в руки лишь по мужской линии, то она находится во владении рода, ибо женщина, выходя замуж, порывала с родом, и если бы она наследовала землю, то эта земля перестала бы являться землею рода.

Эдикт Хильперика (документ 1, гл. III) устанавливает новый порядок наследования земли, в силу которого, в случае отсутствия у умершего владельца сыновей, его выморочный земельный участок переходит по наследству к его дочерям, братьям или сестрам.

Тем самым устраняется прежнее ограничение. При этом торжество индивидуальной собственности над общинной находит свое выражение в формулированном эдиктом категорическом запрете общине наследовать землю, оставшуюся после смерти лица, не имеющего сыновей. Слова о том, что эту землю не могут наследовать «соседи», имеют именно такой смысл.

Следующие два *документа (2* и *3)* свидетельствуют об усилившемся налоговом бремени, распространившемся и на свободных франков, что вызвало восстание, безжалостно подавленное королем (документ 3). Документы эти можно использовать в рассказе учителя или поручить учащимся прочитать и составить на основании их краткий доклад. Самостоятельное изучение учениками этих документов вполне возможно, ибо они написаны понятно и очень образно.

* * *

Документы 1—3 главы IV характеризуют постепенное ослабление династии Меровингов и захват власти могущественными майордомами.

Документ 1, абзац 2 свидетельствует о том, что даже при Дагоберте, при котором на время воссоединилось все Франкское государство, большое влияние приобрели Арнульф и майордом Пипин, родоначальники дома Каролингов. Впоследствии влияние королевских советников так возрастет, что заслонит власть королей из дома Меровингов.

Документ 2 — красочная картина полного упадка дома Меровингов; его можно зачитать в классе как иллюстрацию к рассказу учителя.

Документы 3а и *3б* описывают борьбу Карла Мартелла с арабами, когда после битвы при Пуатье было остановлено продвижение арабов в Западную Европу. Содержание этих документов следует резюмировать в рассказе учителя.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV (Марка), т. XVI, ч. 1 (Происхождение семьи, частной собственности и государства, гл. VII—IX; Франкский период).

* * *

Весь документальный материал настоящего раздела подобран Н. П. Грацианским. Введение к отделу написано Г. И. Трайниной.

7 Зак. 1239

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РОСТ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА

(Из «Истории франков» Григория Турского)

Григорий Турский — историк, епископ города Тура, представитель старой галло-римской знати, живший во второй половине VI в. (около 540—594 гг.). Особенно известен как автор «Истории франков» в 10 книгах. Первая книга «Истории франков» это краткое изложение всемирной истории до конца IV в. Во второй книге автор рассказывает о происхождении франков и первых их завоеваниях до смерти Хлодвига. В третьей и четвертой книгах излагается история Галлии до смерти короля Сигиберта (575). С пятой книги начинается вторая часть «Истории», с особым прологом, в котором автор обращается к королям франков с мольбой прекратить кровавые усобицы, сплотиться воедино и припомнить славные времена короля Хлодвига. Далее в хронологическом порядке следует рассказ о событиях в Галлии до 591 г. включительно.

Григория Турского называют «отцом французской истории». Ранняя история франков изучается почти исключительно по его произведениям. Источником для этих произведений прежде всего послужили собственные наблюдения автора, принимавшего широкое участие в общественной жизни того времени. О прошлых событиях, которые Григорий не мог наблюдать сам, он писал по устным рассказам или произведениям современников (теперь утерянным), в некоторых случаях — по народной традиции; первая книга написана на основании Библии и ранних христианских писателей. Григорий — человек очень образованный для своего времени, хорошо знающий классических авторов. Правда, латынь его уже испорченная, варваризированная, но надо думать, что грубейшие синтаксические и грамматические ошибки в ней принадлежат позднейшим невежественным переписчикам его сочинений. Изложение у Григория ясное и живое, отличающееся простотой и наивностью. Художественная обработка «Истории франков», данная в известных «Рассказах из времен Меровингов» Ог. Тьерри, не производит такого сильного впечатления, как своеобразное подлинное повествование самого автора. Правда, Григорий Турский как католический епископ на все события смотрит со своей церковной точки зрения. У него все люди разделяются на два лагеря: врагов и сторонников церкви, «верных» и «неверных». Вторые всегда кругом виноваты, первым же прощаются даже самые тяжелые преступления. Так, основатель мощи Франкского государства Хлодвиг, совершивший целый ряд кровавых злодеяний, был в то же время оплотом католичества, защитником духовенства против «еретиков вестготов» (ариан), и Григорий отзывается о нем поэтому с большой похвалой. И все же Григорий довольно добросовестен как историк, и его общие суждения часто могут быть проверены его же собственными рассказами о самих конкретных событиях. Так, утверждая, что Хлодвиг «ходил с сердцем правым перед господом», он в то же время не скрывает ни одного из его кровавых поступков.

Григорий Турский — последний представитель галло-римской образованности в государстве Меровингов. После его времени школы в Галлии исчезают, духовная культура падает.

Издание «История франков» — в «Monumenta Germaniae Scriptores rerum Merovingicarum», I, 1884—1885.

Есть переводы на немецкий (Giesebrecht'а), французский (Guisot) и другие языки. Переводы некоторых отрывков на русский язык сделаны Стасюлевичем в «Истории средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых», первое и второе издания, т. I. Все приводимые ниже переводы из «Истории франков» сделаны заново.

1. НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ ХЛОДВИГА. ВОЙНА С СИАГРИЕМ. СУАССОНСКАЯ ЧАША.

(«История франков», II. 27)

После всего этого скончался Хильдерик, и вместо него стал королем сын его Хлодвиг. На пятый год правления его[1] Сиагрий, король римлян, Эгидия сын, пребывал в городе Суассоне, которым некогда владел вышеупомянутый Эгидий. Хлодвиг пошел на него с Рагнахарием, своим родственником, который тоже был королем, и вызвал его на бой. Тот не уклонился и не побоялся сразиться. И вот когда бились друг с другом, Сиагрий, видя поражение [своего] войска, обратил тыл и спешно бежал к королю Алариху в Тулузу. Хлодвиг же послал к Алариху сказать, чтобы выдал его, в противном же случае, знал бы, что пойдет войною за укрывательство. И вот Аларих, опасаясь, как бы не подвергнуться из-за него гневу франков, — а готам свойственна трусость, — связанного выдал посланным [Хлодвига]. И по прибытии распорядился Хлодвиг заключить его под стражу. А заполучив королевство его, приказал тайно поразить мечом.

В то время многие церкви были разграблены войском Хлодвига, ибо тогда он погрязал еще в заблуждениях язычества. И вот неприятели похитили из одной церкви вместе с другими церковными украшениями удивительной величины и красоты чашу. А епископ той церкви[2] послал к королю просить, чтобы, если нельзя его церкви получить другие священные сосуды, то, по крайней мере, получила бы хоть [означенную] чашу. Выслушав эту просьбу, король сказал посланному: «Иди за нами в Суассон, ибо там будет дележ всего, что захвачено. Если мне достанется по жребию тот сосуд, который просит святой отец, я выполню [его просьбу]». И вот, прибывши в Суассон, король сказал, когда сложил посредине всю добычу: «Прошу вас, храбрейшие воители, не откажите дать мне вне дележа хотя бы вот этот сосуд», — он имел в виду вышеупомянутую чашу. Когда король сказал это, те, у кого был здравый смысл, отвечали: «Все, что мы видим здесь, славный король, принадлежит тебе, как и сами мы подчинены твоему господству. Делай все, что тебе будет угодно, ибо никто не может противиться твоей власти». Когда они так сказали, один легкомысленный, завистливый и вспыльчивый с громким криком поднял секиру и разрубил чашу, промолвив: «Ничего из этого не получишь, кроме того, что полагается тебе по жребию». Все были этим поражены, но король подавил обиду кротостью и терпением. Затаив в груди скрытую рану, он взял чашу и передал ее посланному епископа.

По прошествии года приказал он собраться всему войску с оружием, чтобы показать на Мартовском поле, насколько ис-

---

[1] То-есть в 486 г.
[2] Ремигий, епископ Реймский.

правно содержится это оружие. И вот, когда обходил там ряды, подошел к тому, кто разрубил чашу, и сказал ему: «Никто не содержит в таком непорядке оружие, как ты, ибо и копье твое, и меч, и секира — все никуда не годится», и, вырвавши у него секиру, бросил ее на землю. А когда тот наклонился, чтобы поднять ее, король, взмахнувши своею секирою, разрубил ему голову: «Так, — сказал он, — ты поступил с чашею в Суассоне». А когда тот умер, велел остальным расходиться по домам, внушив тем большой к себе страх.

Много вел он войн и много одержал побед. На десятый год своего правления пошел войною на тюрингов и подчинил их своей власти.

2. КРЕЩЕНИЕ ХЛОДВИГА.

(«История франков», II, 31)

Тогда королева распорядилась тайно пригласить святого Ремигия, епископа Реймского, и просила его внушить королю слово спасения. Священник, призвав короля, начал тайно внушать ему, чтобы уверовал в истинного бога, творца неба и земли, и отверг идолов, которые ни ему, ни другим не могут принести пользы. Тот же в ответ сказал: «Я охотно послушался бы тебя, святейший отец, но препятствие в том, что народ, который следует за мной, не потерпит, чтобы были оставлены его боги; все же пойду и поговорю с ним, согласно твоему слову». И вот, когда он сошелся со своими, то прежде, чем начал говорить, весь народ, при содействии могущества божия, в один голос воскликнул: «Отвергаем смертных богов, благочестивый король, и готовы следовать богу бессмертному, о котором Ремигий проповедует».

Возвестили о том епископу, который исполнился великой радости и велел приготовить купель для крещения. Украшаются разноцветными тканями улицы, обряжаются белыми завесами церкви, приготовляется баптистерий, разливаются благовония, возжигаются благоухающие свечи, весь храм с баптистерием наполняется божественными запахами. Господь удостоил предстоящих такой милостью, что им казалось, будто они находятся среди благорастворений рая. Король просил первосвященника окрестить его первым. Приступил к купели новый Константин, дабы снять с себя болезнь древней проказы и смыть новою влагою грязные пятна своих прошлых деяний. И когда вошел в купель, святой божий так изрек вдохновенными своими устами: «Склони выю, укрощенный Сикамбр. Поклоняйся тому, что ты сжигал, и сжигай то, чему поклонялся!»

Был же святой Ремигий мужем великой мудрости, преисполненным искусства красноречия и столь прославленным святостью жизни, что равнялся подвигам благочестия [папе] Сильвестру. Есть у нас книга жития его, в коей повествуется, что он мог воскрешать мертвых. И вот король, исповедавши всемогущего бога

в троице, крестился во имя отца и сына и духа святого и удостоился помазания святым миром с осенением знамением креста Христова. Из войска же его крестилось больше трех тысяч.

3. ВОЙНА ХЛОДВИГА С ВЕСТГОТАМИ (507)

(«История франков», II, 37)

И вот король Хлодвиг сказал своим: «Очень мне неприятно, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдем с помощью божией и, одолев их, возьмем землю под власть нашу». Так как речь эта пришлась всем по сердцу, собрав войско, он двинулся к Пуатье. В это время пребывал там Аларих. И так как часть врагов проходила через Турскую территорию, издал из уважения к блаженному Мартину распоряжение, чтобы не брали из области той ничего, кроме травы и воды. Но вот один из войска, разыскав сено некоего бедняка, сказал: «Не распорядился ли король брать только травы и ничего другого? Это же как раз и есть трава. Не нарушим поэтому его предписания, если возьмем ее». И взял силою у бедняка его сено.

Дошел слух об этом поступке до короля, и он тотчас же поразил названного [воина] мечом, сказав: «Как надеяться нам на победу, если будем наносить оскорбление блаженному Мартину?» И этого было достаточно, чтобы войско ничего более в этой стране не брало. А король нарядил послов в базилику святого, говоря: «Идите, может быть, получите от святого храма какое-нибудь знамение победы». И затем, снабдив их дарами для поднесения святому месту, сказал: «Если ты, господи, мне помощник и если ты постановил предать в мои руки этот неверный и вечно упорствующий народ, то при входе в базилику святого Мартина удостой явить свое благоволение, дабы я знал, что ты удостоишь милостью раба своего».

И вот поспешили рабы[1], и когда они, прибывши на место, входили в святую базилику, согласно повелению короля, внезапно тот, кто руководил пением, распорядился запеть следующий антифон: «И препоясал меня господь силою на брань, поверг передо мною всех, кто восстал на меня. Ты врагов моих дал мне хребет и ненавидящих меня уничтожил» (псалом 17, 40—41). Услыхав этот псалом, вознесли господу хвалу, дали обещание принести дары блаженному исповеднику и радостные возвестили королю [о случившемся].

Когда затем король прибыл с войском к реке Вьенне, он не знал, в каком месте перейти ее вброд, ибо она разлилась от дождей. И вот ночью молил господа, чтобы удостоил указать ему брод, которым он мог бы перейти [реку]. Когда настало утро, удивительной величины лань, по велению божию, вошла перед ним в реку и перешла ее. Так узнал народ, где ему переправиться.

[1] То-есть посланные короля.

Когда же король подошел к Пуатье, то еще издали, будучи при шатрах, увидал он огненный столб, который, вышедши из базилики святого Гилярия, как будто двигался на него. Это означало, что с помощью света, изливаемого блаженным исповедником Гилярием, он легче одолеет войско еретиков, против которых названный первосвященник часто сражался за веру. Накрепко приказал [король] всему войску, чтобы ни там, ни в пути никого не грабили и ни у кого не отнимали имущества.

Тем временем король Хлодвиг сразился с Аларихом, королем готов, на полях Вулье, в десяти милях от Пуатье. Эти сражались дротиками, те защищались мечами. Когда готы по обыкновению обратили тыл, король Хлодвиг, с божьею помощью, одержал победу. Был ему помощником сын Сигиберта Хромого [1], именем Хлодерик. Этот Сигиберт охромел, будучи ранен в колено во время битвы с алеманами у Толбиака. Когда король убил во время бегства готов короля Алариха, внезапно напали на него двое из неприятелей и поразили с двух сторон копьями. Но он спасся благодаря латам и быстроте коня. Много погибло там из народа овернцев, которые пришли с Аполлинарием [2], и первых из сенаторов.

Спасшийся при этой битве Амаларик, сын Алариха, убежал в Испанию и с мудростью занял отцовский королевский престол. Хлодвиг же отправил сына своего Теодориха через города Альби и Роде в Овернь, и он подчинил власти своего отца те города от пределов готов до границы бургундов [3]. Аларих правил 22 года. Хлодвиг же, перезимовав в Бордо и взяв из Тулузы все сокровища Алариха, прибыл в Ангулем. Господь явил ему столь великую милость, что на его глазах стены города распались сами собой. Тогда, прогнав готов, подчинил город своей власти. После этого, завершив победу, вернулся в Тур и наделил богатыми дарами базилику блаженного Мартина.

4. ХЛОДВИГ — КОНСУЛ

(«История франков», II, 39)

И вот получил он от императора Анастасия грамоты на консульство, облекся в базилике блаженного Мартина в пурпурную тунику и хламиду и возложил на голову королевский венец. Потом, воссевши на коня, собственною рукою разбрасывал золото и серебро, милостиво одаряя по дороге от дверей базилики до городской церкви собравшийся там народ. И с того дня величали его как консула и августа.

Покинув Тур, прибыл в Париж и там установил королевский престол. Пришел туда с ним также и Теодорих.

---

[1] Сигиберт Хромой — король рипуарских франков.
[2] Сыном Сидония Аполлинария.
[3] В 508—510 гг.

5. ХЛОДВИГ СТАНОВИТСЯ ЕДИНЫМ КОРОЛЕМ ФРАНКОВ

(«История франков», II, 40, 41, 42)

Когда Хлодвиг король пребывал в Париже, послал он тайно к сыну Сигиберта, чтобы сказать ему: «Вот, отец твой стар и хромает на больную ногу. Если он умрет, тебе по праву достанется вместе с нашею дружбою его королевство». Тогда тот, движимый желанием достигнуть этого, замышляет отцеубийство. Когда однажды отец его, выехал из Кельна, переправился через Рейн, чтобы погулять в лесу Буконии, и в полдень уснул в своем шатре, сын его, подослав убийц, убил там отца, в уверенности, что завладеет его королевством. Но по правосудию божию сам попал в яму, которую вражески вырыл для своего отца.

Послал он послов к королю Хлодвигу, чтобы известили его о смерти отца, и сказал: «Отец мой скончался, и я владею его сокровищем и его королевством. Приходи ко мне, и я охотно передам тебе из сокровищ его то, что понравится». А Хлодвиг в ответ сказал: «Благодарю тебя за доброе расположение и прошу показать нашим посланным [сокровища], которыми ты будешь потом владеть сам безраздельно». Послы пришли, и он разложил отцовские сокровища. Когда они рассматривали разные [драгоценности], он промолвил: «Вот в этот ящичек мой отец имел обыкновение складывать золотые монеты». «Опусти, — сказали они ему, — руку свою до дна и все исследуй». Когда он сделал это и сильно наклонился [над ящичком], один из послов поднял руку и ударил его секирою в череп. Так этот недостойный испытал ту же участь, какую уготовал отцу.

Когда Хлодвиг узнал об убийстве Сигиберта и его сына, он сам явился туда же [1] и, созвав весь народ тот [2], сказал: «Послушайте о том, что случилось. Когда я плыл по реке Шельде, Хлодерик, сын моего родича, беспокоил своего отца, говоря, что я хочу убить его. А сам, когда отец удалился в лес Буконию, подослал к нему разбойников и умертвил его. Но когда он разыскивал отцовские сокровища, то тоже погиб, не знаю, кем пораженный. Что до меня, то я в этом деле совсем не участник, так как не могу проливать кровь своих родичей и совершать такое грешное дело. Но раз уж так случилось, вот вам мой совет, которому, если вам угодно, последуйте; обратитесь ко мне, чтобы быть под моей защитою». Услыхав эти слова и одобрив их шумом оружия и криками, подняли Хлодвига на щит и поставили над собой королем...

После этого двинулся против Хararика [короля] [3]. Когда [Хлодвиг] давал битву Сиагрию, этот Хararик, вызванный на помощь Хлодвигу, стоял в отдалении, не помогая ни той, ни другой стороне, но выжидая исхода дела, чтобы завязать дружбу

---

[1] То-есть в Кельн — столицу рипуарских франков.
[2] То-есть рипуарских франков.
[3] Хararик был одним из королей салических франков.

с тем, кому достанется победа. За это досадовал на него Хлодвиг и потому пошел против него, захватил его хитростью вместе с сыном и, связав, остриг обоим волосы. И повелел Харарика поставить священником, а сына его — дьяконом. Когда же Хararик жаловался на свое унижение и плакал, то сын его, как передают, сказал: «Эти листья [1] срезаны с зеленого дерева и не совсем еще высохли. Скоро они оправятся [настолько], что смогут отрасти снова. Пусть так же скоро погибнет тот, кто сделал это».

Речь эту Хлодвиг понял в том смысле, что они грозятся снова отпустить себе длинные волосы [2] и убить его. Поэтому приказал отрубить им обоим головы. По их смерти приобрел королевство их с сокровищами и народом...

В то время Рагнахарий [3], король [правивший] в Камбрэ, столь необузданно предавался порокам, что едва терпел даже своих близких родственников. У него был советник Фаррон, столь же погрязший в пороках. Рассказывают о нем, что когда королю приносили что-нибудь из кушанья, или из подарков, или иное что, он имел обыкновение говорить, что это для него и для его Фаррона. Это приводило франков в большое негодование.

И вот случилось, что Хлодвиг роздал его левдам золотые запястья и пояса (в действительности все это только походило на золотое, так как обманным образом было сделано из позолоченной меди), роздал с тем, чтобы быть приглашенным на его место. И вот Хлодвиг двинул против Рагнахария войско; и когда тот много раз посылал соглядатаев для разведки, то всякий раз возвращавшиеся послы на его вопрос, как велико это войско, отвечали: «Тебе и твоему Фаррону это очень большое подкрепление». Когда же пришел Хлодвиг, он начал против него войну... Тот же [то-есть Рагнахарий], видя свое войско разбитым, приготовился бежать, но был схвачен воинами и со связанными назад руками приведен вместе с братом Рихарием к Хлодвигу. «Зачем, — сказал ему тот, — ты унизил наш род, позволив связать себя? Лучше бы тебе было умереть». И, подняв секиру, разрубил ему голову. Потом, обратившись к его брату, сказал: «Если бы ты оказал помощь брату, то он, разумеется, не был бы связан». Подобным же образом и его убил, поразив секирою. После их смерти узнали предатели их, что золото, полученное ими от короля, поддельное. Когда они сказали о том королю, тот, как передают, ответил: «По заслугам получили такое золото те, кто добровольно предал на смерть своего господина». Услыхав такие слова, они старались заслужить его милость, уверяя, будто довольны и тем, что их оставили в живых. Были

---

[1] То-есть длинные волосы.

[2] Длинные волосы считались у Меровингов отличительным признаком членов королевского дома. Острижение волос знаменовало исключение из королевской семьи. Наоборот, отпущенные волосы снова давали право домогаться королевской власти.

[3] Тоже один из королей салических франков.

же вышеназванные [убитые] родственниками короля Хлодвига. По их смерти все королевство их и сокровища получил Хлодвиг. А брат их Ригиомер был убит по повелению Хлодвига в городе Мансе.

Истребив также многих других королей и своих первых родственников из-за боязни, как бы не отняли у него королевства, он распространил свою власть на всю Галлию. Однако, собрав однажды своих, он, как передают, говорил о родственниках, которых сам же погубил, следующее: «Горе мне, ибо я остался, как странник среди чужих, и не имею родственников, которые могли бы мне подать помощь, если бы случилось несчастие». Но он это говорил не потому, что горевал о их смерти, а по хитрости, рассчитывая, не сможет ли он случайно найти еще кого-нибудь из родственников, чтобы и его лишить жизни.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ФРАНКОВ ПО «САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ»

«Салическая Правда» — один из самых древних, наиболее типичных из дошедших до нас сборников писанного права германцев. Нигде с такой ясностью и полнотой не отразилось древнегерманское право, как в «Салической Правде». Римское влияние сказалось здесь чисто внешним образом — в усвоении плохого римского языка (варварская латынь) и римской монетной единицы — золотого солида, разделенного на серебряные денарии (по 40 в солиде). Что касается самых принципов законодательства, то они остались чисто варварскими, то-есть чисто германскими.

Цель «Салической Правды», вызванная практическими потребностями времени, — установить точным образом формы судебной процедуры и перечислить штрафы за преступления и проступки. «Салическая Правда» — это не что иное, как судебник, и притом судебник далеко не систематический и не полный, составившийся путем возведения конкретных судебных казусов в судебный обычай.

Но «Салическая Правда» интересна не только как памятник юридический. Это прежде всего исторический источник в самом широком смысле данного слова, проливающий свет на все стороны жизни древнегерманского общества.

«Салическая Правда» — судебник салических (приморских) франков, еще в IV в. осевших в северо-западной Галлии (на территории теперешней Бельгии), в течение следующих столетий постепенно распространивших свое влияние на всю Галлию и уже в VI в. образовавших обширное Франкское государство. Вопрос о времени редакции «Салической Правды» — вопрос спорный. Вернее всего, что она редактирована при Хлодвиге, то-есть в самом конце V в., или в начале VI в., и что редакция эта представляла собой запись старинных судебных обычаев франков, до тех пор хранившихся в устной традиции. Необходимо, следовательно, помнить, что порядки, вскрываемые «Салической Правдой», древнее ее редакции. Необходимо также отличать основной текст «Салической Правды» от позднейших добавлений к нему, постепенно вводившихся в VI—VIII вв. (до Карла Великого).

Русское издание латинского текста «Салической Правды» — Д. Н. Егорова, Киев 1906. Русский перевод «Салической Правды» — Н. П. Грацианского и А. Г. Муравьева, с введением Н. П. Грацианского, Казань 1912.

Титул I. *О вызове на суд*

§ 3. И тот, кто вызывает другого на суд, со свидетелями должен прийти к его дому, и если последний окажется в отсутствии,

должен позвать жену или кого-либо из его домашних с тем, чтобы они известили его о вызове на суд.

Титул II. *О краже свиней*

§ 1. Если кто украдет поросенка-сосунка и будет уличен, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида [1].

§ 4. Если кто украдет годовалую свинью и будет уличен, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 5. Если кто украдет двухгодовалую свинью, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 6. Такой же штраф надлежит уплачивать и при краже двух свиней в соответствующих условиях.

§ 11. Если кто украдет кабана или свинью, ведущую стадо, присуждается к уплате 700 денариев, что составляет 17½ солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

Титул III. *О краже рогатых животных*

§ 3. Если кто украдет быка или корову с теленком, присуждается к уплате 1400 денариев, что составляет 35 солидов.

§ 4. Если кто украдет быка, ведущего стадо и никогда не бывшего под ярмом, присуждается к уплате 1800 денариев.

§ 5. Если же бык этот обслуживал коров трех селений [вилл] сразу, вор уплачивает трижды 45 солидов.

Титул IX. *О вреде, причиненном ниве или какому-нибудь огороженному месту*

§ 1. Если кто застанет на своей ниве рогатых животных или лошадь, или какой-нибудь мелкий скот, не должен бить его до изувечения. Если же он сделает это и сознается, обязан возместить стоимость, а изувеченную скотину взять себе. Если же не сознается и будет уличен, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов, не считая стоимости скота и возмещения убытков.

§ 2. Если кто, застав на своей ниве чужой скот без пастуха, загонит его и совсем никому не заявит об этом и если какая-нибудь скотина издохнет, возмещает, как при краже, стоимость и сверх того присуждается к уплате 1400 денариев, что составляет 35 солидов.

---

[1] См. по вопросу о платеже штрафов франками тит. XXXVI «Рипуарской Правды» (то-есть «Правды» восточных соседей салических франков — франков рипуарских):

§ 11. Если кто будет платить вергельд, быка рогатого, зрячего и здорового, пусть отдает за 2 солида. Корову рогатую, зрячую и здоровую — за 3 солида. Коня зрячего и здорового — за 12 солидов. Кобылицу зрячую и здоровую — за 3 солида. Меч с ножнами — за 7 солидов. Меч без ножен — за 3 солида. Броню добрую — за 12 солидов. Шлем исправный — за 6 солидов. Поножи добрые — за 6 солидов. Щит с копьем — за 2 солида. Ястреба неприрученного — за 3 солида. Ястреба прирученного—за 6 солидов.

§ 4. Если чьи-либо свиньи или чей-нибудь скот забежит на чужую ниву и хозяин животных, несмотря на запирательство, будет уличен, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

§ 5. Если же кто вздумает выгнать скот, причинивший убыток, из огороженного места, или отбить его, когда его уже гонят домой, присуждается к уплате 1200 денариев, что составляет 30 солидов.

Добавление. Если кто-нибудь по вражде или по коварству откроет чужую загородку и впустит скот на ниву, или на луг, или на виноградник, или на какое-нибудь другое обработанное место, то тому, кому принадлежит труд, в случае представления последним улик со свидетелями, он должен возместить вред, и, кроме того, присуждается к уплате 1200 денариев, что составляет 30 солидов.

Титул X. *О краже рабов*

§ 1. Если кто украдет раба, коня или упряжное животное, присуждается к уплате 1200 денариев, что составляет 30 солидов.

§ 2. Если раб или рабыня украдут что-либо из вещей своего господина в сообществе с свободным, то вор [1], кроме того, что он возвращает украденные вещи, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

Титул XIII. *О похищении свободных* [2]

§ 1. Если три человека похитят свободную девушку, они обязаны уплатить по 30 солидов каждый.

§ 2. Те же, что свыше трех, обязаны уплатить по 5 солидов каждый.

§ 3. А те, кто имел при себе стрелы, уплачивают втройне.

§ 4. С похитителей же взыскивается 2500 денариев, что составляет 63 солида.

§ 5. Если они похитят девушку из-под замка или из горницы, уплачивают цену и штраф, как выше обозначено.

§ 6. Если же девушка, которую похитят, окажется под покровительством короля, в таком случае за нарушение «королевского мира» платится 2500 денариев, что составляет 63 солида.

§ 7. Королевский мальчик (раб) или лит [3], похитившие свободную женщину, повинны смерти.

§ 8. Если же свободная девушка добровольно последует за рабом, она лишается своей свободы.

§ 9. Свободный, взявший чужую рабыню, несет то же самое наказание.

---

[1] То-есть свободный.

[2] Здесь речь идет о так называемом «умыкании», то-есть похищении девушек с целью вступления с ними в брак.

[3] Лит — полусвободный человек.

Титул XVI. *О поджогах*

§ 2. Если кто сожжет дом с пристройками и будет уличен, присуждается к уплате 2500 денариев, что составляет 63 солида.

§ 3. Если кто сожжет амбар или ригу с хлебом, присуждается к уплате 2500 денариев, что составляет 63 солида.

§ 4. Если кто сожжет хлев со свиньями или стойла с животными, присуждается к уплате... 63 солидов, не считая уплаты стоимости и возмещения убытков.

Титул XXII. *О кражах на мельнице*

§ 1. Если какой-либо свободный человек украдет на мельнице чужой хлеб и будет уличен, уплачивает мельнику 600 денариев, что составляет 15 солидов. Владельцу же хлеба [вор] платит другие 15 солидов.

Добавление 1-е. Если он украдет там железные части, присуждается к уплате 45 солидов.

Добавление 2-е. Если кто сломает мельничную плотину, присуждается к уплате 15 солидов.

Титул XXVI. *О вольноотпущенниках*

§ 1. Если какой-нибудь свободный человек в присутствии короля через денарий отпустит на волю чужого лита без согласия господина последнего и будет уличен, присуждается к уплате 4000 денариев, что составляет 100 солидов. Вещи же лита должны быть возвращены его законному господину.

§ 2. Если кто в присутствии короля через денарий отпустит на волю чужого раба и будет уличен, присуждается к уплате господину стоимости раба и сверх того 35 солидов.

Титул XXVII. *О различных покражах*

§ 6. Если кто проникнет в чужой сад с целью покражи, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 7. Если кто проникнет с целью воровства в поле, засаженное репой, бобами, горохом или чечевицей, присуждается к уплате... 3 солидов.

§ 8. Если кто похитит с чужого поля лен и увезет его на лошади или на телеге... присуждается к уплате 15 солидов.

§ 10. Если кто выкосит чужой луг, теряет свой труд.

§ 18. Если кто украдет из чужого леса чужие дрова, присуждается к уплате 3 солидов.

§ 19. Если кто возьмет дерево, помеченное более года назад, в этом нет никакой вины.

§ 20. Если кто украдет из реки сеть для ловли угрей, присуждается к уплате 45 солидов.

§ 24. Если кто запашет чужое поле без позволения хозяина, присуждается к уплате 15 солидов.

§ 25. Если же кто засеет его, присуждается к уплате 45 солидов.

Добавление. Если кто увезет чужую хижину [1] без ведома ее хозяина, присуждается к уплате... 3 солидов.

Титул XXXIV. *О покраже изгороди*

§ 2. Если кто проведет по чужому, уже взошедшему полю борону, или проедет с телегой не по дороге, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида.

§ 3. Если кто проедет по чужой, уже начавшей выколашиваться ниве, не по дороге и не по тропинке, присуждается к уплате... 15 солидов.

Титул XXXV. *Об убийствах или об ограблениях рабов*

§ 1. Если какой-либо раб лишит жизни раба, господа пусть поделят между собой убийцу.

§ 4. Если какой-нибудь свободный человек ограбит чужого лита и будет уличен, присуждается к уплате... 35 солидов.

§ 5. Если чужой раб или лит лишит жизни свободного человека, сам убийца отдается родичам убитого человека в качестве половины композиции, а господин раба уплачивает другую половину композиции.

§ 6. Если кто украдет или лишит жизни дворового слугу, или кузнеца, или золотых дел мастера, или свинопаса, или виноградаря, или конюха и будет уличен, присуждается к уплате... 30 солидов.

Титул XXXVIII. *О конокрадстве*

§ 1. Если кто украдет упряжную лошадь и будет уличен, присуждается к уплате... 45 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 3. Если кто украдет племенного жеребца с его стадом в 12 кобыл, присуждается к уплате... 63 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 4. Если же стадо будет меньше, именно до 7 голов, включая и жеребца, присуждается к уплате 63 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

Титул XLI. *О человекоубийстве скопищем*

§ 1. Если кто лишит жизни свободного франка или варвара, живущего по салическому закону, и будет уличен, присуждается к уплате 8 000 денариев, что составляет 200 солидов.

§ 3. Если кто лишит жизни человека, состоящего на королевской службе, или же свободную женщину, присуждается к уплате 24 000 денариев, что составляет 600 солидов.

§ 5. Если кто лишит жизни римлянина — королевского сотра-

---

[1] Здесь, повидимому, идет речь о хижине вроде шалаша, предназначенного для специальных целей (временное убежище от непогоды для пастухов, сторожей и т. п.).

пезника и будет уличен, присуждается к уплате 12 000 денариев, что составляет 300 солидов.

§ 6. Если кто лишит жизни римлянина-землевладельца и не королевского сотрапезника, присуждается к уплате 4000 денариев, что составляет 100 солидов.

§ 7. Если кто лишит жизни римлянина, обязанного платить подати, присуждается к уплате 63 солидов.

Титул XLV. *О переселенцах*

§ 1. Если кто захочет переселиться в виллу [поселок] к другому, и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться.

§ 2. Если же, несмотря на запрещение одного или двух лиц, он осмелится поселиться в этой вилле, тогда ему должно предъявить протест, и если он не захочет уйти оттуда, тот, кто предъявляет протест, в присутствии свидетелей должен обратиться к нему с такого рода требованием: «Вот, я тебе говорю, что в эту ближайшую ночь ты, согласно салическому закону, можешь здесь оставаться, но заявляю тебе, что в течение 10 ночей ты должен уйти из этого поселка». После этого, по истечении 10 ночей он опять пусть придет к нему и объявит ему вторично, чтобы он ушел в течение следующих 10 ночей. Если же он и тогда не захочет уйти, в третий раз прибавляется к его сроку 10 ночей, чтобы таким образом исполнилось 30 ночей. Если и тогда не пожелает уйти, пусть вызовет его на суд, имея при себе свидетелей, бывших там при объявлении каждого срока. Если тот, кому предъявлен протест, не захочет уйти оттуда, причем его не будет задерживать какое-нибудь законное препятствие, и если ему по закону объявлено все вышесказанное, тогда заявивший протест ручается своим состоянием и просит графа явиться на место, чтобы выгнать его оттуда. И за то, что он не хотел слушаться закона, он теряет там результаты [своего] труда и, кроме того, присуждается к уплате 1200 денариев, что составляет 30 солидов.

§ 3. Если же переселившемуся в течение 12 месяцев не будет предъявлено никакого протеста, он должен оставаться неприкосновенным, как и другие соседи [1].

Титул L. *Об обязательстве*

§ 1. Если кто — свободный или лит — даст другому обязательство, тот, кому дано обязательство, по истечении 40 ночей или установленного между ними срока должен явиться к его дому в сопровождении свидетелей и с тем, кому надлежит произвести оценку имущества. И если должник не пожелает выплатить по

[1] См. для толкования этого спорного титула один из более поздних текстов неизвестного происхождения: «Не может человек переселиться, если соседи [не выразят своего согласия на пользование] травою, водою и дорогою».

обязательству, он, сверх обозначенного в обязательстве долга, присуждается к уплате 15 солидов.

Титул LI.

§ 1. Если кто противозаконно пригласит графа отправиться для конфискации чужого имущества, именно, без предварительного вызова должника на суд, или при отсутствии самого обязательства, присуждается к уплате 8000 денариев, что составляет 200 солидов.

§ 2. Если же граф, приглашенный по упомянутому делу, осмелится взять что-нибудь сверх законного и справедливого долга, пусть или выкупится, или заплатит жизнью.

Титул LII. *О займе*

§ 1. Если кто даст другому взаймы что-либо из своих вещей, и тот не пожелает ему возвратить, он следующим образом должен вызвать его на суд. Со свидетелями пусть он придет к дому того, кому дал взаймы свои вещи, и пусть заявит следующее: «Так как ты не пожелал вернуть мне мои вещи, которые я тебе дал, то в эту ночь ты можешь еще удерживать их, согласно салическому закону». И пусть назначит ему срок [для возврата]. Если и тогда он не пожелает вернуть, должен еще назначить ему отсрочку на 7 ночей. И по истечении 7 ночей подобным же образом пусть заявит, что он может держать вещи в течение ближайшей ночи, согласно салическому закону. Если и тогда не пожелает вернуть, то по истечении других 7 ночей пусть подобным же образом придет к нему со свидетелями и пусть просит вернуть то, что ему следует. Если и тогда не пожелает уплатить, пусть назначит ему определенный срок. Если он трижды назначит ему определенный срок, то каждый раз к долгу прибавляется по 120 денариев, т. е. по 3 солида. Если он и тогда не пожелает ни возвратить, ни дать обязательства в уплате, то сверх долга и тех 9 солидов, которые наросли вследствие трех напоминаний, должник присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

Титул LIII. *О выкупе руки от котелка*

§ 1. Если кто будет присужден к испытанию посредством котелка с кипящей водою, то стороны могут прийти к соглашению, чтобы присужденный выкупил свою руку и обязался представить соприсяжников. Если проступок окажется таким, за какой в случае улики виновный по закону должен уплатить 600 денариев, что составляет 15 солидов, он может выкупить свою руку за 120 денариев, что составляет 3 солида.

Титул LIV. *Об убийстве графа*

§ 1. Если кто лишит жизни графа, присуждается к уплате 24 000 денариев, что составляет 600 солидов.

§ 2. Если кто убьет сацебарона или вице-графа — королев-

ского мальчика [раба], присуждается к уплате 12 000 денариев, что составляет 300 солидов.

§ 3. Если кто убьет сацебарона — свободного, присуждается к уплате 24 000 денариев, что составляет 600 солидов.

Титул LVII. *О рахинбургах*

§ 1. Если какие-либо из рахинбургов, заседая в судебном собрании и разбирая тяжбу между двумя лицами, откажутся сказать закон, следует, чтобы истец заявил им: «Здесь я призываю вас постановить решение согласно салическому закону». Если они [снова] откажутся сказать закон, семеро из этих рахинбургов до захода солнца присуждаются к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида.

§ 2. Если же они и не пожелают сказать закон и не дадут обязательства уплатить в назначенный срок по 3 солида, они присуждаются к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

§ 3. Если же рахинбурги те будут судить не по закону, тот, против которого они вынесут решение, пусть предъявит к ним иск, и если будет в состоянии доказать, что они судили не по закону, каждый из них присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

Титул LVIII. *О горсти земли*

§ 1. Если кто лишит жизни человека, и, отдав все имущество, не будет в состоянии уплатить следуемое по закону, он должен представить 12 соприсяжников [которые поклялись бы в том], что ни на земле, ни под землей он не имеет имущества более того, что уже отдал. И потом он должен войти в свой дом, собрать в горсть из четырех углов земли, стать на пороге, обратившись лицом внутрь дома, и эту землю левой рукой бросать через свои плечи на того, кого он считает своим ближайшим родичем. Если отец и братья уже платили, тогда он должен той же землей бросать на своих, то-есть на троих ближайших родичей по матери и по отцу. Потом в [одной] рубашке, без пояса, без обуви, с колом в руке, он должен прыгнуть через плетень, и эти три [родича по матери] должны уплатить половину того, чего нехватает для уплаты следуемой по закону виры. То же должны проделать и три остальные, которые приходятся родичами по отцу. Если же кто из них окажется слишком бедным, чтобы заплатить падающую на него долю, он должен в свою очередь бросить горсть земли на кого-нибудь из более зажиточных, чтобы он уплатил все по закону. Если же и этот не будет иметь чем заплатить все, тогда взявший на поруки убийцу должен представить его в судебное заседание, и так потом в течение четырех заседаний должен брать его на поруки. Если же никто не поручится в уплате виры, то-есть в возмещении того, что он не заплатил, тогда он должен уплатить виру своею жизнью.

Титул LIX. *Об аллодах*

§ 1. Если кто умрет и не оставит сыновей, и если мать переживет его, пусть она вступит в наследство.

§ 2. Если не окажется матери, и если он оставит брата или сестру, пусть вступят в наследство.

Добавление. Если не будет сестры матери, пусть сестры отца вступят в наследство.

§ 3. В том случае, если их не будет, сестра матери пусть вступит в наследство.

§ 4. И если затем окажется кто-нибудь более близкий из этих поколений, он пусть вступит во владение наследством.

§ 5. Земельное же наследство ни в коем случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужскому полу, то-есть братьям.

Титул LX. *О желающем отказаться от родства*

§ 1. Он должен явиться в судебное заседание перед лицо тунгина [1] и там сломать над своей головой три палки, мерою в локоть. И он должен в судебном заседании разбросать их в четыре стороны и сказать там, что отказывается от соприсяжничества, от наследства и от всяких счетов с ними. И если потом кто-либо из его родичей или будет убит, или умрет, он совсем не должен участвовать в наследстве, или в уплате виры, а наследство его самого должно поступить в казну.

III. ФРАНКСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI века

1. ИЗ ЭДИКТА КОРОЛЯ ХИЛЬПЕРИКА (561—584)

Если кто, имея соседей, оставит после своей смерти сыновей или дочерей, пусть сыновья, пока живы, владеют землею согласно салическому закону. Если же сыновья умрут, дочь подобным же образом пусть получает эти земли, как получили бы их сыновья, если бы оставались живы. А если умрет брат, другой же останется в живых, брат пусть получает земли, не соседи...

2. РАСПРАВА ФРАНКОВ С ПРИБЛИЖЕННЫМ КОРОЛЯ ТЕОДЕБЕРТА — ПАРФЕНИЕМ

(«История франков», III, 36)

После того Теодеберт [2] король стал болеть. Врачи прилагали много усилий к тому, чтобы его вылечить, но не помогало ничто,

[1] Тунгин — выборный человек, председатель окружного судебного собрания — «маллюса»; уже в первой половине VI в. сошел со сцены и его полномочия перешли к королевским чиновникам — графам и их помощникам.

[2] Теодеберт — внук Хлодвига, король восточной части Франкского государства, скончавшийся в 548 г.

ибо господь уже решил отозвать его. И вот после долгой болезни, истощенный ею, скончался. Франки же, сильно ненавидевшие Парфения[1] за то, что при упомянутом короле он облагал их налогами, стали его преследовать. Он же, видя свое опасное положение, убежал из города и настойчиво молил двух епископов, чтобы проводили его в Трир и утишили своими проповедями мятеж пришедшего в ярость народа. В дороге, когда он ночью лежал на своем ложе, внезапно во сне вскричал громким голосом; говоря: «Ах, ах! Поспешите все, кто здесь находится, и помогите погибающему». При этом крике окружающие пробудились от сна и стали спрашивать, в чем дело. А он ответил: «Авзаний, друг мой, и Папианилла, моя супруга, которых я некогда умертвил, призывали меня на суд, говоря: «Иди к ответу, ибо ты должен судиться с нами перед лицом господним». Из-за ревности, за несколько лет перед тем, он погубил [свою] невинную супругу и друга.

Епископы, прибывши в названный город, не будучи в состоянии усмирить мятеж пришедшего в ярость народа, решили отвести его в церковь, спрятать в ящик и покрыть сверху одеждами, которые употреблялись для нужд церковных. Народ же, ворвавшись в церковь и обыскавши все углы, ничего не нашел и, раздраженный, стал выходить. Но один из народа, которого взяло подозрение, сказал: «В ящике, который мы не обыскали, [скрылся] наш недруг». Сторожа заявили, что ничего в этом ящике нет, кроме украшений церковных, но они потребовали ключи со словами: «Если тотчас не откроете, то сами сломаем его силою». В конце концов, вскрыв ящик и сняв одежды, разыскали и извлекли его, насмехаясь и говоря: «Предал бог недруга нашего в руки наши». Потом били его кулаками, плевали в лицо и, в конце концов, связав назад руки, побили у столба камнями.

3. ВОССТАНИЕ В ЛИМОЖЕ

(«История франков», V, 28)

Король Хильперик распорядился установить по всему королевству своему новые и обременительные налоги. По этой причине многие, покидая те города[2] и собственные владения, переселялись в другие королевства, предпочитая лучше скитаться там, нежели подвергаться такой опасности. Ибо было постановлено, чтобы каждый землевладелец платил с своей собственной земли по амфоре вина за арпан[3]. Но и другие многие налоги взимались как с земель, так и с рабов,— столь высокие, что их нельзя было выплатить. Народ Лиможа, видя обременение такими тяготами, собрался в мартовские календы и хотел умертвить канцлера Марка,

---

[1] Парфений — главный сановник и советник Теодеберта.

[2] То-есть города, подчиненные Хильперику.

[3] Арпан — земельная мера, квадрат, каждая сторона которого равна 120 футам, — приблизительно десятая часть гектара. Налог, установленный Хильпериком, равнялся 10 процентам урожая.

которому поручено было собрать эти налоги. И это они, конечно, сделали бы, если бы епископ Ферреол не спас его от угрожавшей опасности. И вот собравшаяся толпа овладела налоговыми списками и сожгла их. Король, сильно разгневанный этим, послав своих уполномоченных, утеснил народ большими штрафами, устрашил пытками и [некоторых] наказал смертью. Рассказывают даже, что аббаты и священники, распростертые на дереве, подверглись разным мучениям, ибо королевские уполномоченные ложно обвинили их в том, что во время восстания они участвовали в сожжении народом податных списков. После того народ подвергся еще более тяжелому обложению.

ГОСУДАРСТВО МЕРОВИНГОВ В VII—VIII веках

1. ДАГОБЕРТ I

(Из «Хроники Фредегара», IV, 47, 58, 68)

На 39-м году своей жизни [1] Хлотарь сделал соправителем королевства сына своего Дагоберта. Он поставил его королем над Австразией, удержав за собой то, что входило в состав Нейстрии и Бургундии за Арденнами и Вогезами.

... Пользуясь с самого начала своего правления советами блаженного Арнульфа, первосвященника города Меца, и Пипина майордома, он с таким успехом царствовал в Австразии, что заслужил великую похвалу от всех народов... По смерти же блаженного Арнульфа продолжал пользоваться советами Пипина майордома, а также Хуниберта, первосвященника города Кельна, и, руководствуясь их наставлениями, так... правил всеми подвластными ему народами, что ни один из прежних королей франков не превосходил его славы.

2. «ЛЕНИВЫЕ КОРОЛИ» И МАЙОРДОМЫ

(Из «Жизни Карла Великого» Эйнгарда [2])

Глава 1. Род Меровингов, из которого франки имели обыкновение ставить себе королей, закончился, как это принято думать, королем Хильдериком, который велением Стефана, первосвященника римского, был... пострижен и заключен в монастырь [3]. Но хотя и может казаться, что этот род кончился с ним, но [в действительности] он [король] уже давно не имел никакой жизненной силы и ничем, кроме пустого титула короля, не блистал, ибо государственная казна и государственная власть находились в руках начальников дворца, именовавшихся майордомами, которым принадлежала вся сила в государстве. Королю же оставалось доволь-

[1] То-есть в 622 г. Единодержавным королем франков Дагоберт стал в 629 г.

[2] Об Эйнгарде см. ниже, стр. 132.

[3] В 751 г.

ствоваться одним лишь титулом и, восседая на троне с длинными волосами и отпущенной бородой, представлять собой только одно подобие государя, выслушивать отовсюду являвшихся послов и давать им при прощании, как бы от своего имени, ответы, заранее им заученные и ему продиктованные. Кроме бесполезного титула и скудного содержания, которое выдавалось королю по усмотрению начальниками дворца, он имел только одно собственное поместье, да и то очень мало доходное, помещение в нем и весьма немногочисленных слуг. Всюду, куда бы король ни отправлялся, он ехал в повозке, запряженной по-деревенски парою волов, которыми правил пастух. Так он ездил во дворец, на народные собрания, которые ежегодно созывались на благо государства, таким же образом он и возвращался обратно домой. Управление же государством и все, что нужно было исполнить или устроить во внутренних или внешних делах, все это лежало на попечении майордома.

3. КАРЛ МАРТЕЛЛ И ЕГО ВОЙНЫ С АРАБАМИ

а) Из «Хроники продолжателей Фредегара»

Продолжения «Хроники Фредегара» возникли в VIII в. в Австразии и принадлежат трем различным авторам, излагающим события франкской истории до смерти короля Пипина (768). Нижеприводимые отрывки взяты из первого и второго продолжателей Фредегара. Первый продолжатель является историком рождающегося величия майордомов Австразии — Пипинидов, второй писал по поручению и под наблюдением брата Карла Мартелла — графа Хильдеберта. Оба автора очень осведомлены во всем, что касается деятельности австразийских майордомов.

Издания Fredeg. Scholast. Continuationes в Scriptores rerum Merovingicarum, II. 1888.

Глава 13. В это время герцог Одон[1] нарушил условия договора. Узнав о том через вестников, Карл государь, двинув войско, перешел Луару реку, обратил в бегство означенного герцога Одона, взял множество добычи... и возвратился во-свояси. Одон же герцог, видя свое поражение и унижение, возбудил для помощи против Карла государя и народа франков вероломный народ сарацинов. Вышедши с королем своим Абдирамою[2], они переправились через Гаронну и подошли к городу Бордо. Предав пламени церкви, истребив жителей, достигли Пуатье. Сожгли базилику святого Гилярия, о чем жалко говорить, и держали путь к дому блаженнейшего Мартина[3]. Карл государь отважно выставил против них войско и ринулся в битву. С помощью Христа ниспроверг их шатры, завязал кровавую сечу, короля их Абдираму положил убитым на месте, и, разбив войско, поборол их и одолел. И так торжествовал победу над неприятелями.

Глава 20. Тогда снова поднялся сильный народ измаилитов, которых называют теперь искаженно сарацинами. Ворвав-

[1] Одон — герцог Аквитании.
[2] Имеется в виду арабский вали в Испании Абд-эр-Раман.
[3] То-есть к Туру.

шись в реку Рону..., означенные сарацины... вступили в сильно укрепленный и расположенный на холмах город Авиньон... и опустошили окрестности. Против них славный муж, герцог Карл, направил в те места с войском брата своего, ревностного мужа, герцога Хильдебранда, вместе с другими герцогами и графами. Они весьма поспешно подошли к городу, разбили шатры... и готовили войско к бою, пока не прибыл воитель Карл, который обложил стены, устроил укрепления и усилил осаду. Наподобие Иерихона, при криках войска и звуках трубных, с осадными приспособлениями устремляются они на городские укрепления и стены и взбираются на них по канатам. Ворвавшись в город, предают его пламени, берут в плен неприятелей, истребляют, покоряют... и подчиняют их своей власти, а славный победитель и воитель, неустрашимый Карл, переправившись с войском через реку Рону, проникает в пределы готов[1], доходит до Нарбонской Галлии, осаждает этот прославленный город — столицу их, возводит вокруг, на реке Атаксе, стенобитные сооружения, запирает там короля сарацин Атиму[2] с его помощниками и со всех сторон устраивает лагери.

Видя это, старшие по рождению и князья сарацин, которые проживали в те времена в Испании, собрав вражеское войско под предводительством другого короля, именем Амормаха[3], идут против Карла и изготовляются к битве. А вышеназванный муж, победоносный герцог Карл, спешит им навстречу... Когда обе стороны вступили в битву, сарацины, будучи побеждены и побиты и видя, что пал их король, пустились в бегство, обратив тыл. При этом те, кто уцелели, пустились вплавь по морю, чтобы спастись на кораблях, но, сталкиваясь, топили друг друга. Франки же напали на них на судах с дротиками и, потопив в воде, уничтожили. Так франки восторжествовали над неприятелями, взяли великое множество добычи и военного снаряжения, захватили много пленных и, предводимые победоносным герцогом, опустошили область готов. Прославленные города Ним, Агд и Безье они разрушили до основания, предав пламени их стены и укрепления... Поразив силы неприятелей, предводимый во всем Христом..., невредимым вернулся [Карл] в свое королевство в землю франков, оплот его могущества.

Глава 21. На второй год после того [Карл], собрав войско, направил в Прованс вышеназванного брата своего со многими герцогами и графами. Когда прибыли в Авиньон, Карл [сам] спешно прибыл [к войску] и всю область до берега великого моря снова подчинил своей власти[4]...

---

[1] То-есть в Септиманию.

[2] Имеется в виду правитель Нарбонской области Абдераман.

[3] Имеется в виду Омар-ин-Халед.

[4] Этот поход в Прованс Карл предпринял в союзе с лангобардами, которые опасались проникновения арабов в Италию.

б) Из «Хроники» Исидора Беджского

Исидор Беджский — испанский хронист, современник битвы при Пуатье. Он передает то, что известно было об этой битве в арабской Испании. Исидор — единственный из христианских писателей, дающий сколько-нибудь подробный и связный рассказ о Пуатье, полный, однако, неясностей и написанный на самой варварской латыни. Точный перевод отрывка из Исидора (гл. 59) невозможен, и мы передаем его, местами лишь приблизительно следуя тексту.

Издание Isidori Pacensis Chronicon у Migne'a, Patrologia latina, t. 96.

Тогда Абдеррахман собрал большое войско и, перевалив через горы басков..., вторгся в области франков. Он опустошил их при вторжении мечом до того, что богу одному лишь известно, сколько там было погибших [особенно] после того, как Одон вступил за реками Гаронною и Дордоною в бой, но, разбитый, бежал. Абдеррахман же, преследуя вышеупомянутого герцога Одона, разоряя дворцы и предавая пламени храмы, намеревался разграбить Турскую церковь. Но ему вышел навстречу приглашенный Одоном консул франков из внутренней Австразии, Карл, муж, с юного возраста воинственный и в ратном деле искусный. Почти в течение семи дней обе стороны воздерживались от схватки, но в конце концов выстроились для боя. Люди севера, тесно стоявшие друг к другу, насколько хватал глаз, подобно неподвижной и обледенелой стене, ожесточенно бились, поражая арабов мечами. Народ из Австразии — люди с огромной величины членами — железною рукою с размаха наносил в грудь удары... Когда ночь прекратила битву, они оставались настороже, с поднятыми мечами. И на другой день, когда рассвело, европейцы, видя бесчисленные и расположенные в порядке шатры арабов, оставались готовыми к битве. Они не знали, что все брошено, и полагали, что сарацины тайно изготовляют отряды для боя. Послали разведчиков, которые установили, что все войско измаилитов тайком, под покровом ночи, бежало. Европейцы же, опасаясь, как бы, спрятавшись на боковых путях, не устроили засаду, напрасно в удивлении ожидали, образовав круг. Затем, вовсе не заботясь о том, чтобы преследовать врагов, поделили между собой добычу и с радостью вернулись во-свояси.

Франкское государство Каролингов

Введение

В данный раздел вошли документы, характеризующие главным образом как внешнюю, так и внутреннюю политику Карла Великого, при котором и сложилась окончательно обширная Франкская империя.

Для характеристики же предшествующего периода приводится лишь один документ (документ 1), отражающий кульминационный пункт деятельности Пипина Короткого. Этот документ представляет собой краткое свидетельство летописца-современника о том, как был окончательно оформлен захват королевской власти домом Каролингов. Наиболее характерным моментом в этом документе является констатация того факта, что королевская власть была тесно связана с папством и нуждалась в его поддержке и что папство, в свою очередь, нуждалось в поддержке со стороны сильного франкского короля. Поскольку документ краток и выразителен, преподавателю следует прочитать его в классе и предложить затем учащимся несколько вопросов, примерно следующих:

1. Почему Пипин Короткий был заинтересован в утверждении его власти папой?

2. Почему папа так охотно поддержал могущественного майордома в противовес законному, но слабому королю из дома Меровингов?

При этом преподаватель может напомнить, что папы и раньше тяготели к франкам, что папа обращался за помощью к Карлу Мартеллу, которого он желал вовлечь в борьбу против лангобардов.

В результате этой короткой беседы учащиеся смогут сами сделать соответствующий вывод о взаимоотношениях королевской власти и папства. Далее можно предложить учащимся определить, что означает выражение: «Пипин, избранный, согласно обычаям франков, в короли». От учащихся следует получить следующий ответ: данная формулировка свидетельствует о том, что крепкая королевская власть только еще складывалась, что во всех обычаях и обрядах были живы воспоминания прежних времен, когда король избирался на общих собраниях свободных воинов.

В заключение преподаватель может указать на подтасовку фактов, допущенных в документе, — провозглашение последнего меровингского короля Хильперика «ложным» королем, несмотря на законность его наследственных прав. Таким образом, анализ документа будет способствовать развитию первых навыков изучения исторического источника.

Документы 2, 3 (а, б, в) и *4* посвящены внешней политике Карла Великого.

В документе 2 дается подробное описание войн, которые вел Карл Великий. Преподаватель сможет использовать данный документ и для подготовки своего собственного рассказа, и, главное, во внеклассной работе. Рассматривая на уроке внешнюю политику Карла Великого, преподаватель, естественно, подробно остановится на войне с саксами. При этом целесообразно основное внимание уделить анализу причин, вызвавших эту завоевательную (со стороны франков) войну, а о самих военных действиях сказать лишь несколько слов, предупредив учащихся, что подробнее о самой войне с саксами будут докладывать участники исторического кружка.

Преподаватель обратит внимание учащихся на то, что хронист явно искажает историческую действительность, когда пытается доказать, что война с «упорными» саксами была вызвана не захватнической политикой франков, а набегами, грабежами саксов. Далее преподаватель отметит, что автор тенденциозно указывает на приверженность саксов «демонам» (то-есть языческим богам), как на главную причину войны, между тем как в действительности в этой приверженности к старой вере находила свое выражение ненависть к порядкам, насильственно насаждаемым франками-завоевателями, для которых христианская вера являлась средством закрепления достигнутых военных успехов и средством обеспечения своего длительного господства.

На основании приводимого в документе 2 материала в историческом кружке может быть разработано несколько докладов:

1. Война с лангобардами, причины ее и ход событий. Докладчику должно быть предложено начать изложение событий с обращения папы к Карлу Мартеллу, которого хотели вовлечь в войну с лангобардами, затем перейти к Пипину Короткому, а затем уже к военным действиям при Карле Великом.

2. Войны с саксами.

а) Причины их: как они изображались Эйнгардом и какие они были в действительности?

б) Ход военных действий.

3. Война в Испании.

Последний доклад можно предложить связать с «Песней о Роланде» и указать, какие исторические события были достоверны и какое отражение они получили в этом поэтическом произведении.

Документ 3 ярко характеризует обширность политических связей Карла Великого. Он может быть использован учителем в своем рассказе. Учитель перескажет ту часть документа, где упоминается, с какими государствами Карл Великий был связан, а затем зачитает целиком описание богатых подарков, которые посылал Карлу Великому Харун-ар-Рашид.

При анализе документа в целом, преподавателю следует иметь в виду, что наиболее важным моментом (отраженным в данном документе) была напряженность отношений между Карлом Великим и Византией. Последняя не хотела видеть в лице Карла императора Западно-Римской империи. Учитель может напомнить учащимся, что восточно-римские императоры никогда не отказывались от притязаний на господство как над Восточной, так и над Западно-Римской империей, притязаний, находивших свое внешнее выражение в эмблеме двуглавого орла, олицетворявшего двуединую монархию. С этим уместно связать и напоминание о неудавшихся попытках Карла Великого получить императорскую корону именно от византийского императора.

После выяснения взаимоотношений Карла Великого и Византии учащимся станет более понятным настойчивое желание Харун-ар-Рашида, упорного противника Византии, заручиться дружбой франкского государя.

Документ 4 должен быть изложен самим учителем, которому следует остановиться в своем рассказе на попытке папы утвердить при коронации Карла верховный авторитет церкви, и упомянуть, что Карл, добивавшийся короны от византийского императора, считал невозможным получить ее от папы, как от лица подчиненного, и хотел возложить на себя корону сам. В дальнейшем, когда в классе будут изучать борьбу пап с императорами, следует еще раз напомнить и об этом документе, отметив, что, ссылаясь на коронование Карла папой, папы доказывали, что возлагающий корону выше того, кто ее получает.

Документ 5 «Из жизни Карла Великого» дает учащемуся конкретное представление о степени культуры, образе жизни, привычках, одежде, пище знатного франка. Так как документ очень ясен, его следует поручить прочитать ученику, и затем сделать в классе доклад. Преподаватель же, независимо от доклада, может использовать некоторые отрывки из данного документа в своем рассказе, сопоставив их с отрывками из «поучения Вла-

димира Мономаха» (касающимися образа жизни, любви к военному делу, понимания пользы изучения иностранных языков и прочее). При таком сопоставлении необходимо указать на те факты, которые свидетельствуют о более высоком моральном и культурном облике Владимира Мономаха по сравнению с Карлом Великим.

Раздел «Просвещение при Карле Великом» представлен шестью документами; один из них (документ 6*а*), «Рассуждение папы Григория I о науках», относящийся к 600 г., включен в данный раздел лишь для того, чтобы дать более наглядное представление о некотором прогрессе в области просвещения, который имел место в VIII—IX вв. по сравнению с предшествующим периодом. Данный отрывок свидетельствует о том, что занятия грамматикой, отвлекающие умы от религии, рассматривались папой как преступление против церкви. Преподавателю следует изложить вкратце содержание этого документа самому, так как подробно останавливаться на нем не имеет смысла.

Документы 6 (б, в, г) «Капитулярий о занятиях науками», «Общее увещание» и др. показывают, что в то время в епископствах и монастырях уже открывались специальные школы для обучения светским наукам, вносились исправления в книги, и свидетельствуют о той задаче, которую ставили в это время перед науками — в первую очередь способствовать наилучшему пониманию «священного писания». Карл Великий преследовал всем этим одну главную цель: ему были нужны образованные должностные лица для управления его обширной империей, для укрепления фискального аппарата.

Документы 6д и *6е* свидетельствуют о чисто формальном, низком уровне знаний, на котором находилась тогда наука, и являются образцами стиля, принятого при дворе Карла Великого, стиля, представляющего собой подражание древним, языческим или христианским, образцам. В то же время послание Алкуина свидетельствует о стремлении обосновать необходимость и полезность науки, отрицаемой многими представителями церкви.

Все эти документы могут быть использованы учителем в классе — следует вкратце изложить их содержание, привести две-три небольших цитаты и подвести учащихся к выводу, что хотя культурное содержание так называемого «каролингского возрождения» было весьма ограниченно, хотя оно заключалось в основном в сохранении элементов античной культуры, однако нельзя отрицать полностью его значения, ибо позднейшая средневековая культура в своем развитии использовала то, что сохранилось за время существования каролингского государства.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 29—40, 44—53); К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV (Марка, т. XVI, ч. I. Франкский период).

* * *

Весь документальный материал настоящего отдела подобран и переведен Н. П. Грацианским, за исключением отрывка из письма Алкуина Карлу Великому и выдержек из разговора Алкуина с учеником Пипином, взятых в переводе Стасюлевича. Введение написано Г. И. Трайниной.

1. ЗАХВАТ КОРОЛЕВСКОГО ТИТУЛА КАРОЛИНГАМИ

(Из «Анналов королевства франков»)

«Анналы королевства франков»—официальная придворная летопись первых Каролингов, авторы которой имели близкое отношение к дворцовой канцелярии и могли пользоваться ее материалами. Отсюда, во-первых, широкая осведомленность «Анналов» о политических событиях франкской монархии, во-вторых, умолчание о целом ряде фактов, которые не могли быть приятны Каролингам (например, о поражениях франков в Саксонии в 775 и 782 гг. и в Пиренеях в 778 г.). «Анналы» написаны не сразу, а последовательно составлялись целым рядом лиц, причем во многих случаях они являются современной записью событий франкской монархии. В них повествуется о событиях с 741 по 829 г., причем особенно ценные сведения даются о царствовании Карла Великого.

Издание Annales regni Francorum в Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum, 1895.

749 г. Бурхард, вейсенбургский епископ, и Фольрад капеллан посланы были к папе Захарию, чтобы спросить его о королях во Франции, которые не имели в то время [действительной] королевской власти, хорошо ли это или нет. И Захария папа велел передать Пипину, что лучше именовать королем того, кто имеет власть, нежели того, кто проживает, не имея королевской власти. И дабы не нарушался порядок, приказал [своею] апостольской властью Пипину быть королем.

750 г. Пипин, избранный, согласно обычаям франков, в короли, помазан рукой святой памяти Бонифация архиепископа и возведен франками на престол в городе Суассоне. Хильдерика же, который ложно именовался королем, постригли и отправили в монастырь.

2. ВОЙНЫ КАРЛА ВЕЛИКОГО

(Из «Жизни Карла Великого» Эйнгарда)

Эйнгард (770—840)—младший современник Карла Великого, один из деятелей каролингского «возрождения». Будучи родом из Германии, он первоначальное образование получил в Фульдском монастыре, а затем прибыл ко двору Карла Великого и обучался в школе Алкуина в Ахене. Был членом дворцовой Академии, приближенным и любимцем Карла, при котором, однако, не занимал никакой определенной должности. Написал «Жизнь Карла Великого императора», на которой сильно сказалось влияние римской историографии: Эйнгард взял за образец своего сочинения произведения Светония, именно «Жизнеописания двенадцати Цезарей», главным образом жизнеописание Августа. Эйнгард и следует своему образцу на всем протяжении «Жизни Карла Великого». В расположении материала, в последовательности глав, в самой фразеологии, всюду чувствуется влияние римского автора. В этом и недостатки и достоинства «Жизни Карла Великого». Эйнгард нередко старается описать деятельность и характер своего героя не собственными, а чужими словами, теми словами, которые Светоний употреблял, характеризуя деятельность Августа, Веспасиана, Тита, Тиберия. Но, усвоив план «жизнеописаний» Светония, Эйнгард дал всестороннее описание деятельности Карла Великого и яркую характеристику его личности. Светоний своими образцами помог Эйнгарду обратить внимание на такие черты характера императора, которые при других обстоятельствах ускользнули бы от его внимания. Особенно ценной является характеристика Карла

Великого, которого Эйнгард близко знал и любил. Очень ценны также с фактической стороны известия о главных событиях правления Карла, в частности нижеприводимые выдержки о его войнах, хотя в них и встречаются некоторые неточности.

Издание Vita Caroli Magni в Monumenta Germaniae, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum, 1880.

Русский перевод в «Истории средних веков» Стасюлевича, т. XI. Все, что дается ниже из Эйнгарда, переведено заново.

Глава 5. Из всех войн, которые он вел, первой была Аквитанская [1], начатая еще его отцом, но не оконченная... Гунольда, который по смерти Вайнфария пытался занять Аквитанию и возобновить почти конченную войну, принудил он покинуть Аквитанию и бежать в Гасконь... Но Луп [герцог Гаскони] не только выдал Гунольда, но даже сам с областью, над которой властвовал, подчинился власти Карла.

Глава 6. По устройстве дел в Аквитании, снисходя к просьбам Адриана, епископа города Рима, [Карл] начал войну с лангобардами. Такая война еще прежде велась с большими затруднениями его отцом [2], по просьбе папы Стефана. Ибо некоторые из знатных франков, с которыми он обычно совещался, до того шли против его желания, что открыто грозили покинуть короля и вернуться домой [3]. Все же война была тогда предпринята против короля Айстульфа и очень быстро доведена до конца. Но хотя и он, и отец его предприняли войну по одинаковой, и даже скорее по одной и той же причине, однако известно, что она не с одинаковыми трудностями велась и не с одинаковыми последствиями кончилась. Именно, Пипин принудил короля Айстульфа после нескольких дней осады у Тичино [4] и заложников выдать, и вернуть отнятые у римлян города и крепости, а также клятвенно обещать, что возвращенное не будет требовать обратно. Карл же начатую им войну кончил [5] лишь после того, как Дезидерия короля [лангобардов], которого истощил долгой осадой, принял в подданство; сына его Адальгиза, на которого возлагались все надежды, принудил оставить не только королевство, но даже и Италию; все, отнятое у римлян, вернул; Хрудгавза, наместника Фриульского герцогства, замышлявшего новое восстание, смирил, всю Италию подчинил своей власти и, подчинив, поставил над ней королем сына своего Пипина...

Глава 7. После этой войны снова началась Саксонская, которая как бы лишь временно была приостановлена [6]. Ни одна война не велась народом франков так долго, с таким ожесточением и с такими трудностями, ибо саксы, будучи, подобно всем почти населяющим Германию племенам, свирепыми по при-

[1] В 769 г.

[2] То-есть Пипином Коротким.

[3] Здесь Эйнгард дает важные указания о наличии среди франкской знати сильной лангобардской партии.

[4] То-есть осады крепости Павии.

[5] В 774 г.

[6] Саксонская война начата была в 772 г.

роде, преданными служению демонам и противными нашей религии, не считали бесчестным осквернять и преступать законы и божеские и человеческие. Были и [иные] причины, которые способствовали ежедневному нарушению мира, именно, почти повсеместная смежность на равнинах наших и их границ, за исключением немногих мест, где или большие леса, или же промежуточные горные хребты отделяют их и наши поля определенными границами. В этих пограничных местностях никогда не прекращались убийства, грабежи и пожары. Ими франки были раздражены до того, что сочли достойным не только воздать саксам тем же самым, но и начать против них открыто войну. И вот начали с ними эту войну, которая велась непрерывно в течение 30 лет[1] с великим ожесточением с обеих сторон, но все же с бо́льшими потерями для саксов, нежели для франков. Война, конечно, могла бы быть окончена и раньше, если бы не мешало этому вероломство саксов. Трудно передать, сколько раз они бывали побеждаемы и с мольбами сдавались на милость короля, [сколько раз] обещались выполнять его приказания, выдавали без замедления заложников, которых у них требовали, принимали посылаемых к ним послов, иногда же бывали так укрощаемы и смиряемы, что изъявляли даже желание оставить почитание демонов и покориться христианской религии. Но сколь легко они склонялись ко всему этому, столь же поспешно готовы были от того отступиться, и трудно решить, к чему из двух они легче склонялись: после того, как началась с ними война, не проходило ни одного года без того, чтобы не произошла с ними такая перемена. И, однако, величие души короля и постоянство его ума, одинаково неизменного и в несчастии, и в счастии, не могли быть побеждены и отклонены от того, что он начал. Ибо никогда не оставлял он безнаказанными такого рода их действия, но всякий раз карал их за вероломство, или сам лично начальствуя [войском], или же посылая войска под предводительством своих графов, и взыскивал с них следуемое удовлетворение. В конце концов, справившись со всеми, кто имел обыкновение ему сопротивляться, и подчинив их своей власти, он выселил 10 тысяч из тех, кои обитали по обоим берегам Эльбы, вместе с женами их и детьми, и распределил их частями по разным областям Галлии и Германии. На этом условии, предложенном королем и принятом ими, тянувшаяся столько лет война, как известно, была окончена. Саксы при этом согласились отречься от служения демонам, бросить отеческие обряды, принять христианскую веру и таинства и, соединившись с франками, слиться с ними в единый народ.

Глава 9. В то время, когда велась упорная и почти постоянная война с саксами, Карл, поставив в надлежащих пограничных местах гарнизоны, пошел в Испанию с таким большим войском,

---

[1] 772—804 гг.

какое он мог только собрать. Перевалив через Пиренейский хребет, приняв в подданство все города и крепости, к которым подходил, он с целым и невредимым войском пошел обратно. Лишь в самих Пиренеях пришлось ему при возвращении одно время потерпеть от вероломства гасконцев [1]. Ибо когда войско шло длинным строем, растянуто, как того требовал характер местности и теснин, гасконцы устроили на вершине высокой горы засаду, — а место в густоте лесов, которых там великое множество, было удобно для устройства [такой] засады, — напали сверху на заднюю часть обоза и прикрывавший его арьергард, опрокинули его в долину, завязали с ними бой, всех до одного перебили, разграбили обоз и, покровительствуемые наступавшею ночью, рассеялись в разные стороны. В этом деле гасконцам благоприятствовали и легкость [их] вооружения, и характер местности, в которой происходило сражение. Франков же, наоборот, тяжесть [их] вооружения и неудобство местности во всем делало неравным гасконцам. В этом сражении были убиты вместе со многими другими Эгиггард, королевский стольник, Ансельм, пфальцграф, и Роланд, начальник Бретонской марки [2]. И это деяние не могло быть тотчас же отомщено, ибо враг, совершив его, так рассеялся, что не осталось даже и слуху о том, где искать его.

Глава 13. Величайшей из всех войн, которые вел Карл, если не считать Саксонской... была та, какую он предпринял против аваров, или гуннов. И вел он ее с большей решительностью, чем прочие, а также с гораздо большими приготовлениями. Но лично предводительствовал только походом в Паннонию, — ибо народ тот обитал тогда в этой области, — прочие [походы] поручал сыну своему, Пипину, начальникам областей, графам и посланцам. И хотя война велась ими самым решительным образом, но кончилась лишь на восьмом году. О том, сколько в ней дано было битв, сколько пролито крови, свидетельствует совсем обезлюдевшая Паннония и место, где было жилище кагана [3], опустошенное до того, что не осталось в нем даже и следа человеческого жилища. Вся знать гуннов погибла в этой войне, вся их слава пропала. Вся казна и набранные с давних времен сокровища были ограблены. И не было, сколько может упомнить память человеческая, ни одной войны, в которой они более обогатились бы и умножили свои средства. Ибо если до того времени они казались почти бедными, то [теперь] столько нашли золота и серебра в столице кагана, столько взяли в сражениях драгоценной добычи, что поистине можно подумать: франки справедливостью исторгли у гуннов то, что раньше гунны у других народов исторгли несправедливо. Лишь двое из франкской знати погибли в этой войне:

---

[1] То-есть басков.

[2] Это событие послужило затем основным сюжетом для целого цикла эпических произведений, объединенных впоследствии в виде так называемой «Песни о Роланде».

[3] Главы аварского племенного союза.

Эрик, герцог Фриульский, попавший в засаду, устроенную горожанами в Либурнии, у приморского города Тената, и Герольд, правитель Баварии, неизвестно кем убитый в Паннонии, когда выстраивал войско для битвы с гуннами. С ним убиты были только двое, его сопровождавшие, когда объезжал он войско и говорил с отдельными воинами...

3. СНОШЕНИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРЯМИ

а) Из «Жизни Карла Великого» Эйнгарда (гл. 16)

Умножил также славу царствования своего установлением дружбы с некоторыми государями и народами. Альфонса, короля Галисии и Астурии, так тесно привязал к себе, что он, отправляя к нему письма и послов, не иначе себя именовал в обращениях к нему, как его верным. Также и королей скоттов щедротами так склонил к своей воле, что никогда они иначе его не величали, как господином, себя же [называли] его подданными и рабами. Сохранились их письма к нему, в которых выражено такое их к нему расположение. С Аароном, царем персов[1], владевшим всем почти востоком, за исключением Индии, такое имел согласие в дружбе, что тот расположение его предпочитал приязни государей и князей всего света и считал лишь одного его достойным даров и почета. И потому, когда послы Карла, которых посылал он с приношениями к святейшему гробу господа и спасителя нашего, к месту [его] воскресения, прибыли к нему и возвестили волю своего государя, он не только разрешил то, о чем просили, но даже отдал под власть Карла святое то и спасительное место[2]. И, присоединив к возвращающимся послам [Карла] своих, отправил ему вместе с одеяниями, благовониями и иными богатствами восточных стран обильные дары. А незадолго перед тем отправил ему, по его просьбе, слона, который один только и был у него. Даже константинопольские императоры — Никифор, Михаил и Лев — искали его дружбы и союза, много раз отправляя к нему послов. И когда из-за принятия Карлом императорского титула у них возникло большое подозрение, что хочет отнять у них императорскую власть, установил [с ними] теснейший союз, чтобы с той и с другой стороны не оставалось никаких поводов к ссорам. Всегда ведь римлянам и грекам была подозрительна мощь франков. Отсюда пошла и греческая пословица: «Франка другом имей, но не имей соседом».

б) Из «Анналов королевства франков»

807 г. Было, кроме того, в числе даров названного царя множество драгоценных сирийских тканей, а также благовоний, ма-

[1] Имеется в виду Харун-ар-Рашид, багдадский халиф.

[2] Это нужно понимать в том смысле, что Харун-ар-Рашид дал якобы Карлу право покровительства над христианскими святынями Палестины.

зей, бальзамов. Были еще часы с диковинным механизмом, сделанные из латуни, с двенадцатью вращавшимися на клепсидре часовыми стрелками и столькими же шариками, которые выпадали по истечении каждого часа и своим падением заставляли звенеть расположенный под ними цимбал. С ними было соединено такое же количество всадников, которые по мере истечения часов выходили через двенадцать окон и толчками при выходе закрывали столько же окон, перед тем остававшихся открытыми. Много и другого было в этих часах, о чем долго рассказывать.

в) Из сочинения монаха Сен-Галленского[1]

II, 8. Привезли означенные персы императору слона, обезьян, бальзам, нард, разные мази, краски, благовония и всякого рода лекарства. Всего этого было так много, что восток как бы был опустошен, запад же ими наполнен.

4. КОРОНОВАНИЕ КАРЛА ИМПЕРАТОРСКОЙ КОРОНОЙ

(Из «Анналов королевства франков»)

801 г. В этот святейший день рождества господня, когда король во время обедни перед гробницею блаженного Петра апостола поднялся [с пола] после моления, папа Лев возложил на главу его корону, и весь народ римский провозгласил: «Карлу-Августу, богом коронованному, великому и миротворящему императору римлян жизнь и победа!» И после [этих] хвалебных криков оказаны ему были папою знаки почета, какие оказывались древним государям. И сложив [с себя] звание патриция, [впредь] именовался император и август.

5. ЛИЧНОСТЬ КАРЛА ВЕЛИКОГО

(Из «Жизни Карла Великого» Эйнгарда)

Глава 22. Карл был широкого и крепкого телосложения, роста высокого, но не превосходившего меры: известно, что рост его в семь раз превосходил длину его ступней[2]. Голова у него была округлая, глаза очень большие и живые, нос несколько больше умеренного, красивая седина, лицо привлекательное и веселое. Все это как нельзя более содействовало увеличению обаяния и достоинства его фигуры, сидел ли он, или стоял. Хотя шея его, казалось, была широка и коротка, а живот выдавался вперед, но соразмерность остальных частей тела скрывала эти недостатки. Походка Карла была твердая, вся осанка тела мужественная, голос хотя и звучный, но не совсем соответствовавший форме тела. Здоровье у него было цветущее, лишь в последние четыре года перед смертью он часто страдал лихорадкой, а

[1] О монахе Сен-Галленском см. ниже, стр. 131.
[2] То-есть равнялся семи футам

под конец даже прихрамывал на одну ногу. Но даже и тогда он больше действовал по своему собственному усмотрению, нежели по советам врачей, которых почти ненавидел за то, что они убеждали его отказаться от употребления жареной пищи, которую он любил, и привыкнуть к вареной. Усердно упражнялся в верховой езде и охотился, и это было у него национальной чертой, так как едва ли какой-нибудь народ на земле мог сравняться в этом отношении с франками. Услаждался паровыми ваннами при натуральных горячих источниках, упражнял тело частым плаванием, в коем был настолько искусен, что по справедливости не имел себе равного. Посему даже выстроил в Ахене дворец и в последние годы жизни безвыездно проживал там до смерти. И не только приглашал на купанье сыновей, но и сановников, и друзей, иногда даже свиту и всех телохранителей, так что случалось, вместе мылись 100 человек и более.

Глава 23. Одежду носил национальную, то-есть франкскую: на теле—льняную рубашку и исподни надевал льняные; поверх—тунику с шелковой каймой и штаны. Голени обертывал онучами, на ноги обувал башмаки. Зимою плечи и грудь прикрывал накидкою из шкурок выдры и соболя. Сверх всего носил голубой плащ и всегда опоясывался мечом, рукоять и перевязь которого были из серебра или золота. Иногда носил меч, украшенный драгоценными камнями, но это только при особых празднествах или когда прибывали иноземные послы. Иностранные одежды, даже и самые красивые, отвергал и не терпел, чтобы его в них облекали. Исключение составляют случаи в Риме, когда однажды, по просьбе Адриана папы, а другой раз по просьбе преемника его Льва облачался в длинную тунику и хламиду и обувался в башмаки, сшитые по римской моде. На празднествах одевал одежды, затканные золотом, и обувь, осыпанную драгоценными камнями, плащ, застегнутый золотою пряжкою и золотую корону с камнями. В прочие же дни одежда его мало чем отличалась от обычной, простонародной.

Глава 24. Умеренный в пище и питье, он особенно был умерен в отношении напитков, так как крайне ненавидел пьянство в ком бы то ни было, тем более в себе и в своих. Но в пище не мог быть столь же воздержанным, и часто жаловался,, что пост вреден его здоровью. Очень редко устраивал он пиры, только при больших торжествах, но в таких случаях многолюдные. Повседневная его трапеза состояла всего лишь из 4 блюд, не считая жаркого, которое охотники обычно приносили на вертеле и которое он ел охотнее всех других кушаний. За трапезой слушал или какую-нибудь музыку, или чтеца. Читались ему истории и деяния древних. Услаждался также сочинениями бл. Августина, в особенности тем из них, которое носит заглавие «О граде божием». Во вкушении вина и всяких напитков до того был умерен, что редко более трех раз пил за столом. В летнее время после обеда съедал несколько яблок и пил [лишь] однажды. Потом, раздев-

шись и разувшись, как на ночь, часа два или три отдыхал. Ночью спал так, что сон его по четыре и по пяти раз прерывался не только пробуждением, но и вставанием. Когда обувался и одевался, не только допускал друзей, но даже, если, по уведомлению пфальцграфа, была какая-нибудь тяжба, какую нельзя было решить без его приказа, повелевал немедленно вводить тяжущихся и, выслушав обстоятельства дела, как если бы он сидел на суде, произносил приговор. Не ограничиваясь этим, он тогда же определял, что в течение дня нужно было выполнить по той или иной должности или что следовало поручить кому-либо из его служащих.

Глава 25. Обладая большим красноречием, он очень ясно мог выражать все, что хотел. При этом не довольствовался одним лишь национальным языком и прилагал старания к изучению языков иноземных. Из них латинский язык он постиг настолько, что выражался на нем, как на родном. Но по-гречески мог более понимать, чем говорить... С большим прилежанием изучал он семь свободных наук, высоко чтя ученых и оказывая им великие почести. Грамматику он изучал у Петра Пизанского, диакона, человека преклонного возраста, в остальных же науках имел наставником Альбина, прозванного Алкуином, тоже диакона, человека саксонского племени из Британии, мужа умнейшего во всех отношениях. Множество времени и труда он положил, учась у него риторике и диалектике, в особенности же астрономии. Изучал искусство счисления, с мудрым тщанием и великой любознательностью исследовал течение светил небесных. Пытался и писать: для этого имел обыкновение держать на кровати под подушками дощечки и листки, чтобы в свободное время приучать руку выводить буквы. Но мало имел успеха труд, начатый после времени, слишком поздно.

6. ПРОСВЕЩЕНИЕ ПРИ КАРЛЕ ВЕЛИКОМ

а) Рассуждения Григория I о науках

(Письмо к одному из епископов около 600 г.)

Нам так много хорошего говорили о ваших занятиях, и в сердце нашем потому родилась столь великая радость, что она не позволила бы отказать вам в том, о чем вы (fraternitas vestra) просите. Но потом дошло до нас и о чем мы не можем вспомнить без стыда, а именно, что ты (fraternitas tua) обучаешь кого-то грамматике. Известие об этом поступке, к которому мы чувствуем великое презрение, произвело на нас впечатление очень тяжелое, так что все то, о чем я говорил выше, обратилось для меня в горе и печаль; одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вместе с хвалами Юпитеру (quia in uno se ore, cum Jovis laudibus, Christi laudes non capiunt). Ты сам подумай, как преступно и неприлично поступают епископы, воспевающие то, что

не согласится воспевать даже светский набожный человек. И хотя любезнейший наш сын, пресвитер Кандид, впоследствии прибывший сюда, старался опровергнуть тот слух и своими тонкими рассуждениями хотел оправдать вас, но все же я еще не успокоился, потому что, если чувствуешь сильное отвращение, слушая такие рассказы о священнослужителе, то необходимы и сильные доказательства, чтобы окончательно удостовериться в их несправедливости. Итак, если вы докажете ясно, что все рассказанное о вас ложно, что вы не занимаетесь вздорными светскими науками, тогда мы будем прославлять господа нашего, который не допустил оскверниться устам вашим богохульственной хвалой такого, о чем нельзя и молвить. В таком только случае спокойно и без всяких сомнений мы подумаем о разрешении вам того, о чем вы просите. Григорий [Великий].

б) Капитулярий о занятиях науками (780—800) [1]

Карл, милостью божией король франков и лангобардов, патриций римлян, Баугульфу аббату[2] и всей братии — вверенным твоему попечению верным молитвенникам нашим — во имя бога всемогущего, шлем дружеский привет.

Да будет ведомо... благочестию вашему [о нижеследующем]: совместно с верными нашими признали мы полезным, чтобы в епископствах и в монастырях, христовым попечением нам вверенным для управления, помимо соблюдения уставов монашеской жизни..., прилежали и в обучении наукам каждого, кто, по мере своих способностей, с божьей помощью, сможет учиться. Ибо поскольку соблюдение монастырских уставов хранит чистоту нравов, постольку обучение и учение устраивает и украшает слова речи. Поэтому те, кои стремятся угодить богу праведной жизнью, пусть не пренебрегают угождать ему также и правильной речью. Ибо написано (Матф. 12, 37): «По словам твоим осудишься и по словам твоим оправдаешься». И хотя лучше правильно поступать, чем [правильно] знать, но сначала нужно знать, а потом поступать. Поэтому каждому следует знать, что хочет он делать, дабы чем более хвалениям всемогущему богу, воздаваемым без опасности впасть в ошибки, споспешествовал бы язык, тем плодотворнее сознавала бы душа то, что должна она делать. Ибо если все люди обязаны избегать ложного, то тем более следует по мере возможности делать это тем, кои для того только и избраны, чтобы исключительно служить истине.

Получая в последние годы от некоторых монастырей писания с сообщениями о том, как обитающая там братия ратует за нас в своих святых и благочестивых молитвах, заметили мы в большинстве из этих вышеназванных писаний правильный смысл, но неправильное строение речи. Ибо то, что изнутри верно подска-

[1] Capitulare de litteris colendis Mon. Germ. Capitularia regum Francorum, I. p. 79.

[2] Монастыря Фульды в Германии.

вывалось благочестивою набожностью, внешне не могло быть выражено невежественным языком без ошибок из-за пренебрежения к обучению.

Отсюда и приключилось то, что мы стали бояться, как бы ввиду малого знания искусства писания не было еще меньше, чем следует, смысла в понимании книг священных. Хорошо всем нам ведомо, что как ни опасны погрешности в словах, но еще более опасны погрешности в уразумении смысла.

Посему увещеваем вас: не только не пренебрегайте обучением наукам, но смиренно и с угодным богу тщанием ревностно им обучайтесь, дабы вы могли легче и правильнее постигать тайны священного писания. Так как на страницах книг священных встречаются образы, тропы и т. п., то, без сомнения, тем скорее каждый читающий уразумеет это духовно, чем лучше будет он предварительно наставлен в науках. Но избирать для этого дела следует таких мужей, кои, имея желание и возможность учиться, имеют вместе с тем желание и с другим делиться познаниями. И все это должно совершаться с столь же благочестивым намерением, с коим и мы это предписываем. Ибо желаем, чтобы вы, как прилично то воинам церкви, были внутренне благочестивы и внешне учены, чисты доброю жизнью и искушены в доброй речи...

в) Из «Общего увещания» 789 г.[1]

И пусть устраиваются школы для обучения мальчиков чтению. Псалмы, ноты, руководства по пению и счету, грамматики и богослужебные книги в монастырях и епископствах должны быть исправлены. Ибо часто бывает, что некоторые, желая молиться богу, плохо молятся по неисправным книгам. И не дозволяйте мальчикам вашим портить их при чтении и письме. Если же будет надобность переписать евангелие, псалтирь или молитвенник, пусть переписывают их со всяким тщанием люди зрелого возраста...

г) Из сочинения монаха Сен-Галленского

Сочинение монаха Сен-Галленского «О деяниях Карла Великого» составлено в конце IX в. по просьбе императора Карла Толстого. Автор собрал массу анекдотов и народных сказаний о Карле Великом, но вместе с тем сообщил о его эпохе ряд очень ценных исторических данных.

Издание De gestis Caroli Magni, libri duo у Pertz'a, SS. II, 731—763. Русский перевод значительной части «Деяний» — у Стасюлевича в «Истории средних веков», т. II, стр. 94. Перевод нижеприводимого отрывка дается заново.

I, 2. Когда услыхал некий Альбин[2] из племени англов, что благочестивейший Карл император охотно принимает к себе мудрых мужей, он сел на корабль и прибыл к нему. Был он испытан во всех писаниях превыше прочих [ученых] нового времени и, как полагают, обучался у премудрого Беды пресвитера — самого

[1] Capitularia regum Francorum, I, c. 72, p. 60.
[2] Иначе — Алкуин.

искусного, после святого Григория, толкователя священного писания. Карл благосклонно его принял и удерживал при себе до конца жизни непрерывно, исключая тех случаев, когда с войском... ходил в поход. Любил, чтобы его именовали учеником Альбина, а Альбина его учителем. Дал ему в управление аббатство святого Мартина около города Тура, чтобы в отсутствие его отдыхал там и притекавших к нему учил. И обучение его дало такие плоды в учениках, что нынешние галлы или франки уподобились древним римлянам и афинянам...

д) Из письма Алкуина к Карлу Великому (796 г.)

Благочестивейшему государю, превосходнейшему и всякой почести достойнейшему королю Давиду[1] — Флакк Альбин желает истинного блаженства и вечного спасения... Вот, о сладчайший Давид, твоя слава, твоя хвала и награда на день страшного суда и право на вечное сожительство со святыми: ты заботливо старался исправить народ, вверенный богом вашему высочеству, и вывесть на свет истинной веры те души, которые оставались долгое время ослепленными во мраке невежества...

Я же, Флакк, сообразно вашей воле и вашим убеждениям, тружусь теперь, под кровом святого Мартина[2], над тем, чтобы одних услаждать медом священного писания, других упоять чистым, старым вином древней науки; одних я начинаю питать яблоками грамматических тонкостей, а некоторых стараюсь просветить наукою о звездах с вершины какого-нибудь высокого здания. Трудясь много над многими для того, чтобы воспитать многих на пользу святой божией церкви и для украшения вашей императорской власти, я забочусь, да не будет тщетна милость ко мне всемогущего бога и щедрость вашего благодушия да не будет бесплодна. Но мне, вашему ничтожному рабу, недостает обстоятельных учебных руководств, которые я имел в отечестве по доброму и благочестивому старанию моего наставника[3], а некоторые приобрел своим собственным потом. Говорю же о том вашему высочеству в надежде, не будет ли угодно вам при вашем стремлении ко всякой мудрости, чтобы я послал некоторых из своих учеников привезти нам оттуда самое необходимое и пересадить, таким образом, цветы Британии во Францию: пусть сады растут не в одной стране, пусть и в окрестностях Тура разведется рай с плодами яблонь, пусть зефир колышет сады реки Луары, и потекут ароматы, и вновь повторится, что сказано в «Песне Песней», откуда я и заимствовал свое сравнение. «Пусть придет мой возлюбленный в свой сад и вкусит плоды своих яблонь». И скажет он своим ученикам: «Ешьте, друзья мои, пейте

---

[1] Давид — библейское имя, присвоенное Карлу Великому как члену дворцовой Академии. Алкуин именовался в академии Горацием Флакком.

[2] То-есть в монастыре святого Мартина в Туре, куда удалился Алкуин в последние годы своей жизни и где он устроил школу.

[3] Знаменитого в то время преподавателя Иоркской школы — Эгберта.

и упивайтесь, дорогие. Я сплю, но сердце мое бодрствует» («Песня Песней», V, 1, 2). Или вот еще воззвание пророка Исаии, побуждающее к изучению мудрости: «Все страждущие приходите к источнику; и вы, которые не имеете серебра, торопитесь, берите и ешьте: приходите, берите, без серебра и без промена, молоко и вино» (Исаия, IV, 1).

Вашим благородным стремлениям небезызвестно, как на каждой странице священного писания мы убеждаемся в том, что надлежит приобретать мудрость: ничто не ведет так к блаженной жизни, ничто не бывает приятнее для упражнения, ничто не действует сильнее против порока, ничто не может быть достохвальнее, как бы ни было велико достоинство человека.

Вот потому-то и мудрейший Соломон воздает всему этому хвалу, говоря: «Мудрость лучше всех драгоценностей, и ничто желаемое не может сравниться с нею. Она превозносит смиренных и превознесенных украшает. Ею цари правят, и законодатели утверждают правду. Ею князья властвуют и сильные творят суд; блаженны, которые сохраняют пути ее и ежедневно стоят на страже у ее ворот» (притчи Соломона, VIII, 11 и след.). Я всегда убеждал, государь король, юношей, находящихся при дворе вашего величества, всеми силами изучать начало такой мудрости и ежедневными трудами усваивать их себе, потому что мудрость оказывает услуги и цветущему возрасту, делает его достойным достижения почтенной седины, и мудростью же можно достигнуть вечного блаженства...

На утре моей жизни, в цветущую пору возраста, я сеял в Британии. Теперь же, вечером, когда начинает во мне стынуть кровь, я не перестаю сеять во Франции. И если богу будет угодно, я желал бы, чтобы взошли оба посева... Я знаю ваше старание, любезное богу и достойное хвалы, всегда пользоваться мудростью и радоваться о ней; вы заботитесь непрестанно украсить благородство своего временного происхождения еще большим благородством ума. И да сохранит вас в этой мудрости господь наш Иисус Христос, который сам есть слава и мудрость божия, да превознесет и да приведет он вас к вечному и блаженному созерцанию своей славы.

е) Из разговора Алкуина с учеником Пипином (около 790 г.)

Пипин. Что такое буква?
Алкуин. Страж истории.
П. Что такое слово?
А. Изменник души.
П. Что рождает слово?
А. Язык.
П. Что такое язык?
А. Бич воздуха.
П. Что такое воздух?
А. Хранитель жизни.
П. Что такое жизнь?
А. Для счастливых радость, для несчастных горе, ожидание смерти.
П. Что такое смерть?
А. Неизбежное обстоятельство, неизвестная дорога, плач для оставшихся в живых, приведение в исполнение завещаний, разбойник для человека.

П. Что такое человек?

А. Раб старости, мимо проходящий путник, гость в своем доме.

П. На кого похож человек?

А. На шар.

П. Как помещен человек?

А. Как лампада на ветру.

П. Как он окружен?

А. Шестью стенами.

П. Какими?

А. Сверху, снизу, спереди, сзади, справа и слева.

П. Сколько с ним происходит перемен?

А. Шесть.

П. Какие именно?

А. Голод и насыщение, покой и труд; бодрствование и сон.

П. Что такое сон?

А. Образ смерти.

П. Что составляет свободу человека?

А. Невинность.

П. Что такое голова?

А. Вершина тела.

П. Что такое тело?

А. Жилище души.

П. Что такое волоса?

А. Одежда головы.

П. Что такое борода?

А. Отличие полов и почет зрелого возраста.

П. Что такое мозг?

А. Хранитель памяти.

П. Что такое глаза?

А. Вожди тела, вместилище света, истолкователи души.

П. Что такое ноздри?

А. Проводники запаха.

П. Что такое уши?

А. Собиратели звуков.

П. Что такое лоб?

А. Образ души.

П. Что такое рот?

А. Питатель тела.

П. Что такое зубы?

А. Жернова.

П. Что такое солнце?

А. Сияние шара, краса небес, счастие природы, честь дня, распределитель часов.

П. Что такое луна?

А. Глаз ночи, подательница росы, предвестница непогоды.

П. Что такое звезды?

А. Пестрота неба, направительница мореходов, краса ночи.

П. Что такое дождь?

А. Зачатие земли, кончающееся рождением плодов.

П. Что такое туман?

А. Ночь среди дня, тяжесть для глаз.

П. Что такое ветер?

А. Волнение воздуха, приводящее в движение воду и осушающее землю.

П. Что такое земля?

А. Мать рождающихся, кормилица живущих, келья жизни, пожирательница всего.

П. Что такое вода?

А. Подпора жизни, омовение нечистот.

П. Что такое снег?

А. Сухая вода.

П. Что такое зима?

А. Изгнанница лета.

П. Что такое весна?

А. Живописец земли.

П. Что такое лето?

А. Облачение земли и спелость плодов.

П. Что такое осень?

А. Житница года.

П. Что такое год?

А. Колесница мира.

П. Кто ее везет?

А. Ночь и день, холод и жар.

П. Кто ее возницы?

А. Солнце и луна.

П. Сколько они имеют дворцов?

А. Двенадцать.

Феодализация франкского общества в V—IX веках

Введение

Данный раздел содержит ряд документов, которые дают конкретное представление о процессе феодализации франкского общества.

Эти документы показывают, что «... франкские крестьяне... разоренные войнами и грабежами,... должны были прибегать к покровительству народившейся знати или церкви, так как королевская власть была слишком слаба, чтобы защитить их; но это покровительство им приходилось покупать за дорогую цену. Как прежде галльские крестьяне, они должны были передавать покровителю право собственности на свой земельный участок, получая последний от него обратно в аренду на различных и меняющихся условиях, но всегда только взамен выполнения повинностей и уплаты оброков; раз попав в такого рода зависимость, они мало-помалу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они уже в большинстве своем превращались в крепостных»[1].

Документы 1 (а, б, в) характеризуют процесс роста крупной земельной собственности и те способы, какими прежние мелкие землевладельцы теряли свою собственность и превращались в зависимых держателей.

Документ 1а — «Престарная грамота»[2] — совершенно отчетливо свидетельствует, что владелица земли лишилась своей собственности под видом «дарения». Она передала монастырю — крупному феодальному собственнику — право на свою землю и взамен получила право пожизненного пользования ею (praecaria oblata). Документ этот следует зачитать в классе, после того как преподаватель уже сообщил учащимся основные сведения по данной теме.

При этом учащимся следует указать, что церковь очень широко практиковала подобную и другие формы округления своих владений.

«...земельные владения церкви, — указывает Энгельс, — нахватанные при помощи дарений, вымогательств, обманов, плутней, подлогов и других способов уголовного характера, приняли в течение немногих столетий прямо колоссальные размеры»[3].

Целесообразно также еще раз напомнить учащимся, что церковным вотчинникам удавалось добиться таких «дарений» в силу стремления мелких землевладельцев к безопасности и под давлением нужды.

Документ 1в существенно отличается от документа *1а* тем, что в первом случае владелец земли будет и в дальнейшем обрабатывать эту землю, а во втором — он уступает сразу же свою собственность и за это выговаривает себе определенное содержание. Здесь налицо один из случаев передачи разоряющимся мелким собственником самого себя (вместе со своей собственностью) в распоряжение монастыря (так называемый Autotradition). Этот документ следует включить в рассказ учителя в виде краткого пересказа.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XVI, ч. I, стр. 130.

[2] Точную формулировку этого термина см. в примечании I к стр. 139.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XVI, ч. I, стр. 396.

Документ 1б — «Прекарная грамота»[1] — иллюстрирует один из видов весьма многообразного института прекариев, а именно тот вид praecaria data, который приводит сразу же к превращению прекариста в зависимого держателя — колона (в средневековом, а не античном смысле этого слова). Свободный земледелец, «не будучи в состоянии найти заработка», попадает в зависимое положение. В этом же документе имеется указание на те платежи, которые обязан был вносить колон. Документ этот должен быть вкратце пересказан и разъяснен преподавателем, ибо самому учащемуся будет трудно самостоятельно разобраться в его содержании.

Документы 2 а и *2 в* чрезвычайно важны, так как они свидетельствуют о тех насильственных методах, к которым прибегали как светские, так и духовные феодалы, для того чтобы увеличить свои владения за счет мелких собственников. Учителю целесообразно использовать эти документы в своем рассказе, воссоздав на их основе яркую картину процесса феодализации и попутно обратив внимание учеников на тот факт, что сокращение числа свободных земледельцев вызывало и сокращение числа людей, могущих нести военную службу. Выяснение этого вопроса поможет учащимся правильно понять *документ 2б* — «Из капитулярия 811 г.». Этот документ следует зачитать в классе полностью и поставить перед учащимися вопрос, чем вызвана была такая «забота» о бедняках со стороны королевской власти. А так как объяснение документа *2в* уже подготовило учеников к правильному пониманию данного вопроса, то они без труда смогут проанализировать упомянутый отрывок и дать правильный ответ, что уменьшение числа свободных собственников влекло за собой уменьшение числа лиц, могущих нести военную службу.

* * *

Глава II—«Кабала и насильственное лишение свободы» и глава III — «Коммендация».

Документы 1 (а, б, в) и *2 (а, б)* главы II характеризуют различные способы закабаления ранее свободных, но впавших в нужду людей и тщетное стремление королевской власти сохранить свободное население, пригодное для несения военной службы. Документы эти следует включить в рассказ учителя, а некоторые места и зачитать.

Документ 1а главы III—«Коммендация» — характеризует такой вид подчинения неимущего человека богатому феодалу, при котором сохранялось свободное состояние коммендируемого, в чем и заключалось основное отличие коммендации от кабальной зависимости.

Документы 1б и *1в* главы III являются образцами королевских грамот, которыми предоставлялось покровительство представителям феодального класса. Об этих документах учителю целесообразно самому рассказать, предварительно дав точное определение терминов «коммендация» и «патронат» и разъяснив особенности королевского патроната.

Учащимся следует, в частности, указать, что коммендация и патронат — это две стороны одного и того же феодального института — личной зависимости. Этот институт оформляет часто весьма различные реальные отношения. Можно различить во всем их многообразии два основных вида: во-первых, коммендацию неимущих или разоряющихся людей, которая выражается в полной или частичной утрате ими их личной свободы и оформляет взаимоотношения между членами складывающегося эксплоатируемого класса и класса эксплоататоров (крупных землевладельцев); во-вторых, коммендацию, оформляющую взаимоотношения внутри господствующего класса и выражающуюся в разных видах вассальной или судебной зависимости одного феодала от другого.

Весьма часто патронат мог иметь и другие последствия, в частности, королевский патронат был связан с дарованием особых прав подзащитному (коммендирующемуся) феодалу в области суда над населением его земельных владений. В этом отношении королевский патронат иногда сливался с

---

[1] См. примечание 2 к стр. 139.

иммунитетом, и также, как этот последний, давал коммендирующемуся ряд прав на взимание всяких сборов, судебных штрафов и прочего с подвластного ему населения. Уяснение особенностей королевского патроната поможет учащимся лучше разобраться в следующих документах, характеризующих иммунитет.

* * *

Глава IV—«Иммунитет» — представлена четырьмя документами, характеризующими сущность ранне-франкского иммунитета. Основное содержание *документов 1* и *2* — это, во-первых, запрещение королевским должностным лицам вступать на территории иммунитетной вотчины для разбора судебных дел, и, во-вторых, предоставление иммунисту права взимать в свою пользу судебные штрафы и все виды сборов, которые ранее поступали в государственную казну.

Документы 3 и *4* характеризуют другую сторону ранне-франкского иммунитета — то, что в эпоху Каролингов иммунист не становился совершенно самостоятельным властителем на своей территории и не имел права суда по крупным уголовным преступлениям, а лишь наделялся правом разбора гражданских тяжб с обязательством поимки уголовных преступников и их представления в окружной графский суд.

Все эти четыре документа можно использовать для иллюстрации рассказа преподавателя, а в дальнейшем связать эти документы с документами, характеризующими усилившуюся феодальную раздробленность. Тогда учащимся станет более ясна сущность ранне-франкского иммунитета и его отличие от политической власти вотчинников эпохи развитого феодализма, когда каждый более или менее крупный феодал был полновластным господином на своей территории.

* * *

В главе V — «Поместья Каролингской эпохи» — помещены документы, на основе которых преподаватель может воссоздать для учащихся яркую картину крупной вотчины ранне-феодальной эпохи. Такая вотчина состояла из двух частей: из барской усадьбы с барской землей *(документы 1 и 2)* и из деревни с тяглыми наделами (мансами) разных категорий крестьян, находившихся на различных степенях зависимости *(документ 3)*. Все приводимые здесь документы трудны для учащихся, поэтому работу с ними нужно проводить на уроке — изложить их содержание, иллюстрируя отдельными небольшими цитатами.

При разборе документов 1 и 2 следует подчеркнуть преобладание в каролингском поместье натурального хозяйства, при наличии некоторых элементов товарно-денежных отношений (различные ремесла, торговля продуктами некоторых отраслей производства). После же разбора этих документов преподавателем следует закрепить пройденный материал путем беседы в классе. Учитель предлагает учащимся сделать самим соответствующие выводы о том, что наличие подробнейших наставлений по каждой отрасли хозяйства свидетельствует о глубокой заинтересованности владельца в надлежащем ведении дела; а это является доказательством того, что собственные поместья были основным источником личного дохода даже для королей. Затем преподаватель предлагает перечислить, какие отрасли хозяйства служили только для внутреннего потребления вотчинника, а из каких он извлекал определенный доход.

Документ 3 содержит отрывки из полиптика аббата Ирминона (то-есть из описи земельных владений Сен-Жерменского монастыря близ Парижа; полиптик — писцовая книга).

На основании этого источника можно установить характер крестьянских держаний и всех тех повинностей, которые несли держатели наделов; его следует разобрать на уроке, так же как и предыдущие документы. Особо нужно отметить, что сами наделы делились на «свободные» (причем необхо-

димо разъяснить учащимся, что так называемые «свободные» мансы не являлись в действительности свободными держаниями, а представляли собой одну из категорий тяглых наделов), литские и рабские, что лично свободный земледелец мог держать рабский манс, и, наоборот, раб или колон мог держать «свободный» манс (mansus ingenuilis) и платить только тот оброк, который взимался с манса данной категории.

Затем в качестве домашнего задания, по всем документам, включенным в данную главу (документ 4 привлекается при этом для характеристики социальных отношений той эпохи), следует предложить учащимся ответить дома на несколько вопросов, примерно таких:

1) *о каких формах* зависимости свидетельствует полиптик аббата Ирминона и документ 4;

2) *каковы были* формы и величина феодальных платежей (предварительно учитель сам обращает внимание учащихся на упоминание в документах 1 и 3 наличия денежного оброка);

3) *отрасли хозяйства* в поместье Карла Великого;

4) *сравнительная величина* барской и крестьянской запашки;

5) подсчитать по приведенным в хрестоматии описям (brevia) полиптика аббата Ирминона количественное соотношение свободных, литских и рабских мансов, а также колонов, литов, рабов и свободных поселенцев.

После того как ученик произведет сам эти подсчеты, можно рекомендовать ему ознакомиться с восьмым разделом работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — «Образование государства германцев» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 129—130). Часть сообщений можно заслушать в классе, более подробные доклады поставить в историческом кружке.

* * *

Высказывания классиков марксизма-ленинизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV (Марка); т. XVI, ч. I (Происхождение семьи, частной собственности и государства; Франкский период); В. И. Ленин, Соч., т. III, изд. 4-е. (Развитие капитализма в России), История ВКП(б). Краткий курс, стр. 119—120.

* * *

Весь документальный материал настоящего отдела подобран и переведен Н. П. Грацианским. Введение к отделу написано Г. И. Трайниной.

I. РОСТ КРУПНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

1. ИЗ ФОРМУЛ

Формулы — образцы грамот (отчасти также писем), хранившиеся в средневековых светских и церковных канцеляриях и служившие для облегчения юридической практики того времени; для составления какого-либо конкретного письменного акта (купли, продажи, дарения, освобождения и т. п.) требовалось только заполнить датами, именами и цифрами соответствующую формулу. Формулы Меровингской и Каролингской эпох — ценнейший исторический памятник, так как явление, отразившееся в той или иной формуле, было, очевидно, типичным для данной эпохи.

а) Престарная грамота[1]

Сладчайшей женщине такой-то я, аббатиса такая-то.

Так как известно, что ты собственность свою в округе таком-то недавно за монастырем св. Марии утвердила и за это просила у нас и у названного монастыря дачи [тебе] прекария, то вот этою грамотою за тобой утвердили, чтобы пока ты жива, владела бы и держала в пользовании эту землю, но не имела бы права каким бы то ни было образом отчуждать ее, а если бы решилась это сделать, землю бы тотчас же потеряла, и чтобы грамота эта была крепче, руку нашу к ней приложили.

б) Прекарная грамота[2]

Постоянному господину моему такому-то такой-то. Испытывая повседневную нужду, разыскивая повсюду и не будучи в состоянии найти заработка, прибегнул я к благочестию вашего могущества, дабы вы дали мне, в качестве прекария, земли для обработки в поместье вашем таком-то. Ваше могущество согласилось выполнить мою просьбу... Посему настоящею моею прекарною грамотою обещаюсь никогда никакого противодействия и ущерба вам по отношению означенных земель не наносить, но во всем

---

[1] Престарная грамота — такая грамота, в силу которой дается (предоставляется — от praesto) земля или другое имущество для пользования. Сплошь и рядом и престарная и прекарная грамоты смешиваются в одном акте. Приводимая формула взята из собрания Санских формул — Cartae Senon, № 33, MG. Formulae, p. 200 (VIII в.).

[2] Прекарная грамота — такая, в которой содержится просьба о даровании прекария. Самое слово «прекарий» произошло от латинского preces, что означает просьбу. С формальной стороны, прекарное держание — это такое земельное держание, которое дано в силу письменной просьбы, возобновляемой первоначально каждые пять лет и служившей документом для охранения прав собственника на перешедший к нему участок. Впоследствии сроки прекарного держания были разнообразны: в меровингскую эпоху — прекарий был наследственным до третьего поколения и даже вечно наследственным, причем прекарист платил за свое держание определенный оброк, иногда нес различные службы; каковы бы ни были обязательства прекариста, они всегда точно обозначены в прекарной грамоте. Этим, между прочим, прекарий с формальной стороны отличается от бенефиция, не обусловленного никаким письменным договором. Данная формула взята из Вестготских формул, № 36 (MG. Formulae, p. 591). Возникли в Испании в VII в.

поступать вам на пользу... Десятины и другие платежи, свойственные колонам, ежегодно вносить обязуюсь... Если же я, забыв условия моей настоящей прекарной грамоты, что-нибудь из обещанного осмелюсь нарушить..., вы будете иметь полное право с названных земель меня изгнать и снова распоряжаться ими по своему праву, как должно.

в) Грамота о том, кто передает куда-либо свое наследственное достояние с условием предоставления ему там пищи и одежды[1]

Я, такой-то, ввиду приближения старости и того, что за нею обычно следует, — бедности, дарю такому-то святому месту или какому-либо сильному мужу все, чем владею, доставшееся по наследству и приобретенное куплей; на том, однако, условии, чтобы означенный муж, или епископ, или настоятели этого места тотчас же мое имущество себе взяли, но взамен меня приняли под свою заботу и попечение и до дня смерти моей ежегодно неукоснительно давали по две одежды полотняных, столько же шерстяных, а также в довольном количестве съестных припасов — хлеба, пива, овощей, молока, а по праздникам мяса. А на третий год пусть снабдят меня плащом и, по мере надобности, предоставляют рукавицы, обувь, онучи, мыло и баню, в особенности необходимую для немощных, также солому; ибо не сыну своему и не кому-нибудь из родных, но только им оставил я все свое имущество. Буде же чего-либо из вышеупомянутого меня лишат, имущество мое пусть мне вернут, при том, впрочем, условии, если не обратят внимания на мои просьбы и нижайшие мольбы обращаться со мной мягче и человечнее; если же, как думаю, по-добру захотят со мною обращаться, тогда властною рукою, без всякого противодействия сонаследников и родственников моих, настоятели этого места пусть владеют всем моим [имуществом] во-веки.

г) Залог[2]

Высокому брату такому-то я, такой-то. По моей просьбе вы изъявили свое согласие предоставить мне в пользование такие-то ваши вещи на столько-то лет. Так вы и сделали. Я же за это пользование закладываю вам местечко, мою собственность, называемую так-то в таком-то округе, во всей его целости, на том условии, чтобы, когда истечет положенное число лет и ты соберешь с названной земли столько-то урожая, я обозначенный долг тебе уплатил и вещи мои вместе с моим обеспечением из твоих рук принял. Если же пренебрегу или замедлю [с уплатой], означенный долг вдвойне уплатить тебе обязуюсь.

---

[1] Сен-Галленский сборник, № 15 (MG. Formulae, p. 405). Составлен в Швейцарии во второй половине IX в.

[2] Турские формулы, № 13 (MG. Formulae, p. 192). Составлены в г. Туре в VIII в.

2. ОТРЫВКИ ИЗ КАПИТУЛЯРИЕВ

а) Из капитулярия 811 г.[1]

Глава 5. Разузнать [у них] должно[2], отрекся ли от мира тот, кто владения свои каждодневно всячески приумножать тщится, приманивая блаженством небесного царства, устрашая вечными муками ада, и во имя божие богатых и бедняков, несведущих... простецов лишая имущества, а законных наследников — их наследства, тем самым из-за оскудения их... подвигая на позор и злодейства; ибо как бы по необходимости идут на татьбу и на разбой те, у кого отеческое наследство чужим человеком исторгнуто.

Глава 6. А еще разузнать должно, отрекся ли от мира тот, кто, движимый алчностью, чужого имущества жаждет, подкупом побуждает людей к клятвопреступлениям и ложным свидетельствам, и не справедливого и богобоязненного попечителя... ищет, но безжалостного, жадного и не останавливающегося перед клятвопреступлением.

б) Из капитулярия 811 г.[3]

Глава 21. Пусть ни епископы, ни аббаты, ни графы, ни викарии и никто другой никоим образом... злыми ухищрениями имущество бедных... ни покупать, ни силою отнимать не осмеливаются.

в) О том, по каким причинам люди, которые должны нести военную службу, отказывают в послушании (капитулярий 811 г.)[4]

Глава 1. Расходятся в мнениях и, во-первых, показывают, что епископы, аббаты и их попечители не имеют власти ни над своими постриженными клириками, ни над прочими людьми; равно и графы не имеют власти над жителями своего округа.

Глава 2. Что бедняки жалуются на лишение их собственности; одинаково жалуются и на епископов, и на аббатов, и на их попечителей, на графов и на их сотников.

Глава 3. Показывают, что если кто отказывается передать свою собственность епископу, аббату, графу или... сотнику, ищут случая, чтобы осудить такого бедняка, а также заставить его идти на войну, и это до тех пор, пока, оскудевши, волею-неволею собственность свою не продаст или не передаст, и те, кто совершит передачу, проживают дома без всякого беспокойства.

Глава 4. Что епископы, аббаты, графы, а также и аббатисы посылают своих свободных людей на господский двор под име-

---

[1] Capitula de causis cum episcopis et abbatibus tractandis a. 811. MG. Capitularia, I, p. 162.

[2] Речь идет о представителях духовенства.

[3] Capitula Italica a. 813. MG. Capitularia, I, p. 220.

[4] Capitula de rebus exercit. in placito tractandis a. 811. MG. Capitularia, I, p. 164—165.

нем министериалов; то они — сокольничьи, ловчие, сборщики пошлин, старосты, десятники, то должны принимать и сопровождать государевых посланцев.

Глава 5. Другие же показывают, что тех, кто победнее, притесняют и заставляют идти в поход, а тех, кто имеет что дать, домой отсылают.

Глава 6. А графы показывают, что некоторые из жителей округа их не слушают и военную службу государю императору нести отказываются, ссылаясь на то, что перед посланцем государя императора, а не перед графом должны держать ответ за уклонение от воинской повинности; даже если граф объявляет дом такового под запрещением, никакого на это не обращает внимания, но входит в дом свой и делает все, что ему вздумается [1].

Глава 7. Есть и такие, которые говорят, что они — люди Пипина и Людовика [2] и пользуются случаем, чтобы идти на службу своим государям, когда прочие жители округа должны идти на военную службу.

Глава 8. Есть еще и такие, которые, оставаясь дома, говорят, что и сеньеры их сидят дома, а они не иначе, как с сеньерами своими, должны идти, если будет приказание на то от государя императора. Некоторые же по сему случаю коммендируют себя таким сеньерам, о которых они знают, что на войну не отправятся.

Глава 9. В силу всего этого названные жители округа более, чем раньше, стали непослушными графу и государевым посланцам.

II. КАБАЛА И НАСИЛЬСТВЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

1. ИЗ ФОРМУЛ

а) Кабальная грамота [3]

Господину брату моему такому-то. Всем ведомо, что крайняя бедность и тяжкие заботы меня постигли, и совсем не имею чем жить и одеваться. Поэтому, по просьбе моей, ты в величайшей нужде моей не отказал вручить мне из своих денег столько-то солидов; а у меня совсем нечем выплатить эти солиды. Поэтому я просил совершить и утвердить закабаление тебе моей свободной личности, чтобы отныне вы имели полную свободу делать со мной все, что вы полномочны делать со своими прирожденными рабами, именно: продавать, выменивать, подвергать наказанию.

---

[1] Ср. для толкования этого места гл. 23 капитулярия об областях Саксонии (MG. Capit. p. 56): «Если кто не сможет найти поручителей, имущество его пусть будет объявлено под запрещением (до тех пор), пока не представит поручителей. Если же, вопреки запрещению, осмелится войти в дом свой, повинен уплатить 10 солидов или быка... и, кроме того, заплатить долг свой».

[2] Пипин и Людовик — сыновья Карла Великого.

[3] Cartae Senon, № 4, MG. Formulae, p. 187.

Если же, — чего, я уверен, не будет, — я или кто-либо из наследников моих или кто-либо другой решится оспаривать это закабаление, пусть внесет тебе и казне штраф во столько-то унций золота; настоящая же кабала пусть остается неизменной.

б) Вот продажа, если кто продает себя [1]

Господину моему такому-то и супруге его такой-то я, такой-то. Так как попутал меня грех и я совершил кражу ваших вещей и не иначе, как закабаливши полную мою свободу вам в рабство, могу дать вам удовлетворение, — вот я без всякого принуждения и приказания, но вполне добровольно, закабаляю себя за этот грех в рабство. Я должен получить от вас цену, как мною установлено, столько-то солидов, а вы отныне будете иметь полную власть делать со мной все, что угодно, как с прочими подвластными вам рабами. Если же я сам или кто из моих родственников, или же кто из посторонних решится противодействовать этой продаже, которая совершена по моей просьбе, добровольно, пусть внесет тебе и казне штраф столько-то солидов..., а эта продажа пусть остается неизменной.

в) Вот продажа человека, подвергнутого пытке [2]

Собственному господину моему такому-то я, такой-то. За совершенные мною кражи я подвержен был пытке, сделал признание и подлежал вследствие этого смертной казни; но пришло на помощь благочестие ваше, дав из своего имущества столько-то солидов. Посему настоящим продажным письмом я озаботился полностью передать вам состояние моей свободы, со всем моим имуществом, чтобы отныне вы имели полную власть распоряжаться мной, как угодно, наряду с другими прирожденными вашими рабами...

2. ИЗ КАПИТУЛЯРИЕВ

а) Из капитулярия 776 г. [3]

Глава 1. Во-первых, все мы согласно постановили, чтобы обязательственные грамоты, данные некоторыми людьми, закабалившими и себя [самих], и своих жен, сыновей и дочерей в рабство, если будут где найдены, уничтожались и чтобы пребывали свободными, как прежде.

б) Из капитулярия 803 г. [4]

Если свободный, отдавший себя в закладничество под власть другого, нанесет кому-либо какой-либо ущерб, тот, кто взял его в закладничество, пусть или покроет ущерб, или же, представивши человека в судебное собрание, отпустит его на волю, теряя

[1] Form. Andec., № 2, MG. Formulae, p. 5.
[2] Form. Andec., № 3, MG. Formulae, p. 6.
[3] Kar. M. notitia Italica a. 776 vel 781, MG. Capitularia, I, p. 187.
[4] Capit. legibus addit. a. 803. MG. Capitularia, I, p., 114.

вместе с тем долг, в обеспечение которого он взял его в закладничество; тот же, кто нанес ущерб, будучи отпущен на волю, пусть заплатит штраф сообразно качеству дела. Если же до того, как отдал себя в закладничество, женился на свободной и имел сыновей, пусть пребывают свободными.

III. КОММЕНДАЦИЯ

ИЗ ФОРМУЛ

а) О том, кто коммендируется под власть другого [1]

Высокому господину такому-то я, такой-то. Всем достоверно известно, что я не имею чем кормиться и одеваться. Посему я просил благочестие ваше, и вышло мне ваше разрешение отдаться и коммендироваться под ваше покровительство; так я и сделал, именно на условии, чтобы вы помогали мне и снабжали меня пищею и одеждою, сообразно тому, как я буду служить и угождать вам; и пока я буду жив, должен буду нести вам службу и послушание свободного человека; и не буду иметь права выйти из-под вашей власти и покровительства, но останусь под вашею властью и охраною все дни своей жизни. Между нами условлено, что если один из нас захочет нарушить настоящее соглашение, уплатит другой стороне столько-то солидов, и соглашение это навсегда останется неизменным. Условлено также, что они напишут, утвердят и подпишут две одинакового содержания грамоты настоящего акта, что ими и сделано [2].

б) Королевская грамота [3]

...Всем епископам и достопочтенным аббатам, а также славным и высоким мужам, доместикам, викариям, сотникам, всем равным и друзьям нашим и разъездным нашим посланцам, такой-то король франков, славный муж. Знайте, что такой-то, присутствующий перед нами, явился к нам с просьбою о разрешении нам коммендироваться; мы же с удовольствием принимаем и удерживаем его [под нашим патронатом]. Посему всемерно вас просим и приказываем вам, чтобы ни вы, ни подчиненные, ни преемники ваши, ни сами не осмеливались, ни другим не позволяли учинять беспокойство или вред и ему [самому], и людям его, под законною защитою его состоящим, а также расхищать и наносить какой-либо ущерб его имуществу. И если против него возникнет такое судебное дело..., какое не может быть решено на

---

[1] Form. Turon. № 43, MG. Formulae, p. 158.

[2] Последняя фраза, очевидно, позднейшая прибавка. Сравни Capitulare Aquisgr. 801—803, c. 16 (MG. Capit., I, p. 172): «Никто да не покидает своего сеньера после того, как получил от него стоимость одного солида, исключая тех случаев, когда замыслит его убить или палкой ударить, жену или дочь обесчестить или же силою отнять у него наследство».

[3] Cartae Senon № 23, MG. Formulae, p. 197.

месте без несправедливого для него ущерба, пусть будет отложено до нашего приговора, и перед нами получит окончательное решение. А чтобы [настоящая грамота] имела у вас больше веры, собственноручною нашею подписью ее утвердили и кольцом припечатали.

в) Предписание[1]

...Да будет ведомо, что мы этого человека, именем такого-то..., по своей надобности к нам явившегося, принимаем под наше покровительство и защиту. Посему предписываем и повелеваем, чтобы ни вы, ни подчиненные ваши не осмеливались этого человека, вопреки справедливости, беспокоить и обижать, или какой-либо вред ему за то, что он у нас был, наносить; но пусть, как и прочие верные наши и принятые под наши защиту... со всем своим достоянием... и людьми своими... пребывает в спокойствии. Если же кто пойдет наперекор нашему предписанию и осмелится упомянутого такого-то незаконно и не по праву, а также за то, что он у нас был, беспокоить, пусть знает, что перед нашим лицом по этому делу должен будет предстать, ответ нам за свою дерзость... держать и штраф сообразно качеству проступка уплатить. Если же возникнет против него и людей его, под его законною охраною состоящих, такое судебное дело, какое на месте не может быть решено без нанесения ему большого и несправедливого ущерба, пусть будет отложено и перенесено в наше присутствие, и перед нами... получит окончательное решение по закону.

IV. ИММУНИТЕТ

1. ИЗ ГРАМОТЫ КОРОЛЯ ДАГОБЕРТА, ЖАЛУЮЩЕЙ ИММУНИТЕТ РЕЙХСБАХСКОМУ МОНАСТЫРЮ (635 г.)[2]

...Угодно нам было добавить, чтобы никто из государевых должностных лиц ни в настоящем, ни в будущем не смел входить для разбора судебных дел или для каких-либо сборов на земли, право на владение коими когда-либо пожаловано [монастырю] или нашими щедротами, или приношениями означенных Дадона, его братьев, его родителей[3], или кого-либо иного. Но по праву полного иммунитета пусть означенный монастырь и братия его владеют пожалованными им всеми судебными штрафами и пусть все, что там казна с их людей — свободных или рабов или иных, проживающих на их землях, — или как-либо иначе могла бы получить, идет по милости нашей на лампады означенного святого места и на жалованье рабам божиим как при нашей жизни, так и в последующее время...

---

[1] Form. Imper., № 32, MG. Formulae, p. 311.
[2] MG. Diplomata reg. Francorum ex stirpe Merov., 15.
[3] Имеются в виду основатели монастыря.

2. ИЗ ФОРМУЛЫ МАРКУЛЬФА (VIII в.)[1]

...По просьбе епископа такого-то, ради снискания себе награды в вечной жизни, пожаловали мы ему благодеяние, состоящее в том, что в пределы поместий церкви этого епископа как тех, которые она в наше время имеет пожалованными нами или кем-либо иным, так равно и тех, кои милосердие божие в дальнейшем соизволит передать в собственность этого святого места, не смеет входить ни одно государево должностное лицо для слушания судебных дел или взыскания каких-либо судебных штрафов, но сам епископ и преемники его, во имя божие, в силу полного иммунитета, пусть владеют всеми означенными правами... Постановляем посему, чтобы ни вы, ни помощники и преемники ваши и никакое лицо, облеченное властью, ни в какое время не осмеливалось входить на землю церкви... ни для слушания судебных дел, ни для взыскания штрафов по каким-либо судебным решениям, ни для пользования постоем и продовольствием, ни для задержания поручителей. И все, что могла бы получить там казна с свободных или несвободных и иных людей, проживающих на землях... церковных, пусть навеки поступает на лампады означенной церкви.

3. ИЗ ГЕРИСТАЛЬСКОГО КАПИТУЛЯРИЯ (779 г.)[2]

Глава 9. [Лангобардская версия]. Разбойников с иммунитетной территории должностные лица и фогты иммунитетов должны представлять на графский суд, когда им о том будет объявлено. И если скажет [фогт], что не может представить разбойника, он должен поклясться, что не может представить после того, как ему предъявлено требование; [он должен также поклясться], что он не вступал в соглашение с разбойником для оттягивания суда и не удалял его от себя... в целях такого оттягивания. А также должен поклясться, что добровольно, если сможет, представит этого разбойника для суда. Кто этого не сделает, теряет бенефиций и должность.

4. ИЗ КАПИТУЛЯРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО (803 г.)[3]

Глава 2. Если кто нанесет какой-либо ущерб иммунитетным правам, повинен уплатить штраф в размере 600 солидов. Но если кто-либо учинит воровство, или человекоубийство, или какое-либо иное преступление вне иммунитета, укроется на иммунитетной территории, граф пусть требует у епископа, аббата... и их заместителей выдать ему виновного. Если тот воспро-

---

[1] Marculfi Form., libri I, № 3, MG. Formulae, p. 43.
[2] MG. Capitul., I, p. 47.
[3] MG. Capitul., I, p. 113.

тивится и не пожелает выдать, то при первом отказе присуждается к 15 солидам штрафа. Если не пожелает выдать при втором вызове, повинен уплатить 30 солидов. Если не согласится [выдать] и при третьем вызове, то весь ущерб, какой причинил виновный, должен возместить тот, кто удерживал его внутри иммунитетной территории и не желал выдать. При этом сам граф имеет право прийти преследовать этого человека внутри иммунитета, где бы он его ни разыскал. Если же уже при первом требовании графу будет дан ответ, что виновный, хотя и был внутри иммунитетной территории, но убежал, [иммунист] должен поклясться, что не содействовал его бегству в целях уклонения от правосудия, и больше от него в этом деле не надо взыскивать. Если же при входе графа на эту иммунитетную территорию кто-либо осмелится сопротивляться ему, устроив сборище, граф должен довести о том до сведения короля... и там должно быть определено, чтоб уплатили по 600 солидов как тот, кто нарушил иммунитетные права, так и тот, кто осмелился оказывать сопротивление графу, устроив сборище.

V. ПОМЕСТЬЕ КАРОЛИНГСКОЙ ЭПОХИ

1. КАПИТУЛЯРИЙ О ПОМЕСТЬЯХ [1]

Капитулярий о поместьях — королевская инструкция управляющим королевскими имениями. По общепринятому мнению, инструкция эта издана в начале IX в. Карлом Великим для всех или по крайней мере для большинства поместий его монархии.

1. Желаем, чтобы поместья наши, коим мы определили обслуживать наши собственные нужды, всецело служили нам, а не другим людям.

2. Чтобы с людьми нашими хорошо обращались и чтобы никто не доводил их до разорения.

3. Чтобы не смели управляющие ставить людей наших на свою службу, требуя от них барщины, рубки [лесного] материала и других работ в свою пользу; пусть также не принимают от них каких-либо даров — ни коня, ни быка, ни коровы, ни свиньи, ни барана, ни поросенка, ни ягненка, ни чего-либо другого, за исключением тыкв, продуктов садоводства, яблок, кур и яиц.

4. Если люди наши учинят нам какой-либо вред воровством или другими проступками, пусть то полностью возместят; кроме того, по закону пусть получат наказание бичеванием, исключая человекоубийства и поджога, за что следует штраф. [За проступки же] по отношению к другим людям пусть удовлетворяют их претензии по закону: за вред же, учиненный нам, как мы сказали, подлежат бичеванию. А свободные люди, проживающие в

---

[1] Capitulare de villis, изд. Karl Gareis, Berlin 1895.

наших фисках[1] или поместьях, если в чем провинятся, пусть отвечает каждый по их закону; и что уплатят в качестве штрафа, пусть идет нам, будет ли то скот или иное.

5. Когда управляющие наши должны выполнять наши работы — посев или пахоту, сбор жатвы, сена или винограда, — каждый во время работы всюду пусть тщательно смотрит и дает распоряжения, как надо вести дело, чтобы было хорошо и исправно. Если же будет в отсутствии или куда-либо не сможет пойти [сам], доброго посланца из людей наших или другого верного человека пусть нарядит для присмотра за нашим делом, чтобы было хорошо выполнено; и пусть управляющий тщательно заботится о том, чтобы наряжать верного человека для присмотра за этим делом.

6. Желаем, чтоб управляющие наши десятину со всего урожая полностью давали церквам нашего фиска; а другим церквам нашей десятины не давать, разве только где установлена исстари. И не иные клирики пусть стоят во главе этих церквей, а только наши — из людей наших или из нашей капеллы.

7. Пусть каждый управляющий службу свою полностью справляет, как ему будет [о том] объявлено; если же понадобится более служить, пусть распорядится рассчитать, должен ли он умножить [людей, чтобы справить эту] службу, или же [определить для нее и] ночи.

8. Чтобы управляющие наши приняли наши виноградники, кои в их ведении, и хорошо за ними ухаживали; самое же вино сливали в сосуды и тщательно смотрели, чтоб никак не попортилось; другое же вино — простое — пусть покупают, чтобы снабжать им поместья государевы. Если же будет закуплено такого вина более, чем надо послать для снабжения наших поместий, нам о том сообщать, а мы известим, какова будет о нем наша воля. А отводки от виноградников наших посылать для нашей надобности. Оброк с наших поместий, которые должны [платить] вином, отправлять в наши погреба.

9. Желаем, чтобы каждый управляющий в своем округе имел такие же меры — модии, секстарии[2], ситулы[2] по 8 секстариев и коробья[3], какие и мы имеем во дворце нашем.

10. Чтобы старосты наши, лесничие, конюхи, ключники, десятники, сборщики пошлин и прочие служащие несли работы по запашке поля и давали поросят за свои мансы; взамен же ручных работ пусть хорошо справляют свои должности. Если же кто-либо из старост имеет бенефиций, пусть посылает за себя за-

---

[1] Фиск — комплекс построек и земель, нечто целое в хозяйственно-административном отношении. В состав фиска могло входить несколько поместий.

[2] Секстарий — равен $^1/_{16}$ модия; ситул — при Карле Великом равен был 8 секстариям, следовательно, половине модия; модий (бывший мерой не только сыпучих тел, но и жидкостей) равнялся $52^1/_2$ литрам.

[3] Короб (corbus) равен 12 модиям.

местителя, чтобы он выполнял за это [бенефиций] и ручные работы, и прочую службу.

11. Чтобы никто из управляющих постоем у людей наших и в лесах [наших] никоим образом не пользовался ни для себя, ни для собак своих.

12. Чтобы никто из управляющих не делал своим вассалом заложника нашего в нашем поместье.

13. Чтобы хорошо ухаживали за жеребцами, то-есть варанионами, и никак не допускали бы их подолгу застаиваться на одном месте, дабы вследствие этого не издохли. Если же какой-либо из них окажется неисправным или дряхлым, или же околеет, нас должно извещать [о том] заблаговременно, пока еще не пришел срок припускать их к кобылам.

14. Чтобы кобылы наши хорошо охранялись и жеребчики своевременно отделялись; и если будет много кобылок, их [тоже] отделять в особые табуны.

15. Чтобы жеребчиков наших присылать ко дворцу не позднее зимнего праздника св. Мартина.

16. Желаем, чтобы в случае, если мы или королева кому-либо из управляющих что-либо прикажет, или же от нашего или королевы имени сановники наши — стольник и чашник — отдадут управляющим какое-либо распоряжение, пусть выполнят к тому самому сроку, к какому им будет указано. Если же кто по небрежности упустит [срок выполнения], от напитков пусть воздержится с того времени, как будет ему о том возвещено, и до тех пор, пока не явится в наше или королевы присутствие и от нас испросит позволения на разрешение [от воздержания]. Если же управляющий будет на военной, сторожевой или [другой] государевой службе и подчиненным его будет отдано какое-либо приказание, а они к сроку его не выполнят, пешими пусть придут ко дворцу и воздержатся от напитков и мяса; и дадут объяснение, почему произошло упущение, тогда и получат приговор на спине ли, или как нам с королевой будет угодно.

17. Сколько поместий каждый в своем ведении имеет, столько пусть приставит людей, кои ходили бы за пчелами для наших потребностей.

18. Чтобы при мельницах наших имели кур и гусей, смотря по тому, какая мельница; и чем больше, тем лучше.

19. При житницах наших в главных поместьях содержать не менее 100 кур и не менее 30 гусей. А при хуторах кур содержать не менее 50, гусей же не менее 12.

20. Каждый управляющий пусть заботится о том, чтобы продукты в течение всего года в изобилии к [господскому] двору притекали; кроме того, пусть осматривает их по очереди трижды, четырежды и более.

21. Каждый управляющий пусть держит при [господских] дворах наших рыбные садки, где они ранее были; и если может

их умножить, пусть умножает, а где ранее их не было, теперь же могут быть, пусть вновь устраивает.

22. Тем, кто имеет виноградники, держать [в запасе] не менее трех или четырех связок [сушеного] винограда.

23. В каждом поместье нашем управляющие пусть содержат как можно больше хлевов для коров, свиней, овец, коз и козлов, и никак без этого нельзя обходиться. Кроме того, пусть держат рабочий скот, розданный для справления их службы[1] рабам, дабы из-за [этой] службы запряжки и подводы на господские надобности никак не умалялись. И пусть имеют, когда справляют службу по корму собак, быков хромых, но не больных, коров или лошадей не чесоточных, и другой скот не больной. И, как мы сказали, из-за этого запряжки и подводы не должны умаляться.

24. Каждый управляющий, когда ему надо поставить что-либо к нашему столу, должен быть ответственным за то, чтобы все поставляемое им было в хорошем и отличном состоянии, а также самым добросовестным образом и чисто приготовлено. И каждый пусть имеет для своей службы, когда служит для нашего стола, ежедневно по две зерном откормленные [курицы], также и прочие припасы во всем должны быть хороши, как мука, так и мясо.

25. О выпасе свиней [в лесах] к сентябрьским календам пусть извещают, будет он или нет[2].

26. Старостам не иметь в своем ведении более того, что они в состоянии обойти и осмотреть в течение одного дня.

27. Наши [господские] дома пусть постоянно имеют очаги с огнем и стражу, дабы были в безопасности. И когда посланцы или послы идут ко дворцу или возвращаются [домой], никак им не пользоваться постоем в господских дворах, если на то не будет особливого приказания нашего или королевы. Но граф по своей должности и люди, которым исстари полагалось заботиться о посланцах и послах, пусть и впредь по обычаю заботятся и о конях, и о всем необходимом, чтобы хорошо и с честью могли приходить ко дворцу и [домой] возвращаться.

28. Желаем, чтобы ежегодно в четыредесятницу, на вербное воскресенье, называемое осанною, [управляющие], по нашему приказанию, доставляли деньги с нашего хозяйства, после того, как мы познакомимся с отчетностью о количестве в настоящем году наших доходов.

29. Относительно тех, кто приносит жалобы из людей наших,

---

[1] «Служба» управляющего, о которой неоднократно идет речь в капитулярии о поместьях (гл. 7, 23, 24, 30, 59, 61) — технический термин для обозначения особой повинности его по обслуживанию в течение известного времени продуктами своего округа королевского стола и вообще потребностей двора. Эта «служба» могла быть связана с прибытием короля в тот фиск, которым заведовал управляющий, но могла выражаться в предоставлении королю всего необходимого и тогда, когда он находился в других более или менее отдаленных поместьях.

[2] То-есть в зависимости от урожая желудей.

[предписываем] каждому управляющему смотреть, чтобы не было им надобности ходить к нам жаловаться; не надо допускать, чтобы дни, предназначенные для работы, в праздности пропадали. Если же рабу нашему понадобится искать управы на стороне, начальник его со всяким тщанием пусть отстаивает его дело; и если в чем-либо добиться справедливости не сможет, пусть не допускает, чтобы из-за этого наш раб утруждал себя, но начальник его или самолично, или через своего посланца пусть известит нас об этом.

30. Желаем, чтобы управляющие наши отделяли от каждого рода продуктов то, что должны доставлять, когда служат для наших надобностей, а также отделять то, что должно быть погружено на подводы для войны с домов и с пастухов, дабы знали [точно], сколько для этого дела посылают.

31. Пусть ежегодно отделяют и то, что надо выдавать живущим на [господском] иждивении [провендариям] и в женских помещениях, и своевременно полностью пусть раздают, не забывая извещать нас о том, на какое дело это пошло и откуда взято.

32. Пусть каждый управляющий заботится о том, чтобы всегда иметь добрые и первосортные семена, покупая ли их или [доставая] как-нибудь по-другому.

33. После того как все будет распределено, употреблено на семена и [иным путем] израсходовано, остаток от всякого рода продуктов хранить до нашего распоряжения, чтобы согласно приказу нашему или продавалось, или же оставалось в запасе.

34. Со всяким тщанием наблюдать должно, чтобы все изготовляемое или совершаемое руками, именно: сало, вяленое мясо, окорока, свежепросольное мясо, вино виноградное, уксус, вино ягодное, вино вареное, заготовленная впрок рыба, горчица, сыр, масло, солод, пиво, мед-напиток, мед натуральный, воск и мука — все это делалось и изготовлялось с величайшей опрятностью.

35. Желаем, чтобы изготовлялось сало от жирных баранов, также и от свиней; кроме того, пусть содержат в каждом поместье не менее двух откормленных быков, [дабы] или на месте употреблять их на сало, или же приводить к нам.

36. Чтобы леса и заповедные чащи наши хорошо охранялись; и если где окажется удобное место для расчистки, расчищали бы и полям зарастать лесом не давали; а где должны быть леса, никак не допускать их вырубать и губить; зверей же в заповедных чащах наших тщательно блюсти; заботиться также о соколах и ястребах для нашего дела; и оброки, следуемые за это [1], тщательно собирать. Управляющие, а также старосты и люди их, если будут гонять свиней на выпас в наш лес, пусть сами первые платят положенную десятину, подавая тем добрый пример, чтобы потом и прочие люди их десятину платили полностью.

---

[1] **За это**, то-есть за пользование лесами как выпасами.

37. Поля и заимки наши обрабатывать и луга наши своевременно охранять.

38. Чтобы всегда имели достаточно откормленных гусей и откормленных кур для наших надобностей [на случай], если должны будут служить нам, или же [просто] их нам посылать.

39. Желаем, чтобы кур и яйца, которые вносят служащие и держатели мансов, ежегодно взимали; и если не будут служить [нашему столу], пусть распорядятся их продавать.

40. Чтобы каждый управляющий всенепременно содержал в наших поместьях, ради достоинства их, особенных птиц: павлинов, фазанов, уток, голубей, куропаток и горлиц.

41. Чтобы постройки в наших [господских] дворах и ограды, их окружающие, хорошо охранялись и чтобы хлева, кухни, хлебопекарни и давильни обставлялись со тщанием, дабы служащие наши могли отправлять там свои обязанности прилично и с большой опрятностью.

42. В покоях каждого поместья иметь постельные покрывала, перины, подушки, простыни, столовые скатерти, ковры на лавки, посуду медную, оловянную, железную и деревянную, таганы, цепи, крючья, струги, топоры, то-есть колуны, сверла, то-есть буравы, ножи и всякую утварь, чтобы не было надобности где-нибудь просить ее или занимать. И иметь [управляющим] на своей ответственности бранные доспехи, которые берут на войну, чтобы были в исправности и по возвращении снова сдавались в покои.

43. Женским помещениям нашим во-время, как установлено, давать материал для работы, именно: лен, шерсть, вайду, алую и красную краски, гребни для чесания шерсти, ворсянку, мыло, жиры, сосуды и прочую мелочь, которая нужна там.

44. Из постного ежегодно две части посылать для нашего стола, именно: овощи, рыбу, сыр, масло, мед, горчицу, уксус, пшено, просо, зелень сушеную и свежую, редьку и еще репу, воск, мыло и прочую мелочь; а о том, что останется, как мы сказали, с описью нам сообщать, и никоим образом от этого не уклоняться, как раньше делали, ибо по этим двум частям нам желательно знать о той третьей, которая осталась.

45. Чтобы каждый управляющий имел в своем ведении добрых мастеров, именно: кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров, сапожников, токарей, плотников, оружейников, рыболовов, птицеловов, мыловаров, пивоваров, то-есть тех, кто сведущ в изготовлении пива, яблочных, грушевых и других разных напитков, хлебопеков, которые изготовляли бы для наших потребностей пшеничный хлеб, людей, хорошо умеющих плести тенета для охоты и сети для рыбной ловли и ловли птиц, а также и других служащих, перечислять которых было бы долго.

46. Наши заповедные парки, в простонародье называемые брогили, хорошо охранять и всегда во-время чинить, никак не допуская, чтобы их пришлось выстраивать заново. Так же поступать и по отношению ко всяким постройкам.

47. Чтобы ловчие наши, сокольничьи и другие служащие, исполняющие постоянные обязанности при дворце, получали [необходимое] содействие в наших поместьях, сообразно письменному распоряжению нашему или королевы, когда мы пошлем их по какому-нибудь нашему делу, или когда стольник и чашник от нашего имени что-либо прикажут им выполнить.

48. Чтобы давильни в поместьях наших хорошо были устроены; и о том должны заботиться управляющие, чтобы виноград наш никто давить ногами не смел, но все должно быть опрятно и по чести.

49. Женские помещения должны быть в добром порядке, именно, в отношении светлиц, зимних горниц и горниц полуподвальных; и ограды кругом должны иметь, а также крепкие двери, чтобы дело наше могло хорошо выполняться.

50. Пусть каждый управляющий смотрит, сколько жеребчиков должны стоять в одной конюшне и скольким быть с ними конюхам. И эти конюхи, если они из свободных людей и имеют бенефиции за свою должность, пусть живут доходами с своих бенефициев; если же они крепостные и имеют мансы, пусть живут доходами с своих мансов. А кто не имеет ни того, ни другого, из господских доходов пусть получает содержание.

51. Каждый управляющий пусть смотрит за тем, чтобы злые люди никоим образом не могли скрывать под землею или где-либо наши семена, из-за чего реже были бы наши всходы. Равным образом смотреть и за другими их лиходействами, чтобы никогда не могли учинять их.

52. Желаем, чтобы разным людям из крепостных и рабов наших или из свободных, проживающих в наших фисках и поместьях, [управляющие] творили полный и правый суд, как каждому полагается.

53. Пусть каждый управляющий смотрит за тем, чтобы люди наши из его округа воровством и колдовством никоим образом не занимались.

54. Пусть каждый управляющий смотрит за тем, чтобы люди наши хорошо работали и не шатались бы праздно по рынкам.

55. Желаем, чтобы управляющие все, что дадут, израсходуют и отделят на наши нужды, распоряжались записывать в одном списке, а все, что истратят сами, — в другом; и особым списком нас извещали бы о том, что будет в остатке.

56. Пусть каждый управляющий почаще производит в своем округе суд и выносит приговоры, наблюдая за тем, чтобы люди наши жили по праву.

57. Если кто из рабов наших захочет показать что-либо на своего начальника по нашему делу, пускай путей ему к нам [управляющий] не заграждает. И если управляющий узнает, что помощники его собираются идти с жалобами на него ко дворцу, тогда сам пусть пошлет [кого-либо] ко дворцу для объяснений, чтобы жалоба их [напрасно] нашему слуху не надое-

дала. Мы желаем таким образом знать, по необходимости ли они пришли, или же попустому.

58. Когда будет поручено управляющим выкармливать наших щенят, пусть управляющий выкармливает их за свой счет, или же пусть передаст их своим подчиненным, именно: старостам, десятникам или ключникам, чтобы хорошо кормили их за свой счет; разве только будет приказание наше или королевы, чтобы в поместье нашем за наш счет их кормили; тогда управляющий пусть приставит для этого [особого] человека, который хорошо бы кормил их, и пусть корм им отделит особо, чтобы не было надобности этому человеку ежедневно ходить в кладовые.

59. Каждый управляющий, когда будет служить, ежедневно должен поставлять по 3 фунта воску и по 8 секстариев мыла; кроме того, к празднику св. Андрея, где бы мы с нашими людьми ни находились, обязан поставлять 8 фунтов воску; то же и в середине четыредесятницы.

60. Старост никоим образом не ставить из людей сильных, но из людей среднего достатка и верных.

61. Чтобы каждый управляющий, когда будет служить, привозил солод с собой во дворец и чтобы вместе с ним приходили мастера, которые изготовляли бы там доброе пиво.

62. Пусть управляющие наши ежегодно к рождеству господню раздельно, ясно и по порядку нас извещают о всех наших доходах, чтобы мы могли знать, что и сколько мы имеем по отдельным статьям, именно: сколько [вспахано] быками, на которых работают наши погонщики, сколько [пахоты] с мансов, которые обязаны оранкою, сколько [поступило] поросят, сколько оброков, сколько по долговым обязательствам и штрафов по суду, сколько за дичь, ловленную в [заповедных] чащах наших без нашего разрешения, сколько за разные проступки, сколько с мельниц, сколько с лесов, сколько с полей, сколько с мостов и судов, сколько с свободных людей и сотен, обслуживающих нужды нашего фиска, сколько с рынков, сколько с виноградников и с тех, кто платит вином, сколько сена, сколько дров и факелов, сколько тесу и другого [лесного] материала, сколько с пустошей, сколько овощей, сколько пшена и проса, сколько шерсти, льна и конопли, сколько плодов с деревьев, сколько орехов и орешков, сколько с привитых деревьев разного рода, сколько с садов, сколько с репных гряд, сколько с рыбных садков, сколько кож, сколько мехов и рогов, сколько меда и воска, сколько сала, жиров и мыла, сколько вина ягодного, вина вареного, медов-напитков и уксуса, сколько пива, вина виноградного — нового и старого, зерна нового и старого, сколько кур, яиц и гусей, сколько от рыболовов, кузнецов, оружейников и сапожников, от выделывателей квашней и сундучников, сколько от токарей и седельников, сколько от слесарей, от рудников железных и свинцовых, сколько с тяглых людей, сколько жеребчиков и кобылок.

63. Все вышеуказанное никоим образом пусть не покажется управляющим нашим слишком обременительным, если мы этого требуем, ибо желаем, чтобы и они сами подобным же образом требовали все от своих подчиненных, без всякого с их стороны недовольства, и все, что человек в своем доме и в своих поместьях должен иметь, и управляющие наши должны иметь в своих поместьях.

64. Чтобы бастерны —повозки наши, которые идут на войну, хорошо были сделаны и верхи их хорошо были бы покрыты кожами, сшитыми таким образом, чтобы, в случае необходимости переправы по воде, со всем своим содержимым, могли бы быть перевозимы через реки, и вода внутрь проникать бы не могла, и добро наше, как мы сказали, могло бы быть переправлено в полной сохранности. Желаем, чтобы в повозках посылалась мука для нашего стола, в каждой по 12 модиев; также и в тех, в которых везут вино, посылали бы по 12 модиев на нашу меру и при каждой повозке имелись бы щит и копье, колчан и лук.

65. Чтобы рыбу из садков наших продавали, а другую на ее место сажали, и всегда таким образом имели бы рыбу [наготове]; лишь в том случае, если мы не побывали в [наших] поместьях, продавать [целиком], и доход управляющие наши пусть обращают на нашу пользу.

66. О козах и козлах, их рогах и шкурах нам давать отчет, ежегодно свежепросоленную жирную козлятину от них нам представлять.

67. Пусть извещают нас о пустующих мансах и о [вновь] приобретенных рабах, буде не окажется [участка], где можно было бы посадить их.

68. Желаем, чтобы каждый управляющий всегда имел наготове добрые бочки, связанные железными обручами, кои можно было бы послать на войну или ко дворцу; а кожаных бурдюков не делать.

69. О волках во всякое время нам сообщать, сколько каждый словил, и шкуры их нам представлять; а в мае месяце выслеживать и брать волчат [отравленным] порошком, капканами, ямами и собаками.

70. Желаем, чтобы в садах имели всякие травы [и овощи], именно [дальше перечисляется 73 названия растений].

О деревьях желаем, чтобы были яблони, груши и сливы разных сортов, рябина, кизиль, каштаны, персиковые и айвовые деревья, орешник, миндальные, тутовые, лавровые деревья, пинии, фиговые деревья, грецкий орешник, вишни разных сортов. Названия яблонь: gozmarina, geroldina, chevedella, speranea, сладкие и покислей, все зимние сорта и те, которые надо есть прямо с дерева, и яровые сорта. Зимних сортов груш три и четыре, послаще, и те, которые надо варить, и поздние сорта.

Конец государеву капитулярию.

2. ОБРАЗЦЫ ОПИСЕЙ ЗЕМЕЛЬ ЦЕРКОВНЫХ И КОРОЛЕВСКИХ[1]

Повидимому, образцы эти возникли в начале IX в. по повелению Карла Великого как руководство государевым посланцам при описях в различных частях карловой монархии поместий королевских и церковных. Образцы эти составлены на основании реальных описей отдельных поместий, и в них, как мы видим, отражается тогдашняя действительность.

25. Нашли мы в государевом фиске Гаснапе[2] королевские хоромы, из камня наилучшим образом выстроенные, покоев 3; кругом всех хором навес, горниц зимних 11; внутри погреб 1, входов 2. Других домов на господском дворе, из дерева рубленных 17, со столькими же покоями и прочими принадлежностями, хорошо оборудованными; конюшня 1, кухня 1, хлебопекарня 1, сараев 2, амбаров 3. Двор обнесен крепким тыном, с каменными воротами, а над ним постройка для [хранения] продуктов. Малый двор тоже огражден тыном, хорошо устроен и засажен разного рода деревьями.

...Постельных покрывал 1, скатертей столовых 1, полотенце 1.

Утвари [кузнечной]: тазов медных 2, кубков 2, котлов медных 2, железных 1, пивных котлов 1, сковород 1, таганов 1, светильников 1, топоров 2, стругов 1, сверл 2, колунов 1, ножей 1, рубанков больших 1, малых рубанков 1, кос 2, серпов 2, кирок, оправленных железом, 2.

Утвари деревянной для хозяйства в довольном количестве.

Из продуктов: полбы прошлогодней старой 90 коробьев, из коих можно намолоть муки 450 пенс, ячменя 100 модиев. В настоящем году полбы было 110 коробьев; из них 60 коробьев пошло на посев, остальное нашли [в наличности]; пшеницы 100 модиев, на посев пошло 60, остальное нашли [в наличности]; ржи 98 модиев, все пошло на посев; ячменя 1800 модиев, посеяно 1 500 модиев, остальное нашли [в наличности]. Овса 430 модиев, бобов 1 модий; гороху 12 модиев. С 5 мельниц [получено] 800 модиев малой меры, дано состоящим на [господском] иждивении 240 модиев, остальное нашли [в наличности]. С 4 пивоварен [получено] 650 модиев малой меры. С 2 мостов — соли 60 модиев и 2 солида. С 4 садов 11 солидов и 3 модия меду. Оброка [получено]: масла 1 модий, окороков прошлогодних 10, новых окороков с колбасами и кусками ветчинного сала 200, сыров прошлогодних 43 пенсы.

Скота: маток взрослых 51 голову, по третьему году — 5, по второму — 7, нынешнего года — 7; жеребцов-двухлеток — 10, однолеток — 8, жеребцов 3, волов 10, ослов 2, коров с телятами 50, телок 22, телят-однолеток 38, быков 3, свиней взрослых 260, поросят 100, кабанов 5, овец с ягнятами 150, ягнят-однолеток

[1] MG. Capitularia, I, p. 250 и сл.

[2] Местоположение этого королевского фиска с точностью установить не удалось. Можно думать, что это Genepp, близ Клеве.

200, баранов 120, коз с козлятами 30, козлят-однолеток 30, козлов 3, гусей 30, кур 80, фазанов 22.

29. Мера модиев и секстариев оказалась такою же, как и во дворце. Но не нашли мы там на службе ни серебряных, ни золотых дел мастеров, ни кузнецов, ни ловчих, ни других мастеров. Из садовых растений нашли: лилию, колуфер, мяту, петрушку, руту, сельдерей, любисток [зорю], шалфей, богородскую траву, можжевельник, порей-чеснок, дикую рябину [пижму], мяту душистую, кориандр, шарлот, лук, капусту, брюкву, буквицу лекарственную. Из [плодовых] деревьев: груши, яблони, кизиль, персиковые деревья, орешник простой и грецкий, тутовые деревья, айвовые деревья.

30. Нашли мы в государевом фиске таком-то королевские хоромы, снаружи каменные, внутри деревянные, хорошо сооруженные, покоев 2, надстроек 2. Других домов во дворе, из дерева рубленных 8; зимний покой 1, хорошо оборудованный; конюшню 1. Кухня и хлебопекарня в одном помещении. Сараев 5, амбаров 3. Двор обнесен тыном, а наверху шипы; ворота деревянные. Над ними вышка. Малый двор также огражден тыном. Тут же сад; [плодовых] деревьев разных в изобилии. Внутри рыбный садок 1; огород хорошо обрабатываемый 1... Постельное покрывало 1, скатерть столовая 1, полотенце 1. Утвари [кузнечной]: тазов медных 2, кубков 2, чашу 1, котлов медных 2, железных 1...

32. Нашли мы в государевом фиске таком-то королевские хоромы, с двумя летними покоями и столькими же зимними; погреб 1, входов 2, малый двор с крепким тыном; внутри летних покоев 2, столько же зимних; помещений женских 3, церковь, хорошо сооруженную из камня; других домов во дворе деревянных 2, сараев 4; амбаров 2, конюшню 1, кухню 1, хлебопекарню 1; двор с оградою и двумя деревянными воротами, а над ними вышки. Постельное покрывало 1, скатертей столовых 1, полотенце 1...

39. Вот итог о вышеназванных поместьях. Всего в общей сложности: полбы старой прошлогодней столько-то коробьев, из коих можно намолоть муки столько-то пенс; пшеницы старой, и так все остальное, прошлогоднее, нынешнего года и прочее перечисли.

3. ИЗ ПОЛИПТИКА АББАТА ИРМИНОНА

Полиптик аббата Ирминона — писцовая книга аббатства св. Германа около Парижа, составленная в начале IX в. аббатом Ирминоном. Это самая обширная и подробная из всех писцовых книг Каролингской эпохи, дающая драгоценные сведения о внутреннем строе церковного поместья IX в. К сожалению, полностью не сохранилась: утеряны начало, середина и конец книги. Уцелело 25 описей (brevia) отдельных фисков. В таком виде Полиптик впервые (1844) был издан по лучшим рукописям Гераром, предпославшим Полиптику «Пролегомена», получившие широкую известность, — ряд монографий по отдельным вопросам социально-экономической истории раннего средневековья. Впоследствии (1885) Полиптик был переиздан Лоньоном, который в своем «Введении» дал сжатое резюме «Пролегоменов» Герара, испра-

вив некоторые неточности последнего. Перевод отрывков из Полиптика дан применительно к этому последнему изданию (London, Polyptyque de l'abbaye de Saint Germain des Prés. Première partie: texte du Polyptyque, Paris 1886).

Из описания фиска Вилламильт[1]

1. Имеется в Вилламильт[2] господский манс с домом и другими постройками в довольном количестве. Имеется там полей больших и малых, во всех трех деканиях, 21, содержащих бонуариев[3] 446, на которых можно посеять пшеницы 1 500 модиев; виноградника старого 68 арипеннов; нового виноградника — от насаждения господина Ирминона — 17 арипеннов, можно собрать с них вина модиев 150; луга 76 арипеннов, с которых убирается 100 возов сена. Имеется там лес для выпаса, во всех деканиях 70 бонуариев; могут прокормиться в нем 100 свиней; нового леса, который повелел взрастить Ирминон, 7 бонуариев.

2. Имеется в Вилламильт и Альнидуме[4] мельниц 22, дающих с помола в общей сложности 1 490 [модиев] зерна, солода 177 модиев, денег 16 солидов, откормленных свиней 12, кур откормленных 36, яиц 600; и каждая мельница дает вместе с откормленными свиньями по 2 денария. А заведующие означенными мельницами в Вилламильт, если смогут ловить в воде угрей, платят за это каждый по 100 [угрей], что в общем составляет 900. Если же улова нет, ничего за это не платят.

8. Вульфрамн — староста и колон с женою колоною, именем Леутгарда. Дети их: Годеверт, Мавронт, Гульфрамн, Озанна, Элизанна, Годальзинда. Живет в Теодульфи Вилла. Держит 2 свободных манса, содержащих пахотной земли бонуариев 36; справляет за это [свою] службу, платит коня и кормит другого; дает к рождеству господню четырех свиней — двух побольше, а двух поменьше; также одну корову.

9. Иворий — колон с женою колоною, именем Эрмина. Дети их: Эрменгарда, Фруда, Адальбурга. И Фродак — колон с женою колоною, именем Аитла. Дети их: Леутгарда, Фротбурга. И Фродоард с женою колоною, именем Эрбедильда. Дети их: Адоард, Хильдоард, Эрбоард, Акберга. Все они люди св. Германа; живут в Вилламильт; держат 1 свободный манс, содержащий пахотной земли бонуариев 11, винограднику пол-арипенна. Платят на военное дело полбыка, если имеют откуда [взять его]. Если же не имеют откуда [взять], платят 4 баранов; и каждый по 4 денария

---

[1] Polyptyque, IX.

[2] Villemeux, департ. Eure-et-Loire, округ Dreux, кантон Nogent-le-Roi, на левом берегу Eure, в 27 километрах к югу от Шартра. Центр фиска, разбросанного по целому ряду селений и местечек.

[3] По Герару, бонуарий равен 128 арам; в бонуарии 10 арипеннов (арпанов).

[4] Aulnay-sous-Cresy, в 12 километрах к западу от Villemeux по прямой линии и в 26 километрах, если следовать по течению Eure и притока ее Blaise, на котором расположено Aulnay. По течению этих двух рек и были разбросаны те 22 мельницы, о которых говорится в § 2.

поголовного обложения; за пользование дровами в общей сложности 4 денария; 5 модиев полбы для корма коня; 100 тесин, если не пользуются лесом, если же пользуются лесом, дают 200 [тесин], и сами же держатели этого манса привозят означенные тесины на господский двор; половина тесин остается на господском дворе, другую же половину держатели двух мансов сообща везут к монастырю. Платят также в общей сложности 100 драней, не из господского леса, но своего приобретения; 6 кур с яйцами. Платят также через два года в третий годовалую овцу. Пашут под озимое 4 пертики[1], под яровое — 2. Справляют полевую барщину, когда это нужно; и когда не пашут, работают три дня в неделю; [выполняют] ручные работы. И ставят всякий год во всех трех деканиях одну подводу в порт Викус, если получат на то приказание.

4. ИЗ НИТАРДА

Нитард (род. около 790 г.) — историк, внук Карла Великого, сын его дочери Берты и Агильберта. Вращаясь в высших кругах франкского общества, принимая деятельное участие в общественной жизни того времени, был помощником и полководцем Людовика Благочестивого, а потом Карла II Лысого, интересы которого ревностно отстаивал во время усобицы между братьями — сыновьями Людовика Благочестивого (между прочим, участвовал в кровавом поражении Лотаря при Фонтенэ). Есть известие, что он умер от раны, полученной в бою с норманнами во время вторжения их в Нейстрию в 858 г. Интересен как высоко образованный, для того времени, светский историк-очевидец. В своих «Четырех книгах истории» дал очерк правления Людовика Благочестивого и изложил историю «войны трех братьев» за период с 20 июня 840 г. по октябрь 842 г. В изложении (не совсем объективном) дал интереснейшие подробности о быте современного ему общества, в частности и о социальных отношениях той эпохи. Издание Nithardi historiarum, libri IV в MG. SS, II, p. 649.

Книга IV, 2. Еще Карл, справедливо названный у всех народов великим императором, с великими и многообразными трудами отвратил, как это известно всем обитателям Европы, саксов от суетного служения идолам и привел их к истинному богопочитанию и христианской вере. С самого начала прославили они себя во многих случаях как люди доблестные и весьма воинственные. Весь этот народ разделяется на три сословия. Одни из них на языке их называются эдилинги, другие — фрилинги, а третьи — лацци; в переводе же на латинскую речь это будут знатные, свободные и рабы. Те из них, которые слывут знатными, разделились во время борьбы Лотаря с его братьями на две партии: одна партия шла за Лотарем, другая же за Людовиком. Когда увидел Лотарь, что после победы братьев бывший на его стороне народ замышляет от него отложиться, тогда, будучи в крайне стесненном положении, начал искать он помощи, как и где только представлялось возможным. Посему государственные земли стал раздавать в частные руки; посему же некоторых от-

[1] Пертика (по Герару) — 1/50 часть бонуария.

пустил на волю, а некоторых обещал отпустить после победы; кроме того, нарядил посольство в Саксонию, с обещанием дать фрилингам и лаццам, коих было бесконечное множество, в случае, если они будут на его стороне, законы их предков времен язычества, и потом [действительно] эти законы им пожаловал. Они же в ревностном стремлении [получить] эти законы присвоили себе новое имя стеллинга[1] и, собравшись воедино, изгнали из страны почти всех своих господ и стали жить по старине, каждый по своему закону. Кроме того, Лотарь привлек на помощь норманнов, подчинил им часть христиан и вместе с тем дал разрешение грабить других христиан. И вот Людовик стал опасаться, как бы норманны, а также соседние саксам славяне не вторглись, соединившись с теми, кои наименовали себя стеллингами, для завоевания королевства и не искоренили бы в тех странах христианскую веру. Посему принял он меры предосторожности..., поскольку это было в его силах.

Книга IV, 4 ...Людовик мятежников в Саксонии, кои... наименовали себя стеллинги, доблестно, кровавым, но законным путем усмирил.

---

[1] По объяснению Du Cange (Glossarium, v. Stellinga), слово это составилось из stel — *древний* и ling — *сын*, следовательно, значит — «дети древнего закона», так как восставшие добивались возвращения им древних законов их предков.

Византия в VI—XI веках

Введение

Первые шесть документов посвящены царствованию Юстиниана I (527—565). *Документ 1* представляет собой две выдержки из новелл Юстиниана. «Новеллами» называли новые законодательные акты императора, изданные в дополнение к кодексу. Оба отрывка обращают на себя внимание своей литературной формой, скорее свойственной полемическому произведению, чем официальному тексту закона. Гнев Юстиниана вызван своеволием могущественных магнатов.

Протест Юстиниана обусловлен его стремлением укрепить свою власть, что было несовместимо с самоуправством аристократов; в борьбе с последними Юстиниан, естественно, должен был выступить якобы покровителем мелких свободных собственников.

Второй отрывок указывает на стремление Юстиниана покончить с торговлей государственными должностями (которая наносила ущерб его власти) и осуществить оздоровление административного аппарата, в котором представители византийской аристократии зачастую видели лишь источник личной наживы.

Документ настолько краток и выразителен, что его целесообразно зачитать в классе, иллюстрируя этим конфликт, возникший между Юстинианом, стремившимся к централизации, и сенаторской аристократией, грабившей провинции и готовой расторгнуть государство на части.

Документ 2 представляет собой запись тех пререканий между партией «зеленых» и императором, которые послужили началом восстания «Ника». Из диалога явствует, что люди скромного звания являлись жертвой злоупотреблений и полицейских репрессий, толкавших их на путь протеста. Документ может быть процитирован в выдержках. Зачитыванию этих выдержек следует предпослать указание на то, что константинопольский ипподром являлся единственным местом, где народная масса и император вступали в непосредственное соприкосновение и где к императору, в нарушение обычного этикета, можно было обращаться с запросами и требованиями от лица собравшихся.

Документ 3 освещает весь ход восстания. Он позволяет заметить, что начало восстанию положили люди, которых Прокопий презрительно именует «сбродной чернью», однако непосредственными участниками последующих событий оказались также и сенаторы — представители знати. Если, как говорит документ, бедняки столицы учинили расправу над «служителями городских властей», то сенаторы, «не оставшиеся при Юстиниане», домогались немедленного нападения на дворец Юстиниана. Таким образом, восстание могло служить политическим целям оппозиционной аристократии и даже могло быть ею вызвано, поскольку у столичной бедноты было достаточно оснований для недовольства и протеста. Выступая в роли официального историка, отмечая мужество и стойкость Феодоры, Прокопий тем не менее резко порицает высших должностных лиц, в том числе и знаменитого Трибониана, руководившего составлением кодекса. В приводимой краткой выдержке из «Тайной истории», анонимного произведения, обличающего Юстиниана, тот же Прокопий дает понять, что конфискация имущества у состоятельных лиц могла служить одной из причин восстания, тогда как самое восстание

послужило предлогом для разгрома сенаторского землевладения, предпринятого Юстинианом.

Документ слишком громоздок для использования в классе. Учитель может в своем рассказе обобщить его содержание или предложить его вниманию одного из учеников, который на этой основе мог бы составить краткое сообщение о ходе восстания, его участниках и результатах.

Документы 4 и 5 говорят о взаимоотношениях между императорской властью и церковью. Эти взаимоотношения отличаются от тех, какие сложились между папством и императорами Западно-Римской империи.

Документ 4 провозглашает, что духовная и светская власть происходят из одного источника и, будучи органически друг с другом связаны, своим содружеством обеспечивают благополучие подданных. На деле авторитет византийской церкви и влияние патриарха были призваны служить государственным интересам Византийской державы и упрочить императорскую власть. Византийские императоры умели использовать церковь как орудие своей политики. Комментируя документ, учитель должен иметь в виду, что «непорочного» священства, разумеется, никогда не существовало, а благополучие подданных никогда не могло быть обеспечено в деспотическом классовом государстве.

«Забота церкви», по указанию документа 5, облегчала Юстиниану борьбу с оппозиционной знатью, освящая эту борьбу мотивами благочестия. Оба документа чрезвычайно интересны, их содержание может быть с успехом резюмировано учителем в его рассказе.

Документ 6 повествует о том, каким образом удалось перенести на византийскую почву производство шелка. Краткое резюме документа в устном рассказе учителя может заинтересовать учащихся. Фактические данные документа необходимо осветить в тесной связи с ирано-византийским соперничеством в целом.

Желая установить непосредственные сношения между Византией и Индией и Китаем, Юстиниан стремился проложить новый торговый путь, который пролегал бы вне владений, принадлежащих Ирану.

Таким путем в дальнейшем стал Хиджасский караванный путь, исходной точкой которого явилась упоминаемая в документе «страна омиратов», то-есть Иемен. Хиджасский путь оказался конкурентом обычному водному пути по Евфрату и Тигру. Иранская интервенция в Аравию представляла попытку уничтожения новой караванной дороги. Отстоять эту новую дорогу призваны были эфиопские войска — союзники Византии. Таким образом, документ, посвященный шелку, содержит интересные данные, косвенно относящиеся к истории ирано-византийского соперничества.

Документ 7 — «Земледельческий закон» — имеет очень большое значение. В этом документе отсутствуют указания на время и место его издания; одни ученые относят появление земледельческого закона к VII столетию, другие — к VIII столетию — периоду иконоборцев. В тексте закона нет никаких упоминаний о колонах, о крепостной зависимости крестьян. Он посвящен лично свободным земледельцам, имеющим право покинуть участок своего хозяина и связанным с ним лишь материальными обязательствами.

Это отнюдь не означает, что в Византии к тому времени исчезает или утрачивает свое значение подневольный труд рабов и колонов. Появление земледельческого закона показывает лишь, что наряду с прежним зависимым деревенским населением, а также с остатками прежнего свободного и полусвободного крестьянства в Византии появляется значительное количество новых лично свободных сельских тружеников.

Начиная с VI в. в Византию хлынул поток славян, аваров, армян, осевших в византийских землях. Этих пришельцев Византийская держава использует для заселения пограничных пространств, обезлюдевших еще во времена варварских нашествий. Они несут на пользу Византии бремя военной службы и бремя налогов. Свободные земледельцы-воины, главным образом славянского происхождения, дают Византийскому государству возможность устоять в столкновении с враждебным арабским халифатом и другими противниками.

Вместе с тем пришельцы-славяне оказали огромное влияние на внутреннюю жизнь Византии, подобно тому как древние германцы оказали воздействие на общественные отношения Западной Римской империи. Поэтому к ним вполне применимы слова Энгельса: «...они... сумели сберечь в феодальном государстве осколок настоящего родового строя в форме сельских общин... и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии... И, наконец... они могли развить и сделать господствующей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости, в которую и в Римской империи все более и более переходило рабство...» [1].

Общинный распорядок отображен рядом пунктов. Село владеет полями и отстаивает свои полевые угодья в спорах с другим соседним селом (§ 7). Односельчане-земледельцы вправе обмениваться участками (§ 3). Раздел полей, затронувший интересы одного из членов общины, может быть пересмотрен (§ 8). Отсутствие сформировавшейся земельной собственности выявляется из того, что владельцу земли запрещается снести дом, построенный на его земле посторонним лицом (§ 21). Наконец, предусматривается отвод под пастбище полевых участков после снятия урожая (§ 79).

Общинные распорядки уживаются с имущественным неравенством, обработкой чужого поля исполу (§ 15), отдачею десятого снопа земледателю (§ 10), использованием чужого тягла (§ 37).

Материальная заинтересованность государства в привлечении максимального количества поселенцев и налогоплательщиков проявляется в праве плательщиков податей воспользоваться покинутым участком (§ 18) и обязанности платить подати за сбежавшего земледельца, возлагаемой на тех, кто воспользовался его землей (§ 19).

С рассмотренным памятником тесно связан документ 13. Император Роман I, так же, как и его предшественники, стремится сохранить за земледельцами-общинниками их земли, на которые посягают «сильные люди», или «властели». Защита мелких земельных собственников от захватов и вымогательств продиктована не сочувствием по отношению к бедному люду, а заботой о сохранении того контингента тяглых людей и воинов, без которых не может обойтись ни византийская казна, ни византийская армия, в эпоху, когда крайнее напряжение сил вызывается внешней опасностью. Именно этими соображениями и обусловлена попытка ограждения общины лично-свободных земледельцев при помощи закона, запрещающего продажу или отчуждение общинных участков в пользу лиц, стоящих вне данной общины.

Оба документа, 7 и 13, вследствие своей сложности, не могут быть прочитаны в классе. Они предназначены для учителя, уясняющего себе на основе этих документов историческую роль славянской общины и отношение к ней со стороны императорской власти и закона. Тот и другой документы могут быть с успехом использованы во внеклассной кружковой работе.

Документ 8 представляет интерес в силу той политической тенденции, которая в нем выражена. Эклога, судебник, изданный Львом III Исавром (717—741) и его сыном-соправителем, вводит бесплатность суда, требует равенства перед лицом суда для представителей знати и для плебса, устанавливает должностные оклады судьям и ополчается на взятки, несовместимые с правосудием. Существо этих решений и призыв не презирать нищего и не страшиться обличить могучего должны быть правильно объяснены учащимся. В основе этой временной политической тенденции лежит необходимость облегчить положение свободных мелких собственников, поддержка которых была жизненно важна для Византийской империи в тот период, когда ее существованию грозили извне могущественные противники.

Документ 9 иллюстрирует историю иконоборческой реформы. Автор документа относится с явным неодобрением ко всей деятельности императора-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 132—133.

иконоборца Константина V Копронима. Учитель должен иметь в виду, что в основе иконоборческого движения, разумеется, лежит не «злой дух», а реальные интересы, обусловленные стремлением осуществить секуляризацию монастырских владений.

Факты, излагаемые в документе, могут быть приведены в устном изложении учителя. Оживляя этими фактами свой рассказ, учитель сможет показать, насколько ожесточенна была борьба за проведение иконоборческой реформы.

Документы 10 и *11* посвящены организации военных сил империи. Автор первого из этих документов Агафий, разумеется, преувеличивает недостатки, существовавшие при Юстиниане. Однако не подлежит сомнению, что после покорения Остготского королевства Юстиниан значительно сократил вооруженные силы. Прокопий упрекает его в роспуске пограничных отрядов на персидской границе и в задержке выплаты жалованья войскам.

Документ 11 свидетельствует о том, какое значение придавали созданию вооруженных сил в последующий период, когда Византия оказалась зажатой в железные тиски между халифатом и Болгарским царством. Новелла императора X в. Константина Багрянородного не предписывает чего-либо нового, а лишь подводит итог тому, что создавалось в иконоборческий период, когда раздачей монастырских участков, «харистикий», была достигнута возможность сформировать из среды свободных значительные контингенты служилых людей, за собственный счет приобретающих свое снаряжение и пополняющих императорскую конницу и флотские команды. Новелла Константина вызвана разорением многих владельцев военных участков и стремлением закрепить за ними их неотчуждаемые участки как материальную основу системы войсковых сил. Обычай привлекать «складчиков» и снаряжать бойца за счет нескольких лиц, так же как прямые указания текста на факты полной или частичной утраты воином своего участка, говорят о неуклонном измельчании этих участков. Подобное измельчание воинских участков, вызывавшее естественные опасения со стороны императора, стояло в прямой связи с выдвижением «властелей», сосредоточивающих в своих руках обширные земельные пространства.

Как показывает документ, правительство стремится к тому, чтобы земля впавшего в нужду воина не уходила в руки посторонних лиц, а возвращалась к государству и могла быть снова использована военнослужилым человеком. Конец документа представляет конкретный пример того, как вербовались ратники и как при недостатке полнонадельных участков приходилось снаряжать конного бойца с помощью казны и соплательщиков.

Документ этот предназначается для учителя, который сможет использовать его содержание для характеристики военно-земельной системы и роста крупного феодального землевладения, поглощавшего участки харистикиариев.

Документ 12, посвященный восстанию Фомы Славянина, тенденциозен: автор его видит в восстании только разрушительные и грабительские устремления. Тем не менее, учитель почерпнет в нем данные, рисующие размах движения, охватившего почти всю Малую Азию и объединившего в рядах повстанческой армии массы недовольных. Весьма характерна и та поддержка, которую халифат оказывал вождю восстания. Формальный договор, связавший Фому с властями халифата, венчание его на царство антиохийским патриархом свидетельствуют о намечавшемся государственном перевороте и намерении Фомы занять императорский престол при поддержке арабов. Однако даже враждебно относящийся к вождю восстания автор вынужден отметить, что Фома Славянин, пользуясь содействием арабов, стремился оградить от их разбойничьих поползновений ту территорию, которая находилась в его руках.

Общую оценку данного документа целесообразно связать с той ролью, которую играли славянские поселения и славянский элемент в Византии. Обираемые казной и используемые для защиты империи, славяне, сильные своей общинной организацией и своим военным опытом, стали участниками грозного восстания и, воздействуя на массу окружавшего их сельского населения, увлекли за собой и местное греческое крестьянство.

Излагая ход и результаты восстания, следует подчеркнуть, что только вмешательство болгарского царя, выславшего свои войска на защиту Константинополя, спасло императора и привело к поражению восставших.

Документ 14 содержит важные постановления императоров македонской династии. Первые два отрывка своей резкостью напоминают новеллы Юстиниана. Они обличают властелей, безжалостно подчиняющих себе мелких земельных собственников. Их можно зачитать в классе и этим иллюстрировать тенденцию, которая уже выявлялась в документе 1 (о воинских участках).

Комментируя новеллу Никифора II Фоки от 964 г., следует иметь в виду, что она издана более чем через столетие после так называемого «Торжества православия» 843 г. (то-есть восстановления иконопочитания) и что за истекшее столетие шел непрерывный процесс нового роста монастырского землевладения. Если возврат к прежним формам культа после восстания Фомы Славянина отвечал необходимости подчинить народные массы церковному влиянию, то сама собою возникала потребность сохранить харистикии за их владельцами и не допустить дальнейшего роста монастырского землевладения, противоречившего финансовым и военным интересам государства. Именно эта потребность ограничить монастырское землевладение и лежит в основе новеллы Никифора Фоки.

Угрозу государственным интересам представляла и та мобилизация земли, которую проводили властели. Новелла Василия II стремится оспорить права властелей, покоившиеся на сорокалетней давности, и побудить их возвратить законным владельцам отнятые у последних участки. Мотивировка самого закона говорит о вымогательствах и захватах, с помощью которых властели отнимали земли у свободных собственников, а впоследствии, ссылаясь на давность своего пользования захваченной землей, обращали ее в собственность.

Учитель должен отметить, во-первых, что в документе отражено стремление сохранить многочисленный слой свободных земельных собственников, которые в качестве воинов и налогоплательщиков служат опорой государству, и, во-вторых, что это стремление вступает в очевидное и неразрешимое противоречие с процессом феодализации. Из документа целесообразно выделить конкретные примеры, говорящие о могущественных фамилиях феодалов-властелей, захватывавших чужие наделы.

Характеризуя законодательные акты императоров Константина VII, Романа I и Романа II, Никифора Фоки и Василия II, учитель должен подчеркнуть, что это законодательство было призвано создать непреодолимую преграду для властелей-феодалов в их стремлении к расширению своих поместий и тем самым сохранить жизненно важный для интересов империи слой свободных мелких собственников. Однако самая повторность законодательных актов, снова и снова порицающих беззаконие и захватчиков, свидетельствует о бессилии закона перед лицом неостановимо развивавшегося процесса феодализации, находившего свое выражение в сосредоточении земли в руках властелей.

Этот принявший широкие формы процесс феодализации и находит свое выражение в приводимых документах.

Заканчивая обзор внутренней истории Византии VI—XI вв., можно подчеркнуть тот общий результат, к которому пришло общественное развитие как на западе, так и на востоке Европы. Ту роль, которую для римского запада играли древние германцы, для Византии сыграли славяне, под влиянием которых формировался византийский феодализм.

Документы 15—25 посвящены внешней политике и дипломатии Византии. Византийская держава в самом начале своего существования оказалась под натиском варварских народов: остготов, гуннов, аваров, славян, грозивших ее существованию. Уже в столкновении с этими варварскими народами сложились традиции византийской внешней политики и дипломатии. Эти традиции сохраняют свое значение и в последующий период, когда Византии угрожает Сассанидский Иран, а в дальнейшем могущественный арабский халифат, Болгарское царство, печенеги и Киевская Русь. Византия унаследовала от Римской державы принцип «разделяй и властвуй» как руководящее на-

чало всей внешней политики. Если для Рима применение этого принципа облегчало широкую завоевательную экспансию, то для Византии, при совершенно других исторических условиях, оно знаменовало возможность обороны, покоившейся на лавировании между варварами, противопоставлении одних варваров другим, разжигании розни между противниками, натравливании их друг на друга и постепенном вовлечении варварских народов и государств в орбиту влияния Византии.

Чрезвычайно важный вопрос о взаимоотношениях между Византией и Киевской Русью не освещается в данной хрестоматии, так как соответствующим документам отведено место в «Хрестоматии по истории СССР», составленной В. И. Лебедевым, В. Е. Сыроечковским и М. Н. Тихомировым, том I, Учпедгиз, 1939.

Документ 16 говорит о той позиции, которую Византия заняла по отношению к остготам в момент подготовки войны с ними.

Документ 17 свидетельствует о том, в каком свете представлялась византийская внешняя политика далекому властителю Согдианы, которому сознание своей силы позволяло дать вполне независимую оценку этой внешней политики и отметить лицемерие византийских дипломатов и их готовность натравливать друг на друга варварские народы. Учащемуся покажется весьма занимательным одно указание документа: хан жалуется на то, что его послов без всякой надобности везут в византийскую столицу самой дальней и неудобной дорогой, — через Кавказ. Учитель укажет, что такой трудный путь выбирался только для того, чтобы доказать отдаленность и неуязвимость византийской столицы, лишить варваров желания посягать на Византию. Отношение Юстиниана к варварам освещается *документами 18* и *19*. Автор «Тайной истории» Прокопий, враждебно относящийся к Юстиниану, порицает его внешнюю политику, видя в ней лишь расточительность.

Однако даже и свидетельство Прокопия показывает, что император покупал мир у варваров, избегая, таким образом, военных столкновений с варварами. Более объективные свидетельства Агафия и Менандра обнаруживают подлинный смысл внешней политики Юстиниана, превосходно выраженный в словах Агафия, которые уместно процитировать в классе: «Разделяя варваров, он сам, не обнажая меча, одерживал посредством своего ума победу и осуществлял свои надежды».

Документ 20 чрезвычайно лаконичен и может быть целиком зачитан в классе. Он показывает, как с помощью чрезвычайно примитивного приема Юстиниан разжигал между отдельными племенными вождями соперничество, исключавшее опасную для Византии возможность их объединения.

Документ 21 может быть использован в классе, если это позволит время. В противном случае он, как и другие документы данного подраздела, может быть с успехом применен во внеклассной работе.

В послании западных гуннов недвусмысленно выражена жажда императорских подачек, восторг перед явно преувеличиваемым богатством Византии, откровенное подобострастие, желание награды и готовность к службе. Вместе с тем проявляется и стремление очернить соперника — другое племя, у которого оспариваются милости и щедроты императора.

Документы 22 и *23* рисуют отношение варварских государей к императору и то впечатление, которое вызывала столица, своим богатством создававшая преувеличенное и даже ложное представление о мощи императора.

Если позволит время, уместно процитировать слова из документа 23, в котором Атанарих называет императора «земным богом», посягательство на которого чревато для посягающего неизбежной гибелью.

Документ 24 показывает те результаты, к которым приводило воспитание при византийском дворе молодых варварских князей, которых превращали в послушное орудие византийской политики.

Документ 25 посвящен византийскому церемониалу. Придворные традиции, сопряженные с целым рядом сложных правил и обычаев, могут показаться школьнику нелепыми и лишенными всякого смысла. Это, однако, далеко не так. Множество придворных должностей, строгий распорядок придворной жизни, пышные церемонии, которыми сопровождались и обеды, и

приемы иноземных послов, придавали византийскому двору торжественное и праздничное великолепие, часто пленявшее и варваров, и темных, непросвещенных подданных.

Автор документа рассказывает о разных степенях почета, определявшихся придворным званием того или иного лица. Эти различия побуждали искателей придворных должностей к соперничеству, которое, само по себе, ставило императора в положение арбитра, размещающего представителей византийской знати и вассалов — иноземных царьков — по рангу и как бы расставляющего их по ступеням придворной иерархической лестницы.

Раздача титулов и императорских даров обдуманно производилась с таким расчетом, чтобы каждый иноземный князь отличался от другого своим придворным званием и определенной мерою оказанного ему почета, чтобы он был поставлен на ту или иную ступень иерархической лестницы придворных должностей и, завидуя другому князю, оказался вполне подчиненным влиянию императорского двора.

Оживляя свой рассказ, учитель может упомянуть о тех чисто театральных эффектах, к которым византийский двор был вынужден прибегать, чтобы создать у иноземных послов представление о мощи императора. Учащиеся с интересом услышат о том, как послы ожидали в торжественном безмолвии несколько часов кряду, пока раздвинется плотно сомкнутая завеса и пред ними предстанет император, сидящий на высоком троне, с правой и левой стороны которого стояли искусно сделанные львы, издававшие грозное рычание. Им покажется занимательным рассказ о том, как на глазах у изумленных послов императорский престол с помощью невидимого блока неожиданно вздымался вверх, исчезал из поля зрения, а затем с грохотом падал на прежнее место, и император снова представал в еще более ослепительном облачении, которое он незаметно успевал сменить.

Все перечисленные документы, относящиеся к характеристике византийской внешней политики и дипломатии, слишком громоздки для того, чтобы при крайней ограниченности времени, отводимого на прохождение данной темы, их можно было полностью использовать.

Вполне целесообразно, однако, предложить их вниманию одного из учащихся, который на этой основе мог бы разработать весьма интересный доклад в порядке внеклассной работы.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 23—25, 36—38, 40—44, 79—83); К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX (Действительно спорный пункт в Турции, стр. 382); т. XVI, ч. I (Происхождение семьи, частной собственности и государства).

* * *

Документы 3, 6, 7, 9, 11, 12, 13, 14 переведены для 1-го издания и взяты оттуда без изменений, документы 1, 8, 17 взяты из книги К. Успенского «Очерки по истории Византии», документ 4 взят из книги Безобразова «Очерки византийской культуры», документ 5 взят в переводе С. П. Кондратьева, документы 2, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 взяты из книги Ш. Диля «Юстиниан», документ 10 взят из книги Ф. Успенского «История Византии», документ 25 взят из книги Гельцера «История византийской культуры». Введение написано А. Д. Эпштейном.

1. ИЗ НОВЕЛЛ ЮСТИНИАНА

Новелла 30. *«О проконсуле Каппадокии»*

Мы узнали, что в провинции творится нечто ужасное, так что частичными исправлениями здесь ничего не достигнешь. Простые управляющие магнатов (но мы краснеем от стыда) с поразительной дерзостью расхаживают в сопровождении целых отрядов служителей и челяди и без стыда, без совести грабят. Мы даже удивляемся, как сами наши подданные до сих пор терпят это засилье. До нас доходят многочисленные жалобы духовных и женщин на захваты их собственности.

Но и наши земли тоже растащены в частные руки, расхищены императорские конские табуны, и никто слова не сказал, ибо у всех уста были закрыты золотом.

Новелла 8

Самые высшие лица в государстве, даже императоры, не краснея, открыто продавали искателям должностей свое покровительство и милость. И для этого кандидаты на места тянутся, разоряются, делают займы под огромные проценты, но они шли дальше: с бесстыдной откровенностью, показывающей, как глубоко проникло зло, они выдавали кредиторам обязательства на получение доходов от провинций, об управлении которыми они ходатайствовали.

2. НАЧАЛО ВОССТАНИЯ «НИКА»

Выступление «зеленых» против императора Юстиниана

11 января 532 г., в воскресенье, по обычаю происходили бега в ипподроме. Император присутствовал на них с большой торжественностью, но сразу же убедился, что собравшиеся зрители сильно возбуждены. На ступенях, где расположились «зеленые», слышался непрерывный шум и свист. Партия «зеленых» намеревалась принести жалобу и выражала свое недовольство. Юстиниан приказал своему глашатаю обратиться с запросом к народу. В результате между уполномоченным «зеленых» и императором, реплики которого громко повторял глашатай, завязался приводимый ниже диалог.

Зеленые. Долгоденствие императору Юстиниану! Да будет он всегда победоносным! Но лучший из государей! Нам творят всякого рода несправедливости, и богу известно, мы не можем их выносить дольше. Однако мы страшимся назвать нашего притеснителя из страха, что его неистовство усилится еще более и мы подвергнемся большим опасностям.

Глашатай. Я не знаю, о ком вы говорите.

Зеленые. Тот, кто нас притесняет, о трижды августейший, живет в квартале башмачников.

Глашатай. Никто не делает вам зла.

Зеленые. Нас преследует один человек. О матерь божия, защити нас!

Глашатай. Я не знаю, кто этот человек.

Зелены е. Нет, ты хорошо знаешь, трижды августейший, кто теперь наш палач!

Глашата й. Я не знаю, кто вас преследует.

Зелены е. Ну, так это, владыка мира, спатар [начальник гвардии] Калоподиос.

Глашата й. Калоподиос не имеет никакого дела с вами.

Зелены е. Что бы там ни было, но он испытает участь Иуды, и бог скоро накажет его за несправедливость!

Глашата й. Вы, очевидно, явились сюда не для того, чтобы смотреть на представление, но чтобы оскорблять правящих!

Зелены е. Да! Кто творит нам зло, того постигнет судьба Иуды.

Глашата й. Молчите, нехристи, манихеи, самаритяне!

Зелены е. Ты называешь нас нехристями и самаритянами, да хранит нас господь всех одинаково.

Глашата й. Я советую всем вам креститься.

Зелены е. Прекрасно! Мы все готовы принять крещение.

Глашата й. Право, если вы не замолчите, я прикажу вас всех казнить.

Зелены е. Всякий хочет иметь власть, чтобы его почитали. Если наши речи тебе не нравятся, пусть твое величество не раздражается ими. Тот, кто божествен, должен все терпеливо переносить, но так как нам дан дар слова, то мы называем все вещи своими именами. Мы уже теперь не знаем, трижды августейший, где дворец и где правительство. Мы бываем в городе только проезжая по нем на спине осла. Это несправедливо, трижды августейший.

Глашата й. Всякий свободный человек может появляться везде, где хочет.

Зелены е. Мы сами хорошо знаем, что мы свободны, но нам не дают возможности пользоваться свободою. И если какой-нибудь свободный человек заподозревается, что он зеленый, общественная власть тотчас его подвергает каре.

Глашата й. Вы не боитесь за свои души, висельники!

Зелены е. Пусть запретят цвет, который мы носим, и правосудию нечего будет делать. Ты позволяешь, чтобы нас убивали, и сверх того ты приказываешь, чтобы нас наказывали. Ты источник жизни, а ты умерщвляешь, кого захочешь. Поистине, человеческая природа не может выносить подобных противоречий. Ах, лучше было бы, если бы по воле небес твой отец Савватий вовсе не родился: он не породил бы убийцу! Недавно уже шестое убийство совершено: вчера человек был жив, а вечером, владыка всех вещей, он уже был мертв.

Сини е. Все убийцы из вашей партии.

Зелены е. Это вы убиваете, но вы избегаете кары.

Сини е. Это вы убиваете, а еще смеете спорить! Все убийцы из ваших.

Зеленые. Довольно! Владыка, пожалей нас! Истина ниспровергнута. Если верно, что бог управляет миром, откуда же столько несчастий?

Глашатай. Да замолчите вы, богохульники, враги божии!

Зеленые. Если твое величество прикажет, мы замолчим, хотя и поневоле, трижды августейший. Мы знаем все, все, но мы будем молчать. Прощай, справедливость, тебя уже нет! Мы уйдем. Богу известно, что лучше быть язычником, чем быть синим.

Синие. Мерзость! Мы не хотим их видеть; такая злоба возмущает нас!

Зеленые. Да будут брошены на живодерню кости зрителей!

[С этими словами толпа зеленых покидает ипподром, тем самым нанося тяжкое оскорбление императору; синие, чтобы воспрепятствовать их уходу, пытаются преградить дорогу, что вызывает беспорядочную свалку.]

3. ВОССТАНИЕ «НИКА»

Восстание «Ника» обратило на себя внимание ряда современных ему и близких к его времени писателей: Прокопия Кесарийского, Евагрия, Иоанна Малалы, Марцеллина, Виктора Туннунского; но и позднейшие хронисты IX—XII вв. — Феофан, Иоанн Кедрин, Иоанн Зонара — останавливаются на этом событии.

Ниже предлагаются целиком только сообщения Прокопия: «Персидская война», кн. I, 24, 25; «О постройках Юстиниана», I, 1, стр. 8, и «Тайная история», XII, стр. 79. Из летописи же Феофана под 6024 г. (изд. De Boor) дается только часть наиболее своеобразная.

а) Прокопий Кесарийский. «Персидская война», 1, 24, 25.

Около того же времени вспыхнул неожиданно в Византии мятеж в народе, который вопреки ожиданию оказался самым большим и для народа и сената завершился большим несчастием. Вот как было дело.

В каждом городе димы[1] искони разделялись на Голубых и Зеленых, но немного времени прошло с тех пор, как из-за этих названий и скамей, занимаемых во время зрелищ, люди стали тратить деньги, подвергать себя жесточайшим мучениям и готовы умереть позорнейшей смертью. Они ведут борьбу с противниками, не зная сами, чего ради рискуют, но хорошо зная, что если и одолеют врагов в борьбе, то им не останется ничего другого, как быть немедленно отведенным в тюрьму и затем в страшных мучениях погибнуть. У них вражда к близким рождается без причины и остается неизменной на всю жизнь, не уступая ни свойству, ни родству, ни дружбе, раз родные братья или другие какие родственники различались указанными цветами. У них нет заботы ни о божественных, ни о человеческих делах, только бы одолеть в состязаниях, хотя бы при этом кто-нибудь совершил нечестивое дело или хотя бы законы и государство попирались своими или

---

[1] Дим (или дима), собственно, означает все население города (народ); в узком смысле дим — это городская партия, партия цирка.

врагами: ведь даже испытывая нужду в необходимом или когда отечество терпит от них ущерб в самых важных отношениях, они ни на что не обращают внимания, если только их партия процветает («партией» они называют своих товарищей по мятежам). Принимают участие в этой мерзости и их женщины, не только следуя мужьям в выборе партии, но и выступая против них, если придется, хотя ни на зрелище они не ходят, ни другими поводами не побуждаются к таким выступлениям. И потому я никак иначе не могу назвать все это, как душевной болезнью. Так обстоит дело в городах и в каждом диме.

А тогда власть, стоявшая во главе народа в Византии, хотела предать смерти некоторых из бунтовщиков. Согласившись и договорившись друг с другом, обе стороны вырывают из рук стражи ведомых на казнь и, немедленно ворвавшись в тюрьму, освобождают всех заключенных за бунт или другое какое бесчинство; служителей, бывших на службе у городских властей, убивали ни за что, а из граждан непричастные к беспорядкам убежали на противолежащий материк, город был подожжен, как будто он оказался во власти врагов. Святилище Софии, баня Зевксинна и часть царского дворца от Пропилеев до так называемого дома Арея погибли в пламени, а за ним погибли и оба больших портика, примыкавших к площади, названной именем Константина, и много домов и большие богатства состоятельных людей. Царь, его супруга и некоторые члены сената заперлись во дворце. Димы же друг другу передавали условный знак «Ника» [побеждай], от которого тогда и все то восстание так начало называться. Эпархом двора[1] был тогда Иоанн Каппадокиец; Трибониан же, родом памфилиец, был советником императора (римляне называют этот чин квестором). Из них Иоанн был человек, лишенный образования и воспитания, он от учителя грамматики только и научился грамоте, да и то плохо писать плохие буквы; но силою природных дарований он превосходил всех, кого мы знаем: он был в высшей степени способен разобраться в том, что было нужно, и найти решение в затруднительном положении. Но, будучи самым злым из всех людей, он употреблял силу своих дарований во зло; ни мысль о боге, ни стыд перед людьми не входили в его душу, но забота его была направлена на то, чтобы ради наживы погубить побольше людей и уничтожить целые города. Скопив за короткое время большое богатство, он предался безграничному пьянству, до обеда грабя имущество подвластных ему людей, а остальное время дня посвящая пьянству и гнуснейшим плотским наслаждениям; удержаться в пределах он не мог, но и наедался он до тош-

[1] Другие источники указывают, что это был эпарх города Эндомон. Эпарх Константинополя соединял в своих руках прерогативы римского префекта города и префекта претория; его называли «отцом города», он являлся первым после царя органом власти, «некоронованным царем», «царем без порфиры». Об эпархе см. у Ф. И. Успенского, «Константинопольский эпарх» («Известия Русского археологического института в Константинополе», т. IV, вып. 2, 1899).

ноты, и красть деньги всегда был готов, а тем более спускать и тратить их. Таков был Иоанн. Трибониан же обладал высокими природными дарованиями и достиг таких высот образования, как никто в его время, но, преданный до безумия корыстолюбию, он всегда способен был ради выгоды предать справедливость. Из законов одни он чаще всего каждый день отменял, а другие писал, продавал те и другие, кому что нужно было.

Итак, пока народ враждовал друг с другом из-за преобладания цветов партий, не было оснований им провиниться в чем-нибудь перед государством. Когда же, согласившись, как выше было сказано, они включились в мятеж, то по всему городу явно стали поносить Иоанна и Трибониана и искать их, чтобы убить. Поэтому царь, желая примирить с собой народ, немедленно отрешил обоих от власти и назначил эпархом двора патриция Фоку, человека весьма разумного и способного служить правосудию; Василиду же, известному среди патрициев своей мудростью и в других отношениях почтенному, приказал взять на себя должность квестора.

Однако и при них возмущение продолжалось с неменьшей силой. На пятый день восстания к вечеру Юстиниан велел Ипатию и Помпею, племянникам бывшего императора Анастасия, идти как можно скорее домой,— потому ли что он подозревал их в замыслах против его жизни, или и сама судьба вела их к тому. Они же, боясь, как бы народ не принудил их царствовать (как это и случилось), говорили, что несправедливо поступать, оставив своего царя, когда он подвергается такой опасности. Услышав это, Юстиниан проникся еще большим недоверием и настойчиво приказал им немедленно удалиться. Оба они отправились домой и, пока была ночь, оставались там.

На следующий день, с восходом солнца, сделалось известным в народе, что оба они устранены от пребывания во дворце. Поэтому весь народ побежал к ним, провозгласил Ипатия царем и повел его на площадь, чтобы принять ему на себя ведение дел. Мария, жена Ипатия, женщина очень умная и высокочтимая за свою добродетель, цеплялась за мужа, не пускала его, вопила изо всех сил и убеждала всех близких, что народ ведет его на смерть. Толпа пересилила, и Мария против воли выпустила мужа. Народ призвал на царство Ипатия, вопреки своему желанию пришедшего на площадь Константина, и, возложив ему на голову золотую цепь за неимением диадемы или чего-нибудь другого (что подобает надевать на царя), провозгласил его царем римлян.

Когда собрались члены сената, не оставшиеся в царском дворце при Юстиниане, то много мнений было высказано за то, чтобы напасть на дворец. Ориген же, член сената, выступил и сказал: «Римляне, в настоящее время наши дела не могут быть решены иначе, как войной, а признано, что война и царство — важнейшие из всех дел между людьми. Но великие дела могут совершаться не в короткое время, а по зрелом размышлении и с

напряжением всех сил в течение долгого времени. Итак, если пойдем на врага, то дела наши будут поставлены на острие бритвы, и в короткое время мы поставим все на риск; и за то, что выйдет в результате, мы или поблагодарим судьбу, или попеняем на нее, ибо самое затруднительное положение находится обыкновенно во власти судьбы. Если же мы не спеша устроим теперешние наши дела, то даже при всем нашем желании нам не удастся захватить Юстиниана во дворце, ибо он предпочтет как можно скорее убежать, лишь бы ему это позволили. Ведь власть, оставляемая в небрежении, обыкновенно падает, раз сила ее с каждым днем сокращается. Есть ведь у нас и другие дворцы, как Плакиллин и Еленин; из них нашему императору можно будет и войну вести, и прочими делами управлять, как ему будет удобнее». Так сказал Ориген. Но прочие, как это свойственно толпе, взялись за дело с большим напором, считая, что полезно действовать без промедления; равным образом и Ипатий [ему уж суждено было кончить плохо] велел двинуться по дороге к ипподрому; некоторые же утверждают, что он нарочно двинулся туда из расположения к Юстиниану[1].

Окружающие царя советовались, что будет лучше — оставаться или бежать на кораблях, и много раз говорилось в пользу и того и другого мнения. А царица Феодора сказала следующее: «Настоящий момент, мне кажется, вовсе не позволяет раздумывать и утверждать, что женщине не подобает быть смелой среди мужчин и проявлять мужество среди нерешительных. Правда, людям, оказавшимся в величайшей опасности, представляется самым лучшим всю надежду свою возложить на быстроту ног. Но я и раньше всегда считала и теперь считаю бегство невыгодным, хотя бы оно и принесло спасение. Всякому человеку, явившемуся на свет, невозможно не умереть, но человеку, бывшему царем, невыносимо сделаться беглецом. Не дай мне бог оказаться лишенной этой багряницы, и пусть я не доживу до того дня, когда встречающиеся перестанут называть меня царицей! Итак, если у тебя, царь, в голове мысль о спасении, то нечего и разговаривать: денег у нас масса, вот море, вот и корабли! Подумай, однако, не будет ли тебе любезнее, спасшись, предпочесть смерть спасению. А мне нравится старинное изречение, что царство — прекрасный саван». Когда царица сказала это, то все исполнились храбрости и мужества и стали обсуждать, где они смогут защищаться, если кто выступит против них.

Между тем все воины, как прочие, так и стоявшие вокруг царского дворца, не выказывали расположения к императору и явно выступить не желали, но ожидали, чем все кончится. Император возлагал всю надежду на Велизария и на Мунда; из них

[1] «Пасхальная хроника» передает, что после резни на ипподроме Ипатий и Помпей, приведенные к Юстиниану, «упали на колени и сказали: «Государь, много труда стоило нам собрать врагов твоей державы на ипподроме».

первый, недавно вернувшийся с мидийской битвы, держал при себе как сильную и многочисленную дружину, так и множество дорифоров и ипаснистов[1], закаленных в битвах и опасностях войны. Мунд же, назначенный стратигом Иллирии, предводительствовал варварами герулами, будучи призван в Византию по какому-то делу.

Итак, Ипатий, придя на ипподром, всходит тотчас на царское место и садится на царский трон, с которого царь обыкновенно смотрит на конские бега и гимнастические упражнения. Тем временем Мунд вышел из дворца через дверь, которая называется улиткой из-за того, что при входе заворачивается. А Велизарий сначала хотел подняться прямо против самого Ипатия и царского трона и, когда подошел к ближайшему помещению, где искони находится стража, то стал кричать воинам, приказывая им открыть ему поскорее двери, чтобы он мог пойти на тирана. Но воины решили ни за кого не выступать до тех пор, пока одна из сторон не одержит решительной победы над другой, и потому не исполнили приказания, притворяясь, что ничего не слышат.

Велизарий, вернувшись к Юстиниану, уверял его, что все погибло, раз взбунтовались против него даже те воины, которым поручена охрана дворца. Царь приказал ему идти к так называемой Халке и к находящимся там Пропилеям. Среди опасностей, с большими усилиями, через развалины, по обгорелым местам, Велизарий доходит до ипподрома. Оказавшись у портика Голубых, который находится справа от царского трона, Велизарий задумал сразу же броситься на Ипатия; но так как узкая дверь здесь была заперта и охранялась изнутри воинами Ипатия, то Велизарий побоялся, как бы народ, напав на него, пробирающегося в тесноте, не уничтожил его с его отрядом и не пошел с легкостью и удобством против Юстиниана. Итак, решив, что надо напасть на народ, стоявший на ипподроме в бесчисленном количестве и в полном беспорядке, Велизарий, выхватив из ножен меч и приказав прочим сделать то же самое, бегом и с криком бросился на толпу. Народ, стоявший в виде толпы, а не в строю, обратился в бегство, увидев, что покрытые латами воины, прославившиеся храбростью и боевым опытом, беспощадно поражают всех мечами. Когда поднялся громкий крик, то Мунд, стоявший поблизости и стремившийся приступить к делу (это был человек смелый и предприимчивый), но не знавший, где бы он мог выступить, догадался, что Велизарий уже действует, и он тотчас врывается на ипподром через вход, который называется Мертвым. Тогда бунтовщики Ипатия были истребляемы, подвергаясь сильным ударам с обеих сторон. Победа обнаружилась блестящая, тогда Воранд и Юст, племянники Юстиниана, не встретив ни малейшего сопротивления, стащили Ипатия с трона

---

[1] Дорифоры (копьеносцы) и ипаснисты (щитоносцы) составляли отборную часть в войсках Юстиниана.

и привели его вместе с Помпеем к царю. В этот день было убито из народа больше 30 000[1] человек.

Царь приказал держать Ипатия и Помпея в строгом заточении. Тут Помпей рыдал и горько жаловался, потому что он еще совсем не испытал превратностей жизни и таких бедствий. Ипатий же, сильно упрекая его, говорил, что не следует сокрушаться тем, которые погибнут невинно, ибо с самого начала они против воли вынуждены были народом принять власть и пришли на ипподром не с злым умыслом против царя. На следующий день воины убили обоих и сбросили их тела в море. Царь отписал в казну их имущество, а также имущество всех прочих сенаторов, их единомышленников. Впоследствии, однако, всем другим, а также детям Ипатия и Помпея царь возвратил все прежние звания и то имущество, которое еще не успел раздать своим приближенным. Так закончился бунт в Византии.

б) Прокопий Кесарийский. «О постройках», I, 1, стр. 8

Восстав против царя Юстиниана, люди сбродные, подлая чернь произвели бунт, называемый «Ника», как это я без утайки точно рассказал в сочинении о войнах, показывая, что не только против царя, но нисколько не менее и против бога, как проклятые, они подняли оружие, осмелились сжечь церковь христиан, называемую св. Софией.

в) Прокопий Кесарийский. «Тайная история», XII, стр. 79

До того, как произошло восстание, называемое «Ника», Юстиниан и Феодора довольствовались тем, что отбирали имущество людей состоятельных у каждого отдельно. Когда же восстание произошло, тогда они, конфисковав, можно сказать, целиком имущество сенаторов, наложили руку на всю движимость и на самые лучшие их земли, а то, что было отягощено высокими налогами и повинностями, возвратили под видом человеколюбия прежним владельцам. Последние же, мучимые сборщиками податей и изнывая от нескончаемых процентов за долги, жили против своего желания, жалуясь на то, что не приходит на них смерть[2].

г) Из летописи Феофана (под 6024 г.)

В этом [6024—532 г. н. э.] году, пятом — царствования Юстиниана, в январе, индикта 10-го, произошел бунт, называемый «Ника»; члены димов венчали на царство Ипатия, родственника императора Анастасия, сгорела большая часть города, в том числе великая церковь св. Софии, церковь св. Ирины, страннопри-

---

[1] По другим указаниям, 35 000 и даже 40 000.

[2] Правдивость сведений Прокопия о Юстиниане в «Тайной истории» обыкновенно ставится под подозрение из-за жгучей ненависти автора к Юстиниану и Феодоре. Научная литература о «Тайной истории» громадна, но все еще полезен труд Б. А. Панченко «О «Тайной истории» Прокопия» («Византийский временник», 189).

имница Сампсона, Августей, колоннада Базилики и Халка дворца. Произошло страшное избиение, и масса людей, бывших с Ипатием на ипподроме (говорят, 35 000) погибла.

4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТЬЮ И ЦЕРКОВЬЮ

Предисловие к одной из новелл Юстиниана

Величайшие дары божии, данные людям высшим человеколюбием, это священство и царство; первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих, оба происходят из одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари всего более пекутся о благочестии духовенства, которое, со своей стороны, постоянно молится за них богу.

Когда священство непорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие, приносящее человечеству громадную пользу.

Выдержка из текста закона

Государство состоит из частей и членов, наподобие человека, величайшие и нужнейшие части — царь и патриарх, поэтому мир и благополучие душ и тела подданных зависят от полного единомыслия и согласия между царством и священством.

5. ИЗ «ТАЙНОЙ ИСТОРИИ» ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Казалось, что вера Юстиниана в Христа жива и крепка, но и это было только на погибель подданным.

Ведь духовенству он дозволял беспрепятственно чинить всякие насилия над мирянами и даже радовался, когда они разоряли окрестное население, полагая, что это дело благочестивое.

В тяжбах такого рода он считал справедливым, если кто-нибудь, ссылаясь на священство, захватывал не принадлежащее ему и выигрывал дело. И сам он, захватывая имущество и живых и мертвых и посвящая его какой-либо церкви или монастырю, прикрывался маской благочестия, чтобы иметь основание никогда не возвращать отобранного тем, кто потерпел насилие.

6. БОРЬБА ЗА ШЕЛК ПРИ ЮСТИНИАНЕ

Прокопий Кесарийский. «Персидская война», I, 20, стр. 108—110.

Тогда царь Юстиниан отправил Юлиана послом к царю эфиопов Эллисфею [1] и царю омиритов [2] Эсимифею [3], прося обоих,

[1] Этот царь, по словам того же Прокопия, «чрезвычайно преданный своей вере христианин», правил в Аксуме (Абиссиния).

[2] Химьяриты в Иемене, бывшие частью иудеями, частью же приверженцами своего особого культа, притесняли христиан.

[3] Он был поставлен на царство Эллисфеем, победоносно выступавшим в защиту христиан; он был родом химьярит, но христианин.

ради единства веры с римлянами[1], помочь римлянам в войне их с персами для того, чтобы эфиопы, покупая шелк-сырец от индийцев и продавая его римлянам, и сами сделались обладателями больших богатств, и римлянам принесли выгоду в том, чтобы больше не были они вынуждены передавать свои богатства неприятелю (из этого шелка обыкновенно делают одеяние, которое эллины в древности называли мидийским, а теперь называют китайским); омиритов же царь просил поставить беглого Каиса начальником племени маддиков и с большим войском из самих омиритов и сарацин-маддиков вторгнуться в землю персов... И тот и другой отослали послов обратно с обещанием исполнить просьбу Юстиниана, но ни один не исполнил обещанного. Ибо эфиопам невозможно было покупать шелк от индийцев, так как персидские купцы, живя в смежной с индийцами области, обыкновенно скупают у них все грузы, приходя в те пристани, где индийские корабли прежде всего причаливают. А омиритам показалось трудным, совершив долгий путь по пустыне, двинуться против гораздо более готовых к бою врагов. И Авраам впоследствии, прочно утвердившись во власти[2], часто обещал Юстиниану напасть на землю персов, но один только раз начав поход, немедленно вернулся обратно.

Прокопий Кесарийский («Готская война», IV, 17, стр 576—577) сообщает под 550, приблизительно, годом (его сообщение повторено в XI в. Иоанном Зонарой, XIV, 9, 16—20) следующее:

В это время некоторые монахи, придя из Индии, узнали, что царь Юстиниан озабочен тем, чтобы римляне больше не покупали шелк-сырец от персов: явившись к царю, обещали устроить дело с шелком так, что римляне на будущее время не станут больше покупать его у своих врагов персов или у другого какого-либо народа. Ибо они провели долгое время в стране, называемой Сиринда, где много проживает индийских племен, и здесь точно разузнали, каким путем возможно производить шелк в земле римлян. На расспросы царя, верны ли эти слова, монахи говорили, что шелк производят черви; сама природа учит их этому и заставляет работать. Перенести этих червей сюда живыми невозможно, но перенести их зародыши совершенно легко; яйца этих червей бесчисленны. Эти яйца, много времени спустя после их зарождения, люди покрывают навозом и, согрев их до-

---

[1] Такого единства на самом деле не было.

[2] Авраам, христианин-химьярит, был поставлен царем вместо Эсимифея; он был раб одного римлянина, жившего в эфиопском городе Адулии. Любопытно, что возвышению Авраама содействовали «многочисленные рабы из эфиопского войска, и все те, которые специально имели склонность к злодейству»; они не вернулись со своим царем Эллисфеем в Эфиопию. Посланное последним против Авраама войско завязало тайные переговоры с Авраамом, убило своего предводителя и присоединилось к войску Авраама; агитацией в пользу Авраама надо объяснить и поражение второго войска Эллисфея, оставившего затем Авраама в покое.

статочное время, оживляют. Царь убеждает монахов делом подкрепить их слова, пообещав богато одарить их. Они, побывав опять в Сиринде, перенесли в Византию яйца и, обратив их в червей тем способом, какой выше указан, выкормили их листьями тутового дерева. И с этих пор они установили производство шелка-сырца в стране римлян.

Феофан Византиец, историк последней четверти VI в., изображает дело иначе (изд. «Византийские историки в русском переводе», 493).

Зарождение шелковичных червей, ранее неизвестное римлянам, показал в Византии при Юстиниане один перс. Этот перс, на пути из Китая до самой Византии, сохранил семя червей, держа его в посохе; в начале весны он пустил зародыши кормиться листьями тутового дерева; вскормленные листьями окрылились и произвели других. Царь Юстиниан показал впоследствии зарождение и работу червей туркам [1] и удивил их, так как они тогда владели торговлей и гаванями китайцев; раньше все это было в руках персов.

7. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ЗАКОН

Предлагаемый русский перевод всего «Земледельческого закона» сделан с издания Ashburner'а, отчасти Павлова.

1. Земледелец, обрабатывающий собственное поле, должен быть справедливым и не нарушать границы поля соседа. Если же кто намеренно нарушит границу и захватит ближайшую к себе часть чужого участка, тот, если он сделал это путем вспашки чужой земли, теряет свой труд; если же он и засеял ее, то теряет и семена, и свой труд, и урожай.

2. Если земледелец, без ведома господина земли заняв ее, вспашет или засеет, то пусть не имеет в свою пользу ни вознаграждения за вспашку, ни урожая за посев, ни даже своего собственного брошенного в землю зерна.

3. Если два земледельца в присутствии двух или трех свидетелей договорятся друг с другом обменяться участками и если они установили этот договор навсегда, то пусть пребывает их обмен крепким, твердым и нерушимым.

4. Если два земледельца договорятся обменяться участками на время посева и одна сторона нарушит договор, то, если зерно брошено в землю, они не расторгнут договор; если же еще не брошено, расторгнут. Если же нарушитель не вспахал, а другой уже вспахал, то пусть вспашет и нарушитель, и тогда пусть расторгает договор.

5. Если два земледельца обменяются участками или навсегда или на время, и если окажется одна сторона обделенной в отношении другой, а в договоре это не было предусмотрено, то

---

[1] Сношения Юстиниана II с турками, известными из китайских источников под именем ту-гю, начались с их посольства, прибывшего в конце 568 г. в Константинополь, и очень оживленно велись до 598 г., не дав осязательных результатов для Византии.

пусть получивший больше даст возмещение получившему мало; если же так было предусмотрено у них в договоре, то пусть не дают возмещения.

6. Если земледелец, имея тяжбу, войдет в участок против воли засеявшего и самовольно произведет жатву на нем, то, если он был прав, пусть не потерпит за это ничего; если же он и тяжбу затеял несправедливо, то пусть отдаст вдвойне сжатый им урожай.

7. Если два села спорят о границе поля, то пусть рассмотрят судьи и тому селу, которое владело полем большее число лет, пусть присудят; если же есть и старая граница, то старое владение пусть будет нерушимо.

8. Если произведенный раздел нанес ущерб кому-нибудь в жеребьях или участках, то пусть такие лица имеют право пересмотреть [нарушить] произведенный раздел [1].

9. Если земледелец-мортит отмерит морту без ведома земледателя и уберет свой урожай, то пусть он, как вор, будет лишен всего своего урожая [2].

10. Мортита часть — снопов девять, земледателя часть — сноп один; а кто делит не так, проклят богом.

11. Если кто возьмет землю от земледельца, не смогшего засеять, и договорится вспахать только и разделить, то пусть договор будет в силе; если же они договорились и о посеве, то пусть действуют согласно договору.

12. Если земледелец возьмет участок для посева исполу и в надлежащее время не вспашет его, но разбросает зерно по поверхности, то пусть не получает ничего из урожая, так как он коварно надругался над хозяином участка.

13. Если земледелец возьмет для обработки исполу виноградник от не смогшего обработать его хозяина и не сбережет его как следует, не окопает, не огородит, то пусть он ничего из урожая не получит.

14. Если взявший от ушедшего земледельца исполу поле для обработки передумает и не приступит к работе, то пусть он отдаст двойное количество урожая.

15. Если взявший исполу поле для обработки передумает до наступления времени работ и заявит хозяину поля, что он не в силах [выполнить условие], а хозяин поля не обратит на это внимания, то половник пусть не подвергается взысканию.

16. Если земледелец, взяв на себя обработку виноградника или поля, договорится с хозяином их и, взяв задаток, приступит к работе, но, прервав, оставит ее, то пусть он даст надлежащую [справедливую] цену поля, а поле пусть имеет хозяин его.

---

[1] Павлов добавляет: «и требовать передела»; в тексте этого нет.

[2] Ashburner дает текст, который переводится: «Если крестьянин-мортит, собрав жатву без ведома земледавальца, обсчитает его относительно (величины или количества) снопов, которые тому следовали, то он, как вор, лишен будет всего плода своего».

17. Если земледелец займет и обработает покрытый лесом участок другого земледельца, то он будет пользоваться им три года и затем отдаст его обратно хозяину его.

18. Если земледелец, не смогший обработать собственное поле, убежит и будет скитаться в чужих пределах, то те, с которых требуют подати в казну, пусть пользуются этим полем, причем земледелец при возвращении не имеет права взыскивать с них что бы то ни было.

19. Если земледелец сбежит от своего поля, то пусть платят ежегодно подати в казну те, кто собирает плоды, то-есть кто пользуется его полем; если же не уплатят, то пусть с них взыскано будет вдвойне [1].

20. Кто рубит чужой лес без ведома хозяина его и обрабатывает вырубленное место и сеет на поле, тот пусть не получает ничего из урожая.

21. Если земледелец построит дом или насадит виноградник на брошенном чужом месте, и затем придут хозяева этого места, то они не имеют права ни дом разрушать, ни виноградник вырывать; они вправе получить взамен участок, какой пожелают. Если же построивший на чужом месте отказывается дать в обмен участок, то хозяин места имеет право виноград вытащить и дом разрушить.

22. Если земледелец украдет плуг или мотыгу, или сошник и через некоторое время будет изобличен, то пусть он даст за это орудие дневной заработок — 12 фоллов [2]. Точно так же [отвечает] и тот, кто крадет во время подрезки винограда подрезной нож или во время жатвы серп, или во время рубки леса топор.

23. Если пастух рогатого скота возьмет с утра от земледельца корову или вола и смешает животное со всем стадом, и случится этому животному быть разорванным волками, то пусть он покажет труп хозяину его, а сам пусть не будет в ответе за гибель.

24. Если пастух, взяв корову или вола, потеряет его и в тот же самый день, в который животное погибло, не сообщит хозяину животного, что, мол, я видел животное до такого-то места, а что с ним случилось, не знаю, — пусть возместит убыток; если же он сообщит, то пусть не подвергнется взысканию.

25. Если пастух уйдет с утра, взяв от земледельца корову или вола, а животное, отбившись от стада, войдет в смоковницу или в виноградник и произведет потраву, то пастух пусть не лишится своей заработной платы, но пусть возместит всю потраву.

---

[1] Ashburner следует тексту, который переводится: «Если ушедший со своего поля земледелец ежегодно уплачивает обычные казенные подати, а его товарищи пользуются его землей, то они должны в свое время возместить пожатое в двойном количестве».

[2] 12 фоллов = 1 кератию, около 25 коп. золотом.

26. Если пастух возьмет от земледельца вола или корову и животное пропадет без вести, то пусть пастух именем господа бога поклянется, что он против животного не злоумышлял и не причастен к гибели его; и тогда пусть он не подвергнется взысканию.

27. Если пастух с утра возьмет у земледельца вола или корову не изувеченными, но здоровыми, и случится, что животное сломает ногу или ослепнет, то пусть поклянется пастух, что он не злоумышлял против него, и тогда он не подвергнется взысканию.

28. Если пастух, поклявшись в том, что он не погубил животное, или не сломал ему ногу, или не ослепил его, затем будет уличен при двух или трех свидетелях в том, что сделал это, то пусть ему будет урезан язык и пусть он возместит убыток хозяину животного.

29. Если пастух ранит или ослепит вола или корову при помощи находящейся у него в руках палки, то он не без вины и пусть возместит убыток; если же действовал камнем, то не виноват.

30. Если кто отрежет у крупной или мелкой скотины колокольчик и будет уличен в этом, то пусть будет наказан ударами, как вор; если же животное пропадет, то пусть возместит тот, кто украл колокольчик.

31. Если на участке стоит дерево, а соседний участок — сад и затемняется соседним деревом, то хозяин дерева пусть обрежет его ветви; если же этот участок не сад, то не следует обрезывать ветвей.

32. Если кем-нибудь на неразделенном месте[1] выращено дерево, а затем после раздела оно досталось в составе участка другому, то никто другой, кроме вырастившего, не должен иметь права распорядиться деревом; если же хозяин места протестует, говоря: «терплю неудобства от дерева», то пусть он даст другое дерево взамен этого вырастившему его и пусть владеет им.

33. Если окажется, что сторож огорода ворует на том месте, которое взялся стеречь, то пусть он будет лишен своей заработной платы и сильно бит.

34. Если окажется, что наемный пастух выдаивает мелкий скот тайком от хозяина своего и [молоко] продает, то пусть он будет лишен своей заработной платы и бит.

35. Если окажется, что кто-нибудь крадет чужой хворост, то должен отдать его в двойном количестве.

36. Если кто без ведома хозяина возьмет вола, или осла, или другое какое бы то ни было животное и уйдет по торговым делам, то пусть отдаст наемную плату за него в двойном количестве;

---

[1] «Неразделенное место» здесь то же, что «общее место» в ст. 82, так как в Малом Синопсисе К 3 (Zacharia, Jus gr.-rom., VI, 115), дается определение: «Общее есть то, что подлежит разделу, до того, как раздел совершится».

если же животное подохнет в пути, то пусть даст за одно два, каково бы оно ни было.

37. Если кто-нибудь возьмет для работы вола и тот подохнет, то пусть обратят внимание судьи, что если вол подох на той работе, на которую его выпросили, то выпросивший не подвергается взысканию; если же на другой работе, то следует возместить вола полностью.

38. Если кто найдет вола, или лошадь, или другое животное в винограднике, или в саду, или в другом месте, производящим потраву, и затем не передаст животное хозяину, чтобы потребовать возмещения за погибшие плоды, но убьет или изувечит его, пусть даст вола за вола, или осла за осла, или овцу за овцу, или лошадь за лошадь.

39. Если кто, рубя дерево в роще, не обратит внимания, но дерево упадет и убьет вола, или осла, или другое какое животное, то пусть виновный даст животное за животное.

40. Если кто, рубя дерево, сбросит сверху неосторожно топор и убьет чужое животное, то пусть возместит последнее.

41. Если кто украдет вола или осла и будет уличен в этом, то возместит вдвойне животное и всю его работу и будет бит.

42. Если кто захочет украсть вола из стада, и от этого стадо будет угнано и станет жертвой диких зверей, то виновник должен быть ослеплен.

43. Если кто, выйдя для встречи собственного вола или осла и гоня собственное животное, погонит вместе и животное соседа, однако не загонит его вместе со своим, а оно погибнет или будет растерзано волками, то пусть он даст хозяину взамен вола или осла; если же он сообщит хозяину и укажет место, приведя в свое оправдание невозможность задержать животное, то пусть не подвергнется взысканию.

44. Если кто, найдя в лесу вола, заколет его и возьмет его мясо, то пусть отсекут ему руку.

45. Если раб заколет в лесу вола, или осла, или барана, то хозяин раба возместит животное.

46. Если раб, желая украсть ночью, угонит из хлева скот и животные погибнут или будут съедены зверями, то пусть он будет повешен, как убийца.

47. Если чей-нибудь раб часто крадет скот ночью или производит угон стада, то с хозяина его, как осведомленного в его виновности, будут взысканы убытки за погибших животных, а сам раб пусть будет повешен.

48. Если кто найдет вола на потраве и не передаст его хозяину, но отрежет ему ухо, или ослепит его, или отрежет ему хвост, то хозяин животного возьмет не его, а другое вместо него.

49. Если кто найдет свинью на потраве, или овцу, или собаку и на первый раз передаст животное хозяину, затем во второй раз, передав, сделает увещание хозяину, а за третьим разом отрежет ухо и хвост или ранит стрелой, то он не будет в ответе.

50. Если вол или осел, желая войти в виноградник или в сад, упадет в ров, окружающий виноградник или сад, и подохнет, то хозяин виноградника или сада не подлежит взысканию.

51. Если вол или осел, желая войти в виноградник или в сад, напорется на колья ограды, то хозяин виноградника или сада не подлежит взысканию.

52. Если кто поставит ловушку во время собирания плодов, и упадет в нее собака или свинья и подохнет, то хозяин ловушки не подвергается взысканию.

53. Если кто при первом или втором случае потравы убьет животное, а не передаст его хозяину его, чтобы получить возмещение за потраву, пусть возместит хозяину убитое животное.

54. Если кто запрет чужую свинью или собаку и погубит, тот вдвойне уплатит за нее.

55. Если кто, убив пастушью собаку, не признается в этом, но произойдет нападение зверей на хлев, а затем будет обнаружен убивший собаку, то пусть он возместит гибель всего стада вместе с ценою собаки.

56. Если кто подожжет собственный лес или поле, и случится огню перебросится и сжечь дом или несжатые поля, то поджегший не подлежит суду, если сделал это не на большом ветру.

57. Кто жжет чужую гору или рубит чужие деревья, тот присуждается к уплате убытка вдвойне, причем у него заклеймена будет и рука.

58. Кто жжет ограду виноградника, тот будет бит, рука его будет заклеймена, и пусть возместит вред вдвойне.

59. Кто рубит или вырывает чужой виноградник, покрытый гроздьями, тот должен возместить убыток, и пусть ему отрежут руку.

60. Приходящие во время жатвы на чужое поле и ворующие снопы, или колосья, или овощи пусть лишатся верхней одежды и будут биты.

61. Приходящие в чужие виноградники и насаждения смоквы ради еды пусть будут без вины, а если ради кражи, то пусть лишатся верхней одежды и будут биты.

62. Крадущие плуг или ярмо пусть возместят убытки соответственно количеству дней, считая со дня совершения кражи, за каждый день по двенадцати фоллов.

63. Сжигающие или крадущие чужую телегу пусть отдадут за нее вдвойне.

64. Поджигающие гумно или стоги в отместку врагам пусть сами будут сожжены.

65. Поджигающим склад соломы или сена пусть отрублены будут руки.

66. Разрушающим чужие дома самовольно или уничтожающим ограду под предлогом, что они поставили свою ограду или построят свой дом, пусть будут отрублены руки.

67. Если окажется, что взявшие земельный участок за проценты по истечении семи лет пользуются доходом с него, то пусть судья разочтет сумму дохода за семь лет и выше и пусть половину дохода зачтет в погашение долга.

68. Крадущие хлеб в амбаре на первый раз пусть получат сто ударов и пусть возместят убыток хозяину; если попадутся во второй раз, то будут биты и вдвойне возвратят украденное; если же и в третий раз, то будут ослеплены.

69. Если кто, желая сжечь хворост на собственном участке, поджег его, а огонь, поднявшись, сжег чужие участки или чужой виноградник, то судья должен исследовать, и если огонь разгорелся по неопытности и невежеству не предусмотревшего возможность для пламени выйти из намеченных границ, то виновный осуждается за небрежность и легкомыслие; если же тот все предусмотрел, а неожиданно подувший ветер перенес пламя огня на подвергшийся повреждению предмет, то зажегший огонь не несет никакой ответственности.

70. Крадущий ночью вино из бочки или из давильни подвергается тому же наказанию, что и крадущий хлеб из амбара.

71. Держащие неверную меру хлеба и вина и не следующие старому преданию, но из корыстолюбия пользующиеся неверными мерами вопреки установленным, пусть будут жестоко биты, как нечестивые.

72. Если кто отдаст своих животных в пастьбу рабу без ведома хозяина его, а раб продаст их или как-нибудь иначе погубит, то пусть отвечают за убытки и раб, и хозяин его.

73. Если раб с ведома хозяина своего возьмет какой-нибудь скот и съест его или как-нибудь иначе изведет, то хозяин раба возместит вред хозяину скота.

74. Если кто на дороге найдет скотину, изувеченную или погибающую и, сжалившись, сообщит об этом хозяину животного, а тот возымеет подозрение против самого сообщившего, то пусть последний поклянется относительно увечья, насчет же гибели животного пусть не подвергается следствию.

75. Убивающий чужую скотину по какой бы то ни было причине, если будет уличен в этом, пусть возместит убыток хозяину животного.

76. Убивающий отравой пастушью собаку пусть получит сто ударов и отдаст двойную цену хозяину собаки; если произошла и гибель стада, то убивший пусть возместит весь убыток, как виновный в прекращении сторожевой службы собаки. Следует собрать сведения и о собаке, и если это была зверобойная собака, то пусть будет так, как мы сказали выше; если же простая и каких много, то убивший ее будет бит и уплатит одну только цену ее.

77. Если, когда дерутся две собаки, хозяин одной из них ударит чужую мечом или палкой или камнем, и от этого удара та

ослепнет, или подохнет, или испытает что-нибудь другое опасное для жизни, то ударивший возместит ущерб хозяину этой собаки.

78. Если у кого-нибудь есть сильная собака, бросающаяся на своих товарок по стаду, и если он натравит сильную собаку на более слабых и оттого произойдет увечье или смерть какой-нибудь из них, виновный в этом пусть возместит убыток хозяину собаки и получит двенадцать ударов.

79. Если кто, сжав свой участок, пустит на него свой скот, когда соседние участки еще не сжаты, и причинит вред соседям, то пусть он получит тридцать ударов и возместит убыток потерпевшему.

80. Если кто произведет сбор винограда и пустит в него свой скот, когда некоторые участки еще не убраны, пусть получит тридцать ударов и возместит убыток потерпевшему.

81. Если кто, судясь с кем-нибудь, самовольно вырубит виноградник или другое какое-нибудь дерево, пусть ему будет отрублена рука.

82. Если кто, живя в селении, разведает общее [публичное, никому не принадлежащее место], подходящее для мельничного устройства, и первый займет его, а затем по окончании этого устройства сельский сход запротестует против хозяина устройства за то, что он первый занял и присвоил себе общее место, то пусть сделают весь причитающийся с них взнос по расходу на устройство и пусть будут совладельцами мельницы вместе с первым устроителем.

83. Если кто, после раздела земли селения, найдет в своем участке место, подходящее для устройства мельницы, и проявит заботу об этом, то земледельцы прочих участков не имеют права говорить что-нибудь по поводу этой мельницы.

84. Если вода, идущая на мельницу, опустошает поля или виноградники, то хозяин мельницы пусть возместит вред; если же не сделает этого, то пусть мельница стоит.

85. Если владельцы поля не желают, чтобы вода проходила через их поля, то имеют право запретить проход.

86. Если земледелец найдет чужого вола, производящего потраву в чужом винограднике, и не донесет об этом хозяину его, но, желая прогнать животное, убьет или изувечит его или на кол напорет, пусть отвечает за убыток полностью.

87. Взяв себе упавший с дерева на мою землю плод, иску не подлежу.

88. Падающие с деревьев плоды считаются частью поля.

89. Переносимое на чужую землю мое дерево не выходит из моей власти до тех пор, пока не пустит там корни.

90. Разрушающим чужие дома или уничтожающим ограды с целью охранять собственное имущество или строить собственные дома пусть будут отрублены руки.

91. Пасущий на чужой земле скот, не имея на то права, подвергается взысканию убытка в двойном размере.

8. ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «ЭКЛОГЕ», СУДЕБНИКУ VIII ВЕКА

Тех, которые поставлены исполнять закон, мы убеждаем и заклинаем воздерживаться от всяких человеческих страстей, но от здравого помысла выносить решения, не презирать нищего, не бояться обличить могучего, поступающего несправедливо... Сие да разумеют и сообразно с этим пусть поступают те, кои приставлены нашим благочестием судить тяжбы и которым вручены правильные меры благочестивых наших законов...

С этим мы надеемся восстановить древнее правосудие в государстве...

Так как господь Иисус Христос сказал: «Не судите на лица, но праведный суд судите», то справедливо воздерживаться от всякого взимания поборов. Всячески стараясь покончить злое стяжание, мы решили давать жалованье из нашей священной казны славнейшему квестору и писцам или секретарям и всем служащим по делам судебным с тем, чтобы они уже не брали ни с кого, кто судится у них.

9. ИЗ «КРАТКОЙ ИСТОРИИ» ПАТРИАРХА НИКИФОРА

Патриарх Никифор (806—815) в «Краткой истории» (изд. De Boor, Lipsiae, 1880) рассказывает о деятельности императора-иконоборца Константина V Копронима (741—775) после смерти патриарха Анастасия (754).

Царь Константин [после смерти патриарха Анастасия, 754 г.] одновременно и имея в виду посмеяться над церковью, и борясь против благочестия, как бы подстрекаемый ведущим его злым духом, собирает собор из 338 иереев под председательством архиепископа ефесского Феодосия, а некоего монаха Константина, бывшего епископа Силлея, провозглашает епископом Константинополя.

Некоторые из близких патриарха Константина были подучены под клятвою показать, что они слышали от патриарха о всех замыслах Антиоха и Феофилакта [казненных уже ранее]. Царь Константин тотчас же отправил патриарха в ссылку в так называемый Иерийский дворец, а евнуха Никиту, пресвитера церкви св. апостолов, назначил патриархом, в августе 4-го индикта [766].

А в октябре 6-го индикта [767] царь посылает за патриархом Константином и направляет его на носилках в храм; отправляет вместе с ним и одного из царских писцов с записью обвинений против него. Писец прочел обвинения вслух при собравшемся в храме народе, ударяя патриарха по щеке при каждом пункте их. Таким образом, возведя патриарха на амвон, низвергает его из сана, причем новый патриарх вычитывал у алтаря те же обвинения. На следующий день царь, заказав обычные конские состязания, приказывает бывшего патриарха посадить на осла, перевернувши седло к хвосту животного, и тащить по арене под насмешки и оплевание всего народа. Затем, немного спустя, царь

велел отрубить бывшему патриарху голову на свалочной площади города и выставить ее на так называемой Милии, а тело его протащили по улицам города и бросили в Пелагийские могилы.

10. СОСТОЯНИЕ ВОЙСКА ПРИ ЮСТИНИАНЕ В ОЦЕНКЕ АГАФИЯ

Покорив Италию и Ливию, Юстиниан изменил курс своей внешней политики: он предпочитал ссорить варваров между собою и покупать мир с ними подарками. Не нуждаясь, таким образом, в армии, он стал смотреть сквозь пальцы на ее разорение. Пользуясь этим, ближайшие к престолу ведомства, на обязанности которых лежит сбор податей и раздача войску содержания, в одном открыто отказывали солдатам, другое задерживали и утаивали.

Но когда должное, хотя и поздно, бывало выдано, к войскам приезжали новые чиновники и требовали выданное обратно. В этом именно и заключалась их почтенная должность, чтобы взводить на солдат различные обвинения и лишать их пропитания. И подобно отливу, вся сумма жалованья каким-то чудом перекачивалась снова туда, откуда она притекала. Благодаря этому боевая сила находилась в забросе, обнищавшие ветераны покидали службу, уходя кто куда, лишь бы избежать несносного положения.

11. ИЗ НОВЕЛЛЫ ЦАРЯ КОНСТАНТИНА VII (945—959) О ВОИНСКИХ УЧАСТКАХ

Как в теле голова, так в государстве войско: от того или иного состояния их неизбежно меняется все, и кто об них не прилагает большой заботы, тот погрешает против собственного благополучия, если только можно считать своим общее благо. А так как с течением времени имущество воинов, дававшее им средства к существованию и жизни, расстроилось к худшему, то наше царство привело их в лучшее положение в интересах общей пользы.

1. Итак, мы постановляем уже раньше неписанным обычаем утвержденное, именно, что воинам нельзя продавать имения, с которых они отправляют военную службу, но для каждой службы должно сохраняться недвижимое имущество в 4 литры [1] для всадников. К ним мы приказываем причислить и зачисленных во флот моряков фем Эгейского моря, Самоса и Кивирреотов, так как они несут тяжелую службу, сами снаряжая суда и ставя на них гребцов. А обслуживающим царские суда на жалованье морякам и прочим уже теперь вошел в силу обычай иметь для каждой

---

[1] Литра золота — около 300 руб. золотом; значит, ценность имущества — около 1200 руб. золотом.

службы недвижимое имущество на 2 литры, что и нам кажется достаточным. Итак, если такое недвижимое владение имеют люди, внесенные в список той или другой военной службы, то они и должны сохранять неотчуждаемым участок и передавать его наследникам каким угодно законным путем, но вместе с лежащей на нем повинностью, и соответственно выгоде от наследства определяем тяжесть повинности...

[Далее рассматриваются вопросы о движимом имуществе воина, о нескольких недвижимых имениях, о покупателях воинских участков, и описывается бедственное положение и крестьян, и воинов.]

Следует знать, что кавалерист нижнего чина должен иметь недвижимое имущество, то-есть земельный надел, в пять литр или, по крайней мере, четыре литры, что царский матрос должен иметь недвижимое имущество или земельный надел в три литры.

Должно знать, что существовало правило, по которому призывным ратникам, в случае объявления набора, не позволялось, если они зажиточны, давать складчиков, дабы при их помощи нести свою службу, но чтобы они несли службу сами за себя. Если же они вполне обеднели и даже при содействии складчиков не в состоянии отбывать военной службы, то лишаются военного звания. Земельные же участки таковых воинов неотчуждаемы и переходят в казенное ведомство на тот случай, что если бы кто из лишенных военного состояния снова поправился, то мог бы получить свой участок и снова быть зачисленным в свой отряд.

* * *

Протоспафарий Феодор Панкрати берет подряд навербовать в анатолийской феме в селении Платаниаты и в ближайших деревнях 500 ратников, способных к стрельбе и годных к конной службе. Если ратники окажутся владеющими полным земельным наделом, то обязываются на собственный счет сделать кавалерийское снаряжение. Если же надел их недостаточен, то они имеют право на получение коней с казенных конских подстав или взять их с одиночек — соплательщиков анатолийской фемы.

12. ВОССТАНИЕ ФОМЫ СЛАВЯНИНА (820—823 гг.)

Сведения об этом восстании (греческие, арабские, сирийские, латинские) подобраны, сопоставлены и оценены А. А. Васильевым, «Византия и арабы», I, СПБ 1900, «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», ч. 56, стр. 21—43, полнее во французском переводе 1935 г. Здесь приводится отрывок из «Продолжателя Феофана» (стр. 49—55), дающий основные указания о характере и размерах движения. «Продолжатель Феофана» — группа хроник (813—961) в 6 книгах. Источником сведений для книг I—V послужила главным образом «История царств» Генесия, обнимающая 813—886 гг. Для рассказа о восстании Фомы Славянина был, повидимому, источник, которым продолжатель Феофана воспользовался независимо от Генесия.

В это время начавшаяся на Востоке междоусобная война наполнила вселенную разнообразными несчастиями и сократила число людей, так как отцы вооружились против сыновей, братья

против своих единоутробных и друг против своего наилучшего друга. Зачинщиком всего этого был Фома, о котором сообщаются двоякого рода сведения... Одни, которым и я верю, на основании некоторых письменных документов, говорят, что Фома происходит от незнатных и бедных родителей, притом славян, каковых часто можно было встретить на Востоке[1]. Погибая с голоду и ища себе счастья, он убежал в наш великий город. ...[Затем] он убежал к агарянам [арабам] и у них, заслужив их доверие соответственными делами в течение многих лет и отречением от Христа, сделался предводителем воинского отряда, вооружился против христиан и пообещал арабам покорить царство римлян под их руку. А чтобы, оказавшись среди римлян, не иметь препятствий и сделать всех своими соучастниками и готовыми рисковать жизнью за него, он выдавал себя за Константина, сына Ценны... А так как большие размеры предприятий и розовые надежды на успех требовали участия помощника в делах, то Фома усыновил себе приемного сына, которому дал достаточное войско и которого назвал Константием.

Другие же говорят, что именно этот Фома некогда был с Варданием и был удостоен почестей от Льва, сделавшегося царем. Он командовал федератами и находился в Анатолийском округе [феме], когда услышал, что Михаил убил Льва; желая отомстить за смерть Льва (в то же время следуя своему личному чувству нерасположения к Михаилу, с молодых лет у них были нелады друг с другом), да и опасаясь прорицания о своей судьбе, сделанного монахом в Филомилии[2], Фома подымает против Михаила руку, имея на своей стороне людей всех возрастов, способных владеть копьем. Михаила ненавидели все и потому, что он принадлежал к злой ереси афинган[3], и потому, что, обладая заплетающимся языком, имел репутацию человека трусливого и изнеженного, а особенно потому, что и душа у него была такая же, как язык; народ относился к нему с отвращением и считал его бременем для себя. Фома же, хотя и хромой, и варвар по происхождению, имел почтенную седину и особенно был любим за то, что доступность и шутливая веселость, как это любит солдатская масса, были ему свойственны с юных лет, да и в физической доблести он не уступал никому. Итак, Фома, привлекши на свою сторону сборщиков казенных податей и постаравшись щедрыми раздачами подчинить себе массы, сделался из малого

---

[1] У Генесия Фоме приписывается то скифское (стр. 32), под которым можно понимать славянское, то армянское (стр. 8) происхождение; у других же хронистов X в. он назван «ромеем».

[2] Прорицание касалось трех лиц, бывших тогда единомышленниками: Льва, Михаила и Фомы, первым двум будто бы предсказаны были царские венцы (Льву V и Михаилу II), а третьему — провозглашение царем и скорая затем смерть.

[3] Афингане — очень любопытная и все еще не вполне разгаданная секта в Малой Азии; о ней см. Ф. И. Мищенко, «Афингане не цыгане» («Сборник в честь Д. И. Багалея», Киев 1928).

великим; ибо всех тех, кто имел охоту к перевороту и обогащению, он приводил на свою сторону убеждением и дружбой, а на всех тех, кто на собственном опыте узнал бедствия междоусобной войны, он действовал силой и не допускающим рассуждений приказом. Поэтому-то междоусобные войны и стали поить землю не водой, а кровью, прорываясь, как какие-нибудь Нильские пороги. Поэтому и рабы против господ, и воин против офицера, и лохаг[1] против стратига[2] подняли разящую руку, и вся, можно сказать, Азия стонала под тяжестью несчастий: ибо одни города из страха передались Фоме, другие же, часто оказывая ему сопротивление и сохраняя верность царю, все-таки подчинились ему впоследствии под влиянием убийств и пленения граждан. На стороне Фомы оказалась вся Азия, за исключением стратигов Катакилы в феме Опсикия и Ольвиана в феме Армениаков... Узнав об этом, агаряне[3] сильно обрадовались и, воспользовавшись случаем, стали грабить беспрепятственно и без страха все области и острова.

Фома, опасаясь, как бы безнаказанность этих набегов не вызвала бунта в его собственном войске, принял военные меры к прекращению их и подтвердил заключенный ранее с арабами договор о том, что он подчинит им все царство римлян. Затем Фома коронуется и тогдашним патриархом антиохийским Иаковом провозглашается самодержцем: он собирает большое войско не только из соседних нам агарян, но даже и далеких от нас египтян, индийцев, персов, ассирийцев, армян, халдов, иверов, зихов, кавиров и всех последователей манихейства. Окружив себя ими и со всех сторон защитив, Фома счел за лучшее при новых порядках переменить имя и усыновить себе помощника.

[Борьба Фомы с Михаилом II велась с переменным успехом и кончилась гибелью Фомы в 823 г.].

13. ИЗ НОВЕЛЛЫ 934 г. ЦАРЯ РОМАНА I ЛЕКАПИНА (919—944) ПРОТИВ ВЛАСТЕЛЕЙ О ПРАВЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЙ ПОКУПКИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ОДНОСЕЛЬЧАНАМИ

После неурожая, голода и мора, постигших Византию в 927 г. и следующие годы, правительство вынуждено было принять меры против ростовщической эксплоатации народных бедствий богатыми. Постановления новеллы 934 г. подтверждены новеллой 947 г. царя Константина VII Порфирородного.

1. ...Если вследствие каких бы то ни было обстоятельств представится необходимость или появится собственное желание у владельца продать всю свою землю или часть ее, то пусть покупка будет предложена жителям того же села или соседних полей и селений. Мы постановляем это не из ненависти или за-

[1] Лохаг — начальник лоха (примерно ротный командир).
[2] Под стратигом здесь подразумевается вообще командующий войском.
[3] То-есть арабы.

висти к сильным, но из благорасположения к бедным, ради их защиты и ради общего блага. Ибо те, которые получили от бога власть и возвысились над толпой славой и богатством, те, вместо того чтобы, как это следовало бы, взять на себя попечение о бедных, смотрят на них, как на свою добычу, и досадуют, что не могут поскорее схватить ее... Итак, пусть никто впредь из высших и низших чинов гражданских, военных и церковных... ни сам, ни через подставных лиц не осмелится вступить во владение селом или полем целиком или частью под видом покупки, дара или наследования или как-нибудь иначе, так как такое приобретение признано недействительным, а все приобретенное со всеми сделанными улучшениями подлежит безвозмездному возврату прежним владельцам, а за отсутствием их или их родных — жителям тех же сел или полей... Ведь многие воспользовались тяжелым положением, постигшим недавно бедных, для собственного обогащения; видя бедных страдающими от голода, вместо проявления человеколюбия, или сострадания, или благости, одни за серебро или золото, другие за хлеб или за другие подачки купили дешево владения впавших в несчастье бедных. Они более жестоки, чем сама нужда, и в последующее время для бедных жителей сел сделались каким-то источником моровой болезни или, въевшись на манер гангрены в тело селений, подготовляют полную его гибель.

2. Итак, кто из знатных, находящихся под вышеуказанным запрещением, после 1-го индикта [1], то-есть после начала или конца голода, завладели целиком или частью участками в селах, получив обратно уплаченную ими цену, должны быть удалены оттуда или первоначальными владельцами, или их наследниками, или родственниками, а за отсутствием их соучастниками в уплате повинностей или целой общиной. За сделанные улучшения вышеуказанные лица вносят подобающую сумму, если имеют для этого средства и желание; при отсутствии же и того и другого, пусть знатные уходят, взяв с собой материал, если только они на свой счет произвели улучшения, а не из имущества и трудов бедных. Но все это говорится о кажущемся справедливом приобретении путем покупки; дарения же, или наследования, или другие подобные обходные приобретения или хищения считаем и раньше и теперь недействительными... и подлежащими безвозмездному возвращению прежним владельцам...

3. Тем людям, которых божье провидение по своей большой милости или по другим непонятным основаниям возвысило из скромной доли на высшую ступень жизни, мы считаем справедливым оставаться при том наследстве и владении, которое им сначала досталось, и, не преступая меры своего благосостояния, не делать несчастными своих соседей, грабя их имущество...

4. Тем, которые до определенного нами срока [2] владели та-

[1] 1-й индикт относится к 928 г.
[2] Разумеется указанный выше 928 г.

кими имениями[1], мы позволяем оставаться в том же положении в каком они пребывают, причем на них, как и на прочих, лежит запрещение приобретать имение соседа. Если же они показывают себя тягостными и несносными для соседей, причиняющими тяжкий и постоянный вред бедным, то они должны быть удалены и изгнаны, подвергаясь лишению своей собственности в возмездие за свою строптивость и ненасытность...

[Далее указываются условия, при которых может быть возвращена цена, уплаченная властелем за имение, и меры против обхода постановлений новеллы.]

14. ИМПЕРАТОРЫ МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ О ВЛАСТЕЛЯХ

а) Из указа Константина VII Багрянородного (913—959)

Возвысились люди, бесстыдно захватившие чужое имущество, которые обращаются с законными владельцами, как с рабами; могучие владыки наперерыв друг перед другом стараются делать зло. Они более жестоки, чем голод и зараза: меч закона должен быть поднят против них, этих внутренних государственных врагов.

б) Из новеллы Романа II (959—963)

Властели для несчастных сельских жителей — подобие мора или гангрены, въевшейся в деревенское тело и уготовляющей его погибель. Если мы достигли таких успехов против внешних врагов, то как не сокрушить домашних, внутренних врагов природы, людей и доброго порядка справедливым желанием свободы и острием настоящего закона.

в) Новелла царя Никифора II Фоки 964 г.

О том, чтобы не строились новые монастыри и богадельни и чтобы богоугодные дома не расширяли своих имений.

Искупитель наш, заботясь о нашем спасении и указывая пути к нему, прямо наставляет нас, что многостяжание служит существенным к тому препятствием. Предостерегая нас против излишнего, он запрещает даже пещися о пище завтрашнего дня, не только что о жизни, суме или другом хитоне. И вот, наблюдая теперь совершающееся в монастырях и других священных домах и замечая явную болезнь (так я называю жадность), которая в них обнаруживается, я не могу придумать, каким врачеванием может быть исправлено зло и каким наказанием я должен преследовать безмерное любостяжание. Кто из святых отцов учил этому и каким внушениям они следуют, дошедши до такого излишества и до такого безумия? Каждый день они стараются

---

[1] Василевский видит тут только «бедных, превратившихся во властелей»; правильнее относить к лицам, упоминаемым в п. 2 и 3.

приобретать тысячи плефров[1] земли, строят роскошные здания, разводят превышающие всякое число табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашество уже ничем не отличается от мирской жизни со всеми ее суетными заботами. Разве слово божие не гласит нечто совершенно тому противное и не заповедует им полную свободу от таких попечений. («Не заботьтесь, — говорит оно, — что вам есть или что пить».) Разве оно не ставит в пример и посрамление нам беззаботность летающих воробьев? (Мф. 6, 25—26). Разве апостол не говорит: «Эти мои руки послужили мне и моим» (Деян. 20, 34); и в другом месте: «Имея пищу и кров, будем этим довольны» (I, Тимоф., 6, 8). Посмотри, какой образ жизни вели святые отцы, которые некогда просияли в Египте, Палестине, Александрии и в других концах земли; ты узнаешь, что жизнь их была до такой степени проста, как будто они жили только духом и уже достигли бестелесности ангелов.

Христос сказал (Мф. 11, 12), что царствие христово восхищается только с большими усилиями и достигается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тех, которые дают обет монашеской жизни и переменой одежды как бы знаменуют свое отречение от мира, и вижу, как они обращают в ложь свои обеты и как противоречат поведением своему постригу, то я не знаю, не следует ли скорее назвать все это пустым театральным представлением, придуманным для осмеяния имени христова. Не апостольская это заповедь, не отеческое предание — приобретение многоплефровых громадных поместий и множество забот о плодовых деревьях. Это не соответствует строгим требованиям добродетельной жизни, но скорее есть дело телесной нужды, причем более духовное уступает место более мирскому: нужда и потребность с течением времени обратились в неумеренность, как обыкновенно все дурное, начавшись от малых начал и источников, превращается потом в большее зло.

Ввиду всего этого непонятно, почему люди, движимые желанием сделать что-нибудь для угождения богу и прощения своих грехов, презирают столь удобную для исполнения, освобождающую от забот заповедь Христа, повелевающую продать имение и раздать нищим; а вместо того, как бы намеренно желая сделать ее трудной и хлопотливой и наложить на себя множество забот, наперерыв стремятся устраивать монастыри, странноприимные дома и богадельни. В прежние времена, когда в таких учреждениях был недостаток, устроение их заключало в себе много похвального. Но когда число их превратилось в множество и стало превосходить всякую потребность и меру, а люди продолжают отказываться от добра, совершаемого с великой легкостью, и обращаются к устройству монастырей, — то кто не подумает, что это добро уже не без примеси зла, и не скажет, что к пше-

[1] Плефр — 10 000 кв. футов.

нице примешались и плевелы! А еще более, кто не заметит, что богоугодное дело сделалось одним прикрытием тщеславия, дабы всем были явны делающие благое! Они уже не довольствуются тем, чтобы свидетелями их добрых дел были только те, которые при этом присутствуют, но хотят, чтоб и потомки не оставались в неведении об их добродетели. В то время как есть тысячи других монастырей, пострадавших от времени и нуждающихся в помощи, у нас нехватает усердия, чтобы потратиться для поправки и восстановления, вместо того мы всячески стремимся заводить собственные новые монастыри, дабы не только мы сами могли самоуслаждаться суетным титулом [основателей], но дабы наше стояло явно и отдельно...

Вследствие этого, желая с корнем вырвать зло этого славолюбия, мы повелеваем, чтобы желающие быть благочестивыми и совершать дела пользы и человеколюбия следовали заповедям Христа и, продавая имение, раздавали цену его нищим... Если же есть между ними такие, которые из любви к прекрасному и высокому (так мы называем их любочестие) хотят устраивать монастыри, странноприимные и сиротские дома, то никто им в этом не будет препятствовать. Но так как в числе прежде выстроенных монастырей есть много таких, которые, как сказано выше, пришли в упадок и даже близки к полному уничтожению, то пусть такие люди прежде всего позаботятся о них, пусть прострут руку помощи поверженным на земле и на них докажут свою любовь к богу. Если же, пренебрегая прежними монастырями, находящимися в печальном положении, и как бы закрывая на них глаза, ревнители все-таки будут стремиться к постройке новых таковых зданий, то мы не можем похвалить такого деяния и даже никак не можем допустить его, видя в нем не что иное, как любовь к суетной славе и явное безумие... Что же касается способов, которыми может быть осуществляема забота об этих нуждающихся в помощи монастырях, то мы не требуем, чтобы им были жертвуемы поля, поместья или здания (ибо таковых есть за ними уже довольно от прежнего времени), но желаем, чтобы лица, имеющие в виду угодить богу, продав поля и поместья, которыми владеют, каким угодно мирским людям, снабжали пренебреженные и упавшие монастыри, а также их по недостатку обработки втуне лежащие земли надлежащими средствами, то-есть, доставляя им рабов, волов, стада овец и другого скота. Ибо если мы будем жертвовать самые поля и угодья, нам принадлежащие, то при существующем для монастырей законном запрещении продавать их собственность, придем мы к тому же самому положению, как и прежнее, и оставим бедствующие и покинутые монастыри без всякой действительной помощи, так как за отсутствием денег и рук они не в состоянии будут предпринять что-либо полезное на своей земле. Итак, отныне да не позволено будет никому завещать поля и поместья монастырям, богадель-

ням и странноприимным домам или же митрополитам и епископам, так как это нисколько не приносит им пользы.

Если же какие из прежних монастырей или богоугодных домов пользовались столь малым о себе попечением и находились в таких дурных руках, что остались совершенно лишенными угодий, то таким и впредь не будет препятствия приобретать необходимое с ведома и рассмотрения царского. А строить в пустынных местах келии и так называемые лавры, которые не стремятся к приобретению имений и чужих полей, а остаются в пределах только собственной своей ограды, мы не только не воспрещаем, но, напротив, считаем делом похвальным.

Внушая и постановляя все это, я знаю, что для многих слова мои покажутся тяжкими и несогласными с их образом мыслей. Но я о том не забочусь, так как, по апостолу Павлу, я хочу угождать не людям, а богу (Гал., 1, 10). Кто имеет ум и смысл и привык смотреть не на одну только поверхность, но способен идти далее и проникает в глубь вещей, для того будет ясно, что мы произнесли решение, полезное для живущих по богу, а также и для всего общества.

г) Из новеллы царя Василия II Болгаробойцы 996 г. об отмене сорокалетней давности

С тех пор как мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дела между богатыми и бедными, мы увидели, что властели, страдая страстью приобретения, находят явное поощрение своей страсти в сорокалетней давности и стараются то посредством подарков, то посредством имеющейся у них силы миновать как-нибудь этот срок и затем получить уже полное право собственности над тем, что они вымогательством приобрели от бедных. Желая исправить уже происшедшее зло и поставить в должные границы нынешних властелей и воспрепятствовать будущим следовать по тому же пути, мы издаем настоящий закон, после которого они будут знать, что уже не найдут в этой сорокалетней давности никакой помощи, но что чужое будет отбираемо не только у них самих, но и у детей их или у тех, кому они оставят свое имущество...[1]. Совершенно ясно, что только в таком случае будут обеспечены интересы бедного, если ему предоставлено будет право, сколько бы ни прошло времени, беспрепятственно отыскивать и получать обратно свою собственность. Если мы этого не сделаем, то мы дадим обидчику повод говорить. «Я теперь благоденствую, и бедный не может со мной тягаться; если же и мой сын будет благоденствовать и в таком нашем благосостоянии пройдет все определенное законом время, то приобретенное нами превратится в неотъемлемое наше достояние, и, значит, корыстолюбие мне полезно».

---

[1] Далее приводятся примеры несправедливости и угнетения и мотивируется необходимость «вступиться» за бедных.

Явный пример тому — род Малеинов и род Фокадов[1]. Ибо патриций Константин Малеин, а потом сын его магистр Евстафий, оба были властелями и в продолжение ста или даже 120 лет пользовались благосостоянием. А Фокады еще большее время, так как их дед, потом отец, а затем сыновья этого последнего сохраняли, можно сказать, беспрерывно до нашего времени свое преобладание. Какую же помощь может оказать в таких случаях время?

Далее. Разве можно не считать и сильным, и слабым того, кто хотя сначала и принадлежал к числу убогих, а потом достиг почестей и дошел до верха славы? Слабым, пока он находится внизу, и тогда мы допускаем, чтобы ему помогла давность; сильным же с тех пор, как он удостоился чести, и тогда мы укажем, что время [давность] нисколько не должно ему помогать. Подобные случаи [превращения] можно видеть происходящими каждый день, да мы и сами это обнаружили. Вот мы нашли некоего Филокала: первоначально он был бедным крестьянином, а потом сделался знатен и богат. Пока он находился внизу, он нес тягло вместе со своими односельчанами и ни в чем от них не отличался. Когда же бог возвысил его до звания сначала евдомадария, потом китонита и, наконец, протовестиария, то он и захватил все селение и обратил его в собственное поместье, изменив самое его название. Когда человек так поднялся и когда его дела приняли такой вид, позволительно ли, чтоб ему дано было в помощь еще и время [давность] и предоставлена была возможность владеть неизменно тем, что он злым образом приобрел? Никак. Поэтому мы, проходя в той местности и узнав из жалоб со стороны бедных о положении дел, приказали разрушить до основания его великолепные дворцы, бедным возвратили их достояние, а ему оставили только тот надел, который он имел сначала, и опять воротили его в первобытное состояние крестьянина. Властелями должны считаться не только такие лица, но и все те, на которых указывает постановление прадеда нашего Романа Старшего, подробно их перечислившее.

Вследствие того настоящим законом определяем: имения, приобретенные властелями в сельских общинах до первого законоположения Романа Старшего (то-есть ранее 928 года) ...должны оставаться собственностью властелей... А с тех пор [с 928 года] и до настоящего времени, то-есть до десятого индикта 6504 [996] года и далее впредь, как это уже было возвещено в сказанном законоположении Романа Старшего, давность уже не имеет никакого значения, и ни в каком случае действие ее не может быть направляемо против бедных, когда они имеют спор с богатыми. Напротив [несмотря ни на какую давность], бедным возвращаются их имущества, и властели не могут даже предъявлять какие-либо притязания на возмещение

[1] Владения фамилии Малеинов шли по берегам реки Сангария на 115 *км*. О владениях Фокадов в Каппадокии подробных сведений нет.

их издержек, на покупку или на улучшение [отбираемых имений], потому что они оказываются нарушителями вышеозначенного законоположения и, следовательно, скорее заслуживают еще взыскания. Когда наш прадед, царь Роман, написал и сказал: «Отныне я запрещаю властелям делать приобретения в сельских общинах», то это значило, что он воспретил им делать это навек и на неопределенно бесконечное время и не имел в виду какого-либо прикрытия давностью. А мы, как уже сказано, постановляем свой закон не только относительно будущего, но даем ему обратную силу. Если мы не исправим того, что еще от прошедших времен в движении, то как мы в состоянии будем охранять будущее и держать в страхе последующих нарушителей закона?

И как могут они перестать делать подобное? А хуже всего то, что властели передают имение, составленное грабежом и обманом, своим детям, думая, что в надежде на сорокалетнюю давность они имеют неотъемлемую собственность над имением.

15. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИССИОНЕРА ФЕОКЛЕТА

Византийский миссионер Феоклет с шестью помощниками провел в стране сабирских гуннов (к северу от Каспийского моря) 14 лет. Он перевел св. Писание на гуннский язык и приобщил к христианству многих гуннов. Летописец рассказывает, что чудесное видение побудило Феоклета осуществить его миссию. Разумеется, маршрут миссионера был предуказан не силами неба. Страна сабирских гуннов лежала на пути к Средней Азии, на «дороге шелка». Успех Феоклета был сразу же оценен императором, пославшим ему 30 мулов, груженных вином, елеем, полотном, мукой и церковными облачениями. Краткий итог деятельности Феоклета ниже резюмируется летописцами.

Он построил церковь из кирпичей, сделал посадки и посеял разнородные семена. Он совершил чудеса и крестил множество людей. Когда языческие князья увидали эти новости, они изумились и возрадовались, видя такого мужа, и весьма его почтили, и каждый звал его в свою страну и к своему народу и просил его стать его наставником и владыкою.

16. ПОСЛАНИЕ ВЕЛИЗАРИЯ

Когда император Зенон послал Теодориха воевать в Италию, он никогда не думал отдавать ему страну в полное владение.

Да и к чему было бы одного узурпатора замещать другим? Он просто возложил на него поручение возвратить этой провинции свободу и снова подчинить ее императорской власти.

Правда, Теодорих, выполнив первоначально в точности поручение басилевса, проявил затем неблагодарность и отказался возвратить Италию ее законному государю, но императорское право от этого не утратило своей силы, и в день, когда монарх признает нужным его восстановить, начнется не завоевательная война, которую он предпримет, а лишь простое требование возвращения своего права.

17. ОТВЕТ ХАНА СОГДИАНЫ ТУРКЕША ПОСЛУ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ТИВЕРИЯ (578—582)

У вас, у греков, десять языков и одно мошенничество. Вот мои десять пальцев я вложил в свой рот, так и вы своими разными языками обманываете то меня, то аваров, моих рабов!

Мы, турки, не лжем и никогда не обманываем, а император посылает ко мне послов с лестными обещаниями и в то же время ведет дружбу с аварами, а это рабы, взбунтовавшиеся против своих господ. Авары возвратятся ко мне, когда я захочу, мне стоит только поднять бич, чтобы заставить их провалиться под землю. Зачем вы всегда препровождаете моих послов, идущих к вам, через Кавказ?

Не думаете ли вы таким образом держать от меня в тайне ваши границы из опасения, чтобы я не захватил их? Я знаю очень хорошо, где текут ваши реки Днепр, Дунай и Марица, я знаю пути, которыми шли авары, мои подданные, чтобы напасть на ваши владения. Ужели вы думаете, что я не знаю прекрасно ваши силы?

18. ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ ОБ ОТНОШЕНИИ ЮСТИНИАНА К ВАРВАРАМ

Он расточал огромные богатства, не забывая ни одной, всем варварским нациям, восточным и западным, южным и северным, до народов далекой Британии включительно. Он осыпал своими милостями народы, имена которых до него никто не знал и которых видели впервые, не зная даже, откуда они. Поэтому варвары, осведомленные насчет образа его действий, стекались со всех концов земного шара в Византию. Однако он их сейчас же принимал и радостью, написанною на его лице, свидетельствовал об удовольствии, которое доставляло ему видеть их, и о выгодах, которые он от этого ожидал. Таким образом он истощил богатства империи, расточая их варварам, которых отпускал всегда нагруженными подарками. И таким образом варвары сделались обладателями достояния Рима то путем пенсий, которые им выдавал император, то путем добычи и пленных, которых они уводили, то путем мира, который они продавали...

В былое время, до Юстиниана, римляне жили в мире со своими соседями. Но этот человек в своем лютом неистовстве не имел покоя, пока не натравит варваров друг на друга. Без всякого основания вызывал он к себе вождей гуннов, осыпал их с безумной расточительностью огромными богатствами, чтобы приобрести, говорил он, их дружбу. Возвратившись к себе, нагруженные золотом, эти последние приглашали других вождей своего племени опустошить своими ордами земли императора, дабы вынудить его купить у них мир, который им всегда готовы были

хорошо оплатить. За этими являлись другие, извлекая двойную выгоду из грабежей, которым предавались, и денег, которые получали от щедрот монарха.

19. АГАФИЙ И МЕНАНДР ОБ ОТНОШЕНИИ ЮСТИНИАНА К ВАРВАРАМ

Агафий. Мысль базилевса видела дальше [тех, кто порицал его политику], и события весьма скоро принуждали его хулителей восхищаться его предусмотрительностью и искусством. Разделяя варваров, он сам, не обнажая меча, одерживал посредством своего ума победу и осуществлял свои надежды.

Менандр. Базилевс понимал, что во всяком случае, окажись авары победителями или побежденными [речь идет об аварско-гуннском конфликте], Рим от этого всегда будет в выгоде.

Без войны, благодаря одной своей мудрости, он уничтожил бы варваров, если бы дольше прожил.

20. ПИСЬМО ЮСТИНИАНА ОДНОМУ ИЗ ВАРВАРСКИХ ПЛЕМЕННЫХ ВОЖДЕЙ

Я послал мои подарки самому могущественному из ваших вождей; предназначал я их тебе, почитая тебя самым могущественным; но другой силою перехватил мои подарки, заявляя, будто он первый между вами. Покажи ему, что ты выше всех, отними у него то, что он взял у тебя, отомсти ему. В противном случае будет ясно, что именно он — верховный вождь, и мы окажем ему наше благоволение, а ты потеряешь преимущества, которыми мы тебя пожаловали.

21. ПИСЬМО ГУННОВ ЮСТИНИАНУ С ЖАЛОБОЮ НА ПЛЕМЯ КУТУРГУРОВ, КОТОРОМУ ОКАЗЫВАЛОСЬ ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Пастухи имеют обычай брать от сосцов щенят, вскармливать их и выращивать у себя. Взрослая собака помнит благодеяния своих кормильцев и любит только их, так что, когда волки нападают на стадо, собаки вместе с пастухом защищают и охраняют овчарни. Они не строят козней стадам, они никогда не вступают против них в союз с волками.

Между тем как в твоем царстве, преисполненном стольких богатств, что ум едва их может постичь, дело, как кажется, происходит совсем иначе... В то время как мы с трудом проживаем в своих бесплодных пустынях, ты отпускаешь кутургурам хлеб в изобилии; они свободно пользуются вином из подвалов, их принимают в общественные бани, эти бродяги покрыты золотом,

одеты в легкие материи, вышитые и затканные золотом. А между тем они увели в свое отечество тысячи римлян, они требовали от них унизительных обязанностей рабов. При малейшем проступке, даже без причины, они их подвергали бичеванию, иногда смерти и всяческим истязаниям, какие только жестокость может внушить уму злых господ. Мы же, напротив, своими трудами и с опасностью для себя освободили этих несчастных, мы их вернули ближним. Вот наши услуги и услуги их, но как различно оплатили вы их.

22. ПИСЬМО АТАНАРИХА ЮСТИНИАНУ

По справедливости я заслуживал бы порицания, если бы менее горячо желал Вашего мира, чем мои родители.

Не столько нас возвышает ряд предков, носивших пурпур и сидевших на королевском престоле, сколько возвеличивает Ваше расположение, изливающееся на нас давно и в широких размерах...

Моего деда Вы в вашей столице почтили высокими курульными должностями, а моего родителя в Италии наградили консульскими пальмами.

В целях сохранения его в согласии Вы пожаловали его военным усыновлением, — хотя по возрасту он приходился вам почти сверстником.

Я прошу у Вас самого искреннего мира на том основании, что пользуюсь счастьем быть Вашим внуком с того времени, как моему родителю Вы предоставили радость усыновления. Позволяя себе обратить Ваше внимание на переход к нам королевского достоинства, я считал бы выше этой власти уверенность в том, что имею в Вашем лице высокого покровителя.

23. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОСТГОТСКОГО КОРОЛЯ ОТ ПОСЕЩЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Из Иордана

Атанарих, вполне охотно приняв приглашение, вступил в царственный город и в удивлении сказал: «Теперь я вижу собственными глазами этот знаменитый город, о котором часто слышал с недоверием». И, озираясь туда и сюда, он то восхищался положением города, то удивлялся каравану кораблей, то, смотря на знаменитые стены и на множество народа из различных племен, обильной волной стекающегося сюда, как войско в боевом порядке, в одну реку с разных сторон, произнес: «Без сомнения, император есть земной бог, и кто осмеливается на него подняться, сам будет виновен в пролитии собственной крови».

24. ИОАНН ЭФЕССКИЙ О ВАРВАРСКИХ КНЯЗЬЯХ, ВОСПИТАННЫХ ПРИ ВИЗАНТИЙСКОМ ДВОРЕ

Эти полуримляне, с важностью совершенно латинской, напыщенно объявляли себя рабами его императорского величества.

Характеристика нумидийского князька Кутсины — сына берберского властителя и византийской женщины.

Он охотно вспоминает свое происхождение, которое его делает почти римлянином по крови и совершенно римлянином по сердцу. Он гораздо более гордится титулом magister militum [начальник воинов], который ему пожаловал император, чем теми 30-ю тысячами всадников, которых он ведет в сражение. Он испытывает детскую радость, командуя незначительным отрядом регулярных [византийских] войск... И вся его храбрость расходуется на то, чтобы довершить разгром и подчинение своих одноплеменников.

25. ВИЗАНТИЙСКИЙ ЦЕРЕМОНИАЛ

Извлечение из труда протоспафария (обергофмейстера) Филофея, написанного в 902 г.

Многие и в высшей степени видные почетные должности существовали уже во времена предков. Тщательное описание их хлопотно и трудно, так как названия многих почетных должностей с течением времени вышли из употребления. Придуманные же вновь с той поры почетные титулы внесли немалую путаницу в правильное определение значения этих должностей, мы же хотим из часто темных предписаний старых порядков и из ныне существующего придворного церемониала собрать важнейшее, насколько это позволяют наши слабые силы. Прежде всего помните, мои друзья, что значение всех искусств и навыков ведет к полезной цели; точно так же и наука дворецкого не преследует какой-нибудь другой хорошей цели, как только посредством строгого порядка и педантично точного распределения мест точно отделить друг от друга различные степени придворных чинов и высших должностных лиц. Ибо блистательное жизненное положение или блестящее должностное достоинство никогда не предстанут перед глазами зрителей в таком характерном виде, как тогда, когда по вызову герольда обладатели их удостоятся почетного места за высоким столом на обеде высочайших особ, что составляет предмет зависти для многих. Если же при устройстве высочайшего обеда произойдет по нашей вине ошибка в этикете или замешательство, то это будет причиной досады не только для их превосходительств и высших сановников, но также и мы, как гофмаршал и оберцеремониймейстер, осрамим себя и подпадем проклятию насмешки. Поэтому, милые

друзья, при исполнении этой видной и ответственной должности мы должны приложить все старание и самую строгую добросовестность для точнейшего изучения порядка чинов, запечатлеть их в нашем уме и установить и разъяснить с педантичнейшей добросовестностью разделения и подразделения по чинам. От старых предписаний мы отбрасываем кое-что, с течением времени совершенно вышедшее из употребления и устаревшее. Наоборот, мы соберем по порядку, как бы на одном письменном столе, все то, что при наших светлейших повелителях, императорах Льве и Александре, еще действует и находит себе применение... Для того, чтобы не только опытные в придворном этикете легко поняли этот порядок, но и чтобы совершенно несведущие при помощи этого короткого руководства получили легкое и понятное поучение о таком важном предмете, как порядок стола... Во-первых, следует обратить внимание на точную титулатуру высших должностей; во-вторых, следует заметить тончайшие различия в чинах, более высокие и мелкие, высокие титулы и эпитеты при обращении, как это записано ниже. Ибо почетные титулы, пожалованные за выдающиеся заслуги, я вам привел все в лестничном порядке; потом я привел те, которые пожалованы по собственному высочайшему соизволению его императорского величества; наконец, я привел почетные титулы более низких чинов и т. д.

Феодальное общество X—XII веков

Введение

Настоящий раздел включает пять глав, в которых сосредоточены документы, характеризующие различные стороны жизни феодального общества в X—XII вв.

Документы 1 и *2* главы I—«Крестьянство» — доказывают, что существовало четкое деление на крепостных (лично зависимых) крестьян и крестьян, лично свободных, но поземельно зависимых, причем крепостные лично зависимые рассматривались, как прямая принадлежность земельного владения феодала наравне с «землями, лесами, лугами и водами» (документ 1*а*); крестьян этой категории можно было обменивать (документ 1*г* и 1*д*), их детей можно было в случае спора отдавать разным владельцам (документ 1*е*) и т. д. Лично свободные крестьяне платили определенные оброки, связанные лишь с их земельным наделом, а не личностью. Так, например, документ 2*а* свидетельствует о том, что при замене одной земледельческой культуры другою культурой менялась и форма оброка. Кроме того, тот же документ показывает весьма характерное сочетание оброчных обязательств и барщины, в одинаковой мере тяготевших над крестьянами.

Документ 2б свидетельствует о наличии сравнительно немногочисленной категории крестьян-поселенцев—свободных и привлекаемых на льготных условиях на новые земли. Учителю следует пояснить, что предоставление личной свободы и твердо фиксированный, а не произвольный оброк, представляли собой вынужденную и временную меру, без которой было заведомо невозможно привлечь на невозделанные земли новых поселенцев, готовых нести тяжкий труд по расчистке лесов, поднятию нови и т. д.

Документы 3 (а, б, в, г, д) рисуют усиление феодальной эксплоатации в XI—XII столетиях. Объясняя конкретные факты, находящие отражение в документах, учитель должен иметь в виду, что именно в XI в. в государствах Западной Европы окончательно сложились феодальные отношения. К этому времени уже были поделены почти все прежде не занятые и не возделанные земли. Развитие товарно-денежных отношений, ускоренно прогрессировавших под влиянием начавшихся крестовых походов, пробуждало у феодалов, по выражению Маркса, «ненасытную жажду прибавочного труда», заставляло их, в погоне за новыми заморскими изделиями и яствами, измышлять и требовать новых поборов и повинностей, произвольно возлагаемых на крестьян, а подчас даже прибегать и к прямому насилию над «своими» и «чужими» крестьянами.

Документы 3а и *3б* говорят о том, что церковь порой вступала в напряженные и даже враждебные отношения с зарвавшимися светскими феодалами, доводившими своих крестьян до полного разорения и пытавшимися ограбить крестьян монастырских, что могло привести к расстройству монастырского хозяйства.

Все это побуждает клюнийского аббата (документ *3а*) с негодованием засвидетельствовать и произвольный четырехкратный сбор оброка, и обременение крестьян бесчисленными службами, и распродажу крестьян, то-есть все то, что неизбежно приводило к общему упадку хозяйства и бегству крестьян, покидающих свои участки.

Документ 3б дополняет предыдущий документ. Речь идет здесь о том, что все меры произвола и насилия: установление прямого побора — «тальи» и разбойничье вымогательство при помощи пыток — применяются графом Райнальдом — фогтом, то-есть светским должностным лицом, выполняющим судебные функции в монастырских владениях и в силу этого обирающим крестьян в свою собственную пользу, а не в пользу монастыря, что и вызывает возмущение монахов.

Документы 3г и *3д* показывают, что притесняемые и обираемые крестьяне были вынуждены искать спасения в бегстве или прибегать к покровительству других феодалов, которые пользовались этим, чтобы возложить новую повинность, как плату за покровительство, на тех, кто у них искал защиты.

Все эти невыносимые тяготы толкали крестьян на восстания. Об одном таком восстании свидетельствует *документ 4*—отрывок из «Нормандской хроники». Даже этот небольшой отрывок, притом составленный сторонником феодального класса, доказывает, что волнения распространялись по всей Нормандии, но восставшие были так плохо организованы, что жестокая расправа с руководителями восстания привела к разгрому всего движения.

Все вышеупомянутые документы *главы I* лучше всего использовать как иллюстрацию к рассказу преподавателя — кратко изложить их содержание и затем процитировать наиболее характерные отрывки (из документов 1*а*, 1*г* и документа 2). Для закрепления пройденного материала следует предложить учащимся ответить письменно на вопросы:

1. О каких социальных прослойках крестьян идет речь в данных документах?

2. Какие повинности несли крестьяне в X—XII вв.?

Наиболее точные ответы следует затем зачитать в классе.

Документы, собранные *в главе II,* характеризуют отношения внутри феодального класса — виды феодов [феодом могла быть не только земля (документ *1а* и *1б*), но и определенная доходная статья, как, например, доход от перевоза или право на получение двух мер вина и пр. (документ 1)], феодальные и вассальные обязательства.

Документы 1 и *3 главы II* и отдельные параграфы *документа 7*, как наиболее яркие, могут быть использованы на уроке; содержание их должно быть включено в рассказ учителя, а отдельные места процитированы; в частности, отрывок из документа 1*а* — о видах феодов, затем документ 3 — как яркую характеристику своеволия крупного феодала, не только не возвратившего своего феода, чего требовал от него его сюзерен, король Роберт, но и оборонявшего свой феод военной силой. Особенно следует остановиться на документе 7—«Из книги Жана Ибелина»; следует разъяснить учащимся все значение этого юридического документа, отразившего уже вполне сложившееся французское феодальное право, нигде более не записанное в таком систематизированном виде (см. комментарий, предваряющий документ).

В документе следует обратить внимание на самый обряд принесения вассальной присяги сеньеру и на обязательства, вытекающие из этой присяги. Наиболее ярким выражением вассального долга являются обязательства женщины, владеющей феодом, например, вдовы убитого вассала, вынужденной по воле своего сеньера выйти замуж за предложенного ей жениха, с тем чтобы этот последний, став мужем владелицы феода, мог нести военную службу в пользу сеньера (см. конец главы CCXVI). Характерно, что только преклонный возраст (достижение 60 лет) освобождает как мужчину, так женщину от несения вассальных обязательств.

Для понимания конкретных взаимоотношений, слагавшихся между феодалами разного ранга, необходимо отметить, что феодал мог являться вассалом двух или нескольких сеньеров и был лишь обязан согласовать с прежним сеньером право признать вторым своим сеньером другое лицо (глава CCXI).

Документ, свидетельствующий о категорическом запрещении вассалу поднимать свое оружие против сеньера, допускает, однако, возможность войны вассала против сеньера в том случае, если это обусловливается необходимостью служить одному сеньеру, вступившему в войну с другим сеньером данного вассала.

Это на первый взгляд странное правило весьма характерно и требует объяснения. Именно на этом явлении очень удобно и уместно показать учащимся крайнюю путаницу сеньериальных отношений.

Для того чтобы противоречие, выразившееся в оправдании войны вассала против сеньера, которого вассал призван оберегать и защищать, стало понятным, следует объяснить, что земли рыцаря зачастую не составляли компактного массива, а были разбросаны в разных местах, перемежаясь с чужими землями. В Палестине, где феодалы и рыцари получали свои земли в результате войны, благодаря разновременным захватам то тут, то там, разбросанность земель должна была особенно ощущаться. Один и тот же человек, как владелец определенного феода, становился вассалом местного крупного сеньера, а как владелец другого феода приносил вассальную присягу другому покровителю. Когда же оба сеньера вступали в вооруженную борьбу, рыцарь мог оказаться под знаменем одного из противников и вынужденным во исполнение одной присяги нарушить другую присягу.

В Иерусалимском королевстве была сделана, однако, попытка несколько упорядочить взаимоотношения вассала с его сеньерами. Там действовало правило, в силу которого каждый вассал мог иметь лишь одного «ближнего» сеньера, по отношению к которому он должен был в любом случае выполнять свои вассальные обязательства. Это правило смягчало указанное выше противоречие, хотя и не устраняло его полностью.

Оставляя рассмотрение всего прочего содержания памятника для работы в кружке, полезно именно эти моменты выделить и осветить их в рассказе учителя при объяснении темы о сеньерах и вассалах.

Если позволит время, полезно использовать суждение Энгельса, отмечавшего, что нельзя было избежать конфликтов, «... когда ленные отношения во всех землях образовывали запутанный клубок прав и обязанностей, дарованных, отнятых, снова возобновленных, прекратившихся вследствие давности, измененных или каким-либо иным способом обусловленных, — клубок, который никак невозможно было распутать»[1].

Эта мысль Энгельса, блестяще обобщая особенности ленной системы, позволяет связать представление о запутанности феодальных владельческих прав и интересов с важнейшим выводом о неизбежности частых кровавых столкновений. Это приводит нас к следующему разделу, посвященному документам, говорящим о «частной войне».

В кружковой работе на основе документа 7 могут быть поставлены доклады:

1) Характер взаимных обязательств вассала и сеньера.

2) Пэры, их права и обязанности.

3) Реальные возможности, позволяющие сеньеру принудить к повиновению непокорного вассала (для последней темы следует привлечь документы из главы «Феодальные войны»).

Документы 1—5 главы III доказывают, насколько заурядным явлением были в ту эпоху феодальные войны, каким бедствием они являлись для всего населения и больше всего для крестьянства, страдавшего от вытоптанных посевов, от угона деревенских жителей в плен. Документы говорят о том, что церковь, страдавшая также от феодального разбоя, ибо ее богатства были предметом вожделения множества рыцарей, стремилась хотя бы ограничить число таких войн и оградить владения церквей, монастырей и некоторые другие места от разбоя. Преподаватель, упомянув кратко о содержании данных документов в классе, более подробное их изучение переносит в исторический кружок. Ученикам могут быть предложены для докладов примерно следующие темы:

1. Повод и ход феодальной распри.

2. Почему и на какие сроки устанавливались «божьи перемирия» и «божий мир»?

О *документе 4* следует упомянуть на уроке, связав его с рассказом о феодальных войнах и указав на преувеличение Глабером сферы распростране-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 444—445.

ния этой голодовки, поразившей не весь мир, как это утверждал Глабер, а лишь одну область Франции — Бургундию. Затем следует предложить ученикам прочесть этот документ дома и сделать на уроке краткие сообщения об этих событиях.

Завершается данный раздел *главой V* — «Военно-рыцарский быт по «Песне о Роланде». Так как разбор этого произведения на уроке занял бы слишком много времени, то преподавателю следует вкратце рассказать об этом произведении на уроке, посвященном изучению истории средневековой культуры, с тем, чтобы вести изучение этого памятника в историческом кружке. В кружке, перед тем как заслушать доклады учеников, преподавателю следует самому осветить вопрос о значении этого выдающегося поэтического памятника, так ярко запечатлевшего сложившиеся отношения, чувства и представления феодального общества того времени. Затем необходимо более подробно остановиться на историческом содержании данного призведения (это поможет ученику, делающему доклад по первой теме — см. ниже,—лучше разобраться в этом вопросе). Так как в учебнике по истории средних веков очень кратко упоминается о «Песне о Роланде» (см. учебник под ред. Е. А. Косминского, «История средних веков», глава X, § 1, издание 1948 г.), преподаватель может напомнить учащимся, что окончательно «Песнь о Роланде» оформилась во второй половине XI в., и, следовательно, от тех исторических событий, которые легли в основу данного произведения, ее отделяет около двух столетий. Учитель укажет, что на арьергард франкского войска напали не «сарацины», «неверные», а баски-христиане, мстившие франкам за разорение своих селений, и что это столкновение произошло во время отступления войска Карла после неудачного похода в мусульманскую Испанию (778). В поэме же столкновение франков с христианами-басками подменяется столкновением с мусульманами-арабами и освящается авторитетом религии.

«Песнь о Роланде» воспевает индивидуальный героизм рыцаря, его личную отвагу, стойкость и доблесть. Преподаватель объяснит, что в XI в. войско строилось уже на чисто феодальной основе: крестьяне, внушавшие феодалам величайший страх, были лишены права носить оружие и конное феодальное войско состояло из тяжело вооруженных рыцарей, основной добродетелью которых должна была являться безоговорочная преданность своему сеньеру, готовность отдать за него свою жизнь.

Учащимся можно предложить для доклада следующие темы:

1. Содержание «Песни о Роланде» (исторически достоверное и недостоверное в этом произведении).
2. Карл Великий по «Песне о Роланде».
3. Характеристика Роланда.
4. Характеристика Ганелона.
5. Описание боя.

В заключение, подводя итоги проработки «Песни о Роланде», преподавателю следует противопоставить «Песне о Роланде» «Слово о полку Игореве», отметив, что в то время как в «Слове о полку Игореве» чувствуется глубокая скорбь за родину, за ее феодальную раздробленность, в «Песне о Роланде» отсутствует этот подлинно патриотический мотив и понятие о родине сливается с понятием о сюзерене.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV (Марка); т. XVI, ч. I (Франкский период; О разложении феодализма и развитии буржуазии).

* * *

Весь документальный материал настоящего отдела подобран и переведен Н. П. Грацианским, за исключением выдержек из Рауля Глабера, взятых из «Средневековья в его памятниках» под ред. Д. Н. Егорова, и отрывка из «Песни о Роланде», который дается в переводе Де-ла-Барта. Введение к отделу написано Г. И. Трайниной.

I. КРЕСТЬЯНСТВО

1. КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

а) Из грамоты конца XI в. [1]

Вот аллоды... кои состоят в вечном владении аббатов [следует перечисление этих аллодов], с их принадлежностями, именно — мужчинами и женщинами крепостного состояния, землями обрабатываемыми и необрабатываемыми, лесами, лугами и водами.

б) Из грамоты XII в. [2]

...Рыцарь некий Павлин, сын Эбрарда из Leni villa, изъявил притязание на холопов наших, именно Альберта, Берара и братьев его, как на свою собственность, и силою у нас отнять их стремился; посему одного из них, именем Герберта... схватил вместе с его повозкою... и долго задерживал пленником. И лишь по просьбе некиих друзей наших его только самого нам вернул, ибо повозку..., как он утверждал, уже продал.

в) Из грамоты 1064 г. [3]

Бедняк, некий Арнальд..., отдал в крепостную зависимость себя и сыновей своих... и при передаче себя и сыновей своих в руки названного аббата промолвил: «Господин, вот я отдаю тебе в крепостную зависимость себя самого, и сыновей своих, чтобы отныне и навеки и я сам, и сыновья мои, и все потомство их пребывали в крепостной зависимости от бога, св. Марии и монахов этого [святого] места, как и прочие наследственные крепостные этого места». Выразили на то свое согласие и сыновья его — Ингельгерий, Бернард и Райнельм, передавшие себя со своим потомством в руки аббата как крепостные.

г) Об обмене Бавдрика Рыжего, сына Дюранда, и других [4]

Вильгельм, божьею милостью, епископ Парижский, всем, кто увидит настоящую грамоту... Да будет ведомо,.... что Бавдрик Рыжий, сын покойного Дюранда, лично зависимый человек капитула, сочетался браком с Изабеллою, дочерью Лаврентия..., лично зависимою нашей женщиною, а Аврик, сын Гуго, наш лично зависимый человек, пожелал сочетаться браком с Констанцией, дочерью покойного Дюранда, лично зависимой женщиной капитула. Ввиду этого... было заключено соглашение... между нами и упомянутым капитулом о том, чтобы названные Бавдрик и Изабелла со всем их потомством... были лично зависимыми людьми Парижского капитула... Аврик же и Констанция со всем их потомством были лично зависимыми людьми нашими...

---

[1] Cartulaire de Montiérenden, a. 1082, у Sée, Les classes rurales, p. 162. n. 2.
[2] Livre des serfs de Marmoutier, p. 73, у Sée, op. cit., p. 171, n. 2.
[3] Cartulaire de Noyers, a. 1064,—у Flach'a, Les origines, 1, p. 457, n. 3.
[4] Cartulaire de Notre Dame de Paris. t. I, p. 450, a. 1288.

д) Об Эмелине—женщине, данной в обмен аббатом и монастырем св. Германа епископу Парижскому [1].

Я, Роберт, божьею милостью блаженного Германа на лугу смиренный аббат, всем, кто увидит настоящую грамоту, привет в господе. Да будет ведомо..., что достопочтенный Маврикий, епископ Парижский, дал нам и церкви нашей крепостную свою Изабель для выдачи ее замуж за Роберта человека нашего... Мы же в обмен на названную его крепостную дали господину епископу Парижскому Эмелину — нашу крепостную — для выдачи ее замуж за Гарина, его человека...

е) О соглашении относительно Гирольда из Витриака [2]

Я, Маврикий, божьею милостью епископ Парижский, извещаю всех настоящих и будущих о том, что был спор между канониками св. Маркелла и Гирольдом из Витриака по поводу того, что он взял замуж нашу крепостную, будучи сам из челяди св. Маркелла. Сверх того, означенные каноники изъявляли притязание на некую землю и виноградники, каковые означенный Гирольд получил от отца и от матери. В конце концов спор этот, перенесенный в наше присутствие, решен в том смысле, чтобы из сыновей Гирольда — как тех, которые родились, так и тех, которые родятся, — нам принадлежал первый, каноникам же — второй, нам — третий, а им — четвертый... Наследство же Гирольда и жены его должно быть соответствующим образом поделено между ними, как между братьями.

2. ЛИЧНО СВОБОДНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

а) Из грамоты 1060 г. [3]

Да будет ведомо, что все оброчные дворы должны нести одинаковый оброк; каждый двор должен давать ежегодно по 8 денариев..., 8 мер пшеницы и 24 (меры) овса... А также виноградник, некогда именовавшийся виноградником аббата, дважды в году должны вскапывать, подрезать и выполнять в нем все нужные работы, выжимать виноградный сок и доставлять его [для сливания] в господские бочки; если же виноградник будет обращен в поле, должны нести труды по обработке полей, насколько это понадобится и как полагается вплоть до доставки собранного урожая в господские амбары.

б) Грамота начала XII века [4]

Этою грамотою настоящих и будущих уведомляем о том, что Вильгельм Coetus пожертвовал нам — монахам св. Петра Шартр-

---

[1] Ibidem, t. I, p. 54, circa a. 1194.
[2] Cartulaire de Norte Dame de Paris, t. I, p. 53, a. 1160—1196.
[3] Cartulaire de Sainte Marie d'Auch, — у Séе, op. cit., p. 217, n. 1.
[4] Cartulaire de S. Père de Chartres, t. II, pp. 483—484.

ского — для владения, обработки и заселения лес... из своего феода. Мы же, монахи, для защиты и охраны поселенцев этой земли разрешили ему взимать с тех из них, кои осядут на этой земле и будут обрабатывать ее с плугом и волами, ежегодно в третий день рождества господня... по секстарию овса, каплуну и денарию; с прочих же — по мине овса, каплуну и денарию... Разрешили мы также господину Вильгельму в случае, если он законную дочь свою захочет выдать замуж или если замок приобретет, взимать с поселенцев земли той талью, однако лишь через посредство приора св. Романа; равным образом для выкупа себя из плена можно взимать ему талью. Также, если он пожелает сам со всею роднею своею участвовать в походе короля или графа, людей земли той может вести за собой в качестве телохранителей, если захочет; но без его личного участия людям земли той никак [в поход] не ходить. Согласился он, чтобы от прочих повинностей, кои он обычно взимает на земле своей и с людей своих [означенные поселенцы], были совершенно свободны.

3. УМНОЖЕНИЕ СЕНЬЕРИАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ

а) Из письма клюнийского аббата Петра Достопочтенного (XII в.[1])

Всем ведомо, как светские сеньеры утесняют своих несвободных крестьян — мужчин и женщин. Не довольствуясь обычными их повинностями, они постоянно и без милосердия изъявляют притязание на самое их имущество вместе с их личностью и на самую их личность вместе с имуществом. И вот сверх положенного они трижды, четырежды и сколько им вздумается раз в году добро их расхищают, бесчисленными службами их утесняют и тяжкое и невыносимое бремя на них налагают, так что большинство вынуждено покидать собственную землю и убегать на чужбину. Но что хуже всего, они не боятся продавать за презренные деньги тех самых людей, которых Христос искупил столь дорогою ценою, то-есть своей кровью.

б) Из грамоты XI в.[2]

Граф Райнальд[3] хищнический сбор денег, в простонародье называемый тальей, первый ввел на земле нашей; людей [наших] заключил в темницу и пытками вымогал их имущество; вынуждал их на собственный их счет укреплять замки. Часто на земле нашей проживал, и не на свои средства, а на средства бедняков жил, [так что] в конце концов земля наша более, чем его собственная, всячески отягощена была поборами в его пользу. Тиранство это ныне здравствующему сыну своему Райнальду он оставил, признавшись, впрочем, публично перед ним в том, что все

[1] Migne, Patrol. latina, t. 189, col. 146.
[2] Cartulaire de S. Michel, — у Flach'a, t. I, p. 442, n. I.
[3] Фогт монастыря св. Михаила в Верденском диоцезе.

это вершил не по праву. Этот же настолько превзошел в коварстве отца, что люди наши, коим не под силу выносить его притеснения, земли наши впусте оставляют; те же из них, кои остаются на месте, следуемое нам с них платить или не могут, или же не желают, и одного его только боятся, одному ему только служат. Когда же в прошлом году мы испросили против него справедливый приговор апостолического престола, он сверх меры на то разгневался... и, изощряясь в коварстве, настолько каждодневно притеснения умножает, [что] нам угрожает опасность за неимением средств к существованию монастырь наш покинуть...

в) Грамота XII в.[1]

Да будет всем ведомо о том, что прирожденные люди селения Бурбурэн, когда сгорели прежние дома их на нашей земле, желая построить новые, к аббату... Стефану пришли и просили его о разрешении новых построек. Он же сказал им: «Никогда не иметь вам на нашей земле жилищ, как вы их ранее имели, если не будете нести следуемых по обычаю служб, кои несут наши и прочие [люди], в нашей сеньерии проживающие. Если же вы не согласны на это, нет вам от меня разрешения строиться». Выслушавши эти слова аббата, держали они между собою совет и заключили с ним крепкий договор о том, что каждый из них в качестве placitum generale будет платить лишь по 12 денариев, а из прочих следуемых по обычаю повинностей будут выполнять все, за исключением перевозки вина из Гибриака, если только кто по доброте своей согласится и на эту повинность. Определил также им аббат Стефан, чтобы ни он и никто из преемников его талью с них не взимал... Было также установлено, что когда кто из них от монахов или крепостных людей св. Петра потерпит обиду..., будет искать судебной защиты на стороне в том только случае, если в суде аббата и попечителя монастыря ему будет отказано.

г) Грамота 1173 г.[2]

Я, Тибо, граф Блуа..., извещаю, что каноники св. Авита Орлеанского, явившись передо мною, жаловались на утеснения, чинимые злыми людьми некоему селению их, именуемому Сериз, каковое [селение] от предков моих они в дар получили. И дабы утеснения эти с божиею и моею помощью прекратить, определили они мне [взимать] со свободных поселенцев означенного селения... сбор за покровительство именно в праздник св. Ремигия по 2 секстария овса с каждой гостизы. Я же по любви к богу... и за разрешение... мне сбора за покровительство селение и свободных поселенцев его взял под свою защиту и охрану принял, с обязательством... защищать и охранять их против кого бы то ни было.

---

[1] Cartulaire de Bèze, — у Flach'a, t. I, p. 401, n. I.
[2] Cartulaire de Saint Avit d'Orléans, у Flach'a, t. I, p. 403, n. 3.

д) Грамота 1185 г.[1]

Аббат, по совету монахов своих, передал... Фулько охрану означенных селений. За охрану взимать Фулько и наследнику его с каждого впрягаемого в плуг животного, будет ли это бык, корова, осел или лошадь, по 12 денариев... ежегодно; если же запряженному в плуг животному будет дан в припряжку козел, считать его за быка... С крестьянина, обрабатывающего землю лопатой, взимать по 10 денариев, если нет у него упряжного животного... И да будет ведомо, что тот, кто будет нести означенную охрану, ничего сверх положенного с оных селений ни просьбами, ни силою взимать не должен.

4. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ

Из «Нормандской хроники» XI в.[2]

«О том, как «герцог Ричард»[3]—мудро подавил всеобщий заговор крестьян, который они устроили в нарушение отечественного мира».

И вот, когда он изобиловал такими проявлениями честной жизни, зародился при начале его юности некий рассадник губительного раздора в Нормандском герцогстве. Ибо крестьяне повсеместно стали устраивать по разным графствам Нормандского отечества многие сборища и постановляли жить по своей воле, дабы и лесными угодьями, и водными благами пользоваться по своим законам, не стесняясь никакими запрещениями ранее установленного права. И чтобы утвердить эти решения, на каждом собрании неистовствующего народа выбирали они по два уполномоченных, которые вынесли бы определения их на утверждение всеобщего собрания внутри страны. Когда узнал об этом герцог, он тотчас же направил против них Рауля графа со многими рыцарями, чтобы они сельскую дерзость и крестьянское сообщество прекратили. И вот он без замедления тайно взял всех [крестьянских] уполномоченных вместе с некоторыми другими и, отрубив им руки и ноги, отослал искалеченными к единомышленникам, дабы удержали их от таких [затей] и примером своим вразумили их, чтобы не испытали еще худшую участь. Вразумленные таким образом крестьяне поспешили прекратить сборища и вернулись к плугам своим.

---

[1] Cartulaire de Saint Denis, — у Flach'a, t. I, p. 392, n. 1.

[2] Wilhelmi Calculi Gemmeticensis historia Northmannorum, lib. V, cap. II, у Migne'a, Patrologia latina, t. 149, col. 823—824.

[3] Герцог Ричард II, о котором здесь идет речь, начал править в Нормандии в 996 г. Как следует из текста хроники, крестьянский заговор падает на самое начало правления Ричарда II, то-есть на конец X в.

II. ФЕОДЫ, ФЕОДАЛЬНЫЕ И ВАССАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

1. ИЗ КАРТУЛЯРИЕВ И ГРАМОТ

а) Из картуляриев

«Вот феоды Парижского епископа, которые при Одоне, епископе (1197—1208), держали нижеперечисленные [*лица*]*»* [1]

...Жан де Масси — ближний вассал Парижского епископа, с сохранением [однако] верности королю, за десятину с Масси и за все десятины, какие держит от него кто-либо другой, а также за все то, что он имеет в Витри и Френ... Держатель этого феода должен ходить по вызову епископа в поход, с содержанием от епископа.

Эренбурга, супруга Рено рыцаря, держит от Парижского епископа в качестве феода земли в Френ... и несет службу дачей коней...

Матвей, сеньер Монморанси, вассал Парижского епископа, как полагается за феод, держит от него весь бург св. Маркелла и св. Дионисия... Должен получать инвеституру через золотое кольцо. И должен [ставить] двух рыцарей для отправления их в поход, с содержанием от епископа...

Сеньер де Турнан — ближний вассал Парижского епископа за замок и за все каштелянство Турнан. Должен получать инвеституру через золотое кольцо...

Гвидо де Шеврез — ближний вассал Парижского епископа; держит от него замок и каштелянство Шеврез. Должен [давать] за это свечу в 25 солидов...

Феррик де Брунуа — ближний вассал Парижского епископа за все селение Жантильи. Должен [давать] за это свечу в 20 солидов и двух рыцарей с содержанием от епископа... Этот носит [епископа]... [2]

Роберт де Сен-Круа — ближний вассал Парижского епископа; держит от него феод Сен-Круа у св. Дионисия; а в нем 8 дворов...

Граф де Бар — вассал Парижского епископа за Торси и принадлежности Торси. Получил инвеституру через золотое кольцо...

Декан св. Маркелла — ближний вассал епископа за деканство...

Рауль де Мори — ближний вассал господина епископа за 55 ливров дохода от перевоза через Конфлан...

Тибо состоит в ближней вассальной зависимости за 45 ливров...

Тибо... — ближний вассал господина епископа за 45 ливров..., кои получает с того же перевоза. Их этих 45 [ливров] он

---

[1] Cartulaire de Notre Dame de Paris, t. I, p 5399.

[2] При торжественных выходах епископа в годовщину его посвящения.

продал 15 ливров Рено Флеман, [тоже] ближнему вассалу, а Тибо остается ближним вассалом за 30 ливров...

б) «Запись о феоде Фульхара, проданном им некоему Христиану» [1]

Фульхар и жена его Херсенда, с согласия Ингельранна — их сына, Альбури и Оделины — дочерей, продали Христиану и жене его за 6 ливров и 12 солидов свой феод, который от нас держали... Означенный феод состоял из [прав на получку] двух мер вина, одного хлеба и восьми секстариев зерна. Христиан же от названного зерна отказался в нашу пользу, а мы освободили его от службы за этот феод. Пожаловали мы ему..., чтобы хлеб и вино из трапезной получал, однако, если по недостатку вина монашеский паек будет уменьшен, уменьшить также и Христиану.

в) Грамота 1194 г. [2]

Я, Раймонд, милостью божией... граф Тулузский..., даю в феод тебе, Гильому, сеньéру Монпелье, сыну покойной герцогини Матильды, и преемникам твоим навеки замок Фронтиньян целиком, со всеми его принадлежностями... А за этот феод ты и преемники твои обязуетесь оказывать мне содействие и помощь против всех людей, но только лишь означенным замком и людьми замка и воинами... Я же, Гильом, сеньер Монпелье, названный замок Фронтиньян от тебя, сеньера моего Раймонда, со всеми перечисленными условиями принимая, приношу тебе клятву верности о жизни твоей и о членах. И означенный замок... в случае войны, какую с кем-либо другим ты и преемники твои будете вести [на пространство] от Роны до реки Эбро, я и преемники мои всякий раз, как вы пожелаете, по требованию вашему, будем предоставлять в ваше распоряжение. Если же вассалы или кто-либо другой отнимут названный замок и силою будут удерживать [его], мы будем оказывать друг другу взаимное содействие и помощь для обратного завоевания этого замка...

2. ИЗ ХРОНИКИ КАМБРЭ (между 1200 и 1219 гг. [3])

...Случилось, что когда означенная дама [д'Уази] пожелала явиться к епископу [Камбрэ] для признания своей вассальной зависимости [от него] за землю д'Уази, послала она к нему узнать о времени и месте, когда и где он мог бы принять ее [в вассальную зависимость]. И сообщил он ей через одного из своих капелланов о времени и месте... Получив этот [ответ], возрадовалась дама и сказала: «Премного должна я быть довольна, ибо дам поцелуй красивейшему прелату, какого только знают в этих

[1] Cartulaire de Saint Père de Chartres, t. II, p. 290, a. 1101—1129.
[2] Histoire générale de Languedoc, première éd., t. III, Preuves, p. 176, № 61.
[3] Du Cange, Glossarium, v. Hominium.

местах». Означенный капеллан, вернувшись к епископу, сеньеру своему, сказал ему, что дама с великою охотою готова признать вассальную зависимость от него, и передал ему сказанное [этою] дамою. Епископ же, услыхав о том и будучи [человеком] чистейшей совести, подумал, а потом высказал вслух, что никак нельзя давать даме повод хвалиться тем, что она поцеловала его, ибо это может породить грех... И когда дама явилась для признания своей вассальной зависимости, означенный епископ хотел... принять от нее вассальную зависимость через своего бальи. Она же не пожелала... и удалилась разгневанная. И пошла в тот же час признать свою вассальную зависимость по этой земле от графа [Артуа]... И вот по сему случаю вассальная зависимость по земле д' Уази утеряна была и империей, и графством Камбрэйским...

3. ОДОН, ГРАФ (БЛУА), КОРОЛЮ РОБЕРТУ (1025 г.[1])

Государю своему, Роберту королю, граф Одон... Граф Ричард, вассал твой, увещевал меня явиться для суда или соглашения по поводу споров, которые ты со мною имел, и я передал все это дело в его руки. Тогда он, с твоего согласия, назначил мне срок для суда... Но с наступлением срока, когда я готов был отправиться, уведомил он меня, чтобы я не трудился являться на суд, как было условлено, ибо неугодно-де принимать тебе другого оправдания или соглашения, кроме как того, чтобы признать меня недостойным держать от тебя какой бы то ни было феод. Говорил он также, что не годится ему представлять меня на этот суд без собрания пэров. Вот причина, почему я не явился к тебе на суд.

Но удивляешь ты меня очень, государь мой, как столь поспешно, не разобрав дела, присудил ты меня недостойным феода твоего? Ведь, если дело касается условий происхождения, то, благодарение богу, родовитость есть у меня. Если [дело касается] качества феода, который ты мне дал, то известно, что не из твоих он владений, но из того, что мне, по милости твоей, от предков моих перешло по наследству. Если [дело касается] выполнения службы, то хорошо тебе ведомо, что пока я был у тебя в милости, служил тебе и при дворе, и в войске, и на чужбине. Если же потом, когда ты наложил на меня опалу и данный мне феод порешил отобрать, я, обороняя себя и феод свой, нанес тебе какие-либо обиды, то ведь совершил я это раздраженный несправедливостью и вынужденный необходимостью. Ибо как же я могу оставить и не оборонять феода своего? Бога и душу свою ставлю в свидетели, что лучше предпочту умереть на своем феоде, нежели жить без феода. Если же ты откажешься от замысла меня феода лишить, ничего более на свете я не буду желать, как заслужить твою милость.

---

[1] Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France, XI, p. 501.

4. ПИСЬМО ФУЛЬБЕРТА, ЕПИСКОПА ШАРТРСКОГО, К ГИЛЬОМУ, ГЕРЦОГУ АКВИТАНИИ, О ВЗАИМНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ВАССАЛА И СЕНЬЕРА[1] (1020 г.)

...Кто клянется в верности своему сеньеру, неизменно должен помнить о следующих шести [обязательствах]: incolume, tutum, honestum, utile, facile и possibile. Incolume — то-есть не наносить вреда телу сеньера; tutum — не выдавать его тайн и не вредить безопасности его укреплений; honestum — не наносить вреда его праву суда и всему другому, что касается его положения и прав; utile — не наносить ущерба его владениям; facile и possibile — не мешать ему достигать тех выгод, коих он легко может достигнуть, а также не делать для него невозможным то, что возможно. Если верный [вассал] остережется от этого вреда, то того требует справедливость, и [еще] не заслуживает он за это феода, ибо недостаточно воздержаться от зла, если не сотворить блага. Остается посему, чтобы при соблюдении упомянутых шести [обязательств] давал совет и помощь своему сеньеру без обмана, если хочет быть достойным награждения феодом, а также неизменно соблюдать верность, в которой клялся. И сеньер во всем этом должен точно таким же образом поступать в отношении к своему верному [вассалу]. А если этого не выполнит, по заслугам будет считаться вероломным, как и тот [то-есть вассал] будет обманщиком и клятвопреступником, если будет уличен в нарушении своих обязательств действием или сговором...

5. КЛЯТВА ФЕОДАЛА

Запись о клятве[2]

Вот запись о клятве, какую принес Раймонд-Беренжер [виконт Нарбонны], сын Герсенды, Бернару виконту [Альби и Нима], сыну Ренгарды.

Впредь от настоящего часа я, Раймонд, сын Герсенды, не обману Бернара виконта, сына Ренгарды, ни в том, что касается его жизни, ни в том, что касается членов его тела, и не лишу его жизни, и не захвачу в плен, и ни один мужчина и ни одна женщина по моему совету и моему умышлению [не сделает этого]. И не отниму у тебя ни городов твоих, ни замков, ни феодов твоих, какие имеешь и впредь с моею помощью приобрести сможешь... И если кто-либо из мужчин или женщин это сделает, я, Раймонд... буду твоим помощником по чести и без коварства в тот самый час, как ты призовешь меня сам или через своих уполномоченных...

---

[1] Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France, X, p. 463, a. 1020.

[2] Histoire générale de Languedoc, t. II, Preuves, p. 266, № 442, a. 1068.

6. ИЗ КНИГИ ЖАНА ИБЕЛИНА

Книга Жана Ибелина — юридический трактат, отразивший в наиболее чистом виде древнее обычное феодальное право Иерусалимского королевства. Это право, по существу своему являющееся типичным французским феодальным правом, так как оно перенесено в конце XI в. в Палестину завоевателями Иерусалима — крестоносцами из северной Франции, было зафиксировано около половины XII в. письменно в так называемых «Иерусалимских ассизах», которые в 1187 г., при взятии Иерусалима Саладином, были утеряны. Но самое право, хранившееся в виде устной традиции, не погибло. В XII—XIII вв. оно действовало в других христианских городах Палестины и в Кипрском королевстве, претерпевая при этом различные изменения и дополнения. А в половине XIII в. данные обычаи были собраны и записаны (по большей части с комментариями) целым рядом юристов.

Наиболее важной из всех этих записей и является упомянутый трактат кипрского сеньера и юриста Жана Ибелина; именно в нем большинство новейших исследователей видит отражение древнейшего права Иерусалимского королевства. К сожалению, трактат Ибелина в первоначальном своем виде тоже утерян; но устная традиция, отраженная в данном трактате, не умерла, а продолжала жить и эволюционировать в христианском Кипрском королевстве на протяжении XIII—XIV вв. В 1368 г. кипрские бароны восстановили трактат Ибелина — отчасти по спискам, отчасти по устной традиции — и сделали его кодексом действующего права в своем королевстве. Но и эта официальная редакция «Ассиз» в своем чистом виде не сохранилась. Книга Жана Ибелина дошла до нас в редакции завоевателей Кипра — венецианцев, которые в 1531 г. восстановили ее по четырем найденным спискам, перевели на итальянский язык и сохранили оригинальный (французский) и переводный тексты в своих европейских архивах.

Таким образом, мы имеем первоначальные «Ассизы», или обычаи Иерусалимского королевства, с массой позднейших поправок и наслоений. Исторической науке до сих пор не удалось выделить все позднейшие наслоения и восстановить «Иерусалимские ассизы» в их чистой, то-есть начальной, редакции. Старые ученые и не задавались целью произвести подобную работу. Не дал критического анализа «Ассиз» и издатель их Беньо. Наконец, и в новейших исследованиях по истории Иерусалимского королевства вопрос о первоначальном виде «Ассиз» обычно обходится молчанием. Очень интересная попытка систематически выделить из книги Ибелина то, что относится к древнейшему времени, принадлежит Франсису Монье (Fransis Monnier, Godefray de Builion et les assises de Jerusalem в Séances et travaux de l'Acadèmie des Sciences morales et politiques (1873—1874), который изучил книгу Ибелина по древнейшему венецианскому списку, хранящемуся в Парижской национальной библиотеке. Если руководствоваться результатами исследования Монье, то приводимые в русском переводе отрывки из книги Жана Ибелина как раз надо считать относящимися к основному ядру «Иерусалимских ассиз» и, следовательно, отражающими обычное феодальное право (кутюмы) северной Франции конца XI в.

Нужно только учитывать то обстоятельство, что это французское феодальное право подверглось в Иерусалимском королевстве некоторому видоизменению в зависимости от местных условий. Отметим два положения феодального права Иерусалимского королевства, обусловленные постоянной угрозой вновь организованному в чужой стране и оторванному от метрополии государству со стороны воинственных соседей: 1) земельные феоды здесь исключительно военные, и держать их могут только воины-рыцари, обязанные постоянной военной службой; 2) все вассалы королевства являются ближними вассалами короля и, следовательно, не могут быть ближними вассалами других сеньеров. Ни первое, ни второе из этих положений не являются характерными для феодального права Франции данной эпохи.

Издание «Ассиз» — в Recueil des historiens des Croisades. Lois. t. I, 1841.

Глава CXCV. *Как надлежит вступать в вассальную зависимость от верховного сеньера королевства и как от того, кто не есть верховный сеньер: в чем обязан вассал своему сеньеру в силу признания от него вассальной зависимости*

Когда кто — мужчина или женщина — вступает в вассальную зависимость от верховного сеньера королевства, он должен стать перед ним на колени, соединить свои руки и, вложив их в руки сеньера, сказать ему: «Сир, вот я становлюсь вашим ближним вассалом за такой-то феод, — и назвать феод, за который признает свою вассальную зависимость,—и вот я обещаю вам защищать и оберегать вас против всех людей, какие [только] будут жить и умрут». А сеньер в ответ ему должен сказать: «Принимаю вас в вассальную зависимость с соблюдением верности богу и мне, при условии ненарушения прав моих». И должен облобызать его в уста в ознаменование верности. Но если тот, кто делается вассалом верховного сеньера, как это изложено выше, раньше признал свою вассальную зависимость от другого сеньера — мужчины или женщины, вассала или невассала верховного сеньера — он должен при вступлении в [новую] вассальную зависимость оговорить свою верность ему, ибо никто, вступив уже раз в вассальную зависимость, не может потом стать вассалом другого, не оговорив верности своему первому сеньеру и не испросивши на то у него разрешения; иначе он нарушит верность тому, вассалом которого он сделался ранее. И всякий, кто становится вассалом... другого, помимо верховного сеньера, должен вступать в вассальную зависимость точно таким же образом, как выше сказано, но он не должен быть ему ближним вассалом, ибо никто не может признавать более одной ближней вассальной зависимости. А так как все вассалы вассалов верховного сеньера королевства должны в силу ассизы быть ему ближними вассалами..., нельзя, не нарушая верности ему, признавать ближнюю вассальную зависимость еще от кого-либо другого. И каждый вассал, будь то мужчина или женщина, должен... защищать и оберегать своего сеньера против всех...

Посему вменяется ему, как мне кажется, в обязанность не поднимать и не заставлять поднимать руку на особу сеньера, а также не терпеть и по мере сил не допускать, чтобы кто-либо другой делал это. Нельзя также брать, ни заставлять брать и удерживать что-либо из имущества сеньера без его разрешения и вопреки его воле, если только это не делается по приговору и с ведома курии сеньера... И не должны ни мужчина, ни женщина действовать против своего сеньера советом..., а также поднимать оружие против сеньера, кроме как совместно с другим своим сеньером, которому обязаны они верностью так же, как и тому. И нельзя умышленно наносить ущерб чести и причинять материальный вред своему сеньеру, ни терпеть..., чтобы другой делал это.

Глава CXCVI. *Здесь говорится о том, как и чем обязан сеньер своему вассалу, которого он принял в вассальную зависимость*

Сеньер не должен ни лично, ни через других налагать руку на особу и на феод своего вассала иначе, как по разбирательству и с ведома курии. И обязан он, как мне кажется, соблюдать по отношению к своему вассалу, в силу верности между ними, все то вышеизложенное, что вассал обязан соблюдать по отношению к сеньеру; ибо между сеньером и вассалом нет ничего, кроме верности, и эту верность должны они тщательно и обоюдно блюсти при всех вышеназванных обстоятельствах... Обязанность вассала — отдавать себя в заложники за своего сеньера для вызволения его из темницы, если сеньер будет просить о том лично, либо через какого-либо вестника. И всякий, кто признал себя вассалом другого, в случае, если сеньер его окажется во время битвы пешим среди врагов или иначе подверженным опасности смерти, либо лишению свободы, обязан в силу своей верности по чести приложить все силы к тому, чтобы снова посадить его на коня и спасти от этой опасности. И если он не сможет сделать этого по-другому, обязан уступить ему, по его просьбе, собственного коня или другое животное, на котором пошел в поход, помочь ему сесть верхом и всеми силами оказать содействие спасению его особы. Если же кто не выполнит по отношению к своему сеньеру вышеозначенных обязательств, он нарушит по отношению к нему свою верность, и если сеньер сможет доказать это жалобой в курию, он может поступить с ним, как с человеком, уличенным в нарушении верности. А кто выполнит по отношению к сеньеру названные обязательства, сеньер должен по своей верности приложить все силы к освобождению того или тех из вассалов своих, кои дали ему возможность снова сесть на коня, или того или тех из вассалов своих, кои отдали себя в заложники, дабы освободить его... И каждый, кто держит от другого феод и потому состоит вассалом его, обязан по ассизе отвечать за долги сеньера своего и быть поручителем за него до такой суммы, какую можно было бы получить при продаже по справедливой цене феода, который он от него держит и за который он состоит в его вассальной зависимости. А кто не выполнит этих обязательств по отношению к своему сеньеру, теряет, как полагаю, на всю свою жизнь феод, который от него держит...

Глава CCVIII. *О том, что должны делать и говорить пэры заключенного вассала, дабы освободить его, в случае, если сеньер лишит этого вассала свободы и заключит его в темницу без разрешения и без ведома курии*

Если кто-либо из сеньеров лично или через других лишит свободы кого-либо из вассалов своих и если это будет сделано без разбирательства и без ведома той курии, к которой вассал при-

надлежит, он [т. е. сеньер] нарушит тем самым свою верность по отношению к нему, и другие вассалы не должны терпеть этого.

Посему, как только узнают они, что сеньер лично или через других лишил свободы одного или несколько вассалов своих, они должны явиться перед ним и заявить ему: «Сир, нам сказали, что вы нашего пэра такого-то, и назвать его, или наших пэров таких-то, если их несколько, лишили свободы без разбирательства и без ведома курии. И вот если вы его [действительно] лишили свободы..., мы просим вас сейчас же освободить его и заставить явиться в курию. Там мы узнаем, не предложит ли он воздать по справедливости через вашу курию вам или другому, кто предъявит к нему какие-либо претензии. И мы поддержим его сообразно нашему долгу, как нашего пэра, если только он пожелает воздать через своих пэров по справедливости. Не можете вы в силу ассизы и обычая этого королевства ни лично, ни через других налагать на него руку, кроме как по разбирательству и с ведома курии, ни держать его в заключении, если предложит он воздать по справедливости в вашей курии через пэров своих: его верность и его феод служат достаточно для него порукою»...

И означенный вассал, которого сеньер лишил, таким образом, свободы, может, если пожелает, получить от него удовлетворение в том смысле, чтобы быть в течение всей своей жизни свободным от верности и от положенной службы сеньеру и владеть своим феодом без службы, сеньер же не подлежит в таком случае освобождению от верности, которою он связан по отношению к вассалу: потому это так, что сеньер по отношению к вассалу свою верность нарушил, вассал же по отношению к своему сеньеру верности не нарушил... [1]

Глава CCXI. *Как и по каким причинам тот, кто состоит в вассальной зависимости от многих сеньеров, может поднять оружие против своего сеньера, не нарушая по отношению к нему своей верности*

Если кто состоит в вассальной зависимости от многих сеньеров, можно ему, не нарушая верности, при всяких обстоятельствах и всякими способами помогать первому своему сеньеру против всех этих других, ибо стал он вассалом других с сохранением верности первому. Точно таким же образом может он помогать и каждому из прочих сеньеров, не затрагивая, однако, первого и не затрагивая тех, чьим вассалом он стал раньше того, кому желает оказывать помощь... [2]

---

[1] В дальнейшем говорится, что в случае отказа сеньера освободить арестованного вассала, пэры заключенного имеют право добиваться его освобождения силой оружия, если только сеньер лично не будет защищать входа в темницу. В последнем случае вассалы не могут в силу своей верности биться лично с сеньером и должны добиваться удовлетворения своих требований по-другому, именно — прекращением несения службы сеньеру.

[2] В дальнейшем детально регулируются правила участия вассалов в войнах его сеньеров.

Глава CCXVI. *Какие службы лежат на тех, кто обязан лично служить сеньеру; кому они обязаны служить и в каком месте*

Вот службы... которыми обязаны вассалы перед своим сеньером, коему должны они лично служить за данные им феоды, когда посылает он им оповещение лично или через других, как то полагается. Должны они идти служить, по его вызову, конно и оружно во всех местах королевства, куда он позовет их... и оставаться на службе [сроком] до одного года: по ассизе и обычаю Иерусалимского королевства не полагается более, чем на год, принимать приглашение [на военную службу]. И тот, кто обязан служить лично с рыцарем или слугою, должен нести службу по всему королевству..., если оповещение ему было сделано правильно. И если вассал призван в курию, он должен идти подавать совет тому или той, кого сеньер укажет, если это только не будет его противник или если тяжба не касается его лично, ибо никто не обязан показывать против себя самого, хотя бы было на то приказание сеньера или кого другого. Должен также участвовать [вассал] в разбирательствах, дознаниях и исках курии, если сеньер то приказывает; должен идти свидетельствовать убийства, если сеньер прикажет ему идти от имени курии; должен присутствовать по приказанию сеньера при освидетельствовании побоев, в которых обвиняют сеньера, с намерением принести на него жалобу перед курией; должен ходить по всему королевству, чтобы делать оповещения от имени курии... когда сеньер ему это прикажет..., а также быть вестником сеньера по его поручению по всему королевству; должен ходить на раздел земли и воды между тяжущимися сторонами, когда сеньер ему это прикажет, должен производить следствия, когда потребуют того от сеньера, и он прикажет ему произвести их; должен ходить на осмотр земель или чего другого, если сеньер прикажет произвести осмотр от имени курии; и должен нести всякую другую службу, какую обязаны нести члены курии, как таковые, когда сеньер им прикажет.

Все вышеназванные службы должны нести вассалы по всему королевству, всюду, куда их сеньер... ходит или не ходит, когда получат должным путем оповещение. А вне королевства обязаны они идти нести службу для сеньера в трех случаях: во-первых, в случае брака сеньера или кого-либо из его детей, во-вторых — для защиты и охраны верности и чести сеньера, в-третьих — в случае явной опасности для его сеньерии или для общего блага земли его. И тот или те, кому сеньер лично или через других законным порядком пошлет оповещение об одном из трех вышеназванных случаев службы, при выполнении в силу этого оповещения службы сеньеру должны получать от него достаточное содержание..., ибо известно всякому, что вассал [собственных] средств вне страны не имеет... Женщина же, которая держит феод, обязанный личною службою, служит сень-

еру в том смысле, что должна идти замуж по указанию сеньера, если он ей укажет, что она должна выйти замуж. Когда же она вступит в брак, муж ее обязан нести сеньеру все вышеперечисленные службы.

Глава CCXXVI-bis. *Какими службами обязан сеньеру вассал, если он преступил [предельный] возраст или очевидным образом изувечен*

Существует ассиза и обычай, согласно которым все рыцари, переступившие шестидесятилетний возраст или очевидным образом изувеченные, от личной службы освобождаются; и если таковой извинится тем, что он переступил возраст, сеньер взамен его личной службы... всякий раз при оповещении будет брать у него на военные нужды коня и оружие; и если он вчиняет иск или отвечает по делу, по которому полагается поединок, он не обязан защищаться через заместителя, если не согласится на то добровольно.

Глава CCXXVIII. *Здесь говорится о том, как может и должна ответить отказом на оповещение женщина, переступившая [предельный] возраст, когда ей предлагают взять мужа*

Когда сеньер оповещает лично или через других, как то полагается, женщину, которая держит обязанный личною службой феод, но уже переступила возраст, о том, чтобы она избрала себе мужа..., она должна явиться перед сеньером или перед тем, кто его замещает, и... заявить: «Сир, вы оповестили госпожу такую-то — и назвать ее — о службе, какую обязана она, по вашему мнению, нести лично как женщина, владеющая вашим феодом. На это, сир, отвечает она вам и я за нее следующее: она не принимает вашего оповещения и не примет его, если курия не разберет этого дела». И говорит, почему: потому, что она считает себя освобожденной от своей службы, которую должна нести лично как женщина. И говорит, каким образом. Во-первых, она знает, что есть обычай.... и ассиза... Иерусалимского королевства и Кипрского, в силу коих люди, обязанные личною службою, если они переступили шестидесятилетний возраст, от означенной службы освобождаются...

III. ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА И «БОЖИЙ МИР»

1. ИЗ РАУЛЯ ГЛАБЕРА

Рауль Глабер (родился в 985 г., умер около 1047 г.) — бургундский монах, родом из области Осерра, историк. Отличался неспокойным характером и всю свою жизнь провел в странствованиях по монастырям Франции (отчасти также Италии). Между прочим, был одно время в Клюни (около 1031—1033 гг.), а конец жизни провел в монастыре св. Германа Осеррского. Получив хорошее для того времени образование и отличаясь большой любознательностью, написал «Пять книг истории своего времени». Этот своеобразный труд, начатый автором во время пребывания его в Клюни и

оконченный в монастыре св. Германа Осеррского, имеет целью рассказать историю «четырех частей света», но в действительности излагает события из истории Франции, преимущественно Бургундии, с 900 г. Автор крайне суеверен даже для своего времени и проникнут мистическим ожиданием близкого пришествия антихриста и конца мира. Вот почему он особенно любит останавливаться на изображении стихийных и общественных бедствий своего времени и описывает мрачные видения, посещавшие и его самого, и его современников. Изложение отличается сбивчивостью, страдает фактическими неточностями и погрешностями стиля. Но в нем много таких интереснейших подробностей о событиях X—XI в., каких мы не находим ни в одном из других исторических памятников той эпохи.

Издание у Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France, t X.

Книга II, глава 10. В то время было в Бургундии, близ замка Жуаньи в доме некоего знатного человека, именем Арлебода, весьма удивительное и достопамятное предзнаменование. В течение трех лет почти непрерывно во всем доме падали камни — большие и малые. И нельзя сказать, из воздуха ли они брались, или летели через крышу... События показали, что это было знамением грядущего несчастия для проживающего в этом доме семейства. Ибо вышеназванный муж и жена его происходили от весьма благородных родителей; возникла посему у его сыновей и внуков немалая ссора с окружающими соседями из-за родительских имений.

Случилось, что некое селение в Санском округе, называемое Allanto, полученное ими от щедрот настоятелей монастыря св. девственницы Колумбаны, проживавшие в Осерре рыцари силою у них захватили. Они же всячески старались вернуть его. Много лет шел у них о том спор, пока однажды во время сбора винограда обе стороны не вступили в самом селении в битву друг с другом. Многие и с той и с другой стороны в этой битве были убиты, а из означенного дома пало 11 сыновей и внуков [Арлебода]. Со временем ссора и разногласия разгорались все более и более, и в течение 30 и более лет не прекращались бесчисленные истребления и убийства и членов означенного семейства, и врагов их.

Книга IV, глава 5. В 1000-й год от страстей христовых [1]... епископы, аббаты и другие преданные делу святой веры мужи всякого звания стали созывать собрания церковных соборов, прежде всего в областях Аквитании. Провинции Арля, Лиона и всей Бургундии, до крайних пределов Франции, следовали этому примеру. Издавались по всем епархиям распоряжения, чтобы прелаты и магнаты королевства собирались в определенных местах на соборы для установления мира и поддержания веры. При оповещении [о том] с радостью сходился во множестве весь народ — великие, средние и малые. Все ожидали решения пастырей церкви, дабы подчиниться ему с неменьшим послушанием, как если бы голос, провозглашенный с небес, посылал на землю

[1] То-есть в 1033 г. н. э.

оповещение людям; ибо страшила всех память о бедствиях минувшего времени [1], и боялись, что не в состоянии будут воспользоваться обилием грядущего урожая.

Постановления соборов, расписанные по главам, содержали не только то, что запрещалось совершать, но также и благочестивые обеты, которые решили принести в дар всемогущему господу. Важнейшим из них было постановление о соблюдении нерушимого мира; гласило оно, что каждому человеку можно ходить без оружия; похитителя же или захватчика чужого имущества по всей строгости закона либо имения лишать, либо подвергать тягчайшим телесным наказаниям. А святые места по всем церковным областям чтить и оказывать им особое уважение; если бы виновный искал там убежища, можно ему выходить без обиды, за исключением нарушителей постановлений, касающихся сохранения настоящего мира; таковым же, даже если бы их схватывали у подножья алтаря, не избегать наказаний за преступления. А всем клирикам, монахам, монахиням, также тем, кои вместе с ними по стране путешествуют, ни от кого не терпеть никакого насилия... Постановления эти всех [присутствовавших] зажигали столь великим воодушевлением, что когда епископы поднимали жезлы свои к небу, они с простертыми к господу дланями единодушно взывали: «мир, мир, мир...»

Книга V, глава 1. В то время, по внушению благодати божией, сначала в областях Аквитании, а потом постепенно и по всей территории Галлии стали из-за страха и любви божией утверждать следующее соглашение: чтобы с вечера среды и до утра понедельника не дерзал никто из смертных отнимать что-либо у кого бы то ни было силою, ни удовлетворять свое мщение какому-либо врагу, ни даже требовать залога от поручителя. Тому же, кто осмелился бы нарушать это общественное постановление, либо платиться жизнью, либо быть отторженному от общества христианского и изгнанному из родины. Всем было угодно... именовать [это соглашение] божиим перемирием...

2. ИЗ ХРОНИКИ XI в. [2]

В то время Альдуин, епископ [Лиможский], пригласив к себе Вильгельма, герцога [Аквитании], воздвиг во вред Иордану, сеньеру Шабануа, замок... близ монастыря св. Юлиана. Когда герцог вернулся [домой], поспешил Иордан с избранными людьми, чтобы разрушить замок и поразить епископа. Епископ же, набрав множество воинов и пригласив на помощь брата [своего, виконта Лиможского] Гвидо, вышел ему навстречу. И вот в жестокую зимнюю пору произошла [между ними] великая битва. После жестокого кровопролития лиможцы с епископом и виконтами

[1] Речь идет о голоде 1027 г., кошмарное описание которого оставил нам Глабер.

[2] Ex chron. Ademari Cabenensis, Bouquet, t. X, p. 150.

своими побежали. Победитель же Иордан вернулся со многими сеньерами, коих взял в плен. И уже будучи в безопасности, случайно погиб, пораженный сзади в затылок некиим рыцарем, коего он [ранее] поверг на землю. Тогда те, кои были взяты в плен его [людьми], тотчас же были за то иссечены мечами и испустили души свои вместе с [своею] кровью. Великая была о них скорбь, бо́льшая, нежели о тех, кои ранее в битве погибли. А брат погибшего Иордана Манзер малое время спустя захватил брата епископа — Аймерика — в плен и держал его в оковах до тех пор, пока не был разрушен упомянутый замок...

В то время Аймерик воздвиг на пасхальную неделю во вред сеньеру своему — графу Ангулемскому Гильому, когда означенный Гильом был в Риме, — замок Ботавиль в Сентони. А сам [ранее] обещал блюсти ему верность, поклявшись [в том] над святыми башмаками св. Епархия. Немного дней спустя сын вышеназванного графа — Йосфред — подстерег его на дороге и за то, что оказался клятвопреступником, сразил мечом, так что тот немедленно испустил дух. Граф же Гильом долго осаждал замок совместно с сыном [своим] Альдуином и, взяв его после упорной обороны, разрушил. А потом, многое время спустя, восстановил его и передал в феод сыну Йосфреду. А Гильом, виконт Мартильяка, и Одальрик — брат его — долгое время были в великой ссоре с Альдуином — [третьим своим] братом — из-за замка Руфиак... и помирились лишь через вмешательство графа Гильома, клятвенно утвердив и мир тот, и условия мирного соглашения над мощами св. Епархия. Но так как друг друга обманули и погрешили виною клятвопреступления, [все получили наказание], один ослеплением, прочие же двое лишением феодов. Ибо хитростью заманили к себе Гильом и Одальрик Альдуина. Разделив с ним трапезу, лег он почивать под их кровлею. Они же, схватив его с постели, язык у него вырвали и глаза выкололи; так Руфиак себе и забрали. Вернувшись из Рима, определил Гильом граф наказать [братьев] за такое злодейство. Призвал он герцога Гильома, осадил Мартильяк, разорил его и огнем сжег. Жизнь и члены предателям оставил, но феодов их лишил и отдал Руфиак ослепленному Альдуину. А через несколько лет Альдуин, сын названного графа, восстановил, по его повелению, Мартильяк и удержал его для своих надобностей.

3. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТЮЛЮЖСКОГО СОБОРА 1046 г. «О БОЖЬЕМ МИРЕ»[1]

1. Вот мир, учрежденный епископами, аббатами, графами, виконтами и другими богобоязненными магнатами всей епархии[2], именно: отныне и впредь да не дерзает никто силою врываться в

---

[1] Concil. Tulugiense habitum a. MXLVI. — Bouquet, XI, pp. 510—513
[2] То-есть Нарбонской.

церковь, церковную ограду, кладбище и жилище, кои есть и будут около церкви, на протяжении тридцати церковных шагов в окружности.

2. Мы не ставим под охрану этого [мира] церквей, в коих устроены или будут устроены замки; относительно же церквей, в коих грабители и тати сложили награбленное и похищенное и из коих отправляются они на преступное дело... повелеваем, чтобы и эти церкви были безопасны, доколе не поступят жалобы на преступное дело епископу или... каноникам... Если же епископ или... каноники... разберут дело преступника и вынесут приговор, а он подчиниться этому приговору не пожелает, тогда... и самому ему, и имуществу его безопасностью в означенной церкви не пользоваться. Если же кто вторгнется в церковь по иному делу или учинит там какое-либо зло другим людям, помимо вышеназванных преступников, или же если нанесет ущерб тому, что отстоит от этой церкви на расстоянии 30 церковных шагов в окружности, повинен уплатить пени за святотатство и вдвойне истцу за учиненное преступление.

3. Определили также, чтобы никто не дерзал нападать на невооруженных клириков, монахов или монахинь и обиду им или какое-либо зло учинять. Никто да не дерзает причинять вред общинам каноников, монахов или монахинь, а также землям и владениям, коими церкви нашей епархии, невооруженные клирики, монахи и монахини пользуются... А если кто сделает это, вдвойне им обязан дать возмездие.

4. Равным образом утвердили, чтобы никто в сей епархии не дерзал захватывать в качестве добычи ни кобылиц с их жеребятами моложе шестимесячного возраста, ни быков, ни коров, ни ослов, ни ослиц, ни овец, ни баранов, ни ягнят, ни коз, ни козлов, ни молодняка их.

5. Никто да не дерзает сжигать или разрушать жилища крестьян или клириков, а также голубятни их и сараи. Крестьянина, крестьянку, невооруженных клириков, монахов или монахинь никто да не смеет убивать, ранить, увечить, схватывать и подвергать наказанию иначе, как за вину их... и, однако, лишь после судебного разбирательства... Одежд, плугов и кирок у крестьян не отнимать... Оливковых деревьев не сжигать и их плодов не губить.

6. Постановили еще, чтобы никто чужого имущества не присваивал ни в виде залога, ни по другой заключенной с кем-либо сделке, если должное будет уплачено. А кто этот установленный нами мир нарушит и в течение 15 дней не даст удовлетворения потерпевшему, по истечении 15 дней вдвойне причиненный ему вред возместит, и это второе возмещение пойдет епископу и графу, который распорядится воздать по справедливости.

7. Утвердили также накрепко поименованные епископы господне перемирие, именно — чтобы непрерывно соблюдалось оно всеми христианами от заката солнца четвертого дня, то-есть

среды, до восхода солнца второго дня, то-есть понедельника. Непрерывно соблюдать его также с первого дня адвента господня[1] до восьмого дня после богоявления, когда празднуется день св. Гилярия. Соблюдать его также непрерывно с понедельника перед великим постом до первого понедельника после пятидесятницы. Также в кануны и праздники обретения и воздвижения креста господня, в три кануна и праздника св. Марии, в кануны и праздники всех апостолов и в канун и праздник св. Лаврентия. Постановили еще отнести сюда кануны и праздники св. Павла Нарбонского, св. Иоанна Крестителя, св. апостолов, св. архангела Михаила, св. Мартина Исповедника и всех святых. Сюда же отнесли посты четырех времен года[2]. Означенные дни перемирия господня поименованные епископы постановили соблюдать со включением предшествующих и последующих ночей, именно — от заката солнца, когда начинается это перемирие господне, до восхода солнца, когда оно кончается. Если же кто во время этого божьего перемирия учинит кому-либо какое-либо зло, вдвойне ему вред возместит, а потом подвергнется испытанию холодной водой... Если же кто во время этого перемирия по своей воле, без всякого повода человека умертвит... определили тому быть во все дни его жизни в изгнании. Если же совершит это по какому-либо поводу, быть ему в изгнании на срок, какой положит епископ с канониками...

Запретили также воздвигать в течение этих непрерывных перемирий, именно — адвента господня и великого поста, всякие замки и укрепления, если постройка их не начата за 15 дней до наступления этих непрерывных перемирий. А тяжбам и разбирательствам о нарушении мира и перемирия божия быть перед епископом и канониками его во всякое время... Тех же, по отношению к которым епископ и каноники означенной кафедры произнесут приговоры для восстановления мира и перемирия господня, а также их поручителей и заложников в соблюдении мира..., в случае недобросовестности их..., отлучать от церкви... вместе с их покровителями и помощниками... В таком случае и их самих, и имущество их не считать состоящими под покровительством мира и перемирия господня.

4. ПИСЬМО БЕРНАРА, ЕПИСКОПА БЕЗЬЕ, О СОБЛЮДЕНИИ «БОЖЬЕГО МИРА» (1170 г.)[3]

Бернар, божией милостью епископ Безье, возлюбленному своему Видуину, архипресвитеру Безье, мир и привет. Полагаю я, дражайший [брат мой], что по справедливости за множество прегрешений наших — не только в прошлом, но и в настоящем —

[1] Так назывались четыре недели перед рождеством христовым.

[2] То-есть посты: весенний (в марте), летний (в июле), осенний (в сентябре) и зимний (в декабре).

[3] Histoire générale de Languedoc, t. III, Preuves, p. 118.

ниспосланы нам бедствия, кои мы терпим... Но хотя и утеснены мы великими войнами и опасностями, все же, возлагая упование на милосердие божие, блага и мира для земли жаждем достигнуть. Призвали мы посему Раймонда, виконта [Безье] и рыцарей земли [сей] и заставили их принести клятву [о соблюдении] мира. Под охрану мира поставили: всех монахов с имуществом их, всех клириков с имуществом их, всех крестьян с имуществом их, всех рыбаков, охотников, женщин и тех, кои сопровождают их без оружия; участников похоронных процессий, всех неподкованных кобылиц, всех вьючных животных с вьюками их, всех путников и купцов со всем имуществом, какое везут или несут они; быков, коров, овец, свиней, коз, мельницы и оливковые насаждения.

Посему по долгу нашему в обязанность вам вменяем: увещевайте прихожан своих, чтобы до последнего воскресенья перед вознесением господним принесли клятву о соблюдении мира и о принуждении всех, кто нарушит его, являться по нашему вызову в Сарзак для судебного разбирательства. Если же кто из сеньеров, владеющих замками, клятвы о соблюдении мира до названного воскресенья не принесет, да не совершается во всем приходе божественная служба, пока не даст клятвы. Все прочие с 15-летнего возраста, буде принести клятвы не пожелают, да будут отвержены от церкви... постановили мы также, чтобы от заката солнца среды до восхода солнца понедельника все безоружные были под охраною божьего перемирия, дабы никто не смел брать кого-либо в плен, истязать и зло ему учинять.

IV. ГОЛОДОВКИ

ИЗ РАУЛЯ ГЛАБЕРА (1032 г.) [1]

В следующем году голод по всей земле стал усиливаться, и гибель угрожала почти всему роду человеческому. В погоде наступило такое безвременье, что нельзя было найти дней, подходящих для посева или удобных для уборки хлеба, вследствие того, что поля были залиты водой. Казалось, что все стихии вступили между собой в ожесточенную борьбу, между тем как, без сомнения, они являлись карой за гордыню человеческую. Непрерывными дождями вся земля была залита до того, что в течение трех лет нельзя было найти борозды, годной для посева. А ко времени жатвы сорные травы и проклятый куколь покрыли поверхность всех полей. Мера семян, где они хорошо всходили, давала секстарий [2], а с секстария получалась едва горсть.

Появился голод этот — в отмщение за грехи — впервые на Востоке; обезлюдив Грецию, пошел он на Италию, распространился отсюда по Галлиям, перекинулся ко всем народам Англии.

[1] Bouquet, X.
[2] То-есть $^1/_6$ меры.

И весь род человеческий изнывал из-за отсутствия пищи; люди богатые и достаточные чахли от голода не хуже бедняков; ибо при всеобщей нужде сильным не приходилось больше грабить. Если кто-либо находил что-нибудь съестное для продажи, то мог запрашивать какую угодно цену — и получил бы сколько угодно. Ибо почти везде мера хлеба продавалась за 60 солидов, а кое-где за секстарий платили 15 солидов. Когда переели весь скот и птицу, и голод стал сильнее теснить людей, они стали пожирать мертвечину и другие неслыханные вещи. Чтоб избежать грозящей смерти, некоторые выкапывали лесные коренья и водоросли; но все было тщетно, ибо нет убежища против гнева божия, кроме него самого. Страшно рассказывать, до какой степени доходило падение человеческого рода. Увы! Горе мне! То, о чем раньше и слышать редко приходилось, — к тому побуждал теперь бешеный голод; люди пожирали мясо людей. На путников нападали те, кто был посильнее, делили их на части, и, изжарив на огне, пожирали. Многие, гонимые голодом, переходили с места на место; их принимали на ночлег, ночью душили, а хозяева употребляли их в пищу. Некоторые, показав детям яблоко или яйцо и отведя их в уединенное место, убивали и пожирали. Во многих местах тела, вырытые из земли, тоже шли на утоление голода. И эта безумная ярость дошла до того, что звери, жившие уединенно, в отдалении от людей, были в большей безопасности, чем люди. Ибо есть мясо людей казалось до такой степени обычным, что некто вынес его вареным на рынок в Турнюс, как какую-нибудь говядину. Его схватили, он не отрицал своего преступления; его связали и сожгли на костре. Мясо же, зарытое в землю, ночью другой вырыл и съел; его также сожгли...

Тогда в этих местах стали пробовать то, о чем раньше никто никогда и не слыхивал. Многие вырывали белую землю вроде глины и из этой смеси пекли себе хлебы, чтобы хоть так спастись от голодной смерти. В этом была их последняя надежда на спасение, но и она оказалась тщетной. Ибо лица их бледнели и худели; у большинства кожа пухла и натягивалась. Самый голос у этих людей делался так слаб, что напоминал собою писк издыхающих птиц. И тогда волки, привлеченные трупами, оставшимися из-за множества покойников непогребенными, стали делать своей добычей людей, чего уже давно не было. И так как невозможно было, как мы сказали, благодаря многочисленности, погребать каждого покойника в отдельности, в некоторых местах люди богобоязненные рыли ямы, а народ называл их «свалками». В этих ямах хоронили сразу 500 и даже еще больше трупов, сколько войдет. И валили туда трупы без всякого порядка, полунагие, без саванов; даже перекрестки дорог и поля, лишенные жнивья, шли под кладбища. Если же где проносился слух, что будет лучше, коли уйдешь в другие места, [они шли], но многие в пути, ослабев, умирали. Свирепствовал тот ужасный голод по всей земле в меру грехов человеческих целых три года. На нужды

бедных растрачены были все церковные сокровища, исчерпаны все вклады, изначала предназначенные согласно грамотам на это дело. Но так как мера праведной мести божией не была удовлетворена, то в большинстве мест даже церковных сокровищниц нехватало на нужды бедствующих. Люди, истощенные продолжительным голодом, если им удавалось наесться, распухали и тотчас же мерли. Другие же, прикасаясь руками к пище и пытаясь поднести ее ко рту, падали в изнеможении, будучи не в силах исполнить свое желание.

V. ВОЕННО-РЫЦАРСКИЙ БЫТ ПО «ПЕСНЕ О РОЛАНДЕ»

«Песнь о Роланде» — высокое проявление поэтического творчества французов в области национального эпоса — сложилась как завершение целого цикла «песней о подвигах», связанных единым сюжетом (поражение арьергарда войска Карла Великого в Ронсевальском ущелье). При поэтической обработке данного сюжета многочисленными профессиональными певцами-импровизаторами (труверами) историческая обстановка события совершенно утратилась, и все оно целиком оказалось перенесенным в обстановку феодального общества X—XI вв. Трагически погибший в Ронсевальском ущелье начальник Бретонской марки Роланд превратился в идеальный тип феодального вассала, олицетворявшего все феодальные добродетели, а император Карл Великий — в идеальный тип феодального сюзерена, окруженного доблестными пэрами героического Роланда. Двор мусульманского царя Марсилия тоже представлен в чисто феодальной и притом французской обстановке. Вот почему «Песнь о Роланде» является одним из наиболее ценных источников для изучения французского феодального общества накануне крестовых походов.

Приводимые ниже отрывки взяты из художественного и в общем точного перевода «Песни о Роланде» Де-ла-Барта (1897).

(Карл Великий «семь долгих лет в Испании сражался». В его руках вся страна, за исключением Сарагоссы, в которой правит неверный царь Марсилий. Сарагосские сарацины посылают посольство к Карлу, чтобы притворным обещанием креститься добиться ухода французов из Испании. Посольство застает Карла в Кордове.)

Могучий Карл и радостен и светел:
Он взял Кордову, стены разгромил,
На землю он поверг твердыни башен...
И знатная добыча людям Карла
Досталась там, — набрали без конца
И серебра, и золота литого,
Роскошных сбруй, доспехов драгоценных...
Язычников в Кордове не осталось:
Побитых тьма — живые крещены!
Великий Карл сидит в саду роскошном:
Вокруг него Роланд и Оливьер.
И вождь Самсон, и Ансеис надменный,
Жоффрей д'Анжу, знаменоносец Карла.
Жерен, Жерье, Ивон и с ним Иворий,
Одон-силач, гасконец Энжелье,
За ним старик Жирар из Руссильона

И славный вождь могучий Беранжье.
Но кроме них, там многие другие:
Баронов Карла — всех пятнадцать тысяч.
Сидят на белых шелковых коврах,
Играют в кости; те же, кто постарше
И кто умней, — те в шахматы играют.
Вдали проворных юношей толпы
Увлечены потехой богатырской...
Под сенью ели, где цветет шиповник,
Сидит на троне золота литого
Прекрасной нашей Франции король.
Волной седые кудри ниспадают,
А борода его белее снега,
Прекрасен Карл, горда его осанка:
Узнали сразу франков властелина
Послы испанцев, спешились они,
Любовно все приветствовали Карла.

(Предложения сарацин Карл обсуждает в совете своих баронов.)

...Рано встал король
И, выслушав обедню, сел под елью,
Затем велел позвать своих баронов
(Он не хотел решать без них дела).
Могучий Карл сидит под сенью ели,
Своих баронов он к себе зовет;
Пришел Ожье, Турпин архиепископ,
Старик Ричард, его племянник Генрих
И храбрый вождь гасконский — Аселин,
Пришел Жерен, Жерье, Тибальд из Реймса,
И брат его двоюродный — Милон,
И граф Роланд с могучим Оливьером —
До тысячи сошлось баронов Карла, —
Меж ними был изменник Ганелон.
И сели все. Тогда совет был принят,
Принесший франкам столько тяжких бед.

(В совете баронов, по предложению Роланда, решено послать к Марсилию для переговоров Ганелона. Ганелон уверен, что не вернется от Марсилия живым, и негодует на Роланда, которого считает виновником своего несчастья. Король велит ему немедленно собираться в путь.)

Граф Ганелон ушел в свою палатку,
Стал выбирать доспехи боевые:
Надел златые шпоры, у бедра
Привесил меч Мурглейс, на Ташебруна,
На скакуна вскочил — стальное стремя
Ему держал могучий Гюйнемер
(Он Ганелону дядей был). И тут же
В слезах стояли многие вассалы...

(Из-за ненависти к Роланду Ганелон замышляет измену и сговаривается с Марсилием погубить Роланда: полки Марсилия должны напасть в горных теснинах на арьергард Карлова войска, которым будет командовать Роланд. Получив от Марсилия подарки, Ганелон невредимым возвращается к Карлу. Французское войско, во исполнение договора с Марсилием, выступает из Испании, причем, по коварному совету Ганелона, начальником арьергарда назначается Роланд. Французы подходят к границам Франции, но их мучат тяжелые опасения за участь Роланда.)

Высоки горы, мрачен ряд ущелий,
Среди теснин камней чернеют груды...
Весь день уныло шли дружины Карла,
На много лье вокруг был слышен гул.
Когда дошли до Франции великой,
Увидели Гасконь — владенье Карла,
О многом здесь припомнили они:
О почестях, поместиях и ленах,
Об юных девах, женах благородных.
Заплакали французы в умиленье, —
Но больше всех печален император:
Среди теснин, в краю чужом, средь гор
Оставил он племянника, Роланда, —
И славный Карл заплакал-зарыдал.
Рыдает Карл, идут печально франки,
Боятся все, трепещут за Роланда,
Изменник-франк его неверным предал
За золото, за ценные подарки:
Забрал он много шелковых ковров,
Коней ретивых, мулов, львов, верблюдов...

Марсилий-царь зовет свои дружины,
Всех кличет он князей, эмиров, графов,
Детей их, всех вассалов, — в трое суток,
Четыреста он тысяч их набрал.
Со всех сторон рокочут барабаны
И на вершине башни высочайшей
Поставлен идол бога Мухаммеда.
И все к нему молитвенно взывают,
Затем идут чрез горы и долины —
И вот пред ними франкские знамена
И пэров стан. Уж близок страшный бой.

Тройные брони мавры надевают,
У всех щиты, мечи из крепкой стали,
А шлемы их — работы сарагосской.
Торчат рядами копья боевые,
И веют мавров пестрые значки,
Окрашенные в темный цвет, и в белый,

И в красный цвет. Сошли с дорожных мулов
И на коней вскочили сарацины.
Был ясный день, светило ярко солнце,
Метали сбруи тысячи огней,
И множество рогов вокруг гремело,
Великий гул услышали французы.
«Товарищ мой, — воскликнул Оливьер, —
Сдается мне, что ныне с сарацином
Жестокий бой французам предстоит».
Роланд в ответ: «Ну, что же, слава богу,
За короля должны мы храбро биться:
Обязан каждый витязь за сеньера
Терпеть лишенья, раны, холод, зной,
Жалеть не должен кровь свою и тело!
Товарищи! сплеча рубите мавров,
Чтоб песнь о нас позорную сложить
Не мог никто. Всевышний не за мавров,
Ведь наше дело правое — святое,
Худой пример я не подам, друзья!»

(Верный товарищ Роланда — Оливьер, видя несметные войска сарацин, советует ему трубить в рог, чтобы призвать на помощь Карла.)

...«Друг Оливьер, оставь такие речи! —
Сказал Роланд, — великий император
Оставил с нами двадцать тысяч войска,
Не чаял он, что есть меж нами трус!
Обязан каждый рыцарь за сеньера
Терпеть и зной, и холод, и лишенья,
Жалеть не должен кровь свою и тело.
Друг Оливьер, рази копьем булатным,
Рубить врагов я буду Дюрандалем,
Его мне дал великий император.
И здесь меня постигнет смерть, —
Кому мой меч достанется, тот скажет:
«Владел им верный, доблестный вассал!»

(Перед боем Роланд объезжает свои войска.)

Чрез горные испанские теснины
Промчался граф Роланд на Вейлантифе,
На скакуне своем. Прекрасен граф,
Ему к лицу доспехи боевые,
В руках он держит острое копье,
Играет им и к небу голубому
Подъемлет он стальное острие;
К копью значок привешен белоснежный,
И от него до самых рук спадают
Златые ленты; горд Роланд могучий,
И счастием блистает лик его.

Гарцует рядом друг его прекрасный...
«Ты наш оплот, ты славный наш защитник!» —
Кричат Роланду франкские полки.
Он бросил взгляд суровый на неверных,
С любовью нежной смотрит на французов
И ласковое слово им сказал:
«Товарищи, коней своих сдержите,
Идут себе на гибель сарацины,
Захватим мы великую добычу,
Какой никто из франкских королей
Не добывал доныне». Так он молвил,
На бой дружины начали сходиться.

(Последовавшая затем битва, в сущности, сводится к поединкам между сарацинскими и французскими рыцарями.)

Жерен копьем Мальпримия ударил, —
Динария не стоит мавра щит:
Хрустальное навершье разлетелось,
Распался щит на несколько кусков.
Жерен прорвал броню одним ударом
И в грудь врагу всадил свое копье.
Тогда с коня на землю мавр испанский
Сраженным пал — взял душу сатана.
Жерье копьем эмира поражает,
Он щит пробил, рассек на мавре броню,
Копье всадил врагу он прямо в сердце·
Жесток удар — насквозь чрез тело мавра
Прошло копье; эмир упал сраженным...
«Вот бой — так бой!» — воскликнул Оливьер.

...Все шире бой распространялся,
Роланд себя нимало не жалеет, —
Копьем разит испанских сарацин,
Пятнадцать он нанес ударов маврам.
И вот — копье на щепки разлетелось!
Тогда Роланд извлек свой Дюрандаль,
Пустил коня, Шернублия ударил
И шлем рассек, каменьями покрытый,
Стальной шишак рассек и волоса,
Глаза рассек, лицо, и грудь, и броню,
Спинной хребет, рассек седло златое, —
В спине коня завяз булатный меч, —
И конь и мавр на поле битвы пали...

Вот Оливьер по полю битвы мчится:
В его руке осколок от копья;
Помчался граф на мавра Мальзарона
И щит разбил, украшенный цветами;

Глаза и мозг испанца от удара
К его ногам упали на траву.
Граф Оливьер убил семьсот неверных —
И все копье на щепки разлетелось.
«Что вижу я? — воскликнул граф Роланд, —
Друг Оливьер, ты ныне безоружен!
Не так сегодня с нами бьются мавры,
Чтоб их могли дубиной мы прогнать!
Нам сталь нужна и твердое железо!
Куда девал ты свой булатный меч,
Свой Альтеклер, на нем златые дужки,
Из хрусталя вершина рукояти?»
«Мне недосуг извлечь его! — ответил
Граф Оливьер, — врагов разить я должен!»

Могуч, бесстрашен, мудр был мавр Грандоний,
Он никогда с Роландом не встречался,
Но по красе, по стройности, по взгляду
Его признал он: страх объемлет мавра.
Бежать... куда? его Роланд ударил
И до забрала шлем его рассек,
Всю голову рассек, и нос, и зубы,
И золотом расшитый крепкий панцырь,
Из серебра луку рассек, — глубоко
Вошел в коня булатный Дюрандаль.
Упал с коня Грандоний, — застонали
Дружины все испанских сарацин.
«Недурно бьет наш доблестный защитник!» —
Воскликнули французские полки.

(Французы, несмотря на свою доблесть, ничего не могут поделать с бесчисленными полчищами сарацин, и товарищи Роланда гибнут один за другим. Тогда Роланд решается, наконец, затрубить в свой звонкий рог Олифант.)

К устам своим Роланд свой рог приставил,
Напряг все силы, зычно он трубит;
На тридцать лье чрез горные вершины
Заветный рог раскатами гремел.
Услышал Карл, услышали французы, —
Сказал король: «Дерутся люди наши!»
Ему в ответ изменник Ганелон:
«Когда б другой сказал такое слово, —
Его почел бы всякий за лжеца!»

С усилием отчаянным и болью
Трубит Роланд — багряной, свежей кровью
Его уста покрыты. На челе
Все крепкие перервалися жилы...
Гремит протяжно зычный Олифант —

Услышал Карл среди ущелий мрачных,
И вождь Нэмон, и все дружины франков, —
Сказал король: «Роланда рог гремит,
Не станет даром звать меня племянник.
Там бой кипит!..»

(Карл поворачивает войска на помощь Роланду.)

Могучий Карл велел трубить — и франки
Сошли с коней, доспехи надевают:
Надели брони, шлемы и щиты,
А у бедра, украшенные златом,
Привесили булатные мечи.
Их копья крепки: в красный цвет, и в темный,
И в белый цвет окрашены значки.
На боевых коней вскочили франки,
Во весь опор несутся по ущельям;
«О, если б нам застать в живых Роланда, —
Так молвит каждый, — страшные удары
Мы б вместе с ним неверным нанесли!»
Напрасно все: они примчатся поздно!

Пылал закат, светило ярко солнце, —
Горели шлемы, брони и щиты,
Узорами покрытые. Сверкают
Стальные копья, цветом золотистым
Горят на солнце пестрые значки.
Исполнен гнева, мчится император,
За ним в печали мчится франков строй, —
Рыдают все, трепещут за Роланда...
Во весь опор несется Карл Великий,
Поверх брони висит брада седая,
Вокруг него французские дружины
Несутся вскачь, исполнены тоски:
Досадно им, что там, в ущельях мрачных,
Роланд без них с неверными дерется...

(Тем временем в отчаянной борьбе с сарацинами погибают последние соратники Роланда.)

Объял смертельный холод Оливьера, —
Не слышит он, не видит ничего:
Уж помутились очи, — все кружится...
Он лег на луг, — с горячею молитвой
Скрестил он руки белые свои:
Во всех грехах он просит отпущенья,
Смиренно просит господа Христа,
Чтоб рая дверь раскрыл пред ним всевышний.
За родину, за Францию, за Карла

И за Роланда — друга дорогого —
Его уста молитву к богу шепчут.
Он ослабел, во весь свой рост простерся,
Не бьется сердце, — смерть его постигла...
Охваченный печалью безграничной,
Над ним рыдает друг его Роланд...

Когда Турпин почуял, что на землю
Повергнут он, что дротика четыре
В него вонзились, — вновь вассал отважный
Вскочил проворно, бросился к Роланду
И так сказал: «Нет, я не побежден,
Пока хоть искра жизни в нем таится,
Не должен сдаться доблестный вассал!»

На мураве лежит архиепископ —
Турпин из Реймса, рыцарь благородный,
Служитель бога; просит он прощенья
В своих грехах и поднял очи к небу,
И руки в знак смирения скрестил...
Погиб Турпин за Карла-властелина,
Мечом своим и проповедью славной
Служил всю жизнь он против сарацин.
Пошли, господь, его душе спасенье!

(Перед смертью Роланд хочет разбить свой булатный меч Дюрандаль, чтобы не оставить его в добычу сарацинам.)

Роланд ударил меч о твердый камень,
Летят куски гранита на траву.
И сталь звенит, но меч не зазубрился
И не разбит, — от камня отскочил он.
И видит граф Роланд, что не под силу
Ему разбить булатный меч, — и тихо
Оплакивать он стал свой Дюрандаль:
«Как ты красив, как свят, мой меч булатный,
В твоей златой, тяжелой рукояти,
Хранятся мощи: зуб Петра из Рима,
Василия святого кровь и там же
Владыки Сен-Дениса волоса,
В тебе кусок от ризы приснодевы, —
Не должен ты язычникам достаться,
Христов слуга тобой владеть лишь должен!
Тобою столько стран я покорил,
Владея ими, славен император,
Могучий Карл — седобородый вождь!
О, если б ты, мой добрый меч булатный,
Презренным трусам в руки не достался!»

Почуял граф, что близок час кончины:
Чело и грудь объял смертельный холод...
Бежит Роланд, — и вот, под сенью ели
На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч и зычный Олифант.
Он лег лицом к стране испанских мавров,
Чтоб Карл сказал своей дружине славной,
Что граф Роланд погиб, но победил,
В своих грехах он просит отпущенья,
И к небу он перчатку протянул.

Лежит Роланд лицом к земле испанской,
Лежит под сенью ели. Вспомнил он
О многом вдруг: о землях, им добытых,
О родине, о Франции-красе,
И вспомнил он о Карле-властелине,
Своем кормильце, — слезы удержать
Не мог Роланд...

(Карл является на помощь слишком поздно. Видя свою побитую дружину, он немедленно бросается в погоню за сарацинами и уничтожает их войско. Ночь застает французов на поле битвы.)

Расположился на ночь Карл Великий,
Сошли с коней в той местности пустынной
Его дружины. Сняв уздечки, седла,
Они коней пустили там пастись
На луг, травою свежею покрытый.
О скакунах оставя все заботы,
Усталые французские бароны
Там на земле лежали. В эту ночь
Никто не правил стражи, все заснули.

На мураве лежит могучий Карл:
Он в головах свое копье поставил
И лат, блестящих золотом, не снял,
На нем блестит и шлем его, а дивный
Булатный меч привешен у бедра.
Звался тот меч Жойез — и в день единый
Его цвета менялись тридцать раз.
Известно всем, что волею господней
Могучий Карл достал конец копья,
Которым наш господь, наш искупитель
Был на кресте врагами прободен.
То острие великий император
Велел сокрыть в тяжелой рукояти
Булатного меча. С тех самых пор
И Карла меч в честь этого был назван
Жойез — то знают все бароны наши.

Их крик «Монжой» в честь этого меча
Грозой гремит всегда на поле битвы,
И ни один народ не устоит.
Луна блестит, и ночь светла. В печали
Лежит король, — он вспомнил о Роланде,
Об Оливьере, пэрах, прочих франках,
Они в крови лежат среди теснин!
И зарыдал великий император,
Он бога просит души их спасти...
Устал король, трудов великих много
Он перенес в тот день — и Карл заснул.
С ним рядом там лежат его дружины,
Устали кони: ни один из них
Не мог стоять, травой кормились лежа...
Да, кто немало бедствий претерпел,
Тот многому научится, конечно!

(Тем временем на помощь царю Марсилию подходят грозные африканские войска эмира Балигана.)

Огромны силы диких африканцев,
И по волнам плывут их корабли,
С вершины мачт карбункулы сверкают,
И фонари, и светочи горят.
Все море свет великий озаряет,
И ночью вид прекрасен волн морских,
Вот — Балиган в Испанию приехал:
Как солнцем все вокруг озарено,
Испанский царь о том узнал тотчас же...

Марсилий-царь увидел Балигана,
Позвал к себе двух графов мавританских
И молвил им: «Меня приподнимите
Скорей, друзья!» — и левою рукою
Эмиру он перчатку протянул.
«Мои все земли, ленные владенья
Тебе, эмир, теперь принадлежат!»

(В то время, когда франки, вернувшись в долину Ронсеваля, оплакивали и хоронили убитых, к ним подошли войска Балигана. Французы готовятся к новой битве.)

По всей долине спешились французы,
Сто тысяч их вооружалось там.
Им всем к лицу прекрасные доспехи,
Ретивы кони их, с булатных копий
Значки до самых шлемов ниспадают.
Проворно франки сели на коней —
С врагами в бой вступить они готовы.

Десятый полк из франков состоит.
В нем до ста тысяч доблестных баронов,
Их вид суров, стройны бароны наши,
Их головы покрыты сединами,
И бороды у всех белее снега,
Дубленой кожи брони их блестят,
У каждого французский иль испанский
Булатный меч; различные узоры
Щиты баронов наших украшают...
И жаждут битвы франкские вассалы,
Вскочили все на резвых скакунов,
Гремит: «Монжой!». Сам Карл ведет дружины,
Жоффрей д'Анжу несет их орифламу...
Был на коне прекрасен Карл Великий:
Поверх брони висит брада седая,
И по примеру Карла, все французы
Брады своей не скрыли под броней:
Легко узнать средь войска наших франков!
И вот они прошли долины, горы,
Прошли ущелья мрачные, пустыни, —
В земле испанской стали на лугу.

(Готовятся к битве и сарацины Балигана.)

Со всех сторон рокочут барабаны,
Весь стан неверных трубы оглашают,
Гремят повсюду зычные рога,
На бой арабы все вооружались.
Эмир, не медля, броню надевает
(Ее края все золотом расшиты);
Он шлем надел в каменьях драгоценных
И добрый меч привесил у бедра,
Он в гордости своей примеру Карла
Последовать хотел и называет
Свой меч «Пресьез», — и в битве это имя
Язычникам служило ратным криком.
Эмир на шею щит большой надел,
Из хрусталя и золота навершье
Его щита, а ручка вся в атласе;
Схватил эмир свое копье «Мальтей»,
Как палица — копья стального древко,
А наконечник тяжести такой,
Что мул один стащить его не мог бы.

На скакуна вскочил тогда эмир —
Поганых вождь — и стремя гость заморский
Маркуль держал. Прекрасен Балиган:
Широкобедр и статен, грудь огромна,
Широки плечи, светел взор орлиный,

И лик суровый блещет красотой,
На лоб седые кудри ниспадают,
Они белей, чем яблоня в апреле.
Эмир могуч, отважен. Боже правый,
Как жаль, что он не верует в Христа!
Вот был бы вождь! Он шпоры золотые
Всадил в коня — и кровь течет ручьем!
Понесся конь, и ров скачком могучим
Перескочил он футов в пятьдесят...

(Окончательный исход сражения решается поединком между Карлом Великим и Балиганом.)

Могуч властитель Франции прекрасной,
Ему эмир в отваге не уступит,
Они мечи стальные обнажили
И бьют сплеча друг друга по щитам.
Рассечены и дерево, и кожа,
На землю пали гвозди и навершья,
В одних бронях остались два борца,
Мечи со шлемов искры выбивают,
И меж вождями бой не прекратится,
Пока себя виновным не признает
Неверных вождь иль франков властелин.
«Сдавайся, Карл! смиренно о пощаде
Проси меня! — воскликнул Балиган, —
Ты моего убил сегодня сына,
В мою страну ты вторгся беззаконно...
Но я тебе отдам свои владенья
До самого Востока, если ты
Меня своим признаешь сюзереном!»
И молвил Карл: «Позор меня постигнет,
Не должен я с язычником мириться;
Крестись — и я готов тебя любить,
Уверуй только в истинного бога!»
Эмир в ответ: «Ты — скверный проповедник!»
И вновь звучат булатные мечи.
Могуч эмир: по шлему золотому
Он короля французов поразил
И шлем разбил, каменьями покрытый,
И волоса рассек; всю кожу, мясо
Булатный меч от кости отделил.
И шириной с ладонь нанес он рану.
От страшного удара покачнулся
Могучий Карл, — но не судил ему
Небесный царь погибнуть в этой битве:
Сам Гавриил опять слетел на землю
И молвил: «Карл Великий, что с тобою?»

И ангела узнал владыка франков,
Он вновь почуял силу и отвагу.
Мечом своим эмира поразил:
Он шлем рассек, каменьями покрытый,
Рассек весь череп, мозг рассек, лицо
До бороды седой, — убит на месте
Неверных вождь — язычник Балиган.
«Монжой!» — воскликнул зычно император,
Чтоб франков рать скорей его узнала,
И вот, — Нэмон приводит Тасендюра,
Вскочил король на резвого коня;
Так хочет бог — бегут толпы неверных:
Настало наших франков торжество!

(Карл захватывает Сарагоссу и насаждает здесь христианскую веру.)

Проходит день, уж вечер наступает,
На небе блещет месяц, словно пламя,
Сверкают звезды. Занял город Карл;
Он дал приказ: и тысяча баронов
Обходят все мечети, синагоги,
И молотом, и ломом сокрушают
Все идолы святилищ Мухаммеда,
Все колдовство, все чары навсегда
В том городе король наш уничтожил,
Он хочет богу службу сослужить:
Епископы там воду освятили
И повели креститься сарацин.
Кто не хотел креститься, — тех, не медля,
Французы жгли, и вешали, и били...
Сто тысяч мавров были крещены, —
Все добрыми сынами церкви стали.

(Оставив в Испании гарнизоны, Карл возвращается во Францию. Происходит суд над Ганелоном.)

Сошлись баварцы, саксы, аллеманы,
Норманны, франки, жители Пуату,
Суд начался. Альвернские бароны
Всех милостивей судят Ганелона
(На них имел влиянье Пинабель [1]).
«Зачем судить! — так молвили друг другу
Бароны эти. Карла попросить
Должны мы все оставить суд над графом:
Пусть Карл простит ему на этот раз!
Не воскресить убитого Роланда
Ни за какие деньги! Тот безумен,

[1] Пинабель — родственник и защитник Ганелона.

Кто за него пойдет на поединок!»
Согласны все, у всех одно решенье,
Лишь не согласен славный вождь Тьерри.

Свой приговор они приносят Карлу:
«Прости ты графа, Карл, тебе по чести
Служить он будет, — он могучий витязь,
Он славный вождь, — оставь его в живых!
Погиб Роланд, его мы не увидим, —
Его никак уж нам не воскресить!»
«Предатели!» — воскликнул император.

Увидел Карл, что всеми он покинут.
«О горе мне!» — воскликнул он в печали,
Поник челом; к нему Тьерри подходит —
Жоффрея брат, анжуйского владыки,.. —
Он молвил Карлу: «Карл, не падай духом,
О государь, я верный твой слуга!
Я здесь имею право по рожденью
Средь королевских судей восседать!
Какую бы обиду Ганелону
Ни причинил наш доблестный Роланд, —
Он был на службе Карла, эта служба
Должна была ему защитой быть!
Граф Ганелон — изменник и предатель,
Клятвопреступник он, его на казнь
Позорную я громко осуждаю:
Пусть будет он повешен, как изменник».

*(Судьба изменника решается поединком
Пинабелия и Тьерри Анжуйского.)*

Тьерри сплеча могучий враг ударил
По шлему, — искры яркие летят,
От них ковыль степная запылала,
Меч поперек лица Тьерри прошел,
И лезвием всю щеку окровавил,
До живота всю броню распорол, —
Но не судил господь Тьерри погибнуть.

Почувствовал Тьерри, что сильно ранен,
Струится кровь ручьями на траву...
Противника ударил он по шлему
И до забрала шлем его рассек.
На землю брызнул мозг, убит на месте
Сорентский вождь, могучий Пинабель,
Удар Тьерри окончил поединок...
«Вот божий суд, — воскликнули французы, —
Повесить надо графа Ганелона,
А вместе с ним и родичей его!»

Арабы

Введение

Документ 1 представляет собою два отрывка из легендарной биографии Мухаммеда, освещающей тот ранний период его проповеднической деятельности, когда Мухаммед навлек на себя гнев местной мекканской курейшитской знати.

Первый из этих отрывков показывает, что Мухаммед не сразу объявил себя посланцем аллаха, а сделал это лишь тогда, когда по прошествии трех лет он успел приобрести значительное число единомышленников.

Второй отрывок характеризует конфликт между Мухаммедом и представителями курейшитской знати. Богатые и именитые купцы-курейшиты Мекки, как говорит документ, заключали в тюрьму последователей Мухаммеда и всячески старались отвлечь их от новой веры.

Устранение Мухаммеда с помощью убийства или ареста представлялось опасным, так как могло вызвать возмущение и открытое восстание его сторонников. Поэтому Мухаммеда пытаются подкупить, обещают сделать его самым богатым человеком в Мекке.

Встретив со стороны Мухаммеда противодействие, знатные курейшиты пытаются его дискредитировать, требуя, чтобы Мухаммед совершил «чудеса» и этим доказал свою близость к аллаху.

В документе подчеркивается, что Мухаммед внес своею проповедью раскол в среду мекканцев. Единодушное негодование знати, осуждавшей Мухаммеда и его новую веру, показывает, что первоначальными сторонниками Мухаммеда являлись те, кого боялась мекканская знать, то-есть обездоленные и обнищавшие соплеменники, на которых тяжко отозвались последствия торгового кризиса VI в., вызванного вторжениями иранских и эфиопских войск и длительным прекращением хеджасской караванной торговли. Влияние, которое оказал упадок торговли на положение народных масс, отмечал Маркс:

«Ко времени Магомета торговый путь из Европы в Азию значительно изменился, и арабские города, принимавшие видное участие в торговле с Индией и т. д., находились в то время в торговом отношении в состоянии упадка, что, конечно, также дало толчок» [1].

Рассказывая о начале деятельности Мухаммеда и его конфликте с курейшитской знатью, учитель может указать, что Мухаммед привлекал сторонников благодаря тому, что в своих ранних проповедях он резко нападал на «обмеривающих» и «обвешивающих», на тех, кто «неправедным путем наживает богатство». Разоренные упадком караванной торговли и нещадно обираемые богачами-ростовщиками, бедняки Мекки сплотились вокруг Мухаммеда, разделив тем самым Мекканскую общину на два лагеря. В подобном рассказе документ 1 может послужить в качестве иллюстрации и даже отчасти отправной точки.

Документ 2 описывает завоевание Мекки. Этот пространный документ может быть легко обобщен одним-двумя замечаниями учителя, рисующего то соотношение сил, которое создалось между курейшитскими властителями Мекки и грозным лагерем недовольных, сосредоточившихся в Медине (Ятриб),

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 488 Письмо Маркса Энгельсу от 2 июня 1853 г.

где группировались последователи Мухаммеда, в том числе и некоторые бедуинские племена, целиком перешедшие на его сторону.

Данные документа указывают на то, как это неравенство сил осознавалось современниками. Они убедились в невозможности сопротивления Мухаммеду, организовавшему гигантский лагерь недовольных, вступивших в успешную борьбу с Меккой. Документ можно предложить вниманию нескольких учащихся, с тем чтобы они пересказали его содержание.

Раскрывая в своем рассказе историю борьбы Мухаммеда с курейшитской знатью и отмечая, что Мухаммед демагогически привлекал на свою сторону обездоленных и недовольных, учитель должен позаботиться о том, чтобы это не приводило к ложному выводу, будто Мухаммед выступал революционером и убежденным защитником интересов тружеников. Достаточно указать на то, что Коран содержит положения, ясно говорящие о том, что новая религия — ислам — освящала своим авторитетом интересы знатных и богатых и их господство над соплеменниками. Так, Коран повелевает карать за кражу отсечением руки, независимо от мотивов, вызвавших кражу. Коран провозглашает: «Свободный за свободного, раб за раба, женщина за женщину»,— тем самым узаконяя существование свободных и существование рабов, а также неполноправность женщин. Коран гласит: «Если бы бог не сдерживал одних людей другими, то были бы разрушены и монастыри, и церкви, и синагоги, и мечети» [1]. В данном случае имеет место ясное признание того, что власть имущие являются опорою религии, а религия — опорою власть имущих. Учитель в своем рассказе может подчеркнуть, что курейшитская знать признала затем все выгоды ислама и приняла новую веру.

Документы 3—8 освещают один из важнейших вопросов — историю арабских завоеваний, в результате которых сложилось обширное государство — арабский халифат.

Тот исторический факт, что в чрезвычайно короткий срок арабы завоевали обширные пространства, отторгнутые у Византийской империи, и сокрушили Иранскую державу, требует объяснения. Учителю в своем рассказе следует указать, что здесь значительную роль сыграло то обстоятельство, что как Византия, так и Иран были обоюдно ослаблены долголетней распрей. Еще важнее то, что местное население византийских и иранских провинций ненавидело деспотическую власть, беспощадно угнетавшую и обиравшую это население. Однако основная причина успеха арабской экспансии заложена в особенностях внутреннего строя Аравии начала VII в., толкавших кочевые арабские племена и население пришедших в упадок городов к сплочению и завоеваниям.

Подобно тому как подданные Римской империи искали спасения от ига римской державы в подчинении варварам,— земледельцы и ремесленники Палестины, Сирии и Ирана готовы были предпочесть зависимость от арабов, освобождавших их от податных обязательств, налагаемых прежними властями, и административного произвола этих последних.

В этой связи представляют большой интерес документы, рисующие взаимоотношения между арабами-завоевателями и местным населением завоевываемых провинций.

Документ 3 говорит о попытках Мухаммеда оградить от разграбления еврейские оседлые поселения, сопредельные с территорией, занятой кочевниками-арабами, и установить посильные для подчиняемого населения натуральные поборы.

Документ 4 и первый подраздел *документа 5* свидетельствуют о той роли, которую играли высшие представители местной (сирийской) православной церкви в деле постепенного подчинения городов завоевателям-арабам. В одном случае Иов, патриарх Антиохийский, убеждает гарнизон осажденной византийской крепости сдать эту крепость арабам и предпочесть добровольную уплату поголовной подати заведомо безнадежному сопротивлению. В другом

---

[1] Сура — 22. («Сура» — стих Корана.)

случае православный епископ способствует сдаче арабам Дамаска, выговаривая при этом условия, благоприятные для города и для церкви. С этими данными следует сопоставить содержание *документа 6*, показывающее, как халиф-завоеватель Омар по вступлении в Иерусалим позаботился сохранить для христиан здание церкви, которое мусульмане готовы были превратить в мечеть.

Документ 7 приводит данные, свидетельствующие о том, как при продвижении арабов-завоевателей заключались договоры с христианами, обусловливающие сохранение церквей и невозбранное исповедание христианской религии. Материал этих документов показывает, что халифы-завоеватели и полководцы сознательно брали под свое покровительство местную церковь, епископы и священники которой предпочитали заключить мир с «неверными», чтобы не потерять своих владений.

Чрезвычайно важно соглашение полководца Абу-Убейда с сирийскими христианами, обязавшимися указывать путь мусульманам и строить мосты через реки. Соответствующие факты учитель может кратко резюмировать в своем рассказе. Часть документа 5, посвященная описанию битвы при Ярмуке, весьма показательна; в данном случае противопоставляются два войска — византийское и арабское, представляющие резкий контраст. Безучастные к интересам Византии, солдаты императорской армии приковывались друг к другу цепями, тогда как воины-арабы, за спиной которых оставалась голодная, засушливая Аравия, сражались с ожесточением; интересно отметить, что в битве принимали участие наряду с мужчинами и женщины.

Это противопоставление говорит само за себя и позволяет объяснить причины превосходства арабского войска. К описанию битвы и ее исхода примыкает интересная характеристика позиции местного христианского и еврейского населения, ликующего по поводу победы мусульман и признающего, что «если румы и их приверженцы одержат верх над мусульманами, мы возвратимся в наше прежнее состояние».

С данными этого документа следует связать более подробные указания из документа 7, повествующего, как полководец Абу-Убейда при отступлении возвратил деньги, собранные с сирийского населения, вызвав этим поступком изумление и одобрение сирийского населения, привыкшего к вымогательству и недобросовестности прежних византийских властей. Целесообразнее всего поручить нескольким ученикам прочитать документы 5 и 7 с тем, чтобы на основе этих документов определить причину военного превосходства арабского войска, а также дать оценку взаимоотношений между арабами и местным населением. Исправляя или дополняя ответы учащихся, учитель может обеспечить верное уяснение смысла документов.

Особый интерес представляют слова халифа Омара, приводимые в конце документа 7. Омар одобряет действия своего полководца и с похвалою отзывается о его мудрой умеренности, обеспечившей ему сочувствие и признательность местного населения. В оценке Омара следует подчеркнуть те мотивы, в силу которых, по мнению халифа, надлежит проявлять сдержанность в требованиях, предъявляемых к местному населению. Эта сдержанность и умеренность требований рекомендовалась как тактическое средство, с помощью которого всего легче и всего удобнее привлечь на сторону завоевателей местное население, с тем чтобы в полной мере подчинить его впоследствии.

Комментируя документ, учитель должен подчеркнуть временный и демагогический характер всех уступок и послаблений, сделанных местному населению от имени первых халифов, указывая при этом, что в более поздние времена налоговой и административный гнет халифата тяжко ощущался всем населением провинций.

Документы 8 и *9* говорят о том, что в последующий период, после завершения завоеваний, представители немусульманского (христианского и еврейского) населения были поставлены в тяжелое положение неполноправных подданных халифата. Учитель сможет пояснить, что, унижая человеческое достоинство этих подданных немусульманского вероисповедания и нарочито разжигая религиозную рознь, правительство халифата сознательно стреми-

лось внести разлад в среду подданных, чтобы таким путем по возможности оградить себя от проявлений массового недовольства и восстаний.

Документ 10 говорит о ненависти Омара к роскоши, которая, по его мнению, противоречила старинным нравам бедуинов и вела к изнеженности и слабости. Данные этого документа можно обобщить в рассказе учителя с тем, чтобы в дальнейшем изложении показать, как ошибались ревнители старины, думавшие, что арабы сохранят свой прежний облик кочевого народа и свой быт в новых условиях обширного халифата, созданного в процессе завоевания.

Обосновывая свой вывод, учитель может отметить в своем рассказе, что уже спустя 100 лет после начала арабских завоеваний халиф Абд-эль-Мелек распространил взимание поземельной подати (хараджа) на мусульман, поскольку к тому времени исчезли различия в хозяйственной жизни мусульман-завоевателей и коренного населения завоеванных арабами стран.

Документ 11, ввиду его громоздкости и обилия имен, нецелесообразно зачитывать. Из повествования о халифах династии Омейядов можно выделить факты, говорящие о богатствах, попавших в руки халифов и ставших их собственностью. Чрезвычайно важно указание документа на выделение земельных наделов в пользу родственников и приближенных халифа. Этими убедительными данными характеризуется становление арабского феодализма — превращение представителей старинной родовой знати корейшитов в обладателей поместий, связанных обязательством службы в пользу халифа.

Документ 12 весьма важен. Он опровергает ошибочное представление, будто так называемая «арабская культура» создавалась арабами, занимавшими господствующее положение среди других национальностей халифата. Показания источника неопровержимо доказывают, что в создании этой культуры сыграли огромную роль представители туземной интеллигенции не арабского происхождения, усвоившие арабский язык и письменность и превосходившие своих властителей знаниями.

Последний документ 13 посвящен истории одного из восстаний нередко происходивших в халифате. Кому-либо из учащихся можно поручить ознакомиться с текстом документа, а затем изложить его содержание, с тем чтобы в этом изложении был выяснен повод, толкнувший вождя восстания к сопротивлению властям, и была раскрыта причина поражения восставших. Характерной чертой является участие в восстании арабов-земледельцев, давно переставших быть кочевниками. Полезно сравнить финал восстания с аналогичными событиями в других странах, где так же, как и в данном случае, враги крестьян использовали губительный для восставших механизм затяжки, приводивший к распылению крестьянских сил.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 35—36, 109—121); К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV (Людвиг Фейербах); т. XXI (Переписка; письма от 18 мая, 2 июня, 6 июня, 14 июня 1853 г.).

* * *

Документы 1, 2 (в переводе Е. А. Беляева), 5, 11, 14 взяты без изменений из первого издания хрестоматии; документы 3, 4, 6—10, 12, 13 взяты из сборника Медникова «Палестина и Сирия до крестовых походов». Введение написано А. Д. Эпштейном.

1. МУХАММЕД

Ибн-Исхак. *«Житие посланника божьего»*

Автором самой древней мусульманской традиционной биографии Мухаммеда был Ибн-Исхак. Он родился и вырос в Медине, где занимался собиранием рассказов (хадисов), относимых к жизни и деятельности арабского «пророка». Собранный им материал он обработал (в форме биографии Мухаммеда) уже в Багдаде, куда он переселился по приглашению аббасидского халифа Мансура (754—775) после тридцатилетнего пребывания в Египте и Месопотамии.

В своей работе, составленной по заказу аббасидского халифа, Ибн-Исхак последовательно проводит две основные тенденции, в соответствии с господствующей идеологией того времени: 1) выдвижение Мухаммеда в разряд мировых пророков как продолжателя и завершителя тех «откровений», выразителями которых были библейские патриархи и Иисус Христос, и 2) обоснование прав аббасидских халифов на верховную власть в мусульманском государстве ввиду их предполагаемого происхождения из «дома пророка», как потомков Аббаса, дяди Мухаммеда. Кроме того, сочинение Ибн-Исхака изобилует легендарными подробностями. Этот наиболее древний биограф Мухаммеда (сочинения его предшественников до нас не дошли) умер в Багдаде в 768 г. Составленная им биография Мухаммеда сохранилась в редакции Ивн-Хашима (умер в 834 г.), который подверг эту биографию основательной обработке.

а) «Обращение посланника божьего с проповедью ислама к народу»

Затем люди обращались в ислам толпами из мужчин и женщин, так что распространилась слава об исламе по Мекке и рассуждали о нем. Затем аллах приказал своему посланнику возвестить то, что пришло к нему, сообщить людям о своем посланничестве и призывать к нему. Прошло 3 года с тех пор, как Мухаммед скрывал посланничество свое и держал его в тайне до тех пор, пока аллах повелел о выявлении его.

Сподвижники Мухаммеда уходили в ущелья, чтобы молиться, они скрывались для молитвы. И вот когда Сад-ибн-Абу-Ваккас с группой сподвижников Мухаммеда был в одном из ущелий Мекки, застала их группа многобожников, а они молились. Те стали порицать и порочить их, пока не вступили в драку с ними. Тогда Сад ударил одного из многобожников челюстью верблюда и ранил его. Это была первая кровь, пролитая в исламе.

б) «Что произошло между Мухаммедом и предводителем курейшитов»

Ислам стал распространяться в Мекке среди мужчин и женщин из курейшитских родов. Курейшиты же заключали в тюрьму тех мусульман, над которыми они имели власть, и отвращали от веры того, кого могли.

Затем знатные курейшиты всех племен собрались после заката солнца у задней стороны кабы. Они сказали друг другу: «Пошлем за Мухаммедом: поговорим с ним и поспорим, насколько это будет в наших силах». Они послали сказать ему, что, мол, предводители твоего народа собрались, чтобы поговорить с тобой: так приходи к ним. Мухаммед пришел поспешно,

думая, что они хотят послушать проповедь его; а он все время стремился к этому, желая обратить их в истинную веру и скорбя о заблуждениях их. Когда он сел с ними, они сказали ему: «Мухаммед, мы послали за тобой, чтобы поговорить с тобой. Мы не знаем никого из арабов, кто бы навлек на свой народ то, что ты навлек на свой народ; ты поносил отцов наших, унижал веру нашу, хулил богов наших, называл безрассудным благоразумие наше и внес раскол в общину нашу. Не осталось ни одного скверного поступка, который ты не совершил бы по отношению к нам. Если ты принес новую веру только для того, чтобы добиться богатства, то мы соберем тебе из наших богатств столько, что ты будешь самым богатым из нас; если же ты добиваешься почета среди нас, то мы сделаем тебя господином нашим; если же ты хочешь власти, то мы сделаем тебя властелином над нами; если же тебя одолел тот, что приходит к тебе в виде призрака, которого ты видишь [1], то мы расточим наши богатства в поисках лекарства для тебя и приложим все старания, чтобы вылечить тебя».

Мухаммед сказал им: «Я не то, что вы говорите. То что я принес, я принес не для того, чтобы добиваться богатств ваших, почета среди вас или власти над вами. Но аллах послал меня к вам посланником, ниспослал мне книгу [2] и приказал мне быть для вас благовестником и предостерегателем. Я сообщил вам послания господа моего и наставлял вас; если вы примете от меня то, что я принес вам, то это будет счастье ваше в этой жизни и в будущей; если же отвергнете меня, то я потерплю ради дела аллаха, пока аллах не рассудит между мной и вами».

Они сказали: «Мухаммед! Если ты не принимаешь от нас ничего из того, что мы предлагаем тебе, то ты знаешь, что нет ни одного народа, который жил бы в более тесной, маловодной и трудной для существования стране, чем наша. Так попроси господа твоего, который послал тебя, во имя твоего посланничества, чтобы он удалил от нас эти горы, которые стесняют нас, и чтобы он распростер страну нашу, и чтобы он провел по ней реки, подобные рекам Сирии и Ирака, и чтобы он прислал к нам умерших предков наших, и чтобы был среди тех, кого он пришлет, Кусай-ибн-Киляб; это был правдивый старец; мы спросим их относительно того, что ты говоришь: правда это или ложь? Если они признают тебя, и ты сделаешь то, о чем мы просим тебя, то и мы признаем тебя и твое звание у аллаха — что он послал тебя посланником, как ты говоришь».

Он сказал им: «Не для этого я послан к вам. Я принес вам от аллаха то, с чем он послал меня. Я уже сообщил вам то, с чем я был послан к вам. Если вы примете его, то оно будет

---

[1] По мусульманскому преданию, курейшиты считали Мухаммеда одержимым злым духом.

[2] Коран.

счастьем вашим в этой жизни и в будущей; если же отвергнете меня, то я потерплю ради дела аллаха, пока аллах не рассудит между мной и вами».

Они сказали: «Если ты не сделал этого для нас, то позаботься о себе: попроси господа твоего, чтобы он послал к тебе ангела, который подтвердил бы истинность того, что ты говоришь, и который поспорил бы с нами за тебя; попроси его, чтобы он создал для тебя сады, замки и сокровища из золота и серебра, которыми он избавил бы тебя от очевидной нужды; ведь мы видим, как ты ходишь по рынкам и снискиваешь себе пропитание, как и мы снискиваем его. Если аллах обогатит тебя, то мы признаем твое достоинство и звание у господа твоего, что ты действительно посланник, как ты утверждаешь».

Мухаммед сказал им: «Я не сделаю этого, и я не таков, чтобы просить господа моего об этом, и я не послан к вам с этим. Но аллах послал меня благовестником и предостерегателем. Если примете то, что я принес вам, то это будет счастьем вашим в этой жизни и в будущей; если же отвергнете меня, то я потерплю ради дела аллаха, пока аллах не рассудит между мной и вами».

Они сказали: «Обрушь на нас небо кусками, так как ты утверждал, что господь твой сделает это, если захочет. Мы не уверуем в тебя иначе, как если ты сделаешь это».

Мухаммед сказал: «Это во власти аллаха — если захочет сделать, то сделает».

Они сказали: «Мухаммед! Твой господь не знал, что мы будем беседовать с тобой и спрашивать тебя о том, о чем мы спрашиваем тебя, и требовать от тебя то, что мы требуем. Иначе он явился бы тебе и научил бы тебя, как спорить с нами, и сообщил бы тебе, что он сделает с нами за то, что мы не приняли от тебя то, что ты принес. Нам известно, что этому обучает тебя некий человек из Иемамы, по имени Рахман. Клянемся аллахом, мы никогда не уверуем в Рахмана. Мы высказались перед тобою, Мухаммед. Клянемся аллахом, мы не оставим тебя и твои оскорбления, пока мы не погубим тебя или ты не погубишь нас».

Один из них сказал: «Мы поклоняемся ангелам, а они — дочери аллаха». Другой сказал: «Мы не уверуем в тебя, пока ты не приведешь аллаха и ангелов в качестве поручителей».

Когда они сказали это Мухаммеду, он встал и встал вместе с ним Адаллах-ибн-Абу-Омейя, а он был сыном тетки его, и сказал ему: «Мухаммед! Твой народ сделал тебе предложение, и ты не принял его. Затем они просили доказательств, чтобы узнать твое положение у аллаха, признать тебя и последовать за тобой, и ты не сделал. Затем они просили, чтобы ты позаботился о себе, из чего они узнали бы твое превосходство над ними и твое положение у аллаха, и ты не сделал. Затем они просили, чтобы ты ускорил напасти, которые устрашили бы их, и ты не сделал. Клянусь аллахом, я ни за что не уверую в тебя, пока ты не соорудишь лестницу на небо и не поднимешься по ней, а я буду смо-

треть, как ты пойдешь по ней; затем ты принесешь расписку, а с ней 4 ангела, которые засвидетельствуют, что ты то, за кого ты выдаешь себя. Клянусь аллахом, если бы ты не сделал этого, не думаю, чтобы я признал тебя». Затем он удалился от Мухаммеда.

2. ЗАВОЕВАНИЕ МЕККИ

Мухаммед приказал своим людям снаряжаться и приготовить все необходимое для похода. Позднее он сказал им, что выступит на Мекку, и приказал серьезно заняться снаряжением. Он молился: «Аллах! Отними лазутчиков у курейшитов и лиши их всякого иного средства осведомления, дабы мы могли захватить их врасплох в их стране!» Люди снарядились.

Мухаммед оставил Медину по истечении 10 дней месяца рамадана. Он постился, и все люди постились вместе с ним, пока он не прибыл в Кедид (между Осаном и Амаджем), где перестал поститься.

Мухаммед двинулся далее до Марр Аззахран с 10 000 верующих. Бену-Сулейм насчитывал 700 и Музейна — 1 000 человек; по другим сведениям, первых насчитывали 1 000 человек; от всех племен с ним было некоторое количество верующих; но мухаджиры и ансары выступили с ним все, ни один из них не остался дома. Мухаммед расположился уже в Марр Аззахран, а до курейшитов еще не достигло никаких известий о нем, и они совершенно не знали, что он предпримет. В эти ночи Абу Суфьян [1], Хаким-ибн-Хизам и Будейл-ибн-Варака выходили, чтобы собирать сведения и что-нибудь услышать о Мухаммеде. Аббас тоже оставил Мекку и был встречен Мухаммедом в пути.

«Когда Мухаммед расположился в Марр Аззахране, я думал, — так рассказывал Аббас, — горе курейшитам! Если Мухаммед силой вступит в Мекку, раньше чем они придут к нему просить пощады, то они пропали на все времена. Я сел на принадлежавшего Мухаммеду мула и поехал к Алараку, думая, что, может быть, встречу какого-нибудь дровосека, или молочника, или торговца, которые идут в Мекку, и скажут курейшитам, где находится Мухаммед, — чтобы они выходили ему навстречу и умоляли о безопасности, прежде чем он силой вступит в город. Я поклялся аллахом, что сам отправлюсь к нему, чтобы осуществить цель моей поездки. И вот я услышал разговор между Абу Суфьяном и Будейлом-ибн-Babакой. Тот сказал: «Я никогда не видел столько огней и столько войск, как в эту ночь». Будейл ответил: «Это — племя хузаа, которые возбуждены войной». «Племя хузаа, — возразил Абу-Суфьян, — слишком ничтожно и малочисленно, чтобы иметь так много огней и войск». Я воскликнул: «Горе тебе, Абу-Суфьян! Это Мухаммед

---

[1] **Абу-Суфьян** — представитель знатного купеческого курейшитского рода Омейядов.

со своими людьми. Горе курейшитам!» — «А что же делать?» — «Если он захватит тебя, то отрубит тебе голову. Садись сзади меня на этого мула, я свезу тебя к нему и вымолю тебе пощаду у него». Он сел со мною, а его товарищ ушел. Когда я проезжал мимо сторожевого костра мусульман, они спросили: «Кто там?», а увидав мула Мухаммеда, на котором я ехал, они сказали: «Это — дядя посланника божьего». Наконец я подъехал к костру Омара. «Кто там?» — крикнул он и поднялся навстречу мне. Увидев Абу-Суфьяна на крупе мула, он сказал: «Это Абу-Суфьян, враг божий. Хвала аллаху, который отдал его в нашу власть без договора и союза». Он побежал к Мухаммеду, но я подогнал мула, чтобы прибыть раньше Омара, обогнал его, спрыгнул с мула и вошел к Мухаммеду. Омар тоже пришел и сказал: «Посланник божий! Здесь — Абу-Суфьян, которого аллах отдал в нашу власть без договора, разреши, чтобы ему отрубили голову!» Я сказал: «Посланник божий! Я взял его под свою защиту». Мухаммед сказал: «Возьми его с собой и приведи его завтра рано утром ко мне».

Я взял его с собою, и он провел ночь у меня. На следующее утро я снова пошел с ним к Мухаммеду. Когда тот увидел его, воскликнул: «Горе тебе, Абу-Суфьян! Разве ты еще не сознаешь, что нет божества, кроме аллаха?» Он ответил: «Ты мне дорог, как мой отец и моя мать; как ты кроток, благороден и нежен к твоим родственникам! Клянусь аллахом, я думаю, если бы были еще другие боги, кроме аллаха, они иногда были бы полезны». — «Горе тебе, Абу-Суфьян! — сказал Мухаммед. — Разве ты не признаешь еще, что я — посланник божий?» Он ответил: «Ты мне так же дорог, как мой отец и мать, как ты кроток, благороден и нежен к твоим родственникам, но что касается этого, то у меня имеются некоторые возражения». Аббас сказал: «Горе тебе! Сделайся мусульманином и признай, что нет божества, кроме аллаха, и что Мухаммед — посланник аллаха, прежде чем тебе отрубят голову». Тогда он произнес формулу исповедания и стал мусульманином. Я сказал Мухаммеду: «Абу-Суфьян честолюбив; удовлетвори его!» — «Хорошо,— сказал Мухаммед.— Кто вступит в твой дом, должен быть в безопасности, так же как и те, которые запрутся в своих собственных домах или пойдут в храм».

Когда Абу-Суфьян хотел уезжать, Мухаммед сказал Аббасу: «Задержи его у горного прохода, чтобы он видел движущееся воинство аллаха». Я последовал этому приказу, рассказывал Аббас, и племена проследовали мимо нас с их знаменами. Когда одно из племен проходило мимо нас, Абу-Суфьян спросил: «Кто это такие?» Когда я назвал их имя — бену-сулейм, он сказал: «Какое мне дело до племени сулейм?» То же самое он говорил относительно племени музейна и всех других проходивших мимо племен, об именах которых он спрашивал; наконец проследовал Мухаммед со своим «темным воинством» [они назывались «тем-

ным воинством» вследствие множества железного вооружения, которым они отличались].

В нем были мухаджиры и ансары, одетые в железные доспехи. Абу-Суфьян спросил: «Кто эти?» Я ответил: «Это — посланник божий с мухаджирами и ансарами». — «Клянусь аллахом, — сказал он, — против этих людей невозможно бороться: держава твоего племянника стала могущественной». — «Его пророчество», — возразил я. «Ну и что же дальше?» — спросил он. Я ответил: «Спеши к своим».

Когда он прибыл к своим, то крикнул громким голосом: «О, вы, курейшиты! Мухаммед приближается с такой силой, против которой никакое сопротивление невозможно: кто вступит в дом Абу-Суфьяна, тот будет в безопасности». Тогда выступила Хинд, дочь Утбы, схватила его за усы и сказала: «Убейте грязного, негодного мерзавца, которого уже посрамил передовой отряд неприятеля». — «Горе вам, — сказал Абу-Суфьян, — от него вам не удастся скрыться. Вы бессильны против него. Кто вступит в дом Абу-Суфьяна, тот в безопасности». Они сказали: «Да поразит тебя аллах! На что нам нужен твой дом?» — «Кто запрет свои двери, — прибавил он, — тоже будет в безопасности, равно как и тот, кто пойдет в храм». Тогда рассеялись люди, одни заперлись в своих домах, другие отправились в храм.

3. ОБ ОТНОШЕНИИ МУХАММЕДА К ПОКОРЕННОМУ НАСЕЛЕНИЮ

Ибн-Сад

И написал *посол божий* племени Бану Дженба, а это были евреи, жившие в Макне: ваши послы, возвращаясь в ваше селение, останавливались у меня. Когда дойдет до вас это письмо, вы будете находиться в безопасности; даруется вам покровительство бога и покровительство посла его.

Вас не будут обижать и не будут притеснять, так как посол божий будет защищать вас так же, как и самого себя, ибо ваши наряды и все имеющиеся у вас рабы и ваши лошади и ваше оружие принадлежат послу божьему, за исключением того, что оставит вам посол божий или посол посла божия; кроме того, вы обязаны выдать $1/4$ урожая ваших пальм и $1/4$ вашего рыбного улова и $1/4$ того, что выпрядут ваши женщины, а затем вы освобождаетесь от всякой поголовной подати или натуральной повинности. И если вы будете слушаться и повиноваться, то посол божий обязуется оказать почет достойному из вас и простить того из вас, кто поступит дурно.

И объявил посол бога правоверным:

«Кто будет хорошо поступать с жителями Макны, — тому это пойдет впрок, а кто будет поступать с ними дурно, сделает это на свою голову. И не будет над вами иного эмира, кроме выбранного из вашей среды или из семейства посла божьего. Прощайте!

4. АНТИОХИЙСКИЙ ПАТРИАРХ НА СТОРОНЕ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Евтихий

Пошел ал-Мутасим воевать в страну румов [византийцев] и повез с собой Иова, патриарха антиохийского, и осадил Анкиру. При осаде патриарх Иов вступал в разговоры на греческом языке с румами и говорил им: «Вам лучше покориться государю нашему и платить ему поголовную подать, чем быть убитыми и уведенными в плен». Румы же с верха стен поносили его и бросали в него каменьями. И взял Мутасим Анкиру и сжег ее, затем пошел к Амурии и осаждал ее в течение многих месяцев. Иов, патриарх антиохийский, ежедневно подходил один к крепости, держал румам речь по-гречески, стращал их и уговаривал их уплатить поголовную подать, дабы ал-Мутасим ушел от них. Они же поносили его и бросали в него каменьями. Так продолжалось, пока ал-Мутасим не взял Амурии, убил в ней множество людей и забрал в плен много женщин и детей. (Авг. 838 г.)

5. АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Белазури *«Книга завоевания стран»*

«Книга завоевания стран» Белазури считается одним из лучших источников по истории арабских завоеваний. Автор (перс, родом из Багдада, умер в 892 г.) дает в указанной книге материал, касающийся не только военных событий, но и экономических отношений, установившихся между завоевателями и покоренными ими народами.

а) Завоевание города Дамаска и земли Дамасской

Говорят, что мусульмане, после окончания сражения с собравшимися против них при ал-Мердже, простояли пятнадцать ночей. Затем они вернулись к стенам Дамаска 16-го мухаррема 14-го года [1], завоевали ал-Гуту [2] и ее церкви. И укрепились жители города и закрыли ворота его. И остановился Халид-ибн-ал-Валид против ворот Баб-аш-Шаркий [3] с пятью тысячами данными ему Абу-Убейдой. Тот монастырь, при котором остановился Халид, был назван монастырем Халида... И епископ, доставший Халиду припасы в начале его военных действий, часто становился на стене, для него вызывали Халида, и, когда он приходил, епископ приветствовал его и беседовал с ним. Однажды епископ сказал ему: «О Абу-Сулейман! ваше торжество приближается; у меня есть данное тобою обещание; так заключи со мной мирный договор касательно этого города». И потребовал Халид чернила и бумагу и написал:

«Во имя бога всемилостивого и всемилосердного! Вот что дал Халид-ибн-ал-Валид жителям Дамаска, когда вступил в него: он дал им неприкосновенность их жизни, их имущества, их церкви и стены их города. Ни один из их домов не будет разру-

---

[1] 11 марта 635 г. н. э. [2] Окрестности Дамаска. [3] Восточные ворота.

шен и не будет занят. Это им обеспечивается клятвой перед богом и от имени пророка его и наместников и всех верующих; им [дамаскинцам] ничего не сделают, кроме добра, если они уплатят поголовную подать».

Затем некто из людей, близких к этому епископу, пришел однажды ночью к Халиду и известил его, что в эту ночь у жителей города праздник, что они будут заняты, что ворота Баб-аш-Шаркий завалены каменьем и оставлены без охраны, и посоветовал ему достать лестницу. И принесли ему люди, принадлежавшие к числу обитателей монастыря, который был поблизости его лагеря, две лестницы, с помощью которых толпа мусульман поднялась на стену и спустилась к воротам, при которых были только один или два человека. И мусульмане совокупными усилиями отворили ворота; это случилось при восходе солнца...

б) Битва при Ярмуке

Говорят, что Ираклий собрал многочисленное войско, состоящее из румов, сирийцев, жителей ал-Джейры и Армении, числом в двести тысяч, и поставил во главе его одного из своих приближенных, и послал во главе его авангард гассанита Джебелу-ибн-ал-Айхама с нечистокровными [1] арабами, жившими в Сирии и принадлежавшими к племенам Лахм, Джузама и другим. Ираклий намеревался воевать против мусульман, а если они будут побеждены — то будет прекрасно, а в противном случае он решился уйти в страну румов и остаться в Константинополе. Мусульмане собрались и медленно придвинулись к румам, и они вступили при Ярмуке в самый жестокий и страшный бой. Ярмук — река, и было в этот день мусульман двадцать четыре тысячи. Румы и их приверженцы приковали себя в тот день друг к другу цепями, чтобы им нечего было думать о бегстве. И бог истребил их в числе семидесяти тысяч, и бежали их разбитые остатки и укрылись в Палестине, Антиохии, Халебе [2], ал-Джезире и Армении. В битве при Ярмуке принимали также участие женщины-мусульманки, сражаясь с ожесточением. Хинд, дочь Утбы, мать Муавии-ибн-Абу-Суфьяна, восклицала: «Колите этих неверных вашими мечами подмышки!» Муж ее, Абу-Суфьян-ибн-Харб, отправляясь в Сирию в качестве добровольца и вместе с тем желая увидеть своих сыновей [3], взял ее с собой.

И назначил Абу-Убейда Хабиба-ибн-Масламу-ал-Фихрия начальником конницы, которая бросилась преследовать врага, и он стал убивать тех, кого настигал. И говорят, что Ираклий, получив известие о битве при Ярмуке и об ожесточенном бое мусульман с войском его, бежал из Антиохии в Константинополь и, проходя пограничным ущельем, сказал: «Прощай, о Сурия!

---

[1] Так назывались племена, которые поселились среди арабов, стали говорить на их языке и подражать их внешности.

[2] Алеппо.

[3] Язида и Муавию.

Какая это прекрасная страна для врага нашего!» — намекая на Сирию и ее прекрасные пастбища. Битва при Ярмуке произошла в раджебе 15 года [1].

И передал мне Абу-Хавс-ад-Димешкий слова Саида-ибн-Абд-ал-Азиза: мне сообщили, что когда Ираклий собрал свои войска против мусульман и мусульмане узнали, что румы приближаются к ним перед битвой при Ярмуке, то возвратили жителям Химса тот хараджь, который взяли с них, и сказали: «Нам не до того, чтобы помогать вам и защищать вас, распоряжайтесь, как хотите». И сказали жители Химса: «Ваше правление и ваша справедливость нравятся нам больше, чем та несправедливость и те обиды, которым мы подвергались; с вашим правителем мы наверное отстоим наш город от войска ираклиева». И поднялись евреи и сказали: «Клянемся пятикнижием, что правитель ираклиев только в таком случае вступит в город, если мы будем побеждены и выбьемся из сил». И они заперли ворота свои и поставили у них стражу. Таким же образом поступили христиане и евреи, жители тех городов, которые заключили мирные договоры с мусульманами. Они сказали: «Если румы и их приверженцы одержат верх над мусульманами, мы возвратимся в наше прежнее состояние; в противном же случае мы останемся в нашем настоящем положении, пока мусульмане будут в большом числе». И когда бог обратил в бегство неверующих и превознес мусульман, они, жители городов, открыли свои города и вызвали музыкантов, играющих на тимпанах, предались увеселениям и уплатили харадж.

в) Халиф Омар в Сирии

Рассказал мне Хишам-ибн-Аммар..., что приехал Омар-ибн-ал-Хаттаб в ал-Джабию и захотел раздать эту землю [2] мусульманам, так как она была взята с бою. Тогда Муаз-ибн-Джебел сказал ему: «Клянусь богом, если ты раздашь ее, то случится нежелательное для нас, так как в руки этих людей попадет много земли; затем они умрут, и эта земля останется в руках одного. Затем появятся после них люди, храбро защищающие ислам, и не найду для себя ничего. Обдумай решение так, чтобы оно обнимало интересы первых и последних из них». И он согласился с мнением Муаза. Владетель Бусры сказал, будто он сдался мусульманам на условии доставлять хлеб, оливковое масло и уксус, и просил Омара написать ему в том грамоту; тогда Абу-Убейда обвинил его во лжи и сказал: «Мы заключили с ним мир с условием получать нечто такое, что мусульмане могут взять с собой на зимние квартиры» [3]. И Омар наложил на жителей Бусры поголовную подать на различные разряды лиц и харадж на их землю...

Омар предписал заведующих поголовной податью взимать ее только с возмужалых. Он положил взимать ее с владеющих зо-

---

[1] 19 августа — 7 сентября 636 г

[2] То-есть землю Сирийскую.

[3] То-есть деньги.

лотом в размере четырех динаров и определил брать с них в Сирии и в ал-Джезире для продовольствия мусульман по два мудья пшеницы для каждого человека и оливкового масла по три киста. При этом он обязал их трехдневным постоем для останавливающихся у них.

6. ОМАР В ИЕРУСАЛИМЕ

Абу-Юсуф (731—798 н. э.) — основатель одной из четырех мусульманских юридических школ, судья в Багдаде, получивший от Харун-ар-Рашида звание верховного судьи.

Это есть грамота от Омара жителям города Иерусалима в том, что гарантируется им неприкосновенность их крова, и их детей, и их имущества, и их церквей, и что они не будут разрушены, ниже́ обитаемы...

Омару открыли ворота города, и он вошел и воссел во дворе церкви Воскресенья. Когда настало время молиться, он сказал патриарху Софронию: «Я хочу помолиться». Тот ответил: «Повелитель верующих, помолись на том месте, где находишься». Омар ответил: «Здесь я не буду молиться».

Тогда патриарх привел его в церковь Константина и положил ему цыновку в середине церкви. Омар сказал: «Нет, и здесь я не буду молиться». И вышел Омар на лестницу и помолился один на лестнице. И затем сказал Софронию: «О патриарх, ты знаешь, почему я не помолился внутри этой церкви?» Тот ответил: «Не знаю, о повелитель верующих!» Тогда Омар сказал: «Если бы я помолился внутри этой церкви, то эта церковь пропала бы для тебя, ушла бы из твоих рук, и мусульмане после меня отняли бы ее от тебя, говоря при этом: «Здесь помолился Омар». Но принеси мне бумагу, и я напишу тебе указ». И написал Омар указ, чтобы ни один мусульманин не молился на этой лестнице иначе, как в одиночку, и чтобы на ней не собирались на молитву...

7. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АРАБСКИХ ВЛАСТЕЙ И ХРИСТИАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИРИИ

Якуб-ибн-Ибрахим-ал-Ансарий род. в 113 г. хиджры (731 г. н. э.). Основатель юридической школы, судья в Багдаде

Что касается твоего вопроса, повелитель правоверных, о положении зиммиев [1], о том, как были оставлены им храмы и церкви в городах и столицах, а не разрушены, когда мусульмане завоевали их, и как позволили им выносить кресты во время праздников их, то дело в том, что между мусульманами и зиммиями был заключен мирный договор с условием уплаты поголовной подати, и города были сданы с условием, чтобы ни храмы, ни церкви их не разрушались ни в пределах города, ни вне его, чтобы им была дарована жизнь, чтобы мусульмане сражались за них и защищали

[1] Христиан.

их против тех врагов, которые будут обижать их, и чтобы они могли выносить кресты во время праздников их.

Абу-Юсуф говорит: рассказал мне один ученый со слов Мекхуля Сирийца, что *Абу-Убейда-ибн-ал-Джаррах,* вступив в Сирию, заключил с *зиммиями мирный* договор с условием: что их церкви и храмы будут оставлены, но они не будут строить новых храмов и новых церквей, что они будут указывать путь заблудившемуся мусульманину и строить через реки мосты на свои средства, что они будут содержать проходящих мимо мусульман в течение 3 дней, не будут бранить мусульманина, ни бить его, что они не будут поднимать креста в присутствии сборища последователей ислама; что они не будут выпускать свиней из домов своих в места, где есть мусульмане, что они будут зажигать сигнальные огни для воинов, идущих по пути божьему, и не будут указывать врагу на слабые места мусульман.

...Когда же зиммии увидели, как *честно* соблюдают мусульмане данные ими обещания и как они хорошо обращаются с ними, то *они* стали жестокими противниками врагов мусульман и помощниками мусульман против врагов их. Жители каждого города, заключавшего мирный договор с мусульманами, послали от себя людей раздобыть известия о румах, об их царе и о том, что они хотят предпринять.

И пришли посланные и сообщили, что румы собрали такую армию, какой еще не видывали...

...Абу-Убейда и мусульмане сочли свое положение опасным. Тогда Абу-Убейда написал каждому наместнику из назначенных им в тех городах, с которыми он заключил мирный договор, приказывая им *возвратить* зиммиям собранные с них поголовную подать и харадж и предписал сказать им: «Мы *возвращаем вам* ваши деньги потому, что до нас дошли сведения о собранных против нас войсках, вы же выговорили у нас, что мы защищаем вас, а так как мы не в состоянии сделать это, то возвращаем вам то, что взяли с вас. Мы будем придерживаться заключенных с вами и написанных между нами условий, если бог дарует нам победу над врагом». Когда же мусульмане сказали им это и возвратили им деньги, которые были собраны с них, то зиммии сказали: «Да вернет вас бог к нам и да дарует вам победу над ними! Если бы на вашем месте были румы, они не возвратили бы нам ровно ничего и взяли бы то, что осталось у нас, не оставив нам ничего».

...И столкнулись мусульмане и *многобожники* и вступили в ожесточенный бой. С обеих сторон было множество убитых. Затем бог помог мусульманам против многобожников и обратил их в бегство.

Когда же жители тех городов, население которых не заключило мира с Абу-Убейдой, увидели, какому избиению подверглись их товарищи многобожники, то послали к Абу-Убейде, испрашивая мира, и он даровал им мир на тех же условиях, на ко-

торых даровал и первым, с прибавкою выговоренного ими условия, по которому, если у них окажутся румы, пришедшие воевать против мусульман и очутившиеся у них, то эти румы получат пощаду и удалятся со своими пожитками, имуществом и семьями в страну румов, причем мусульмане не будут им в этом препятствовать. Абу-Убейда согласился на это, они уплатили поголовную подать и открыли ему ворота городов.

Запрос *Омару* и ответ *Омара* своему полководцу Абу-Убейда, начальнику арабских военных сил в Сирии:

Те, кто охраняет себя от собственной скупости, — преуспевают...

...Когда ты взял с них поголовную подать, тебе больше ничего не следует с них и у тебя нет власти над ними.

Подумал ли ты, если мы возьмем население это и раздадим его, что останется тем мусульманам, которые явятся после нас? Клянусь богом, они не найдут человека, которого они могли бы заставить работать, и не будут иметь вовсе возможности пользоваться плодами труда его.

Подлинно мусульмане [теперешние]будут питаться за счет их, пока будут в живых, а когда мы умрем и они умрут, то сыновья наши будут питаться за счет сыновей их вечно, пока будет существовать так, что они будут рабами последователей мусульманской веры, пока мусульманская вера будет оставаться преобладающей.

Так обложи их поголовной податью, не позволяй уводить их в плен и запрети мусульманам поступать с ними несправедливо, наносить им вред и поедать их имущество, за исключением случаев, когда это разрешается, и честно соблюдай те условия, о которых ты договоришься с ними в числе всего того, что ты пожаловал им.

8. ОБ ОДЕЯНИИ ЗИММИЕВ[1] И ВНЕШНЕМ ВИДЕ ИХ

Абу-Юсуф

При этом следует налагать печати на шеи зиммиев во время сбора с них поголовной подати, пока не будет окончен смотр их... И следует приказать, чтобы не допускали ни одного из них походить на мусульман по одежде, верховому животному и по внешности. Обязать их, чтобы они носили на поясницах пояс, подобный грубому шнурку, которым каждый из них будет подпоясываться. Чтобы их калансувы [шапки] были пикейные, чтобы они приделали к седлам своим подобие гранаты из дерева, чтобы они клали ремни сандалий своих двойными и не выкраивали, как выкраивают мусульмане, чтобы запретили их женщинам ездить на верблюдах, чтобы запретили им строить новые храмы или церкви их в городе, кроме тех, которые они выговорили по до-

[1] Зиммии — христиане, подданные халифата.

говору... Зиммиям дозволят жить в городах и на рынках мусульманских продавать и покупать, причем они не будут продавать ни вина, ни свиней и не будут в городах выставлять напоказ своих крестов... Прикажи твоим правителям, чтобы они обязали зиммиев соблюдать такую внешность. Так приказывал Омар-ибн-ал-Хаттаб своим правителям, прибавляя: дабы их по внешности можно было отличить от мусульман.

9. МЕРЫ АЛ-МЕТЕЭВАККИЛЯ ПРОТИВ ЗИММИЕВ

Ал-Табарий

В этом году [849—850 н. э.] ал-Метеэваккиль [халиф] приказал заставить всех христиан: надевать тайлесаны [шарфы] желтые и кушаки, ездить на седлах с деревянными стременами, приделывать два шарика к задней части седла, приделывать две пуговицы к калансуве, если кто ее носит, причем эта калансува должна отличаться по цвету от калансувы, носимой мусульманами, нашивать на платье две заплаты, какие бывают на платьях их рабов, отличные по цвету от того верхнего платья, на которое они будут нашиты, причем одна должна быть спереди на груди, а другая сзади, на спине, величиной же они должны быть в четыре пальца, цвета желтого. Если же кто из них носит чалму, то чалма его должна быть желтого цвета.

10. ОСУЖДЕНИЕ РОСКОШИ ОМАРОМ

Ибн-ал-Асир

Омар предписал начальникам джундов съехаться к нему в ал-Джабию в назначенный им день с легкими отрядами, оставив наместников своих над своими округами. Они встретили его в виду ал-Джабии. Сначала к нему подъехали Язид и Абу-Убейда, затем Халид на лошадях, покрытых парчой и шелком.

Тогда Омар спешился, взял камни и стал кидать в них, говоря: «Как скоро вы отказались от прежних своих взглядов! Меня ли вы встречаете в таких нарядах? Избаловались же вы за 2 года! Если бы вы явились в таком виде во главе сотен, я бы вас заменил другими». Они ответили: «Повелитель верующих, не суди нас по внешности, мы не расстаемся с оружием!»

11. ОМЕЙЯДЫ

Якуби

Якуби (умер около 904 г.) — автор исторической компиляции, составленной в конце IX в. Как шиит он пользовался такими источниками, которыми обычно пренебрегали арабские историки-сунниты. Отрывки из исторической работы Якуби взяты из труда проф. Н. А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов», СПБ 1897.

И назначил Муавия христианина Ибн-Усала сборщиком хараджа в Химсе, до него же ни один халиф не назначал христиан на такое место.

При Муавии харадж Палестины равнялся четырем стам пятидесяти тысячам, харадж Урдунна — ста восьмидесяти тысячам, харадж Дамаска — четырем стам пятидесяти тысячам динаров...

И Муавия в Сирии, в ал-Джезире и в Иемене, как и в Ираке, конфисковал все принадлежащие царям имения, обратил их в свою исключительную собственность и давал из них наделы своим родственникам и приближенным; он был первый, обладавший «отобранными»[1] имениями во всех областях...

Известие о том, что он сделался халифом, Сулейман-ибн-Абд-ал-Мелик получил в Рамле, где было его местопребывание. Он построил в Рамле соборную мечеть и правительственный дворец и перевел в Рамлу людей из Лудды, который был городом, где жили. Сулейман стал разрушать их жилища в Лудде и строить в Рамле. Он наказывал тех, которые оказывали ему в этом деле сопротивление, разрушал их дома и пресек подвоз к ним продовольствия, так что они переселились, и Лудда опустел...

И уехал Сулейман из Мекки[2] в Иерусалим. Здесь его жилище окружили прокаженные и звонили в свои колокольчики, так что помешали ему спать. Тогда он осведомился о них, узнал, какие неприятности терпят от них люди, и приказал сжечь их, прибавив: «Если бы в них было добро, то бог не стал бы их так жестоко испытывать». И уговорил его Омар[3] не делать этого, и он оставил их и приказал удалить их в отдельное селение, чтобы они не проходили среди народа...

Язид-ибн-ал-Валид уменьшил жалованье, выдаваемое людям, и его прозвали «Язидом Уменьшающим». И возмутились против его власти страны...

12. ИНОВЕРЦЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Ал-Мукаддасий

Здесь редко можно встретить... мусульманина, умеющего писать, за исключением Табарии, которая не перестает поставлять писцов. В Сирии и в Египте писцами служат христиане, потому что мусульмане полагаются на их знание языка и не дают себе

---

[1] «Ас-суафи». Так назывались имения персидского царя и его семейства, имения, хозяева которых исчезли, одним словом, все земли, оказавшиеся после завоевания свободными. Такие земли были и в Сирии; это были имения, обладатели которых, греческие патриции, погибли во время войны или убежали вместе с императорской армией. Эти земли были отданы мусульманскими правителями в аренду земледельцам, которые уплачивали арендную плату в пользу государства. Халифы Осман, Муавия а Абд-ал-Мелик раздавали их в собственность, с условием уплаты десятины. Последний роздал также все сирийские земли, оказавшиеся свободными по случаю смерти их владельцев.

[2] Куда он ездил на богомолье в 97 году хиджры — 5 сентября 715 г. — 24 августа 716 г. н. э.

[3] Омар-ибн-Абд-ал-Азиз, впоследствии преемник Сулеймана.

труда изучить, по примеру не арабов, арабскую словесность. Когда я был в Багдаде, на заседании главного судьи, я краснел, слыша, как он неправильно выражается. Там это не считалось недостатком. В Сирии большинство сортировщиков монет, красильщиков, менял и кожевников — евреи, большинство врачей и писцов — христиане.

13. ВОССТАНИЕ АБУ-ХАРБА

Табари. *«История»*

К событиям этого года [227 г. хиджры, то-есть 21 октября 841 г. — 9 октября 842 г. н. э.] относится появление в Палестине Абу-Харба-ал-Мубарака-ал-Ямания и его восстание против правительства.

Одно из тех лиц, от которых я заимствую свои сведения, некто, пользующийся славой человека, знающего это дело, рассказал мне, что причиной восстания Абу-Харба против правительства было следующее обстоятельство: во время отсутствия Абу-Харба один солдат захотел остановиться в его доме, в котором находились или жена, или сестра Абу-Харба. Она не хотела пустить его, и он ударил ее своею плетью. Она подняла руку для защиты, удар пришелся по руке, и на ней остался след. Когда Абу-Харб вернулся домой, она заплакала, пожаловалась на поступок солдата и показала ему оставшийся на руке след удара.

Тогда Абу-Харб взял свой меч, подошел к солдату, не ожидавшему нападения, и зарубил его до смерти. Затем он бежал, окутав свое лицо покрывалом, чтобы его не узнали, и пришел на одну из гор урдуннских. Правительство стало разыскивать его, но никто не мог сказать, куда он девался. Днем Абу-Харб выходил и, надев покрывало, садился на той горе, которая служила ему убежищем. Заметившие его приходили к нему, и он увещевал их жить по правде, бороться против кривды, говорил о правительстве и о его обращении с народом и порицал его. Он не переставал так действовать, пока не примкнуло к нему некоторое количество земледельцев, жителей этого округа и поселян. Выдавал он себя за омейяда, и его приверженцы говорили, что он — ас-Суфьяний.

Когда у него набралось много сторонников и последователей из людей вышесказанного класса, он занялся пропагандой среди местной знати, и на его сторону перешло немало вождей иеменитов, между прочим, некто Ибн-Вейхас, человек влиятельный среди иеменитов, и двое других дамаскинцев. Известие об этом дошло до ал-Мутасима[1] в то время, когда он был болен той болезнью, которая свела его в могилу. Он послал против Абу-Харба — Раджа-ибн-Эйюба-ал-Хадирия с тысячью солдат.

Подойдя к мятежнику, Раджа увидел его окруженного целым

[1] Ал-Мутасим — аббасидский халиф (833—842).

народом. Тот, кто передал мне рассказ о нем, говорит, что у Абу-Харба было сто тысяч человек. Тогда Раджа не захотел вступить с ним в бой, расположился лагерем против него и стал выжидать. Когда наступило начало времени обработки и возделывания полей, когда земледельцы, находившиеся при Абу-Харбе, ушли на работы, а владельцы земель в свои имения, так что у Абу-Харба осталось немного народу, тысяча или две, тогда Раджа выступил, чтобы сразиться с ним.

Оба войска, войско Раджи и войско «Покрытого вуалью» сошлись, и когда они сошлись, то Раджа, внимательно рассмотрев войска «Покрытого вуалью», сказал своим: «Я не вижу среди его войска ни одного витязя, кроме его самого. Он наверное покажет своим, какова стремительность его нападения. Не спешите покончить с ним». Как сказал Раджа, так и случилось. «Покрытый вуалью» не замедлил ринуться на войско Раджа. И сказал Раджа своим: «Расступитесь перед ним». Они расступились перед ним, он проскакал через их строй и повернул назад. Раджа снова приказал своим пропустить его, они пропустили, он проскакал через их строй и вернулся к своим войскам.

Спустя некоторое время Раджа сказал своим: «Он еще раз бросится на вас, пропустите его и, когда он захочет вернуться, преградите ему дорогу и схватите его». Так и случилось. «Покрытый вуалью» бросился на воинов Раджа, они пропустили его, так что он проскакал через их строй, затем повернул назад; они окружили его, схватили и стащили с его верхового животного.

Еще до этого, когда Раджа решил не спешить действовать против «Покрытого вуалью», к нему прибыл посол от ал-Мутасима с поручением поторопить его. Тогда он арестовал посла и держал его в оковах, пока между ними и Абу-Харбом не произошло того, что мы рассказали; затем он отпустил этого посла. В тот день, когда Раджа привел Абу-Харба к ал-Мутасиму, этот последний дал ему выговор за его поступок с послом его. Раджа ответил ему: «О, повелитель верующих (да сделает бог меня твоим выкупом!), ты послал меня с одной тысячью против ста тысяч, и мне не хотелось спешить и бесполезно погубить и себя, и тех, кто был со мной; поэтому я стал медлить, пока его скопище не уменьшилось и пока я не нашел случая и не открыл способа и возможности разбить его. Я вступил с ним в бой тогда, когда его скопище уменьшилось, и он оказался слабым, мы же были в силе. И вот я привел к тебе этого человека пленного».

Борьба пап с императорами

Введение

Документы 1—3 относятся к раннему периоду истории папства. Эти документы показывают, что римские папы выступают со своими политическими притязаниями задолго до тех напряженных конфликтов между императорской и папской властью, которые имели место в XI—XII вв.

В период варварских вторжений, когда Италия подвергалась натиску вестготов, остготов, гуннов, вандалов и лангобардов, папы выступали как фактические руководители италийской знати и вели переговоры с варварами от лица всей Италии. Дипломатическая изворотливость, гибкость, готовность умиротворить варваров обещаниями и умение использовать поддержку одних варваров в противовес другим, в сильнейшей мере способствовали возвышению авторитета папской власти. Подобная роль папства становилась объективно возможной благодаря тому, что в это бурное и неспокойное время папы сумели сосредоточить в своих руках огромные земельные богатства, врученные церкви отдельными собственниками, которые считали выгодным поставить себя самих и свои владения под защиту церкви. Располагая землей, зависимыми людьми и значительными запасами хлеба и продовольствия, папы сумели подчинить своему влиянию италийскую знать, могли вербовать наемников и содержать войска.

Документ 1 показывает, что папа Григорий I отстаивал свое право вступать в переговоры с лангобардами независимо от византийского императора, упорно продолжавшего считать себя верховным главой Италии и подозрительно относившегося к соглашению, которое помимо него папа заключил с лангобардским герцогом. В данном письме папа говорит об Италии как о «своей стране», указывает на ее несчастия, которые обязывают папу к активной защите Италии, подпавшей под иго варваров.

В письме Григория I впервые находят свое отражение те притязания папства на политическую самостоятельность и руководство церковью, независимо от воли государей, притязания, которые позднее ярко проявляются в решительных и резких выступлениях Григория VII.

Документ 2 характеризует взаимоотношения между папою Стефаном II и франкским государем Пипином Коротким. Содержание всех трех писем, приводимых в этом документе, показывает, с какой настойчивостью папа стремился привлечь военные силы Франкского государства для освобождения себя и Италии от лангобардов. Используя авторитет церкви и назойливо напоминая о даре короля Пипина, вручившего папе власть над частью Италии, Стефан II, грозя гневом небес и страшным судом, побуждает Пипина предпринять вторичный поход против лангобардов.

Третье и последнее письмо написано якобы от имени апостола Петра, угрожающего в случае неповиновения небесной карой и муками ада.

Документ 3 позволяет показать подлинный характер папской политики уже на раннем ее этапе. Папа Стефан III в своих взаимоотношениях с Карлом Великим руководствуется не общецерковными интересами, а лишь своими непосредственными, территориальными интересами властителя Папской области.

Видя в лангобардах своего главного противника и желая во что бы то ни стало помешать сближению между ними и Карлом Великим, папа явно злоупотребляет своей ролью верховного первосвященника, чтобы восстановить Карла Великого против лангобардов, осыпаемых в папском послании обвинениями и грубыми оскорблениями.

Все три документа служат для ориентировки учителя. Они могут быть привлечены в качестве иллюстрации при прохождении темы, посвященной варварским завоеваниям, и темы о Каролингах. С неменьшим успехом эти документы могут быть использованы в порядке сопоставления при изучении документов, относящихся к более позднему периоду истории папства. Стремление возвеличить папскую власть и поставить ее вне критики и вне суда светских государей отчетливо проявляется уже в этих трех документах ранней эпохи, а затем пронизывает собой все выступления пап XI—XIII столетия. Если в VIII—IX вв. папы просят и уговаривают, требуют от имени бога, церкви и апостола Петра, то позднее они пытаются предлагать и предписывать и облекают свои домогательства в форму непререкаемых велений.

Документ 4 (о папских выборах) характеризует важнейшее преобразование, смысл которого заключался в достижении полной независимости церкви от императора. При разборе этого документа следует подчеркнуть, что папа оговаривает свое право соглашаться или не соглашаться на избрание Генриха императором, тем самым ставя выборы императора в зависимость от папского соизволения.

Следует обратить внимание и на конец документа, показывающий, что авторы документа заранее предвидели несогласие светских властителей, их непримиримое отношение к новому порядку в церкви — и приготовились к предстоящей борьбе. Документ этот можно обобщить в устном рассказе учителя, упомянув при этом, что данное постановление было принято в годы малолетства Генриха IV.

Документы 5 и *6* целесообразно использовать во внеклассной работе, предварительно обобщив их содержание и пояснив их основные положения в рассказе учителя.

Документ 12 отображает домогательства пап, выраженные в так называемом «диктате» папы, который обычно приписывается Григорию VII.

Уместно отметить, что автор документа придал своим суждениям особую стилистическую форму. Отрывочность и краткость отдельных положений придает им сходство с библейскими заповедями или лаконичной формулой закона.

Пункты 1, 2, 4, 8, 9, 12, 18, 27 этого документа целесообразно зачитать в классе, отметив, что пункты 1, 2, 4 свидетельствуют о притязании папы на полное господство в церкви, а пункты 9 и 18 — о том, что папа ставит себя превыше всех светских государей, требует от них преклонения перед собой и считает себя верховным судьей и вершителем всех споров и недоразумений, возникающих между государями. Но особый интерес представляют пункты 8 и 27, в силу которых папа ставит себя выше императора и приписывает себе право сменять и низлагать императоров, освобождая подданных от повиновения последним.

Комментируя все эти положения, следует отметить, что притязания папства на столь полное и неограниченное политическое господство, разумеется, никогда не могли быть претворены в жизнь; однако стремление папства к такому господству над государями Западной Европы настойчиво и упорно проявлялось. Эта тенденция имела, конечно, свои глубокие причины.

Учителю следует продумать ту общую оценку, которую Энгельс дает социально-политической роли католической церкви в средние века: «...великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с греко-православным, так и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй священным ореолом божественной

благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу...»[1].

Наряду с этим важно подчеркнуть стремление папства возглавить германских феодалов, сопротивлявшихся усилению императорской власти.

Слова папского диктата об освобождении подданных от присяги негодным владыкам могли иметь особое значение именно в XI в., когда мятежные вассалы восставали против германского императора и их сепаратизм, таким образом, освящался авторитетом папы.

Документ 13 показывает, как мысль о неповиновении императору внедрялась в сознание феодалов. Автор документа, убежденный сторонник Григория VII, доказывает правомерность ослушания государю, если этот государь оказался деспотом, если он нарушал обязательства по отношению к народу, «возвысившему его над собой».

Если в данном документе тирану-государю противопоставляется народ, если интересы народа предлагается оградить отказом от повиновения тирану, это лишь означает, что под именем народа разумеется знать. Автор документа не случайно вспоминает последнего легендарного римского царя Тарквиния Гордого, который был лишен власти по воле римской знати. Упоминаемая в документе присяга связывала с императором не народ, а феодалов — императорских вассалов, и, таким образом, весь смысл документа заключается в том, чтобы стремление императора дисциплинировать феодалов и ограничить их своеволие объявить «угнетением добрых» и «свирепым тиранством», а самое своеволие мятежных вассалов оправдать как борьбу за свободу. Разумеется, ни свобода, ни подлинные интересы народа, то-есть крепостного крестьянства, при этом нисколько не принимались во внимание.

Император, так же как и папа, превосходно понимал, что исход конфликта между императорской и папской властью зависит от феодалов и от того, кому именно—папе или императору—они обеспечат свою поддержку.

Поэтому и император Генрих IV *(документ 7)*, изложив все свои обвинения по адресу папы, взывает к своим «вернейшим», то-есть к германским, феодалам, которых он убеждает отнестись с сочувствием к его императорской воле.

Отлучение от церкви Генриха IV *(документ 8)* интересно своей заключительной частью. Папа во имя защиты церкви объявляет Генриха IV лишенным власти над Германией и Италией и призывает христиан отречься от присяги, данной императору. Этот призыв был обращен к германским феодалам и, как показывают дальнейшие документы, был ими воспринят.

Весьма существенно, что в тексте сначала идет речь о *низложении* Генриха IV и лишь потом о его *отлучении*. Это — результат сознательной тактики Григория VII, не желавшего ставить низложение короля в зависимость от его отлучения с той целью, чтобы снятие отлучения с короля впоследствии не повлекло за собой его восстановления на престоле.

Документ 9 многословен и громоздок. Однако самая многословность документа показывает, что папа считал крайне важным убедить тех, к кому он обращал эти строки, т. е. духовных и светских феодалов Германии, мнению и поддержке которых он придавал решающее значение. Разумеется, зачитывать этот пространный документ не имеет смысла. Целесообразно лишь обобщить его содержание, указав, кому адресовано папское послание и какую задачу при этом преследовал папа.

Документ 10 чрезвычайно важен. Он позволяет выяснить, в чем именно выразилась победа Григория VII над императором Генрихом IV. Обращения папы к германским феодалам увенчались полным успехом. Трое из этих феодалов преграждают путь императору, направившемуся в Италию, и побуждают его искать обходную дорогу. Родственники императора заставляют его купить пропуск в Италию ценой уступки богатой провинции.

Документ говорит о том, что императору пришлось в суровую зимнюю пору, рискуя жизнью, перебираться через Альпы, чтобы поспешным прими-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 295.

рением с папою не допустить суда над собой на предстоявшем церковном соборе, где император неизбежно оказался бы в роли подсудимого, а его противник—папа—в роли непогрешимого судьи. Все эти факты показывают, что император оказался в тот момент политически изолированным, поставленным перед лицом враждебных вассалов, а вследствие этого — и обреченным на поражение.

Появление Генриха IV в Каноссе, его морально-политическая капитуляция перед папой последовала именно потому, что Григорию VII удалось умело использовать противоречия между императором и его германскими вассалами. Учителю следует настойчиво подчеркнуть данный вывод и не допускать ложного представления, будто поражение императора явилось лишь результатом личного влияния его противника Григория VII.

Ограничиться рекомендуемыми выдержками полезно не только ввиду недостатка времени, но и потому, что напыщенные, риторически-многословные сентенции документов в ряде случаев не столько выявляют, сколько затемняют и извращают суть дела. Папа старался изобразить борьбу с императором, как благочестивую, угодную богу задачу и создать впечатление, будто противники Генриха IV воодушевлены преданностью церкви и вовсе не преследуют каких-либо собственных целей.

Можно процитировать очень яркое и горделивое сообщение папы о событии, происшедшем в Каноссе, которое содержится в документе 11. Так как эта цитата может создать у учащихся неправильное представление, будто Каноссою было завершено столкновение императора и папы, учителю следует закончить свой рассказ упоминанием о походе Генриха IV на Рим в 1084 г., который, подобно всем предшествующим императорским походам в Италию, привел к вступлению в Рим и захвату добычи. Важность подобного упоминания обусловлена возможностью убедительным образом показать, что германские феодалы вовсе не были ревностными защитниками церкви и папы, и если, соблюдая свои интересы, они вместе с папой пытались ослабить власть императора, то позднее с не меньшею готовностью они пошли на Рим под знаменем того самого императора, которого они предали и привели к Каноссе.

Если устный рассказ учителя может покоиться на тщательно отобранных выдержках из документов, то, естественно, по-иному документальный материал должен быть использован во внеклассной работе. В этом случае учащийся, беря на себя разработку доклада о борьбе между императорской и папской властью, читает всю группу публикуемых в хрестоматии документов и, отвечая на вопрос о причинах временного поражения императорской власти, должен самостоятельно уяснить:

1. Почему Генрих IV вынужден был поспешить в Италию и молить папу о прощении?
2. Как отнеслись германские феодалы к спору между папой и императором и к самому императору?
3. Являлся ли достигнутый папою в Каноссе успех прочным?
4. Как объяснить участие германских феодалов в последующем походе (1084) на Рим?

Документ 15 весьма прост и может быть процитирован в классе. Он показывает, что в XII столетии папы уже не удовлетворялись версией о «даре Константина». Папа Евгений III желает «обосновать» права папы якобы «волей» самого Христа, который рассматривается как основатель римской церкви.

Документ 16 позволяет выяснить, как в начале XIII в. самый сильный из средневековых пап Иннокентий III представлял себе взаимоотношения между папской и императорской властью и как он использовал старое учение о двух мечах — светском и духовном, разработанное еще в XI в. Петром Дамиани, а также и сопоставление папской и императорской власти с солнцем и луной. Сравнение с солнцем и луной говорит о той подчиненной роли, которую папа предусматривал для светской власти. Слова о двух мечах доказывают, что папа единственной задачей светских государей считал защиту церкви. Однако этому представлению о руководящей роли папства далеко не соответствовали факты. Как показывает вторая часть документа, Инно-

кентий III стремится в благоприятном для себя смысле разрешить спор между претендентами на германскую императорскую корону и напоминает, что только он, папа, может решать подобный спор. При этом указывается, что апостольская благосклонность приобретается заслугами перед папой.

Выдержки из первой части документа могут быть использованы в классе в качестве яркой иллюстрации, рисующей притязания папы. Содержание второй части может быть резюмировано обобщающим замечанием учителя.

Документ 17 весьма важен: он свидетельствует о том значении, которое Иннокентий III придавал усилению так называемой светской власти папы. В данном случае речь идет о подчинении ряда итальянских городов папе как владетелю Папской области, стремившемуся к расширению последней. Как показывает документ, Иннокентий III не упускает случая напомнить о якобы беспредельном характере духовной власти папы и отметить, что и светская власть папы, при «содействии божьем», утверждалась во многих местах. Проявляемые в данном документе стремления к усилению господства папы в Италии при преемниках Иннокентия III значительно усилились.

Документ 18, адресованный Оттону Вельфу, который в то время пользовался поддержкою папы, — ясно говорит о стремлении папы Иннокентия III всецело подчинить своему политическому влиянию несовершеннолетнего наследника Гогенштауфенов, будущего императора Фридриха II. Формулировки папского послания свидетельствуют о настойчивом желании папы поставить Фридриха в зависимое положение папского вассала и тем самым превратить расположенное в Южной Италии «Королевство обеих Сицилий» в территориальный придаток Папской области.

Притязания папства на светскую власть могут быть ярко охарактеризованы той борьбой, которую преемники Иннокентия III — Григорий IX (1227—1241) и Иннокентий IV (1243—1254) — ведут с императором Фридрихом II. Мотивы той непримиримой вражды, которую оба папы питали к этому государю, легко объяснить тем, что оказались разбитыми те самые надежды, которые Иннокентий III высказывал в документе 18, рассчитывая на вассальное подчинение Фридриха и на приобщение его Южно-Италийского королевства к папским владениям.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 90—109. 241—258).

* * *

Документы 4, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 13 подобраны и объяснены М. В. Бердоносовым, из них документы 4, 5, 6 и 13 переведены им заново для первого издания хрестоматии. Документы 8, 11, 14 взяты из книги «Средневековье в его памятниках», под ред. Д. Н. Егорова, документы 1, 2, 3 взяты из книги Ф. Успенского «История Византии», документ 15 взят из книги В. Герье «Расцвет западной теократии». Введение к отделу написано А. Д. Эпштейном.

1. ПИСЬМО ПАПЫ ГРИГОРИЯ I ИМПЕРАТОРУ ВИЗАНТИИ МАВРИКИЮ

Папа Григорий I (590—604), прозванный «Великим», стремился стать полновластным повелителем Италии. Это стремление проявлялось в часто повторяемых словах папы: «Рим — моя страна!» Византийский экзарх (наместник) жаловался императору на то, что папа самостоятельно ведет переговоры с лангобардами, по собственному почину собирает и снаряжает ополчения и даже руководит передвижением войск. Приводимый ниже документ представляет ответ Григория I императору Маврикию, упрекавшему папу в том, что он без согласия и одобрения императора вступил в соглашение с лангобардским герцогом.

Ваше царское благочестие, стараясь по милосердию своему оправдать меня от взводимых на меня обвинений, обошлось со мною очень немилосердно: в своих обращениях оно именует меня очень вежливо «простецом», обманутым герцогом Ариульфом.

Это, конечно, только литературная форма для названия глупцом, — и сам себя признаю, поскольку продолжаю терпеть то, что приходится терпеть на моем месте от дикости лангобардов. А в том, что Ариульф сам высказал мне готовность присоединиться к империи, мне не верят и упрекают, что я дал себя провести.

Если бы несчастия моей страны не возрастали с каждым днем, я ни слова бы не сказал на это. Но пока мне не верят, Италия все более попадает под иго варваров, силы которых растут. Поэтому я и заявляю всемилостивейшему императору, что он волен считать меня самым дурным человеком, но там, где дело идет о пользе государства и погибающей Италии, он не должен слушать первого попавшегося.

И пусть земной государь осторожнее относится к священникам, которых само писание называет божественными и ангелами. Когда божественному Константину[1] предъявили жалобы на священников, он сжег их и сказал: «Вы поставлены богом, идите и сами разбирайте ваши дела, ибо мы недостойны судить божественных!» Это я не о себе говорю, а о прочих священниках... Я же грешник, и думаю, что на страшном суде меня помилуют только за те страдания, которые я испытываю здесь...

Во всяком случае я более полагаюсь на милость грядущего Иисуса, чем на правосудие вашего благочестия.

2. ПИСЬМА ПАПЫ СТЕФАНА II ПИПИНУ КОРОТКОМУ

Папа Стефан II (752—757), как известно, признал права Пипина Короткого на королевскую корону и, содействуя своим авторитетом переходу этой короны от Меровингов в руки Пипина, настойчиво добивался того, чтобы франкские войска освободили Италию от владычества лангобардов. Приводимые письма папы написаны после первого похода Пипина в Италию, в период, когда лангобарды, несмотря на нанесенное им первое поражение, снова угрожали Риму. Когда первое обращение к королю Пипину не возымело действия и осталось без ответа, было послано второе письмо, а вслед за ним и третье, для большей убедительности написанное уже не от имени папы, а от лица «апостола Петра».

[1] Имеется в виду римский император Константин.

Первое письмо. Заклинаю вас господом богом, девой Марией и Петром верховным апостолом, который помазал вас на царство, порадейте за святую церковь и постарайтесь исполнить обещание, которое вы дали святому Петру. Поспешите воздать ему то, что обещали по записи, скрепленной вашей рукой, на пользу души своей. Мы поручили вам все дела святой церкви, и вы отдадите богу и блаженному Петру в день страшного суда отчет в том, как вы старались о пользе его и что предпринимали для возвращения ему мест и городов. Вам предоставлено такое высокое счастье — способствовать приращению церкви и ратовать о восстановлении прав верховного апостола. Ни один из ваших предков не заслужил такого блистательного поручения, но вас предизбрал и предопределил бог в вечные времена.

Второе письмо. Спаситель наш мог и иными путями, по своему изволению, защитить свою церковь и восстановить права верховного апостола. Но одобрив для этого ум и совесть вашу, побудил нас отправиться к вам. Имея к вам сильное доверие и побужденные волей божией, мы вверили трудному и отдаленному путешествию наше тело и душу, отягощенную скорбями, терпели от снега и холода, от жара и разлива рек, подвергались крайним опасностям при переправе через реки и при переходе через горы. Умоляю вас, порадейте за святую церковь и за дело святого Петра. Что обещано вами святому Петру, должны передать ему во владение. Помните и никогда не выпускайте из вашей памяти, какой обет дали вы привратнику небесного царства, знайте, что он строго блюдет свои права, и сообразите это. Спешите возвратить ему то, что обещали в форме дара, да не преследует вас вечное раскаяние и не угрожает осуждение будущей жизни, ибо знайте, верховный апостол крепко держит вашу дарственную запись. На страшном суде он предъявит ее праведному судье, и тогда вам трудно будет вести с ним счеты.

Третье письмо. Я, апостол Петр, предизбранный просветитель всего мира, получил от бога власть вязать и разрешать людей. Посему все повинующиеся мне да будут совершенно уверены в разрешении их грехов. Я, апостол божий Петр, взываю к вам, как к моим сыновьям, защитите от рук врагов Рим и народ, богом мне вверенный, и не допустите до осквернения дом, в котором покоится мое тело... Будьте уверены, я стою перед вами, как живой, и мое воззвание подкрепляю сильными обязательствами, и госпожа наша, матерь божия, вместе со мною просит вас и повелевает вам, а также и все небесное воинство, и мученики, и исповедники, и все угодники божии... Защитите и освободите со всею поспешностью святую церковь от руки лангобардов, тогда и я в сей жизни и в день воздаяния буду вам покровительствовать и приготовлю вам в царстве божьем светлые и прекрасные обители, где вас ожидает награда вечного воздаяния и бесконечные райские увеселения... Заклинаю вас, возлюбленные, богом живым: не дозволяйте лангобардам терзать мой Рим

и обитающий в нем народ, иначе ваши души и тела будут терзаться в вечном Тартаре вместе с дьяволом и его слугами. Не допускайте расхищать божественное стадо, богом мне вверенное... Известно уже, что из всех народов под небом франки по преимуществу любезны мне, апостолу божию, Петру. И потому я руками наместника моего поручил вам освободить из рук неверных церковь божию. Твердо держите в памяти, сколько я, раб божий, званый апостол, помогал вам, когда вы просили меня: я давал вам победы над врагами, верьте, что и впредь буду помогать, если со всею поспешностью вы пойдете для освобождения моего Рима... Если же вы промедлите и не так скоро соберетесь исполнить мою волю, то да будет вам известно: властью святой и нераздельной троицы, по благодати апостольства, данной мне Христом, я отчуждаю вас от царства божия и вечной жизни.

3. ПИСЬМО ПАПЫ СТЕФАНА III КАРЛУ ВЕЛИКОМУ

Папа Стефан III (768—772), стремившийся к окончательному вытеснению лангобардов из Италии, не мог допустить мысли о сближении молодого франкского государя Карла Великого с лангобардами, и, в соответствии с этим, резко опротестовал брак (впоследствии расторгнутый) Карла с дочерью лангобардского короля Дезидератой. Содержание и стиль папского послания показывают, что папа выступал в данном случае как обладатель Папской области и представитель италийской знати и, злоупотребляя своим саном первосвященника, не гнушался никакими проклятиями по адресу своих противников.

До нашего слуха дошло нечто такое, о чем мы не можем говорить без душевного сокрушения: будто бы Дезидерий [лангобардский король] убедил ваше величество вступить в брак с его дочерью. Если так, я почитаю это за дьявольское наваждение, ибо это не будет супружеским соединением, но самым позорным сожительством. Мы знаем из истории и божественного писания, как тяжко грешат те, которые вступают в брак с иностранками. Я не могу допустить, чтобы такое дело могло совершиться без участия дьявола. Как? Знаменитый народ франков, превосходящий славою все другие, блестящий и знаменитейший род вашего величества... смешивается с вероломным и паршивым племенем лангобардов... Да лангобардов никогда и не считали народом, от них происходит какое-то прокаженное отродье! У кого есть здравый смысл в голове, тот и помыслить не может, чтобы такие именитейшие короли позволили себе столь отвратительное и ужасное смешение. Ибо какое общение света с тьмой и что общего у верного с неверным? Вы уже имели жен из вашего почтенного племени, следует любить их, а не искать чужеземных связей. И то следует помнить вам, что вы обещали блаженному Петру и его наместнику быть друзьями друзей и врагами врагов наших. Как же теперь замышляете погибель душам вашим,

вступая в союз с нашими врагами? Клятвопреступный народ лангобардов продолжает притеснять церковь божию и нашу римскую провинцию.

4. ДЕКРЕТ О ПАПСКИХ ВЫБОРАХ 1059 г.

Приводимый ниже декрет о папских выборах был оглашен папой Николаем II (1059—1061) на Латеранском соборе в Риме в 1059 г.; он сыграл немаловажную роль в истории католической церкви: вводимый им новый порядок выборов папы кардиналами удержался в основном до сих пор. Этот декрет занимает видное место в истории борьбы пап с императорами. Сторонники императора в разгар борьбы ухитрились фальсифицировать этот декрет, включив в него ряд небольших вставок о выборе пап не кардиналами только, а кардиналами вместе с императором. До нас дошли рукописные тексты как первоначального, так и фальсифицированного декрета. Перевод дается с нефальсифицированного текста, взятого у Altmann und Bernheim, Ausgewählte Urkunden zur Erläuterung der deutschen Verfassungsgeschichte im Mittelalter. Berlin 1904, p. 99—101.

1. Во имя господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, в год от воплощения его 1059, месяца апреля, индиката 12.

По прочтении святого евангелия, в заседании собора, происходившего под председательством достопочтеннейшего и блаженнейшего преемника апостолов папы Николая в патриаршей Латеранской церкви, именуемой Константиновской, в присутствии достопочтеннейших архиепископов, епископов и аббатов и достопочтенных пресвитеров и дьяконов, вышеупомянутый достопочтенный первосвященник, силою апостольского авторитета, постановляя правила относительно избрания папы, изрек:

2. Известно вашему блаженству, возлюбленные братья и соепископы, а равно и вам, младшие члены церкви христовой, небезизвестно, сколько потерпел после смерти священной памяти господина Стефана [IX (1057—1058)], предшественника нашего, этот апостольский престол, которому я служу по милости божией, и каким частым ударам и потрясениям он подвергался в последнее время со стороны торгашей церковными должностями из среды еретиков-симонистов [1], вследствие чего столп бога живого, казалось, уже почти поколебался, и мрежа [сеть] верховного ловца от поднявшихся бурь принуждена была погрузиться в бездну крушения. Поэтому, если благоугодно вашему братству, мы должны, при помощи божией, дабы это зло, ожив — боже упаси, — не одержало верха, — благоразумно принять меры и позаботиться на будущее время о церковном благосостоянии. Посему, опираясь на авторитет предшественников наших и других святых отцов, определяем и постановляем:

3. Чтобы по кончине первосвященника римской вселенской церкви, кардиналы-епископы первым делом, собравшись вместе, тщательно обсудили кандидатуры и, пригласив без промедления

[1] Католическая церковь в целях борьбы с симонией, то-есть куплей-продажей церковных должностей, объявила симонию ересью.

кардиналов-клириков, произвели выборы, а остальное римское духовенство и миряне выразили бы свое одобрение выбору нового папы.

4. Приняв меры предосторожности, чтобы недуг купли каким-либо воровским способом не сделал свое дело, преосвященные мужи должны избрать, а остальные признать нового первосвященника, и этот новый порядок избрания расценивается как вполне правильный и законный, если, по обозрении правил или же деяний различных отцов церкви, вспомним нижеследующую сентенцию предшественника нашего, папы Льва[1]: «Разум никоим образом не терпит, чтобы считались епископами те, кто ни духовенством не избран, ни мирянами не одобрен, ни соепископами той же самой провинции, а с соизволения митрополита, не посвящен». А так как апостольский престол возвышается над всеми церквами земли и, следовательно, не может иметь над собою никого митрополитом, то, несомненно, кардиналы-епископы действуют как заместители митрополита и именно они возводят избранного главу церкви на вершину апостольского престола.

5. Избрать же они его должны из недр этой самой церкви, если найдется достойный; а если не найдется в ней, то из другой.

6. Надлежит при этом соблюдать должную честь и уважение к возлюбленнейшему сыну нашему Генриху, нынешнему королю и будущему, по воле божией, императору, на что мы уже изъявили ему свое согласие, а также соблюдать должную честь и уважение к его преемникам, которые персонально получили бы право на этот сан от апостольского престола.

7. Если же развращенность порочных и враждебных людей усилится до такой степени, что безошибочный, беспристрастный и бескорыстный выбор в Городе[2] будет невозможен, то кардиналам-епископам с монахами, клириками и мирянами-католиками в любом их количестве должно быть предоставлено право и власть избрать первосвященника апостольского престола в таком месте, где это им будет удобнее.

8. По окончании выбора, в случае, если буря военного времени или какое-либо волнение, поднятое злокозненными людьми, воспрепятствует тому, чтобы избранный мог быть возведен официально, по установленному церемониалу, на апостольский престол, он тем не менее, как истинный папа, должен управлять святой римской церковью и распоряжаться всеми ее средствами: мы знаем, что так поступил и блаженный Григорий прежде своего посвящения.

9. Если кто, вопреки этому нашему декрету, обнародованному соборным приговором, будет избран, или же посвящен, или торжественно возведен на апостольский престол вследствие мятежа, козней или какой-либо хитрости, тот должен считаться всеми не

---

[1] То-есть папы Льва IX (1049—1054).
[2] То-есть в Риме.

папою, но сатаною, не апостольским преемником, а отступником и по отлучении от святой божией церкви, божеской и святых апостолов Петра и Павла властью должен быть предан вечной анафеме со своими помощниками, покровителями и приверженцами как антихрист, возмутитель и разрушитель всего христианства; и не только не должна быть ему предоставлена когда-либо возможность каких-либо объяснений на этот счет, но он должен быть немедленно лишен всякой церковной степени, какую бы он ни имел прежде. Всякий его сторонник или оказавший ему как первосвященнику честь или отважившийся защищать его в чем-либо подлежит такому же приговору. Всякий нарушитель этого нашего декрета, который решится возмутить спокойствие римской церкви, строя козни против этого нашего постановления, да осужден будет вечной анафемою и отлучением и сопричислен будет к нечестивым, которым не воспрянуть на страшном суде; да испытает он на себе гнев всемогущего бога отца и сына и святого духа, и святые апостолы Петр и Павел, церковь которых он отважился возмутить, да обрушат на него свой гнев и в этой жизни и в будущей; да будет жилище его пусто, и в шатрах его да не обитает никто. Пусть будут сыновья его сиротами, а жена его вдовой. Пусть в смятении удалятся как он, так и сыновья его, и пусть будут нищими и будут изгнаны из жилищ своих. Пусть лихоимец возьмет все имущество его и чужие люди да расхитят все труды его. Пусть весь мир обрушится на него, и пусть все стихии восстанут против него, и да смутят его заслуги всех святых усопших, и да постигнет его в этой жизни явное наказание.

10. Соблюдающих же этот наш декрет да хранит благодать всемогущего бога и властию блаженных апостолов Петра и Павла да разрешит их от уз всякого греха.

[Далее следуют подписи членов церковного собора с папой Николаем II во главе.]

5. СВИДЕТЕЛЬСТВО СОВРЕМЕННИКА-ЛЕТОПИСЦА О СИМОНИИ И ИНВЕСТИТУРЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ БОРЬБЫ ГЕНРИХА IV С ГРИГОРИЕМ VII

В помещаемых ниже двух отрывках из «Анналов» Ламберта Герсфельдского, **бенедиктинского монаха-летописца, современника Генриха IV и Григория VII, во-первых, рисуется в ярких чертах характерный тип епископа-симониста, смещенного и отлученного папой Григорием VII по жалобе на него местного духовенства; невежественный и корыстолюбивый, он грубо нарушал интересы подчиненного ему духовенства, не давая ему возможности прочно владеть церквами и монастырями с их землями; во-вторых, здесь изображена характерная обстановка выборов аббата крупного и богатого монастыря в острый момент начала борьбы за инвеституру между папой и императором.**

См. Annales Lamberti Hersfeldensis в Monumenta German., Scriptores, t. V. Hannover, 1843, pp. 236—237.

а) Жалоба бамбергского духовенства на своего епископа Германа папе Григорию VII[1]

Послы всего бамбергского клира... жестоко порицают долготерпение римского папы: почему он допускает, чтобы церковь божия столь долгое время осквернялась еретиком, когда этот последний не как пастырь, а как вор и разбойник ворвался в овчарню не через дверь, а через симонийскую ересь, и затрату огромных денег..., когда он, будучи круглым невеждой, вопреки священным канонам, бесстыдно занял епископскую кафедру, обязывающую его проповедывать священное писание; когда он до своего епископства приобрел громкую известность всевозможными тяжкими преступлениями и всякого рода позорными делами в родном его городе Майнце; когда он, с детства искушенный в денежных и ростовщических делах, гораздо усерднее стал заниматься ими после того, как в его распоряжение поступили небесные блага, наигнуснейшим образом продавая гнусно купленные им в пределах его диоцеза[2] церкви и аббатства.

б) Сцена избрания фульдского и лоршского аббатов

На следующий день[3], когда король вместе с князьями открыл заседание для избрания аббата Фульдского монастыря, началось страшное соперничество между аббатами и монахами, которые во множестве стеклись из различных мест. Подобно тому как бывает на торжественных состязаниях, каждый из них всеми силами оспаривал добычу: один обещал золотые горы, другой щедрые раздачи бенефициев из земель Фульды, третий обещал выполнить служебные обязанности по отношению к государству в размерах более обычного, но все в своих обещаниях превышали всякую меру и скромность. И — «о времена, о нравы!», «о мерзость запустения на месте святе!» — в наши дни маммон всенародно воссел в храме божием[4] и возвысился над всем, что зовется богом или что почитается как бог! Аббаты и монахи до того были увлечены духом честолюбия и алчности, что их не отпугивало ни уважение к имени христианина, носимому ими, ни монашеское одеяние и обеты, ни, в конце концов, недавний пример епископа бамбергского, которого за день перед тем отрешили от епископской должности и от церковного общения в таинствах не за иное что, как за то, что он достиг священного сана недопустимым подкупом.

Бесстыдство этих соискателей внушило сильнейшее отвращение королю, как то и подобало ему; ему стала надоедать бесцеремонная настойчивость просьб, и он, неожиданно, как бы вдохновленный свыше, вызывает на средину собрания одного герсфельдского монаха, по имени Розелина, прибывшего к королев-

[1] В январе 1075 г.
[2] Епископский округ.
[3] 1 декабря 1075 г. в г. Вормсе.
[4] Взято из ветхозаветной книги пророка Даниила, 9, 24.

скому двору по делам своего монастыря по поручению его аббата и, предлагая пастырский посох ничего не подозревавшему и даже остолбеневшему от неожиданности монаху, первый выбирает его аббатом и затем убедительно просит как монахов, так и рыцарей согласиться на его избрание. Когда все присутствовавшие с величайшей радостью подали за него свой голос, ему было повелено принять аббатство. Он долго противился, ссылаясь то на свою неопытность, то на плохое здоровье, то на отсутствие своего аббата, пока, наконец, хотя и с трудом, не согласился принять сан, уступив просьбам присутствовавших епископов.

Подобное же случилось незадолго перед тем вследствие смерти Удальрика, аббата лоршского. Монахи и рыцари единодушно наметили кандидатом на вакантную должность аббата монастырского пробста [1] и пришли к королевскому двору, будучи уверены, что и король того же мнения, ввиду неоднократных услуг, которыми их кандидат, будучи монастырским пробстом, весьма предупредительно покупал себе милость и расположение короля. Но последний неожиданно, движением руки выводит на средину собрания другого монаха того же монастыря, по имени Адельберта, который прибыл на собрание с остальной братией, не помышляя ни о чем подобном, и ко всеобщему изумлению вручает ему посох, так что тот остолбенел от неожиданности.

6. НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ ПРОТИВ БОГАТОГО И СЕМЕЙНОГО ДУХОВЕНСТВА («ПАТАРИЯ» В МИЛАНЕ)

Приводимый ниже летописный отрывок взят из «Деяний архиепископов миланских», написанных Арнульфом, современником патарии.

Арнульф, принадлежавший по своему происхождению к миланской знати (к сословию так называемых капитанов) и находившийся, повидимому, в рядах миланского духовенства, не питал никаких симпатий к движению широких масс миланского населения, но он, по сравнению с другими дошедшими до нас первоисточниками по истории патарии, является наиболее точным и добросовестным наблюдателем протекавших на его глазах событий. В приводимом отрывке показаны первые годы патарии (1056—1059).

См. Arnulfi Gesta Archiepiscoporum Mediolanensium, lib. III, c. 10—14 в Monumenta German., Scriptores, t. VIII, pp. 18—21.

1. В эти бурные времена [2] миланское духовенство объял ужас и трепет, когда народ вновь поднялся против него. Грех попутал ту и другую сторону. Ведь все оказались грешными, и все позабыли о славе божией.

Мы и расскажем, как сумеем, о начале и о течении этих происходивших на наших глазах событий. А к чему все это приведет, о том ведает один лишь божественный промысел, который чудесным образом распоряжается всем и является началом и концом всего.

---

[1] То-есть старшего монаха.

[2] Имеются в виду вооруженные столкновения между северными итальянскими городами (Миланом, Лоди и Павией), происходившие вслед за смертью Генриха III, в 1056 г., и борьба горожан с местным духовенством в отдельных городах (например, в Асти).

Итак, некий диакон, по имени Ариальд, выходец из среды арендаторов церковной десятины, всячески обласканный высокопреосвященным Гвидоном[1] и осыпанный им многими почестями, успешно прошел курс наук, но, сделавшись серьезнейшим истолкователем закона божия, стал обрушиваться всею суровостью своих суждений на одних лишь клириков.

Будучи довольно скромного происхождения, он не мог рассчитывать на сколько-нибудь значительное влияние, а потому предусмотрительно привлек на свою сторону Ландульфа, человека как будто более благородного происхождения и вполне подходящего для публичных выступлений, а сам сделался его правой рукой.

Ландульф, обладающий даром слова и хорошим голосом, притом страстно жаждавший популярности, моментально становится красноречивым трибуном, присвоив себе, таким образом, вопреки церковным обычаям, звание проповедника. Так как он не имел никакого духовного сана, его проповеди были тяжким игом для посвященных в сан, в то время как христово иго приятно, а бремя его легко[2].

2. Изо дня в день агитируя среди народа, Ландульф однажды обратился к нему с такой речью: «Я не в состоянии, дорогие господа, дольше молчать и не высказать того, что наболело у меня на сердце. Не отнеситесь с пренебрежением, государи мои, к словам неопытного юноши; ведь нередко господь открывает юноше то, в чем он отказывает зрелому мужу. Скажите мне, верите ли вы в бога единого, но в трех лицах?» — «Верим», — отвечают ему все. Тогда он добавил: «Осените чело ваше крестным знамением». И это было исполнено.

После того он произнес: «Радуюсь вместе с вами вашей ревности о вере, однако же терплю вместе с вами угрозу великой погибели. Прошло ведь много времени с тех пор, как здесь в городе был отвергнут спаситель. Давно коренится среди вас заблуждение, так как вы потеряли всякие следы, ведущие к истине. Вместо света вы бродите во тьме, все вы стали слепыми, потому что у вас слепые пастыри. Но разве может слепой вести слепого? Разве не попадут они оба в яму? Среди священников, диаконов и прочих священнослужителей изобилие всяческой скверны и симонийской ереси[3] и они, как николаиты[4] и симонисты, по заслу-

---

[1] Архиепископ миланский.

[2] Евангельское выражение.

[3] У биографа одного из вождей патарии, Ариальда, ярко подчеркнута распространенность симонии. Когда началось движение патарии, в архиепископских кругах, среди огромного большинства духовенства и рыцарства, а также в простом народе, среди приверженцев архиепископа и духовенства, слышались такие разговоры: «Если восторжествует новое учение (враждебное симонии), плохо будет жить и нам и детям нашим. Что это за жизнь, если нельзя будет ни покупать, ни продавать церковные бенефиции, как это мы все время делаем».

[4] Название одной из сект в христианской церкви, начало которой восходит к первым векам христианства.

гам должны быть отвергнуты. Если же вы надеетесь спастись через них, тщетна ваша надежда, и вы впредь остерегайтесь почитать совершаемые ими божественные службы, ведь приносимые ими жертвы богу столь же святы, как собачий помет, а их церкви все равно, что хлевы для скота. Поэтому всех их следует отныне отстранить от священнослужения, а все их имущества конфисковать: и пусть всем будет дана полная возможность разобрать по рукам эти имущества, где бы они ни находились, в самом ли городе [1] или вне его. Ведь и я совершил многое, достойное наказания, но что было хуже всего, я оскорбил царя небесного тем, что общался до сих пор с недостойными его служителями. Теперь же я, по милости божией, каюсь и воздержусь от таких поступков в будущем. Итак, будьте подражателями мне, мои дорогие, и ведите такую жизнь, какая подобает единомышленникам нашим».

3. В результате таких преступлений и многих иных, которые изгладились из человеческой памяти, всегда жаждущий новизны народ приходит в крайнее возбуждение против духовенства, причем одни считают это богоугодным делом, а другие томятся жаждой корысти. А упомянутый Ландульф со своим сообщником Ариальдом к тому же день за днем разжигает страсти массы, охотно внимающей его речам, в которых он всегда предлагал новое и неслыханное, зная вкусы толпы. Для обуздания его безрассудства церковные иерархи неоднократно собираются вместе, противопоставляя ему священное писание и канонические правила. А он, не обращая на все это внимания, тем не менее упорно продолжает свою деятельность. В один из высокоторжественных дней он явился к церкви с базарной толпой, силой прогнал всех, исполнявших божественную службу, с их места в храме и продолжал их преследовать по закоулкам и другим местам, где они укрылись. Вслед за тем он хитроумно позаботился о том, чтобы был подписан документ о соблюдении безбрачия, составленный, невзирая на церковные каноны, на основании гражданских законов. Этот документ подписывают против своей воли священнослужители всех степеней миланского диоцеза, принуждаемые к тому Ландульфом и другими мирянами.

Тем временем миланские бандиты, кроме разрушения нескольких храмов в городе, производили обыски по приходам в домах клириков и разграбляли их имущество. Подавленный всеми этими действиями восставших, клир снарядил посольство, через которое обратился со смиренной жалобой сперва к епископам той же самой провинции [2], а затем к римскому папе. Папский престол в Риме занимал тогда Стефан [3], который, взвесив выслушанное им от послов миланского клира, повелевает с высоты апостоль-

---

[1] Милане.

[2] В которую входил в качестве составной части миланский диоцез.

[3] Стефан IX (1057—1058).

ского престола народу успокоиться, а архиепископу созвать по этому делу синод. В силу этого папского повеления архиепископ Гвидон прилагает все старания к созыву собрания епископов, предоставив Ландульфу и Ариальду тщательно выяснить на этом собрании имеющиеся между ними и духовенством разногласия.

Многолюдный синод епископов созван был в Фонтанетто[1]. По прошествии трех дней, в течение которых синод занимался духовными делами, поджидая их прибытия, стало ясно для всех, что такое безрассудство по справедливости должно повлечь за собою кару в виде анафемы.

Так и было сделано. Ландульф не обращает на это никакого внимания и вместо того, чтобы испугаться, становится еще более заносчивым. Он усиленно клевещет на епископов, в особенности на митрополита, проявляет свою ярость и свирепость в отношении одного лишь духовенства, а к мирянам благоволит, как к братьям. Будучи весьма опытным во всех областях притворства и скрытности, являясь для многих дорогим человеком, Ландульф все повертывал на свой лад и вызывал удивление мира своей персоной. Вот почему, заполучив в свои руки власть, он связывает всех мирян общей клятвой и, так сказать, предлагает обрушиться на позорные язвы духовенства всех степеней и на посвящения за деньги в духовный сан. Немного времени спустя он понуждает дать клятву и клириков. Как раз с этих пор бесчисленная толпа мужчин и женщин сопровождает его в пути, а когда он дома, охраняет его день и ночь. Став единомышленниками Ландульфа, они презрительно взирают на церкви и с пренебрежением отвергают богослужения вместе с совершающими их священниками, утверждая, что все это заражено симонийской ересью. Не разделяющая их взглядов прочая городская масса иронически называет их патаренами[2]. Потом в Рим отправляется Ариальд, везя с собой оправдательное письмо[3]. В Риме он обвинял миланское духовенство в том, что оно состоит сплошь из николаитов и симонистов и совсем не желает подчиняться римской церкви, а он с Ландульфом — люди преданные и борются за одну лишь истину. Этим он быстро снискал расположение римлян...[4]

---

[1] Существующий до сих пор под этим именем городок, к западу от Милана.

[2] В Милане так назывались жители одного квартала, главной профессией которых являлась мелочная торговля старьем; иначе они назывались патарами.

[3] Этому путешествию Ариальда в Рим непосредственно предшествовали следующие обстоятельства. По словам биографа Ариальда, после того как народ насильственно расторгнул браки клириков, патарены решили снарядить в Рим Ландульфа с целью оправдаться во взводимых на них их противниками обвинениях. Так как Ландульфу не удалось добраться до Рима вследствие полученного им в пути ранения от руки противников патарии, в Рим пришлось поехать Ариальду.

[4] То-есть папского двора, или курии. Ариальд вернулся в Милан не

7. ОБРАЩЕНИЕ ГЕНРИХА IV К ДУХОВЕНСТВУ И МИРЯНАМ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ С ПРИЗЫВОМ СМЕСТИТЬ ПАПУ ГРИГОРИЯ VII

Помещаемое ниже письмо Генриха IV духовенству и мирянам римской церкви отражает один из острых моментов борьбы Григория VII с Генрихом IV. Последний в ответ на заступничество папы за мятежных саксонских епископов, только что приведенных к покорности Генрихом, созвал зимой 1075—1076 гг. в Вормсе синод немецких епископов, заставил их низложить Григория VII с папского престола и отправил ему сообщение об этом в Рим. Характерно, что оба противника не останавливаются ни перед какими крайними мерами в своей борьбе. Как можно видеть из помещаемого ниже документа, Генрих IV наряду с требованием, обращенным к Григорию VII, чтобы тот сам оставил папский престол, призывает к восстанию против него. Анналист Бруно включил данный документ, как и всю вообще переписку Генриха IV с Григорием VII, в свои «Анналы саксонской войны при Генрихе IV».

См. Bruno, De bello Saxonico, MG, Scriptores, t. V, p. 352.

Генрих, король божией милостью, изъявляет духовенству и мирянам вселенской святой римской церкви свою благосклонность и посылает свой привет и желает всякого добра. Верность тогда только считается твердою и непоколебимою, когда она сохраняется и в присутствии и в отсутствии лица, которому ею обязаны, и не ослабляется ни отдаленностью, ни продолжительностью его отсутствия. Мы знаем, что вы всегда питали к нам именно такую верность, и благодарим вас за то; но просим также, чтобы вы и на будущее время неуклонно пребывали в ней и так же, как вы теперь поступаете, были бы все время нашим друзьям — друзьями и нашим врагам — врагами. К последним мы причисляем монаха Гильдебранда и призываем вас подняться против него, потому что мы узнали в нем хищника и гонителя церкви, коварного врага римского государства, то-есть королевства нашего, как то ясно можно усмотреть из следующего письма, отправленного нами Гильдебранду.

«Генрих, король божией милостию, Гильдебранду. До сего времени я надеялся найти в тебе истинного отца и следовал твоим наставлениям всегда, невзирая на сильное неудовольствие верных моих приближенных, но за все это я получил от тебя взамен то, что можно ожидать лишь от ожесточенного врага нашей жизни и нашего государства. Сначала ты с безумной дерзостью похитил у меня наследственный почет, который всегда подобал мне от папского престола; а потом пошел еще дальше и низкими ухищрениями пытался отнять у меня облада-

---

один, а с папскими послами, в числе которых был Гильдебранд (будущий папа Григорий VII). С этого времени начинается личное знакомство и связи Гильдебранда с руководителями патарии, которую он искусно использовал для того, чтобы сломить сопротивление миланского клира искоренению симонии и введению безбрачия духовенства, а также чтобы безусловно подчинить власти Рима привыкший к самостоятельности богатый миланский клир.

ние короной Италии. Но, не довольствуясь этим, ты не побоялся простереть руку свою на достопочтенных епископов, которые связаны с нами, как драгоценнейшие члены нашего тела; ты преследовал их, как говорят они сами, высокомернейшими притязаниями и жесточайшими обидами, вопреки божественному и человеческому праву. И так как я переносил все это с кротостью, ты принял кротость мою за слабость и дерзнул восстать против самого главы государства; я разумею последнее твое требование[1], которое, как тебе известно, означает, что ты, говоря собственными твоими словами, решил или умереть, или лишить меня жизни и власти. Считая, что эту неслыханную дерзость следует отразить не словами, а делом, я созвал всеобщий съезд духовных князей королевства[2], соглашаясь на их просьбу об этом. Все, что до сих пор из страха и уважения покрывалось молчанием, было тогда выставлено на вид; сами князья своим свободным волеизъявлением, о котором ты узнаешь из их собственных писем, громогласно объявили, что ты никоим образом не можешь долее оставаться на апостольском престоле. Вполне соглашаясь с этим решением, потому что оно справедливо и достохвально перед богом и людьми, я лишаю тебя всех папских прав, которыми ты до сих пор пользовался, и повелеваю тебе оставить престол Города[3], патрицием[4] которого я являюсь по милости божией и по клятвенному согласию на то римлян».

Таково содержание нашего письма к монаху Гильдебранду. Мы сообщаем вам это письмо для того, чтобы наша воля встретила ваше сочувствие, а ваша любовь удовлетворила нас или лучше — бога и нас. Итак, мои вернейшие, восстаньте против Гильдебранда, и пусть будет первым по верности тот, кто первый осудит его. Но мы не заставляем вас проливать его кровь, ибо по низложении жизнь будет для него мучительнее смерти. Мы требуем только, чтобы вы принудили Гильдебранда оставить престол, если он сам не захочет добровольно это сделать, и приняли вместо него другого, кого мы избрали бы по общему совету всех епископов вместе с вами, чтобы он своей доброй волей и усилиями залечил раны, нанесенные церкви рукою Гильдебранда.

8. ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ ГЕНРИХА IV

Генрих IV был объявлен папой Григорием VII лишенным королевской власти и отлученным от церкви на Латеранском соборе в Риме в феврале 1076 г., после того как на этот собор явились послы от Генриха IV и сооб-

---

[1] Заступаясь за мятежных саксонских епископов, обратившихся к папе с жалобой на Генриха IV, которому они только что покорились, Григорий VII потребовал от короля, чтобы тот согласился на разбор их дела на церковном соборе, в присутствии папы.

[2] То-есть Германии.

[3] То-есть Рима.

[4] Почетный сан патриция, то-есть защитника Рима, получали от пап как франкские короли, так и германские императоры.

шили о низложении Григория VII вормским синодом духовных князей Германии, созванным по повелению Генриха IV.

Перевод текста отлучения взят из книги «Средневековье в его памятниках», под ред. Д. Н. Егорова, М. 1913, стр. 99—100.

Святой Петр, князь апостолов, склони, молю тебя, благой слух твой и услыши меня, раба твоего, которого ты с детства вскормил и по сей день охранил от руки злодеев, ненавидевших и ненавидящих меня верности твоей ради. Ты и владычица моя, матерь божия, и святой Павел, брат твой, будьте мне свидетелями во святых: святая римская церковь твоя привлекла на управление себе меня не хотящего, и не воровское замышляя [1], вступил я на престол твой; скорее хотел бы я провести жизнь свою в странствиях, нежели ради славы мирской захватить место твое мирским помышлением. А посему, в силу твоего изволения, а не моих заслуг, исповедую я то, что и было, и есть угодно тебе: да повинуется мне народ христианский, тебе особливо порученный. Нарочито в замещение тебя мне поручена и твоим соизволением передана богоданная власть вязать и решать на небеси и на земли.

Надеясь и уповая на сие, ради чести и защиты церкви твоею властью и велением — Генриха короля, сына Генриха императора, который в неслыханной гордыне восстал против церкви, лишаю правления всем царством тевтонским и Италией; всех же христиан от уз присяги, которую они пред ним связали или свяжут себя, разрешаю; и чтобы кто-либо служил ему, как королю, воспрещаю. Подобает бо, чтобы тот, кто помышляет умалить достоинство церкви твоей, сам бы лишился достоинства, в коем мнит себя. И поелику он, будучи христианином, презрел послушание и не вернулся к богу, от которого отступился,— общаясь с отлученными, творя многие неправды, пренебрегая моими увещаниями, которые я, ты свидетель, посылал ему, отделяясь от церкви твоей в намерении расколоть ее — я, викарий [2] твой, предаю его анафеме. И так связываю его от имени твоего, дабы знали и ведали народы, что ты еси Петр, и на сем камне сын бога живого воздвиг церковь свою и врата адовы не одолеют ее.

9. ПИСЬМО ГРИГОРИЯ VII НЕМЕЦКИМ ДУХОВНЫМ И СВЕТСКИМ ФЕОДАЛАМ С ОБЪЯСНЕНИЕМ МОТИВОВ ОТЛУЧЕНИЯ ИМ ГЕНРИХА IV ОТ ЦЕРКВИ

Помещаемое ниже письмо Григория VII, разосланное им в марте 1076 г. по разным областям Германии, написано с целью уничтожить всякие сомнения и колебания у немецких феодалов относительно правомерности отлучения Генриха IV. Эта папская пропаганда содействовала сплочению рядов противников Генриха IV в Германии, которые вновь подняли восстание в Саксонии против Генриха летом 1076 г.

См. Bruno, De bello saxonico, MG, Scriptores, t. V, pp. 354—356.

---

[1] Здесь скрытая полемика Григория VII с его политическими противниками, терминологию которых он употребляет.

[2] То-есть заместитель.

Григорий—раб рабов божиих, всем епископам, герцогам, графам и прочим верным сынам церкви, ратующим в тевтонском королевстве за веру христову, посылает свой привет и апостольское благословение!

Мы слышали, что некоторые из вас сомневаются относительно отлучения нами короля и спрашивают, справедливо ли поступили мы и был ли наш приговор постановлен с соблюдением законной процедуры и зрело обдуман. Посему взяли мы на себе труд открыть и объяснить во всеобщее сведение, какие обстоятельства привели нас к отлучению Генриха, призывая в свидетели нашей правдивости нашу совесть. И сделали это мы не столько для того, чтобы протрубить в народе о преступлениях короля, кои, к сожалению, слишком хорошо известны, но для того, чтобы успокоить тех, которые думают, что мы необдуманно обратились к духовному мечу и действовали больше по страсти, нежели из страха господня и ревности к правде. Когда мы носили еще сан диакона, до нас доносился уже дурной и нелестный слух о деяниях короля; и тогда же мы, ради его королевского достоинства, равно как и из уважения к его родителям, а также в надежде на его исправление, часто увещевали его чрез письма и посланников, чтобы оставил он порочную жизнь, и, не упуская из виду своего высокого происхождения и собственного достоинства, обратился к такому образу жизни, который приличен королю и, бог даст, будущему императору. После того, как мы, недостойный, заняли престол св. Петра, а у короля между тем зрели с годами и его преступления, мы поняли, что при той власти и праве, которые нам дарованы, всемогущий бог тем строже взыщет с нас за поступки короля, а потому мы тем с большей ревностью увещевали его всячески: упреками, просьбами, обличениями, чтобы он исправился. И король часто посылал нам свой смиренный привет, писал нам послания, в которых оправдывался слабостью и увлечениями юности, а также коварством своих советников, управляющих двором, и обещал на словах со дня на день следовать впредь нашим увещаниям, а на деле презирал их, учащая свои преступления.

Тем временем мы призывали к покаянию некоторых из его приближенных людей, по совету и побуждению которых он, соблазненный даваемой ему ценой, позорил симонийской ересью епископства и многие монастыри, поставляя в них волков вместо пастырей, и требовали, чтобы они церковные имения, приобретенные их святотатственными руками посредством бесстыдного торга, возвратили тем священным местам, которым они принадлежали, пока не упущено время для исправления содеянного зла, а сами оплакали бы слезами покаяния перед богом совершенное ими преступление. Когда же мы увидели, что они пренебрегли данным им сроком и упорно продолжали пребывать в привычной развращенности, тогда мы отлучили их от тела церкви как святотатцев, слуг и членов дьявола и вместе с

тем убеждали короля, чтобы он их как отлученных изгнал из своего дома, своего совета и прекратил с ними всякое общение. Но так как король стеснен был тогда саксонским делом[1] и замечал, что мужи и воины королевства по большей части хотят от него отложиться, он вновь послал к нам жалобное и смиреннейшее письмо, в котором каялся, что тяжко он согрешил против всемогущего бога и св. Петра, и присовокупил свою просьбу, чтобы постарались мы своей апостольской заботою и своим апостольским авторитетом поправить то, что по вине его произошло в церкви противного каноническому праву и постановлениям святых отцов; наконец, он обещал нам во всем послушание, единомыслие и верную помощь. То же потом подтвердил он соепископам и легатам[2] нашим, Гумберту, епископу Пренесты, и Геральду, епископу Остии, которых мы направили к нему. Когда они принимали от него покаяние и простерли над ним свои руки, возлагая на него свои священные столы[3], он повторил свои обещания.

Спустя же некоторое время, когда король одержал победу над саксами, он за одержанную победу принес богу такого рода благодарность и жертвы, что снова и упорно стал нарушать данные им обеты исправления; вопреки своим обещаниям, он опять принял отлученных в свое общение и свой круг и производил те же беспорядки в церкви. Тогда, объятые тяжкой скорбью, ибо исчезла почти всякая надежда на исправление короля, презревшего благодать царя небесного, мы тем не менее решили еще раз проверить его намерения, потому что лучше хотели мы, чтобы он испытал апостольскую кротость, нежели строгость наказания. Тогда мы послали ему письмо, в котором увещевали его подумать о своих обещаниях, дабы он не воображал обмануть бога. Мы писали ему, что гнев божий тем тяжелее, чем долговременнее его терпение. Мы объяснили ему, что нельзя отворачиваться от бога, которым он возвеличен, и что нельзя пытаться пренебрегать богом и поносить апостольский престол, потому что гордым бог противится, а смиренным дает благодать. Кроме того, мы послали к королю трех благочестивых и совершенно преданных ему мужей, через которых мы тайно увещевали его принести покаяние в своих преступлениях, о коих страшно молвить, но кои, к сожалению, слишком многим и слишком далеко известны; потому, как о том свидетельствует авторитет божеских и человеческих законов, он не может быть наказан одним лишь отлучением до тех пор, пока не загладит свои преступления, но должен быть лишен всех королевских почестей, без

---

[1] Имеется в виду восстание в Саксонии.

[2] То-есть послам.

[3] То-есть знаки епископского и архиепископского сана, представлявшие собой узкую полосу белой шерстяной материи, облегавшую шею и спускавшуюся концами на грудь и спину. Архиепископская стола обычно называлась паллием.

всякой надежды на их восстановление. Наконец, мы объявили ему, что если он не удалит отлученных от себя, то мы не иначе сможем поступить с ним, как отлучить его самого, и тогда он, как отлученный, пусть остается в общении с отлученными, коих он предпочел Христу.

Конечно, если бы он последовал нашим увещаниям и переменил образ жизни, то и мы, бог тому свидетель, были бы рады его спасению и восстановлению его чести и с совершенной любовью приняли бы его в недра святой церкви; потому что он, будучи поставлен главою народа и держа в своих руках бразды управления величайшим государством, должен быть защитником мира и правды для всего христианского мира. Но сколь мало придавал он значения нашим посланиям или нашим словам, переданным ему через наших делегатов, это показывают дела его.

Негодуя на всякое обличение и наставление, он не только презрел голос, обличавший его в пороках и призывавший его к покаянию, но еще более ожесточился во зле: он не успокоился до тех пор, покуда не поколебал в христовой вере всех епископов Италии и многих в тевтонских пределах, принудив их выйти из должного повиновения св. Петру и апостольскому престолу, которому они подчинены и поручены господом нашим Иисусом Христом.

Когда, таким образом, мы увидели, что злоба Генриха достигла высшей степени, мы положили: во-первых, за то, что он не хотел прекратить общения с людьми, отлученными от церкви за святотатство и симонию; дальше за то, что он не захотел не то что выразить раскаяние в преступных делах своей жизни, но даже и обещать его, нарушив тем клятву, данную им пред нашими послами; наконец, за то, что он посягнул на единство церкви, которая есть тело христово, — за все эти преступления мы отлучили его по приговору церковного суда. Исчерпав тщетно все меры кротости, мы решились обратить его с помощью божией на путь истинный мерами строгости, чтобы, по крайней мере, быть свободным от упрека в нерадении или трусости, если, чего не дай бог, Генрих не смягчится даже и суровым наказанием.

Если же кто-нибудь думает, что этот приговор противен правде и разуму, и не пожелает вникнуть в смысл священных правил церкви, пусть он вступит с нами в прения и успокоится, терпеливо выслушав не наше мнение, а то, чему учит и что утверждает священное писание и с чем согласны все святые отцы. Мы не думаем, впрочем, чтобы кто-нибудь из верующих, зная церковные правила, мог до такой степени заблуждаться. Мы уверены, что всякий, если не дерзнет открыто исповедать, то, по крайней мере, сознает в сердце своем, что приговор наш над Генрихом сообразен со справедливостью. Если бы даже, от чего боже упаси, мы неосновательно, без достаточных при-

чин связали его узами отлучения, то и в таком случае, по правилам святых отцов, приговор этот должен сохранить все свое значение и может быть отменен только после смиренной просьбы о разрешении от уз этих...

10. РАССКАЗ ЛАМБЕРТА ГЕРСФЕЛЬДСКОГО О СВИДАНИИ ГЕНРИХА IV С ГРИГОРИЕМ VII

Автор анналов (летописи) Ламберт Герсфельдский подробно описывает путешествие Генриха IV в Италию и все предшествующие этому путешествию обстоятельства. В октябре 1076 г. германские князья предъявили отлученному от церкви Генриху IV ультимативные требования, в силу которых королю предлагалось в течение года добиться снятия с него церковного отлучения и согласиться на разбор его распри с мятежными князьями в присутствии папы на церковном соборе в Аугсбурге с тем, чтобы впредь до этого срока (то-есть до 22 февраля 1077 г.) Генрих не пользовался королевскими правами.

См. Lamberti Annales в MG, Scriptores, t. V, pp. 255—263.

На пути своем в Италию король Генрих праздновал день рождения христова в Бургундии, в месте, именуемом Бизенцун [1]. Его принял и содержал с достаточной пышностью, принимая в соображение его тогдашнее несчастье, его дядя по матери, граф Вильгельм, у которого в тех местах были обширнейшие и цветущие владения. Свернуть же с прямого пути и идти через Бургундию заставили его достоверные сведения о том, что герцоги Рудольф, Вельф и Бертольд, с целью отнять у него всякую возможность пройти в Италию, выставили стражу по всем дорогам и проходам, ведущим туда и обычно называемым «клюзами» [2]. Из Бизенцуна он отправился по окончании рождественских праздников в Цинис [3], где встретился со своей тещей [4] и ее сыном Амедеем, имевшим в этих областях внушительный авторитет, обширнейшие владения и весьма громкую славу. Приняли они его с надлежащими почестями; но соглашались пропустить через свои владения не иначе, как за уступку им пяти епископств в Италии, смежных с их владениями, в уплату за пропуск. Приближенным короля такое требование казалось слишком жестоким. Но крайняя необходимость заставляла его купить пропуск какой бы то ни было ценой; а их не трогали ни родственные чувства, ни сострадание к его несчастному положению, и после долгих переговоров, большой траты времени и усилий ему едва-едва удалось склонить их на сделку, по которой они соглашались принять в уплату за пропуск одну бургундскую провинцию, изобиловавшую всякого рода добром. Итак, гнев божий отвратил от него не только связанных с ним клятвою и

[1] Безансон.
[2] Clusae, то-есть узкие горные проходы.
[3] Нынешний Мон-Сени.
[4] Аделаидой Савойской, матерью королевы Берты.

неоднократными благодеяниями, но и друзей и ближайших родственников. Устранив одно препятствие, он встретил множество других.

Была чрезвычайно суровая зима, и горные массивы с вершинами, уходящими в облака, через которые лежал его путь, до такой степени были покрыты снегом и льдом, что ни на лошади, ни пешком нельзя было в безопасности спуститься с них по их скользким и совершенно отвесным крутизнам. Между тем день годовщины его отлучения[1] был уже близок и не позволял ему мешкать в пути. Если бы к этому дню он не освободился от церковного отлучения, то князья, по общему приговору, объявили бы его дело проигранным и он навсегда лишился бы королевского достоинства. Поэтому он нанял за плату нескольких туземцев, хорошо знакомых с местностью и привычных к альпийским крутизнам, в проводники по страшно крутым обрывам и снеговым громадам, чтобы следовавшим за ними путникам всеми зависевшими от них средствами облегчить трудности дороги. С этими проводниками с трудом добрались они до высшей точки горного перевала, но далее не было никакой возможности продолжать путь, потому что совершенно отвесный склон горы до того был покрыт льдом, что нельзя было и думать спуститься вниз. Мужчины должны были побеждать трудности своими собственными усилиями, то цепляясь за землю руками и ногами, то опираясь на плечи проводников; на каждом шагу скользя и скатываясь вниз, с большой опасностью для жизни, достигли, наконец, равнины; королеву же с женщинами, бывшими при ней в услужении, посадили на воловью шкуру и при помощи проводников спустили вниз. Из лошадей некоторых спустили с помощью некоторых приспособлений, других скатили, перевязав им ноги; немало их при этом погибло, большая часть была изувечена, и очень немногие избежали опасности без повреждения.

Как только разнесся по Италии слух о прибытии короля, о том, что он преодолел крутые скалы и находится уже в пределах Италии, к нему со всех сторон наперерыв стали стекаться все итальянские епископы и графы. Везде принимали его с почестями, приличными его королевскому сану, и в течение нескольких дней около него составилось огромное войско. Давно, еще с самого дня вступления Генриха на престол, его ожидали там с нетерпением, потому что Италия страдала от беспрестанных междоусобных войн, разбоев и всякого рода распрей. Надеялись, что беспорядки, созданные дурными людьми, будут устранены силою королевской власти, а законы и обычаи предков восстановлены. Сверх того распространился слух, что король спешит сюда в гневе, с целью свергнуть с престола папу, иные радова-

---

[1] 22 февраля 1077 г. О значении этой годовщины см. также введение к данному источнику.

лись представлявшемуся удобному случаю отомстить за свою обиду папе, уже давно отлучившему их от церкви.

Между тем папа, получив от тевтонских князей, собравшихся в Оппенгейме [1], послание, в котором те просили его приехать ко дню сретения господня в Аугсбург для совещания по делу короля, оставил Рим, в противность желаниям сеньеров римской области, ввиду сомнительного исхода данного дела отсоветовавших ему такое путешествие, и спешил прибыть к назначенному дню в Аугсбург в сопровождении конвоя, предоставленного ему графиней Матильдой, вдовой герцога лотарингского Гоцелона, дочерью маркграфа Бонифация и графини Беатрисы... После смерти мужа она сделалась неразлучной спутницей римского первосвященника и уважала его с необыкновенной преданностью. Владея весьма значительной частью Италии и имея, в сравнении с другими князьями этой страны, в избытке все то, чем дорожат смертные, как высочайшим благом, она являлась всюду, где папа нуждался в ее присутствии и, как отцу своему или господину, оказывала ему самые важные услуги. Вследствие того она не избежала подозрения в нецеломудренной любви, и приверженцы короля, преимущественно те клирики, которым папа запретил вступать в непозволительные и противные каноническим постановлениям браки [2], повсюду распространили слух, будто папа день и ночь проводит с нею и что по тому самому, связанная с папой предосудительной тайной любовью, она отказывается от вторичного брака. Но для всех благоразумных людей было ясно, как день, что это ложь, ибо папа так заботился о чистоте своей апостольской жизни, что никакая клевета не могла оставить пятна на его безукоризненном и высоком поведении, и было совершенно невозможно сделать что-либо неблагопристойное в таком многолюдном городе и при таком многочисленном дворе без того, чтобы это не было кем-нибудь замечено...

Теперь, когда папа на пути в Галлию [3] неожиданно узнал, что король уже в Италии, то, по совету Матильды, он удалился в весьма основательно укрепленный замок Каноссу, желая выждать, покуда не узнает вернее о цели прибытия короля, за тем ли он пришел, чтобы просить прощения за свои поступки, или чтобы с оружием в руках жестоко отомстить за позор своего церковного отлучения. Дитрих, епископ верденский, один из преданнейших королю мужей, во время своих приготовлений к

---

[1] Здесь Ламберт допускает неточность: князья Саксонии и Швабии, восставшие против Генриха, собрались не в Оппенгейме, а на другом берегу Рейна в Трибуре, как говорит тот же Ламберт в другом месте своей летописи. В Оппенгейме же находился со своим войском Генрих IV.

[2] Как известно, Григорий VII энергично стремился провести в жизнь безбрачие (целибат) духовенства, вызывая яростное сопротивление женатых и семейных клириков.

[3] Здесь словом «Галлия» Ламберт называет, видимо, Германию.

путешествию в Италию вслед за королем был взят в плен графом Адальбертом, владельцем замка Кальв[1], который отнял у него все, что он успел приготовить для далекого пути. После долгого заключения епископ согласился отдать ему в выкуп все, чего тот с него ни потребовал, и дал ему клятву, что не будет ему мстить за обиду ни духовным, ни светским мечом. Равным образом Роберт, епископ бамбергский, был схвачен на пути в Италию в Баварии герцогом баварским Вельфом, который отнял у него весь его багаж, епископские одежды и другие церковные облачения, находившиеся в его багаже, в целости доставил бамбергской церкви, а его самого со дня рождества христова и до праздника святого апостола Варфоломея[2] держал в неприступной крепости под сильной стражей, не соглашаясь выпустить ни по просьбам, ни за подарки его друзей.

Остальные отлученные папой епископы и миряне, которых король вынужден был, попав в беду, удалить от своего двора, ускользнув от стражи, расставленной по горным проходам, благополучно прибыли в Италию, нашли папу в Каноссе и униженно, босиком и во власяницах, просили у него себе прощения за свой мятеж и просили снять с них отлучение. Папа объявил им, что искренно кающимся и оплакивающим свои грехи в милосердии нет отказа, но долговременное непослушание и глубоко въевшаяся греховная порча могут быть истреблены только огнем долговременного покаяния; и потому, если они действительно покаялись, то должны с готовностью вынести очистительный огонь церковного наказания, которым он выжжет их язвы, чтобы легкость прощения их тяжкой вины не сделала в их глазах маловажным или вовсе ничтожным их проступок против апостольского престола. Когда же они изъявили готовность перенести все, что он наложит на них, он приказал рассадить епископов по отдельным кельям, запретил им говорить друг с другом, позволил питаться только маленькой порцией пищи и питья и только по вечерам. На мирян же наложил он эпитимью[3], сообразную с возрастом каждого и силами.

После такого испытания, продолжавшегося несколько дней, он, наконец, призвал их к себе, сделал им кроткий выговор за прошлое, увещевал впредь не делать ничего подобного; потом снял с них церковное отлучение и, отпуская, наказал им пред всеми избегать всяких сношений с королем Генрихом, пока он не принесет покаяния апостольскому престолу в нанесенных ему оскорблениях, и не помогать ему ни в его стремлениях к расстройству государственных дел, ни к нарушению церковного мира; однако же папа позволил им всем, без исключения, вести

---

[1] В Вюртемберге.

[2] 24 августа.

[3] Эпитимья — дисциплинарное взыскание, налагаемое церковью на кающихся грешников и заключающееся в усиленном чтении молитв, поклонах, стоянии на коленях, посте и т. п.

беседы с Генрихом, с целью побудить его к покаянию и свести с дурного пути, по которому он летит в пропасть.

Между тем король Генрих пригласил к себе для совещания графиню Матильду и, нагрузив ее просьбами и обещаниями, направил к папе, а вместе с нею свою тещу с ее сыном, а также маркграфа Аццо[1], аббата клюнийского и некоторых других знатнейших итальянских князей, о которых король знал, что они имеют большое значение у папы, с настоятельной просьбой снять с него церковное отлучение и не доверять немецким князьям, которые возводят на него обвинения более по зависти, чем по внушению справедливости. Выслушав эту просьбу, папа сказал, что рассматривать дело обвиненного в отсутствие обвинителей ни с чем несообразно и совершенно чуждо духу церковных законов, а если король уверен в своей невинности, пусть он, отбросив всякие опасения, смело явится к назначенному дню в Аугсбург, куда решили собраться прочие князья, и там по рассмотрении дела обеих сторон, без ненависти и лицеприятия, отделив правое от неправого, папа на основании церковных законов и применительно к данному случаю произнесет свой беспристрастный приговор. На это королевские посланцы отвечали, что король не избегает папского приговора, так как знает, что папа неумолимый каратель неправды и неподкупный защитник правды, но так как скоро истекает год со времени его отлучения, а имперские князья только того и желают, чтобы в случае, если с него не будет снято отлучение к этому сроку, объявить его тогда в соответствии с правилами королевского дома недостойным королевского сана и впредь не принимать от него больше никаких оправданий, он на этом основании и просит настоятельно теперь же снять с него церковное проклятие и отлучение, ради чего он готов нести всякую эпитимью, какую ни наложит на него папа; а потом, совершенно не считаясь с этим условным освобождением от уз проклятия и отлучения, он в назначенный папою день и в назначенном месте снова ответит по всем пунктам возводимых на него обвинений и по приговору папы или сохранит за собой королевскую власть, если очистится от обвинений, или же спокойно примирится с потерей ее, в случае, если проиграет дело. Долго противился этому папа, опасаясь юношеского непостоянства короля и его легкости увлекаться всем, на что наводили его льстецы, но наконец, побежденный настойчивостью ходатаев за короля и силою их доводов, папа сказал: «Если он, действительно, раскаялся в содеянном им, то пусть передаст нам, в доказательство искренности своего раскаяния, корону и другие знаки королевского достоинства и пусть за свою упорную нераскаянность в преступлениях, которую он проявлял до сих пор, впредь объявит себя недостойным королевского имени и сана».

---

[1] Он же граф д'Эсте, отец герцога баварского Вельфа.

Королевским посланцам это показалось чересчур жестоким. Вследствие их горячих настояний, чтобы он смягчил приговор, а не сокрушил хрупкой трости[1] суровостью этого приговора, папа, наконец, с большим трудом согласился внять их мольбам и разрешить Генриху явиться к нему...

Король явился, как было ему повелено папой[2]. Так как замок был окружен тройной стеной, короля впустили за вторую стену, а всю его свиту оставили снаружи. Там он, сняв решительно все знаки королевского достоинства, без всякой пышности, с босыми ногами, стоял без еды с утра до вечера в ожидании приговора римского первосвященника. То же было и на второй день, и на третий. Наконец, на четвертый день[3] был он допущен к папе, и после длительных объяснений с него снято было, в конце концов, церковное отлучение на следующих условиях: в назначенный папою день и в указанном им месте Генрих должен явиться на общее собрание немецких князей и держать ответ на приводимые против него обвинения и... согласно решению папы или он удержит за собой королевство, если очистится от предъявленных к нему обвинений, или же потеряет его..., если вследствие указанных обвинений будет согласно церковным законам объявлен недостойным королевского звания; во всяком случае, удержит ли или потеряет королевскую власть, он никогда и никому не должен мстить за свое унижение.

До тех пор, пока дело его не будет законно расследовано и решено, он не должен носить никаких знаков королевского достоинства и не должен осуществлять никаких своих прав в области управления государственными делами, хотя бы обычай и признавал их за ним; не должен ничего решать, хотя бы это и следовало по установленному порядку; наконец, он не должен присваивать себе никаких королевских и никаких государственных доходов, за исключением тех повинностей в пользу короля, которые необходимы будут для прокормления как его самого, так и его семейства; равным образом, все те, кто дал ему клятву верности, должны быть освобождены от уз этой присяги и от обязанности сохранять ему верность перед богом и перед людьми. Роберта, епископа бамбергского, Удальрика Косгеймского и других, по внушению которых он ввергнул в бедствия себя и государство, он должен навсегда удалить от себя. А если, очистившись от всех обвинений, вновь обретет он могущество и силу в королевстве, он должен будет подчиняться римскому первосвященнику, всегда повиноваться его внушениям и по возможности помогать ему в искоренении всего противного постановлениям церкви, что укоренилось бы в его королевстве по какому-либо дурному обычаю. Наконец, если он нарушит хоть один из этих пунктов, то состоявшееся разрешение от церков-

---

[1] Ветхозаветный образ из книги пророка Исаии.
[2] 25 января 1077 г.
[3] 28 января.

ного проклятия должно считаться недействительным; от него не будет принято никаких оправданий, имперские князья, освободившись от всех клятвенных обязательств ему, без дальнейшего расследования могут тогда избрать себе другого короля, того именно, на ком остановится общий выбор. Король охотно принял эти условия, обещаясь все свято исполнить. Однако его уверениям папа не склонен был легко поверить, а потому аббат клюнийский, хотя и отказавшийся дать клятву, говоря, что этого ему не разрешает его монашеский обет, тем не менее поручился за Генриха перед очами всевидящего бога; равным образом епископ наумбургский, епископ верчельский, маркграф Аццо и другие князья — участники состоявшегося соглашения — на принесенных мощах святых клятвенно подтвердили, что Генрих выполнит все, что обещал, и никакая превратность судьбы не заставит его отступить от своего слова.

Когда, таким образом, церковное отлучение было снято, папа совершил торжественную мессу и во время ее, по принесении бескровной жертвы, призвал к алтарю короля с остальной массой слушавших мессу и, держа перед собой в руке тело господне, произнес: «Уже давно я получил от тебя и твоих приверженцев письмо, в котором ты меня обвиняешь в том, будто я достиг апостольского престола симонией и что как до моего посвящения в епископы, так и после того моя жизнь была запятнана другими преступлениями, которые по каноническим правилам не допускали меня до посвящения. Я мог бы опровергнуть эти упреки единогласным показанием вполне достойных свидетелей как из тех людей, которые с ранней юности знают мою жизнь, так и тех, которые были виновниками возведения меня в епископский сан, но чтобы не показать, что я более полагаюсь на человеческое, чем на божеское свидетельство, для скорейшего и полнейшего устранения всякого соблазна, пусть тело господне, которое у меня в руках, послужит мне сейчас для испытания моей невиновности, пусть всемогущий бог праведным судом своим или освободит меня от подозрения во взводимых на меня поступках, если я невиновен, или здесь же поразит меня внезапной смертью, если я виновен». Произнеся эти и другие страшные заклятия, которые полагается произносить, когда призывают бога в качестве нелицеприятного судии и защитника своей невиновности, он взял часть тела господня и съел его.

Народ, видя, что он, вкусив таинство, остался цел и невредим, начал громко славить бога и поздравлять папу с торжественным доказательством его невиновности. Когда все стихло, папа снова обратился к королю и сказал: «Теперь, сын мой, если тебе угодно, сделай и ты то же, что я сейчас сделал. Князья тевтонского королевства ежедневно осыпают нас жалобами на тебя, обвиняя тебя в столь тяжких поступках, за которые ты, по их мнению, навсегда должен быть удален не только

от управления государственными делами, но и от церковного общения и от всякого рода участия в мирской жизни. Они настоятельно просят назначить день и место для рассмотрения по каноническим правилам обвинений, которые они предъявляют тебе. Ты сам хорошо знаешь, что человеческий суд по большей части случаев погрешим, и даже иногда при публичном расследовании дел ложь принимается за истину по той причине, что, вследствие остроумия, дара слова и очаровательной любезности красноречивых людей разукрашенная мишурой ложь охотно выслушивается, а голая, без прикрас истина оставляется без всякого внимания. Искренно желая тебе добра за то, что ты в своем несчастии смиренно искал себе защиты у апостольского престола, я прошу тебя поступить по моему примеру. Если ты уверен в своей невиновности и если ты сознаешь, что твоя честь оскорблена злостными обвинениями врагов, то поспеши освободить и церковь божию от соблазна, и самого себя от неизвестности исхода продолжительной распри и прими вот эту оставшуюся часть тела господня для подтверждения своей невиновности свидетельством божиим и для заграждения уст клеветникам на тебя; и я буду защитником в твоем деле и пламенным поборником твоей невиновности, — князья примирятся с тобой, ты снова получишь королевскую власть, и бури гражданской войны, от которых так давно неспокойно в империи, утихнут навсегда».

Захваченный врасплох, король начал колебаться, отговариваться и в тревоге, отойдя в сторону, стал советоваться со своими приближенными, всячески стараясь отыскать предлог, чтобы избегнуть необходимости столь страшного испытания. Вернув себе самообладание, он начал извиняться перед папой отсутствием князей, оказывавших ему неизменную преданность в несчастии; без их совета и в особенности в отсутствии обвинителей испытание, которое он перенесет в доказательство своей невиновности, в присутствии только немногих свидетелей не будет иметь никакого значения в глазах маловеров. Затем он усерднейше просил папу передать это дело на публичное обсуждение церковному собору, где в присутствии обвинителей были бы наперед обсуждены на основании церковных законов как сами обвинения, так и свойства тех лиц, которые их предъявляют, и он мог бы опровергнуть предъявленные ему обвинения на условиях, которые имперские князья сочли бы справедливыми. Папа согласился на это без всякого затруднения. По окончании божественной службы папа угостил короля великолепным завтраком и затем, преподав ему подробное наставление насчет всего, что тому следовало соблюдать, отпустил его с миром к его свите, которая оставалась на почтительном расстоянии за стенами замка. Из благой же предусмотрительности, чтобы король не осквернил только что восстановленное общение с церковью, он послал вперед епископа Эппо Наумбургского,

чтобы тот именем папы снял отлучение с тех, кто имел общение с королем во время его отлучения.

Когда епископ вышел и объяснил итальянцам[1] цель своей миссии, против него поднялась целая буря гнева и возмущения. Все в ярости неистовствовали, давая волю и языку и рукам, осыпали апостольскую миссию насмешливыми возгласами и самой гнусной бранью, какую только им подсказывало их бешенство.

«Мы не обращаем, — говорили они, — ни малейшего внимания на отлучение, объявленное тем, кого самого итальянские епископы давно отлучили за то, что он взошел на апостольский престол посредством симонии, запятнал себя смертоубийством, осквернил себя прелюбодеянием и другими тяжкими преступлениями; что же касается короля, то он поступил не так, как подобало бы его сану, и запятнал свою честь несмываемым пятном, потому что подчинил свое королевское величество еретику, обесславленному всевозможными пороками; тот, кого они признавали защитником справедливости и блюстителем законов церковных, своим постыднейшим смирением унизил католическую веру, авторитет церкви, достоинство империи; нанося папе оскорбления, они старались отомстить за него, а он, стыдно даже сказать, оставил их на произвол судьбы среди смут, а сам, заботясь лишь о своей безопасности, вступил в переговоры и помирился с врагом империи». Такие речи итальянских князей, усиленно распространяемые ими повсюду в народе, скоро возбудили страшную ненависть к королю. В конце концов возмущение зашло так далеко, что все соединились в одном желании, в одном решении: добившись отречения от престола отца, ставшего недостойным королевской и императорской власти, провозгласить королем его сына, несмотря на его малолетство и незрелость для государственных дел, и, явившись вместе с ним в Рим, выбрать нового папу, чтобы он и короновал императорской короной нового короля и отменил все деяния свергнутого папы.

Извещенный о столь серьезном заговоре, король поспешил отправить бывших при нем князей с поручением употребить все усилия и средства к успокоению возбужденных умов и объяснить им, что он действовал, вынужденный крайней необходимостью, для общего блага и что потому они не должны оскорбляться, ни думать, что он чем-нибудь опозорил их; что, не освободившись от церковного отлучения, он ничего не мог бы добиться ни у тевтонских князей, которые стараются лишить его короны разными кознями и клеветой, ни у римского папы, который для производства беспорядков в святой церкви всюду разит духовным мечом[2]; что теперь он разрушил все преграды, которые поста-

[1] Здесь под словом «Itali», которое мы переводим «итальянцы», анналист разумеет, видимо, итальянских феодалов, бывших в свите Генриха.

[2] То-есть анафемой и отлучением от церкви.

вили ему на пути его враги, и все свои заботы и старание он обратит отныне на отомщение причиненных как ему, так и им обид.

С трудом, несколько утишив, а отнюдь не погасив совсем пожар вспыхнувшего мятежа, большинство князей в гневе покинули боевой лагерь и самовольно вернулись домой. Другие на время скрыли свое неудовольствие и миролюбиво приняли возвратившегося короля, но при этом не оказывали ему должного почтения, не выполняли по отношению к нему своих феодальных обязанностей по его прокормлению в таких размерах, как делалось это раньше в соответствии с его высоким королевским саном. Но, не глядя на него и затаив враждебные помыслы, они повсюду, на всех перекрестках трубили о его легкомыслии и неспособности, обвиняли его в беспечности, с которой он, так долго и трепетно жданный и желанный, совершенно обманул надежды Италии и, в конце концов, ничем не облегчил ее тяжких бедствий. Когда он ездил по Италии с целью оказать, по королевскому обычаю, справедливость притесненным и обиженным, перед ним не распахивали городских ворот и не выходили к нему навстречу, как к прежним королям, с факелами и радостными восклицаниями, но заставляли его останавливаться за городом и разбивать палатки в пригородной местности и доставляли ему туда продовольствие в таком количестве, чтобы прокормить войско и еле удовлетворить насущные потребности его самого, а отнюдь не потребности приличествующей королевскому столу роскоши, и то для того только, чтобы раньше времени не идти с ним на открытый разрыв. При этом ставили там и сям стражу, чтобы вооруженной рукой обуздывать тех из королевских воинов, которые захотели бы кое-чем поживиться на полях и в деревнях.

Король, испуганный таким настроением умов, слишком поздно заметил свою ошибку в том, что он необдуманно доверился неиспытанной им раньше верности малознакомого народа, и, удалившись от границ Германии, старых врагов сменил на новых, а вовсе не избавился от них; его мучили тяжкие заботы и страх, и ему не оставалось другого выхода из положения, как любым способом вернуть к себе расположение оскорбленных им итальянских сердец. Но он полагал, что ему осталось для этого одно единственное средство, а именно — разорвать только что заключенный договор с папой и начать восстановление согласия со своими итальянскими приверженцами с такого поступка, из-за которого и произошел его раздор с папой, а именно: он вернул прежнюю милость и снова приблизил к себе Удальрика Косгеймского и других, которых пришлось удалить ему от своего двора под гнетом суровейшего церковного проклятия, и снова сделал их своими советниками как по личным, так и по государственным делам, возвратив им их прежние преимущества и привилегии. Тогда же Генрих стал упорно обвинять и унижать рим-

ского папу на собрании князей, говоря, что он своими кознями раздувал тот мятеж и волнения, которые так потрясли все государство; вместе с тем, он явился виновником и зачинщиком всех беспорядков, которые претерпела церковь божия в последнее время. И Генрих убеждал всех соединиться под его предводительством и знаменем и добиться отмщения папе за столь великие обиды от него. Вслед за тем Генрих с презрением, как паутинную ткань, разорвал все условия и все узы церковных законов, которыми папа связал его в силу своих апостольских полномочий ради его же спасения, и, отбросив всякий страх божий, он с необузданным своеволием отдался всем своим страстям и порокам.

Благодаря всему этому возмущение итальянцев[1] мало-помалу улеглось, их гнев утих, их усердие по отношению к нему опять стало возрастать, так что они с каждым днем стекались к нему все в большем количестве, все более щедрой рукой покрывали его расходы на содержание войска и обещали ему с полнейшей готовностью свою помощь и содействие во всем, что он ни прикажет им. Из немецких князей при нем тогда были Лиемар, епископ бременский, Эппо, епископ наумбургский, Бенно, епископ оснабрюкский, Буркгард, епископ лозаннский, Бургард, епископ базельский; и из мирян: Удальрик, Эбергард, Бертольд и почти все те, которых в Оппенгейме[2] послы апостольского престола удалили от его двора вследствие отлучения их от церкви. Все они теперь, после снятия с них отлучения, когда узнали, что и Генрих примирился с церковью, стеклись к нему и с того времени были его неразлучными спутниками в его путешествиях.

Тем временем[3] епископы майнцский, вюрцбургский и мецский, герцоги Рудольф, Вельф и Бертольд и много других немецких князей, собравшись для совещания о государственных делах, постановили, чтобы саксонские князья и все, кому близки интересы империи, явились 13 марта в Форхгейм и решили там по общему согласию что делать, тем более что в отсутствие короля господствовало всюду спокойствие, и князья находили, что время было самое благоприятное для совещания и решения государственных дел. Равным образом они написали письмо папе, в котором говорилось, что если он, поддавшись хитрости короля, не прибыл по уговору в Аугсбург ко дню сретения господня, то, по крайней мере, пусть теперь постарается прибыть в назначенный день в Форхгейм и там примет бразды апостольского управления государственными делами, чтобы положить конец бурям гражданских войн, которые давно уже грозят опасностью империи.

В это время папа все еще пребывал в Каноссе и соседних замках и намеревался не прежде возвратиться в Рим, как по окончании начатого путешествия и осуществив с божией по-

---

[1] То-есть итальянских феодалов.
[2] В октябре 1076 г.
[3] То-есть в феврале 1077 г.

мощью свою попытку — вернуть мир церкви божией. Хотя папа уже многократно слышал, что король, переменив свои благие намерения, таит в своем сердце вражду к нему и, пренебрегши условиями, на которых с него было снято церковное отлучение, твердо решил противиться церковным законам вооруженной рукой, тем не менее, получив письмо от князей, он послал к королю одного из кардиналов, епископов римской церкви, по имени Григория, и других лиц, которых он счел пригодными для данного дела, объявить ему, что пришло время исполнить обещание. 13 марта соберутся в Форхгейме князья тевтонского королевства, чтобы привести в порядок, с божьего благословения, имперские дела; пусть явится туда, согласно своему обещанию, Генрих и ответит на обвинения, понапрасну, по его словам, возведенные на него клеветниками, причем папа в качестве председателя собрания примет участие в расследовании и разборе этого дела; король много сделал бы для своего оправдания перед богом и перед людьми, если бы избавил церковь от соблазна, империю от междоусобия, а себя самого от пятен позорной молвы; в этот день расследования и решения его дела в соответствии с каноническими правилами он или удержит за собою королевство, или безвозвратно потеряет его.

Король уклончиво ответил папским легатам, что со дня вступления своего на престол он еще в первый раз прибыл в Италию, и, погрузившись в массу важных государственных дел, он не может так скоро оставить страну, не покончив с этими делами; в случае, если бы он так поступил, он тяжко оскорбил бы итальянцев, которые с давнего времени нетерпеливо ждали его прибытия к ним; кроме того, назначенный день княжеского съезда слишком уже близок, так что ко времени его ни на какой, даже самой быстроходной лошади не успеешь проехать такое обширное пространство, если даже и не встретится других препятствий. С этими словами он отпустил папских послов.

Тогда папа, убедившись в непостоянстве короля и во всем, о чем до того времени знал только по слухам, немедля послал марсельского аббата Бернгарда, человека выдающихся способностей в обхождении с людьми и многих христианских добродетелей, вместе с другим Бернгардом, кардиналом-диаконом святой римской церкви, к князьям тевтонского королевства, имевшим намерение, как выше было сказано, собраться в Форхгейме, чтобы они встретились с ними там, по порядку осведомили их о том, что случилось, и сказали бы, что папа приложил все старания к тому, чтобы лично присутствовать на обсуждении общеполезных дел для святой церкви в назначенный день и в назначенном месте, но король Генрих оказался так предусмотрителен, так занял стражею все узкие горные проходы, через которые папа мог бы проследовать в Германию, что отрезал для папы всякую возможность как безопасного прибытия в Германию, так и безопасного возвращения в Рим; поэтому папа советует князьям пока

заняться собственными их делами и делами королевства франков, которое уже давно страдает от ребяческого легкомыслия одного человека, а потом, бог даст, он и сам сможет явиться к ним, по устранении встретившихся трудностей пути, чтобы на совещании с ними решить на основании церковных законов все то, что касается пользы и чести всех и мира церковного.

11. ГРИГОРИЙ VII УВЕДОМЛЯЕТ ДУХОВНЫХ И СВЕТСКИХ КНЯЗЕЙ ГЕРМАНИИ О КАНОССЕ

Поелику вы, возлюбя справедливость, приняли на себя, совместно с нами, христову службу, все тяготы и опасности, то мы с искренней любовью спешим известить ваше усердие, как король в уничижении и раскаянии достиг снятия отлучения, а также — как все это дело совершилось, начиная с прихода его в Италию и до сих пор.

Как было условлено с послами, которые к нам были присланы вами, мы прибыли в Ломбардию дней за 20 до того срока, когда на перевале должен был встретить и проводить нас кто-нибудь; мы и ждали их прихода, чтобы переправиться по ту сторону. И вот, когда уже по истечении срока нам сообщили, что в это-де время, ввиду многих затруднений (а сему мы охотно и сами верим) не могут быть нам посланы навстречу проводники, а иначе переправляться к вам мы не имели возможности, то мы охвачены были немалой заботой, как же нам лучше всего поступить.

Тем временем мы узнали наверняка, что король приближается. Еще не вступив в Италию, он отправил сперва к нам послов, с мольбою предлагая во всем удовлетворить господа, святого Петра и нас, и вновь обещал соблюсти полную покорность, дабы исправить жизнь свою, лишь бы удостоиться от нас милости отпущения и апостольского благословения. Когда же мы вследствие долгих обсуждений откладывали это дело и чрез всех послов, которыми мы с ним пересылались, снова и снова горячо уличали его в его деяниях, — он, наконец, по доброй воле, не выказывая ни вражды, ни дерзости, с малым количеством людей прибыл к стенам Каноссы, где мы имели пребывание. И здесь целых три дня, у ворот замка, отбросив все царственное, в жалком виде, разутый и в рубище, обливаясь непрестанными слезами, взывал он о помощи и утешении апостольского нашего милосердия, так что всех, кто был здесь или до кого дошла молва об этом, он довел до чувства жалостного сострадания: вступаясь за него и просьбами, и слезами, все дивились необычной жестокости нашего характера, а некоторые вопили, что мы являем не суровость грозного апостола, а лютость свирепого тирана.

Наконец, покоренные силой его раскаяния и великой мольбой всех присутствующих, мы, сняв с него узы отлучения, приняли его в лоно святой матери нашей церкви на благое с ней общение.

При этом мы взяли с него нижеприведенное обещание; скреплено оно рукой аббата Клюнийского и возлюбленных дщерей наших, Матильды и графини Аделаиды, и других князей, духовных и светских, которые нам для сего дела казались полезными.

И вот, когда все свершилось так, что мы, благодаря богу, можем лучше прежнего устроить все, — в церкви мир, а в государстве согласие, как мы всегда того желали, — мы стремимся при первой возможности перейти [через горы] к вам.

Одно же, возлюбленные мои, да будет ведомо вам: все это дело, — как вы можете видеть, и на основании приложенного обещания, — так далеко еще от разрешения, что и прибытие наше, и единодушие ваших действий являются в высшей степени необходимыми. А посему тщитесь все пребывать попрежнему в верности и любви к правде, и ведайте, что не иначе обязался я королю, как только словесно, — таков мой обычай, — сказав ему, что он может надеяться на меня лишь в том, в чем я могу поддержать его по справедливости или по милосердию на благо и честь ему, но не подвергая опасности ни его души, ни нашей.

Клятва короля тевтонского Генриха

Я, король Генрих, ввиду ропота и неудовольствия против меня архиепископов, епископов, герцогов, графов и прочих князей тевтонского царства, и иных людей, которые примкнули к ним в этом, — в срок который укажет господин наш, папа Григорий, приму на себя всю правду суда его или учиню согласие по указанию его. Если же мне или ему помешает явное препятствие, то, по миновании его, я готов буду совершить вышеуказанное. Также, если оный господин наш, папа Григорий, пожелает перейти через горы или отправиться в иные земли, он будет в безопасности от покушения, членовредительства или плена как с моей стороны, так и со стороны тех, над кем я буду властен, — и сам он, и свита его, и провожатые, равно и все, кто им посылается и кто к нему из разных краев земли приходит, — и во время пути туда, и на время пребывания там, и на обратном пути. И не будет ему, с моего ведома, никакой помехи, никакой порухи его чести; если же кто учинит подобное, я по совести и в меру сил своих окажу ему [папе] помощь.

Свершено в Каноссе, 28 января, в год господа нашего 1077-й.

12. ГРИГОРИЙ VII О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ

(Так называемый папский «диктат»)

Взято из книги «Средневековье в его памятниках» под ред. Д. Н. Егорова, стр. 98—99.

1. Римская церковь создана единым богом.

2. Только римский епископ по праву зовется вселенским.

3. Только он один может низлагать епископов и восстановлять их.

4. Легат его на соборах занимает первое место пред всеми епископами, даже будучи в низших ступенях священства, и может приговаривать их к низложению.

5. Папа может низлагать отсутствующих.

6. С отлученными им мы не должны, между прочим, находиться в одном и том же доме.

7. Ему одному надлежит, смотря по надобности, издавать новые уставы, учреждать новые епархии, каноникаты превращать в аббатства и, наоборот, богатую епархию делить, бедные соединять.

8. Он один вправе распоряжаться знаками императорского достоинства.

9. Одному папе все князья лобызают ноги.

10. Только его имя поминается в церквах.

11. Он один в мире именуется папой.

12. Он может низлагать императоров.

13. Он может по мере надобности перемещать епископов с кафедры на кафедру.

14. В любую церковь, куда угодно, он может ставить клириков.

15. Поставленный папой может быть во главе какой-либо церкви, но не может быть в положении подчиненном; равно не может принимать высшей степени от какого-либо епископа.

16. Ни один собор без его соизволения не может называться всеобщим.

17. Ни одно постановление, ни одна книга не могут быть признаны каноническими без его санкции.

18. Никто не смеет отменить его решения, а он сам отменяет чьи угодно.

19. Никто ему не судья.

20. Никто не смеет привести в исполнение приговор над апеллирующим к папскому престолу.

21. Крупные дела любой церкви должны восходить до него.

22. Римская церковь никогда не заблуждалась и впредь, по свидетельству писания, не будет заблуждаться.

23. Римский епископ, канонически поставленный, заслугами св. Петра непреложно получает святость...

24. По его изволению и разрешению подвластные могут жаловаться.

25. Без собора он может низлагать и восстановлять епископов.

26. Не считается католиком тот, кто не согласен с римской церковью.

27. Подданных он может освобождать от присяги негодным владыкам.

13. ХАРАКТЕРИСТИКА КОРОЛЕВСКОЙ (ИМПЕРАТОРСКОЙ) ВЛАСТИ У ПУБЛИЦИСТА МАНЕГОЛЬДА ЛАУТЕНБАХСКОГО

Ниже приводятся два извлечения из памфлета одного из публицистов — современников борьбы Григория VII с Генрихом IV.

С автором этого памфлета мы знакомимся, главным образом, по его произведению. Манегольд — григорьянец, то-есть сторонник папы Григория VII; памфлет его озаглавлен так: «Книга, посвященная Гебгарду» (лишившемуся за свое григорьянство зальцбургской архиепископской кафедры). Памфлет вышел в свет вскоре после смерти Григория VII, но был начат еще при его жизни.

Написанный в связи с конкретным фактом — низложением Генриха IV германскими князьями, — памфлет по этому поводу развивает целую политическую теорию договора короля с народом (то-есть с феодалами).

См. Manegoldi ad Gebehardum liber, cap. 30 et 47 в MG. Libelli de lite imperatorum et pontificum Romanorum I, pp. 365, 391—392.

а) Король — это не название естественных свойств, но обозначение обязанностей

Как королевский сан и могущество превосходят все земные власти, так для приведения в действие его прав нельзя ставить какого угодно, самого отъявленного и порочного негодяя, но такое лицо, которое выделялось бы над остальными по разуму, благочестию и справедливости настолько же, насколько оно стоит выше их по званию и сану. Необходимо, чтобы тот, кому надлежит нести заботу обо всех, управлять всеми, отличался большею прелестью добродетелей и старался пользоваться переданною ему властью с величайшей справедливостью, ибо народ возвышает его над собой не для того, чтобы дать ему полную возможность тиранствовать, но для защиты от тирании и беззаконий остальных. Когда же избранный для обуздания злых и защиты добрых начнет сам благоприятствовать беззаконию, угнетать добрых и свирепо тиранствовать над подданными, разве не ясно, что он заслуженно теряет дарованный ему сан, а народ освобождается от его полновластия, раз известно, что король первым нарушил договор, ради выполнения которого и был облечен властью? И никто по справедливости и на разумном основании не может обвинять подданных в вероломстве, когда ясно, что государь прежде покинул стезю верности.

Возьмем пример из мира низменных вещей: если кто поручит кому-либо за приличное вознаграждение пасти своих свиней, а потом узнает, что тот их не пасет, а крадет, режет и губит, то разве он не удержит с того обещанную ему плату и не отстранит его с позором от пастьбы свиней? Если, говорю я, это соблюдается в отношении низменных вещей, так что отнюдь не считается свинопасом тот, кто стремится не пасти свиней, а уничтожить их, то чем больше отличается положение людей от свойств свиней, тем достойнее, по справедливому и разумному основанию, чтобы каждый, пытающийся не править над людьми, но вводить их в за-

блуждение, лишается всякой власти, полученной им над людьми.

Что удивительного, если этот порядок соблюдается христианами, когда древние римляне во времена славных мужей Коллатина и Брута [1], не вынося надменности царя Тарквиния, за обесчещение (правда, не им самим, а его сыном) благородной матроны Лукреции, тем не менее и его вместе с сыном лишили родины и царского сана, установив годичную власть в лице двух консулов, чтобы никто не сделался высокомерным, вследствие продолжительного ею пользования. Ведь одно дело царствовать, а другое тиранствовать. Как следует соблюдать уважение и присягу, данную императорам и королям для облегчения им управления государством, так же верна и обоснована на разумных основаниях необходимость не оказывать им ни уважения, ни верности, если они дерзнут тиранствовать, и это нисколько не нарушает присяги, не оскорбляет чувства благочестия...

б) Об освобождении от присяги, данной Генриху [2]

Человеческая природа превосходит остальные одушевленные существа тем, что человек, будучи разумным, стремится к совершению чего-либо не по случайным побуждениям, а разыскивает на основании разума причины вещей, обращает пытливое внимание не только на то, что делается, но и вдумывается, почему что-либо происходит. Никто не может сделать себя императором или королем, но народ возвышает над собою кого-либо, чтобы тот по справедливости управлял и правил ими, воздавая каждому по его заслугам, поощряя благочестивых, устраняя нечестивых, будучи справедливым ко всем без исключения. Раз избранник народа нарушает договор и условия своего избрания, стремясь расстроить и запутать то, что он призван исправить, он тем самым освобождает народ от долга верноподданничества, ибо он первый нарушил верность договору, тогда как последний связывает каждую из сторон лишь в случае верности ему другой стороны. Вдобавок, народ своей присягой вовсе не обязывается повиноваться каждому порыву мятежной души правителя, и долг повиновения отнюдь не побуждает подданных следовать за владыкой туда, куда его увлекает безумие или ярость...

14. ВОРМСКИЙ КОНКОРДАТ

Помещаемый ниже текст вормского соглашения между императором и папой от 23 сентября 1122 г. состоит из двух частей: 1) императорской и 2) папской грамот. Вормский конкордат кладет конец долголетнему спору об инвеституре. По состоявшемуся соглашению, вручение кольца и посоха (т. е. утверждение в духовном сане) уступалось императором папе, а передача скипетра (то-есть утверждение вновь избранного епископа или аббата

---

[1] Римские патриции — вожаки заговора против последнего римского царя Тарквиния Гордого. С возникновением Римской республики были избраны консулами.

[2] То-есть Генриху IV, германскому императору.

в феодальном владении церковными или монастырскими землями) попрежнему сохранялась за императором.

Перевод текста конкордата взят из книги «Средневековье в его памятниках», под ред. Д. Н. Егорова, стр. 105—106.

а) Грамота императора

Во имя святой и нераздельной троицы я, Генрих, божией милостью император римский, священный, из любви к богу, святой римской церкви и владыке папе Каликсту [II (1119—1124)] и ради спасения души моей уступаю господу богу и святым его апостолам Петру и Павлу и святой вселенской церкви всякую инвеституру кольцом и посохом и предоставляю во всех церквах, находящихся в пределах королевства моего и империи, свободно совершать каноническое избрание и посвящение.

Владение же и державные права св. Петра, кои от начала сей распри и до нынешнего дня, при отце моем или при мне, были отняты, возвращаю оной святой римской церкви, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

Владения же всех иных церквей, князей и других людей, как клириков, так и мирян, отторгнутые в этой борьбе, я, с согласия и приговора князей, верну, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

И заключаю честный мир с владыкою папой Каликстом, со святою римской церковью и со всеми, кто был или есть на их стороне.

И если в чем-либо святая римская церковь потребует помощи, я неложно помогу и окажу должную справедливость, если на что-либо она мне пожалуется. Все сие совершено с согласия и совета князей, коих имена ниже следуют [далее идут подписи].

Я, Фридрих, архиепископ кельнский и архиканцлер, скрепляю.

б) Грамота папы

Я, епископ Каликст, раб рабов божиих, тебе, возлюбленному сыну моему, Генриху, божией милостью императору римскому, священному, предоставляю: избрание тевтонской земли епископов, а равно и аббатов, от местной власти зависящих [1], производить в присутствии твоем без симонии и какого-либо насилия, с тем, чтобы ты, буде возникнет разногласие, по совету и решению митрополита и соепископов, поддержал бы правую сторону и помог ей.

Избранный же да получит от тебя державные права передачей скипетра и исполняет вытекающие отсюда по отношению к тебе обязанности. Посвященный же в других частях империи да получит от тебя в шестимесячный срок державные права через передачу скипетра и исполняет вытекающие отсюда по отношению к тебе обязанности. А если ты будешь мне жаловаться на

[1] Часть аббатов (князья-аббаты) зависела непосредственно от Рима.

что-либо и просить помощи, я по долгу служения моего окажу тебе надлежащую помощь.

Заключаю честный мир с тобою и со всеми, кто есть и был на твоей стороне во время сей распри.

15. ПАПА ЕВГЕНИЙ III О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ

Евгений III был папой с 1145 по 1153 гг. Будучи последователем и другом Бернарда Клервосского, он стремился уверить, что католическая церковь во главе с папою создана самим Христом и, в силу этого, папская власть простирается на все человечество.

Вне всякого сомнения и всем на свете христианством признано, что нашу святую и апостольскую римскую церковь основал лишь тот, и хотел утвердить на твердой и неподвижной скале веры, кто передал святому Петру власть как над земной, так и над небесной империей. Ибо эта власть действует не в силу какого-нибудь земного постановления, а в силу того, чьим словом созданы и небо и земля.

16. ИННОКЕНТИЙ III О ПАПСКОЙ И ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Папа Иннокентий III (1198—1216) выступает убежденным сторонником верховного господства папской власти и прибегает (как в данном документе, так и в других) к сравнению с солнцем и луною, уподобляя императорскую власть луне, которая светит лишь отраженным светом. Ставя себе задачей подчинение императорской власти Риму, Иннокентий вмешивается в дело избрания императора и, используя противоречия интересов между германскими феодалами, стремится поставить себя в положение арбитра, решающего, кому из претендентов должна принадлежать императорская корона. В данном документе имеется в виду соперничество между Оттоном IV Вельфом (сыном Генриха Льва) и Филиппом Гогенштауфеном.

Необходимо согласие между царством и священством... Это две удивительные и красивые колонны, стоящие у входа храма... Это два великих светила, которые господь поставил на небосклоне: светило большее, которое управляет днем, и меньшее, которое управляет ночью; это два меча, о которых говорили апостолы... Через них распространяется вера, сокрушается ересь, насаждаются добродетели, подрезаются пороки, сохраняется справедливость, изгоняется несправедливость, процветает мир, усмиряется насилие; с умиротворением христианского народа покоряется варварство язычников, с увеличением империи умножается свобода церкви, от невредимости тела выигрывает спасение душ и одинаково обеспечиваются права как клира, так и народа...

Мы ожидали и до сих пор ждем, не обратитесь ли вы сами, руководясь здравым рассудком, к нашей помощи, для того, чтобы через нас, кому это дело, как известно, подлежит и по началу и по своему завершению, уладилась, при вашем содействии, такая

великая распря, но так как вы с этой стороны выказываете нерадение и медленность, то мы, которые, согласно слову пророка, поставлены господом над народами и царствами, чтобы вырывать и разрушать, а также созидать и насаждать, желая исполнять обязанность, лежащую на нашем сане, увещеваем вас в совокупности и извещаем апостольским посланием, чтобы имеющие страх господень и радеющие о чести империи обратили свое полное внимание на устроение ее для того, чтобы не погибла ее свобода и не уничтожилось ее значение.

И так как всякое замедление заключает в себе серьезную опасность, то мы, заботясь о том, что считаем полезным, на того обратим апостольскую благосклонность, за кем признаем большее благорасположение и заслуги... А так как императорская корона римским первосвященником дается тому, кто предварительно был правильно избран в короли и законно венчан, то мы, согласно древнему и доброму обычаю, добровольно призовем его для принятия императорского венца и, исполнив все то, что требуется обычаем при коронованиии, торжественно, с божией милостью увенчаем его.

17. ПОСЛАНИЕ ИННОКЕНТИЯ III ГРАЖДАНАМ ГОРОДА ИЕЗИ (1207)

Эти города [города Италии, признавшие над собой власть папы] хорошо знают, что иго церкви самое легкое бремя и что владычество наше мягко. Те, кто не знает его, стремятся к нему от всего сердца, а те, кто испытали его, дорожат им еще более.

Духовная власть апостольского престола не имеет пределов. Она простирается над всеми народами, над всеми государствами, светская власть этого престола также преобладает, с божьей помощью, во многих местах.

18. ПИСЬМО ИННОКЕНТИЯ III ОТТОНУ ВЕЛЬФУ ОТ 10 МАРТА 1208 г.

Так как дражайший во Христе сын наш Фридрих, славный король Сицилии [малолетний Фридрих Гогенштауфен, сын императора Генриха VI и Констанции Сицилийской, ставший впоследствии императором Фридрихом II] предоставлен по отцовскому, а также по материнскому завещанию опеке и заботам апостольского престола и он все царство Сицилийское держит в лене от римской церкви, то мы должны соблюдать по отношению к нему обязанности господина к вассалу, как и он в качестве вассала обязан верностью нам. Поэтому во всем, что касается его царства, мы не хотим и не желаем лишать его помощи и благосклонности, так как, по словам апостола, мы пред всеми состоим в долгу справедливости. Впрочем, ни ему, ни кому-либо другому мы не собираемся оказывать помощи против тебя, которого мы так стремимся возвысить.

Крестовые походы

Введение

Три первых документа посвящены Клермонскому собору и выступлению папы Урбана II. Сравнение *документов 1* и *2* показывает, что содержание папской речи различно излагается отдельными авторами.

Весьма вероятно и то, что эти авторы вовсе не воспроизводили подлинное содержание папской речи, а, как это было свойственно и древним авторам, вкладывали в уста папы собственные слова. Независимо от этого в документах нашли свое отражение те мысли и те цели, которыми с самого начала мотивировалось крестоносное движение.

В документе 3 лаконично формулирована общая задача крестового похода. Эту формулировку можно процитировать в классе для того, чтобы здесь же показать истинный смысл начинавшегося движения. Официальное решение собора требует бескорыстия, тогда как в документе 1 говорится иное: «Кто здесь горестен и беден, там будет богат». С этими словами уместно противопоставить страны Ближнего Востока с их богатствами, накопленными в результате торговых сношений и завоеваний, аграрным странам раннефеодального Запада XI века и отметить, что молва о многолюдных городах и оживленных рынках Востока должна быть неизбежно вызывать захватнические поползновения западных рыцарей.

Весь текст папской речи не стоит приводить ввиду ее риторических длиннот; однако целесообразно в рассказе учителя использовать то место, в котором говорится, что война с неверными, сулящая обильные трофеи, должна прийти на смену тем частным войнам между феодалами, которые непрерывно потрясали феодальное общество.

Несколькими замечаниями можно подчеркнуть то, что к концу XI в. в Европе почти не оставалось незанятых и неиспользованных земель, а основная масса сельского населения уже находилась в зависимости от феодалов, что обусловливало столкновения феодалов и их кровавые распри из-за клочков спорной территории. Смысл папского призыва и заключался в предложении сменить частную, домашнюю войну на общее военное предприятие, обещающее обширные земельные владения и обильные трофеи в богатых странах Востока.

Документы 4 и *5* характеризуют отношение населения Европы к крестоносному движению. Автор первого из этих документов подчеркивает, что голод и неблагоприятные условия жизни побуждали множество людей искать выхода в крестовом походе, и это объяснение в полной мере относится к участию в крестовом походе крестьян, о бедственном положении которых говорится в документах, освещающих историю Франции X—XI вв.

Следует использовать фразу источника, обобщающую существо дела: «Они отказывались от собственного имущества, с жадностью домогаясь чужого». *Документ 5* может быть кратко пересказан учителем, который отметит необычайное нетерпение и азарт, охватившие рыцарей, спешивших в крестовый поход и предполагавших, что ожидаемая добыча намного превысит все потери, связанные с распродажей собственного имущества. В такой трактовке станет ясным, что крестоносцев окрылял не столько религиозный фанатизм, сколько жажда добычи и боязнь опоздать к дележу ее.

Можно предложить учащимся прочитать оба документа и сделать самостоятельные выводы, которые учителю оставалось бы лишь дополнить.

Документы 6—9 посвящены походу крестьянского ополчения. Излагаемые в документах факты могут оживить рассказ учителя. Данные о Петре Пустыннике (документ 6) позволяют обрисовать образ невежественного и фанатичного монаха, не имеющего никакого представления о военном деле и даже о маршруте, намеревавшемся вести крестьян из Франции в Палестину «через страну негров». Вместе с тем важно подчеркнуть, что в святость этого «грязного монаха» (как его называет Маркс) слепо верили доверчивые и темные люди.

Документ 7 может быть обобщен кратким замечанием учителя, показывающего, в какие жестокие формы выливались проявления религиозной нетерпимости, обусловленной нищетою отчаявшихся, голодных и озлобленных людей, оказавшихся на чужбине и не понимавших, что их истинным врагом являются собственные феодалы.

Учитель должен указать, что летописцы с особым пристрастием стараются осудить поведение крестьян-крестоносцев (документы 8 и 9). Из документа 9 следует извлечь факты, говорящие о разгроме крестьянского ополчения.

Документ 10 имеет вспомогательное значение. Он характеризует общую организацию крестоносных сил, возглавляемых территориальными властителями, поведшими за собой в поход своих вассалов.

Документ 11 велик. Его с интересом прочтут и используют учащиеся во внеклассной работе. Взаимоотношения Византии и крестоносцев могут быть темою доклада в кружке. В сообщении учителя достаточно ограничиться указанием на ту опасность, которую византийский двор не переставал видеть в нахлынувших крестоносных силах. Выход усматривался в последовательных соглашениях с отдельными вождями, побуждаемыми признать императора верховным сеньером земель, которые предстояло отвоевать. Ученики извлекут из документа данные, говорящие об алчности крестоносцев и их вызывающем поведении.

Документы 12, 13 и *14* излагающие ход военных действий во время первого крестового похода, следует использовать для внеклассной работы как основу для доклада о завоеваниях крестоносцев.

Учителю, освещающему в классе историю крестовых походов, целесообразно ограничиться использованием лишь того отрывка из документа 13, в котором говорится о расправе крестоносцев над безоружным населением Иерусалима и о захвате домов и достояния мирных граждан. Цитируя соответствующее место дословно или воспроизводя его содержание собственными словами, учитель, в свете данных источника, может ярко показать подлинные цели и устремления рыцарей-крестоносцев. На основе документа 14 может быть сделано краткое указание, подчеркивающее участие генуэзцев в завоеваниях и их враждебное отношение к Византии, которая была их сильной соперницей в восточносредиземноморской торговле.

Документ 15 весьма важен. Он свидетельствует о непримиримой ненависти местного покоренного населения к крестоносцам-завоевателям. Автор документа не объясняет причин подобного ожесточения и называет Иерусалимское королевство «нашей страной». Сославшись на данные документа, учитель должен правильно истолковать эти данные, указав, что местные жители не могли примириться со своим подневольным положением крепостных, отданных во власть иноземных поработителей.

Непосредственным подтверждением этого вывода и его обоснованием служит содержание *документа 16,* в котором учитель почерпнет примеры, говорящие о строго феодальной организации Иерусалимского королевства, отдельные части которого принадлежат крупнейшим феодалам-крестоносцам.

Документ 17, посвященный возникновению и развитию ордена Тамплиеров (храмовников), может быть использован лишь при наличии четкого комментария учителя, раскрывающего подлинные черты духовно-рыцарских

орденов и источники доходов этих организаций, в том числе ростовщические доходы ордена Тамплиеров.

Документы 18 и 19 позволяют учителю, обобщая данные этих документов, указать на один из важнейших результатов крестового похода: оживление торговой связи Запада и Востока и завоевание итальянскими городами господствующего положения в этой торговле, тесно сомкнувшей Восток и Запад.

Учитель вправе подчеркнуть, что вывод этот сохраняет свое значение и для последующих времен, когда после утраты завоеванных крестоносцами территорий североитальянские города продолжали оставаться хозяевами средиземноморской торговли.

Феодальная организация Иерусалимского королевства, отраженная в документе 16, и активная торговля, о которой идет речь, неизбежно должны были обусловить усиление феодально-крепостнической эксплоатации местного сельского населения, а наряду с этим и раздоры светских и духовных феодалов-крестоносцев. Эти неприглядные явления находят свое отображение в документе 20, из которого учитель может взять краткую, но полную сарказма характеристику, которую Якоб Витрийский дает разложившемуся палестинскому духовенству и крестоносцам-феодалам.

Полезно отметить, что, по свидетельству автора, враждующие друг с другом феодалы-крестоносцы обращаются за помощью к мусульманам, вступая с последними в соглашения и союзы. Это говорит о том, что свои частные интересы феодалы-завоеватели ставили выше, чем официально провозглашенную «борьбу с неверными».

Если, таким образом, устный рассказ учителя будет содержать лишь обобщения и отдельные иллюстрации, то весь богатый фактический материал *документов 15—21* может послужить для внеклассного доклада на тему «Палестина и Сирия под властью крестоносцев». Подобный доклад может быть завершен оценками, которые содержит документ 21, показывающий, в каком свете крестоносцы рисовались современному им представителю арабской интеллигенции, скромному врачу, иронически описывавшему быт и нравы рыцарей.

Документы 22—29 посвящены четвертому крестовому походу. В рассказе учителя содержание этих документов может быть отражено лишь самым суммарным образом. Основываясь на данных документа 23, учитель может рассказать о том, как венецианский дож обманул незадачливых послов, обязав крестоносцев непомерно дорого оплатить перевозку своих вооруженных сил и к тому же ограничившись в тексте договора лишь неопределенным указанием на то, что крестоносцев перевезут «за море».

Документы 24—25 помогут показать, как крестоносцы отклонились от своей первоначальной цели, как, став орудием венецианской политики, они завоевали для Венеции город Зару, принадлежавший венгерскому королю, как затем они позволили себя вовлечь в авантюристическую затею, связанную с возвратом византийского престола свергнутому императору Исааку.

Поясняя все эти обстоятельства, учитель имеет возможность указать, что главным стимулом крестоносцев являлось стремление к добыче, которую они с одинаковой готовностью искали и на Востоке у «неверных», и в христианской Заре, и в православной Византии. Если позволяет время, уместно процитировать то место из документа 25, которое воспроизводит споры в рыцарском лагере под Зарой. Представитель папы аббат Гюи-де-Во-де-Серне не имел успеха, доказывая, что целью крестоносцев может являться лишь Палестина, тогда как война в Византии — не христианское дело!

Подчеркивая желание крестоносцев променять отвоевание «святой земли» на поход в богатую Византию, учитель может отметить, что огромную роль здесь сыграло стремление Венеции использовать благоприятный случай и, под предлогом защиты свергнутого императора, сокрушить Византию и создать в отнятых у нее владениях новые морские базы Венеции.

Документы 26 и *27* представляют собой яркое отображение событий, связанных с разгромом Константинополя. Данные обоих документов не противоречат друг другу. Однако противопоставление двух свидетельств, из кото-

рых одно принадлежит непосредственному участнику разбойничьего похода, а другое — потерпевшему греческому историку и патриоту, интересно само по себе. Такое противопоставление показывает, как одни и те же факты рассматривались под разным углом зрения насильником-крестоносцем и греком. Задача учителя заключается в том, чтобы в рассказе об этих событиях показать звериный облик крестоносцев во всей его неприглядности и вызвать соответствующую эмоциональную реакцию учащихся, в которых следует воспитывать отвращение к несправедливой войне и ее разбойничьим, захватническим целям. Для подобной задачи можно использовать дословно или в пересказе отдельные отрывки из повествований Никиты Акомината (документ 26). Например, описание бедствий его самого и его семьи (документ 26в) или негодующее описание разграбления крестоносцами храма св. Софии и надругательства над православными святынями (документ 26г).

Заканчивая истолкованием этих документов изложение всей темы, учитель должен иметь в виду, что церковные и реакционные историки всегда пытались рассматривать четвертый крестовый поход как «недоразумение». В противовес этому следует со всей решительностью подчеркнуть, что четвертый крестовый поход является типичным, показавшим подлинно разбойничью сущность всего крестоносного движения.

Разумеется, всю богатую фактами группу документов 22—29 целиком невозможно использовать в рассказе учителя. Этот материал может стать основой доклада о четвертом крестовом походе, разработанного кем-либо из учащихся в порядке внеклассной работы

Документ 30 посвящен VI крестовому походу. Захват Иерусалима в 1229 году императором Фридрихом II Гогенштауфеном представлял собою результат не столько военного, сколько дипломатического успеха, обусловленного тем, что Фридрих умело использовал конфликт между мусульманскими правителями Египта и Сирии. Однако захват Иерусалима остался лишь преходящим и не имевшим серьезных исторических последствий эпизодом, так как против императора-крестоносца неожиданно выступил сам папа Григорий IX, посягнувший на южноитальянские владения Фридриха II. Следует отметить, что этот папа сначала отлучил императора от церкви за то, что последний, вопреки папскому указанию, откладывал свое крестоносное предприятие, а затем вторично отлучил его снова в момент захвата Иерусалима. Данные документа и комментарии учителя позволят сделать важный вывод, указав, что для римских пап крестовые походы представлялись желательными и необходимыми лишь в той мере, в какой они укрепляли папство материально и политически. Когда же крестовый поход и успешный захват Иерусалима могли стать фактором, укрепляющим могущественного соседа папской области, папа, не колеблясь, сводит на нет все успехи императора-крестоносца и, как истый феодал (владетель папской области), вероломно нападает на земли Фридриха II в его отсутствие.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс, Хронологические выписки («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 121—139; т. X, стр. 285); К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 394 (Письмо Ф. Энгельса к К. Шмидту от 12 марта 1895 г.).

* * *

Все документы настоящего раздела подобраны и переведены для первого издания хрестоматии И. И. Подольским, за исключением документов 24 и 28, взятых из книги В. И. Герье «Расцвет западной теократии» и документов 27 и 30, заимствованных из сборника Стасюлевича. Введение к отделу написано А. Д. Эпштейном.

I. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

1. РЕЧЬ ПАПЫ УРБАНА II НА КЛЕРМОНСКОМ СОБОРЕ

Из «Деяний франков» Фулькерия Шартрского

Фулькерий Шартрский (род. в 1059 г.) — участник первого крестового похода, в который он отправился с войском Роберта Нормандского и Стефана Блуасского. По дороге из Никеи в Антиохию Фулькерий оставил крестоносные войска и вместе с Балдуином отправился в Эдессу. По смерти Годфрида Бульонского он прибыл в Иерусалим в свите Балдуина как его капеллан и сохранил свое звание капеллана как при этом короле, так и при следующем — Балдуине II. Фулькерий — писатель самостоятельный, очевидец того, о чем он повествует. Его «Деяния франков» обнимают период времени с 1095 по 1127 г. Это, в сущности, дневник, в который автор заносил свои непосредственные наблюдения и впечатления и который является важнейшим источником по истории первого крестового похода.

Издание Gesta Francorum Hierusalem peregrinantium — в Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, III, pp. 311—485.

...Услыхав, что турки отняли у христиан внутренние части Романьи... [папа] спустился через горы в Галлию и в Оверни, в городе Клермоне... созвал собор... И держал длинную речь... о многих потрясениях колеблющегося мира. Затем... увещал... мужественно встать на борьбу с дьявольскими кознями и за возвращение святой церкви, жестоко ослабленной нечестивыми людьми, прежнего ее почетного положения.

...Эта речь Урбана II была встречена благожелательно и с сочувствием всеми присутствовавшими, как клиром, так и народом, которые искренно обещали соблюдать в точности все, что постановит собор на основе только что выслушанных слов папы. Тогда папа добавил, что христианству сейчас грозит беда, не меньшая, чем вышеупомянутая, а большая и даже величайшая, идущая из другой части света.

Он сказал:

«Поскольку вы обещали богу, как сыны его, энергичнее обычного поддерживать в вашей среде надлежащий мир и еще добросовестнее соблюдать права церкви, вам следует потрудиться над тем, чтобы обратить силу вашей ревности еще на какое-либо другое божье и ваше дело. Ведь необходимо, чтобы вы ускоренным порядком поспешили на помощь вашим братьям, обитающим на востоке и нуждающимся в вашей, неоднократно обещанной им помощи. На них обрушились, как об этом большинству из вас уже сообщено, турки и арабы, которые добрались вплоть до Средиземного моря[1], до того места, которое зовется «рукой св. Георгия»[2], у самых границ Романии[3]. Продолжая производить

[1] Точнее — Эгейского моря.

[2] Так назывались в эпоху крестовых походов Дарданеллы по случаю находившегося здесь храма св. Георгия.

[3] Так называлась оставшаяся под властью византийских греков часть Малой Азии, в противоположность остальной ее части, называвшейся Турцией.

дальнейшие захваты земель этих самых христиан, они одержали верх над ними, неоднократно разбивая их в бою, многих убили или же взяли в плен, церкви разгромили, а империю[1] опустошили. И если вы спокойно попустите еще в течение некоторого времени все эти насилия, они одолеют много большее количество преданных богу людей.

Поэтому и обращаюсь со смиренной просьбой, и не я, а господь, чтобы вы, глашатаи христовы, почаще убеждали всех, к какому бы кто ни принадлежал сословию, как пеших, так и конных, как бедных, так и богатых, чтобы они своевременно посодействовали восточным христианам в изгнании из пределов христианского мира той негодной породы людей. Говорю это присутствующим, поручаю передать это отсутствующим. Ведь Христос повелевает это.

Всем идущим туда, в случае их кончины на сухом пути, или на море, или в бою с погаными, отныне да будет отпущение грехов. Это обещание идущим я даю как уполномоченный бога. Какой позор, если бы столь презренная, испорченная и служащая демонам порода людей так-таки и одолела бы проникнутый верою в бога и блещущий именем христовым человеческий род! Каким срамом покроет нас сам господь, если вы не поможете тем, которые признаются такими же христианами, как и мы! Пусть выступят против неверных в бой, которому надлежит начаться, в бой, который должен дать в изобили трофеи, те люди, кои с давних пор привыкли злоупотреблять правом частной войны против своих единоверцев-христиан.

Да станут ныне воинами те, кто раньше являлся грабителем. Пусть ныне ведут справедливый бой с варварами те, кто в прежние времена сражался против братьев и соплеменников. Да получат ныне вечную награду те, кто прежде за малую мзду были наемниками. Пусть двойная честь увенчает труды тех, кто не щадил себя во вред и телу, и душе. Кто здесь горестен и беден, там будет богат, кто здесь недруг богу, там станет другом ему. Пусть идущие во святую землю не медлят, но, сдав в надежные руки свое имущество и собрав средства на путевые издержки, по прошествии зимы, в ближайшую весну с богом бодро выступят в путь».

2. КЛЕРМОНСКИЙ СОБОР И ПРОПОВЕДЬ УРБАНА II

Из «Деяний франков и других иерусалимцев» Анонима

Сведения об анонимном авторе «Деяний» крайне скудны. Даже современники не знали его имени. Известно (из самого содержания его хроники), что он был рыцарь норманского ополчения Боэмунда и принимал деятельное участие во всех важнейших событиях первого крестового похода. По-

[1] То-есть Византийскую империю.

ход этот представляется ему делом рук божиих, и вся его хроника пропитана религиозным одушевлением. Это одушевление не доходило, однако, до фанатизма, и автор отдает должное даже врагам своим, туркам, восхваляя их храбрость и искренне жалея о том, что такие храбрые люди — не христиане. С другой стороны, он не скрывает темных сторон деятельности крестоносцев. Автор бесхитростно записывает то, что проходит перед его глазами, причем умеет выделить важнейшие события и рассказать о них просто, отчетливо и ясно. Давая сжатое и верное изображение внешних событий первого похода до взятия Иерусалима включительно, «Деяния» Анонима — единственного светского хрониста-крестоносца — являются едва ли не самым важным источником для изучения этого похода.

Издание Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum — Hagenmeyer'a, 1887. Приводимый отрывок см. у Hagenmeyer'a, стр. 101.

Когда уже приблизился тот срок, на который господь Иисус повседневно указывает своим верным, в особенности, говоря в евангелии: «Если кто хочет идти за мною, откажись от себя, возьми крест свой и следуй за мной», — началось мощное движение по всем областям Галлии: так что всякий, ревностно пожелавший с чистым сердцем и умом последовать за господом и захотевший в верности нести за ним крест, спешил поскорее вступить на стезю гроба господня [1].

И вот папа римский Урбан [II (1088—1099)] отправился в загорные области [2] со своими архиепископами, епископами, аббатами и священниками и начал сладостно проповедовать, говоря: «Пусть тот, кто желает спасти свою душу, не колеблется вступить смиренно на стезю господню; а если недостает ему денег, то даст ему довольно божественное милосердие». И говорил господин папа: «Братья, многое должно нам претерпеть во имя христово, именно, бедствия, нищету, наготу, преследования, лишения, голод, жажду и тому подобное, как сказал господь своим ученикам: «Должны вы многое претерпеть во имя мое» и «не стыдитесь говорить перед лицом людей», «ибо я дал вам уста и премудрость», и далее: «велика ваша награда на небесах».

И когда эта проповедь постепенно стала распространяться по всем странам [3] и Галлии, франки, слыша о столь великом, тотчас стали нашивать с правой стороны кресты, говоря, что они единодушно следуют по стопам Христа, избавившего их от преисподней.

---

[1] «Стезя гроба господня» и чаще «стезя господня» — обычные в средние века названия крестовых походов.

[2] Папа из Италии отправился во Францию (за Альпы), здесь собран был осенью 1095 г. собор в городе Клермоне, после заседания которого папа выступил с излагаемой нашим автором проповедью.

[3] Все страны — это западная Германия, Англия, Дания в отличие от Галлии (как называют Францию, следуя римскому словоупотреблению, средневековые писатели). Франки могут означать и французов, и вообще всех европейцев. Здесь это слово употреблено в последнем смысле.

3. ПОСТАНОВЛЕНИЕ КЛЕРМОНСКОГО СОБОРА О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

Mansi, Collectio amplissima sacrorum consiliorum, v. 20, p. 816.

Всякому, кто единственно ради обета, а не ради приобретения денег и почета отправится в Иерусалим для освобождения церкви божией, этот путь будет засчитан за полное покаяние [1].

4. ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ЗЕМЕЛЬ К ПЕРВОМУ КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

Из «Иерусалимской истории» Эккегарда Аврейского

Эккегард Аврейский — монах, потом аббат монастыря Авра в Бамберге (Германия), умер в 20-х годах XII в. В 1101 г. совершил путешествие в Палестину и во время шестинедельного пребывания там собрал ценные сведения о походе. В своей «Иерусалимской истории» он пользовался другими хрониками (может быть, Анонимом), официальными документами и устными рассказами очевидцев. Особенно важна та часть «Иерусалимской истории», где автор говорит о своем собственном путешествии на Восток; однако и в других частях хроники он дает ценные сведения о современных ему событиях.

Издание Hierosolymita — Hagenmeyer'a, 1877. Приводимый отрывок см. у Hagenmeyer'a, стр. 105.

[Папа] легко мог убедить западных франков [2] оставить свои деревни. Дело в том, что Галлию в течение ряда лет терзали то общественные раздоры, то голод, то эпидемии... Простой народ и другие лица остальных племен [3] говорили, что они были призваны к обету [4], кроме папского постановления, какими-то недавно появившимися среди них пророками или небесными знамениями и явлениями на земле [5], других побуждали, по их словам, к подобным обетам разные неблагоприятные условия жизни; поэтому большая часть и отправилась [в поход], взяв с собой жен и детей и все семейное имущество.

Но этот призыв произвел небольшое впечатление на восточных франков, саксонцев [6], тюрингов, баваров и аламанов, главным образом, вследствие того великого раскола между священством и царством, который, начавшись со времени папы Александра [7],

---

[1] Любопытно, что это весьма краткое постановление является единственным из 32 постановлений Клермонского собора, касающимся крестового похода: остальные посвящены вопросам церковной дисциплины и т. п.

[2] Французов.

[3] Кроме французов

[4] Обет принять участие в крестовом походе.

[5] Возбужденное воображение современников первого крестового похода находило на небе бесчисленные знамения (необычайно багряные закаты, кометы и т. п.), описанию которых наш автор посвящает целую главу. Говорили также о всевозможных «явлениях» и «чудесах».

[6] Страна саксов охватывала всю северную Германию от р. Эйдера до Везера, кроме морского побережья (не смешивать с позднейшим герцогством Саксонским, возникшим в XII в.).

[7] Александр II (1061—1073).

сделал, увы! ненавистными и враждебными как нас римлянам, так и римлян нам [1]. Вследствие этого почти весь народ германский, не зная вначале причину этого похода, осмеивал проходившие через его страну столь многие отряды всадников, толпы пехотинцев и скопища крестьян, женщин и детей, как ослепленных неслыханной глупостью; ведь они, ища неверного вместо верного, попусту оставили родную землю, домогались с верной опасностью неверной земли обетованной, отказались от собственного имущества, с жадностью домогались чужого. Но хотя наше племя было более гордо, чем другие, однако воодушевление немцев из уважения к божественному снисхождению [2] склонилось к слову призыва...

5. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ ПОСЛЕ КЛЕРМОНСКОГО СОБОРА

Из «Деяний божиих чрез франков» Гвиберта Ножанского

Гвиберт Ножанский родился в 1035 г. в г. Бовэ (Франция), получил очень хорошее для своего времени образование, был аббатом монастыря св. Марии в Ножане. Умер в 1124 г. Свою хронику Гвиберт написал между 1108 и 1110 гг. В ней он переделывает простой рассказ о событиях похода Анонима, давая ему литературную обработку и особенно подчеркивая чудесный характер похода. Впрочем, Гвиберт не ограничивается компиляцией Анонима. Обстоятельства, предшествовавшие походу, он изображает на основании своих собственных наблюдений (он, между прочим, был на Клермонском соборе), и в данном случае «Деяния» Гвиберта Ножанского являются чрезвычайно важным и незаменимым источником.

Издание Gesta Dei per Francos в Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, III, pp. 115—263. Приводимые отрывки—стр. 140—142.

По закрытии Клермонского собора, происходившего в ноябре [1095 г.]..., по всем провинциям Франции разнеслась о нем большая слава; и каждый, кому быстрая молва приносила папское предписание, побуждал своих соседей и родственников вступить на «стезю господню» [так называли тогда ожидаемый поход]. Уже возгорелось усердие придворных графов, и среднее рыцарство уже начало замышлять [поход], когда отвага бедняков воспламенилась столь великим рвением, что никто из них не обращал внимания на скудость доходов, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников и полей; но каждый выставлял на продажу лучшую часть имущества по значительно уменьшенной цене, как будто он был заключен в темницу жесточайшего плена, вызывавшего необходимость быстрейшего выкупа.

В это время была большая нужда, даже у богатых, вследствие повсеместного недостатка хлеба... Толпы неимущих пытались кормиться корнями дикорастущих растений, чтобы, поедая более доступное, пока хлеб был очень редок, возместить недостаток

---

[1] Автор в первом лице говорит о немцах.

[2] Божественное снисхождение—обещанное на Клермонском соборе отпущение грехов за участие в крестовом походе.

повсюду разыскиваемой пищи. Самые важные люди подвергались угрозе бедности, на которую все жаловались, и каждый, видя, как терзается голодом бедный народ, обрекал себя на крайнюю бережливость из страха расточить свои богатства. Жадные души скупцов радовались, что времена благоприятны для беспощадного приращения процентов, и, бросая взгляды на старые запасы накопленного хлеба, делали каждый день новые расчеты суммы, которую они, продав его, прибавят к накопленным горам золота. Хотя, как я сказал выше, это неурожайное время уменьшило у всех средства к существованию, едва Христос внушил этим бесчисленным массам людей намерение пойти в добровольное изгнание, обнаружились богатства многих из них; и то, что казалось дорого, пока не началось движение, продавалось по самой дешевой цене, когда все двинулись в путь.

Так как многие торопились окончить свои дела, то произошло удивительное явление, которое послужило примером внезапного и неожиданного падения цен; за пять денариев можно было купить восемь овец: упомянутый недостаток хлеба превратился в изобилие, и каждый, стараясь всеми средствами собрать сколько-нибудь денег, продавал все, что имел, не по стоимости, а по цене, назначенной покупателем, чтобы не позже других выступить на «стезю господню». Таким образом, произошло тогда удивительное явление: все дорого покупали и дешево продавали, а именно: дорого покупали то, что нужно было для пользования в пути, а дешево продавали то, чем следовало покрыть издержки. Немногим раньше ни темницы, ни пытки не могли бы исторгнуть у них того, что [теперь] сполна отдавалось за безделицу. И не менее смешно то, что многие, не имевшие еще сегодня никакого желания идти в путь, громко смеявшиеся над продававшими свои вещи и утверждавшие, что им предстоит жалкий путь и еще более жалкое возвращение, — на следующий день по внезапному побуждению, отдав за несколько грошей все свое имущество, отправлялись с тем, кого высмеивали.

Кто расскажет о детях, о старцах, двинувшихся на войну?
Кто может перечислить толпы дев?..

Некоторые бедняки, подковав быков, как это делают с лошадьми, и запрягши их в двухколесные тележки, сносили в них пожитки и маленьких детей; когда этим детям попадался на пути какой-нибудь замок или город, они спрашивали, не Иерусалим ли это, к которому они стремятся.

6. ПЕТР ПУСТЫННИК

Из «Деяний божиих чрез франков» Гвиберта Ножанского
(Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, IV, p. 142)

Пока князья, которым нужны были большие средства и многочисленные свиты, тщательно и заботливо приготовляли свой поход, простой народ, хотя и бедный средствами, но [зато] очень

многочисленный, собрался вокруг некоего Петра Пустынника и подчинился ему как вождю... Происходя, если не ошибаюсь, из города Амьена, он, как мы слышали, вел жизнь отшельника под монашеским одеянием, не знаю, в какой области верхней Галлии; уйдя оттуда, не знаю, с каким намерением, он обходил города и села под предлогом проповеди, и, как мы видели, его окружали такие громадные толпы народа, его одаряли такими подарками, такой хвалой прославляли за святость, что я не помню никого, кому были бы оказаны подобные почести. Он был очень щедр к бедным, раздавая много из того, что ему дарили... Чудесной властью восстанавливал он мир и согласие среди ссорившихся.

Все, что он ни делал или говорил, казалось как бы чем-то божественным, особенно, когда даже шерсть его мула вырывали как реликвию; это мы передаем не правды ради, а для толпы, любящей необыкновенное. Он носил на голом теле шерстяной плащ, на голове капюшон и сверх всего грубую мантию до пят; он питался вином и рыбою, а хлеба ел очень мало или совсем не ел. Этот-то человек, собрав многочисленное войско, увлеченное отчасти общим потоком, а отчасти его проповедями, решился направить свой путь через страну негров.

7. ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ КРЕСТОНОСЦЕВ

Из «Иерусалимской хроники» Альберта Ахенского
Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, III, pp. 292—293 et 295)

Альберт Ахенский (годы рождения и смерти его неизвестны) занимает особое место среди историков — современников первого крестового похода. На Востоке он не был и, по его собственным словам, писал на основании устных рассказов современников. Везде в повествовании Альберта Ахенского выступают нечеловеческие жестокости, неслыханные страдания, реки пролитой крови. Альберт Ахенский не пытается обелить крестоносцев, он показывает их подлинное поведение, их жестокое отношение к мирному населению.

Издание Chronicon Hierosolymitanum de bello Sacro в Historiens occidentaux, IV, стр. 265—713.

Не знаю почему: по воле божьей или по умственному заблуждению, они[1] восстали против иудейского народа, рассеянного по всем городам, и жестокосердно умертвили евреев, особенно в Лотарингии. Они утверждали, что это начало их экспедиции и борьбы против врагов веры христианской. Первыми такое избиение совершили горожане в Кельне. Они внезапно напали на небольшую общину евреев, многих изрубили тяжелым оружием; разрушили их дома и синагоги, разделили между собой их деньги. Увидев такую жестокость, около двухсот евреев бежало в тишине ночи за реку в Нейсс. Паломники и крестоносцы узнали их и ни одного не оставили в живых, но, подвергнув их такому же избиению, ограбили все их имущество.

---

[1] Граф Эмихо и отряды, присоединившиеся к его войску.

И без задержки, продолжая после этого, согласно данному обету, путь, они прибыли в город Майнц, где граф Эмихо, муж благороднейший и могущественнейший в этой стране, с большим отрядом немцев ждал прибытия паломников, стекавшихся туда из разных мест по королевской дороге[1]. Майнцские евреи, зная о гибели своих собратьев и понимая, что они не могут избежать рук столь многочисленных [насильников], в надежде на спасение прибегли к защите епископа Руотгарда. Они поместили под его охрану и защиту бесчисленные сокровища, сильно надеясь на его покровительство, потому что он был епископом этого города. Майнцский первосвященник заботливо сохранил полученные от них деньги. [Самих] иудеев он укрыл от графа Эмихо и его спутников в обширной пристройке своего дома, чтобы они там оставались в самом безопасном и надежном жилище здоровые и невредимые. Однако Эмихо и его шайка, посовещавшись, на следующее утро атаковали иудеев стрелами и копьями в их жилище. Сломав засовы и двери, они убили до семисот захваченных [ими иудеев], тщетно сопротивлявшихся против превосходных сил; равным образом убивали женщин, маленьких детей, не различая возраста и пола, поражали ударами мечей в лицо.

Иудеи, видя, что христиане как враги поднялись против них и их детей и не щадят ни старых, ни малых, обратились против самих себя и своих единоверцев, сыновей, жен, матерей и сестер и перебили друг друга взаимным убийством. Матери — ужасно сказать — перерезывали горло грудным младенцам, других закалывали, предпочитая губить их собственными руками, чем отдать в жертву мечу иноверцев...

Они уничтожили [иудеев] жестокой резней более из жадности к деньгам, чем по божьему правосудию.

8. О ГУСЕ И КОЗЕ

Из «Иерусалимской хроники» Альберта Ахенского
(Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, III, p. 255)

Было и другое преступление в этом сборище пешего люда, глупого и сумасбродного... они объявили какого-то гуся вдохновленным божественным духом и козу — исполненной им же не в меньшей степени; и их поставили они над собой вождями этого святого пути в Иерусалим... Да и не будет у верующих мысли, что господь Иисус хотел, чтобы гробница его святейшего тела посещалась неразумными животными и чтобы их делали вождями душ христиан, коих он удостоил искупить своею драгоценной кровью, отвлекши от грязи идолов.

---

[1] Королевская дорога (via regia)—путь по Рейну и Дунаю в Византию, которым, по легенде, не имеющей никакого исторического основания, шел на Восток Карл Великий.

9. О ПОХОДЕ И ГИБЕЛИ ОПОЛЧЕНИЯ ПЕТРА ПУСТЫННИКА

Из «Деяний франков и других иерусалимцев» Анонима (Anonimi Gesta francorum, ed. Hagenmeyer, p. 106 sq.)

Вскоре опустели дома в Галлии, и галлы разделились на три части. Одна часть франков[1] вступила в Венгрию, а именно: Петр Пустынник, герцог Годфрид[2] и его брат Балдуин и [другой] Балдуин, граф Геннегау. Эти могущественные рыцари и многие другие... отправились по пути, который уже раньше велел проложить до Константинополя Карл Великий, чудесный король Франции[3]. Петр же первым прибыл в Константинополь 1 августа[4] и с ним великое племя аламанов[5]. Здесь он нашел ломбардов и лангобардов[6] и многих других собравшихся. Император дал им право свободно покупать... и сказал им: «Не переплывайте через море[7], пока не придет главное христианское войско, так как вы недостаточно многочисленны, чтобы воевать с турками».

А сами христиане вели себя худо, ибо разрушали и поджигали дворцы в предместьях, растаскивали свинец, которым были покрыты церкви, и продавали его грекам. Вследствие этого император разгневался и велел перевезти их через пролив[8]. После переправы они не переставали совершать всевозможные дурные дела, поджигая и опустошая церкви.

Наконец они достигли Никомедии, где ломбарды, лангобарды и аламаны отделились от франков, ибо франки преисполнились гордости. Ломбарды и лангобарды выбрали над собой старшего, по имени Райнальда; аламаны сделали то же, и выступили они в Романию[9], и через четыре дня... встретили крепость, называвшуюся Эксерогоргю, в которой не было войска, и захватили ее. Здесь нашли они достаточно зерна, и вина, и мяса, и изобилие всяких благ.

И вот турки, услышав, что в крепости находятся христиане, отправились осаждать ее. Перед воротами крепости находился водоем, а у подножия горы, на которой она стояла, был источник. Райнальд вышел [из крепости], чтобы около него ожидать турок. Действительно, турки, пришедшие в день святого Михаила[10],

[1] Франки — здесь французы. Автор безразлично называет их и галлами, и франками.

[2] Годфрид Бульонский.

[3] Отголосок ни на чем не основанной, но широко распространенной в средние века легенды о путешествии Карла Великого на Восток.

[4] 1096 г.

[5] Под аламанами автор подразумевает немцев.

[6] Лангобардами (в отличие от ломбардов) автор называет жителей не северной только, а всей Италии.

[7] Мраморное море.

[8] Босфор.

[9] Турецкое государство в Малой Азии (Румский султанат).

[10] 25 сентября (1096 г.).

обнаружили Райнальда и тех, кто с ним был. И убили турки многих из них, а другие, оставшиеся в живых, бежали в крепость, которую турки немедленно осадили и лишили их воды. И до того мучились наши от жажды, что вскрывали жилы у своих лошадей и ослов и пили их кровь; другие опускали пояса и платки в ямы с грязью и выжимали из них воду себе в рот... Некоторые раскапывали сырую землю, ложились на спину и насыпали себе землю на грудь, вследствие чрезмерных мук жажды. Епископы и священники ободряли и увещевали наших не отступать. Это бедствие длилось восемь дней.

Наконец, начальник аламанов заключил с турками соглашение о том, что он предаст им товарищей, и, прикинувшись, что он выходит для битвы, бежал к ним, и с ним бежали многие. Те же, которые не захотели отказаться от господа, были убиты; других, которых взяли живыми, отделили друг от друга, как овец, некоторых выставили, как мишени, и расстреливали [1] их; иных продавали и раздаривали, как животных... Потом турки, услышав, что Петр Пустынник и Вальтер Голяк находились в Цивитоде... с великой радостью отправились туда, чтобы убить их и тех, кто был с ними. И когда они пришли, встретились они с Вальтером и его людьми, и турки их быстро перебили. А Петр Пустынник незадолго до этого отправился в Константинополь, так как он не мог сдерживать это разношерстное войско, которое не хотело слушать ни его самого, ни его слова.

10. ВОЖДИ РЫЦАРСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Из «Деяний франков» Фулькерия Шартрского
(Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, III, p. 327)

В этом году [1096] все страны земли наслаждались прочным миром и изобиловали хлебом и вином по расположению божию, дабы не ослабли в пути по недостатку хлеба те, кто решили следовать за ним со своими крестами согласно его предписаниям. И так как подобает удерживать в памяти отправившихся туда [2] князей, то назову Гуга Великого, брата Филиппа, короля франков [3], который, первый из героев, переправился через море [4] и пристал около болгарского города Дураццо. Неблагоразумно высадившись с немногочисленным войском, он был взят в плен жителями и доставлен к константинопольскому императору [5]. Здесь он оставался некоторое время, будучи не совсем свободен [6].

А после него тою же дорогою [7] прошел апулиец Боэмунд [8],

[1] Разумеется — из луков.
[2] В Иерусалим.
[3] Французский король Филипп I.
[4] Гуг шел на юг через Италию и переплыл Адриатическое море.
[5] Византийский император Алексей I Комнин (1081—1118).
[6] Император держал его в почетном плену.
[7] Через Балканский полуостров к Византии.
[8] Боэмунд, герцог Тарентский (в Апулии, южная Италия).

сын Роберта Гискара [1], по национальности нормандец. Далее, Годфрид, герцог Лотарингии [2], с большим войском шел через Венгрию. Граф Раймунд Провансальский [3] с готами [4] и гасконцами и епископ Адемар из Пюи [5] прошли через Далмацию.

Некий Петр Пустынник с большим числом присоединившихся к нему пехотинцев [6], но с немногими рыцарями, первым прошел через Венгрию. Впоследствии главою его ополчения был Вальтер [7], прозванный «Без денег», превосходнейший рыцарь. Впоследствии он был убит турками, вместе со своими спутниками, между городами Никомидией и Никеей.

В октябре начал путь Роберт, граф Нормандии, сын Вильгельма [8], короля Англии. Он набрал себе большое войско из нормандцев, англичан и бретонцев. С ним шли также Стефан, благородный граф Блуа, его деверь, и Роберт, граф Фландрский. Их сопровождали многие другие знатные лица.

11. КРЕСТОНОСЦЫ В ВИЗАНТИИ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Из «Алексиады» византийской царевны Анны Комнин

Анна Комнин — дочь императора Алексея Комнина — современница первого крестового похода. В своей «Алексиаде» рассказывает о событиях византийской истории с 1069 по 1118 г., причем особенно восхваляет деятельность отца, которого называет «светочем вселенной», «тринадцатым апостолом». Писала по личным наблюдениям, рассказам очевидцев и официальным источникам. Видела действия крестоносцев в Византии и судила о них со своей византийской точки зрения. В этом отношении данные «Алексиады» являются важнейшим дополнением и коррективом к западноевропейским известиям о крестовых походах.

Когда император Алексей [9] отдыхал от своих великих трудов, до него дошла молва, переходившая из уст в уста, о том, что идет бесчисленное войско франков. Это известие не было приятно Алексею, который с справедливой боязнью смотрел на этот подозрительный народ. Приобретя достаточную опытность в борьбе с Робертом [10], он знал крайнюю запальчивость франков, легкость, с которою они решаются на что-нибудь и снова изменяют свои намерения, их чрезвычайную вкрадчивость; подобные

---

[1] Роберт Гискар (Хитрец) — нормандский герцог Сицилии.

[2] Более известен (по одному из своих феодов) как Годфрид Бульонский.

[3] Раймунд Тулузский

[4] Готы — жители южной Франции, некогда населенной вестготами.

[5] Епископ Адемар был папским представителем (легатом) в войске крестоносцев.

[6] Пехотинцы здесь противопоставляются рыцарям как простой народ.

[7] Вальтер называется другими историками, участвовавшими в первом крестовом походе, Голяком (у Фулькерия в подлиннике sine pecunia, у Анонима — sine habere).

[8] Вильгельма Завоевателя.

[9] См. примечание 5 к стр. 318.

[10] Роберт Гискар.

и другие качества, как дар природы, этот народ несет с собою безотлучно, в какую бы страну он ни являлся; а потому Алексей основательно страшился оскорблений с его стороны для своего государства. Предусмотрительность императора и его страх оправдывались и общественною молвою, всегда заключающей в себе долю истины; сверх того, что он сам знал по опыту, о франках говорили повсюду, что они умеют сплетать козни, а если и заключат договор, то нарушат его под самыми ничтожными предлогами. По всем этим причинам император не только не дремал ввиду подобных обстоятельств, но повелел тщательно вооружить войско и обучать его, чтобы иметь в готовности армию на всякий случай. Впоследствии дело показало, что весь этот страх был не лишен основания. Действительно, в то время двинулся весь Запад, т. е. все варварские народы, живущие от Адриатического моря до Геркулесовых Столпов; целая Европа, неожиданно воспрянув с своего седалища, обрушилась на Азию.

Император, видя многочисленность крестоносцев, начал заботиться о том, чтобы и прочие герцоги и графы дали ему присягу, подобную той, которая была незадолго пред тем дана ему Годфридом [1]. В надежде на это он призвал их к себе поодиночке и, беседуя с ними, употреблял различные средства; одни оказались сговорчивыми, но другие упорствовали, и все его старания были напрасны; князья поджидали Боэмунда [2] и весьма рассчитывали на него. Но они скрывали такую причину своей медлительности и не высказывали ее. Между тем латиняне придумывали различные новые требования и предъявляли их императору в надежде выиграть время, пока будут идти споры. Но император, которого трудно было обмануть, понял и разгадал все; различными мерами, действуя на каждого поодиночке, он успел, наконец, склонить в свою пользу всех франкских князей, чему много содействовал пример Годфрида. Для Годфрида было важно то, чтобы их упорство не обратилось в осуждение его собственного поступка, и потому он, хотя уже отплыли вперед до Пеликана, возвратился назад, чтобы присутствовать при присяге латинских князей. Когда все собрались для этой церемонии во дворце и дали присягу, какой-то латинский граф, вероятно, благородного происхождения, взойдя на императорский трон, сел на него. К нему подошел Балдуин, граф фландрский, и, взяв за руку оскорбителя царского трона, с бранью сказал: «Как ты смеешь, поступив на службу и дав присягу императору и, следовательно, признав его своим господином, сесть теперь с ним рядом? Разве ты не знаешь, что римские императоры не имеют обычая разделять трона с людьми, которые служат им и считают себя их подданными? Если и не это, то вообще следует держаться

---

[1] Годфридом Бульонским, раньше других пришедшим в Константинополь.

[2] Боэмунда Тарентского.

правил той страны, в которой живешь». Выслушав это, тот не ответил ничего Балдуину; но, взглянув сердито на императора, проворчал на своем языке, что в переводе на наш язык значит: «Вот мужик-то, сидит себе один, в то время когда такие знаменитые герцоги стоят пред ним!» Движение губ его не скрылось от императора; подозвав к себе переводчика и услышав сказанное тем графом, он ничего не заметил ему; но когда, по окончании присяги, графы начали уходить и прощаться с императором, Алексей подозвал к себе этого дерзкого и бесстыдного латинянина и спросил его, кто он, откуда и где родился.

На это латинянин ответил: «Я родом истый франк, происхождения благородного, и знаю только одно: в моем отечестве, на распутье, стоит церковь, построенная еще в древности; кто желает отыскать себе противника для поединка, идет туда, молится и ждет, пока явится кто-нибудь, чтобы померяться с ним. Я долго стоял на этом распутье, и не нашлось никого, кто осмелился бы принять мой вызов». Выслушав это, император отвечал: «Тогда ты, отыскивая неприятеля, не нашел никого, но теперь тебе предстоит боевое время, и ты будешь иметь вволю противников. Но если ты хочешь меня послушать, то не становись ни в задних, ни в передних рядах войска, которые действуют копьем; я знаю по опыту военные приемы турок. И то и другое место опасно; ты же укройся в середине, где, окруженный своими, будешь спасен от неприятельских ударов». Алексей дал такой полезный совет не только ему одному, который того не стоил, но и другим рассказывал, что их ожидает в походе, и особенно убеждал не преследовать турок в случае победы, ибо они весьма искусны в устроении засад.

Между тем Боэмунд вместе с прочими графами пристал к Апру[1], сознавая, что он не может равняться с прочими князьями франкскими своим происхождением и не имеет довольно денег, чтобы содержать большую армию; он для восполнения таких недостатков решился сблизиться с императором и прибыл в Константинополь, сопровождаемый только десятью франками; прочих же графов оставил позади себя. Император, зная хорошо нрав этого человека и его ум, скрытный и преисполненный козней, также желал переговорить с ним отдельно от прочих, прежде нежели прибудут другие графы, чтобы выведать в разговоре его скрытые намерения и затаенные помыслы; вместе с тем он хотел требовать от Боэмунда переправы его войск до прибытия прочих, опасаясь, что, по известной своей злобе, он может в соединении с другими причинить вред императору. При появлении Боэмунда Алексей ласково принял его и расспрашивал о совершенном им пути и о том, где он оставил своих сподвижников. Получив от него на все желанный ответ, император старался дружескою речью уничтожить воспоминания

[1] **Апр** — греческий город.

о делах под Диррахием и Лариссою, об их войнах и прежней вражде. При этом тот коварный хитрец говорил: «Признаюсь, тогда я был твоим врагом и действовал неприязненно; но теперь я являюсь к вам, как верный друг вашего величества, и, что важнее всего, таким и останусь на будущее время». Император продолжал его испытывать на разных предметах и, переговорив о многом, выразил свое удовольствие. Условившись достаточно о присяге, император сказал ему наконец: «Впрочем, не желаю тебя удерживать дальнейшею беседою: ты с дороги устал, потому иди и позаботься об отдыхе, нам будет еще время поговорить». Отправившись в часть города св. Косьмы, где ему приготовили пристанище, он нашел стол, богато убранный и уставленный всякого рода яствами. После того к Боэмунду явились повара и кондитеры, по приказанию императора, и представили ему огромное количество сырого мяса и птицы домашней и лесной, говоря при этом: «Мы изготовили все, что ты видишь на столе, сообразно своему искусству и обычаю своей страны; но если ты привык есть иначе, то тебе не понравятся наши приправы, поэтому вот тебе сырая пища и пусть ее изготовят по твоему вкусу, кому ты прикажешь».

Так распорядился император, отличавшийся необыкновенным уменьем обращаться с людьми. Постигая замыслы людей по одному выражению их лица и по телодвижению, он тотчас понял всю хитрость и подозрительность характера Боэмунда и предвидел, что если ему будет предложена пища людьми императора, бывшего его врага, то он из опасения яда не дотронется до нее. Император не обманулся в своей догадке: Боэмунд не только не попробовал, но и не коснулся пищи концом пальца, скрыл подозрение под предлогом любезности и роздал все приготовленное тем, которые его окружали. Поистине, он оказал небольшую услугу своим, угостив их пищею, по его мнению, отравленною. Впрочем, он не долго скрывал свое коварство, как человек самоуверенный и презирающий все; когда он наелся мяса, изготовленного его поварами по отечественному обычаю, то на следующий день спросил у своих, каково их здоровье после вчерашнего угощенья? Они ответили, что чувствуют себя превосходно и совершенно здоровы. «А я, — говорил он, сознаваясь в своем коварстве, — припомнил прежние войны с императором, когда я обратил его в бегство, и потому не хотел есть изготовленного по его же приказанию, опасаясь найти в пище яд».

Император, призвав к себе Боэмунда, потребовал от него такой же присяги, как и от прочих латинян. Боэмунд нисколько не колебался и не медлил; не знаю почему: потому ли, что, считая свое происхождение менее знатным и не имея ни богатств, ни большой дружины, он не видел причины уклониться от того, на что согласились более важные князья франков, или он, как человек воспитанный в презрении к религии и от частых повторений сделавшийся вероломным по природе, считал смешным

долго отказываться от присяги. Но император, видя такую готовность с его стороны дать присягу, дал ему новые доказательства своего расположения. А именно: он повелел наполнить одну комнату во дворце богатствами до того, что весь пол был покрыт монетами, ожерельями и редкими пурпуровыми тканями, стены же завесить до потолка драгоценными одеждами, золотом и серебром и всякого рода блестящим металлом; приказано было наносить такое множество вещей, чтобы нельзя было ступить, из боязни затоптать ногами ту или другую драгоценность. Отдав приказ сопровождать Боэмунда как гостя при осмотре дворца, император повелел ввести его, между прочим, и в ту комнату и сделать все это так, чтобы вызвать сначала его изумление; он хотел ослепить его неожиданностью и не ошибся в расчете.

Пораженный нечаянным зрелищем, Боэмунд мог только произнести следующее: «Если бы я был господин всех этих богатств, то уже давно покорил бы своей власти многие города и страны». На это ему отвечал император: «Это все твое, Боэмунд; император дарит тебе это сегодня от своих щедрот». Боэмунд принял подарок с радостью и много благодарил. Но после, когда он пришел в себя, возвратясь домой, и увидел перед собою носильщиков, доставивших ему дары, этот хитрец почувствовал стыд от своего корыстолюбия и, как бы сожалея о выраженном им изумлении, воскликнул: «Я никогда не думал, что император может так оскорбить меня. Отнесите все это тому, кто вас прислал». Император, зная непостоянство латинян, с улыбкой повторил народную поговорку: «Зло обращается на своего противника», и приказал отнести все снова к Боэмунду, который на этот раз был спокойнее и благосклонно принял от носильщиков дары, которыми он только что пренебрегал. Но это не было с его стороны легкомыслие или непостоянство, а скорее обдуманная хитрость не решаться вдруг ни на что. Я заметила в этом человеке два отличительных качества: хитрость и отвагу, которыми он превышал всех проходивших через Константинополь латинских князей настолько же, насколько он уступал им богатством и численностью своих войск...

12. ПОХОД КРЕСТОНОСЦЕВ ЧЕРЕЗ КАППАДОКИЮ И АРМЕНИЮ

Из «Деяний франков и других иерусалимцев» Анонима (Anonimi Gesta francorum, ed. Hagenmeyer, p. 226 sq.)

Главное войско, т. е. Раймунд, граф св. Эгидия[1], ученейший Боэмунд[2] и герцог Годфрид[3] и другие князья вступили в землю армян[4], жаждая и алча крови турок. Наконец, пришли к одному

[1] Раймунд Тулузский. [2] Боэмунд Тарентский. [3] Годфрид Бульонский. [4] Малой Арменией в XI в. называлось армянское княжество на юго-востоке Малой Азии. Аноним называет «землею армян» весь южный край Малой Азии, применяя, таким образом, это название в необычном и слишком широком смысле.

замку, который был так укреплен, что ничего с ним не могли сделать. Между тем там был один человек, по имени Симеон, происходивший из этой местности [1]. Он домогался власти над этой землей, которую он защищал от рук врагов турок. Крестоносцы добровольно отдали ему эту землю, и он остался там со своей родней.

Мы же, уйдя оттуда, благополучно дошли до Цезареи Каппадокийской; выйдя же из Каппадокии, пришли к одному прекрасному и очень богатому городу, который незадолго до нашего прихода турки осаждали в продолжение четырех недель, но не одолели [2]; после нашего прихода туда он вскоре с большой радостью сдался под нашу власть. Некий рыцарь, по имени Пьер д'Ольф [3], выпросил этот город у всех сеньеров, чтобы защищать его в верности к богу и святому гробу и к сеньерам, и к императору [4]. И они с большой радостью даром его уступили ему. На следующую ночь Боэмунд услышал, что турки, участвовавшие в осаде города, все время шли впереди нас. Мигом он собрался с рыцарями, чтобы напасть на них со всех сторон; но он не мог их найти.

Затем мы прибыли к городу, называвшемуся Коксон; в нем было обилие всяческих благ, которые были нам необходимы. Христиане, жители этого города, сразу сдались, и мы прекрасно провели там три дня, и наши здесь восстановили свои силы.

Между тем Раймунд, граф св. Эгидия, услышав, что турки, охранявшие Антиохию, ушли, решил послать туда некоторых своих рыцарей, чтобы они ее охраняли. Затем он выбрал тех, кого хотел послать, а именно: Пьера де Кастеллионе, виконта, Гильома де Монпеллье, Пьера де Роэ, Пьера Раймунда де Пуль с пятьюстами рыцарями. И вот они пришли в долину вблизи Антиохии, к замку павликиан [5], и здесь они услышали, что в городе [6] находятся турки и готовятся его решительно защищать. Пьер де Роэ отделился от остальных и следующей ночью прошел близ Антиохии, и вошел в долину Рики [7], и нашел там турок и сарацин, сразился с ними, убил многих из них и сильно их преследовал [8]. Армяне, жители этой страны, увидев, что он быстро

---

[1] Повидимому, один из мелких местных князьков в области между Эргле и Цезареей Каппадокийской.

[2] Октябрь 1097 г.

[3] Этот рыцарь принадлежал к войску крестоносцев.

[4] Император Византии.

[5] Павликиане — секта, родственная по своим учениям европейским альбигойцам. Вследствие преследований византийских властей они, в особенности с IX в., во множестве выселялись в мусульманские земли, где пользовались терпимостью.

[6] Антиохии.

[7] Рика — городок неподалеку от Антиохии.

[8] По словам одного источника, победитель отправил своему сеньеру Раймунду копье с нанизанными на него носами и губами убитых врагов.

победил язычников, тотчас сдались. Он же немедля захватил город Рузу и много замков.

Мы же, оставшиеся [1], выйдя оттуда, вступили в дьявольскую горную цепь [2], которая была так высока и опасна, что никто из нас не осмеливался идти впереди другого по тропинке, которая шла по горе.

Рыцари стояли повсюду печальные, били себя от чрезмерной печали и горя, не зная, что будет с ними самими и их оружием, продавали свои щиты и наилучшие кольчуги со шлемами за три или пять денариев, или сколько кто мог получить. Не могшие продать, даром бросали их прочь и шли.

Уйдя, таким образом, с проклятой горы, мы пришли к городу Марашу. Его жители с радостью вышли нам навстречу и принесли множество товаров; и мы имели все в изобилии, ожидая прибытия господина Боэмунда [3]. И вот прибыли наши рыцари в долину, где расположен царственный город Антиохия, глава всей Сирии.

13. ОСАДА И ВЗЯТИЕ ИЕРУСАЛИМА КРЕСТОНОСЦАМИ

Из «Иерусалимской истории» Фулькерия Шартрского
(Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, t. III, p. 358 sq.)

После того как франки... увидели, что трудно взять Иерусалим, решено было нашими вождями построить деревянные лестницы, чтобы, поднявшись по ним на вершину стены, с божьей помощью взять решительным натиском город. Когда это было сделано..., побуждаемые знатнейшими, при звуках труб, ясным утром крестоносцы с замечательной стремительностью атаковали город со всех сторон. И хотя атаковали его до шестого часа дня, но не смогли в него ворваться, так как приставные лестницы были малочисленны. Тогда с сожалением прекратили приступ. После этого на общем совете решено было поручить мастерам построить машины, чтобы, пробив стены, добиться исполнения надежд. Так и было сделано.

Между тем, хотя осаждавшие не терпели недостатка в хлебе и мясе, однако, — так как местность была сухая, безводная и лишенная рек, — и люди и скот очень нуждались в питьевой воде. Поэтому... искали воду вдалеке и с большим трудом доставляли ее в мехах к месту осады. Приготовив машины, а именно тараны, и сами также приготовились к штурму. Среди этих машин была сооружена осадная башня из коротких бревен, так как строевого леса в тех местах не было. Ночью ее перенесли в разобранном виде к одному из угловых выступов городской стены. И таким образом приготовив... опоры, собрали ее очень быстро вблизи от

---

[1] Основная масса войска, с которой речь шла выше.
[2] Восточные отроги Антитавра.
[3] Боэмунд Тарентский отделился от войска для преследования турок.

стены. Собрав ее и защитив ее шкурами, медленно подвигая, придвинули к стене. Тут немногие, но храбрые рыцари, воодушевившись, прыгнули на нее. Несмотря на это, сарацины, защищаясь, стали действовать против них и поливали кипящим маслом и жиром и пылающими факелами упомянутую башню и рыцарей, которые в ней находились. И таким образом для многих сражавшихся с той и другой стороны наступала смерть быстрая и преждевременная.

На той стороне, где находились граф Раймунд [Тулузский] и его люди, т. е. на горе Сион, был произведен с помощью машин сильный натиск. С той же стороны, где был герцог Годфрид [Бульонский] и Роберт, граф Нормандский, и Роберт, [граф] Фландрский, был еще больший натиск на стену. Так прошел этот день.

Также на следующий день, подав трубами сигнал, они еще мужественнее начали ту же работу, так что, ударяя таранами в одно место, они проломали стену... Уже в каменной стене запылала одна башня, которую наши механики забросали горящими головнями. От нее, по мере того как огонь пожирал среди деревянных частей горючие вещества, начал распространяться такой дым и пламя, что ни один из защитников города не мог там дольше оставаться.

Итак, вскоре франки величественно вошли в город, в полдень, в пятницу, в день, когда Христос искупил весь мир. Звучали рога: все были взволнованы, мужественно бились, восклицали: «Помоги бог!». Над стеною подняли знамя. Язычники, совершенно устрашенные, сменили свою дерзость на быстрое бегство...

Граф Раймунд и его люди, которые неустрашимо вели атаки, не замечали этого, пока не увидели, что сарацины прыгают через верх стены. Увидев это, они с величайшей храбростью побежали к городу и вместе с другими не переставали преследовать и убивать нечестивых врагов.

В это время другие, как арабы, так и эфиопы, бежав, проникли в башню Давида; а другие заперлись в храме господа и Соломона. В атриях этих храмов против них был произведен очень сильный натиск; не было места, где сарацины могли избежать убийц. Многие из них были убиты стрелами на крыше Соломонова храма, который они подожгли при бегстве, и сброшены с крыши на землю. В этом храме было зарезано почти десять тысяч человек.

И если бы вы там были, ноги ваши до бедер обагрились бы кровью убитых. Что сказать? Никто из них не сохранил жизни. Но не пощадили ни женщин, ни малюток.

Вы могли бы увидеть... как наши оруженосцы и более бедные пехотинцы, узнав о хитрости сарацинов, вскрывали животы умершим, чтобы извлечь из них золотые монеты, которые они проглотили при жизни... Ради этого они через несколько дней сложили

трупы в большую кучу и сожгли в пепел, чтобы было легче находить упомянутое золото.

Танкред, поспешивший проникнуть в храм господень, захватил много золота и серебра и драгоценных камней. Но после восстановления храма он возвратил все похищенное или равноценное в святое место [1]...

И после столь великого кровопролития, крестоносцы разбрелись по домам горожан, захватывая все, что в них находили. При этом установился обычай, что всякий, кто входил в дом первым, был ли он богат или беден, присваивал, получал и владел домом или дворцом и всем, что в нем находилось, как собственным, не подвергаясь обиде от другого. Так поддерживали они в своей среде право. И многие неимущие стали богатыми.

14. УЧАСТИЕ ГЕНУЭЗЦЕВ В ЗАВОЕВАНИИ ПАЛЕСТИНЫ

Из «Книги об освобождении восточных городов» генуэзского консула Кафаро де Каскифелоне.
(Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, V, 1, p. 68)

Верно, что город Иерусалим был взят упомянутым войском франков при участии некоторых генуэзцев, а именно Гуилермо Эмбриако и Примо, его брата, и многих других воинственных мужей генуэзских. Они строили там машины, их изобретательностью город был взят в июле месяце 1099 г. [2]... Хотя другие города захватывались в разное время, пусть перечисление начнется все-таки с первых захватов. Ибо генуэзцы и король Балдуин захватили, сражаясь, Цезарею и Азот... Когда же после взятия этих двух городов генуэзцы, возвращаясь на родину, прибыли в Византию, у острова Итаки встретили они флот константинопольского императора. Этим флотом командовал Ландульф, и с ним было шестьдесят шеланд [3]. Генуэзцы захватили из них семь и отпустили, поджегши, а против остальных выступили с двадцатью семью галеями [4], чтобы захватить их вооруженной рукой. Начальник [флота], увидев, что генуэзцы так отважно идут на него, отправил к ним своего посла [для переговоров] о согласии и мире. Итак, установив между собой согласие, шли они до города Корфу. И отсюда начальник флота и генуэзцы отправили послов и упомянутого Ландульфа [5] к императору [6] Алек-

---

[1] «Деяния Танкреда» сообщают, однако, что он истратил втуне лежавшее золото, и автор «Деяний» даже ставит это ему в заслугу.

[2] Автор явно преувеличивает роль своих соотечественников во взятии Иерусалима.

[3] Шеланда — в средние века большое двухэтажное военное судно, вмещавшее до 150 человек экипажа.

[4] Галеа — военное судно, отличавшееся (по тому времени) быстроходностью.

[5] Очевидно, начальник флота Ландульф сам принял участие в посольстве.

[6] Византийский император Алексей Комнин.

сею, Райнальду де Радульфо и Ламберту Гезо[1]. И в то время как они находились в течение трех дней у города Корфу, прибыли восемь генуэзских галей с восемью горабами[2] и с одним большим кораблем с генуэзскими рыцарями и паломниками...

И те, кто был на восьми галеях и горабах и на корабле, отправились в Иерусалим. На этих галеях находился Мауро де Платеалонга[3] с другими знатными мужами, а на корабле был Пагано де Вольта[4] со многими другими знатными лицами. Они посетили гроб господень. Закончив посещение, отправились к Тортозе и вместе с Раймундом, графом св. Эгидия[5], вернувшимся из Константинополя на Восток, взяли ее осадой. И было это в 1101 г.

II. ЛАТИНО-ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

15. ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ КРЕСТОНОСЦЕВ НА РОДИНУ В НАЧАЛЕ XII в.

Из «Истории священной войны» Вильгельма Тирского
(Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, I, I, p. 594)

«История священной войны» Вильгельма, архиепископа Тирского, уроженца Палестины, написана в 80-х годах XII в. и обнимает историю первого крестового похода и Иерусалимского королевства до 1184 г. Первые 15 книг «Истории» представляют собой своеобразную компиляцию других авторов (главным образом, Альберта Ахенского) и не имеют значения как исторический источник. Зато вторая часть «Истории священной войны» (книги 16—23), содержащая историю Иерусалимского королевства после первого крестового похода, — источник чрезвычайно ценный. Здесь автор или пишет по собственным наблюдениям, или черпает свои сведения от заслуживающих доверия лиц и из официальных документов. Нередко Вильгельм привлекает и арабские источники, что придает еще большую ценность его повествованиям.

Издание Belli Sacri historia («История священной войны»)—в Historiens occidentaux, I, 1, p. 594.

В это же время, когда уже почти все князья, участвовавшие в походе, вернулись на родину, так что оставался лишь герцог, которому было поручено[6] королевство, и господин Танкред, которого господин герцог удержал... как мужа мудрого, деятельного и удачливого. Средства наши и число воинов были так малы, что когда созвали всех и все быстро собрались, едва оказалось налицо триста рыцарей и две тысячи пехотинцев. Города, перешедшие под нашу власть, были еще немногочисленны и переме-

[1] Райнальд де Радульфо и Ламберт Гезо — влиятельные генуэзцы.

[2] Гораба — небольшое судно.

[3] и [4] Генуэзские консулы в 1100—1102 гг.

[5] Раймунда Тулузского часто называли графом св. Эгидия по одному из принадлежавших ему феодов.

[6] Герцог Годфрид Бульонский, которому было поручено управление Иерусалимским королевством. По религиозным соображениям он не захотел принять титул короля.

жались местностями, подчиненными врагам, так что с большой опасностью переезжали из города в город, когда того требовала необходимость. Все сельские местности в нашей стране были населены неверными и сарацинами; злее их не было врагов у нашего народа, и они были тем хуже, что находились в нашей стране, а нет более вредоносной чумы, чем враг, находящийся в доме. Они не только убивали наших, когда неосторожно ходили по дорогам, и продавали их в рабство врагам, но также и отказывались от сельских работ, чтобы низвергнуть наших с помощью голода. Они лучше готовы были сами голодать, чем оказать какую-нибудь услугу нашим, которых они считали врагами.

И не только вне городов были небезопасны дороги; также и в домах, расположенных за городскими укреплениями, едва можно было найти безопасное и спокойное место вследствие того, что население было малочисленно, а пробоины городских стен были открыты для врагов; по ночам воры врывались в пустые и запущенные малолюдные города, убивая многих в их собственных жилищах; и вот, некоторые тайно, а многие открыто стали обращать в собственность владения, которые они приобрели как покинутые [владельцами]...

16. ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Из «Иерусалимской истории» Якова Витрийского (начало XII в.)

Яков Витрийский от городка Витри близ Парижа, откуда он был родом) родился около 1180 г., умер в 1224 г. В 1210 г. проповедовал крестовый поход против альбигойцев. Переселившись в Палестину, он занимал видное место в церковной иерархии. Он написал «Иерусалимскую историю» в трех книгах. Первая из них представляет любопытнейший памятник средневековой географической науки и содержит описание восточных стран, в котором самый причудливый вымысел сочетается с некоторыми интересными и реальными фактами. Во второй книге Яков Витрийский дал характеристику общества в Латино-Иерусалимском королевстве. В ней сообщается много интересных фактов, например, о взаимоотношениях между сирийскими феодалами и закрепощенным коренным населением, о распрях между рыцарскими орденами и духовенством и т. д. Третья книга, принадлежность которой Якову Вирийскому оспаривалась, посвящена пятому крестовому походу.

Издан Яков Витрийский в «Gesta Dei per francos» Bongars'a, Hannover 1611, 1, 1047—1145 (первые две книги).

По границам своей земли они построили укрепленные и совершенно неприступные замки... Именно: Монреаль и, за Иорданом, Скалу пустыни, которая теперь называется Краком, Сафет и Бельвуар и многие другие укрепления по эту сторону Иордана. Салеф, укрепленнейший замок, находится между Акконом и Генисаретским озером. А Бельвуар находится неподалеку от горы Табор..., между Цитополем и Тивериадой, и расположен на возвышенном месте.

Но для обеспечения большей безопасности королевство Иерусалимское разделено между разными князьями и баронами, ко-

торые, под предводительством короля, должны защищать и охранять страну. Сам король удерживает за собой лучшую и более достойную часть, а именно: города Иерусалим, Неаполь, Аккон и Тир с некоторыми укрепленными пунктами и поместьями. Вассалы королевства обязаны нести с определенным числом рыцарей королевскую службу: граф Триполитанский, владетель Бейрута, владетель Сидона, владетель Кайфы и Порфирии, владетель Цезареи, князь Галилеи, являющийся также владетелем Тивериады; граф Яффы и Аскалона; владетель Монреаля и всей земли Заиорданской; владетель Ассура, владетель Ибелина и некоторые другие. Но поименованные считались среди прочих старшими, пользуясь превосходством и почетом.

17. ОСНОВАНИЕ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ

Из «Истории священной войны» Вильгельма Тирского
(Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, t. I, 1, p. 520)

В том же [1118] году несколько благородных мужей из рыцарского сословия, преданные богу, набожные и богобоязненные, посвящая себя на службу Христу, дали владыке патриарху... обет жить всегда в целомудрии, послушании и не иметь собственности. Между ними первыми и наиболее выдающимися были почтенные мужи Гуго де Паэн и Годфрид де сан-Альдемар. Так как у них не было ни церкви, ни определенного помещения, то король устроил им на время жилище в той части своего дворца, которая на юге примыкает к храму[1] господню. Каноники же храма господня на определенных условиях уступили им площадь, которую они имели около этого дворца для хозяйственных построек. Государь король со своими знатнейшими вельможами и патриарх с прелатами пожаловали им из собственных доменов определенные бенефиции, одни временно, другие навсегда. Главное же их занятие, которое было наложено на них патриархом и другими епископами за отпущение грехов, [состояло в том], «чтобы они, по мере сил, сохраняли пути и дороги, в особенности, на пользу паломникам, от коварства разбойников и от нападений». Первые девять лет после основания ордена они носили светское платье, пользуясь теми одеждами, которые им жертвовал ради спасения души народ. Наконец, на девятом году, на соборе, происходившем в Труа во Франции..., по поручению папы Гонория[2] и господина Стефана, иерусалимского патриарха, были установлены для них правила и утверждена одежда, именно белая. В эти первые девять лет их было не более девяти. Но потом, во

---

[1] Король Балдуин II (1118—1131) отвел тамплиерам часть дворца, примыкавшую к важнейшему в Иерусалиме храму (по-французски temple, по-латыни templum), в котором стоит гроб, где, по церковной легенде, лежало тело Христа. От этого храма орден получил название тамплиеров, то-есть храмовников.

[2] Гонорий II (1124—1130).

времена господина папы Евгения [1], как говорят, они стали пришивать к своим плащам кресты из красной материи, чтобы быть более заметными среди других, — как рыцари, так и их низшие братья, которые называются слугами. Их орден до того безмерно вырос, что ныне их конвент состоит почти из трехсот рыцарей, одетых в белые плащи, не считая [простых] братьев, число которых почти бесконечно. Говорят, что владения их как по эту, так и по ту сторону моря до того велики, что нет уже в христианском мире области, которая не отдавала бы части своих владений упомянутым братьям [2]. И говорят, что они по богатствам теперь равны королям.

18. ТОРГОВЛЯ В АЛЕКСАНДРИИ В XII в.

Из «Истории священной войны» Вильгельма Тирского.
(Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, t. I, 2, p. 951)

С точки зрения занятия торговлей, Александрия расположена самым удобным образом. Там есть два порта, разделенные очень узким мысом, в начале которого находится башня удивительной высоты. Она называется Фаросом. Говорят, что ее построил Юлий Цезарь.

Из верхних областей Египта Александрия получает по Нилу богатый запас разнообразных продуктов питания и изобилье почти всех товаров. Также и из заморских стран на кораблях доставляются всякие богатства, если есть что-нибудь такое, чего нет в Египте; поэтому считается, что Александрия, больше любого другого приморского города изобилует всеми благами. Для этого из Индии, Сабы [3], Аравии..., Эфиопии и Персии и других прилежащих стран всевозможные ароматические вещества, жемчуга, восточные сокровища и чужеземные товары, которых недостает в наших странах, доставляются по Красному морю в Верхний Египет к приморскому городу Айдебу. Отсюда все перевозится к реке и по ней спускается в Александрию. Таким образом, происходит большое стечение сюда восточных и западных народов; и этот город представляет общественный рынок тех и других стран.

19. ПРИВИЛЕГИИ ВЕНЕЦИАНЦЕВ В ИЕРУСАЛИМСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Из договора, заключенного между Венецией и Иерусалимским королевством в 1124 г. (Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, I, 1, p. 550)

...Мы, Гормунд, милостью божией патриарх святого города Иерусалима, с подчиненными церкви нашей братьями, с госпо-

---

[1] Евгений III (1145—1153).

[2] Тамплиеры повсюду делали крупные приобретения главным образом благодаря своей ростовщической деятельности.

[3] Область в южной Аравии.

дином Вильгельмом де-Бурис, коннетаблем, и Паэном, канцлером, совместно со всеми собравшимися баронами Иерусалимского королевства, собравшись в Акконе, в церкви святого креста... подтвердили святому евангелисту Марку [1], упомянутому дожу и его преемникам и народу венецианскому... обещания короля Балдуина [2]. А именно: во всех городах, подвластных упомянутому королю, его преемникам и всем его баронам, венецианцы должны иметь церковь и целую улицу, одну площадь и баню, а также пекарню; всем этим они должны владеть навсегда на наследственном праве, свободно от всех поборов, наравне с королевскою собственностью. Если бы венецианцы захотели завести в своем квартале в Акконе пекарню, мельницу, весы, меры для измерения вина, масла или меда, то пусть будет дозволено без возражений всем тамошним жителям, кто только захочет, свободно печь, молоть, купаться, как если бы это все было королевской собственностью. Но мерами сыпучих и жидких тел надлежит пользоваться следующим образом. Именно, когда венецианцы торгуют между собой, должно мерить собственными, то-есть венецианскими, мерами; а когда венецианцы продают свои товары иноплеменникам, должно продавать по своим, то-есть венецианским, собственным мерам. Когда же венецианцы покупают что-нибудь у других народов, не венецианцев, то надлежит принимать [товар] королевской мерой и по установленной цене.

При этом венецианцы не должны никоим образом платить никакой пошлины, установленной по обычаю или на каком-либо другом основании, ни при приезде, ни при пребывании в одном месте, ни при продаже, покупке, или отъезде, кроме того случая, когда они приезжают или уезжают, перевозя на своих судах паломников; тогда они безусловно должны уплачивать, согласно королевскому обычаю, третью часть самому королю...

Если возникнет спорное дело или спор между двумя венецианцами, пусть оно разрешается в венецианском суде; и если кто-нибудь имеет жалобу или претензию к венецианцу, пусть она решается в том же суде. Если же венецианец предъявит иск к не венецианцу, то получит удовлетворение в королевской курии.

Кроме того, если умрет венецианец, оставив завещание или нет..., его имущество передается венецианцам. Если венецианец потерпит кораблекрушение, он не должен иметь ущерба в отношении своего имущества [3]. Если он погибнет при кораблекруше-

---

[1] Св. Марк считался покровителем Венеции.

[2] Король Балдуин II в это время (1124) был в плену. Поэтому договор вместо него подписал иерусалимский патриарх как первое после короля лицо в государстве.

[3] Согласно средневековому «береговому праву», груз корабля, потерпевшего крушение, доставался владельцу земли, на которую он был выброшен или около которой произошла авария. Многие сеньеры, будучи вследствие этого заинтересованы в кораблекрушениях, ставили фальшивые маяки и т. п. и старались посадить проходившие корабли на камни у своего берега.

нии, его оставшиеся вещи будут переданы его наследникам или другим венецианцам. Далее, венецианцам должна принадлежать та же судебная власть..., над горожанами любой национальности, живущими в квартале и домах венецианцев, какую король имеет над своими подданными.

Наконец, венецианцам предоставляется в вечное, наследственное и бесспорное владение третья часть городов Аскалона и Тира, с принадлежащими к ней землями, которые находятся ныне во власти сарацин, а не франков и которые с божьей помощью будут, начиная с Петрова дня, завоеваны вместе с венецианцами... и этой третьей частью они будут распоряжаться на тех же правах, какими пользуется король в своих двух частях.

20. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В ПАЛЕСТИНЕ В НАЧАЛЕ XIII в.

Из «Иерусалимской истории» Якова Витрийского
(Gesta Dei per francos, ed. Bongars, I, p. 1087 sq.)

Начнем со святилища господня [1]... Пастыри пасли самих себя, собирая шерсть и молоко овец, но не заботясь о душах и даже подавая прихожанам примеры предательства; тучные коровы на горе Самарии, стали они из христовых бедняков богачами. Они растолстели наследием распятого..., хотя господь сказал Петру: «Паси своих овец», однако мы никогда не слышали, чтобы он говорил: «Стриги овец своих»... Повсюду они заводили в церкви прилавки для продавцов голубей и столы для менял, которых изгнал сам господь... [2]. Утопая в обильной роскоши, ослабев от постыдной праздности, они не только крошками, которые падали со стола господня, но целыми хлебами и изысканными кушаниями услаждали своих щенков [3]...

После того как монахи, усилившись свыше меры благодаря своим огромным владениям, отравились ядом богатства, они стали презирать свое начальство, разрывая узы повиновения [4]... Они не только стали несносны для церкви, но и перешли, ненавидя и унижая друг друга, к открытым обидам вплоть до насилий и драк... Многие из них, более благомыслящие, мужи праведные и богобоязненные, соблюдали спасительное правило и святые установления ордена и... «не ходили на совет нечестивых и не вступали на путь грешников...». Однако брало верх нечестие

[1] Церковь.

[2] Намек на евангельский рассказ об изгнании Христом торгующих из храма.

[3] Автор-церковник так называет детей священников, которым церковью запрещалось иметь семью (целибат).

[4] Речь идет о духовно-рыцарских орденах, которые мало считались с палестинским церковным начальством и добились в этом отношении значительных привилегий от папы. Ордена эти (Тамплиеры, Госпитальеры, Тевтонский орден) жестоко враждовали между собой.

злонамеренных и неблагомыслящих... И поэтому, вследствие ослабления строгости церковной дисциплины, миряне и [разные] зловредные люди пренебрегали наставлениями своих прелатов, мало уважая суровое правосудие духовного меча.

Миряне, чем знатнее и могущественнее они были, тем пагубнее совращались с пути. Поколение испорченное и извращенное..., происходившее от упомянутых паломников[1], они унаследовали имущество, а не добрые нравы своих отцов, и злоупотребляли земными благами, которые их отцы добыли собственной кровью, деятельно сражаясь во славу божию. А их сыновья, называемые пулланами, вскормленные в наслаждениях, слабые и женоподобные, более привыкшие к баням, чем к битвам, преданные скверне и роскоши, носили, подобно женщинам, складчатые одежды... Всякий, кто достаточно знает, как их презирают сарацины, не сомневается, насколько они бездейственны и вялы, малодушны и трусливы... Заключая союзы с сарацинами, они радуются миру с врагами Христа. Враждуя между собою по самой пустой причине, возбуждая между собой раздор, распри и войны, они часто просят помощи против христиан у врагов нашей веры и не стыдятся растрачивать... во вред христианству силы и средства, которые следовало бы обратить во славу божию против язычников... Пулланы не только не оказывают благодарности, но даже во многих местах утесняют паломников, которые с величайшим трудом и непосильными расходами, предоставляя господу себя и свое имущество, издалека, из самых отдаленных стран приходят как по благочестию, так из желания оказать им помощь[2]. ...А потом пулланы безмерно обогащаются, притесняя и разоряя паломников при продаже и обмене вещей и разных сделках и взимая с них непомерно высокую плату за постой...

Есть [там] и другие люди, которые, издревле живя в этой стране под властью различных господ: греков, римлян, латинов[3] и варваров, сарацин, христиан, долгое время несут в разных формах иго рабства; будучи повсюду рабами, всегда платя подати, они предназначаются своими господами для занятия сельским хозяйством и для других низших нужд; они совершенно неспособны к военному делу и бесполезны в сражении, подобно женщинам, исключая немногих, которые... носят только луки и стрелы. Их называют сурианами... Становясь за небольшую плату шпионами, они выдают тайны христиан сарацинам, среди кото-

---

[1] Автор имеет в виду участников первого крестового похода, о котором он рассказывал в начале своего труда.

[2] В новых пришельцах пулланы видели нежелательных конкурентов, могущих претендовать на землю в Палестине. С своей стороны, европейцы враждебно относились к усвоившим восточный быт пулланам. Характеристика пулланов у нашего автора отражает эту враждебность.

[3] Слово «латины» у средневековых историков означает народы, пользующиеся латинским языком, то-есть западных европейцев, а не древних обитателей Лациума.

рых они выросли, их языком они пользуются охотнее, чем каким-нибудь другим, и в значительной степени подражают их извращенным нравам... По сарацинскому обычаю они содержат жен взаперти и закутывают их и своих дочерей в чадры..., бороды же, подобно сарацинам, грекам и почти всем восточным народам, они не бреют, но, взращивая их с большой заботой, сильно ими похваляются, считая бороду знаком мужественности, украшением лица, честью и славой человека...

21. БЫТ ЕВРОПЕЙСКИХ ФЕОДАЛОВ В ПАЛЕСТИНЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ АРАБСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Из «Книги назидания» Усамы-ибн-Мункыза

Усама-ибн-Мункыз родился в 1095 г., умер в 1188 г. Он принадлежал к семье арабских феодалов, владевших маленьким княжеством в Сирии. Жизнь Усамы бурно протекла в войне и скитаниях. Он любил литературу, обладал выдающейся начитанностью (в его библиотеке было 4000 рукописей) и сам много писал в прозе и в стихах. Его важнейшее произведение — «Книга назидания» — представляет своеобразную автобиографию, рисующую жизнь автора на широком фоне сирийского быта XII в. Очень ценны данные Усамы о повседневных отношениях арабов и европейцев на Востоке; последним он дает характеристику, которую интересно сопоставить с характеристикой пулланов у Якова Витрийского, приведенной выше.

Русский перевод: Усама-ибн-Мункыз, «Книга назидания», перев. М. А. Салье, под ред. и со вступительной статьей акад. Крачковского, М. — П. 1922.

Слава творцу и создателю. Всякий, кто хорошо понимает дело франков, будет возвеличивать аллаха и прославлять его. Он увидит во франках только животных, обладающих достоинством доблести в сражениях и ничем больше, так же как и животные обладают доблестью и храбростью при нападениях.

Я расскажу кое-что о делах франков и об их странном уме. В войсках короля Фулько, сына Фулько[1], был всадник, пользовавшийся большим почетом, который прибыл из их страны, совершая паломничество, и возвращался туда. Он подружился со мной, привязался ко мне и называл меня «брат мой», между нами была большая дружба, и мы часто посещали друг друга. Когда он собрался возвращаться по морю в свою страну, он сказал мне: «О брат мой, я отправляюсь в свою страну и хотел бы, чтобы ты послал со мной своего сына». А мой сын был в это время при мне, и было ему от роду четырнадцать лет[2].

«Пусть он посмотрит на наших рыцарей, научится разуму и рыцарским обычаям. Когда он вернется, он станет настоящим умным человеком». Мой слух поразили эти слова, которые не мог бы произнести разумный; ведь даже если бы мой сын попал в плен, плен не был бы для него тяжелее, чем поездка в страну

[1] Фулько I, король иерусалимский (1131—1142).

[2] Вероятно, Мурхаф, любимый сын Усамы, сопровождавший отца почти во всех его скитаниях.

франков. Я ответил моему другу: «Клянусь твоей жизнью, то же было и у меня в душе, но меня удерживает от этого лишь то, что его бабушка — моя мать — очень его любит и не позволила ему выехать со мной, пока не заставила поклясться привезти его к ней обратно». — «Значит, твоя мать еще жива?» — спросил франк. «Да», — сказал я. «Тогда не поступай против ее желания», — сказал он.

Вот один из удивительных примеров врачевания у франков: властитель аль-Мунайтыры[1] написал письмо моему дяде, прося прислать врача, чтобы вылечить несколько больных его товарищей. Дядя прислал к нему врача-христианина, которого звали Сабит. Не прошло и двенадцати дней, как он вернулся обратно. «Как ты скоро вылечил больных», — сказали мы ему. «Они привели ко мне рыцаря, — рассказал нам врач, — на ноге у которого образовался нарыв, и женщину, больную сухоткой. Я положил рыцарю маленький компресс, и его нарыв вскрылся и стал заживать. Женщину я велел разогреть и увлажнить диэтой ее состав[2]. К этим больным пришел франкский врач и сказал: «Этот ничего не понимает в лечении. Как ты предпочитаешь, — спросил он рыцаря, — жить с одной ногой или умереть с обеими?» — «Я хочу жить с одной ногой», — отвечал рыцарь. «Приведите мне сильного рыцаря, — сказал врач, — и принесите острый топор». Рыцарь явился с топором, и я присутствовал при этом. Врач положил ногу больного на бревно и сказал рыцарю: «Ударь по его ноге топором и отруби ее одним ударом». Рыцарь нанес удар на моих глазах, но не отрубил ноги, тогда он ударил ее второй раз, мозг из костей ноги вытек, и больной тотчас же умер. Тогда врач взглянул на женщину и сказал: «В голове этой женщины дьявол, который влюбился в нее, обрейте ей голову». Женщину обрили, и она снова стала есть обычную пищу франков — чеснок и горчицу. Ее сухотка усилилась, и врач говорил: «Дьявол вошел ей в голову». Он схватил бритву, надрезал ей кожу на голове крестом и сорвал ей с середины головы столько, что стали видны черепные кости. Затем он натер ей голову солью, и она тут же умерла. Я спросил их: «Нужен ли я вам еще?» Они сказали: «Нет». Тогда я уехал, научившись из их врачевания кое-чему такому, чего не знал раньше...»

Все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских земель на Восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и общались с мусульманами...

Однажды я отправился с эмиром Муин-ад-дином, да помилует его аллах, в Иерусалим. По пути мы остановились в Наблю-

---

[1] **Аль-Мунайтыра** — крепость на Ливане, принадлежавшая графству Триполи.

[2] По теории арабской медицины болезни происходят от преобладания сухих или влажных, горячих или холодных элементов в человеческом организме (в «его составе», как говорят арабы). Задача врача состоит в приведении их в равновесие.

люсе. Там к Муин-ад-дину пришел один слепой юноша-мусульманин, хорошо одетый. Он принес Муин-ад-дину фрукты и попросил разрешения поступить к нему на службу в Дамаске. Муин-ад-дин позволил ему, а я расспросил об этом юноше, и мне рассказали, что его мать была выдана замуж за франка и убила своего мужа. Ее сын заманивал хитростью франкских паломников и убивал их с помощью матери. В конце концов его заподозрили в этом и применили к нему франкский способ суда. Они поставили громадную бочку, наполнили ее водой и укрепили над ней деревянную перекладину. Затем подозреваемый был схвачен, его привязали за плечи к этой перекладине и бросили в бочку. Если бы этот человек был невиновен, он погрузился бы в воду, и его подняли бы с помощью этой веревки, и он не умер бы в воде. Если же он согрешил чем-нибудь, то он не мог бы погрузиться в воду. Когда этого юношу бросили в воду, он старался нырнуть, но не мог, и они его осудили, да проклянет их аллах, и выжгли ему глаза. Этот человек прибыл потом в Дамаск, и эмир Муин-ад-дин, да помилует его аллах, снабдил его всем необходимым. Эмир сказал одному из своих слуг: «Сведи этого человека к Бурхан-ад-дину-ал-Бальхи, да помилует его аллах, и скажи ему, чтобы он приказал кому-нибудь научить его чтению корана и кое-чему из законов». Слепец сказал тогда Муин-ад-дину: «Победа и одоление! Я думал не это». — «На что же ты рассчитывал от меня?» — спросил эмир. «Что ты дашь мне лошадь, мула и оружие, — ответил юноша, — и сделаешь меня всадником». — «Я никогда не думал, что слепые могут сделаться всадниками», — ответил эмир.

Многие франки обосновались в наших землях и подружились с мусульманами. Эти франки гораздо лучше тех, кто недавно приехал из франкских стран, но они исключение, по которому нельзя судить вообще. Вот пример. Однажды я послал своего товарища в Антиохию по делу. Главарем там был Теодор-ибн-ас-Сафи, с которым у меня была большая дружба. Он пользовался в Антиохии сильным влиянием. Однажды он сказал моему товарищу: «Один из моих франкских друзей пригласил меня к себе, ты пойдешь со мной, чтобы посмотреть на их обычай». «Я пошел с ним, — рассказывал мой товарищ, — и мы вошли в дом одного рыцаря. Это был один из старожилов, которые прибыли сюда во время первых походов франков [1]. Его освободили от канцелярской и военной службы, у него были в Антиохии владения, доходами с которых он жил. Нам принесли прекрасно накрытый стол, чисто и хорошо приготовленные кушанья. Рыцарь увидел, что я воздерживаюсь от еды, и сказал мне: «Ешь, ублаготвори свою душу; я сам не ем ничего из франкских кушаний и держу египетских кухарок, я ем только то, что ими приготовлено, и в моем доме не бывает свиного мяса». Я стал есть, но был

[1] Вероятно, речь идет о первом крестовом походе.

осторожен, а потом мы ушли. Однажды я проходил по рынку, и ко мне привязалась какая-то франкская женщина. Она что-то бормотала на их языке, и я не понимал, что она говорит. Вокруг нас собралась толпа франков, и я убедился в своей гибели. Вдруг приблизился этот самый рыцарь. Он увидал меня, подошел ко мне и сказал, обращаясь к женщине: «Что у тебя с этим мусульманином?» — «Этот человек убил моего брата Урса», — воскликнула она, а этот Урс был рыцарем в Апамее[1], которого убил кто-то из войск Хама. Рыцарь закричал на нее и сказал: «Этот человек из «бурга», то-есть купец. Он не сражается и не принимает участия в бою». Он крикнул на собравшихся, и те рассеялись; тогда рыцарь взял меня за руку и пошел со мной. Мое спасение от смерти было следствием того, что я у него поел».

III. ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

22. ТРЕБОВАНИЕ ОДНОЙ СОРОКОВОЙ ЧАСТИ ЦЕРКОВНОГО ДОХОДА НА НУЖДЫ НОВОГО (ЧЕТВЕРТОГО) КРЕСТОВОГО ПОХОДА, ПРЕДЪЯВЛЕННОЕ ПАПОЙ ИННОКЕНТИЕМ III в 1199 г.

Вы не хотите разжать вашей руки, чтобы прийти на помощь бедности Христа и отомстить за обиды, которым он ежедневно подвергается со стороны врагов нашей веры!

Вы снова его предоставляете на жертву оскорблений, истязаний и распятия. И, несмотря на его повторные моления, вы отказываете ему даже в стакане свежей воды! Вы, проповедующие мирянам о необходимости принести себя в жертву ради св. гроба, что же вы сами жертвуете на это святое дело? Одни лишь слова! Где же ваши дела? Миряне и без того упрекают вас в том, что вы растрачиваете достояние Христа в обществе скоморохов и тратите больше денег на содержание охотничьих собак и соколов. Мы приказываем вам именем всемогущего бога, в силу св. духа и под угрозой строгого приговора на страшном суде уплатить вместе со всеми вашими клириками назначенный с вас сбор.

23. НАЧАЛО ПОХОДА

Из Виллардуэна, «История завоевания Константинополя»

Жоффруа Виллардуэн (Villehardoin родился около 1155 г., умер в 1213 г.) — крестоносец, государственный деятель и историк. Был одним из активнейших руководителей четвертого крестового похода. Написал (на французском языке) «Историю завоевания Константинополя», повествующую о событиях похода с 1199 по 1207 гг. включительно и имевшую целью оправдать захват Греческой империи крестоносцами. При всей тенденциоз-

[1] Апамея — город в 20 километрах к северу от Шейзара, принадлежавший франкам.

ности автора его «История» — незаменимый и оригинальный источник; эпически простое, точное и в то же время яркое изложение событий отражает впечатления рыцаря-крестоносца, насквозь пропитанного миросозерцанием своей эпохи. С чисто литературной стороны «История» Виллардуэна представляет как бы переход от французского былинного эпоса к историческому повествованию и является одним из древнейших памятников французской прозы.

Знайте, что в 1197 г. по воплощении господа нашего Иисуса Христа, во время Иннокентия [1], римского папы и Филиппа [2], короля Франции, и Ричарда [3], короля Англии, жил во Франции один святой человек, которого звали Фульк из Нейи (это Нейи находится между Ланьи-на-Марне и Парижем); и он был священником и держал сельский приход. И этот Фульк, о котором я вам рассказываю, начал проповедывать о боге в Иль-де-Франс и окрестных областях; и знайте, что господь наш многократно совершал ради него чудеса.

Знайте, что слава об этом святом человеке стала столь велика, что она дошла до римского папы Иннокентия; и папа послал во Францию и потребовал от праведника, чтобы тот обратил свой авторитет для проповеди креста. И затем папа послал своего кардинала, господина Петра Капуанского, который был крестоносцем, и возвестил чрез него об индульгенции, о которой я вам расскажу: все те, которые принимали крест и служили богу в войске в течение одного года, получали отпущение всех совершенных ими грехов, которые они исповедывали. Вследствие того, что это отпущение было столь велико, оно сильно тронуло сердца людей; и многие принимали крест вследствие того, что отпущение было так велико.

На следующий год после того, как мудрец Фульк подобным образом проповедывал о боге, был в Шампани турнир в одном замке, который назывался Экри; и по милости божией случилось, что Тибо, граф Шампани и Бри, а также Людовик, граф Блуаский и Шартрский, приняли крест [4]. И вот знайте, что этот граф Тибо был молодой человек и ему было не более двадцати двух лет, а графу Людовику было не более двадцати семи лет. Они были племянниками короля Франции и двоюродными братьями, а с другой стороны,— племянниками английского короля. Вместе с этими двумя графами приняли крест два очень знатных барона Франции Симон де Монфор [5] и Рено де Монмирель. Великая слава пошла по земле, когда эти два знатных мужа приняли крест... [6].

---

[1] Иннокентий III (1198—1216).

[2] Филипп II Август (1180—1223).

[3] Ричард I Львиное Сердце (1189—1199).

[4] 28 ноября 1199 г.

[5] Впоследствии предводитель крестового похода против альбигойцев и отец Симона де Монфора, игравшего видную роль в Англии во время борьбы за парламент.

[6] Следует длинный перечень сеньеров, присоединившихся к походу. Автор упоминает среди них самого себя как маршала Шампани, епископа Труасского Гарнье, епископа Суассонского Невелона, графа Балдуина Фландрского и «многих других мудрых людей».

Затем бароны собрали совет в Суассоне, чтобы установить когда они соизволят выступить и в какую сторону им угодно будет направиться. На этот раз они не смогли прийти к соглашению, потому что им казалось, что еще слишком мало крестоносцев. В том же году[1], менее чем через два месяца, они собрались на совет в Компьени. Здесь были все графы и бароны, которые приняли крест. Было принято и подано много советов; но конец совета был таков, что они избрали послов, лучших, каких они могли найти, и дали им полную власть делать все.

Итак, шесть послов[2] пустились в путь, как вы слышали; и они держали совет между собой, и решение, на котором они остановились сообща, состояло в том, что в Венеции они надеялись найти большее число судов, чем в каком-либо другом порту. И они ехали верхом целые дни, так что прибыли туда на первой неделе поста[3].

Венецианский дож, которого звали Энрико Дандоло, очень мудрый и очень храбрый, принял их с большим почетом, как он сам, так и другие венецианцы...

Они вошли во дворец, который был очень богат и красив, и в одной из палат нашли дожа и его совет и изложили свое поручение следующим образом: «Государь, мы пришли к тебе от высоких баронов Франции, которые приняли знаменье креста, чтобы отомстить за поношение Иисуса Христа и отвоевать Иерусалим, если богу угодно это допустить. И так как они знают, что ни у кого нет такой большой возможности помочь им, как у вас и ваших людей, они вас просят, чтобы вы, ради бога, имели жалость к Заморской земле[4] и к поношению Иисуса Христа и соблаговолили содействовать тому, чтобы они могли получить транспортные и военные суда».

«Каким образом?» — спросил дож. «Любым, — ответили послы, — какой вы предложите или посоветуете, лишь бы только они могли его выполнить или вынести». — «Конечно, — сказал дож, — важно дело, о котором просят, и кажется, что они имеют в виду великое предприятие, и мы дадим вам ответ через восемь дней...»

В срок, назначенный им дожем, они снова пришли во дворец. Я не могу передать вам всех речей, которые там были произнесены, но конец совета был такой: «Господа, — сказал дож, — мы изложим вам решение, которое мы приняли, при условии, что нам удастся убедить наш Большой совет и народное собрание его утвердит, а вы посоветуйтесь, чтобы рассмотреть, можете ли вы его исполнить и утвердить. Мы построим суда для перевозки четырех с половиной тысяч лошадей и девяти тысяч оруженосцев; а на кораблях перевезем четыре с половиной тысячи рыцарей и двадцать тысяч пехотинцев; и все эти лошади и люди будут

---

[1] 1200 г.
[2] Среди них автор настоящего повествования Виллардуэн.
[3] Февраль 1201 г.
[4] Обычное в средневековой литературе название Палестины.

обеспечены собственным провиантом на девять месяцев. Вот что будет сделано нами с условием, что за [каждую] лошадь заплатят нам по четыре марки, а за [каждого] человека — по две. И все эти условия мы будем выполнять в течение года, считая со дня, когда мы отплывем из венецианского порта, чтобы послужить богу и христианству где бы то ни было. Сумма вышеупомянутого расхода составляет восемьдесят пять тысяч марок.

А вот что мы сделаем сверх того — мы прибавим пятьдесят галер, снаряженных из любви к богу, на условии, что пока будет продолжаться наш союз, из всей добычи, какую мы захватим в земле или деньгах, на суше или на море, половина будет нам, а другая вам. Теперь посоветуйтесь, чтобы рассмотреть, можете ли вы это исполнить и утвердить».

После этого послы ушли и сказали, что они поговорят между собой и ответят им завтра. Они советовались и говорили между собою целую ночь и согласились на предлагаемое; и на утро они пришли к дожу и сказали: «Государь, мы готовы заключить этот договор». И дож сказал, что он поговорит об этом со своими людьми и даст послам знать, как они то найдут...

И на следующий день [1] было назначено составление грамот [2], и они были составлены и скопированы. Когда они были составлены, на совете было разъяснено, что поход будет направлен на Вавилон [3], потому что через Вавилон можно было бы скорее разбить турок, чем из какой-нибудь другой страны. А публично было объявлено, что поход направится за море [4]. Это происходило во время поста [5], а в день святого Иоанна, через год, который был тысяча двести вторым годом от воплощения Иисуса Христа, бароны и паломники должны были быть в Венеции, а суда должны быть готовы к их прибытию...

И вот, послы заняли в городе пять тысяч марок серебра и вручили их дожу, чтобы начать строить флот. Затем они испросили у дожа отпуск, чтобы вернуться на родину.

24. О ЗАХВАТЕ КРЕСТОНОСЦАМИ ГОРОДА ЗАРЫ

Завоеванием города Зары крестоносцы возмещали Венеции недостающую сумму за перевозку крестоносцев на венецианских судах. Этим предприятием крестоносцы отклонялись от своей непосредственной цели — похода в Палестину. К тому же город Зара принадлежал в то время венгер-

[1] Имеется в виду не день, следующий после переговоров, описанных в предшествующем абзаце, а день, следовавший за большой сходкой народа на площади св. Марка, где были приняты условия договора. Описание этой сцены опускаем.

[2] Грамот, содержащих условия договора.

[3] Вавилоном в XIII в. европейцы называли Каир по одному из его предместий.

[4] В официальном тексте договора значилось, что крестоносцы перевозятся «за море», и эта формулировка сразу же вызвала опасения папы Иннокентия III, заподозрившего здесь хитрую уловку дожа Дандоло.

[5] В марте 1201 г.

скому королю, который и сам объявил себя участником крестового похода. Папа Иннокентий III безрезультатно пытался помешать завоеванию Зары, объявив это святотатственным делом.

а) Из послания папы Иннокентия III

Они развернули свои знамена против города, обставили его своими палатками, обнесли его со всех сторон и стали подкапывать его стены. А когда жители Зары пожелали перенести свою распрю с венецианцами на суд папы, они и тут не хотели умилостивиться. И хотя заряне вывесили на стенах своих распятие, они, оскорбляя распятого на кресте Христа, насилием принудили город к сдаче.

б) Из хроники Жоффруа Виллардуэна

Почти не было улицы, где бы не происходило большой сечи мечами, луками и копьями. И было много людей ранено и убито. Посредники также явились с оружием и стали разнимать сражающихся, и когда им удавалось разнять их в одном месте, сеча начиналась в другом. Это было самое великое бедствие, когда-либо постигавшее войско, и чуть не произошло здесь гибели всей армии.

25. ИЗМЕНЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Из Виллардуэна. «История завоевания Константинополя»

Вот, послушайте об одном из величайших чудес и величайших приключений, о которых вы когда-либо слышали. В это время был в Константинополе император по имени Исаак [1], и у него был брат по имени Алексей [2], которого он выкупил из турецкого плена. Этот Алексей захватил своего брата императора, и вырвал у него глаза, и сделался императором посредством этого предательства, о котором все слышали. И он держал его долгое время в заключении вместе с его сыном, которого звали Алексеем [3]. Этот сын вырвался из заключения и бежал на судне в приморский город, называемый Анконой. Оттуда он уехал, чтобы направиться к королю Филиппу германскому [4], который был женат на его сестре; и он прибыл в Верону в Ломбардии и поселился в [этом] городе и нашел здесь много паломников и людей, направлявшихся в войско.

И те, которые помогли ему убежать [они сопровождали его], говорили ему: «Государь, вот неподалеку от нас в Венеции войско

---

[1] Исаак II Ангел (1185—1195).
[2] Алексей III Ангел (1195—1203).
[3] Впоследствии Алексей IV (18 июля 1203 г. — 28 января 1204 г.).
[4] Филипп II Швабский, король Священной Римской империи (1197—1208).

из лучших людей и лучших рыцарей в мире, которые идут за море. Попроси их, чтобы они сжалились над тобою и твоим отцом, который был столь несправедливо обездолен. И если они пожелают тебе помочь, ты сделаешь все, что они потребуют. Может быть, они тебя пожалеют». И он сказал, что он исполнит это весьма охотно и что совет этот хорош.

Итак, он назначил своих послов и отправил их к маркизу Бонифацию Монферратскому, который был главой войска, и к другим баронам. И когда бароны их увидели, они очень удивились этому и сказали послам: «Мы внимательно выслушали то, что вы сказали; мы отправим с ним [Алексеем] посольство к королю Филиппу. Если он хочет помочь нам отвоевать Заморскую землю, мы поможем ему отвоевать его страну; ибо мы знаем, что она несправедливо отнята у него и у его отца». И вот, были отправлены послы к наследнику Константинополя и к королю Филиппу германскому...

Две недели спустя[1] прибыл маркиз Бонифаций Монферратский, а также Матье де Монморанси и Пьер де Брасье и многие другие знатные люди. И еще через две недели прибыли также из Германии послы от короля Филиппа и от наследника Константинополя. И бароны и дож собрались во дворце, где жил дож, и вот послы сказали: «Господа, нас послал к вам король Филипп, а также сын константинопольского императора, брат его жены. Господа, сказал король, я пошлю вам брата моей жены, и я вручаю его в руки бога (да охранит он его от смерти) и в ваши. Так как вы предприняли поход ради бога, и ради права, и ради справедливости, то вы должны, если можете, возвращать тем, кто несправедливо обездолен, их наследство. И он заключит с вами самый лучший договор, какой когда-либо заключался кем-нибудь, и окажет вам всемогущественнейшую помощь для завоевания Заморской земли. Прежде всего, если богу будет угодно, чтобы мы восстановили его в наследстве, он вернет всю Римскую империю[2] к повиновению Риму, от которого она издавна отделилась. Затем, он знает, что вы потратили свое имущество и что вы бедны; и он даст двести тысяч марок серебра и пропитание всему войску, знатным и простым. И он своей особой отправится с вами в землю Вавилонскую[3] или пошлет туда, если вы сочтете, что это будет лучше, десять тысяч человек за свой счет. И эту службу он вам будет оказывать в течение года; и пока он будет жив, он будет содержать за свой счет пятьсот рыцарей в Заморской земле для защиты страны. Господа, — сказали послы, — мы имеем полную возможность заключить этот договор, если вы хотите заключить его со своей стороны».

---

[1] Через две недели — подразумевается после взятия Зары (ноябрь 1202 г.), описание которого опускаем.
[2] Византия.
[3] Египет.

И бароны сказали, что они это обсудят; и собрание было назначено на следующий день; и когда рыцари собрались, этот договор был им изложен [1].

Здесь о нем говорили по-разному. Говорил аббат Во из ордена цистерцианцев, а в его лице те, кто желал распадения войска; и они говорили, что они не сочувствуют этому; что это поход против христиан, и они пошли на войну не для этого, а хотят идти в Сирию.

И другая часть им отвечала: «Дорогие господа, в Сирии вы ничего не могли же сделать, и вы это ясно видите на тех самых, которые покинули нас и отправились из других портов [2]. И знайте, что Заморская земля будет возвращена через Вавилонскую землю или через Грецию, если [вообще] она когда-либо будет возвращена. И если бы мы отвергли этот договор, мы были бы опозорены навсегда».

Итак, в армии был раздор, как вы слышите... И вот, явился маркиз Бонифаций Монферратский и Балдуин, граф Фландрии и Геннегау, и граф Людовик, и Гуго де-Сен-Поль, и те, которые сопровождали их. И они сказали, что они заключат этот договор, ибо они будут обесчещены, если его отвергнут. Итак, они отправились в дом дожа и вызвали послов; и они заключили договор, о котором вы слышали выше, посредством клятв и грамот с печатями.

И относительно этого книга сообщает вам, что было только двенадцать человек со стороны французов, которые принесли клятвы; и при этом их не могло быть больше. Это был прежде всего маркиз Бонифаций Монферратский, граф Балдуин Фландрский, Луи, граф Блуа и Шартра, и граф де-Сен-Поль, и восемь других, которые держались на их стороне. Итак, был заключен договор, и составлены грамоты с подвесными печатями, и назначен срок, когда прибудет наследник Константинополя.

26. РАЗГРАБЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ

Из «Истории» Никиты Акомината

Никита Акоминат — один из виднейших византийских историков, родился в середине XII в. Он происходил из богатой семьи, образование получил в Константинополе и, посвятив себя государственной службе, достиг высших государственных должностей. Он был свидетелем разгрома крестоносцами Константинополя и с трудом спасся от гибели, бежав в Никею. Здесь он занимал видное положение при дворе никейских императоров. Умер между 1210 и 1220 гг.

Главное произведение Никиты Акомината — большой исторический труд, охватывающий важный в византийской истории период с 1180 до 1206 г. Высокое положение Никиты Акомината способствовало хорошему знакомству его с политическими событиями того времени. Собственные наблюдения и

---

[1] Первоначально договор был изложен только предводителям войска.

[2] Часть крестоносцев отправилась, вопреки договору, в Сирию, минуя Венецию.

сообщения современников были главным его источником. Данные Никиты Акомината, несмотря на отдельные ошибки, отличаются достоверностью. Слог Никиты страдает напыщенностью и высокопарностью.

«История со времен Иоанна Комнина» Никиты Акомината издана в русском переводе под ред. проф. Чельцова в «Библиотеке византийских историков», СПБ 1862.

а) Никита Акоминат о византийских порядках при императоре Алексее III

По прибытии флота к Заре венецианский дож Дандоло приказал осадить этот город за нарушение им, как он говорил, какого-то старинного договора. Между тем греческий император Алексей, уже давно получив известие о движении латинян, не делал никаких приготовлений, что, собственно, представляло его личную обязанность и общую обязанность всех. Крайняя распущенность в делах государственных нисколько не лучше полного безумия. Евнухи же, бывшие охранителями лесистых гор, которые сберегались для императорской охоты, как священные рощи или божий рай, не давали рубить деревьев и грозили тяжким наказанием тому, кто осмелился бы на то с целью строить корабли.

Кроме того, главный начальник флота Михаил Стрифн, женатый на сестре императрицы, имел обычай превращать в золото не только рули и якоря, но даже паруса и весла, и лишил греческий флот больших кораблей. Император же не только не наказывал таких бесчестных людей, совершавших гнуснейшие преступления, но даже был к ним благосклоннее, нежели ко всем другим. Сидя спокойно дома, он занимался тем, что срезывал горы, засыпал долины и уравнивал площади. За столом он осмеивал предприятия латинского флота и считал басней те опасности, о которых иные говорили. Но когда до него дошли несомненные известия о том, что латиняне, взяв Зару, пристали к Эпидамну, а жители города провозгласили императором сына Исаака — Алексея, тогда и у императора, как у рыбака в пословице, «палка родила ум», и он приказал поправить 20 сгнивших судов, проточенных червями, и, обойдя городские стены, дал повеление срыть близлежащие дома по ту сторону стен. Между тем латинский флот, отплыв из Эпидамна к Коркире, оттуда направился к Константинополю. Западные люди давно уже знали, что греческая империя есть не что иное, как голова, больная с перепоя.

б) Никита Акоминат об облике и поведении крестоносцев

Трудно и невозможно было смягчить мольбами или преклонить какими-либо жалобами и умилостивить этот варварский народ, до того раздражительный, до того вспыльчивый решительно при каждом противном слове, что все разжигало его гнев и казалось ему нелепым и смешным. Как попадал в беду тот, кто не удерживал пред ним своего языка, так равным образом часто воины извлекали мечи против того, кто говорил мало или укло-

нялся от того, что им доставляло удовольствие. Поэтому всякий должен был опасаться за свою жизнь: на улицах плач, вопли и стенания; на перекрестках рыдания, во храмах жалобные стоны. Знатные родом бродили опозоренными, почтенные старцы плачущими, богатые — нищими. Так — на площадях; так — в закоулках; так — в открытых общественных местах; так — и в тайных убежищах!

Таким-то образом, говорю, из многого малое передавая на память истории, беззаконничали западные войска против наследия христова, не оказывая решительно никому не малейшего снисхождения, но всех лишая денег и имущества, жилищ и одежд, и совершенно ничего не оставляя тем, кто имел что-нибудь! Вот он, этот народ с медной шеей, надменным выражением лица, поднятыми вверх бровями, всегда бритыми и как бы юношескими ланитами, кровожадной рукой, раздутыми ноздрями, гордым взглядом, ненасытной пастью, бесчувственной душой, обрубленной и быстрой речью, как будто пляшущей в губах, — вот эти ревнители, подъявшие на рамена крест и многократно клявшиеся им и словом божиим проходить христианские страны без кровопролития, не сбиваясь и не уклоняясь ни направо, ни налево, вооружить свои руки против сарацинов и обагрить мечи кровью опустошителей Иерусалима.

...Неприятели проводили время в непотребствах, забавах, притом в забавах преимущественно бесчестных, и в посмеяниях над римскими обычаями. Так, одни расхаживали по улицам, окутавшись в дорогие с широкими обшивками плащи — не ради нужды, но ради смеха, или разъезжая туда и сюда по городу, обвернув сребротканными из тонкого полотна головными покрывалами макушки своих возниц и обвязав лошадиные морды спускаемыми по спине белольняными перевязями. Другие носили писчие тростинки и чернильницы, держа притом в руке книги и осмеивая нас таким образом как грамотеев. Каждый день они пьянствовали и объедались,—одни, пресыщаясь изысканно приготовленными кушаньями, другие — употребляя пищу отцов своих, которую составляли развариваемые в котлах хребты бычачьего мяса; окорока ветчины, приправленные мучнистыми бобами, также — соус из чеснока и состав из других, раздражающих вкус жидкостей. Разделив добычу, они не наблюдали никакого различия между утварью и сосудами обыкновенными и священными, но как те, так и другие одинаково употребляли для своих телесных потреб, без всякого внимания к богу и закону. Равным образом божественные изображения Христа-спасителя и святых его они обращали в сидения и подножные скамейки.

Стоило посмотреть и надобно было в высшей степени удивляться непомерному слепоумию или, точнее сказать, безумию этих отуманенных гордостью людей, когда они начали бросать между собой жребий, кому владеть какими городами и странами. Как будто уже, сделавшись царями царей и имея в своих руках

всю земную поверхность, они, что касается раздела собственно Римской империи, по крайней мере, назначили прежде во все ее пределы чиновников для описи, чтобы сначала узнать годовые доходы разных областей и уже потом разделить их по жребиям, но государства и владения всех других народов и царей разделили между собой немедленно.

в) Никита Акоминат о собственной участи и своей семье

Скажу несколько слов и о самом себе. Многие из моих друзей в тот злополучный день укрылись в моем доме... Главный храм, соседний с моим домом, мог бы служить лучшим убежищем, но неприятель не оставил ни одного места в покое. Не было такой святыни или укрепления, которое было бы в состоянии защитить страдальцев. Куда бы кто ни убежал, его непременно вытаскивали и уводили... Был у меня в то время один близкий домашний человек, родом венецианец, который некогда нашел в моем доме безопасное и готовое убежище для себя и для своей жены со всем имуществом. Он-то и оказался нам в то время весьма полезным. Вооружившись и одевшись в платье наемника, он не допускал грабителей входить в дом, выдавая себя за их товарища, который уже овладел зданием для себя, и разговаривал с ними на своем родном языке. Но так как они начали врываться толпами, особенно франки, которые не походили на других ни характером, ни внешностью, и хвалились тем, что они боятся только одного, как бы не обрушилось на них небо, то венецианец советовал нам удалиться из опасения, чтобы варвары нас не заковали в цепи. Будучи прежде добрым другом и клиентом, а теперь став союзником и защитником, он отвел нас в другое место, где жили знакомые нам венецианцы. Мы вышли в небольшом числе. Венецианец тащил нас за руки, как будто своих пленников. Лица наши были печальны и одежды плохие.

г) Никита Акоминат об осквернении православных святынь и ограблении храма св. Софии

Жители города, передавая себя в руки судьбы, вышли навстречу латинянам с крестами и святыми изображениями Христа, как это делается в торжественных и праздничных случаях. Но и это зрелище не смягчило души латинян, не укротило их мрачного и яростного духа: они не пощадили не только частного имущества, но, обнажив мечи, ограбили святыни господни и звуком труб побуждали коней к нападению. Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди? О ужас! Святые образа бесстыдно потоптаны! О горе! Мощи святых мучеников заброшены в места всякой мерзости!.. Некоторые из них разбивали драгоценные чаши, их украшения прятали за пазуху, а из них пили, как из бокалов... О предтечи антихриста... в те дни, как в древности, Христос был снова раздет

и осмеян... О разграблении главного храма нельзя и слушать равнодушно. Святые налои, затканные драгоценностями и необыкновенной красоты, приводившие в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами вместе с другими великолепными вещами. Когда им было нужно вывезти из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которым были обложены кафедры, амвоны и врата, они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами... Животные, пугаясь блестящего пола, не хотели войти, но они били их, и, таким образом, оскверняли их калом и кровью священный пол храма...

Какая-то женщина, преисполненная греха, рабыня фурий, прислужница дьявола, исчадие ядоносных чар, ругаясь над Христом, воссела на патриаршем троне, а затем, ломаясь, скакала вокруг, распевая грубые песни. После этого нельзя и говорить, что чего-нибудь не делалось, или что-либо было хуже другого: величайшие преступления были совершены всеми и с одинаковой ревностью.

27. ЗАХВАТ И РАЗГРАБЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ПО РАССКАЗУ ЖОФФРУА ВИЛЛАРДУЭНА

В эту ночь не знаю кто, из боязни чтобы греки не напали на нас, поджег квартал, отделяющий нас от греков, и город начал страшно гореть и был охвачен пламенем: и горел всю эту ночь и до вечера следующего дня. Это был третий пожар в Константинополе со времени прибытия франков, и при этом сгорело домов более, чем сколько находится в трех самых больших городах королевства Франции. По прошествии ночи, когда наступило утро следующего дня, во вторник, вся армия, и конные и пешие, вооружились, и каждый занял свое место...

[Далее говорится о бегстве императора из Константинополя и беззащитности города, которым крестоносцы овладели без боя. Вслед за этим рассказывается о захвате императорских дворцов и найденной в них добыче.]

Другие же [кроме тех, кто был занят захватом дворцов] разошлись по городу и собирали добычу; добыча же была так велика, что вам никто не в состоянии был бы определить количество найденного золота, серебра, сосудов, драгоценных камней, бархата, шелковых материй, меховых одежд и прочих предметов.

Но Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, свидетельствует вам по совести и по истине, что в течение многих веков никогда не находили столько добычи в одном городе.

Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно для всех. Таким образом, армия пилигримов и венецианцев разместилась по домам, и все радовались чести и победе, которую даровал им бог и вследствие которой они перешли от бедности к богатству и наслаждениям.

28. ПИСЬМО ПАПЫ ИННОКЕНТИЯ III МАРКИЗУ МОНФЕРРАТСКОМУ

Папа Иннокентий III резко осуждал поход крестоносцев в Византию, отвлекший их от первоначального намерения отвоевать Палестину и Иерусалим. Весть о беспощадном разгроме крестоносцами Константинополя вызвала особое возмущение папы, понимавшего, что подобное насилие над греческим населением и православной церковью вызовет ненависть местных жителей к грабителям-«латинянам» — и помешает осуществлению давней мечты пап о соединении под властью римского первосвященника восточной православной церкви с западной католической церковью.

Вы, не имея никакого права, ни власти над Грецией, безрассудно уклонились от вашего чистого намерения, устремившись не на завоевание Иерусалима, а на завоевание Константинополя, предпочитая земные блага небесным. Но ваша вина гораздо более отягчается тем, что никому не было пощады, ни религиозному сану, ни возрасту, ни полу. И недостаточно вам было исчерпать до дна богатства императора и обирать малых и великих, вы протянули руки к имуществу церквей и, что еще хуже, к святыне их, снося с алтарей серебряные доски, разбивая ризницы, присваивая себе иконы, кресты и реликвии, для того чтобы греческая церковь отказалась возвратиться к повиновению апостольскому престолу, усматривая со стороны латинян лишь изуверства и дела дьявольские, и были бы вправе относиться к ним с отвращением, как к собакам.

29. ИЗВЕСТИЕ НОВГОРОДСКОЙ ЛЕТОПИСИ О ВЗЯТИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ

(Полное собрание русских летописей, т. III, стр. 26 и след., СПБ 1841)

В лето 6712 [1]... И приступиша ко граду априля в 9 день в пяток 5 недели поста, и не успеша [2] ничто же граду; но фряг [3] избиша близ [4] 100 муж. И стояша ту фрязи 3 дни, и в понедельник вербной недели приступиша к граду, солнцу восходящу, противу святому Спасу, зовемый Вертегис, противу Испигасу [5] сташа же и до Влахерны [6]. Приступиша же на 40 кораблях великих; бяху же изременани межи ими, в них же людье на конях, одеты в броне и кони их, иный же корабли их и галеры стояху назади, боящеся зажжения. Якоже и прежде грецы пустили на них 10 кораблев с огнем во фряг, извременивше попутного ветра, на Васильев день, в полночь, и не успеша ничто же фряжским кораблям, весть

---

[1] 1204 г. Летописец ведет летосчисление, согласно библии, «от сотворения мира».

[2] Не успеша — не повредили.

[3] Фряги — венецианцы.

[4] Близ — около, почти.

[5] Название церкви.

[6] Влахерна — район в Константинополе.

бо им дал Исаакович[1], а грекам повелел пустити на корабли на них; тем же и не погореша фрязи. И тако бысть взятие Царяграда великого: и привлек корабль к стене градней ветр, и быша лестницы их большие выше крепостной стены, а меньшие вровень с ней, и били с высоких лестниц на стене греков и варягов[2] каменьем, и стрелами, и копьями, а с нижних на стену слезаша, и тако взяша град — царь же Мюрчюфл[3] крепляше бояры и все люди, хотя тут битву сотворити со фряги, и не послушаша его, побегоша от него все; царь же побеже за ними, и догнал их на конском торгу, и много жаловался на бояры и на все люди. Тогда же царь убежал от града, и патриарх и все бояре; и внидоша во град фрязи все[4], априля в 12 день, на святого Василия Исповедника, в понедельник, и сташа на месте, где стоял царь греческий, у святого Спаса[5], и тут сташа и на ночь. Заутра же, солнцу восходящу, внидоша во святую Софию[6] и одраша двери и рассекоша амвон, окованный серебром, и столпы серебряные 12, и 4 иконостаса, и тябло[7] иссекоша и 12 крестов, иже над алтарем бяху... и преграды алтарные меж столпов, а то все серебряно; и трапезу одраша, драгие камни и велий жемчуг, а саму неведомо куда ее деша; и 40 кубков великих, иже бяху пред алтарем, и паникадила и светильники серебряные, яко не можем числа поведати; с праздничными сосуды похитили служебное[8], евангелья и кресты честные, иконы бесценные все одраша. И под трапезою клад нашли, 40 кадей чистого золота, а на хорах и в ризницах, и в сосудохранилищах неведомо колико злата и серебра, яко нету числа, и бесценных сосуд. Это все об одной Софии сказал, а святую Богородицу влахернскую... и эту одраша; иных же церквей не может человек перечислить, яко без числа...; иные церкви в граде и вне града, и монастыри в граде и вне града пограбиша все, им же не можем числа ни красоты их сказати. Чернецов и черниц, и попов облупиша и неколико их и избиша, греки же и варяги изгнаша из града...

Се же имена воеводами их: 1. Маркос[9] от Рима, в граде Берне[10], где жил поганый злой Дедрик[11].

---

[1] Алексей IV Ангел, византийский император (18 июля 1203 г. — 28 января 1204 г.).

[2] На службе у византийского императора состояла варяжская дружина.

[3] Император Алексей V Дука (Мурзуфл) (1204 г.)

[4] Все крестоносцы, не только венецианцы.

[5] Название церкви.

[6] Храм св. Софии.

[7] Тябло — часть иконостаса.

[8] Предметы богослужения.

[9] Маркос (маркиз) — предводитель четвертого крестового похода маркиз Бонифаций Монферратский.

[10] Следуя немецкому словоупотреблению, летописец называет Берном итальянский город Верону.

[11] Дедрик — Дитрих Бернский, герой средневековых легенд, в образе которого, между прочим, отразилась память об остготском короле Теодорихе.

2. Икондоф Офландр[1], а третий дож слепой, от Маркова острова Венедик[2]. Сего дожа ослепил Мануил царь[3]; мнози бо философы молили царя: «Аще сего дожа отпустиши здрава, а то много зла сотворит твоему царству». Царь же, не хотя его убити, повелел очи ему ослепить стеклом, и были очи у него яко невврежены, но не видяще ничего же. Сей же дож много брань замышляще на град, и все его послушали, и корабли его великие были, с ними же град взяша.

Стояния же фряжеска у Царяграда от декабря[4] до априля, доколь города взяша. А месяца мая в 9 [день] поставиша царя своего латина Кондо Флarенда[5]... И власть между собой разделили: царю град[6], а Маркосу суд, а дожу десятина. И так погибло царство богохранимого Константина града и земля греческая, в столкновении царств, ею же обладают фрязи.

IV. ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

30. ВРЕМЕННЫЙ ЗАХВАТ ИЕРУСАЛИМА ИМПЕРАТОРОМ ФРИДРИХОМ II

(Из «Большой истории Англии» монаха Матвея Парижского)

В этом же самом году [1229], наш господь Иисус Христос спаситель и утешитель рода человеческого, осыпал милостью своих людей. Благодаря молитвам вселенской церкви он возвратил христианам вообще и императору Фридриху в особенности святой город Иерусалим и всю землю, которую господь, сын божий и наш искупитель, освятил своею кровью. Действительно, господь оказал милость своему народу и возвысил смиренных; народы были отомщены, и сарацины разделились вследствие междоусобий. В ту эпоху вавилонский [египетский] султан был до того занят внутренними войнами, что не мог устоять против новых нападений и принужден был заключить с императором перемирие на 10 лет, уступив христианам святую землю без всякого кровопролития.

Около того же времени папа Григорий IX, негодуя на то, что император римский [Фридрих II] отправился в св. Землю, будучи отлученным и мятежным, был крайне недоволен тем, что он желал покаяться и удовлетворить церковь, чтобы войти в ее единение. Потому, видя его упорство и неповиновение, папа решился свергнуть его с императорского престола и возвести на его место другого, который был бы для святого престола сыном мира и по-

---

[1] Икондоф Офландр — граф Балдуин Фландрский.

[2] См. прим. 1 на стр. 332.

[3] Император Мануил I Комнин (1143—1180).

[4] 1203 г.

[5] Как и «Икондоф Офландр» (ср. прим. 1) — граф Балдуин Фландрский, избранный императором Латинской империи.

[6] Константинополь.

слушания. Но так как я не мог навести других справок относительно этого факта, то я помещаю здесь письмо графа Фомы, которому император, отправляясь в поход, поручил управление и защиту империи. Его письмо, писанное и отправленное императору в Сирию, было доставлено мне пилигримом.

«Великому государю Фридриху... после вашего отплытия, римский первосвятитель Григорий, открытый враг вашего величества, собрал многочисленную армию, во главе которой поставил Иоанна Бриенского, бывшего короля Иерусалимского. Он вступил с оружием в руках на вашу землю и землю ваших вассалов и в противность закону христианскому решился победить нас вещественным мечом, не имея возможности, как того желал, поразить нас мечом духовным... Иоанн и другие вожди предают огню здания и деревни, обращают все в добычу, уводят стада, всячески мучат своих пленных и вынуждают их вносить за себя выкуп. Они не различают полов. Кто находится вне церкви или кладбища, делается их жертвою.

Если кто-нибудь заговорит об императоре, то Иоанн Бриенский замечает, что кроме него нет другого императора. Ваши друзья, пресветлейший император, приходят в ужас от всего этого и особенно духовенство вашей страны, которое спрашивает, по какому праву и с какою совестью римский святитель действует подобным образом и идет войной на христиан... Позаботьтесь, император, я вас умоляю, о собственной безопасности, ибо ваш враг занял все гавани по морю и снабдил их вооруженными людьми, чтобы, в случае вашего возвращения, захватить вас и посадить в темницу. Да сохранит вас от того бог!

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Введение

Теме «Средневековый город» в хрестоматии уделено большое внимание, обусловленное той значительной ролью, которую средневековые города сыграли в хозяйственном, политическом и культурном развитии Европы.

Историческую роль городов в процессе формирования централизованных национальных государств отметил Энгельс: «Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов; далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника»[1].

Ограбление и подчинение буржуазии феодально-абсолютистской монархией относится к позднейшей эпохе, когда, в условиях разложения феодализма и развития капиталистических отношений, созданались предпосылки буржуазной революции.

Для всей предшествующей средневековой эпохи в полной мере сохраняет свое значение отмеченный Энгельсом союз королевской власти как представительницы порядка в беспорядке, как представительницы образующейся нации со всеми революционными элементами, которые образовывались под поверхностью феодализма и тяготели к королевской власти. Этими оценками Энгельса подчеркнута глубоко прогрессивная роль средневековых горожан, способствовавших преодолению феодального сепаратизма, установлению широких торговых связей и образованию крупных централизованных национальных государств.

Указывая на дальнейшую великую прогрессивную роль горожан как новой общественной силы, Энгельс в той же статье говорит, что: «...горожане стали классом, который воплотил в себе дальнейшее развитие производства и обмена..., просвещения, социальные и политические учреждения»[2].

Именно эта передовая роль городов в феодальном обществе и обязывает нас изучить средневековые города очень внимательно.

Весь документальный материал группируется в семи подразделах:

1. Возникновение городов.
2. Борьба городов с феодалами.
3. Городское управление и городские вольности.
4. Городской патрициат и борьба с ним городского населения.
5. Торговля.
6. Цеховое ремесло.
7. Городской быт.

Под каждой из приведенных тематических рубрик объединены соответствующие документы, общее количество которых (35 документов) слишком велико для того, чтобы учитель мог им всем уделить одинаковое внимание. Следует заранее признать, что в рассказе учителя, знакомящего свой класс с основными особенностями средневекового города, с его хозяйственной, по-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

[2] Там же, стр. 441.

литической и культурной жизнью, может найти свое отражение лишь небольшая часть того богатого фактического материала, который содержат документы.

Весь остальной документальный материал, не находящий отражения в устном повествовании учителя, может быть с успехом использован для самостоятельной работы учащихся, так как десятки конкретных процессов и фактов в документах могут стать основой содержательных и интересных работ учащихся: кратких, тематически строго очерченных сообщений в классе и гораздо более полных внеклассных докладов.

Соответственно этому представляется возможным в рассказе учителя сосредоточить преимущественное внимание на подразделах: втором (борьба городов с феодалами), пятом (торговля) и шестом (цеховое ремесло), уделив остальным подразделам меньше времени и ограничиваясь лишь обобщением всей группы документов, составляющих подраздел.

Так, приступая к рассказу, учитель может лишь бегло коснуться возникновения города, указав общие причины, вызвавшие к жизни средневековые города. При этом уместно вспомнить слова Маркса, отмечавшего, что города «...не перешли в средневековье в готовом виде из прошлой истории, а образовались заново освободившимися крепостными...»[1]

Поясняя эту мысль Маркса, следует сказать, что город мог выделиться из аграрного окружения и стать средоточием ремесленников и торговцев лишь благодаря постепенному развитию производительных сил, которое привело к отделению ремесла от сельского хозяйства, то-есть к появлению кузнецов, плотников, оружейников, бродячих торговцев-коробейников и т. д.

Документы 1—5 показывают, как происходило сосредоточение ремесленного и торгового населения там, где этому способствовали благоприятные условия,—удобные пути сообщения и безопасность, обеспеченная могущественным сеньером. Учреждение рынков и покровительство первым поселенцам, засвидетельствованные этими документами, показывают, что сами феодалы учитывали те выгоды, которые им сулит возникновение городов на их территории.

Более подробно следует осветить борьбу городов с феодалами.

Документы 7—9 рисуют ту тревожную обстановку, в которой протекала деятельность первых купцов, находившихся под постоянной угрозой нападений. Не прибегая к чтению документов в классе, учитель может кратко изложить их содержание. При этом будет вполне уместно рассказать о феодальных заставах, дорожных и мостовых пошлинах и о разбойничьем «призовом праве», гласившем: «что с возу упало, то пропало», делавшем феодала собственником груза, упавшего на дорогу при поломке телеги или выброшенного на берег при крушении корабля. Документ 9 как раз и говорит об отмене «берегового права», представлявшего лишь разновидность призового права. Содержание этих документов показывает, что первым купцам и ремесленникам не оставалось ничего другого, как искать защиты под покровительством сеньера.

Особенное значение имеет героическая борьба за «коммуны», то-есть за самоуправление, за превращение феодальных городов в вольные города средневековья.

Однако значение борьбы за коммуну будет лучше всего уяснено, если ее изложению предпослать краткое обобщение документа 12, представляющего древнейшее право Страсбурга тех времен, когда в XII столетии он еще являлся феодальным городом, подвластным епископу и управляемым епископской администрацией. В этом памятнике обращает на себя внимание обеспечение городу мира и безопасности от лица его сеньера; последний дает «инвеституру», то-есть вручает полномочия должностным лицам, которым он поручает руководство отдельными отраслями городского управления. Покровительство и защиту сеньера городское население возмещает барщиной и рядом услуг, которые сеньеру оказывают ремесленники в соответствии со своей специальностью. Параграфы: 93, 102, 103, 105 и 108 показывают, что повинно-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 41.

сти городских ремесленников в те времена строились так же, как и повинности зависимого деревенского населения. Данным документом полезно не только иллюстрировать подчинение феодального города своему сеньеру, но и, основываясь на нем, разъяснить учащимся, что подчинение города сеньеру на различных стадиях играло разную роль: первоначально опека властного и сильного сеньера представляла непременное условие, без которого не мог существовать зарождающийся город, неспособный самостоятельно защитить достояние своих немногочисленных жителей. В дальнейшем разросшийся и ставший более богатым город должен был неизбежно усматривать бремя в сеньериальной власти, в повинностях и поборах, устранения которых город домогался тем настойчивее, чем в большей мере он мог положиться на собственные силы и свое возросшее богатство.

Отсюда и возникал тот антагонизм между городом и сеньером, о котором свидетельствует начало повествования Гвиберта Ножанского о Ланской коммуне (*документ 6).*

В своем рассказе учитель сумеет использовать материал документа 6, развернув перед учащимися яркую картину борьбы горожан Лана со своим сеньером — епископом Годри. Красочные эпизоды этой борьбы позволят учащимся запомнить и все необходимые выводы, относящиеся к созданию политически независимых городов.

Подраздел «Городское управление и городские вольности», а также подраздел «Господство патрициата и борьба с ним» могут быть кратко обобщены; следует лишь указать, что провозглашение «коммуны», освободившей город от подчинения сеньеру, отнюдь не знаменовало установления подлинной демократии. Энгельс по поводу провозглашения «коммуны» иронически замечает: *«Осел Мартен* (французский буржуазный историк. — *А. Э.) уже видит в этом свободу, равенство и братство 1789 года!»*[1] Учитель покажет, как власть оказалась захваченной господствующими фамилиями патрициата, как в связи с этим труженики города, организованные в цехи, оказались вынужденными добиваться преобразования городского самоуправления и предоставления мест в правящем городском совете цеховым представителям. Смысл так называемого «цехового переворота», открывающего доступ к власти цеховому люду, отображен в *документе 16.*

Особо следует отметить *документ 13,* формулирующий знаменательное правило: «городской воздух делает свободным». Городская независимость превращала город в очаг свободы, куда неизбежно устремлялись тысячи крепостных крестьян, искавших в бегстве и в приобщении к городскому населению спасения от постылого феодального ига. Именно эта многотысячная масса энергичных, вольнолюбивых людей наводняет города, делает их более многолюдными и богатыми. Говоря об этом принципиально важном явлении, учитель может сослаться на суждение Энгельса: «Из средневековых крепостных образовалось мещанское население первых городов...»[2]

Стремление города защитить бывшего крепостного от его прежнего господина отображено в документе 11, § 32, содержание которого полезно использовать в рассказе учителя.

Документы 17—19 посвящены торговле. Их следует связать с ранее упоминавшимися документами 7—9, изображающими ту общую обстановку, на фоне которой начиналось развитие межгородской торговли. *Документ 17* представляет собой грамоту герцога Австрии и Штирии, берущего под свое покровительство купцов города Регенсбурга. Разумеется, нет необходимости зачитывать этот громоздкий документ в классе. Достаточно будет указать на готовность герцога создать условия, благоприятствующие деятельности регенсбургских купцов. Купцам обеспечиваются уменьшенные пошлины (§§ 1 и 17), их ограждают от грубого произвола должностных лиц герцога (§ 2).

Чрезвычайно характерным представляется стремление ликвидировать варварскую грубость нравов, являвшуюся препятствием к мирному повсед-

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т X, стр. 294.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 484.

невному общению людей, которых все теснее и теснее связывали торговые и производственные интересы. Посвященные этому §§ 5 и 6 можно прочитать в классе, так как они, несомненно, внесут оживление. Весьма интересно и то, что, благоприятствуя расширению торговли и созданию миролюбивой обстановки, герцог стремится защитить горожанина-купца от необоснованных обвинений, доверяя клятве этого купца (§§ 9 и 17). Следует отметить и заинтересованность в прибытии торговых людей из Руси (§ 23).

Документ 18 позволяет разъяснить роль «гостей», то-есть пришлых, иногородних купцов, появление которых в Аугсбурге способствовало притоку новых товаров. В данном случае уместно, обобщая слишком многословный документ, подчеркнуть две тенденции: с одной стороны, город заинтересован в привлечении «гостей» и стремится им содействовать, с другой стороны, тот же город ставит этих «гостей» в менее благоприятные условия, чем граждан данного города. Проявление первой тенденции выражается в обеспечении «гостю» умеренной, выгодной для него пошлины (§ 1), в ограждении этого «гостя» от самоуправства бюргера, даже в том случае, если «гость» явно допустил недобросовестность (§ 10). Под рубрикой «каковы права бюргеров» мы встречаем данные, говорящие о значительном масштабе торговли, о доставке из-за Альп грузов большого веса (§ 1).

Вместе с тем настойчиво проводится разграничение между «гостями» и бюргерами. Уделом первых должна была оставаться оптовая торговля, тогда как считавшаяся наиболее прибыльной розничная торговля являлась привилегией одних лишь бюргеров (§§ 4 и 5), которым город таким путем создавал преимущество, нарушаемое лишь в дни ярмарочного торга, когда всякий получал право продавать и покупать любые товары в неограниченном количестве. Тот же принцип закрепляет право торговли тканями «на локоть» (то-есть в розницу) за еще более узким кругом местных жителей, то-есть за теми, кто имеет лавки и в качестве владельцев лавок несет особые городские подати (§§ 8, 10 и 11). Точно так же и продажа мелкого галантерейного товара прочно закрепляется за особой корпорацией «крамарей» (§ 12).

Уже в этих, на первый взгляд несущественных, положениях находит свое выражение весьма характерная тенденция, которая прослеживается затем и в документах, посвященных ремесленным цехам. Жители средневекового города стремятся закрепить за собой определенный источник дохода, желая, по возможности, отстранить иногородних. Те же средневековые горожане, подразделяясь на более узкие корпорации купцов, крамарей, стараются стать монопольными обладателями того или иного дохода, к которому имеют доступ лишь члены данной корпорации, ревниво оберегающие свои исключительные права. Сделав этот обобщающий вывод, учитель имеет возможность в своем последующем рассказе связать этот вывод с данными, рисующими цеховый строй.

Корпоративную солидарность средневековых горожан отображает весьма колоритный *документ 19* о купеческой гильдии. Уже § 1 показывает, что весь коллектив гильдии, то-есть местного купеческого объединения, стоит за каждого отдельного купца, и гильдия не может допустить, чтобы кто-либо из ее членов, находясь на чужбине, был обижен или обездолен. Гильдейский купец может вмешаться в торговую сделку и перехватить товар у «негильдейского» купца, который к этому товару уже приценился и собирался его купить (§ 2). Учитель может изложить этот документ собственными словами и прочесть несколько занимательных выдержек из последующих параграфов о гильдейской пирушке. Комментируя их, учитель может подчеркнуть, что подобные пирушки представляли собой важную и устойчивую бытовую традицию. Товарищескими коллективными пирушками вскладчину гильдейская корпорация стремилась не только отметить очередной праздник, но и закрепить солидарность, содружество своих членов. В связи с этим в документе делаются настойчивые предупреждения о недопустимости враждебных выпадов по отношению к гильдейскому собрату-собутыльнику. Характерно и стремление к независимости, готовность гильдейских сотоварищей подчиняться не судье, а лишь своим выборным деканам («десятским», от латинского слова «декада» — десятка).

Подраздел VI «Цеховое ремесло» является чрезвычайно важным. Общее значение средневекового цеха и его происхождение обрисовал Маркс: «Необходимость объединиться против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города беглых крепостных, феодальный строй всей страны — все это породило *цехи*»[1].

Учителю следует продумать это определение, которое облегчит ему рассказ о цехе. Приступая к такому рассказу, полезно сразу же предупредить, что средневековый цех не имеет ничего общего с современным промышленным цехом как частью завода, что в отличие от нынешнего цеха, объединяющего под одной кровлей десятки рабочих, цех средневековый являлся лишь союзом мелких разрозненных производителей, каждый из которых, по выражению Маркса, был так же связан со своими средствами производства, как улитка связана со своей раковиной... Поэтому использованию документов полезно предпослать рассказ о том, как средневековые мастера трудились в своих тесных каморках-мастерских, как, пользуясь собственным ручным инструментом или примитивным ткацким станком, они ухитрялись производить добротные изделия, представлявшие результат длительной работы ремесленника. Можно указать, что мастерам удавалось иногда создавать изумительные произведения ювелирного искусства, музыкальные инструменты, сложные часовые механизмы и т. д. Сказав о том, что мастеру помогали подмастерья и ученики, можно сразу же заинтересовать учащихся участью и ролью мальчика-ученика. О его положении говорят §§ 8, 9, 10, 11, 12, 13, 17 *в документе 20,* которые можно не зачитывать, а пересказать. Зато имеет смысл зачитать в классе весьма конкретный документ 24, рисующий положение мальчика, отданного на 8 лет в обучение золотых дел мастеру.

Говоря о положении подмастерьев, учитель может использовать данные § 51 в документе 20, §§ 40, 41 и 47 в документе 21 и специально посвященные подмастерьям документы 25, 26, 27, 28 и 29. Основываясь на фактических данных этих документов, учитель должен показать, что положение подмастерьев не всегда было одинаковым. Если в более ранний период подмастерье мирился с эксплоатацией мастера-хозяина, надеясь со временем самому «выйти в люди» и стать мастером, обзавестись собственной мастерской и собственными подмастерьями, то в дальнейшем, когда цех стал превращаться в замкнутую корпорацию, проникновение в ряды мастеров оказывалось трудным и зачастую невозможным. Это окостенение цеха, связанное с созданием дополнительных преград на пути к званию мастера, отражает документ 25. Сочетая свои указания с предыдущими, учитель может пояснить, что наплыв молодых крестьян, устремившихся из деревни в город, устрашал мастеров, не желавших, чтобы пришельцы, становясь подмастерьями, затем превращались в мастеров и выступали конкурентами прежних мастеров — старых членов цеха. С превращением подмастерьев в «вечных» подмастерьев неизбежно связано и обострение противоречия между мастерами и подмастерьями, выразившееся в той открытой борьбе, о которой говорят документы 25—29. Особенно важен последний из этих документов, свидетельствующий о забастовке, о товарищеской солидарности подмастерьев одного города по отношению к подмастерьям другого города. Этот документ можно прочитать в классе, так как он, будучи коротким и ясным, свидетельствует о формировании предпролетариата.

Очень важно уяснение общей организации цехового производства. Для этого нет необходимости читать в классе пространные документы, плохо воспринимаемые на слух. Обобщая документальный материал, учитель имеет возможность рассказать о том контроле, который осуществлялся цехом, подчинявшим своему надзору производственную деятельность каждого из своих членов. Цех ограничивает количество производимых мастером изделий. Об этом говорят §§ 3, 5, 6, 7 и 8 документа 20 и §§ 15, 24, 45 документа 21. Он ограничивает время работы (§ 47 документа 20 и § 31 документа 21), он

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14—15.

регламентирует точнейшими указаниями качество цеховых изделий. Об этом свидетельствуют §§ 23, 24, 31, 32 документа 20 и §§ 1, 12, 13, 14, 20, 29, 30 и 35 документа 21.

Если на первоначальном этапе суровый надзор цеха за работой отдельного мастера способствовал развитию ремесленной техники, то в дальнейшем мелочная опека над отдельным производителем стала сковывать производственную инициативу и препятствовать развитию техники. Учителю будет нетрудно объяснить, что регламентация качества и количества изделий вызывалась опасением, как бы отдельный мастер не привлек лишних заказчиков и покупателей и этим не причинил ущерба своим собратьям по цеху.

Глубоко реакционный смысл этих тенденций с полной очевидностью обнаруживает *документ 23*, который весьма уместно зачитать целиком. Изобретателя заставляют покинуть город, так как его изобретение помешает «кормиться ремеслом», которое, по мнению цеховых заправил, призвано обеспечить одинаковый доход всем цеховым производителям. В данном случае выступает та же тенденция, которая отчасти проявлялась и в гильдейской организации. «Мелкобуржуазная уравниловка» господствует здесь в ее неприкрытом виде, задерживая и подавляя смелую новаторскую мысль изобретателя и тормозя дальнейшее развитие производительных сил оковами цеховых правил, которые лишь впоследствии были разбиты победоносным развитием капиталистической мануфактуры.

Документ 35 бросает свет на чрезвычайно важную сторону жизни города позднего средневековья. Из года в год возраставшая армия обездоленных и обнищавших горожан вызывала беспокойство городских властей, которые издавали постановления, разрешавшие задачу призрения бедных таким образом, что ставили их в зависимость от правящей бюргерской верхушки. Городской совет стремится взять на учет каждого собирающего подаяние и разрешает сбор милостыни лишь зарегистрированным лицам, которые с момента внесения их имени в официальные списки нищих, становятся опекаемыми и поднадзорными людьми. В документе идет речь о людях, вполне трудоспособных, являющихся одновременно и ремесленниками, и нищими. Жены этих людей собирают милостыню ежедневно, т. е. именно в те будние дни, когда их мужья заняты трудом, заведомо не возмещающим скромные издержки семьи. И если обнищавшие ремесленники упорно стремятся сохранить роль независимых производителей, то, в противовес этому, городской совет осуждает тайный сбор милостыни, обязывает всех собирать ее на видном месте у церкви. Он категорически предписывает, чтобы те, кто вынужден посылать жен и детей за ежедневным подаянием, раз в неделю, в воскресенье, самолично становились у церкви и тем самым, публично признав себя нищими, превращались в людей поднадзорных, подведомственных полицейскому наблюдению особых уполномоченных.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV (Немецкая идеология); т. XIV (Анти-Дюринг); т. XV (Развитие социализма от утопии к науке); т. XVI, ч. I (О разложении феодализма и развитии буржуазии); Капитал, т. III, гл. 20, 36, 47; «Архив Маркса и Энгельса»; т. X, стр. 279—300.

* * *

Документы 6, 10 и 11 переведены М. В. Бердоносовым, документы 18, 30, 31 и 35—А. Д. Эпштейном; документы 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28 взяты из сборника «Немецкий город», изданного под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович. Остальные документы взяты из книги «Средневековье в его памятниках» под ред. Д. Н. Егорова и из сборника «Социальная история средневековья», т. II, под ред. Удальцова и Косминского. Введение к отделу написано А. Д. Эпштейном.

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДА БРЮГГЕ (862 г.)

После этого для нужд и потребностей обитателей замка начали стекаться к воротам его моста торговцы или продавцы более ценных вещей, затем лавочники, затем содержатели постоялых дворов для подкормления и приюта тех, кто вел торговые дела в присутствии государя, который часто бывал там же; стали строить дома и устраивать гостиницы, где помещались те, кто не мог обитать внутри замка; и вошло у них в обычай говорить «идем к мосту»; здесь поселение настолько разрослось, что вскоре образовался большой город, который по сию пору в просторечье носит имя моста, ведь на их наречии Брюгге значит «мост».

2. РЫНОК В ГАЛЬБЕРШТАДТЕ (989 г.)

...Оттон, божиею споспешествующею милостию король... Возлюбленному и верному нашему Хильдиварту, церкви Гальберштадтской досточтимому епископу... жалуем... чтобы он у себя, в Гальберштадте, отныне держал рынок и чеканил монету, и пользовался пошлинами и банном, и таковыми правами и доходами с означенного рынка, с монеты, с пошлин и с банна пусть владеют и пользуются отныне и сам он, и его преемники, подобно остальным городам — Магдебургу и другим, которым подобные права уступлены и пожалованы были согласно указам предшественников наших, то-есть императоров и королей.

3. ОСНОВАНИЕ РЫНКА В СТЕНДАЛЕ (около 1151 г.)

Альберт, божиею споспешествующею милостию маркграф бранденбургский. Да ведомо будет, что я... в подвластной мне области, которая зовется Бальсамарланд, учредил рынок для разных торговых дел в собственной моей деревне, которая зовется Стендаль, так как до сего времени соответствующего рынка в области той не было.

4. НАСИЛЬСТВЕННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ РЫНКА (XII в.)

...Герцог [Генрих Лев] обратился к графу: «Уже давно нам доносили, что город наш Бардевик терпит великое умаление вследствие рынка в Любеке, оттого, что все купцы перекочевывают туда. Жалуются также и люнебургские жители на то, что солеварня наша пришла в упадок из-за солеварни, которую вы стали держать в Ольдесло. Посему мы требуем, чтобы вы предоставили нам город ваш Любек и солеварни исполу, чтобы нам легче было переносить разорение нашего города. Иначе мы рас-

порядимся, чтобы в Любеке вовсе не торговали. Ибо для нас недопустимо из-за чужих удобств терпеть разорение наследия отцов наших». Когда же граф отказал в этом, считая подобное соглашение для себя невозможным, герцог распорядился, чтобы в Любеке впредь вовсе не было рынка и чтобы нельзя было ничего ни покупать, ни продавать, кроме съестных припасов. А товары велел везти в Бардевик для поднятия своего города. Одновременно с этим велел забросить соляные источники, находившиеся в Ольдесло.

5. ОСНОВАНИЕ ГАМБУРГА (1189 г.)

...Мы Адольф, божиею милостию граф [Голштинии],... объявляем всем..., что Вирад Бойценбургский получил от нас на наследственном праве город Гамбург, лежащий по реке Альстер, а также и пригородную землю до половины реки Альстер для свободного заселения по праву рынка, чтобы он вместе со своими засельщиками, которых он туда приведет, устроил гавань, годную для посещения разными людьми из окрестных земель.

А чтобы это место охотно посещалось, мы жалуем участки под свободное заселение по Любекскому праву, а также прилегающее озеро и остров на Альстере, а также пастбище и леса в совместное пользование с местным крестьянством.

Сверх того, мы желаем, чтобы эти засельщики (coloni) были свободны от всякой пошлины во всех бургах, местечках и городах или каких-либо иных местах, принадлежащих к державе нашей.

А относительно суда так: где бы кто ни прегрешил, он отвечает по праву Любекскому.

Кроме того, все судебные доходы наши мы предоставляем на три года жителям этого бурга, за исключением случаев, грозящих руке или голове. А по прошествии трех лет все, что промыслит себе судом вышеупомянутый Вирад или его преемник, пойдет ему за исключением дел, грозящих руке и голове, с чего он станет получать третью часть.

Кроме того, всякий ценз за городские участки мы навеки прощаем вышеуказанным жителям.

Дважды в году будет у них рынок [ярмарка], именно в Успеньев день и на св. Вита, сверх торга, который будет совершаться еженедельно в день, о котором последует наш указ.

Относительно всего этого мы даем грамоту Вираду и его засельщикам, дабы в будущем все вышесказанное не забывалось и не нарушалось, а также торжественно обещаем взять на себя половинные издержки при исходатайствовании другой грамоты от господина нашего императора.

II. БОРЬБА ГОРОЖАН С ФЕОДАЛАМИ

6. ОБРАЗОВАНИЕ ЛАНСКОЙ КОММУНЫ И БОРЬБА ЗА НЕЕ ГОРОЖАН В НАЧАЛЕ XII в.

(Cuiberti de Novigento. De vita sua — Migne. Patrologia. Series latina, t. 156, p. 921 sqq.)

Глава VII. По прошествии некоторого времени с тех пор, как епископ отправился в Англию попросить денег у английского короля, которому некогда служил и был с ним в дружеских отношениях, Готье архидиакон и Гвидон[1] завели кое-какие переговоры с сеньерами города. В городе этом с давних пор настолько вырос дух вражды, что ни у кого в нем не было боязни ни перед небесным, ни перед земными владыками, но по мере возможности и по усмотрению любого из горожан грабежи и убийства держали в трепете весь город. Начну с такого вредоносного обычая: когда королю случалось прибыть в Лан, он, которому надлежало требовать со всей царственной внушительностью почтения к себе, терпел постыдные притеснения прежде всего в том, что принадлежало ему по праву. Хорошо еще, что, избив конюхов, не угоняли силой его коней во время утреннего или вечернего водопоя. Даже с клириками обращались со столь великим пренебрежением, что не щадили ни их самих, ни их имущества, и было так, как сказано у пророка Исаии: «От судьбы народа не уйдет и священнослужитель». Что же остается мне сказать о простом народе? Любому поселянину, входившему в город, любому из подъезжавших к нему в одиночку, а не под внушительной охраной каравана путников, грозило заточение в целях понуждения к выкупу или привлечение к суду под любым предлогом, без всякого действительного основания.

В качестве примера приведем один случай... По прибытии на субботний рынок в Лан сельского люда из разных деревень горожане стали носить по рынку образцы продажного гороха, пшеницы и других продуктов в чашках, на блюдцах и всяким другим способом. Когда было предложено купить эти продукты одному из спрашивавших их поселян и тот выразил согласие купить их за установленную цену, продавец сказал: «Иди за мной в мой дом, чтобы там осмотреть остальное количество продаваемого мною продукта и взять осмотренное». Тот последовал за ним; при подходе поселянина к ларю, добросовестный продавец приподнял крышку ларя и, придерживая ее, обратился к поселянину со словами: «Просунь голову и руки по локоть в ларь, чтобы убедиться, что все содержание ларя не отличается от того образца, который я тебе предложил на рынке». Когда же покупатель, перевесившись животом через край ларя, просу-

[1] Управлявшие Ланской епархией во время отсутствия епископа.

нул внутрь его голову и плечи, находившийся за спиной его добрый продавец приподнял за ноги не подозревавшего ловушки человека, неожиданно втолкнул его в ларь и, захлопнув над ним крышку, держал его в целости и сохранности вплоть до того, как он выкупился из своего заточения. Такие и тому подобные дела происходили в городе. Грабежи и даже разбой совершались открыто феодалами и их слугами. Ночью никому из прохожих не была обеспечена безопасность; прохожим оставалось только или разбегаться, или же быть захваченными в плен, а не то и быть убитыми. Духовенство с архидиаконами во главе и светская знать, принимая в соображение все это и вымогая всяческими способами деньги у горожан, дают последним понять через посредников, что если они заплатят приличную сумму, то получат возможность образовать коммуну. А это новое и весьма дурное слово «коммуна» означает, что все крепостные должны выплачивать своим господам раз в год обычные крепостные повинности, а за свои противозаконные поступки должны платить установленный штраф. От несения же прочих повинностей и оброков, которые обычно налагаются на сервов, они совершенно освобождаются. Пользуясь случаем выкупиться на волю, горожане заплатили груды серебра, чтобы насытить жадность стольких корыстолюбцев. Последние, повеселев от столь обильно излившегося на них потока серебра, скрепили клятвой свое обещание горожанам соблюдать верность этому заключенному с ними договору.

После того как духовенство, светская знать и горожане заключили между собой это соглашение о взаимной поддержке, вернулся от англичан с огромной суммой денег епископ; сильно разгневанный на виновников этого новшества, он некоторое время не вступал в город... Однако в то время как он говорил о своем крайнем негодовании против тех, кто заключил между собой клятвенное соглашение, и против зачинщиков этого, предложенная ему куча золота и серебра сразу же успокоила пыл его речей. Он принес присягу, что будет соблюдать права коммуны, подобные тем, что были установлены и записаны в городах Нуайоне и Сен-Кантене. Также и король, склоненный щедрыми дарами городского населения, согласился клятвенно подтвердить эти же самые права. Бог мой, кто был бы в состоянии рассказать, какая загорелась борьба, когда после принятия от горожан даров и клятвы в соблюдении прав коммуны стали нарушать эти права, стараясь вернуть в прежнее состояние сервов, раз навсегда избавленных от тягостей ярма неволи. Действительно, неутолимой завистью к горожанам охвачены были епископ и сеньеры. Пастырь духовный, раз ему не удавалось искоренить французскую свободу по нормандскому или английскому способу, томился ненасытной жадностью, забывая о долге своего служения. Если кто из сторонников городской свободы привлекался к суду, то бывал осужден не по божеским зако-

нам, а по судейскому произволу, и у него отнимали все его имущество вплоть до последней нитки...

Итак, в конце великого поста, на страстной неделе, пригласив к себе сеньеров и некоторых клириков, епископ решил приступить к осуществлению своего замысла об уничтожении коммуны, беречь которую он поклялся сам и дарами склонил к тому же короля. Он пригласил короля к божественным службам страстной недели, и накануне дня Параскевы, то-есть в день тайной вечери[1], он внушил королю и всей его свите мысль о нарушении данной клятвы, из-за которой он первым попал в затруднительное положение. И как раз в тот день, когда епископ должен был совершать с особой торжественностью архиерейскую службу, а именно: освящать миро и отпускать народу грехи, его не видели даже, чтобы он входил в церковь. А он в это время придумывал вместе с королевскими приближенными способы воздействия на короля, чтобы тот, уничтожив коммуну, сократил права города до их прежних размеров. Но горожане, боясь уничтожения коммуны, обещали королю и приближенным к нему людям 400 ливров (а может быть, и более, в точности не знаю). Со своей стороны, епископ склоняет сеньеров к тому, чтобы они вместе с ним поговорили с королем и пообещали ему вместе 700 ливров... Жадность короля заставила его склониться на сторону тех, кто обещал больше; с его соизволения вопреки заповедям божиим все его клятвы, как и клятвы епископа и сеньеров, без всякого зазрения совести и уважения к святым дням страстной недели объявляются лишенными силы. В эту ночь король, имевший ночлег не у епископа, вследствие брожения среди городского люда, вызванного его несправедливейшим поступком, побоялся спать вне епископского дворца. Когда король рано утром уехал, епископ заверил сеньеров, чтобы они не беспокоились о принятом обязательстве уплатить такую большую сумму денег и чтобы они знали, что, по принятому ими обязательству заплатит он, епископ. «А если я не выполню данного вам обещания, — промолвил он, — препроводите меня в королевскую тюрьму до выкупа».

Упразднение договоров, создавших Ланскую коммуну, привело сердца горожан в такую ярость и смятение, что все должностные лица прекратили исполнение своих обязанностей, закрылись лавочки башмачников и сапожников, трактирщики и харчевники не выставляли напоказ никакой продажной снеди, так как из них никто не надеялся, чтобы ищущие наживы сеньеры им что-либо оставили. И действительно, епископ и сеньеры тотчас же принялись за оценку имущества каждого из горожан и требовали, чтобы сколько кто давал, как это было известно, на учреждение коммуны, столько же дал бы и для ее уничто-

[1] День Параскевы — страстная пятница; день тайной вечери — страстной четверг.

жения. Все это творилось в день Параскевы, то-есть в день приготовления к пасхе, и в великую субботу: души верующих готовились к принятию тела и крови христовой в эти дни одними лишь убийствами, одними лишь клятвопреступлениями. Чего же больше? Епископ и сеньеры в течение всех этих дней только и думали о том, чтобы обобрать до нитки людей низшего класса. В свою очередь эти последние, охваченные, мало сказать, гневом, а прямо яростью дикого зверя, составили скрепленный взаимной клятвой заговор, обрекавший на смерть насильственным способом епископа и его единомышленников. Всего заговорщиков, как говорят, было 40. Этот их замысел не мог остаться скрытым. А именно: весть о нем дошла до сведения магистра Ансельма к вечеру великой субботы, и он предупредил отходившего ко сну епископа, чтобы тот не ходил к пасхальной заутрене: ведь если он пойдет, то будет убит; но епископ, безрассудный выше всякой меры, воскликнул: «Фу, чтобы я погиб от таких людей!» Однако, относясь к ним на словах с таким презрением, он не рискнул встать к заутрене и пойти в церковь. На следующий день он отдал распоряжение своим домашним слугам и нескольким рыцарям нести за ним спрятанное под их одеждами оружие, когда он будет следовать за своим клиром в церковной процессии. Во время прохождения этой процессии, когда начался было обычный при скоплении толпы переполох, один из горожан счел это за начало задуманной заговорщиками резни и, выйдя из засады, стал вопить громким голосом: «Коммуна, коммуна!», как бы скликая этим народ. Так как был праздничный день, начавшиеся беспорядки были легко подавлены, но тем не менее они заставили насторожиться противников коммуны. Поэтому епископ, окончив служение обедни, вызвал из епископских сел многочисленные отряды крестьян, укрепил башни собора и предписал принять меры к охране епископского подворья; в то же время он скрепя сердце сознавал, что и эти люди не менее враждебны ему, ибо они знали, что груды денег, обещанных епископом королю, будут извлечены из их кошельков.

По существующему в Лане обычаю, духовенство на второй день пасхи идет в процессии к монастырю св. Винцента. Горожане, поняв, что накануне их замыслы были предупреждены, решили привести их в исполнение в этот день и осуществили бы свое намерение, если бы узнали заранее, что все сеньеры находятся с епископом. В самом деле, они обрели в предместье города одного из этих сеньеров, ни в чем неповинного человека, совсем недавно взявшего замуж мою кузину, молоденькую девушку, очень скромную от природы. Но они воздержались от нападения на него, чтобы другие сеньеры не насторожились еще более. Так как наступил уже третий день пасхи, епископ, почувствовав себя в бо́льшей безопасности, отпустил домой людей, которых он выставил для своей охраны на соборных башнях и

на епископском подворье, заставляя их при этом питаться на свой счет. На четвертый день пасхи, так как мои хлебные запасы, а также несколько окороков, благодаря вызванному епископом возмущению, оказались расхищенными, я отправился к нему. В ответ на мои слова о том, чтобы он избавил город от такой бурной сумятицы, он сказал: «А что, думаете вы, они могут сделать своими волнениями? Если мой негр Жан вздумал бы потянуть за нос самого главного из них, так тот не осмелился бы даже заворчать на него. Я заставил их вчера отречься на все время моей жизни от того, что они называли своей коммуной». Высказавшись и видя угрюмое настроение моего собеседника, я воздержался от дальнейших разговоров. Все же, прежде чем удалиться из города, мы сильно рассорились друг с другом из-за его легкомыслия. Многие предупреждали его об угрожающей ему опасности, но он ни на чьи слова не обращал внимания.

Глава VIII. На следующий день, а именно в пятый день пасхи, когда после полудня епископ с архидиаконом Готье обсуждали вопрос о сборе денег с горожан, вдруг по городу раздался шум и крики: «Коммуна!» Многочисленные отряды горожан, вооруженных мечами, обоюдоострыми секирами, луками, топорами, дубинами и копьями, через храм присноблаженной девы Марии проникли на епископское подворье. При первом же известии об этом натиске горожан сеньеры, давшие клятву епископу оказать ему помощь, если он будет в ней нуждаться при нападении на него, стали стекаться к нему со всех сторон. Среди спешивших на помощь кастелян Гинимар, человек благородный, почтенный, благообразный, незапятнанной добродетели, пробежал через церковь с одним лишь щитом и копьем и, едва переступив порог епископского дворца, получил от некоего Рэнбера, его давнишнего кума, удар в затылок обоюдоострой секирой и пал первой жертвой. Вслед за тем Ренье, о котором я говорил выше, женатый на моей кузине, тоже спешивший в епископский дворец, был пронзен сзади ударом копья в тот самый момент, когда он, держась за выступ епископской капеллы, хотел проникнуть в нее, и остался на месте бездыханным трупом, нижняя половина которого вскоре сгорела при пожаре епископского дворца. Виконт Адон, горячий на словах, а еще горячее сердцем, будучи в одиночестве, не мог побороть стольких противников, тем не менее, настигнутый на пути в епископский дом массой вооруженных горожан, он так упорно оборонялся копьем и мечом, что в один миг положил к своим ногам троих из напиравших на него. Затем он взобрался на обеденный стол в епископском подворье, и, будучи ранен, помимо прочих ран, покрывавших его тело и ноги, он и на коленях продолжал сражаться, нанося направо и налево удары нападавшим на него, пока, наконец, стрела одного из горожан не пронзила его истомленное тело, превращенное вскоре в пепел пожаром, истребившим дома епископского подворья.

В дальнейшем дерзкая толпа повела атаку на епископа, производя при этом страшный шум и перед стенами епископского дворца; епископ с несколькими оказывавшими ему помощь людьми по возможности отражал атаку, осыпая камнями и стрелами нападавших. И в данном случае, как и раньше, он проявлял величайший боевой пыл. Но так как он неподобающим ему образом и совершенно зря взялся за светский меч, то и погиб от этого меча. Не будучи в силах, в конце концов, отразить отчаянные атаки городского народа, он, переодевшись в платье одного из своих слуг, бежал в подвал под церковью и укрылся в небольшом помещении, наполненном винными бочками, вход в которое завалил один верный ему слуга. Годри считал себя в надежном убежище. Горожане сновали туда и сюда, ища, где он мог бы быть, и вслух называли его не епископом, а мошенником; они схватили одного из прислуживавших ему мальчиков, но не могли поколебать верности этого слуги и выпытать у него то, что им хотелось. Тогда они достали другого епископского слугу и по знаку этого вероломного человека догадались, где нужно искать епископа. Войдя тогда в подвал и всюду обыскав его, наконец, нашли епископа следующим образом.

Был некий злодей Тейдего из крепостных монастыря св. Винцента, давнишний служащий и приказчик сеньера Энгерана де Куси, наблюдавший за сбором дорожных пошлин у моста, по имени Сурд. Он неоднократно захватывал небольшие караваны путников и, отняв у них все их имущество, сбрасывал их в реку и топил, чтобы они никогда не смогли протестовать против его действий. Один бог знает, сколько раз он это проделывал. Никто не в состоянии в точности определить неисчислимое количество совершенных им ограблений и разбойных нападений; я сказал бы, что вся гнусность его души явно отражалась в чертах его отвратительного лица. Попав в немилость к Энгерану, он всецело перешел на сторону коммуны в Лане. Как раньше он никогда не щадил ни монаха, ни клирика, ни иностранца, ни пола, ни возраста, так теперь он оказался в состоянии убить епископа. Глава и зачинщик этого преступного начинания, питавший к епископу в сравнении с другими более лютую ненависть, всеми силами старался выследить убежище епископа.

Когда при поисках горожанами епископа в каждой из бочек Тейдего остановился перед той, в которой спрятался Годри, искавшие вышибли дно у этой бочки и стали настойчиво разузнавать, кто в ней находится. И когда епископа чуть не ударили палкой, он с трудом раскрыл помертвевшие от страха уста и проговорил: «Здесь пленник». Епископ имел обыкновение называть Тейдего в насмешку за сходство его с волком Изегрином,— так имеют обыкновение называть волка некоторые; поэтому злодей сказал епископу: «А, так это сеньер

Изегрин залег здесь». И вот епископа, хотя и грешника, но все же помазанника божия, вытаскивают за волосы из бочки, осыпают множеством ударов и выводят его наружу в узкий переулочек у ворот подворья, перед домом капеллана Годефруа. Несмотря на то, что Годри весьма жалобно умолял о милосердии, высказывал желание поклясться горожанам в том, что он никогда впредь не будет их епископом, что он заплатит им колоссальные деньги и покинет родную страну, все в ответ с ожесточением наносили ему оскорбления, а один, по имени Бернар и по прозвищу Де-Брюер, подняв обоюдоострую секиру, свирепо раскроил череп этому грешному человеку, но все же святителю. Епископ, подхваченный на руки, прежде чем упал на землю, получил от второго горожанина удар поперек лица, пониже глаз, по переносью, и пал мертвым. Прикончив его, перебили у него голени и нанесли множество ран. А Тайдего, видя кольцо на пальце того, кто при жизни был епископом, и не будучи в состоянии легко его сорвать, отрубил мечом палец умершего и схватил кольцо. Затем обобранный догола труп Годри был брошен в закоулок перед домом его капеллана. Бог мой, кто бы выявил в точности, сколько слышалось насмешливых слов от прохожих по адресу распростертого на земле трупа Годри, сколько комков земли, сколько камней и пыли было накидано на труп!

Глава X. Так как не было почти никого, кто прошел бы мимо лежащего на земле трупа епископа, не бросив в него грязью и не осыпав его ругательствами, а о погребении его никто и не помышлял, магистр Ансельм, который накануне в момент восстания укрылся в безопасном месте, на другой день обратился к виновникам этой трагедии с просьбой, чтобы они разрешили похоронить Годри хотя бы только потому, что он носил имя и сан епископа; те согласились на это с большим трудом. И тело епископа, лежавшее обнаженным на земле, как какая-нибудь собачья падаль, с вечера пятого дня пасхи до трех часов следующего дня, по распоряжению магистра было, наконец, подобрано, обряжено в саван и перенесено в монастырскую церковь св. Винцента. Нет возможности пересказать, сколько угроз и ругательств вытерпели те, кто взялся похоронить епископа, нет возможности рассказать, сколько оскорбительных выражений было брошено по адресу самого умершего. По перенесении тела епископа в церковь не было совершено никакой погребальной службы, подобающей, не скажу епископу, а всякому христианину. Могила для его погребения была вырыта наполовину; его тело было так сдавлено короткими досками гроба, что чуть не лопнули грудь и живот трупа. Погребальщики епископа были дурно настроены против покойного, как я говорил уже об этом, а присутствовавшие горожане определенно побуждали их к тому, чтобы они возможно гнуснее обращались с жалким трупом. В день погребения монахи св. Винцента не справляли в своей

церкви никаких божественных служб. Но что я говорю про этот день? Ведь в течение ряда дней эти монахи, трепеща за целость укрывшихся в монастыре беглецов, опасались также и за собственную жизнь. Достопочтенный и премудрый архиепископ[1] во время обедни произнес проповедь на тему об этих достойных проклятия коммунах, в которых вопреки божеским и человеческим законам сервы силою освобождаются от законной власти своих господ. «Рабы, — говорит апостол, — с трепетом повинуйтесь своим господам»[2]. А чтобы сервы не ссылались на жестокость и жадность господ, пусть выслушают еще следующие слова апостола: «Подчиняйтесь не только добрым и кротким, но и суровым»[3]. По церковным канонам[4] подвергается анафеме всякий, кто под видом благочестия стал бы внушать рабам не подчиняться своим господам или убегать от них кудалибо, а тем более противиться им силою. А отсюда имеется основание к тому, чтобы принимать в ряды клира, в духовные ордена, в ряды монашества людей, свободных от крепостной зависимости, случайно же принятые сервы никоим образом не удерживаются в духовном звании вопреки воле требующих их к себе обратно господ.

7. ОГРАБЛЕНИЕ КУПЦОВ ФЕОДАЛАМИ (1076 г.)

Я, Ландрик Толстый... неких купцов из Лангра, когда они шли через мою землю, захватил [в плен] и товары у них отобрал, но по увещанию епископа Лангрского и старцев Клюнийских лишь часть [товаров] удержал, остальное же означенным купцам возвратил... и заключил с ними условие, чтобы впредь платили мне ежегодную дань и по земле моей свободно ходили. А этот грех породил и другой грех, именно: со всех проходящих по земле моей по торговым делам или [просто] на богомолье стал взыскиваться побор, в простонародье называемый пошлиной...

8. ДОНЕСЕНИЕ ГРАФА ОБ ОГРАБЛЕНИИ КУПЦА (1149 г.).

Сугерию, божией милостью аббату Сен-Дени, любезнейшему другу, от Тьебо, графа Блуа, привет и любовь. Хочу известить вас, что Рено де Куртнэ нанес великую поруху королю и вам, блюстителю земли его, ибо он захватил и ограбил государственных купцов, которые платили уже в Орлеане, и в Сане внесли

---

[1] То-есть Рауль, епископ Реймский, который прибыл в Лан после подавления восстания для восстановления там церковной организации, расстроенной событиями восстания.

[2] Из 1-го послания ап. Петра.

[3] Там же.

[4] Здесь имеется в виду один из канонов, то-есть постановлений, поместного собора IV в. в малоазийском городе Ганграх.

все пошлины королевской земли. А посему прошу вас, чтобы от королевского и вашего имени вы повелели ему освободить государевых купцов и вернуть им их имущество. Если же он этого не сделает и если вы пожелаете наказать его за это и пойти на него войной, повелите мне, и я помогу вам покарать его.

9. ОТМЕНА «БЕРЕГОВОГО ПРАВА» (8 сентября 1308 г.)

§ 2. Сверх того было прибавлено, что если люди или купцы королевства Норвежского потерпят кораблекрушение,—дай бог, чтобы этого не случилось, — в графстве Фландрском или, наоборот, люди графства Фландрского — в пределах королевства Норвежского, то им пусть будет предоставлено эти потерпевшие крушение или повреждение корабли со всем их имуществом мирно и свободно, самолично или с помощью других чинить, подбирать и владеть ими, пока они сами не станут считать все это за брошенное, бальи же, который в данное время окажется тут или там, где и когда случится произойти кораблекрушению, должен верно защищать и охранять от набегов со стороны беспокойных и грабителей и самих потерпевших крушение и их разбитые суда, и отдельные предметы из их имущества, иначе он да подвергнется наказанию сообразно размеру проступка или нерадения.

III. ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОРОДСКИЕ ВОЛЬНОСТИ

10. ИЗ ХАРТИИ ГОРОДА СЕНТ-ОМЕРА (1127 г.)

(Giry, Histoire de la ville de Saint-Omer, 1877, pp. 371—375)

Я, Вильгельм, божиею милостию граф Фландрии, не желая противиться ходатайству горожан Сент-Омера..., предоставляю им на вечные времена и повелеваю, чтобы оставались неизменными нижеписанные права и обычаи:

1. Чтобы я обеспечил им мир по отношению кого бы то ни было; чтобы я поддерживал их и защищал, как моих людей, без всякой задней мысли и чтобы я допустил надлежащий суд эшевенов между ними и любым человеком, не исключая и меня самого, а для самих эшевенов чтобы я установил ту свободу, какой в лучшей степени обладают эшевены на моей земле.

2. Если кто из горожан Сент-Омера даст в долг кому-либо свои деньги и тот, кому они одолжены, добровольно изъявивши согласие перед надлежащими людьми, наследственными обитателями того же города..., не заплатят денег в установленный срок, то подлежат задержанию или сам, или его имущество, пока не вернет всего долга; если бы он не захотел платить или отрицал существование подобного соглашения и был бы в этом уличен

свидетельством двух эшевенов, он подлежит задержанию, пока не уплатит долга.

3. Если против кого-нибудь из горожан будет возбуждено кем-либо дело о нарушении христианского закона, пусть он не уходит из города Сент-Омера в другие места искать правосудия, но пусть ищет его в этом же городе перед епископом или его архидиаконом.

4. Я жалую им свободу, какой они обладали во времена моих предшественников. А именно, чтобы сент-омерцы ни в коем случае не выступали в поход за пределы своего города, за исключением того случая, когда вражеское войско сделает нападение на территорию Фландрии; тогда они должны будут защищать меня и мою землю. Всех, кто входит в их гильдию и имеет отношение к ней, проживая в стенах города, я освобождаю от пошлины в порту Диксмюде и Гревелинген и по всей Фландрской земле и изъемлю их из-под действия берегового права [1]. А в Бапоме устанавливаю для них такую же пошлину, какую платят аррасские горожане.

5. Кто бы из них ни отправился в пределы империи [2] по своим торговым делам, не должен понуждаться никем из моих людей к уплате ганзы.

7. На всех рынках Фландрии, если кто заявит на них жалобу, пусть они судятся судом эшевенов по любой жалобе, без судебного поединка; и в дальнейшем пусть будут свободны от поединка.

8. Всех, кто живет и впредь будет жить в стенах Сент-Омера, я делаю свободными от подушного оброка и от платежей фогту.

9. Кроме того, они просили короля Франции и Рауля Вермандуа [3], чтобы всюду в их землях, куда бы ни пришли сент-омерцы, они были бы свободны от всякого рода рыночных, транзитных и подорожных пошлин.

10. Я предписываю, чтобы коммуна их, которую они создали на присяге, продолжала существовать и дальше, и никому не позволю распустить ее, а также жалую им всякие права и правосудие по лучшим образцам того, как обстоит дело в моей земле, то-есть во Фландрии.

17. Если какой-нибудь чужестранец нападет на кого-либо из горожан Сент-Омера, нанесет ему оскорбление, или причинит обиду, или же насильственным образом отнимет у него его имущество, ...сами горожане сообща покарают его за обиду их собрата; и если при осуществлении этой кары будет разрушен или сожжен дом или кто-либо будет ранен или убит, совершивший это возмездие отнюдь не будет рисковать в данном случае ни своей жизнью, ни имуществом, и не навлечет на себя этим моей немилости...

[1] То-есть права владельца присваивать все, выброшенное морем на его землю.

[2] То-есть Священной Римской империи.

[3] Один из крупных баронов Франции.

Сохранять данную коммуну и соблюдать вышеуказанные обычаи и соглашения дали заверение и обещание с клятвенным подтверждением этого: Людовик, король франков[1], Вильгельм, граф Фландрии [далее следуют 23 подписи феодалов]. Утверждена эта привилегия и клятвенно скреплена графом Вильгельмом и вышеназванными баронами в год от рождества христова 1127, 14 апреля.

11. ИЗ ХАРТИИ ГОРОДА СЕНТ-ОМЕРА (1168 г.)

(Giry, Histoire de la ville de Saint-Omer, 1877, pp. 387—392)

19. Убийца человека в городе Сент-Омер, схваченный и уличенный в этом преступлении, нигде не спасется от кары.

20. Если кто в пределах города ранит оружием человека и будет уличен свидетелями, пусть заплатит 10 ливров: треть раненому, треть кастеляну и треть коммуне на укрепление города.

24. Кто в пределах заповедной мили ранит человека оружием и будет уличен в этом двумя свидетелями, даст 100 су. Если же убьет, то даст 10 ливров: 100 су кастеляну и 100 су коммуне на укрепление города.

26. Установлен также мир для всякого приходящего на рынок купца, то-есть чтобы он по прибытии на рынок был в безопасности со своими товарами и был в безопасности на обратном пути. Этот мир не распространяется на тех, кто мог бы быть обвинен или в ростовщичестве, или иной наживе за счет горожан. А если кто приведет в смятение кого-либо на пути на рынок или с рынка, или отнимет его товары, или самого возьмет в плен и будет уличен двумя свидетелями, должен возместить владельцу стоимость причиненного ему ущерба и сверх того пусть уплатит 10 ливров, как выше писано.

32. Если крепостной какого-либо сеньера станет горожанином, его нельзя будет схватить в городе, и если какой-либо сеньер захотел бы взять его к себе в качестве собственного крепостного, то пусть приведет его ближайших наследников, его дядей и теток по матери для разбора этого дела; если же этого не сделает, должен отпустить его на волю.

36. Кроме того, устанавливаю крепчайший мир для всех как едущих из города, так и возвращающихся в него, какой бы банн ни пришлось для этого пустить в ход. И если кто нарушит этот мир каким-либо образом, будет вынужден подчиниться тому самому закону, который установлен для нарушителей мира внутри города. Однако мы делаем изъятие из этого закона для мэров и присяжных, на обязанности которых лежит собрать людей и сорганизовать их, когда они выступают против врагов. А кто,

---

[1] То-есть французский король Людовик VI Толстый, сюзерен фландрского графа.

услышав сигнал, провозглашающий банн коммуны, не присоединился бы к другим согражданам, не имея на то разрешения прокуратора или двух присяжных, заплатит 6 су.

37. Постановлено также и клятвенно подтверждено присяжными города, что горожане ни в чем не поступятся своими правами ни в пользу сеньера, ни родственника, ни друга, ни из расположения, ни из страха.

38. В случае, если какой-нибудь чужестранец пожелал бы получить право сент-омерского гражданства, с соизволения на то коммуны уплатит 20 су.

39. Если бы было совершено в городе или предместье тяжкое нарушение мира, ответственность за это возлагаю не на коммуну, а на виновника злодеяния, и притом лишь в меру содеянного им.

40. Если же я привлеку к ответу горожан за нарушение моих прав, пусть мое дело с ними будет решено на основании настоящего письменного документа и судом их эшевенов и присяжных.

А для того, чтобы коммуна, свобода и вышеуказанные установления, предоставленные и уступленные в их распоряжение мною и отцом моим, оставались навеки твердыми и нерушимыми, я скрепил настоящий лист моим честным словом и приложением моей печати. То же самое подтвердили под присягой нижеупомянутые...

12. СТРАСБУРГ. ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО (конец XII в.)

1. По образу других городов основан Страсбург с такою льготою, чтобы всякий человек, как чужой, так и местный уроженец, всегда и ото всех пользовался в нем миром.

2. Кто совершил преступление вне города и из страха наказания убежал в него, пусть пребывает безопасно. Никто самоуправно да не посягнет на него, он же послушно и с готовностью предстанет перед судом.

3. Никто да не приносит в город добычу или награбленное и да не осмелится хранить там, если он не готов ответствовать перед всяческим истцом.

5. Все должностные лица сего города ходят под властью епископа, так что назначает их либо он сам, либо те, кого он поставит; старшие определяют младших, как если бы они были подчинены им.

6. А епископ не должен давать общественной должности иначе как лицам из мира местной церкви.

7. Четырех должностных лиц, на которых лежит управление городом, епископ инвестирует своею властью, а именно: шультгейса, бургграфа, мытника и начальника монеты.

8 Шультгейс вправе иметь в своем распоряжении двух помощников, которых обычно зовут судьями, людей настолько

почтенных, чтобы горожане могли, не роняя своего достоинства, стоять на суде перед ними.

11. Власть же понуждать и наказывать преступников, именуемую банн, он получает не от епископа, а от его фогта. Ибо власть, направленную к пролитию крови при повешении, отрублении головы, изувечении и т. п., не может иметь духовное лицо, не может ее и передавать. А посему, после того как епископ назначит фогта, император дает ему банн, то-есть право наказания мечом...

44. На обязанности бургграфа лежит назначение начальников почти всех ремесел в городе, а именно: седельников, кожевников, перчаточников, башмачников, кузнецов, мельников и тех, которые приготовляют винные бочки и кружки, и тех, которые выделывают мечи, и тех, которые продают яблоки, и шинкарей. И все они подсудны ему, если в чем-либо погрешат в своем ремесле.

80. Кто повредит городские стены или вал, платит бургграфу штраф в 40 солидов.

81. Кто застроит улицу, уплатит тот же штраф бургграфу. Он никому не должен давать разрешения.

82. Никто не должен вываливать навоз или отбросы перед своим домом, если только он не желает немедленно вывезти его, за исключением предназначенных для сего мест.

83. Городской внешний ров должен иметь ширину в 60 футов, а внутренний у стены — 30 футов.

86. Никто не должен держать в городе свиней, если не поручает их пастуху.

93. Отдельные горожане обязаны также отбывать ежегодно пятидневную барщину, за исключением монетчиков, которые принадлежат к епископским людям, и за исключением двенадцати из кожевников, за исключением всех седельников, четырех перчаточников, четырех из булочников и восьми из сапожников, всех кузнецов и плотников, мясников и изготовляющих винные бочки.

102. Среди кожевников двенадцать человек обязаны за счет епископа приготовлять кожи и шкурки, сколько понадобится епископу. Необходимый на это материал старшина кожевников закупает на деньги епископа в Майнце или Кельне, прихватив с собой для этой цели сколько нужно человек из упомянутых двенадцати. Если дорогой они потерпят какой-либо ущерб в имуществе или вследствие плена, — возмещает епископ.

103. Обязанность кузнецов состоит в следующем: когда епископ отправится в императорский поход, каждый кузнец даст по четыре подковы со своими гвоздями; из них бургграф даст епископу подковы на 24 коней, остальное удержит себе.

104. Когда епископ отправляется к [королевскому] двору, каждый даст по две подковы со своими гвоздями, из них бургграф дает епископу на 12 коней, остальное удерживает себе.

105. Кроме того, кузнецы обязаны делать все, что понадо-

бится епископу в его дворце, а именно по части дверей, окон и разных вещей, которые делаются из железа; при этом дается им материал и отпускается продовольствие на все время.

106. Если епископ осадит какой-нибудь замок или осажден будет один из его замков, они дадут триста стрел. Если епископу понадобится больше, ему отпустят в достаточном количестве из его материала и за его счет.

107. Замки и цепи, необходимые для замыкания городских ворот, они обязаны сделать из отпущенного городом материала и за счет города.

108. Среди сапожников восемь человек обязаны давать епископу, при его отправлении ко двору в поход государев, чехлы для подсвечников, тазов и посудин. Все остальное, что понадобится для вышеуказанного или [при поездках] для осады замков, как-то: мешки и коробья или какие-либо иные вещи, должны быть изготовлены из черной кожи, причем издержки относятся за счет епископа.

13. ГОРОДСКОЙ ВОЗДУХ ДЕЛАЕТ СВОБОДНЫМ

(Из городского права, дарованного императором Фридрихом II городу Гослару 13 июля 1219 г.)

1. Если кто-либо проживал в городе Госларе и при жизни своей никем не был уличен в рабском состоянии, то после смерти его никто да не посмеет называть его рабом или низводить в рабское состояние.

2. Если же какой-либо чужак пришел жить в названный город и так оставался там в течение года и дня, причем ни разу ему не ставили на вид рабского состояния, не уличили его в этом, и сам он в этом не признавался, то пусть он пользуется общею с другими гражданами свободою; и после смерти его никто да не посмеет объявлять его своим рабом.

(Бремен. Право городской черты — указ 28 ноября 1186 г.)

Фридрих, божиею споспешествующею милостию император... Ценя честную и постоянную преданность горожан города Бремена и желая по заслугам воздать за их верность, мы уступаем им и утверждаем за городом Бременом те права, которые блаженной памяти император Карл по настоятельной просьбе св. Виллегада, первого святителя церкви Бременской, уступил этому городу, а именно:

1. Если какой-либо мужчина или женщина пробудет беспрепятственно в городе Бремене в пределах того, что в просторечье называется Weichbild [городская черта], в течение года и дня и если кто-либо после этого вздумает оспаривать его свободу, то, наложив молчание на жалобщика, пусть будет предоставлено тому доказать свою свободу ссылкой на вышеуказанный срок; изымаются все люди Бременской церкви и всех церквей, примыкающих к ней по правовому своему положению.

IV. ГОРОДСКИЕ ПАТРИЦИИ. БОРЬБА С НИМИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

14. ИЗ БОМАНУАРА.

Мы видим немало городов, где бедные и средние люди не имеют участия в управлении, но все оно у богатых, потому что люди коммуны боятся их или вследствие их богатства, или вследствие их родства. Случается, что одни из них, пробыв год мэром, присяжным или казначеем, на следующий год делают таковыми своих братьев, племянников или других близких родственников, так что в продолжение десяти или двенадцати лет у богатых все управление в добрых городах. Когда же люди коммуны хотят от них отчета, они прикрываются указанием, что они-де отчитались одни перед другими; но в таких случаях этого нельзя терпеть, ибо в делах коммуны отчеты не должны приниматься теми, которые сами должны отчитываться.

Итак, подобный отчет должен сдаваться в присутствии сеньера города или лица, им присланного, и в присутствии некоторых лиц, выбранных коммуной для выслушивания таких отчетов и обсуждения оных, если что нужно. И когда сдаются такие отчеты, надо сперва отчитаться тем, которые были казначеями, а затем узнать, что сталось с поступлениями. А если они в чем-либо не смогут дать доброго отчета, должно их принудить к немедленному возмещению, взяв их самих и наложив запрет на их имущество...

15. РАСПРАВА ПАТРИЦИЕВ С ТКАЧАМИ В КЕЛЬНЕ (XIV в.)

Господа со своим знаменем и с братством ходили по улицам и хватали ткачей силой; но они нашли немногих: ткачи обратились в кротов и залегли под землей. На другой день городские власти проследовали с братствами и городским знаменем вверх по Проточной улице с трубами и флейтами, и за ними следовало много благонамеренных людей, и где только они могли схватить ткачей, они убивали их тут же на улице. Они отыскивали их и в их домах, в церквах и монастырях; они не щадили никого, ни старого, ни малого. Зазвонили в колокол у св. Марии. Тогда началось бегство: все, кто мог бежать, бежал.

Гнали жен и детей ткачей из города вон, и дума взяла себе их наследие, дом и двор и все их достояние; и так поступили в особенности с теми, кто имел большую силу и богатство и повел себя так грубо с думой. Большая часть вожаков, которые подняли восстание и были виноваты, бежала через ворота и очистила город и дома свои.

16. ВТОРАЯ ЦЕХОВАЯ ГРАМОТА АУГСБУРГА
(1368 г., 16 декабря)

(«Chroniken der deutschen Städte» hrsg. von K. Hegel)

Рассказ «Аугсбургской хроники»

Мы, советники, которые в данное время состоят членами совета, и все бюргеры города Аугсбурга, богатые и бедные, сообща[1] открыто возвещаем этой грамотой в напоминание нам самим и нашим потомкам, что, как мы выяснили, во всех городах Священной Римской империи, где имеется цеховое правление, существуют и множатся честь и доброе содружество, мир и правый суд.

А потому все мы сообща..., единодушно и по доброй воле, богатые и бедные, с божьей помощью также учредили цеховое правление, во славу Священной Римской империи, а нам, нашему городу и нашим потомкам на пользу. Мы имели при этом также в виду большое обложение и ту взаимную вражду, в которую мы впали и еще можем впасть. Ниже написано, как мы предполагаем наилучшим и наиболее надежным образом с божьей помощью достигнуть того, чтобы полностью удовлетворить Священную Римскую империю и избежать большого обложения и вражды. Прежде всего мы организовали и организуем наш совет так, чтобы придать ему на будущее время наибольшую мощь и силу. Из 18 цехов, объединяющих ремесленников нашей городской общины, каждый должен иметь цехмейстера, входящего в состав совета. Если же цех является большим и почтенным, то он выдвигает еще одного представителя, который вместе с цехмейстером входит в совет, так что от такого цеха в совет должны входить два представителя. Что же касается тех цехов, которые никакого цехмейстера в совете не имеют, то таковые должны подчиниться 18 цехам и связаться с последними. Итак, мы установили, что в совет должны входить от названных 18 цехов 29 человек. Эти 29 человек должны затем выбрать из среды бюргеров[2] 15 почтеннейших и мудрейших людей, которые должны принести присягу и в этот год вместе с ними (то-есть с 29) будут входить в совет. Таким образом, всего в совет должно входить 44 человека. И после этого вышеназванные 29 цехмейстеров и членов совета от цехов должны избрать из своей среды и от бюргеров двух бургомистров: одного от бюргеров и одного от цехов, которых они сочтут наилучшими. Далее, вышеозначенные 29 членов совета от цехов должны из своей

---

[1] Хроникер имеет в виду совещания членов патрицианского Малого совета, вынужденных публично признать новую систему управления городом и в то же время оппозиционно настроенных по отношению к этой новой системе.

[2] Под «бюргерами» цеховая грамота, повидимому, подразумевает патрициев, как группу населения, противопоставляемую «общине», или цехам. Такое толкование дают следующие авторы — Христиан Мейер (автор истории Аугсбурга) и Лексер — комментатор городских хроник.

среды и из бюргеров избрать четырех баумейстеров, двух хранителей печати и шесть податных старшин на весь срок обложения, как это соответствует обычаю. Должно быть известно, что каждый год наш совет, члены совета, бургомистры, баумейстеры и податные старшины обновляются в своем составе. Бургомистр, баумейстер и хранитель печати — ко дню пресвятой девы [2 февраля], а податные старшины — после дня святого Михаила. Половина вышеозначенных 29 цехмейстеров и членов совета от общины, а также 15 членов совета от бюргеров должны выйти из совета, после того как они с помощью жребия [1] разделятся поровну. Каждый цех должен дать новых членов совета взамен тех его представителей, которые уходят, так чтобы общее количество было вновь доведено до 29 в соответствии с тем, как сказано выше. Эти 29 должны выбрать из бюргеров столько [человек], сколько вышло из состава совета, так, чтобы их снова оказалось 15. Новые 29 цехмейстеров и членов совета от общины должны избрать бургомистра, баумейстера, хранителей печати и податных старшин, согласно указанным выше правилам. А те, кто выйдет из состава совета в течение двух последующих лет, не должны входить в совет, даже [в том случае], если бы за ними стали присылать... Каждый цехмейстер, вступающий в совет, должен представить 12 человек из почтеннейших [членов] своего цеха, которые принесут присягу совету. Если нужно иметь Большой совет, то надо по мере надобности привлекать этих 12 (от каждого цеха), и так составится Большой совет. Если цехмейстеры со своими двенадцатью захотят чего-либо добиться от совета или пожелают что-нибудь от него узнать, то они должны, собравшись в ратуше, изложить и выяснить это, прежде чем соберется Большой совет. Если дело окажется настолько значительным, что его нельзя будет разрешить с двенадцатью, то каждый цехмейстер должен созвать весь свой цех и дать ему возможность узнать и разобраться в деле. Ни один крупный вопрос не должен разрешаться в заседаниях двенадцати. Мы определяем данной грамотой во имя укрепления нашей собственной власти, что вышеназванные цехи навеки должны находиться в полном обладании воротами города, ключами и всем, что к ним относится, нашими [городскими] печатями, городской книгой, грамотами, ратушей и помещением под сводами, чтобы оградить и защитить город. Мы полагаем и хотим, чтобы никто, кто бы ни был, не мог без разрешения членов совета от цехов иметь доступ к помещению под сводами, где хранятся печать, книга, грамота, то-есть все, в чем выражена свобода нашего города.

[1] Весь состав совета (29—от представителей цехов и 15—от бюргеров) ежегодно обновляется наполовину, и таким образом каждый член совета пребывает в его составе два года. Однако в 1368 г. весь совет, будучи организован заново, был избран целиком и одновременно; при этом путем жребия были выделены те, кто в том же году подлежал замене, тогда как остальные сохранили свои полномочия еще на год.

Мы установили, что имущество каждого, будь то мужчина или женщина, богатый человек или бедный, облагается соответственно заявлению владельца, независимо от того, собственное ли это имущество или арендованное, движимое или недвижимое, расположенное в черте города или вне ее. Обложение не распространяется на домашнюю утварь, постельные принадлежности, посуду, драгоценности, отрезы материй, запасы провизии на год, двух молочных коров и на фураж для них. Если домом владеют несколько почтенных людей, которые в нем живут, то этот дом, независимо от того, собственный он, арендованный пожизненно или арендованный на неопределенный срок, облагается соответственно размерам прежнего налога.

Если же он [дом] раньше не облагался, то его следует подвергнуть обложению в таком размере, который будет его владельцем признан посильным. Если же владелец имеет один или несколько домов, в которых он сам не живет, то таковой дом или дома облагаются по указанию владельца.

Если мужчина или женщина имеют больше постельных принадлежностей, чем требуется для поддержания чести дома, и пользуются ими, зарабатывая на постояльцах или сдавая постели в наем, то указанные постельные принадлежности также облагаются.

Если кто-либо из жителей Аугсбурга имеет владение, расположенное в черте другого города, и, платя со своего владения налоги другому городу, не желает вносить соответствующие налоги здесь, то город [Аугсбург] не берет на себя защиту указанных владений от каких-либо посягательств на них, возникших из-за войны или по иному поводу.

Вышеназванные 44 человека, которые в данное время являются членами Малого совета или будут ими впредь, имеют право распоряжаться суммами до 5 фунтов пфеннигов и не свыше этого.

Надлежит ежегодно сообщать богатым и бедным, как истрачены поступления с налогов, какие долги числятся за городом и что с божьей помощью причитается получить городу.

Мы объясняем серьезнейшим образом, что впредь ни мы, ни кто-либо иной не должен взимать и платить так называемый унгельд с торгового оборота за исключением того сбора, который будет взиматься не более года со дня святого Петра и Павла с напитков и который предусмотрен в грамоте, данной нам нашим милостивым императором Карлом.

Если кто-либо, богатый или бедный, станет плохо отзываться об этом нашем деле и окажет ему противодействие словом или делом, что будет доказано свидетельством 7 почтенных человек, то следует у виновного, как вредного человека, конфисковать его имущество и навсегда изгнать его из города вместе с его семьей. Мы, богатые или бедные, дали обет перед святыми блюсти твердо и нерушимо все вышеизложенные статьи.

V. ТОРГОВЛЯ

17. ПРАВА РЕГЕНСБУРГСКИХ КУПЦОВ В АВСТРИИ
(9 июля 1192 г.)

Леопольд, божиею милостию герцог Австрии и Штирии... Оценив верность регенсбургских граждан, каковую они многократно оказывали нашей светлости, мы сочли достойным почтить их более остальных, ибо преданность их по сравнению с другими мы столько раз с убедительной очевидностью испытали на деле.

1. И вот, из пошлин, которые уплачивались нам с предметов, ввозимых в нашу землю на продажу или увозимых от нас, мы с обычною щедростью часть сложили с них.

2. А против бесчинства должностных наших лиц мы им [гражданам Регенсбурга] как людям близким даруем постоянное право и впредь незыблемо устанавливаем, что если кто-нибудь из них ранит человека так, что отсюда произойдет поражение членов, в просторечии называемое калечением, то он уплатит судье десять талантов. Если же раненый окажется без указанного членовредительства, то за пролитие крови пусть уплатит судье три таланта.

5. Кто выдерет человеку волосы или ударит кого в зубы, уплатит 3 солида. Если же не сможет заплатить установленных денег, то получит сорок ударов палкой в присутствии судьи.

6. А если кто-нибудь скажет другому оскорбительные слова, уплатит 40 денариев. Если же назовет собачьим сыном или вором, то подвергнется тому же штрафу, какой мы назначили выше за выдирание волос и удар в зубы.

9. Если судья кому-нибудь из них в чем-нибудь предъявит обвинение и не окажется по этому делу обвинителя или жалобщика, то обвиняемый может очиститься единоличной клятвой.

14. Если кто-либо из них одному из граждан продаст какой бы то ни было товар и если покупатель не разглядит того, что покупает, и увезет за пределы города, а потом станет уличать продавца перед судьей в обманной продаже, продавец не ответит за эту продажу. А если по совершении продажи горожанин усмотрит скрытый изъян и гость захочет изъян этот возместить без судьи, то судья после этого уже не будет иметь никакого дела к гостю по этому поводу.

15. Если гость кому-либо из горожан даст подрезанную штуку сукна и покупатель из-за этого привлечет продавца к судье, то если гость единолично поклянется, что он не знал этого, он ровно ничего не заплатит за это судье, а только возместит убыток. Далее, если не захочет поклясться, уплатит полталанта судье да глашатаю двенадцать денариев.

16. Соизволяем также, чтобы они без всякого затруднения покупали золото, кожи и все, что пожелают, за исключением серебра.

17. Также за груз телеги, когда его везут из Кельна в тамошней упаковке, пусть платят три таланта. Если же сборщику покажется, что сукна превышают вышеуказанный груз, то гость единоличной клятвой удостоверит, что лишка нет.

20. А когда они предпочтут со своими повозками отправиться сухим путем, а не на судне, или когда вследствие суровой зимы иначе сделать и нельзя, то прибывающие уплатят с повозки сукна два фунта, а возвращающиеся полфунта.

23. Люди с Руси, в какое бы время они ни шли, пусть платят 2 фунта, а на обратном пути из Руси полфунта; двенадцать денариев они будут платить за вход куда бы то ни было.

18. ИЗ АУГСБУРГСКОЙ КОНСТИТУЦИИ XIII в.

(«Das Stadtbuch von Augsburg» hrsg. von Chr. Meyer, Augsburg, 1872.)

Раздел X. *Каковы права сборщиков пошлин в городе и у мостов*

§ 1. Гость, который пожелает продавать товары здесь, в городе, должен внести пошлину в размере 4 пфеннигов с [каждого] фунта.

§ 2. Если два гостя свершат между собой сделку купли-продажи, то каждый из них должен уплатить пошлину в 4 пфеннига с фунта.

§ 3. Если же гость совместно с одним из бюргеров купит или продаст товар у третьего лица, то сборщик пошлины вправе взимать пошлину со стоимости купленного или проданного товара.

§ 4. Если в город прибудет гость и продаст свой товар за определенное число пфеннигов, а затем купит на вырученные деньги какой-либо другой товар, то сборщик пошлины имеет право взимать пошлину как с купленного, так и с проданного товара.

§ 7. Если гость уступит свой товар в долг и своевременно уведомит об этом сборщика пошлины, то он не повинен уплатить с указанного имущества.

§ 8. Если у кого-либо падет конь или рогатое животное и он принесет его кожу на рынок, — он с нее не платит пошлины.

§ 9. Если гость увезет с собой [невыплаченную] пошлину, следуемую сборщику, и сборщик его схватит, — он должен не взыскивать с него причитающейся пошлины, но должен воспользоваться имуществом гостя по своему усмотрению.

§ 10. Если какой-либо бюргер захватит добро, принадлежащее гостю, на том основании, что тот уклонился от внесения пошлины сборщику, о чем узнает сборщик и сможет это доказать, [виновный] должен возвратить сборщику его пошлину двумя частями[1] и уплатить фогту 5 шиллингов за беззаконие.

§ 11. Да будет ведомо: если бы во всех упомянутых случаях сборщику не удалось получить следуемой ему по праву пошлины

---

[1] То-есть в два срока.

и это превышало бы его силы, — ему обязан помочь фогт и востребовать следуемое по закону.

Раздел XIV. *Каковы права бюргеров в городе и каждого цеха в своем ремесле*

§ 1. Всякий бюргер, доставляющий товары через горы, кому бы он ни стал продавать их — гостю или бюргеру, — обязан взвешивать эти товары на господских весах [принадлежащих сеньеру города], если этих товаров больше, чем на 25 фунтов, и не взвешивать их ни в каком ином месте. И это относится как к покупаемому товару, так и к идущему на продажу. Всякий же товар от 25 до 2 фунтов весом бюргер взвешивает сам, и никто [из посторонних] не принимает в этом участия.

§ 2. Если гость, находясь здесь, имеет товары, подлежащие взвешиванию, как-то: воск, фитиль или свиное сало, то кому бы-то он их ни продавал, он обязан взвесить все на господских весах и ни в каком ином месте.

§ 4. Если бюргер доставит сюда сельди, которые он не сможет продать оптом, он имеет право без разрешения бургграфа распродавать их в своем доме по 50 штук, и не менее этого. Если же сельди сюда доставлены гостем, последний должен продать всю партию целиком, и бургграф не вправе разрешить ему продажу меньшего количества сельдей.

§ 5. Если бюргер доставит сюда смоквы на стеблях, он должен их продать оптом, если сможет. Если же он не сможет этого сделать, то с разрешения бургграфа он может распродать их на рынке, и никто не должен чинить ему помехи. И право бургграфа получить [при этом] восемь стеблей с кипы. Если же гость доставит сюда смоквы на стеблях, он должен распродавать их не иначе, как кипами.

Бюргер, доставивший сюда смоквы на стеблях, распродает их по весу, будь то в лавке, на дому или на рынке.

§ 6. Если бюргер или гость доставит сюда масло, тот и другой могут распродавать его там, где останавились, или на рынке, где пожелают, и никто не должен им чинить помехи.

§ 8. Если бюргер, не держащий ни лавки, ни погреба, доставит материю в город, он не может ее разрезать, а должен отпускать ее целым куском, что обязаны соблюдать он сам, его дети, его слуги и все, кому бы он ее [материю] ни препоручил. И если он ее [материю] отдает оптом, целым куском с необрезанными краями, он не должен при продаже никакой особой пошлины. Если же материю доставит гость и отдаст ее бюргеру, последний будет ему должен не свыше того, что один бюргер бывает должен другому при купле-продаже.

§ 10. Согласно бюргерскому праву, никто, кроме бюргеров, держащих лавки и открытые погреба, не должен торговать материей на локоть, за исключением пасхальной ярмарки, когда и бюргер и гость могут торговать, как сочтут нужным. С первого

понедельника на пасхальной неделе и в продолжение 14 последующих ночей никто не должен мешать [такой торговле].

§ 11. Право, данное продавцам материи, таково, что ни один ткач грубошерстных тканей и никакое другое лицо, занятое выработкой материи, не может продавать материи на локоть, а лишь целым куском, за исключением пасхальной ярмарки, как о том сказано выше. И никакой ткач грубошерстных тканей и никто вообще, ни духовное, ни светское лицо не должно скупать иного сукна, кроме грубошерстного. Если же кто-либо будет уличен в чем-либо, идущем вопреки этому решению, это будет сочтено незаконным и подлежит, согласно закону, наказанию штрафом.

§ 12. Никто, кроме крамарей, не должен продавать в розницу ни поясов, ни перчаток; и они подлежат продаже лишь в лавке или ларьке с крышей. Если случится, что крамарь зайдет в дом к ремесленнику, он может у него купить все, что пожелает, будь то под кровлей или в ином месте. Если бедная женщина или мужчина, выработав пояса, не смогут сдать их в ларек, они могут продать их кому пожелают. Если крамари, прибывшие из сельской местности, зайдут в дом к ремесленнику и пожелают у него что-либо купить, он может им предоставить то, что они пожелают купить, будь то перчатки или пояса.

§ 13. Ни один шляпник не должен вырабатывать шляп из чистой шерсти. Если же он пожелает производить какие-либо иные шляпы, они должны быть сделаны наполовину из шерсти, наполовину из волоса и продаваться в качестве таковых [то-есть полушерстяных]. Тот, кто будет вырабатывать что-либо иное и ему за это принесут [в качестве улики], должен быть оштрафован как за недоброкачественное изделие. Всякий шляпник, приезжающий сюда со шляпами, обязан продать их в лавку оптом. Нарушивший это [постановление] должен фогту 5 шиллингов.

§ 17. Всякий крамарь, который является настоящим крамарем, может выставлять на продажу все, что идет на вес кроме грубой ткани и одноцветных материй. Если кто-либо пожелает стать крамарем, пусть им становится без всякой помехи, и никто его не может и не должен заставлять вести, вопреки его собственному желанию, торговлю с твердой скамьи.

19. КУПЕЧЕСКАЯ ГИЛЬДИЯ

Вот обычаи купеческой гильдии.

1. Если какой-либо купец, пребывающий в нашем городе или в пригороде, не пожелает вступить в нашу гильдию и, отправившись куда-либо, будет прогнан или лишится своего имущества, или будет вызван на поединок, то мы никоим образом за него не заступимся.

2. Если кто-либо из негильдейских приторгует какие-либо съестные припасы или что-либо подобное, и кто-либо из гильдейских вмешается, он и покупает, невзирая на него, то, к чему

другой прицениваλся. Если же кто-либо из гильдейских приторгует какой-либо товар, не относящийся к съестным припасам, стоимостью в 5 больших солидов и выше, а кто-либо другой, тоже из гильдейских, вмешается, то и он, если пожелает, примет участие в этой сделке, и если при этом приторговавший станет отказывать вмешавшемуся в его доле и перед деканом при двух свидетелях из гильдии можно будет установить, что он отказывал ему в его доле, то он заплатит штраф в два солида.

3. С наступлением времени попойки полагается, чтобы деканы уведомили свой капитул в назначенный день принять участие в попойке и предписали, чтобы они мирно явились в девятом часу на свое место и чтобы никто не затевал ссоры, поминая старое или недавнее.

4. Постановлено также, что если кто привезет с собой на попойку кого-нибудь, сына, племянника или слугу своего, то за каждого заплатит 12 денариев; из этого постановления мы исключаем магистров.

5. Если же на попойку явится кто-нибудь не из гильдейских, будет пить тайком и будет накрыт при выпивании, то заплатит 5 больших солидов, либо пусть тут же вступит в гильдию; отсюда исключаем клириков, рыцарей и чужеземных купцов.

8. Если кто ударит кого-нибудь кулаком, или хлебом, или камнем, — к другому оружию не прибегнет, — уплатит две унции.

10. Если кто в гневе на другого вскочит со своего места, уплатит одну унцию.

11. Если кто после звонка будет шуметь или вскочит, уплатит пол-унции.

13. Если кто не явится по первому звону в свой капитул, уплатит 12 денариев, а кто уйдет без дозволения, если только его не принудит болезнь, уплатит 12 денариев.

14. За всякую глупость, словом или делом, и в течение двух дней попойки, следует держать ответ перед деканом, а не перед иным судьей.

15. Постановлено, что на вино и все необходимое для гильдии, расходы покрываются гильдейским имуществом.

16. Во время попойки нашей стражники, открывающие двери горожанам, являющимся на попойку или на капитул, получают каждый одну порцию, каждый из запевал по одной порции за каждые сутки, каждый из стерегущих входную дверь — одну порцию; если кто из гильдейских захворает, что и будет удостоверено соседями, получает по порции в сутки. Если кто будет за пределами своей страны, то жена его за каждые сутки будет получать по порции. Если же он будет на свадьбе, то гильдия никому не обязана выдавать его порцию. А все священники, являющиеся к вечерне, получают каждый по порции в сутки; также и все те, в чьих разных приходах мы состоим прихожанами. Причетник св. Одомара, отзванивающий первый звон, по которому

мы собираемся на наш капитул, и убирающий для нас реликвии, получает по порции в сутки.

А поручителей берут четырех, и пока один из них жив, он и платит один столько, сколько все четверо. А раз должник умер, все поручители свободны.

17. Если кто вступает в гильдию, молодой или старый, должен до внесения в список уплатить два денария писцу, деканам тоже два денария.

18. Деканы же имеют два дня [в неделю] до звона вместе со своим письмоводителем столоваться на общественный счет в палатах гильдголлы, и будет у них тогда вино, если же кто-либо из деканов этого сделать не может, будучи занят своим делом, то каждый из них у себя дома получит от капитула полсекстарий вина; письмоводитель же — одну порцию, промочить утром горло. А в другие дни, которые указаны и распределены сообразно справедливости, каждый декан получает у себя на дому секстарий, а письмоводитель — полсекстария.

Если кто захочет войти в двери с оружием, то стражники должны отбирать оружие, пока он не соберется уходить или пока его друг или какой-либо другой знакомый не засвидетельствует того, что он мирный. По окончании попойки и выплате всех издержек, если что останется, будет отдано на общественную пользу, либо на починку улиц или ворот, или на укрепление города, а затем напоминаем всем [нашим] потомкам во Христе, да пожалеют они бедных и прокаженных.

VI. ЦЕХОВОЕ РЕМЕСЛО

20. СТАТУТЫ ПАРИЖСКИХ ТКАЧЕЙ ШЕРСТИ (XIII в.)

«Книга ремесел» (Livre des metiers), т. 53

1. Никто не может быть в Париже ткачом шерсти, если не купит ремесло у короля. И его продает от имени короля тот, кто купил его у короля, одному дороже, другому дешевле, как ему заблагорассудится.

2. Ни один ткач шерсти и никто другой не должен иметь мастерскую в пределах Парижского округа, если не умеет собственноручно заниматься ремеслом, если он не сын мастера.

3. Каждый парижский ткач шерсти может иметь в своем доме два широких станка и один узкий, а вне дома он не может иметь никакого, если он не хочет иметь его на тех же правах, на которых мог бы иметь его чужак.

5. Каждый ткач шерсти может иметь в своем доме одного из своих братьев и одного из своих племянников, и для каждого из них может иметь в своем доме два широких станка и один узкий с тем, чтобы братья и племянники работали собственноручно, и как только они перестанут работать, мастер не может держать станка. Братья и племянники не обязаны покупать ремесло у ко-

роля, ни нести ночную сторожевую службу, ни платить талью, пока они находятся под опекой своего брата и дяди.

6. Мастер — ткач шерсти — не может из-за сыновей или одного из своих братьев или племянников иметь вышеупомянутые станки вне своего дома.

7. Ни один ткач шерсти не может иметь эти станки ни для кого, кроме сыновей от законной супруги, или своих братьев, или племянников.

8. Каждый ткач шерсти в своем доме может иметь не больше одного ученика, но он не может иметь его меньше, чем на 4 года службы и за 4 парижских ливра, или на 5 лет службы за 60 парижских су или на 6 лет службы за 20 парижских су, или на 7 лет службы без денег.

9. Мастер-ткач может взять ученика на больший срок службы и за большую плату, но за меньшую он его взять не может.

10. Ученик может выкупиться со службы, если угодно мастеру, но лишь в том случае, если он прослужил 4 года. Но мастер не может ни продать его, ни расстаться с ним, если он не прослужил четырех лет.

11. Мастер — ткач шерсти — не может иметь [другого] ученика, пока длятся четыре года, в течение которых ему может служить [первый] ученик, если этот ученик не умер или не отказался от ремесла навсегда.

12. Если ученик убежит от своего мастера по безрассудству или легкомыслию, он должен возвратить мастеру все издержки и убытки, которые тот понес вследствие его вины, с тем, что он может вернуться к ремеслу этого мастера, не у другого, если мастер не хочет его покинуть.

13. Если ученик уйдет от своего мастера по вине мастера, он или его друг должны прийти к старшине ткачей и это перед ним засвидетельствовать; и старшина в течение двух недель должен призвать к себе мастера ученика, сделать ему выговор и сказать, чтобы он достойно содержал ученика, как сына уважаемого человека, одевал и обувал. И если он этого не сделает, ученику подыщут другого мастера.

17. Старшина и двое присяжных или трое, или четверо... должны смотреть, имеет ли мастер достаточно имущества и знания, чтобы взять ученика. И если старшина и присяжные видят, что мастер, который берет ученика, не имеет нужных качеств для того, чтобы держать ученика, они могут взять с него хороший и достаточный залог, который побудил бы его выполнять все сполна по отношению к ученику, чтобы ученик не терял своего времени, а его отец своих денег.

23. Ни один ткач не может ткать в Париже полного сукна, если не одинаково прочны основа и уток, если в полной ширине ткани меньше 1600 ниток и 7 картье ширины и 5 картье в основе, под угрозой вышеупомянутого штрафа.

25 Зак. 1293

24. Чистым сукном называют в Париже сукно, в котором основа и уток одинаковой прочности.

26. Все суконные ткани, какого бы они ни были сорта, должны быть, по крайней мере, 7 картье ширины, под угрозой вышеупомянутого штрафа.

31. Никто при выделке сукна не может класть вместе с настоящею шерстью шерсть ягненка, и если он это сделает, платит 10 су штрафа за каждый кусок: половина идет королю, другая половина старшине и присяжным за их заботу и труды.

32. Все сукна должны быть целиком из шерсти и так же хороши в начале, как и в середине, и если они не таковы, тот, кому они принадлежат, платит за каждый кусок сукна 5 су штрафа, с какого бы они ни были станка; половина идет королю, половина старшине и присяжным за их заботу и труд.

47. [Параграф, приписанный на полях]. Никто из вышеупомянутого цеха не должен начинать работу раньше восхода солнца под угрозой штрафа в 12 денье мастеру и в 6 денье подмастерью, если только не в силу необходимости закончить штуку сукна; в этом случае подмастерье может прийти [раньше времени], но лишь в течение одного дня.

48. Ночная королевская служба ткачей заключается в том, что старшина и ткачи платят 20 парижских су королю каждую ночь, когда они должны нести караул, и 10 парижских су тем, которые его несут как в качестве их жалованья, так и в качестве жалованья страже Малого и Большого мостов; а также в том, что они ставят 60 человек в качестве караульных каждую ночь, когда обязаны нести караул.

49. Старшина цеха ткачей должен созывать ночной караул, и в этом отношении он является королевским служащим и должен это делать хорошо и честно, согласно присяге.

51. Подмастерья-ткачи должны оставлять работу, как только прозвонит первый удар колокола к вечерне, в каком бы приходе они ни работали, но складывать работу они должны после звона к вечерне.

53. Все вышеупомянутые штрафы должны быть уплачиваемы парижскому прево или его подчиненному. И из рук прево или его подчиненного присяжные должны за свои труды получать половину, как выше изложено.

21. ФРАНКФУРТСКИЕ СУКНОДЕЛЫ (XIV—XV вв.)

(B. Schmidt, B, 1, S. 225.)

Устав 1345 г.

Мы, мастера-сукноделы Франкфурта, извещаем господ шеффенов и весь совет о наших правах и обычаях, как мы их сохранили исстари:

1. Никто из членов нашего цеха не должен делать сукон с

каймой, разве только по заказу шеффенов, которые вместе с членами их семей могут носить такие сукна.

3. Мы имеем обыкновение присматривать за нашими чесальщицами и прядильщицами.

5. ...Запрещается пользоваться печатью, прилагаемой к сукну, тем, кто не состоит в нашем цехе и не живет в городе.

6. ...Кто подвергся оговору и не восстановил своей чести, тот не может оставаться в нашем цехе.

9. Исстари у нас в обычае, что мы сами можем принимать все постановления, вызываемые нуждами ремесла, если только данные вопросы не подлежат ведению городского суда или совета.

10. Кульман Зак, Фольмар фон Бибра, Гейне Гольцгеймер и Годфрид фон Дорфельдин прочли вышеприведенные статьи перед шеффенами и всем советом и показали под присягой, что все эти обычаи цех сукноделов перенял от предков.

11. Штрафы и взыскания, которые были у нас установлены и которых мы придерживаемся, перечислены ниже.

12. ...Если будут найдены сукна с каймою или с порезанными местами, или они окажутся сделанными из обрезков и клочков шерсти, или подправленными светлой пряжей, такие сукна должны быть отобраны у мастера, а последний вносит 1 фунт геллеров штрафа.

13. Если кто-нибудь отдаст ткать или отделывать сукно за город, а потом обнаружится, что оно с каймою, то сукно отбирается, а мастер лишается права заниматься ремеслом в течение года; по истечении срока он может просить мастеров наших о снисхождении, но обязан внести 5 марок штрафа.

14. Никто не должен окрашивать в пестрые цвета сукна с каймою. [Последствия те же, что и в 13-й ст.].

15. Такой же штраф уплатит тот, кто работает более чем на двух ткацких станках.

20. Кто продает сукна без свинцовой печати, тот уплачивает нашим мастерам 2 гроша штрафа.

24. Если будет найден у кого-нибудь спрятанный ткацкий станок, с того следует 1 марка.

27. Маклер, берущий вознаграждение не в ярмарочное время или изготовляющий сукно, штрафуется на 1 марку.

28. Мастер, дающий вознаграждение маклеру, который не привел с собой гостя в дом, всякий раз вносит полчетверти вина.

29. Кто делает сукна, должен вырабатывать их длиною в 33 локтя и без каймы; кто сделает сукно длиннее, платит мастерам 1 фунт.

30. Если будет найден меньший по длине кусок сукна, следует штраф в 1 фердунг.

31. Кого застанут ночью за работой, тот платит 1 марку.

34. ...С каждого сукна полагается по геллеру двум мастерам осматривающим сукно с целью суждения о его промывке.

35. Если мастер станет ворсить сукно, а два мастера обнаружат, что оно было плохо промыто, то виновный вносит фердунг штрафа и дает четверть вина в цеховой дом.

36. Кто оскорбит «двух» мастеров словами или действием, тот платит такой же штраф, как и за оскорбление «шестерых»[1] старост цеха.

40. Никто не должен давать ткачу со дня сретения господня, когда освящают свечи, и до дня св. Михаила более 16, а в другое время более 14 геллеров поденной платы; если же он работает сдельно, то ему следует платить 5 шиллингов с куска десятимоткового сукна, если работа все время одинаковая; если же работа меняется, то он и его мастер должны договориться; за девятимотковое сукно уплачивается $5^1/_2$ шиллингов. Кто пообещает дать больше или даст больше, чем выше установлено, тот дает в цеховой дом четверть вина.

41. Ткач, запросивший у наших товарищей-мастеров больше положенного, на 4 недели лишается права заниматься ремеслом, он и жена.

44. Запрещается покупать вайду где-либо, кроме двух гостиных дворов, где ее пробуют и оценивают; штраф — 1 фердунг и четверть вина.

45. Никто не должен, когда покупает вайду, брать больше одной вязки. Штраф — полмарки и четверть вина.

46. Никто из членов нашего цеха не должен продавать вайду негорожанину... Штраф — 1 фунт и четверть вина в цеховой дом.

47. Никто не должен сманивать у другого людей, будь то работник или работница... Штраф — полмарки.

22. ПОСТАНОВЛЕНИЯ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ РАЗМЕРЫ РЕМЕСЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В ЛЮБЕКЕ (XV в.)

Из устава любекских кожевников. 1454 год
(Die ältern Lübecker Zunftrolle, herausgeg. von Wehrmann, S. 314—315)

Мастер имеет право дубить в течение года не больше 415 воловьих шкур, не больше 520 телячьих и не больше 300 козьих; нарушившие это правило уплачивают с каждой шкуры штраф в 3 марки серебром.

Холостяк, только что вступивший в цех, имеет право дубить в течение первого года не больше 3 воловьих и 5 телячьих шкур в неделю и не больше 400 козьих шкур [последнее, повидимому, за весь год][2] если он не женится и в течение ближайшего года,

---

[1] «Четверо» (vierer), «шестеро» (sesser), «двенадцать» (zwölfer), «двое (zwene) — коллегии мастеров, выбираемые в помощь цехмейстерам. Термин «двенадцать» иногда означает все выборные коллегии цеха, вместе собранные.

[2] Козьи шкуры легче дубить, чем воловьи и телячьи. Для этого требуется меньше чанов. Поэтому начинающему мастеру разрешается дубить большее их количество.

го он имеет право дубить 4 воловьих, 5 телячьих шкур в неделю и 400 козьих шкур.

Такое количество кож он имеет право дубить до тех пор, пока не пробудет целый год в законном браке. После этого он получает право работать полным ходом, подобно всякому другому члену цеха...

23. ШЕЛКОПРЯДИЛЬЩИЦЫ (1412—1413)

(Loesch, II, № 650, 418—419)

Да будет известно, что к нам явился Вальтер Кезенгер, предложивший построить колесо для прядения и сучения шелка. Но, посоветовавшись и подумавши со своими друзьями..., совет нашел, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было постановлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии.

24. ДОГОВОР О НАЙМЕ УЧЕНИКА

Договор о найме ученика кельнским золотых дел мастером Айльфом Брувером. 1404 год, 24 января

(Loesch, Kölner Zunfturkunden, II, № 439, S. 221—222)

Я, Иоганн Тойнбург, старый бюргер города Кельна, объявляю всем, что отдаю благопристойному мужу, золотых дел мастеру Айльфу Бруверу, моего законного сына Тениса, изъявившего на это свое согласие, для изучения ремесла золотых дел мастера в Кельне. Тенис обязан верою служить вышеуказанному Айльфу Бруверу 8 лет без перерыва, начиная со дня св. апостола Матвея [с 25 февраля].

...Мастер Айльф обязан кормить моего сына все вышеуказанные 8 лет. Я же, вышеназванный Иоганн, обязываюсь все 8 лет честно одевать его [то-есть соответственно занимаемому им положению]. Если случится, что вышеуказанный Тенис, сын мой, умрет в течение первого года этих восьми лет, то вышеназванный мастер Айльф обязан вернуть мне 8 гульденов из тех 16 гульденов, которые я дал ему теперь вперед. Но если сын мой, тот же Тенис, проживет один день больше первого года, то вышеназванный мастер Айльф не обязан вернуть ни одного геллера ни мне, ни моим наследникам.

Если случится, что я, вышеназванный Тенис, убегу от вышеуказанного Айльфа, моего мастера, и стану самостоятельно заниматься вышеуказанным ремеслом до истечения восьми лет, то я обязан уплатить мастеру Айльфу штраф в 42 гульдена. Для взыскания с меня этой суммы мастер Айльф вправе обратиться

в любой суд, духовный или светский, в Кельне или вне Кельна; я же, Тенис, обязан немедленно удовлетворить Айльфа, как если бы речь шла о признанном долге и товаре, принадлежащем гостю. А сверх того я, Тенис, тем не менее остаюсь связанным договором и обязан прослужить до конца 8 лет, как это обычно принято в Кельне, в вышеуказанном цехе.

В удостоверение чего я, вышеуказанный Иоганн Тойнбург, привесил свою печать к этой грамоте, а по моей просьбе и почтенный Якоб Мергейм, мой кельнский согражданин, также привесил к ней свою печать рядом с моей. Под каковой печатью я, Тенис, подтверждаю, что все приведенные выше пункты верны и что я обязываюсь исполнить их, как и все то, что выше написано обо мне.

Писано 1404 г. накануне обращения св. апостола Павла.

25. ИЗ УСТАВА ЛЮБЕКСКИХ ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕРОВ (1492 г.)

(Wehrmann, S. 217)

Желающий занять положение самостоятельного мастера в цехе должен [помимо выполнения многих других требований] сделать следующие предметы: золотое колечко ажурной работы, английское запястье, запястье, даримое при обручении, гравированное и черненное, и кольцо для рукоятки кинжала. Эти предметы он должен представить старшинам и старейшим членам цеха...

26. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО ДНЯ (1395 г.)

Так как до нашего сведения дошел слух о том, что многие ремесленники, именно ткачи полотна и сукна, сукновалы, шерстобиты, каменщики, плотники и многие другие подмастерья, работающие и проживающие в Париже, хотели и хотят достигнуть того, чтобы [им было позволено] выходить на работу и оканчивать ее когда им захочется, и при этом [хотят], чтобы им платили столько же, сколько и тогда, когда они работали целый день, — что порождает огромный убыток как для мастеров, так и для общественного благополучия, — [постановляем], чтобы впредь все рабочие выходили на работу при восходе солнца и уходили при заходе, пользуясь положенным отдыхом.

27. «МЕРТВЫЙ СЕЗОН» (1350—1351 гг., март)

Выслушав прошение закадычных товарищей Гюга из Аргени, утверждавших, что сукновал Гапот из Теруана, подойдя к самому дому Гюга, обнажил свой меч, говоря Гюгу, что тот коварно прогнал его со службы в мертвый для его ремесла сезон...

28. ЗАКРЫТИЕ КЛУБОВ [1] ПОДМАСТЕРЬЕВ В УЛЬМЕ (1394 г.)

(Из приложений к книге Шанца, № 22, стр. 156).

Мы, бургомистр и Большой и Малый советы Ульма, рассмотрели вопрос о том крупном вреде, который произошел во многих городах благодаря клубам [подмастерьев]. Так как в настоящее время такие клубы распространяются и у нас, то мы, чтобы предупредить вред, который они могут породить, единодушно постановили в общем собрании совета отменить и запретить их. Мы скрепляем присягою постановление о том, что впредь в нашем городе не должны основываться никакие клубы...

29. ПРИЗЫВ К ЗАБАСТОВКЕ, ОБРАЩЕННЫЙ ПОДМАСТЕРЬЯМИ-СКОРНЯКАМИ ВИЛЬШТЕТА К ПОДМАСТЕРЬЯМ-СКОРНЯКАМ СТРАСБУРГА (1470 г.)

(Из приложений к книге Шанца, № 66, стр. 208.) [2]

Сердечный привет, добросовестные дорогие друзья-подмастерья из цеха страсбургских скорняков! Мы просим вас, дорогие друзья-подмастерья, чтобы вы прекратили работу в Страсбурге до тех пор, пока мастера не согласятся соблюдать наши старые обычаи и грамоты, скрепленные печатями [3]. Если же вы не сделаете того, о чем мы просим, то знайте, что все добрые подмастерья поставят вам это в вину и вам придется отвечать за это... Мы надеемся, что вы не пойдете против всех добрых подмастерьев и не дадите уговорить себя. Если бы это случилось, то подмастерья лет 10—20 не забыли бы вам этого. Упаси вас бог от этого. Делайте нам то, что вы хотели бы, чтобы мы делали вам. Порядки же, которые хотят ввести наши мастера, не существуют нигде: ни в немецких, ни в итальянских, ни в языческих странах. Мы, подмастерья, должны крепко держаться друг за друга, ибо мастера других городов поддерживают страсбургских мастеров...

---

[1] Так мы переводим термин Trinkstube. Там происходили собрания и пирушки подмастерьев.

[2] Документ извлечен Шанцем из городского архива Страсбурга.

[3] Ссылкой на старые обычаи подмастерья часто прикрывали новшества. В данном случае борьба между подмастерьями и мастерами шла из-за ряда требований, выдвинутых мастерами. Предполагалось подчинить всех подмастерьев однородным нормам: делать вычеты из заработной платы подмастерья за всякий прогул и за побег его от хозяина, установить определенное время для найма подмастерьев перед рождеством, а главное, лишить подмастерьев чрезвычайно важного для них права — играть роль посредников при найме их мастерами на работу. Клубы были запрещены еще раньше. Подмастерья-скорняки вели борьбу с мастерами десятилетиями, причем подмастерья разных городов объединялись между собой, так же как и мастера разных городов.

VII. ГОРОДСКОЙ БЫТ

30. ИЗ АУГСБУРГСКОЙ КОНСТИТУЦИИ XIII в.

(«Das Stadtbuch von Augsburg», hrsg. von Chr. Meyer, Augsburg, 1872.)

Раздел XIII. *О набатном колоколе*

§ 1. Всякий фогт здесь в Аугсбурге имеет право возвещать набатным колоколом, когда пожелает творить суд над ворами, разбойниками, убийцами, по поводу убийств и всякого рода вредных людей. И если он узнает, что под городом грабят бюргеров, либо если он увидит огонь [пожар], или произойдут распри между бюргерами и гостями, будь то днем или ночью, — он должен приказать ударить в набат.

И если, по соглашению между фогтом и советом, что-либо представится им слишком трудным [для разрешения], фогт должен повелеть ударить в набат. Помимо прав, оговоренных выше, фогт ни в каких других случаях не должен бить в набат без согласия ратманов.

§ 2. Право господина нашего епископа и его бургграфа таково, что если ему, соборному декану и совету бюргеров понадобится колокол, по поводу ли продовольственных дел или ради его [епископских] нужд, фогт может приказать бить в набат.

§ 3. Надобно знать, что колокол должен быть во власти бюргеров и они им должны распоряжаться. И тот, кому они его препоручат, — тот будет ведать колоколом, и в случае пожара, грабежа, кражи или раздоров между бюргерами и гостями, он должен бить в набат ради мира и наказания [виновных].

§ 4. И всякий ратман, который в то время таковым будет, имеет право при виде огня и при грабеже, краже и раздорах, днем и ночью приказать бить в набат, и это не дозволяется никому другому.

Дополнение [без указания даты]. Если фогтом и ратманами принимается публичный закон, о чем бы он ни гласил, и закон этот возвещается при набатном звоне, с указанием штрафа, которому повинен нарушитель, — то штрафу этому подвергается всякий преступивший закон, хотя бы он присягнул перед святыми, что во время принятия закона отсутствовал и допустил его нарушение в первый же день своего прибытия, не будучи извещенным о новом законе.

Раздел XXVII. *О палаче*

§ 1. Палач обязан выполнять все телесные наказания.

§ 2. Если будет пойман человек, которого надлежит обезглавить или повесить, тот, кто его доставил [для казни], дает [палачу] меч, стоимостью в 5 шиллингов, или 6 шиллингов деньгами.

§ 3. Если же [преступника] доставит бюргер, который делит с городом и труд и досуг, он не дает [палачу] ничего.

§ 4. И когда его [преступника] поймают, — то, что у него будет ниже пояса, надо предоставить палачу. И доставивший преступника должен дать палачу 5 шиллингов за то, что тот его повесит.

Если же преступника доставит бюргер, он не платит ничего. А с того, кто осуждается на сожжение за ересь, палачу не следует ничего, ибо это общая нужда всего христианства.

Палач должен приводить в исполнение сожжение, прижигание сквозь зубы, отрезание ушей, вырезывание языка, отсечение рук, выкалывание глаз.

И если он сам поймает преступника, вся одежда последнего достается палачу.

31. СВАДЕБНЫЙ РЕГЛАМЕНТ (конец XIII — начало XIV в.)

Из «Городской книги» Аугсбурга.
(«Das Stadtbuch von Augsburg», hrsg. von Chr. Meyer, S. 244)

Ратманы совместно с Большим советом и общиной порешили отменить обычаи, до сих пор бывшие в ходу на свадьбах, и прежде всего: после того как мужчина пообещал женщину взять в жены, он приглашал ее с подругами на определенный день, и это дорого стоило, люди терпели от этого ущерб, и это не приносило ни пользы, ни благодарности, а потому этот обычай и эти смотрины отменяются, воспрещаются и выносится постановление:

§ 1. Каждый, желающий увидеть свою невесту, должен сделать это в день своего бракосочетания, и помолвка должна последовать в вечер перед самой свадьбой, и на этих-то смотринах жених может принести невесте 5 фунтов или что-либо на 5 фунтов ценностью, и это у самых богатых. И никто посторонний, кроме свекора, свекрови, брата и сестры, ничего не должен приносить и давать — ни колец, ни драгоценностей, ни пфеннигов. Слугам дома можно лишь доставить от 4 до 6 пфеннигов. Когда же поутру невеста встанет, ее друзья и другие лица могут принести ей подарок и дать драгоценности или пфенниги, как это повелось исстари. И ни жених, ни невеста не должны из подаренного ничего никому давать, и все это должно принадлежать невесте.

§ 2. Когда кто-либо женится, то и у самых богатых нельзя приглашать более 30 женщин из подруг невесты и 30 женщин со стороны жениха. Если пожелают на свадьбе иметь мужчин, их следует пригласить не более 60 человек с обеих сторон.

§ 3. И каждая невеста должна вести с собой в баню не более 10 женщин и не свыше того, и каждый жених не более 10 мужчин.

§ 4. Никто не должен к свадьбе преподносить полотняного

платья, кроме жениха, дарящего 2 подвенечных платья и 1 балдахин; и никто не должен больше давать к свадьбе башмаки, лишь жених может принести невесте два башмака или кольцо,— это ему разрешается.

§ 5. Никакому музыканту не следует давать за свадьбу более 2 шиллингов в аугсбургских пфеннигах, и это у самых богатых, а в остальных случаях уплачивают в зависимости от состоятельности каждого. Если же хозяин пожелает дать [музыканту] одежду старую или новую, — пусть дает. И ничего со свадьбы не следует давать музыкантам, кроме тех, которые проживают здесь в городе, имеют дом или, состоя в челяди проживающего здесь господина, едят его хлеб. И указанные музыканты должны довольствоваться тем, что им дают, но никто не должен давать им больше 2 шиллингов, как о том сказано выше. И ни на одной свадьбе ничего не должно быть дано какому-либо иногороднему музыканту. Если пришлют иногороднего музыканта или музыканта с иногородней свадьбы в этот город, ему здесь ничего не следует давать. Ни одного музыканта ни с чьей свадьбы нельзя посылать более чем к одному лицу, и никто не должен ни для какой свадьбы требовать более одного музыканта. И что будет дано музыканту, того, как выше сказано, должно быть достаточно. И кто нарушит законы, изложенные на этом листе выше и далее внизу, или нарушит один из его пунктов, то, будь он богат или беден, должен внести на издержки города 10 фунтов пфеннигов, всякий раз как будет допущено нарушение. И эти штрафные пфенниги должны заприходовать два бургомистра, а затем два баумейстера города. Если же бургомистры это упустят, то их надо высчитать из их собственных пфеннигов [жалованья], причитающихся им за данный год от города.

Если же им это окажется непосильным, Малый и Большой совет могут оказать им снисхождение и снять штраф.

§ 6. Впредь ни одна девушка и ни один ребенок моложе 10 лет, а также ни один человек, находящийся в услужении, не должны есть за свадебным столом. И если девушка в сопровождении женщин шествует на свадьбу, она должна идти рядом с ними и того же должны придерживаться слуги.

§ 9. И если кто-либо пожелает к свадьбе поднести жениху скромный поясок и нож, на том и другом не должно быть серебра более чем на две марки.

§ 10 К ужину в день свадьбы следует приглашать не более 12 мужчин и 12 женщин.

§ 11. Ни одна женщина во время свадьбы не должна переодеваться более двух раз в первый день и двух раз во второй день.

§ 12. Если кто-либо пожелает посвятить дочь свою духовному званию и отдать в монастырь, дитя может собирать на улице вместе с другими детьми и девушками. Но ни одна за-

мужняя женщина или вдова не должна им при этом сопутствовать.

§ 13. Впредь никакой мужчина и никакая женщина, ни богатые, ни бедные, не должны во время рождественских праздников никому ничего давать, ни друзьям, ни музыкантам. Если же лица того или другого пола пожелают угощать в своем доме собственных детей с их женами или зятьями, — они могут это делать, не опасаясь штрафа.

32. КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ (1350 г.)

Из «Городской книги» Аугсбурга.
(«Das Stadtbuch von Augsburg», hrsg. von Chr. Meyer, S. 248—249)

И когда доведется крестить ребенка, вместе с крестной матерью должны идти не более 12 женщин с той и другой стороны. И кто захочет поднять ребенка [из купели], тот должен дать ему не более 3 шиллингов в геллерах, будь это самый богатый человек. И отец ребенка не должен посылать крестному отцу ничего и ничего не должен дарить. Если же при этом будут прелаты, священники или гости, они могут поднести ребенку не более 3 шиллингов в геллерах, и им не следует посылать никакого ответного подарка и не следует давать чего-либо взамен.

Ратманы вместе с тогдашним фогтом, Большим советом и общиной постановили, чтобы ни один клирик и ни один слуга клирика, проживающий в городе на харчах своего господина, впредь в этом городе не носил меча и не имел при себе ножа с лезвием и ножнами более двух пядей, так как из-за мечей и ножей происходили большие распри и великий ущерб, что и впредь еще может повториться. И нарушителя данного постановления фогт или его слуга должен лишить ножа или меча и изгнать его из города на год; и если после этого на протяжении того же года он будет схвачен в городе, без всякого приговора у него надо отрубить руку. Если случится, что какой-либо из слуг клириков этому воспротивится и будет помогать тому, кого подвергают наказанию, его и ему подобных надо карать без всякого снисхождения и пощады.

33. ЗАПРЕЩЕНИЕ НОШЕНИЯ ОРУЖИЯ В ГОРОДЕ (18 ноября 1221 г.)

Из городского права, данного Вене Леопольдом VI

Также предписываем, чтобы ни один чужак не входил в город с налаженным луком, [но] у ворот города он должен снять тетиву с лука; и если у него есть какое-либо дело в городе, пусть он оставит лук в своей гостинице, а, покончив дело, уходит из города, также не наладив лука. А если кто поступит вопреки этому, то у него пусть отымут лук и стрелы без всякого разго-

вора. Также да не будет позволено никому из граждан входить или выходить из города со снаряженным луком. Кто поступит вопреки этому и у кого захвачены будут в городских стенах стрелы с железными наконечниками, тот уплатит судье нашему 72 денария.

34. О ПОЖАРАХ

Из городского права, данного Вене Леопольдом VI

Если в доме какого-либо гражданина возникнет пожар, так что пламя видно будет над крышей его, то он уплатит судье 1 фунт. Если же сгорит весь тот дом, то он судье ничего не платит, довольно с него собственного убытка.

35. ИЗ АУГСБУРГСКОГО РЕГЛАМЕНТА О НИЩИХ (1491 г.)

Совет признал необходимым и постановил: прежде всего впредь запрещается всем, будь то женатые люди, женщины или мужчины, вдовы или холостые, пришлые или местные, бюргеры или жители города, собирать милостыню как днем, так и ночью, иначе как с разрешения и по постановлению почтенного совета, от которого они [в этом случае], должны получить особый значок, а именно жестяной жетон. Указанный жетон надлежит носить и иметь при себе всякому, кто собирает милостыню и без него собирать таковую запрещается. Исключение составляют чужеземные пилигримы и проезжие нищие, которым разрешается здесь просить милостыню в течение трех дней и не свыше. Тем лицам женского и мужского пола, которым, как выше сказано, разрешен сбор милостыни, надлежит выжидать милостыню ежедневно перед церковью, имея подле себя своих детей, которых запрещается рассылать за подаянием. Каждый бюргер или житель города, чья законная жена собирает милостыню с разрешения совета, имея на этот предмет выданный ей значок и ежедневно сидит с детьми перед церковью, — должен каждый воскресный и праздничный день сидеть или стоять перед церковью рядом со своей женой и без возражений принимать милостыню. Тот или те, которые выкажут пренебрежение к этому распоряжению... так же, как и их жены и дети, лишаются впредь права просить милостыню. Совет постановил и строго повелел, чтобы всякое лицо, коему указанным способом будет выдан жетон, было занесено в список по крестному имени и фамилии, и чтобы о каждом таком лице и его поведении имелись сведения и велось наблюдение.

И если будет установлено, что то или иное лицо бесполезно растрачивает собранное подаяние или иным способом допускает злоупотребления и плохо себя ведет, или же, если будет обнаружен человек, собирающий милостыню перед церковью или в другом публичном месте без разрешения, надлежит в подобных случаях поступать сообразно решениям совета, смотря по обстоятельствам дела, законно и без послаблений, соответственно тому, как прикажет совет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Древние кельты и германцы

Варварские завоевания и революция рабов

Франкское государство Меровингов

Франкское государство Каролингов

Феодализация франкского общества в V—IX веках

Византия в VI—XI веках

Феодальное общество X—XII веков

Арабы

Борьба пап с императорами

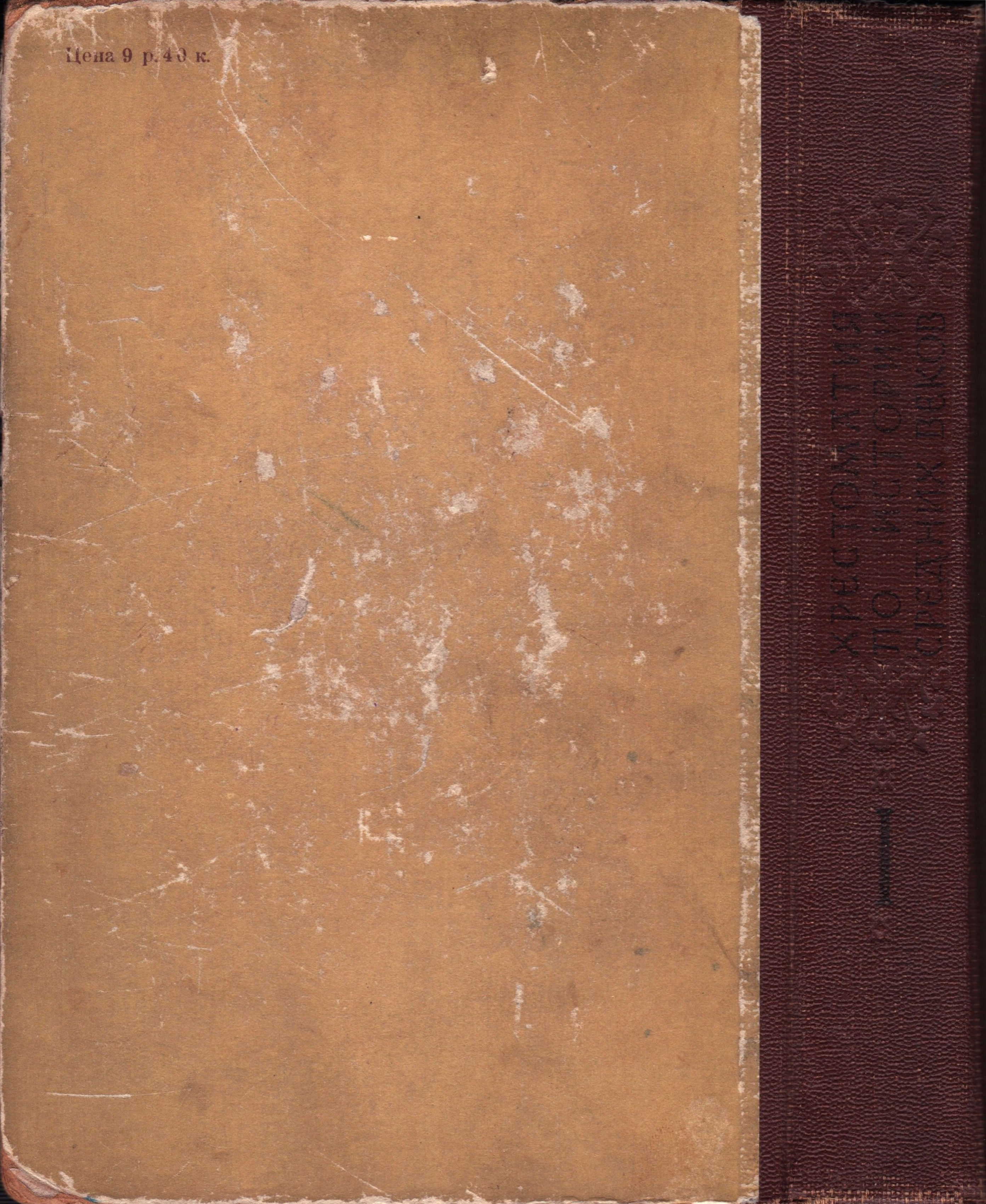
Крестовые походы

Средневековый город

Редактор *Г. И. Трайнина* Технич. редактор *М. И. Натапов*

А 01234. Подписано к печати 21/VI 1949 г. Печатных листов $25^1/_4$.
Уч.-изд. листов 28,53. Заказ № 1293.

Отпечатано в тип. Н-1 с матриц 3-ей тип. «Красный пролетарий» главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.


Цена 9 р. 40 к.
ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
I